

ФАНТАСТИКА 2004

ФАНТАСТИКА

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

ЮЛИЙ
БУРКИН

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

ОЛЕГ
ДИВОВ

ЛЕОНИД
КАГАНОВ

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

И ДРУГИЕ...

2004
выпуск 1

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

ФАНТАСТИКА

2004
ВЫПУСК 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • СРМДК

МОСКВА 2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 22.04.2004. Формат 84х108^{1/32}
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2291

Фантастика 2004. Вып. 1: Рассказы, повести. — М.: ООО
Ф22 «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 700, [4] с. —
(Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-023537-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-1389-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Новый рассказ патриарха отечественной фантастики Владимира Дмитриевича Михайлова.

Новые произведения Евгения Лукина, Владимира Васильева, Сергея Лукьяненко.

Новое погружение в мир Дозоров — повесть Виталия Каплана «Иной среди Иных».

А также: Леонид Каганов, Олег Дивов, Юлий Буркин, Павел Амнуэль... и многие другие.

И конечно, обзоры отечественной фантастики за 2003 год.

Все это в новом выпуске альманаха «Фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

РАССКАЗЫ

Алексей Корепанов

ДИСПЕТЧЕР

— Сто пятнадцатый, чуть-чуть влево... Сто сорок шестой — идешь по курсу, не снижай скорости... Сто седьмой — начинай набор высоты... Сто двадцать второй — не сворачивай...

Я откинулся в кресле, вытащил из пачки сигарету, третью за смену. На экране кружили хоровод разноцветные точки — мои объекты. Ровно полсотни, ни больше ни меньше. Уверенно двигались своими курсами, а если кто-то вдруг зазева-ется, или глаза как следует не протрет, или шлея под хвост попадет — так на то я здесь и дежурю, чтобы вовремя подсказ-ать, подправить... Работа у меня такая — диспетчер. А справа и слева от меня, в таких же прозрачных кабинках, ведут свои объекты такие же, как я. Коллеги.

Мне моя работа нравится. Не так-то просто, конечно, всю смену на экран пялиться, корректировать... Концентра-ция внимания... Экстраполяция... То одному подсказываешь, то другому... К концу смены голова кругом идет — но мне моя работа нравится. У нас тут нет таких, кому не нравится, кто просто номер отбывает — иначе нельзя. Ответственность. И приятно осознавать, что ты нужен, что без тебя никак. Пять десятков объектов разными курсами — и куда бы они залетели без тебя?..

— Сто двадцать третий, не спеши, — советую я и страхи-ваю пепел в пепельницу. — Потихоньку забирай вправо, сто тридцать девятый тебя пропустит. Сто тридцать девятый — уступи.

Да, работа ответственная, ошибки, конечно же, крайне нежелательны, как и в любом деле — случается, и пять, и шесть чашек кофе за смену выхлебашь, ну а уж три — это норма. Казалось бы, чего проще — поручи все это дело компьютеру, пусть считает; и соображает он быстрее, и в кофе не нуждается... ан нет, не годится здесь компьютер. Да и расчеты он молниеносно проведет, и работать может одновременно не с пятью десятками, а хоть и с пятью тысячами, но нет у него того главного, что есть у каждого из нас, диспетчеров, — интуиции у него нет. Что это такое — никто толком вроде бы и не знает... Тонкая это штука и крайне необходимая. Ну откуда у меня, например, уверенность в том, что сто четвертому надо сейчас немедленно снижаться и делать левый разворот? Никак это из его курса не следует. Но я знаю — не предполагаю, а именно знаю, что сто четвертому через шесть секунд, не позже, следует совершить именно этот маневр.

Тушу сигарету, придвигаю микрофон:

— Сто четвертый, чуть ниже и влево, по кругу, против часовой...

Да, без кофе никак. Иначе уже к середине смены начинает шуметь в голове, и глаза то и дело сами собой закрываются. Кофейные автоматы стоят в холле, за нашими спинами. Махнул рукой соседу слева или справа — присмотри, мол, за экраном, — взял свою чашку и туда. Опустил жетон, забрал порцию горячего пахучего напитка — и назад, на рабочее место. Сиди, прихлебывай, наслаждайся. Только у соседа-то своих пятьдесят, некогда ему твоих вести, не все получается... Вот и выходит: вернулся ты с кофе, а твой сто семнадцатый ушел не туда, сто пятьдесят девятый бесполезно третий круг наре-зает, а сто одиннадцатый и вовсе пропал с экрана...

Но тут уж ничего не поделаешь, ты от таких промашек тоже не застрахован. Пока коллега ходил за кофе, ты, краем глаза глядя на его экран, тоже кого-то упустил. Тут главное — не выйти за пределы допустимых девиаций. Четыре-пять отклонений — это вроде как норма, неизбежные сбои, заплани-

рованные потери, они начальством не учитываются. А вот если больше десятка — тогда и с работы запросто вылететь можно. Бывали такие случаи, к сожалению...

Ну, кофе как кофе: полминуты, минута — и ты уже на месте, у экрана. А если по нужде отлучиться требуется? Туалет тоже в холле, только на другой его стороне — но тут за минуту, как ни старайся, не управиться... особенно мне... Сейчас... Тут единственный выход — провести коррекцию курса всех пятидесяти... и надеяться на лучшее. И на того же соседа справа или слева.

Бежишь в туалет, делаешь свое дело — и мигом назад, полагаясь на собственное везение. Но редко когда удастся вовсе сухим из воды выйти. Плюх в кресло, зырк на экран — и видишь: двое-трое твоих уже обязательно напоролись.

Сто шестнадцатый запил по-черному. Сто тридцать седьмой попал в автокатастрофу — перелом позвоночника, и с футбольной карьерой придется распрощаться навсегда. Сто сорок девятая не избежала-таки ни к чему хорошему не ведущей встречи с две тысячи двенадцатым — из другого сектора. Сто первый в мое отсутствие успел уехать на Кавказ, навстречу собственной смерти...

Трудно следить за людьми. Трудно оберегать и направлять их. Но это моя работа.

Я — диспетчер Высшего Круга. Мы с коллегами, сидящими в этом зале, и с нашими сменщиками работаем с жителями Земли. А за стенами, справа и слева, бесконечной чередой тянутся другие залы, где такие же диспетчеры Высшего Круга работают с другими обитаемыми мирами этой Вселенной.

Да, это моя работа, и я стараюсь выполнять ее как можно лучше, но как, скажите мне, избежать беды, которая может в любое мгновение случиться с любым из пяти десятков моих подопечных, если только на дорогу до туалета — через холл — уходит у меня сейчас не меньше трех минут?

Потому что я на костылях.

Потому что вчера, возвращаясь домой со своей нелегкой службы, вдруг ни с того ни с сего поскользнулся буквально на ровном месте...

Евгений Лукин

ПЕРВЫЙ ОТВОРОТ

*Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..*

Александр Блок

От рождения Глеб Портнягин был ангельски незлобив. Однако упрямые надбровья и глубоко вырезанная переносица в сочетании с архитектурным завитком подбородка придавали ему вызывающий вид. Пришлось вырасти драчуном.

Помнится, старый колдун Ефрем Нехорошев, впервые увидев на проспекте юного проходимца, торгующего грубо вытесанными рукоятками астральных мечей, сразу подумал, что хорошо бы иметь такого на подхвате. Пусть даже в смысле магии он окажется бездарен — слабому полу нравятся надменные плечистые задиры. А женская клиентура, надо сказать, всю жизнь была зубной болью старого знахаря.

Ставши учеником чародея, Глеб Портнягин оправдал надежды полностью. Дамы в его присутствии замолкали и, какую бы глупость он ни сморозил, внимали с трепетом. Крайняя молодость кудесника не только не вызывала у них сомнений — напротив, завораживала, чему вдобавок сильно способствовала скупость мимики, усвоенная Глебом еще в пору предварительного заключения.

— Перекрасить ауру? — со сдержанным недоумением спрашивал он. — Зачем?

— Под цвет глаз, — лепетала посетительница.

— Да она у вас и так под цвет глаз...

Из угла слышалось одобрителное побряхтывание старого чародея. Сам бы Ефрем до такого ответа не додумался. В крайнем случае порекомендовал бы контактные линзы под цвет ауры.

Дама изумленно распахивала глаза:

— Разве? А мне говорили...

— Кто? — все так же равнодушно вопрошал Глеб.

— Ну... — Дама кокетливо поводила плечиком. — Один знакомый...

— Колдун?

— Не совсем... Народный целитель. Восточная стоматология.

— Фламенко, что ли? Который подзатыльниками зубы удаляет?

— Д-да...

— Ну, это и мы умеем... — со скукой ронял Глеб. — Короче, выделяется ваш знакомый. Классная аура! «Маренго». Последний писк. Чего ему не нравится?

Посетительница менялась в лице и, забыв об изначальной цели визита, переводила разговор на приворотные зелья.

Если же затруднение действительно требовало вмешательства специалиста, Ефрем Нехорошев вылезал из угла и принимался за дело сам, а ученик отступал за плечо наставника, где мог стоять часами, постигая азы ремесла.

— На душе тяжело, — слезливо жаловалась матрона лет сорока.

— А ты, матушка, когда последний раз взвешивалась? — с обычным своим грубоватым добродушием интересовался Ефрем.

— Каждое утро на весы становлюсь...

На морщинистом челе знахаря изображалась легкая досада.

— Да я не про тело... — ворчливо отзывался он и, не оборачиваясь, подавал знак ученику.

Вдвоем они усаживали посетительницу поудобнее, затем, погрузив в гипнотический сон, вынимали из нее справненькую стыдливо хихикающую душу и водружали на чашу безмена, собранного из астральных сущностей церковной утвари и косой перекладины могильного креста.

— Что-то не так? — с тревогой спрашивала матрона, придя в себя после процедуры.

— Избыточный вес у тебя, матушка... — сокрушенно общал ей старый колдун. — Ну а как ты хотела? Душа должна быть тонкой, звонкой, прозрачной. Плоский живот и все такое... На диету пора садиться... — И, видя испуг на обширном личике, предостерегающе вскидывал морщинистую длань. — Знаю, трудно! А куда денешься? Долг подружке верни, прелюбодеяния сократи в два раза, лжесвидетельствовать прекращай... Так-то вот!

— А кроме диеты? — скулила несчастная.

— Н-ну, можно еще с утра духовную гимнастику попробовать. Скажем, врага своего попрощать... Поначалу разиков этак семь, не больше, а то, знаешь, с непривычки и душу надсадить недолго... Да я тебе все упражнения на бумажку выпишу...

Текст, конечно, можно было бы вывести и на принтере, однако имидж требовал написания вручную. Промурыжив посетительницу еще минут десять, Ефрем вручал ей нечто слегка напоминающее клочок пушкинского черновика, после чего вновь передавал бразды питомцу и удалялся на прямоугольный балкончик чуть просторнее посылочного ящика. На углу железных перил гнездились солнечные часы, древнее устройство, изготовленное безымянным волхвом незадолго до Крещения Руси. Врали они безбожно. Недовольно фыркнув, колдун ногтем переводил тень от стерженька на поделения и возвращался в комнату, где его ждала неизбежная разборка с Портнягиным.

— Ты меня чему учишь? — заходилась Глеб, спровадивший к тому времени клиентшу. — Колдовать? Или мозги телкам пудрить? Так это я и раньше мог! Что ж мне, всю жизнь на подхвате торчать?

«Въедливый... — дивился про себя Ефрем. — Того и гляди по уху смажет! Может, и впрямь из него что получится...»

Тем не менее доверить воспитаннику первую женскую судьбу он рискнул лишь к началу августа.

Она вошла без стука и столь стремительно, что Глеб едва успел ухватить за шкурку ученую хыку, алчно устремившуюся из подкроватных недр к незваной гостье.

— Ефрем Нехорошев... — задыхаясь, произнесла вошедшая, — ...здесь живет?

Со стола запоздало упала вилка.

— Значит, так... — с гаденькой улыбкой изрек старый колдун, переводя честные пуленепробиваемые глазенки с посетительницы на ученика и обратно. — Нехорошев — это я, только женщины, матушка, того... не по моей части... Вот специалист, прошу любить и жаловать...

У Глеба стало холодно в животе, он разжал пальцы — и хыка, обиженно ворча, убралась восвояси. Нагнулся, подобрал вилку, положил на стол. Этого дня он ждал два долгих месяца.

— Нет, позвольте... — возмущенно начала гостья — и примолкла. Перед ней стоял рослый юноша с неподвижным суровым лицом и загадочно бесстрастными глазами. Это подкупало.

— А я пока пойду прогуляюсь... — тихонько примолвил Ефрем.

Гостья была сухошава, стремительна в движениях и тверда на ощупь. Во всяком случае, локоток, за который Глеб галантно ее поддержал, помогая усесться в кресло, по прочности не уступал чугуну. Такое чувство, что Бог сотворил эту даму из ребра батареи парового отопления.

Закурила и принялась рассказывать, время от времени яростно выбрасывая дым из ноздрей. Она — предприниматель. Он — кобелина. Завел кого-то на стороне. Известно даже, кого именно. Требуется отсушить, а когда приползет обратно, она с ним, козлом, разведется.

С задумчивым видом Глеб выслушал историю до конца, затем спросил имя, данное при крещении, и, подойдя к образу Миколы Угодника, затеплил свечу за здоровье рабы Божьей Домны. Убедившись в отсутствии копоты, треска и обильных восковых слез, задул огонек, вернулся к столу.

— Да, — молвил он. — Дело не в вас. Дело в нем.

— Дело в ней! — сверкнула глазами раба Божья Домна, с размаху гася окурок в пододвинутой пепельнице.

— Фотографии с вами?

— Да. На дискете.

— Ну давайте посмотрим...

На устаревшем громоздком мониторе, разумеется, почи-вал серо-белый Калиостро, в данный момент сильно смахивавший на лохматый свалывшийся треух. Впрочем, ничего удивительного: сон его был глубок, а в спокойном состоянии астральная сущность кота, как известно, имеет форму шапки.

Прогонять зверя не стали. Включили компьютер, просмотрели фотографии. Кобелина представлял собою нечто затюканное и одутловатое. В разлучнице же Глеб без особого удивления узнал Танюху Пенскую, чье бескорыстное мужеложство давно уже вошло на Лысой горе в поговорку. Если эта особа хотела морально уничтожить мужчину, то бросала ему в лицо, что он-де застегнут на все пуговицы — и, право, не стоило пояснять, о каких пуговицах речь.

— Понятно... — процедил Глеб. — Капнула месячной крови в вино и дала ему выпить...

Это был обычный Танюхин прием, за что ей не раз влетало от потерпевших, как только о проделке становилось известно.

Обнадежив и проводив железную леди до порога, Глеб не в силах сдержать волнения вышел на балкончик. С болезненной гримасой потирая предплечье, ушибленное невзначай о жесткий бюст гостыи, выглянул во двор. Вскоре из дверей подъезда показалась раба Божья Домна и, с доминошным стуком выставляя каблуки на асфальт, направилась к сверкающему, как антрацит, джипу. Отбыла.

Возвратясь к монитору, Глеб еще раз всмотрелся в одутловатые черты несправедного мужа, затем в избытке чувств погладил по башке спящего Калиостро — и ласковая ладонь была немедленно исхлестана кошачьими ушами.

Кончалась первая неделя августа. Илья Пророк уже совершил с особым цинизмом свой антиобщественный посту-

пок, и вода в озерах заметно похолодела. Продравшись сквозь заросли богохульника, Глеб разулся, подсучил штанины повыше и, зайдя в пруд по колено, приступил к сбору свежих ингредиентов.

Вчерашняя попытка отвадить кобелину от Танюхи обернулась очередным пролетом. Хлопнув в ресторане «Мертвый якорь» стопку водки с отворотным зельем (спасибо Алке Зельцер, работавшей там официанткой!), негодяй двинулся отнюдь не домой, но опять-таки к известной особе, у которой и заночевал. Одно из двух: либо сваренное Портнягиным пойло отличалось замедленным действием, либо усохший и сморщенный корешок, извлеченный из холодильника, успел утратить отталкивающие свойства. Как хотите, а слова остудного заговора («...как кошка с собакой, как хохлы с москалями...») Глеб перепутать не мог!

Неделю назад он начал с того, что попробовал вправить мозги изменщику, воздействуя на него через фотографию. Молодым людям вообще свойственно переоценивать свои возможности. Естественно, успеха попытка не возымела, поскольку требовала куда более высокой квалификации.

Ничуть не обескураженный первой неудачей, Глеб решил перейти к средствам попроще и понадежнее: нашептал на медвежье сало, которым раба Божья Домна следующей ночью тайно смазала преступный орган неверного супруга, — и вновь безрезультатно.

После такого облома акции Глеба Портнягина заметно упали. Железная леди стала поглядывать на него несколько вопросительно, а Ефрем — с откровенной ехидцей. Не иначе ждал, что вот-вот запаникует ученичок, кинется к наставнику за советом, а то и за помощью. Ну, жди-жди...

Портнягин выбрался на осклизлый отлогий берег и призадумался. В отличие от артистов цирка, повторяющих на публике один и тот же трюк, пока не получится, он исповедовал прямо противоположный принцип: в случае провала немедленно пробовать что-либо другое. Беда, однако, заключалась в том, что колдовской его арсенал был пока еще крайне скуден. Хотя... Если не удалось отворожить кобелину от Танюхи, почему бы не попытаться приворожить его к Божьей рабе Домне? Тоже ведь вариант...

Портнягин бросил пластиковый пакет с водяной растительностью под вербу и, наскоро вытерев ступни, принялся обуваться.

— Ну и как оно? — полюбопытствовал старый колдун Ефрем Нехорошев, зайдя в дверном проеме озабоченную физию Глеба.

— Все по плану, — заверил ученик, выхватывая из шкафчика крохотный пузырек темного стекла и вновь устремляясь к выходу.

Подопечного своего он обнаружил за столиком летнего кафе, где тот собирался побаловаться пивком. Задуманное было выполнено дерзко и молниеносно: на пару секунд отведя жертве глаза, Глеб мимоходом выплеснул содержимое склянки в высокий пластиковый стакан. Подопытный мотнул плечью, стряхивая внезапную одурь, и, проморгавшись, поднес одноразовую посудину к губам. Глоток... второй... третий... Затем поперхнулся, вскочил и ринулся к стойке — выяснять, что за отраву ему налили.

Пока скандалист препирался с барменом, возле столика возник местный алкаш с землистым, раскромсанным морщинами рылом и, не кочевряжась, проглотил остаток оскверненного пива.

Дальнейшее достойно удивления. Судя по всему, зелье на кобелину, как и в прошлый раз, ни малейшего воздействия не оказало. Зато причастившийся пойла бомж спустя полчаса уже шастал вокруг особняка железной леди, хрипло исполняя некое подобие серенады, и даже начертал на воротах пронзенное сердце, за что был нещадно травлен бультерьером.

Что предположить? Или раба Божья Домна достала супруга до такой степени, что его теперь не проймешь ничем, или кобелина умнее, чем кажется, и заранее принял меры. Скажем, опоясался лыком по голому телу. Еще, говорят, против колдовских штучек хорошо помогают крапива, плакун и радиоактивная трава чернобыльник. Но лыко надежнее.

Самое печальное, что в запасе у Портнягина оставалось одно-единственное чародейство, вдобавок не имеющее пря-

мого отношения к вопросам любви и верности, а именно — закласть порог.

Глеб поймал такси и велел ехать на Лысую гору.

Фонари во дворе, как водится, не горели. Бледная в синяках луна бессмысленно пялилась на плотные кусты по обе стороны Танюхиного подъезда и на исковерканные конструкции, бывшие когда-то детской игровой площадкой.

Конечно, Глебу Портнягину без крайней нужды не стоило бы появляться после захода солнца в этом районе, однако в том-то и дело, что нужда давно уже стала крайней. Бог с ней с гордостью — на кону стояла карьера колдуна в целом.

Три ступеньки плоского порожка Глеб постарался закласть как положено. Ловушка представляла собой род энергетического капкана: ступившему в нее грозил мгновенный пробой позитива на землю — и, как следствие, необоримый страх. Разум отказывался вообразить придурка, который, вляпавшись однажды в подобную жуть, рискнет это повторить!

Время от времени из лунного полумрака к подъезду устремлялась серая тень — и обязательно вздрагивала, коснувшись подошвой первой ступени. Капкан был именной, настроенный на конкретного человека, и тем не менее отрицателькой от него шибало крепко. Недаром же подвыпившие подростки перекочевали сегодня всей тусовкой в противоположный конец двора!

К половине двенадцатого показался конкретный человек. Шел, подлец, и, насколько можно было судить, улыбался. Не дойдя до подъезда пяти шагов, внезапно прикипел к асфальту, и на одутловатых чертах обозначилась тревога. Почуял, значит. Поколебавшись с минуту, опасно подобрался поближе. Занес ногу — и снова опустил. Неужто догадается обойти?

Есть! Наступил! Приглушенный вопль — и гуляку отбросило от крыльца. Сейчас побежит... Нет. Вернулся и... Глеб глазам своим не поверил: с обезумевшим лицом, подскуливая от ужаса, кобелина тем не менее одолевал уже третью ступеньку. То ли Танюхины чары оказались сильнее, то ли впрямь лыком опоясался...

Одолел. И тогда из непроглядной черноты подъезда навстречу ему шагнул огромный Портнягин. Он был страшен.

— Падла!.. — широко, по-львиному разевая пасть, неистово исторг он. — Да я ж тебя сейчас... в гроб! в рог! в Святую Троицу!.. Еще раз встречу у Танюхиного дома...

Ах, как удирал кобелина! Как он, пакостник, улепетывал! Несмотря на многочисленные синяки, кривая луна светила достаточно ярко, давая Глебу полную возможность насладиться отрадным зрелищем.

— Ноги вырву!.. — кровожадно досылал он вослед. — Спички вставляю!.. Глаз натяну!..

Выдохся. Умолк. И в тот же самый миг мягкие женские руки обняли его сзади за шею. Портнягин похолодел.

— Глебушка... — услышал он хриловатый вкрадчивый голос Танюхи Пенской. — Глупенький... Ревнивый... Да у меня же с ним ничего и не было...

Глеб вырвался — и побежал.

Евгений Лукин

ПРИВЕТ С ТОГО СВЕТА

Неужели князь Талейран умер?

Любопытно узнать, зачем ему это понадобилось.

Мнение современников

Мелкий октябрьский дождик тронул латанные-перелатанные асфальты Божемойки и уполз к южной окраине Баклужино, недавно вновь обретшей свое историческое название — Отравка. Рослый молодой человек с надменными глазами и рельефно изваянной нижней челюстью, направляющийся в ту же сторону, остановился внезапно посреди тротуара, словно бы обнаружив на пути обширную лужу значительной глубины. Никакой лужи впереди, однако, не наблюдалось, и тем не менее прохожий после краткого раздумья предпочел обогнуть невидимое препятствие со стороны проезжей части, где тут же столкнулся с бодрым сухощавым слепцом пенсионного возраста.

— Глухой, что ли? — сердито проскрипел тот. — Не слышишь, куда идешь?

— Прости, отец. Засмотрелся.

— Засмотрелся... — с досадой повторил слепой. — Только и дел у вас, что смотреть! Всю жизнь просмотрите...

— Да ведь осень, отец... — добродушно оправдывался виновный. — Знаешь, какая вокруг красота? Клены — точно уголья...

Слепец презрительно фыркнул.

— А вот этого не надо! — сказал он, как отрубил. — С глюками своими разбирайтесь сами!

И ушел, околавывая палочкой бордюры тротуара.

Из-за угла вывернулась счастливая молодая мамаша, ведущая за руку отпрыска лет четырех. Мальчонка восторженно тарачил глаза и шумно палил в белый свет из воображаемого пистолета. Не замедляя ни шага, ни припрыжки, оба миновали незримую зону, только что обойденную рослым юношей, — и личико мамы злобно заострилось.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты себя вел на улице прилично!.. — ни с того ни с сего визгливо запричитала она.

Послышался треск подзатыльника. Детская мордашка собралась в кулачок — и вдруг распахнулась, как чемодан. Разинув квадратный рот, обиженный отпрыск завопил на всю Божемойку.

Стоящий у бордюра юноша крикнул, покачал головой. «Стану Президентом, — подумалось ему, — заведу такую службу, чтобы флажками эти места огораживали».

На глубине нескольких метров под асфальтом струились стигийские воды забранного в трубы притока Ворожейки, именем которого и был назван весь район. Подобные стоки всегда являются накопителями различной мерзости: посторонней и потусторонней. Время от времени огромный медлительный пузырь отрицательной энергии всплывает оттуда сквозь грунт и, достигнув поверхности, растекается незримым пятном, куда, как видим, лучше не ступать.

Молодой человек усмехнулся несуразной мысли относительно будущего президентства и двинулся дальше. Миновав длинное приземистое строение цвета удавленника, свернул во двор и направился к шестиэтажке из белого кирпича, на стенах которой проступали влажные пятна неуловимо географических очертаний.

* * *

При виде юноши физиономии у хозяев несколько вытянулись.

— Простите... Вы кто?

— Глеб Портнягин, — с достоинством представился пришедший. — Ученик Ефрема Нехорошева.

— А что же сам Ефрем Поликарпыч? — несколько оскорбленно поинтересовался глава семьи. — Мы вообще-то его ждали...

— Он только на дому принимает, — сказал юноша. — Ноги-то уже не те. А транспорта терпеть не может...

Хозяин и хозяйка обменялись скорбными взглядами. Она — рыхлая брюнеточка со вздернутыми бровками и плаксивым ротиком. Он — пепельный блондинчик насекомого телосложения, дерганный, нервный: руки бессмысленно перепархивают с места на место, на впалых щеках то и дело загорается и гаснет чахоточный румянец.

— Ну, показывайте, что у вас... — прервал молчание Глеб.

Поколебавшись напоследок, его пригласили в зал, где под обнаженной стеной возлежал рухнувший ковер. Сама стена была обезображена поверху тремя рядами конических ямок от вырванных крюков. Три ступени прогресса. Все выше, выше, выше — и каждый раз оземь.

— Третий раз падает, — трагически сообщила хозяйка.

— А еще что? — Глеб огляделся.

— По-вашему, этого мало? — вспыхнул хозяин.

— По-нашему, мало, — машинально отозвался ученик Ефрема Нехорошева и двинулся к серванту, приметив за стеклом странный предмет — дешевенький плеер с оборванными наушниками, причем оба проводка, обмотанные вокруг пластикового корпуса, бугрились сложными узлами, явно заговоренными, а главное, очень знакомыми по манере вязки. Кажется, Ефрема работа. — Еще какие-то необычные явления были? — без особого интереса продолжал выпрашивать он, отодвигая стекло и беря зачарованный плеер в руки. — Ну там удары, хлопки, возгорание обоев, полеты мебели...

— Спасибо, нам и ковра достаточно!

Так и не уяснив толком назначения магической штучки, Глеб Портнягин мысленно пожал плечами и, отправив де-бильник на место, вернулся к поверженному коврику. Присел на корточки, осмотрел, колупнул штукатурку. Негативная энергетика, разумеется, присутствовала, но это вполне естественно. Иначе бы и ковер не упал.

— Кошка в доме есть?

— Нет.

— Зря. А собака?

— Что вы!

— Тараканы?

— Какие тараканы? — вспыхнула хозяйка. — Тараканов я сразу вывела!

— Обычно при полтергейсте домашние животные сильно беспокоятся, — задумчиво пояснил Глеб. — А тараканы сбегают. Был у нас один клиент — так он нарочно полтергейст заказывал, лишь бы от них избавиться... Скандалите часто?

— Позвольте!.. — с ледяным бешенством начал хозяин.

Глеб Портнягин утомленно поглядел на него снизу вверх.

— Я ж не из любопытства спрашиваю, — укоризненно напомнил он, поднимаясь с корточек.

— Редко! — отрезал блондинчик. — Можно сказать, вообще не скандалим!

— Тогда это скорее всего не полтергейст.

— А что же?!

— Ничего. Наверно, штукатурка рыхлая. Крюки в стенку вбивать глубже надо... Надписи какие-нибудь под ковром появлялись?

— Ой! — сказала вдруг хозяйка, берясь за выпуклые щеки.

Ноги ее подогнулись. Поддерживаемая с двух сторон, она кое-как достигла дивана, на который и была усажена.

— Была, — испуганно глядя то на мужа, то на Портнягина, выговорила она. — Была надпись. Я ее замыла... Я думала, это он еще до того, как...

— Почерк — его? — упавшим голосом осведомился муж.

— Его...

— Так, — хмурясь, сказал Портнягин. — О ком речь вообще?

Хозяин всполошился, увлек Глеба под локоток в дальний конец комнаты.

— Понимаете, — опасливо оглядываясь на супругу, зашептал он. — Эта квартира досталась нам в наследство. От дяди. Ее дяди... Вреднющий, между нами, старикашка. Своих детей не было, так он на племянниках отыгрывался. На ней в основном, на Леточке... Гадости подстраивать — о-бо-жал!

— Ну например?

— Ну например, она вокруг него увивается, не знает, как любовь свою к нему выразить, а он вместо благодарности лезет в карман и достает портативный детектор лжи. Давит кнопку, на табло, естественно, загорается: «Врет!» Леточка, понятно, в слезы... Так вы представляете, что оказалось?.. Оказалось, никакой это не детектор! Он его сам сделал: батарейка, лампочка, кнопка и окошко со словом «Врет!». Но она-то этого не знала...

— Хм... — уважительно промолвил Портнягин и оглядел стену попристальнее. То, что он принял поначалу за эфирный оттиск левой передней конечности крупного барабашки, обернулось следом руки покойника. Плохо дело. Если умерший продолжает считать себя хозяином жилплощади, изгнать его из родных стен практически невозможно. Привидения в замках, бывает, веками живут. — А что за надпись?

— Э-э, Леточка...

Хозяйка по-прежнему пребывала в прострации: глаза — вовнутрь. Спустя секунду услышала, что к ней обращаются, уставилась в ужасе:

— Что? Что? Что?..

— Содержание надписи не помните? — спросил Портнягин.

Лицо ее мученически перекривилось.

— Да их там две было. Одна: «А что сейчас будет!» — другая: «Привет с того света!» Ох, чуяло мое сердце... — застонала она, раскачиваясь. — Тогда еще чуяло! Умирает, а глаза у самого — хитры-ые...

— Да, вы знаете... — снова подхватывая Глеба под локоток, озабоченно зашептал муж. — Как-то подозрительно он

умирал... Прощения попросил. Сказал, что не раз добром вспомняем... «Добром»! — Глава семьи содрогнулся.

— Так, может, вам с ним просто не ссориться? — осторожно предложил Портнягин. — Не хочет, чтобы ковер на этой стенке висел, — на другую повесьте...

Хозяин свернул губы в трубочку и занялся осмотром ногтей правой руки. Его супруга одарила бестактного гостя испепеляюще-изумленным взглядом. Слезы мгновенно просохли.

— А куда еще вешать? — воинственно спросила она. — Не на противоположную же!

Слегка закрыв стенку и пообещав доложить обо всем Ефрему Поликарпычу, Глеб Портнягин с облегчением сбежал по лестнице во двор и приостановился в раздумье у подъезда.

Вперевалку пробирающийся дворами джип внезапно врубил динамики и разразился мерзким прерывистым воем. Глеб поморщился. Чума сезона. Стиль «Глушилка». Ни слов, ни мелодии — рев один. Вроде бы молодой еще, а современная музыка почему-то уже раздражать начинает...

В архитектурном смысле Божемойка представляла собой очаровательное смешение эпох: пышность сталинского ампира подчеркивалась спартанской лаконичностью хрущевского кубизма и мирно соседствовала с буйной эклектикой новорусских особняков. С удовольствием проделав обратный путь пешком, ученик чародея взбежал на пятый этаж и, толкнув незапертую дверь квартиры Ефрема Нехорошева, сразу услышал нытье очередного клиента.

— Ну что ж это такое? — горестно дребезжал тенорок. — Вот говорят: чтобы деньги были, надо подлецом стать... Вроде и подлец — а денег все нет...

— Э, милый! — весело отвечал ему старый колдун. — Стать подлецом — чепуха! Тут еще талант нужен...

— И тут? — ужаснулся клиент.

— А ты думал! Знаешь вообще, что такое талант? Откуда само слово взялось?

— Д-деньги такие были...

— «Деньги»!.. Полторы тысячи сребреников по тогдашнему курсу. Пятьдесят раз Христа продать! Сумел — значит, талант. Весь бизнес на этом основан, вся политика...

Обменявшись с Ефремом приветственным кивком, Глеб прошел на кухню, где, смешав в определенной пропорции порошок грубого и тонкого помола, сварил себе кофейку. Вызвал в памяти рухнувший ковер, обнаженную стену с отпечатком руки в эфирном слое и сделал первый глоток. Допив, привычным движением трижды взболтнул гущу по часовой стрелке, опрокинул на блюдце, затем досчитал до семи и взглянул, что там осталось в чашке. Сбоку от бывшей ручки (вся посуда в доме Ефрема была битая, зато с безупречной энергетикой) лепилось пятно орнитологического характера. При желании в нем можно было признать ворона (несчастье в доме), голубя (чистую, честную душу — чью, интересно?), лебедя (внезапные деньги), орла (победу после трудной борьбы) и даже, извините, петуха (как ни странно, хорошие известия). Впрочем, гадание на кофейной гуще считается простеньким и не слишком достоверным. Многие сейчас предпочитают осведомляться о будущем тем же способом, но по сивушным маслам чумахлинского первача.

Вскоре в дверном проеме показался спровадивший посетителя Ефрем — в шлепанцах, в халате и с неизменной своей страдальческой улыбочкой на старческих устах.

— Ну и как мой другалек Егорка Надточий? — полюбопытствовал он. — Что там у него стряслось?

— А ты его давно знаешь?

— Да так... Сколдовал ему разок с похмелья, теперь сам жалею. Да и он, наверно, тоже...

Видя, что учитель в добром расположении духа, Глеб представил ему дело в юмористических тонах, особенно подробно расписав историю с липовым детектором лжи.

Вопреки ожиданиям колдун не засмеялся. Даже не улыбнулся.

— Чем же тебе это не детектор? — задумчиво изрек он. — Детектор. Причем самый точный, на все случаи жизни... И ведь как просто, а? Лампочка, кнопочка... Дядя-то, видать, и впрямь не дурак...

Беседа была прервана сигналом мобильного.

— Говорите, — разрешил Портнягин. С нарочитым равнодушием выслушал чей-то длинный и, надо полагать,

взволнованный монолог. — Четвертый раз ковер упал, — негромко сообщил он Ефрему. — Вместе со штукатуркой...

— Вот же настырная баба! — подивился тот.

— Хорошо, попробую уговорить, — сказал Глеб в трубку. — Очень просят, чтобы ты приехал, — пояснил он, снова обращаясь к учителю. — Сейчас машину пришлют...

Да, зрелище было не для слабонервных. Кто не знает, тот наверняка решил бы, что в квартире недавно имел место террористический акт. Тонкая известковая пыль в сочетании с запахом корвалола вызывала спазм в горле. Хозяйка рыдала на припудренном диване. Глава семьи, тоже изрядно припорошенный, стоял, словно бы отшатнувшись от всего сразу. Так, наверное, мог выглядеть аристократ, впервые схлопотавший по мордам.

— Одним ударом всю штукатурку сорвать... — с уважением пробормотал Глеб. — Уметь надо.

— Чего там уметь-то? — ворчливо отозвался старый чародей. — Квантовый вакуум при спонтанных выбросах и не такое творит... Ага! — перебил он сам себя и, осторожно ступая по хрустким обломкам, подобрался поближе к стене. — Тут еще письмецо...

«Дура!!!!!!» — начертано было косметическим карандашом на обнажившемся белом кирпиче. С шестью восклицательными знаками.

— Ну это просто хамство! — расстроено сказал глава семьи. — Еще и Леточкин карандаш испортил...

— Та-ак... — протянул Ефрем. — Сначала, стало быть, ковер сбрасывал, потом штукатурку... Слышь, Егорка! — повернулся он к хозяину квартиры. — Инструмент в доме есть?

— Есть, — с недоумением отозвался тот. — А-а...

— Тащи сюда зубило и молоток.

— Да, но зачем?

— Делай, что велено.

Оскорбленно пожимая плечиками, Егор Надточный удалился и вскоре вернулся с молотком и зубилом.

— Ну-ка, Глебушка, — попросил старый колдун. — Ты у нас тут самый здоровый. Выбей-ка этот кирпич к едрене фене!

Хозяйка, прервав истерику, поднялась с дивана. Тоже подошла посмотреть.

С недовольным видом Портнягин принял орудия труда и, стараясь по возможности уберечь обувь, ступил на погребенный под строительным мусором ковер. К его удивлению, молоток почти не понадобился, украшенный обидной надписью кирпич вынул сам, стоило поддеть его сбоку зубилом. Извлеченная из тайника пластиковая упаковка была туго набита зелеными банкнотами.

— Однако, баксы... — глубокомысленно заметил Ефрем, передавая находку хозяйке.

Супружескую чету хватил столбняк.

— Ш-што это значит? — зашипев, как пробитый шланг, выдавил наконец Егор Надточий.

— То и значит. Сказал: добром вспомняете — ну и вот...

При этих словах старого чародея хозяйка побледнела, попятилась — и, судорожно прижав тугую пластиковую упаковку к груди, осела на диван.

— Боже! — в страхе выдохнула она. — Он ведь это неспроста! Значит, опять какую-то гадость готовит...

Поплутав по осененным алыми кленами дворам, такси выбралось на латанные-перелатанные асфальты Божемойки.

— А дядя-то, оказывается, добряк, — заметил Глеб. — Сколько там было? Штук пятьдесят?

Колдун зыркнул искоса, помолчал.

— Скорее шутник, чем добряк... — покашливая, уточнил он. — Но умен, умен, ничего не скажешь... А ты, Глеб, все это давай на ус мотай! Главное, запомни: когда от тебя каверзы ждут, начини делать добро — свихнутся ведь с перепугу...

Евгений Лукин

СЕДЬМОЙ КОП ИЗ ПЛЕТНЯ СУПОСТАТА

*Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом...*

М.Ю. Лермонтов

Второй день подряд то накрапывало, то моросило. Физические капли бились о крышу, астральные пролетали здание насквозь чуть ли не до фундамента. Души мокли, настроение было соответственное.

— Это где ж тебе так физию русифицировали? — ворчливо полюбопытствовал старый колдун Ефрем Нехорошев, присматриваясь к переплюснутым чертам ученика. Правый глаз Глеба Портнягина был объят траурным фингалом. Левый и вовсе заволокло.

— На митинге, — мрачно отвечивал воспитанник.

— Ишь ты! — подивился колдун. — На митинге! Никак, в политику потянуло?

Ведя отшельнически-запойный образ жизни, он настоятельно относился к любому общественному начинанию, справедливо подозревая в нем напущенную кем-то порчу.

— Да не в политику... — с досадой отозвался Глеб. — Друган у меня... бывший... Склад с ним брали...

— Та-ак... И что?

— Ну, иду проспектом, а там митинг. Потом смотрю — вроде оратор знакомый. Пригляделся — он. Хотел я ему рыло о динамик поправить...

— Другану-то?

— Таких друганов!.. — вскипел Глеб. — Думаешь, из-за кого нас тогда на складе ментовка повязала? Полтора года по его милости отмотал!.. — Насупился, приостыл. — Ну вот всем митингом меня и...

— Суров ты однако... — Старый знахарь, кряхтя, поднялся с табурета, изучил повреждения. — Дай-ка заговорю...

Нахмурился, зашептал. Глеб прислушивался в надежде запомнить слова заговора, но больно уж тихо и быстро бормотал Ефрем. Однажды только проступило из общей невнятицы что-то вроде: «у киски заболи, у собачки заболи...» — а дальше опять пошло неразборчиво.

Обработав последнюю травму, чародей аккуратно наложил на нее заклятие, после чего напутственно чиркнул Глеба кончиками пальцев по маковке. То ли подзатыльником ободрил, то ли астральную слякоть с души стряхнул.

— Слышь, Ефрем, — помолчав, спросил ученик. — А тебе по молодости лет с толпой махаться случалось?

Ответил колдун не сразу — присел на табурет, призадумался. Брюзгливо скомканное лицо разгладилось, подобрело. Юность Ефрема прошла на хуторке, расположенном аккуратно меж двух недружественных колхозов. Корни вражды уползали в седую древность. Надо полагать, животноводы так и не смогли простить земледельцам убийства Авеля, поэтому драки молодежь обоих хозяйств по праздникам учиняла грандиозные.

— Да-а... — выдохнул наконец чародей, и воспоминание осветило его смягчившиеся черты. — Метелились почем зря! Теперь уже не то... Совсем не то... Поймали это мы, помню, одного с «Красного бугая». Там мальчонка-то — с хренову душу... — И дальше — пристанывая от уважения: — Как вертелся! Четверо за ноги, за руки держали! Куртка в руках

осталась — сам ушел! Друг по дружке попали, по нему — ни разу...

— И тебе небось доставалось? — как-то больно уж неспроста продолжал допытываться Глеб.

— А то! Таких однажды плюх с двух сторон наловил — уши поплыли! И еще, прикинь, назавтра встретить обещались...

— Ну! А ты?

— А я — что я? Сколдовать решил. Пришибут ведь, думаю...

— Оберег, что ли, сделал? — с сомнением спросил Глеб.

— Скажешь тоже! — Чародей усмехнулся. — Мне ведь не просто уцелеть — мне еще плюхи им вернуть хотелось! Я ж говорю: молодой был. Обидчивый. Сварил, короче, ататуй...

— Кого-кого?

— Зелье такое, — пояснил колдун. — Ататуй называется... А оберег — нет. Ататуй с оберегом не ладят. Тут надо либо то, либо это...

— Ну! И как же ты его варил?

Колдун озадачился, заморгал:

— погоди, что ж я брал-то?.. А! Седьмой кол из плетня супостата...

— Ты ж говоришь, тебя толпой били...

— Нет, ну не у всех, ясное дело, колы дергать! Только у главаря. Причем брать не абы когда, а сразу по первой звезде — и чем быстрее, тем лучше...

— Это понятно... Считать от угла или от калитки?

— Без разницы. Я от угла считал...

— А если, допустим, штакетник у него?

— Ну, значит, седьмую штакетину выломить.

— погоди-погоди! А варить-то ее как?

— Да не варить! — Колдун вздохотнул глумливо. — Из дровины этой костерок складывают, а на него уже шлем ставят...

— Опа... — тихонько выдохнул Глеб. — Что за шлем?

— Лучше всего, конечно, рыцарский — со дна Чудского озера, но таких теперь не добыть. Во-первых, заграница, во-вторых, ржавь, а в-третьих, там сразу после побоища, лед еще не сошел, а волхвы да колдуны все уже повыгребли.

Потому сейчас ничего и не находят — даже с металлоискателем... Ну а замена какая тут может быть? Солдатская каска. Или пожарная. Но с трагически погибшего!

— Ага... — пробормотал Глеб, явно размышляя, где достать подобную посуду. — И что туда класть?

Чародей возвел глаза к потолку, подставив лицо незримым астральным каплям, и принялся перечислять. В рецепт входили и лапка жабы, и пепел повестки из прокуратуры, и одолень-травы, и хрен-травы, и укроп-травы... много чего входило!

— Во-от... Помешивать непременно посолонь...

— Это как?

— По часовой стрелке... Пальцем убийцы.

— Отрубленным?!

— Ну а каким же!

— Да где ж его взять?

— Н-ну... В морге попросить можно...

Глеб прикинул — и повеселел. Ненадолго. На миг.

— Так это что ж потом? — содрогнувшись, спохватился он. — Самому, что ли, пить?!

Гитлеровскую каску с выразительной осколочной пробоиной в районе виска Глеб выменял на пузырек отворотного зелья у вахтера краеведческого музея. Вопреки ожиданиям, на диво легко удалось приобрести и палец убийцы. Сотрудница морга, смешливая деваха, с которой воспитанник колдуна учился когда-то в параллельных классах, выслушав просьбу, приснула и спросила:

— Тебе сколько?

Думал, шутит. Выяснилось — ничего подобного: не далее как вчера некий вспыльчивый пенсионер, обидевшись за что-то на паспортный стол, заявился туда с толовой шашкой. Пол-очереди уложил и себя за компанию. Так что пальцев хватало.

В итоге, как это ни странно, самым сложным и рискованным предприятием оказалось изъять седьмую от угла штакетину из забора Никодима Людского (так звали бывшего друга, а ныне заклятого врага Глеба Портнягина). Собственно, само-то изъятие тоже особого труда не составило — се-

рая от дождей рейка держалась всего на одном гвозде. А вот убежать пришлось быстро.

Вернувшись с добычей, Глеб застал Ефрема непривычно тихим и благостным. По сморщенным устам старого колдуна бродила мечтательная улыбка: не иначе все еще вспоминал боевую юность.

— Да, кстати, — встрепенувшись, сказал он. — Знаешь, что я еще тогда в варево клал? Сушеного шершня, в ступке растертого...

Благо, стояла осень, и с дохлыми сухими шершнями в Баклужино было особенно хорошо. Зелье Глеб на всякий случай варил при лунном свете, чтобы крепче вышло. По черно-серому пустырю, прилегающему к кладбищенской стене, шмыгали тени, собиралась к малому костерку выродившаяся нечисть городской окраины. Помешивая варево посолонь привязанным к пруту пальцем престарелого убийцы, юный чародей угрюмо шевелил ноздрями и еще сильнее ненавидел бывшего друга, из-за которого ему придется потом все это выпить. До дна и залпом.

К двум часам остуженное зелье ататуй было слито в особую склянку. Оставалось выяснить время следующего митинга — и, задержав дыхание, произвести первый глоток.

Лишь бы обратно не полезло!

Минуло два дня. На улице похолодало. Старый колдун Ефрем Нехорошев сидел на табурете и прикидывал, как бы это половчее приспособить заиклившегося барабашку в перегоревшем электрокаmine, когда хлопнула дверь — и на пороге живым укором возник Глеб. Лицо его выглядело разбитым.

Учитель и ученик молча смотрели друг на друга.

— Ну? Как?

— А то не видно? — злобно процедил юноша.

Старый колдун озадаченно почмокал губами.

— Крепко досталось?

Ответа не последовало.

— Но хоть помогло чуток? — с надеждой спросил Ефрем.

— Какое там «помогло»! — взорвался Глеб. — Вообще не сработало...

Чародей опечалился, покивал.

— Вот и у меня тоже... — сокрушенно признался он. — Ох, помню, и вломили мне тогда! Еле ноги унес...

И тихая ностальгическая улыбка вновь тронула сухие сморщенные губы старого колдуна.

Владимир Васильев

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ

(Фантастический рассказ-диптих)

Часть первая, почти не фантастическая Станция «Маросейка»

Глебыч в этот вечер поддал крепенько. Не до полного свинства, как иногда, увы, случается и с самыми достойными людьми, — только до блаженной улыбки, восхитительно нетвердой походки и того неповторимого состояния души, когда любишь весь этот скотский мир, невзирая на всю его неоспоримую скотскость. В метро Глебыча пустили в общем-то без эксцессов, хотя бабуля на входе глянула с укоризной, а молоденький милиционер с некоторым сомнением в голосе и позе осведомился:

— Куда ехать-то помнишь, гуляка?

— Обжаешь, слживый! — максимально бодро ответил Глебыч, глотая половину гласных. Хотел было рукой махнуть, бесшабашно эдак, но вовремя спохватился: не хватало еще потерять равновесие и растянуться на выложенном плиткой полу, между турникетами и милицейскими ботинками. —

«Измйльвский прк», дже бз прсадок! Последний вгон, чтоб к выхду пближе!

— Ну-ну... — пробурчал милиционер без энтузиазма. — Ладно, ступай... Не усни только. Если доедешь до «Щелчка» — оттуда уже не отпустят.

Глебыч благоразумно смолчал и осторожно зашагал к эскалатору по довольно замысловатой синусоиде, но в общем и целом уверенно.

Садился он на «Арбатской», так что ехать действительно предстояло без пересадок, что в его положении являлось безусловным плюсом. К тому же было уже сильно за полночь и на переход легко можно было и не успеть. Учитывая возвышенное состояние.

Поезд пришел очень удачно — буквально через минуту после того, как Глебыч плюхнулся на ближнюю к концу платформы скамейку. Благополучно погрузившись в последний вагон, Глебыч подумал: «Эх, чего бы в Москве без метро народ делал? До утра добирался бы, ей-ей...»

Поезд тронулся. Под мерное покачивание Глебыч не боялся уснуть: покачивание вагона убаюкивало, но почему-то никогда не усыпляло, не то что качка на воде. На какой-нибудь лодчонке или теплоходе Глебыч мог отключиться в пять минут, но в метро — никогда. Проверено годами.

Примерно посередке перегона «Площадь Революции» — «Курская» поезд почему-то пошел тише, а потом и вовсе остановился.

«Во! — Глебыч порадовался собственной мудрости, когда не поленился дойти до «Арбатской». — Точно на переход не успел бы!»

Тот факт, что в противном случае пришлось бы ехать по другой ветке, где поезд совсем не обязательно стоял бы какое-то время в тоннеле, от внимания цинично ускользнул.

Стояли долго, несколько минут. А потом во всех вагонах неожиданно погасли лампы, только жиденький свет аварийного осветителя где-то позади на стене тоннеля позволял видеть хоть что-нибудь. Особенно после того, как глаза привыкли к темноте.

Кроме Глебыча, в вагоне ехали только двое парней с пивом и среднего возраста военный, читавший газету в про-

тивоположном от Глебыча углу. Без света ему, понятно, стало не до чтения — было слышно, как он нервно шелестит своим «Спорт-экспрессом».

Глебыч, по-прежнему совершенно не расстроенный задержкой, обернулся и поглядел наружу, в неверную тьму. На миг ему показалось, что тьма за стеклом стала чуток плотнее, нежели в вагоне.

А потом...

Тьма словно на самом деле сгустилась за окном, совсем рядом и внезапно рывком перескочила из тоннеля в вагон, окутав Глебыча, поглотив его. Стало трудно дышать.

Очнулся Глебыч только за «Электровозовской». Военного с газетой в вагоне уже не было; двое парней как ни в чем не бывало дули свое пиво; добавился мрачный тип, похожий на скорого кандидата в бомжи, но пока еще не докатившийся до соответствующего состояния одежды и внешности. В ушах эхом отдавался голос дикторши: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Семеновская».

Глебыч потряс головой. В голове было гулко и пусто. Неужели все-таки уснул? Быть не может!

Секундой позже Глебыч сообразил, что хмель из его организма непостижимым образом улетучился и нынче он трезв до сквозняка из уха в ухо.

На «Измайловском парке» он совершенно твердой походкой покинул вагон и в состоянии легкой ошарашенности поднялся по лестнице. Вышел из вестибюля под открытое небо, поглядел на тусклые фонарики звезд, вдохнул ночного воздуха.

«Чудеса! — подумал Глебыч малость растерянно. — Протрезвел!»

Уже дома, минут через пятнадцать он обнаружил в кармане куртки прямоугольничек плотной бумаги, которого еще на «Арбатской» там не было.

Визитная карточка. Плотная, черная, глянцевая. С золотистыми надписями: по центру — «Гений Подземки»; ниже — «Москва», еще ниже, мелким шрифтом — «Арбатско-Покровская линия».

И все. Ни адресов, ни телефонов.

— Чертовщина какая-то! — пробормотал Глебыч уже вслух и задумчиво опустил на обувную тумбу.

Визитка осталась на ней же до утра.

Уснул Глебыч почти сразу, едва разделся и повалился на широкий раскладной диван.

О визитке он вспомнил, только когда обувал утром любимые туфли-«вездеходы». Черный прямоугольничек мирно соседствовал на тумбе рядом с совочком для обуви, в свое время позаимствованным из гостиницы «Нарва» в Белозерске. Визитку Глебыч не тронул, так и ушел, оставив ее на прежнем месте.

И на следующий день не тронул. И днем позже. И неделей.

Только спустя почти месяц, когда на тумбе накопилось слишком много всякой бумажной мелочи наподобие использованных карточек для метро или типографского спама, щедро насыпаемого распространителями в почтовые ящики московских домов, Глебыч сгреб этот ворох и пошел к рабочему столу разбирать. Несколькими минутами спустя карточка нашла новое пристанище — в стопочке визиток за стеклом книжного шкафа.

Вскоре Глебыч и думать забыл о странном происшествии в метро и какой-то там визитке. Жизнь катилась по накатанной колее: статьи, редакция, гонорары, редкие походы с приятелями в баню или на стадион, телевизор, пиво под ЦСКА—«Локомотив» или, к примеру, «Реал»—«Манчестер Юнайтед». Жизнь вообще редко преподносила Глебычу сюрпризы, да и редкие знакомые от него никаких сюрпризов не ждали. Он был существом очень обыденным и негероическим, к чему привык с детских лет и никогда не пытался перебороть свою одинокую планиду.

В урюмую ноябрьскую пору, когда мир сер и слякотен и на улице находиться совершенно не хочется, Глебычу пришлось посреди дня заскочить в редакцию — нужно было срочно вычитать важный материал, причем в распечатке, а не в файле. Много времени это не заняло, но день был безнадежно растрачен: в Москве планировать больше одного выездного дела бессмысленно, все равно не успеешь. Гле-

быч собирався с утра пошарить в Интернете: вырисовывалась интересная статья и стоило восполнить пробелы в знаниях. А после обеда рассчитывал наварить борща, позвать соседа Витьку и усидеть предпраздничную бутылку «Гжели», каковую Глебыч у Витьки же и выиграл недавно на спор. Но позвонил ответсек и замечательный план рассыпался, как старый шалаш в бурю. Пришлось одеваться, выходить из дому в промозглый ноябрь, брести к метро...

Правда, из редакции Глебыч возвращался с уже улучшающимся настроением: похоже, борща наварить он все-таки успевал, причем успевал даже завершить сие священнодействие в достаточно разумное время, чтобы их с Витькой посылки Витькина жена не обозвала «ночным кукованием».

Да и вообще домой возвращаться всегда приятнее, чем уезжать.

Короче, стоял Глебыч у края платформы на «Пушкинской» и предвкушал. Из темного зева тоннеля потянуло ветерком — приближался поезд, уже и свет фар замерцал.

И тут на рельсы свалился ребенок — пацан лет трех-четырех в неуклюжем комбинезоне-дутьше, купленном явно на вырост. Момент падения Глебыч пропустил, вдруг глянул и обомлел: пацан на рельсах и визг тормозов накатывается.

Дальнейшее произошло само по себе: ни подумать, ни испугаться Глебыч не успел. Он как-то очень просто и естественно оказался рядом с малышом, сцапал его экономным и выверенным движением (и откуда что взялось?) за воротник, выпихнул наверх, в толпу, сам подпрыгнул, налег грудью на платформу, ухватился за чью-то протянутую ладонь и через несколько мгновений почувствовал ощутимый удар по ноге — это был привет от не успевшего затормозить поезда. Но Глебыч, равно как и пацан, были уже в безопасности. От тычка Глебыч просто опрокинулся с четверенек на бок, но никаких повреждений не получил, даже больно не было.

Что тут началось! Мамаша, белая, как привидение, что-то шептала, одной рукой прижимая к себе пацаненка, другой судорожно вцепившись Глебычу в рукав. Пацаненок ревел белугой. В толпе кто-то возился и истошно вопил: «Это он, он ребенка толкнул!» Кто-то хлопал Глебыча по плечам,

попеременно по правому и левому. Потом машинист прибежал — глаза квадратные. В центральном зале раздавалась звонкая трель свистка и чей-то авторитетный голос требовал: «Пройти дайте! Посторонись!»

Поминали милицию, которая по идее вот-вот должна была появиться.

Мамаша наконец отпустила рукав Глебыча и прижала сына к себе. Тот все орал, но уже заметно тише. Глебыча шатнуло, кто-то тут же громко произнес: «Дайте ему сесть!»

Глебыч быстро оказался у лавочки, но тут толпа колыхнулась — в проход протискивался милиционер. И как-то незаметно Глебыча вынесло на самую середину зала; почему-то никто на это внимания не обратил, хотя еще секунду назад локальным центром вселенной являлись мамаша, спасенный и спаситель.

А окончательно в себя Глебыч пришел в переходе: с «Пушкинской» он зачем-то отправился на «Чеховскую». Лица вокруг были сплошь незнакомые. Похоже, от разборок и нового потока благодарностей удалось благополучно ускользнуть, чему Глебыч был в принципе рад, поскольку от недавнего шепота мамаша чувствовал необъяснимую неловкость. Поэтому он уже целенаправленно перешел с «Чеховской» на «Тверскую» и стал ждать поезда до «Театральной».

А потом с немалым удивлением спросил себя: а чего это он, спрашивается, торчал сегодня на «Пушкинской»?

Всю жизнь, сколько себя помнил, Глебыч ездил домой естественным и рациональным способом: «Тверская» (ранее — «Горьковская») — «Театральная», вперед по ходу поезда, пересадка на «Площадь Революции» (длинные эскалаторы, на которых всегда хорошо читалось) и прямехонько домой, до «Измайловского парка».

Сегодня Глебыч почему-то решил проехать от «Пушкинской» до «Таганки», там пересесть на кольцо, проехать одну остановку до «Курской» и на родимую Арбатско-Покровскую перейти только там, поскольку прямой пересадки с фиолетовой ветки на темно-синюю в природе не существовало.

Но почему он так решил — Глебыч не понимал напрочь. Неудобный же маршрут, две пересадки! Зачем? И ведь если

бы не это нелепое решение — так и не увидел бы Глебыч малыша на рельсах. И кто знает, что бы с тем стало в этом случае? Нашелся бы кто-нибудь, кто не побоялся бы прыгнуть с платформы на помощь?

Впрочем, при чем тут «не побоялся»? Можно подумать, Глебыч раздумывал — боится он или не боится. Прыгнул, ничего не соображая, и все. Хорошо еще, что мальчонку успел отбросить и сам вылезти на платформу успел. Мог бы и не успеть...

Но об этом думать совсем уж не хотелось.

Домой он добрался пришибленный, Витьке звонить не стал, откупорил «Гжелку» как был в куртке и сапогах и залпом засадил почти полный стакан.

Нельзя сказать, что Глебычу полегчало: ему не было плохо и до стакана. Но стало определенно лучше.

А когда Глебыч с легким стуком утвердил пустой стакан на столе и утробно крикнул, обнаружил, что рядом с бутылкой «Гжелки» на скатерти лежит визитка Геня подземки. Как она переместилась с полочки шкафа на кухню, Глебыч снова-таки не выяснил, ни в первые минуты, ни потом. Он просто взял ее со стола и сунул во внутренний карман куртки, рядом с паспортом.

«На счастье», — подумал он.

Борща в этот день (а точнее, вечер) Глебыч все-таки не наварил, но совсем не расстроился из-за этого. Тем более что на завтра узнал: Витек и жена его ненаглядная все равно с трех часов дня и до часу ночи пробыли в гостях.

К утру Глебыч окончательно успокоился, мандраж сошел на нет, осталось только неожиданно светлое чувство удовлетворения своим поступком, пусть даже ненамеренным и спонтанным. И утренний звонок из редакции его совершенно не расстроил. Снова предстояло ехать в центр, но за окнами, не в пример вчерашнему, светило солнце и настроение попросту не желало ухудшаться. А тут еще звякнул Сева Баклужин, сказал, что готов прямо сейчас заехать и завезти долг. Глебыч, разумеется, не возражал.

Удачи накладывались одна на другую: Сева, оказывается, ехал на «Белорусскую» и мог подбросить Глебыча на своей

лихой «субару» чуть ли не до дверей редакции. По дороге они умудрились не вляпаться ни в единую пробку, проклятие автомобильной Москвы. Работа в итоге оказалась плевая, Глебыч справился с нею буквально за час. Перед самым его уходом сотрудникам стали выдавать давно обещанную премию, так что (если учитывать и возвращенный Севой должок) из редакции Глебыч выходил с весьма туго набитым бумажником. По пути к метро он прикидывал (раз уж завелись деньги), чего в ближайшее время прикупит: музыкальный центр или новый монитор. В принципе хотелось и того, и того.

Немного не дойдя до Пушкинской площади, Глебыч неожиданно завернул в «Елки-Палки», отведал «Тамерлана» под пиво и совсем уж в благодушном настроении наконец-то спустился в метро. На этот раз он следовал вполне логичным и естественным маршрутом, через «Театральную» и «Площадь Революции».

Перейдя на родимую ветку, Глебыч успел вклиниться в толпу, которая мерно втягивалась в открытые двери одного из центральных вагонов. Пассажиров было действительно много, даже до поручней дотянуться толком не удалось. Да и в вагон уместились не все, кое-кто остался на платформе.

«Надо будет на «Курской» пересесть ближе к хвосту, — подумал Глебыч с ленцой. — Если удастся...»

Створки дверей с характерным звуком схлопнулись.

«Осторожно, двери закрываются, — запоздало объявила дикторша, — следующая станция — «Маросейка», пересадка на станции «Китай-город» Калужско-Рижской и Таганско-Краснопресненской линий».

Долгие несколько секунд Глебыч соображал — что же это значит? Потом боязливо покосился на соседей.

Тех, казалось, ничуть не смутило объявление дикторши, словно станция «Маросейка» действительно существовала. Но Глебыч прекрасно помнил, что никаких станций между «Площадью Революции» и «Курской» нет и никогда не было.

Совершенно сбивый с толку, Глебыч вывалился из вагона на станции «Маросейка». Станция как станция — гранит, мрамор, панели с филигранной резьбой, колонны, помпезные сталинские светильники, в центре зала — небольшая

скульптура на постаменте, изображающая Богдана Хмельницкого верхом и с булавой в руке. В восточном торце — длинный эскалатор, выход в город, на Маросейку и переулки Армянский и Старопосадский; в западном — эскалатор на спуск; однако если верить указателю, он тоже выводил в город, на улицу Маросейка и Лубянский проезд; одновременно он вел на пересадку. Видимо, выход на поверхность был устроен через станции «Китай-город». Глебыч отправился на разведку — спустился и оказался в хорошо знакомом вестибюле, причем появился Глебыч из того места, где раньше имелась глухая стена и бюст Ногина перед нею. Бюст теперь стоял у другой стены, справа, посредине между залами «Китай-города». Если пройти прямо, можно было выйти из метро, на Старую и Новую площади, или на ту же Маросейку, или на Лубянский проезд. Но Глебыч выходить не стал, свернул на ближний к нему «Китай-город»; потом перешел на второй.

В обоих залах «Китай-города» все оставалось как обычно, за исключением разве что дополнительных надписей на указателях. Везде, на любой табличке станция «Маросейка» значилась между «Площадью Революции» и «Курской», словно существовала на Арбатско-Покровской линии изначально. И никто, ни единый человек не удивлялся существованию этой станции, кроме разве что Глебыча.

Видимо, он действительно привлекал внимание, бесцельно бродя по станции, потому что вскоре в зале появился милиционер, нечувствительно возник на пути и потребовал документы. Глебыч предъявил, и паспорт с регистрацией, и журналистское удостоверение.

— А, — понимающе протянул милиционер, возвращая документы. — Материал для статьи собираете? Что ж, удачи, удачи...

Он козырнул.

— Скажите, — по возможности непринужденно справился Глебыч, — а давно вы на этой станции работаете?

— Да лет пять уже. — Милиционер поправил фуражку и с интересом поглядел на Глебыча. — А что? Что-нибудь криминальное описать хотите?

— Нет-нет, я больше по истории и архитектуре, — то-ропливо увильнул Глебыч. — Да и пора мне уже! До свидания.

К платформе как раз подошел поезд, направляющийся к «Курской».

Глебыч шмыгнул в вагон, тоже набитый достаточно плотно, и принялся настойчиво протискиваться к схеме у соседних дверей.

Наверное, у него был вид человека, которому действительно крайне необходимо взглянуть на схему метро, потому что люди уступали дорогу на удивление безропотно, без косых взглядов и дежурного мата вполголоса.

Схема как схема — сколько раз Глебыч такие видел. И в метро, и на улицах, и на календариках, и на рекламных буклетах. Все привычно. Линии, станции. Вот только узел на «Китай-городе» действительно трехстанционный. Кроссплатформенная пересадка с рыжей на фиолетовую ветки и обратно, и станция «Маросейка» рядом.

Больше никаких отличий от того, что хранилось в памяти, Глебыч не нашел. И до «Измайловского парка» доехал совершенно как обычно, хотя озирался при этом, наверное, как марсианин. Уже на улице около метро у него снова проверили документы, а ушлые тетки с бэджами дважды предложили номер в гостинице.

Глебыч иногда почитывал фантастику и с термином «альтернативная история» был неплохо знаком. В принципе он видел случившемуся лишь два объяснения: либо приключилось банальное сумасшествие, когда видишь то, чего нет, либо его неким невообразимым образом засосало в параллельную реальность, где станция «Маросейка» действительно существует. Но тогда в окружающем должны быть и иные детали, отличные от привычной Глебычу реальности. Потому он и озирался, собственно.

И одновременно, холодея, осознавал: насколько же мало внимания мы обращаем на окружающий мир! Вот, к примеру, рекламный плакат у дороги. Что было на нем изображено вчера? Глебыч дважды проходил мимо, но не помнил даже, какого цвета этот плакат. Сейчас на плакате красовался космонавт в скафандре на фоне половинки земного шара, а также

две гигантские пачки сигарет «Союз-Аполлон», синяя и белая. Надпись гласила: «Знай наших!» В самом низу еще имелась строка, предупреждающая о вреде курения.

Как назывался цветочный павильон рядом с троллейбусной остановкой? Сейчас — просто «Цветы». А вчера? Вроде бы «Букет». Или тоже просто «Цветы»?

Был ли чуть в стороне от дороги квадратный раскоп, огороженный кокетливой полосатой ленточкой? А надпись на заборе — вот это небрежное «Россия для русских!!!» — была?

Впрочем, надпись — дело дурное, а потому нехитрое. Ее в любом мире сначала вроде нету-нету, а потом в одночасье: бац — и есть.

В общем, к дому Глебыч подходил вконец издерганный, поскольку ни единого внятного отличия обнаружить не сумел. Однако на всякий случай приготовился к самому ужасному: к тому, что в его квартире живет некто посторонний, причем живет давным-давно и вполне счастливо. И слыхом никогда не слыхал о каком-то там Глебыче из реальности, где нет станции метро «Маросейка».

Однако страхи оказались напрасными. Уж свою-то дверь Глебыч мог описать чуть ли не по квадратному сантиметру, от еле заметных силуэтов некогда наклеенных, а позже бесстыдно спертых какими-то крохоборами цифирок — номера квартиры — до надорванного (после заноса негабаритного дивана) дерматина на уровне колен. И звонок свой, родной, на одном шурупе, но тем не менее незыблемый, как Монблан или Майкрософт. И ключи подошли к замкам. И внутри все было до боли знакомое и родное — мебель, пыль, запахи.

Кое-как переодевшись в домашнее, Глебыч еще долго шастал по квартире в надежде отловить какую-нибудь подозрительную мелочь.

Тщетно.

Потом возникла мысль о телевизоре, и несколько долгих часов Глебыч терзал пульт, выискивая на многочисленных каналах новости или иные информационные передачи, способные подтвердить его опасения. И снова ноль — убери из сегодняшнего дня станцию «Маросейка», мысли об альтернативном мире никогда не пришли бы Глебычу в голову.

Когда к телевизору он охладел, возникла следующая мысль: Интернет! И не что-нибудь, а www.metro.ru! Вот что может пролить свет на сегодняшние чудеса!

Компьютер, как назло, грузился лениво и долго. И на «Юникорн» было не дозвониться — лишь через четверть часа линия капитулировала и отдалась модему. И сайт грузился так, словно на него именно сейчас ломанулся весь компьютеризированный мир и укупорил канал плотнее плотного.

Но все же в конце концов Глебыч выяснил, что станция «Маросейка», оказывается, проектировалась и была запущена вместе с соседними «Площадью Революции» и «Курской» в далеком 1938 году, причем задел на будущее сопряжение с тогда еще безымянными станциями сразу двух линий на «Площади Ногина» (или как там она называлась в тридцать восьмом?) был оставлен загодя и частично расконсервирован лишь в 1970-м, а окончательно — в 1975-м, с пуском соответствующего участка Таганско-Краснопресненской линии. Станция «Маросейка» значилась как одна из немногих старых станций, не имеющая наземного вестибюля. Точнее, вестибюль пришлось встроить в одно из исторических зданий на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка.

В растрепанных и смешанных чувствах Глебыч отошел ко сну.

Проснувшись, Глебыч долго прикидывал — приснились ему вчерашние непонятки или же он помалу сходит с ума. В глубине души он прекрасно сознавал: нет, не приснились. И все же не удержался, как был, в футболке и семейных, в цветочек, трусах (невзирая на то, что семьи у него никогда не было и не предвиделось), шастнул к компьютеру и поставил диалер на дозвон в Интернет, а сам покуда удалился в сторону совмещенных удобств: зубы чистить и все такое прочее.

Когда Глебыч вернулся, компьютер уже установил связь. Медленную, как всегда днем, всего на девятнадцать двести. Но этого вполне хватало, чтобы по сохранившейся вчерашней ссылке загрузить нужную страницу с metro.ru.

Надежды его были напрасны. Станция «Маросейка» прямо вросла в привычный мир, пустила корни, глубокие, как у саксаула, и исчезать ни разу не собиралась.

И тогда Глебыч немного даже рассердился:

«И чего это я? Если схожу с ума — беспокоиться поздно. Плюнуть и принять! Тем более удобная же станция, к Баклужину на «Алексеевскую» теперь будет куда сподручнее ездить, да и вообще... Скольким людям она жизнь облегчит? Тысячам? Даже нет — миллионам! Метро, говорят, за сутки девять миллионов пассажиров по Москве растаскивает туда-сюда. Вот пусть и радуются! А я буду просто жить! И тоже радоваться, вместе со всеми! А в будущем году «Парк Победы» откроют — тут радость вообще через края польется!»

Единственное, что чуточку портило тщательно выстроенную благолепную картину, — непонятная черная визитка и особенно обстоятельства ее появления у Глебыча, а также некоторые ее подозрительные свойства, связанные с умением самостоятельно возникать то там, то сям...

В общем, бодрясь по возможности, Глебыч сварганил себе легкий завтрак, сжевал его, пересчитал содержимое бумажника и заначки, покумекал малость, отделил некоторую сумму и отправился на «Семеновскую» покупать музыкальный центр.

Спешить Глебыч не стал, неторопливо обошел три магазина — «Техносилу», «Эльдорадо» и «М-видео», поизучал модели, прикинул цены и, наконец, остановился на компактном «Самсунге», исключительно потому, что тот понимал трз-диски, составлявшие немалую часть его фонотеки, и стоил меньше трехсот баксов. Остальные модели с трз тянули больше четырехсот.

Продавец Глебычу не то чтобы не понравился... Вроде и не тормозил особо, и на вопросы ответил довольно внятно, но как-то без огонька, без радушия, будто бы нехотя, с презрением. Так же нехотя выписал квитанцию. Глебыч пошел оплачивать; потом ему продемонстрировали работоспособность, шмякнули штамп на гарантийный талон, упаковали все корейское добро и положенные к нему причиндалы, и отправился он домой в смешанных чувствах.

В смешанных, потому что центр стоил восемь триста тридцать восемь в рублях, а продавец на квитанции написал три восемьсот тридцать восемь. И Глебыч это заметил в первую же секунду.

Но смолчал. Сам толком не понимая почему. Полагал, ошибка быстро выяснится, он спокойно доплатит недостающие четыре с половиной тысячи. Когда уже вышел за двери магазина и прошел метров двадцать, запнулся было, едва не поддался порыву пойти и честно заплатить.

Но потом подумал: а какого черта? Продавец этот чем-то недовольный... Это его, продавца, работа, в конце концов, быть внимательным. Глебыч вовсе не обязан следить за его работой и указывать на ошибки. Ошибся — сам и виноват!

И пошел Глебыч домой. Не оборачиваясь и не замедляя шага.

Но червячок его все-таки грыз, ведь в принципе Глебыч был человеком честным. Даже мусор бросал только в урны, потому что хотел видеть родной город чистым и незагаженным, хотя вместе с тем прекрасно понимал: его «души прекрасные порывы» многомиллионной Москве совершенно до лампочки и чище она от принципов Глебыча не станет ни на йоту.

Вдобавок несправедным путем сэкономленные почти полторы сотни баксов позволяли без напряжения приобрести взлелеянный в мечтах новый монитор прямо сейчас. Или, точнее, уже завтра, потому что Баклужину нужно было звонить с утра — евойного сына-железячника, кой последнее время трудился в одной из бесчисленных гнездящихся на ВДНХ компьютерных фирм, можно было запрячь на покупку только до десяти часов или вечером: пользоваться мобильником или служебным телефоном в личных целях на упомянутой фирме сотрудникам почему-то категорически возбранялось.

В общем, Глебыч возился потихоньку со свежкупленным центром, подключал все, устанавливал, читал руководство, знакомился с управлением и возможностями, дивился непривычным функциям, учился программировать воспроизведение, манипулируя многочисленными кнопками, проверял, читает ли этот хваленый «Самсунг» RW-диски...

Незаметно для себя он увлекся и думать забыл о некрасивом своем поступке в магазине.

Вечер тоже пролетел незаметно: Интернет, материал для очередной статьи, звонок Севе Баклужину и разговор с его сыном о завтрашней покупке, вполне успешный и многообещающий разговор, ужин, чай, телевизор, заведенный на десять будильник, сон.

Утро тоже прошло как по накатанному; вчерашний червячок куснул только однажды, когда Глебыч снова отсчитывал деньги, но вскоре шевелиться перестал и затих. Скорее всего окончательно и бесповоротно.

Глебыч добежал до метро, купил свежий «Спорт-экспресс», в который и поспешил уткнуться в вагоне.

«До «Маросейки», а там — на «Китай-город!» — с подъемом подумал он и погрузился в перипетии очередного тура российского чемпионата, в этом году обещавшего довольно занятную интригу.

От газеты Глебыч оторвался только после того, как двери на «Курской» захлопнулись и диктор поведал, что-де следующая — «Площадь Революции».

— Что такое? — удивленно пробормотал Глебыч, поднимая голову. — Чего, на «Маросейке» остановки нет?

Поезд с грохотом втянулся в тоннель.

Сосед поглядел на Глебыча, как на больного, и демонстративно отвернулся. А Глебыч скосил глаза на схему, к которой стоял боком. Потом медленно повернулся к ней лицом, чувствуя, как в груди разрастается неприятная пустота.

Он увидел хорошо знакомый вариант схемы. Без станции «Маросейка». Тот, с которым соседствовал всю сознательную жизнь, за исключением вчерашнего дня.

До «Площади Революции» Глебыч доехал как в тумане. Вышел, растерянный и обескураженный, не зная, куда идти и что думать. Вышедшие вместе с ним пассажиры торопливо рассасывались с платформы кто куда.

Лишь когда платформа ненадолго опустела, Глебыч заметил его. Высокого подтянутого парня в джинсах и кожаной куртке, пристально глядящего прямо на Глебыча. Он стоял, привалившись плечом к скульптуре матроса с наганом — почему-то внимание Глебыча на миг сфокусирова-

лось именно на этом нагане с отполированным до блеска стволом. Вся скульптура была темной от времени, а ствол нагана — блестел.

Когда взгляды Глебыча и парня встретились, тот шагнул навстречу, раз, другой. И подошел вплотную.

Первое, что бросилось Глебычу в глаза, — черный бэдж с золоченой надписью «Гений подземки. Москва». Только линия была указана Калужско-Рижская. Та самая, на которую теперь с родимой Арбатско-Покровской напрямую не пересесть. Знакомая визитка была вставлена в пластиковую оболочку с булавкой наподобие тех, что носят сотрудники солидных фирм или настырные тетки-посредницы у Измайловских гостиниц. И носил ее парень так, будто это был не бэдж с визиткой, а по меньшей мере орден Славы или медаль Героя России.

Глебыч несмело прижал руку к нагрудному карману, где лежали его паспорт и визитка. Его, по всей видимости, орден. Прижал и так же несмело поднял глаза.

Парень глядел на него сверху вниз, в упор, пристально и вместе с тем укоризненно, даже презрительно. Долго глядел. Странно, но окружающие совершенно не обращали внимания на достаточно необычно ведущую себя парочку в самом центре платформы, словно Глебыча с парнем окутывала вуаль невидимости.

Парень шевельнулся. Прищурил один глаз, то ли устало, то ли разочарованно, то ли и то, и другое вместе.

— Эх ты, — процедил он негромко. — А я уж было подумал...

А потом повернулся и пошел прочь, туда, где останавливается головной вагон. Люди невольно уступали ему дорогу. Где-то там, у выпуклого зеркала или даже дальше Гений подземки с Калужско-Рижской линии словно бы растворился, исчез без следа и Глебыч почему-то этому ничуть не удивился.

Только спустя долгую минуту он проглотил неприятный комок в горле и медленно-медленно отнял руку от кармана. И тоже пошел. На противоположную платформу.

И люди расступались перед ним.

Часть вторая, почти не реалистическая Гений подземки

От наземного вестибюля «Семеновской» до магазина бытовой техники Глебыч несся так, словно опаздывал на самолет. Лишь в магазине он поумерил пыл, попытался придать себе вид естественный и солидный и, стараясь ступать твердо и независимо, направился к отделу, где покупал вчера злополучный «Самсунг». Там Глебыч некоторое время озибался в поисках вчерашнего неприятного продавца, но того нигде не было видно. Зато миловидная девчушка в униформе моментально оказалась рядом:

— Добрый день, вам чем-нибудь помочь?

Глебыч взглянул на ее простую и неискusstвенную улыбку и внезапно успокоился. Разом. Судя по бэджу, девушку звали Машей и работала она менеджером отдела.

— Да, помогите, пожалуйста. — У Глебыча даже голос не дрожал, чего он втайне опасался. — Видите ли, в чем дело, я вчера купил у вас музыкальный центр, и мне, по-моему, неправильно указали цену. Я заплатил на четыре с половиной тысячи меньше...

— А, я понимаю, о чем вы говорите! «Самсунг» модели...

— Да, «Самсунг», — перебил Глебыч, потому что номер модели, откровенно говоря, не запомнил. — У вас есть продавец парень, такой... неторопливый.

— Уже нет, — сообщила девушка с некоторым сожалением. — Он уволен.

— Уволен? — упавшим голосом повторил Глебыч. Такого поворота он совершенно не ожидал. Хотел просто доплатить деньги, чтобы парню не нагорело из-за этого злосчастного «Самсунга», и вдруг — уволен!

— Да, уволен. Внимательным обязан быть продавец, а не клиент. Это ошибка продавца, не ваша. И деньги уже вычитаны из его зарплаты, так что вам не нужно ничего доплачивать. Спасибо, что пришли, может быть, еще что-нибудь купите?

Глебыч низко опустил голову, чтобы Маша не увидела его растерянного лица.

— Нет, наверное, не сейчас...

— Приходите еще! — Девушка улыбнулась, Глебыч видел это, даже уставившись в пол.

Все-таки это не была дежурная улыбка. Наверное, Маше действительно нравилось работать в большом магазине и беспрерывно разговаривать с новыми людьми.

На следующий день после все изменившей встречи в метро позвонил сынуля Севки Баклужина и довольно развязно поинтересовался: будет Глебыч покупать монитор или где?

— Не буду, — тихо, но твердо ответил Глебыч. — Извини, не получается. И что вчера не пришел и не перезвонил — извини.

Голос Баклужина-младшего стал серьезнее:

— Дядя Олег, случилось что?

— Случилось, Максим. Но я сам справлюсь. До свидания. Извини еще раз...

Целую неделю Глебыч был угрюм, мрачен и нелюдим. Хорошо, что в редакции не нашлось работы, которая требовала бы его непосредственного присутствия. Глебыч писал статьи дома и отсылал их электронной почтой. На улицу он выходил всего дважды, оба раза в магазин напротив подъезда, за продуктами.

Глебыч много думал о произошедшем. Неужели между появлением и исчезновением станции «Маросейка» и его поступками существует какая-то мистическая связь? Бред ведь, сказки, небывальщина! Фантастика! Но если вспомнить слова того парня, Геня Калужско-Рижской... Глебыч глядел на черную визитку, которую по его примеру вставил в бэдж, оставшийся с прошедшего киносеминара, поверх листка со своей фамилией и названием журнала. Он знал, что, когда выйдет из дому и направится к метро, приколлет бэдж к свитеру.

Почему-то Глебычу хотелось, чтобы Гений Калужско-Рижской не думал о нем плохо.

Через неделю все-таки пришлось выходить из дому дальше магазина и ехать на церемонию вручения очередных премий за очередные заслуги. Глебыч частенько бывал на подобных мероприятиях. Узкий замкнутый мирок профессионалов в

какой либо области, украшенная сцена, конференсье, речь, приз, вручение, жиденькие аплодисменты, полнящиеся завистью глаза в зале... Потом фуршет, бутерброды, водка, пьяные разборки и блевотина по углам. Бомонд, чтоб его.

Подобные мероприятия Глебыч не любил, но регулярно посещал по профессиональной надобности. Представители десятков замкнутых мирков уже несколько лет как здоровались с ним — примелькался, видимо.

Сегодня ехать предстояло на Таганку, в ресторан «Семь пятниц».

«Надеюсь, никакой гадости я за последнее время не совершил, — мрачно думал Глебыч, ныряя под мост окружной железки, — и станция «Измайловский парк» никуда не делась. Равно как и «Таганская-радиальная»...»

«Измайловский парк» обнаружился на месте. И наземный вестибюль, и все остальное.

Бэдж с визиткой, конечно же, был загодя приколот к свитеру.

Держа в руке карточку, Глебыч подошел к крайнему левому турникету, рядом с будочкой бабули-дежурной. Не успел он сунуть карточку в щель, как на турникете зажегся зеленый глазок.

Глебыч насутился.

«Ну вот... опять халява... Не пойду, заплачу, как положено», — подумал он сердито.

Но бабуля вдруг обратила к нему широкое румяное лицо и приветливо улыбнулась, что работникам общественных мест в общем-то не свойственно:

— Проходите-проходите! Вам можно! И о карточках можете забыть... пока вы наш Гений.

Глебыч с сомнением поглядел на нее. И вдруг понял: ему действительно можно. Более того — нужно.

Он кивнул бабуле и смело вошел на станцию.

Что-то изменилось. Звуки — они стали объемнее, четче, выпуклее. И их стало больше. Глебыч слышал, как поскрипывают металлические конструкции над лестницами, как звучат шаги каждого из пассажиров, как урчит и щелкает позади электронная и механическая начинка турникетов. Как с шорохом падают в урну использованные карточки.

В зале вроде бы стало светлее, чем обычно. Бронзовая Зоя Космодемьянская определенно улыбалась Глебычу, как своему. Глебыч чувствовал, что на левой стене ближе к центру зала вот-вот отвалится одна из мраморных плиток, и что у зеркала в конце платформы помутнели верхние уголки, и что одна из лампочек среднего пути (внизу, над контактным рельсом) не горит...

Ощущения были очень странные и вместе с тем очень естественные. Нужно было просто к ним привыкнуть.

С «Измайловской» как раз прибыл поезд; Глебыч наладился было в переднюю дверь переднего вагона, но тут из кабины выглянул машинист.

— О! — сказал он. — Привет. Заходи.

Глебыч нерешительно замялся.

— Это ж вроде запрещено...

— Пассажирам — запрещено, — подтвердил машинист со смехом. — Но не тебе же!

Он протянул руку:

— Я — Петро. Заходи давай!

Глебыч на мгновение зажмурился, а затем вошел в кабину поезда метро. Впервые в жизни.

Поздоровался с помощником машиниста, с нескрываемым любопытством обозрел приборы и органы управления.

Выглядели они загадочно.

«Интересно, — подумал Глебыч. — По идее мне придется во всем этом разобраться...»

Вид несущегося навстречу тоннеля, освещенного фарами поезда, был незабываем. Ехать в кабине поезда метро — совсем не то, что ехать просто в вагоне...

А еще Глебыч понял, что в ближайшее время его ждет немало открытий. Удивительных и волшебных.

И действительно в отношении метро жизнь Глебыча переменялась кардинально. Теперь он мог переходить со станции на станцию в любое время, даже если уже час ночи и переход закрыт. Любой турникет безропотно пропускал его без всяких карточек или проездных. Милиционеры ему козыряли. Машинисты здоровались. Техники подмигивали и иногда затаскивали в таинственные помещения за дверями

со строгими табличками «Служебный вход» и «Посторонним вход воспрещен». Пили техники в основном спирт. Если перед эскалаторами собиралась внушительная толпа и хотя бы один из эскалаторов стоял, для Глебыча, не задумываясь, запускали его, и ни единый умник не норовил последовать за Глебычем. Однажды Глебыч пережил форменное потрясение: он обнаружил, что может сесть в вагон через закрытые двери. Равно как и покинуть оный вагон. И ни один из пассажиров не обращает на это внимания. Ни один!!!

Под Новый год Глебыч во второй раз встретил коллег. Правда, не понял, с каких они веток. Но других Гениев он теперь узнавал безошибочно: чувствовал визитку. Нутром, селезенкой, седьмым или восьмым чувством. У встреченных, к примеру, визитки оказались в карманах. У одного, лысого и хлыщеватого мужичонки с острым лицом и бегающими глазками, — во внутреннем кармане пиджака. У второго, тучного кучерявого херувима, — в кармане необъятной куртки. Глебыч столкнулся с ними на «Автозаводской», выйдя из поезда.

— О! Смотри! Наш маросейский герой, — сказал хлыщ насмешливо, подталкивая соседа локтем.

Глебыч застыл, глядя на них. Он не знал, что сказать и как поздороваться. Банально растерялся.

Херувим почему-то обидно заржал. Хлыщ тоже усмехнулся, как-то недобро и хищно. А потом оба, ни слова больше не говоря, уселись в вагон и поезд тронулся.

Глебыч некоторое время неподвижно стоял, глядя на убегающие во тьму габаритные огни. Люди старательно обходили его.

«Черт! — подумал Глебыч вскоре. — Все-таки я ничегоненьки не понимаю в этой игре. Надо искать Гения Калужской. По-моему, нужно поговорить с ним, а не с этими...»

И он стал искать. Часами бесцельно кружить по метро, пересаживаясь со станции на станцию без всякой системы. В этом Глебыч неожиданно для себя стал находить еще большее удовольствие, чем раньше. Он ведь всегда любил метро. И московское, и киевское, и даже питерское, хотя Питер как город недолюбливал.

Поиски не привели ни к чему. Всю зиму и почти всю весну Глебыч жил надеждой на встречу, но ни с кем из Гениев так и не столкнулся. Он продолжал поиски и боялся только одного.

Что его сознательно избегают.

А вскоре произошло то, что рано или поздно происходит со всеми: у Глебыча умерла мама.

Ей было уже восемьдесят три года; невзирая на возраст, Виктория Ильинична до последних дней оставалась бодрой и деятельной старушкой — с поправкой на возраст, конечно. В магазины ходила сама, готовила сама. В общем, никого и ничем не обременяла. Глебыч, наверное, внутренне давно был готов к смерти мамы, потому что ощутил лишь стылую пустоту и тихую горечь. Сестра, видимо, испытывала то же, потому что никаких истерик и криков на похоронах не случилось — только слезы и нескрываемая печаль. Печаль по человеку, прожившему большую и правильную жизнь и ушедшему только потому, что все мы рано или поздно уходим. Несколько дней после похорон Глебыч ходил подавленный. Он вдруг поймал себя на мысли, что последние годы очень редко виделся с мамой. Изредка забегал подкинуть денюжат к ее скудной пенсии, о себе не рассказывал (да и нечего было рассказывать), на вопросы отвечал односложно и торопился бежать дальше — дела. Виктория Ильинична так и не дождалась невестки и внуков от непутевого сына-одиночки. Хорошо хоть у сестры семья вполне сложилась: молодчина муж, четверо детей...

На десятый день после смерти Виктории Ильиничны позвонила сестра, попросила прийти в мамину квартиру. Глебыч догадывался зачем.

Он прекрасно знал текст завещания. Все пополам. Сбережений у родителей никаких не было, стало быть, речь шла только об имуществе. О двухкомнатной квартире в Кунцево и нехитром ее убранстве.

Глебыч ехал в Кунцево, не замечая ничего вокруг. Глядел невидящими глазами в пустоту и заранее обдумывал, что скажет сестре.

Ни к чему этот мещанский дележ. У сестры четверо детей, живут в неплохой трешке на Нагатинской, но шесть

человек для трехкомнатной квартиры — все же слишком. Тем более старшие девки-близняшки здоровенные уже, вымахали выше Глебыча. Стройные, длинноногие и, что приятно, не без масла в голове. Оканчивают школу, или, как это теперь у них называется, колледж. А поступать навострились не куда-нибудь, а в МГИМО.

А на другой чаше весов Глебыч, старый пень-одиночка. На плечи — сороковник, за душой — ничего путного. Ну, несколько сотен статей, ну десяток убойных репортажей. Своим горбом заработанная квартирка — двухкомнатной совестно назвать. Типичная однушка с дополнительной стеной-перегородкой. И ванна сидячая. В общем, холостяцкая берлога, стены в разводах и драный линолеум на балконе...

«Нечего тут обсуждать, — подвел черту под недолгими раздумьями Глебыч. — Пусть Светка мамину квартиру продаст или разменивает свою и мамину на большую. Им нужнее, как ни крути. А я перебьюсь...»

Это решение зрело в Глебыче давно, лишь сейчас он осмелился оформить его в слова, пусть даже произнесенные только мысленно. Впрочем, через какой-нибудь час он скажет их вслух и никогда не пожалеет об этом.

А из вещей попросит только старинный письменный стол, любимое папино кресло и книги. И все.

Отцовские часы и бритва уже лет пятнадцать как хранились у Глебыча. Теперь кресло, стол... вот и вся овеществленная память. А еще надо будет как-нибудь зайти к сестре с гостинцами для младшеньких, с бутылкой и посвятить вечер просмотру фотографий. Начиная с самых старых, пожелтевших от времени, с трогательными надписями на обороте.

Погруженный в себя, Глебыч доехал до «Кунцевской» и так и не заметил, что на схеме метро Арбатско-Покровская линия стала длиннее. После «Щелковской» значилась станция «Гольяново».

Не заметил. Не до того ему было сейчас.

Телефонный звонок выдернул Глебыча из похмельного утреннего сна. Вчера со Светкой и ее мужем все обговорили, Глебыч своего решения не изменил. Сестра расплакалась...

В общем, пообщались еще немного, а потом выпили. В память. Совсем немного.

Но Глебыч отчего-то захмелел. Не слишком, но дома достало сил только раздеться и, примостив у койки запасенную бутылку минералки, тихо отключиться. Наверное, это действительно были опустошение и усталость, а не опьянение.

— Алло! — сказал Глебыч в трубку и закашлялся.

— Поздравляю, — донеслось в ответ. — Все-таки я был прав, что не списал тебя со счетов...

— Секундочку, — сдавленно всхрипнул Глебыч, отложил трубку и потянулся к минералке. Только с наслаждением выпив граммов триста, он смог заставить себя оторваться от горлышка.

— Алло! Кто это? С чем поздравляете? Я не понял.

Собеседник тихо засмеялся:

— Мы встречались в метро, коллега. Я — Гений Калужско-Рижской. Полагаю, нам следует встретиться и поговорить. Ты в самом деле новичок и в самом деле ничего еще не соображаешь.

Сон и тяжесть в голове безвозвратно унеслись прочь, словно последний поезд во втором часу ночи с конечной станции.

— Встретиться? Конечно! Где?

Гений Калужской фыркнул и рассмеялся:

— Что значит — где? Разумеется, в метро!

— На какой станции?

— На новой. Недалеко от тебя. Ты поймешь, только на схему взгляни внимательнее. Выезжай, я там буду минут через двадцать.

Следом из телефона донеслись короткие гудки.

Глебыч озадаченно отнял трубку от уха. А мгновение спустя до него дошло. Он кинулся к компьютеру; пока дозванивался до провайдера и входил в сеть — нетерпеливо притопывал ногой.

А еще минутой позже, разглядывая свежую схему с www.metro.ru, догадался куда ехать.

На станцию «Гольяново», конечную Арбатско-Покровской ветки. Открытую, как утверждала информашка с сайта,

в шестьдесят пятом, через два года после «Щелковской». Выходы со станции располагались в районе Хабаровской, Уссурийской и Алтайской улиц.

До входа в метро Глебыч домчался в рекордные семь минут. Поезд почему-то еле-еле полз; а возможно, Глебычу это только казалось. Но так или иначе проехали «Измайловскую», «Первомайскую»... На «Щелковской» никого не попросили из вагона.

Этот перегон казался бесконечным. Но закончился и он: приехали в «Гольяново». Глебыч жадно заозирался.

Внешне станция выглядела как большинство открытых в шестидесятые: хрущевский аскетизм, отсутствие дорогих отделочных материалов. Типичная «сороконожка»: два ряда колонн поддерживают свод, кафедра на стенах и колоннах; ни тебе мрамора, ни тебе гранита.

Зато до МКАДа рукой подать...

Глебычу всегда казалось: лучше уж такая станция метро рядом с домом, чем никакой.

Он отошел от поезда в центр зала и огляделся. Пассажиры двумя потоками спешили к выходам в торцах станции. Меньше чем через минуту Глебыч остался в центре один.

«Наверное, — подумал он, — Гений Калужской еще не приехал...»

Но не успел Глебыч додумать, как из-за колонны показался тот самый парень, виденный когда-то на «Площади Революции». Одет он был снова в джинсы и кожаную куртку; на этот раз Глебыч отметил еще и высокие ботинки на рифленой подошве.

Парень приблизился и протянул руку:

— Привет! Меня зовут Костя.

— Глебыч, — представился Глебыч.

— А имя?

— Вообще-то Олег... Но все зовут Глебычем. Я привык...

— Ладно, Глебыч так Глебыч.

Станция постепенно заполнялась пассажирами, ожидающими поезда в сторону «Щелковской». Тот факт, что мимо Гениев подземки все проходили словно мимо пустого места, Глебыча уже давно не удивлял.

— Ты действительно человек? — со странной интонацией спросил Костя.

Глебыч слегка удивился: а кем он еще может быть? Но все же решил, что просто не понимает какой-нибудь важной мелочи, и переспросил:

— В каком смысле?

— В прямом, — не меняя интонации, ответил Костя. — В самом прямом. Кем ты был до того, как завладел визиткой?

— Журналистом, — пожал плечами Глебыч. — Я и сейчас журналист...

— То есть, — подытожил Костя, — обычным человеком?

— Ну да...

— Невероятно, — покачал головой Костя. — Такого еще не случалось.

Наверное, Глебыч поглядел на собеседника так жалобно, что тот поверил. Поверил и стал объяснять:

— Мы не люди, Глебыч. Мы — духи. Духи метро, гении новой стихии. Духи, джинны, гении, элементали — люди придумали нам много названий. Когда-то мы властвовали лишь четырьмя природными стихиями — огнем, водой, воздухом и землей. Вы, люди, сумели создать новые стихии, такие, например, как метро, комбинаторные. Какая-то часть духов стала осваивать их, в основном молодежь. Мы, Гении московской подземки, потомки этих первопроходцев.

Наверное, у Глебыча сделалось нехорошее лицо. Он был человеком сугубо рациональным, в «летающие тарелочки», Лох-Несское чудовище и прочий экзорцизм не верил ни грамма. Поэтому слова Кости не мог воспринять вот так, с ходу. Незвизирая на то, что сам умел проходить сквозь сомкнутые двери вагонов или перепрыгивать из вагона в вагон прямо на ходу.

— Тебе ли не верить... — усмехнулся Костя.

И взлетел. Просто и естественно взмыл под свод станции, а потом нырнул внутрь колонны. Несколько секунд — и он медленно всплыл из-под платформы, снова уравнившись с Глебычем.

— Собственно, ты ведь тоже все это умеешь.

— Да, — пробормотал Глебыч. — Глупо... Но ты ведь сам сказал, что я всего лишь человек. Мне трудно поверить в подобное.

— А ты не верь, — пожал плечами Костя. — Просто прими. Законы стихий непостижимы, однако это не мешает им быть незыблемыми.

— Ладно. — Глебыч вздохнул и нахмурился. — Лучше расскажи: что за чудеса с возникающими и пропадающими станциями?

— погоди, — остановил его Костя. — Сначала объясни, как к тебе попала визитка. Обычно гений может стать хозяином линии, только победив прежнего хозяина. Я не верю, что Маркуса победил простой человек.

— Не помню. — Глебыч виновато развел руками. — Точнее, не знаю. Я однажды... заснул в метро. А когда пришел домой — в кармане нашлась эта визитка.

Костя несколько долгих секунд пристально глядел Глебычу в глаза. Потом недоверчиво покачал головой:

— Не понимаю. По-моему, это невозможно. Но куда подевался Маркус? Может быть, он сам отдал тебе визитку?

— Не помню, — беспомощно развел руками Глебыч. — Может быть.

— Н-да. — Костя громко щелкнул пальцами. — Ладно, тогда слушай. Суть вот в чем: метро, как и всякая стихия, непостоянно. Его облик напрямую зависит от нас, Гениев подземки. В особенности от хозяев линий, линий реально существующих или ирреально существующих. Полной карты, я так понимаю, у тебя нет?

Глебыч отрицательно замотал головой.

— Вот, гляди. — Костя показал Глебычу глянцевый лист плотной бумаги, а возможно — пластика. На листе была изображена сложнейшая схема, состоящая из пересекающихся разноцветных линий и точек-станций с названиями. Центром этой схемы служила хорошо знакомая Глебычу схема Московского метрополитена; незнакомые компоненты были обозначены контурами, как строящиеся.

— Это полная схема нашей стихии. Частично она существует реально — это то, что могут видеть люди и чем они могут пользоваться как транспортным средством. Остальное — ирреальная часть. Во власти хозяев линий перемещать отдельные станции или линии целиком из реальности в ирреальность и наоборот. Но сделать и то, и другое довольно сложно. Причем перенос из ирре-

альности в реальность в десятки раз сложнее, чем в обратном направлении. К сожалению, в Москве большинство хозяев линий большие... как бы это сказать помягче... Нехорошие они духи, короче. Лишь некоторые, такие, как я, или Гений Серпуховской линии, пытаются увеличить реальную составляющую стихии. Большинству просто наплевать — живут как хотят. Самые замшелые, вроде Гениев Солнцевской или Митино-Бутовской, перетаскивали свои линии в ирреальность целиком.

— Знаешь, — перебил Костю Глебыч. — А я как-то встретил двоих Гениев на «Автозаводской». Один костлявый такой, как вобла, а второй жирный, на херувима похож.

— А, — Костя брезгливо поморщился, — как же, как же. Балласт. Сухой — это Герман с Сокольнической линии. Что с «Воробьевыми горами» было сам знаешь. А херувим вообще мурло мурлом... Хозяин Среднего Кольца. Тебе оно известно под именем Каховская линия... Тьфу. Линия! Три станции, два перегона! Сказать стыдно. Кстати, перегон «Улица Подбельского» — «Черкизовская» Герман у нашего херувима лет десять назад в карты выиграл...

— Неужели... все так безнадежно? — тихо спросил Глебыч. — Получается, в Москве метро скоро исчезнет совсем?

— Не думаю, — покачал головой Костя. — Я, например, сделаю все, чтобы этого не позволить. И я не одинок, можешь не сомневаться. Именно поэтому я страшно обрадовался, когда ты вытащил из ирреала «Маросейку». Поверь, вытащить из ирреала станцию внутри Малой Кольцевой — это... это... Это силища неимоверная. Последней, если я не ошибаюсь, вернули «Горьковскую», которая нынче «Тверская». В общем, когда вернулась «Маросейка», я решил, что у нас появился союзник — могучий, сильнее нас.

— Почему сильнее?

— Да потому, что я не могу вернуть станцию «Якиманка» уже лет двадцать... Это на пересечении Калужской и Серпуховской линий, с пересадкой на «Полянку». Вернон с «Калининской» не может восстановить «Остоженку», сопряженную с «Кропоткинской». Боря с «Люблинской» достаточно быстро вернул кусок от «Чкаловской» на юг, а внутрь Малой Кольцевой — как отрезало. Не получается, слаб.

— Значит, — угрюмо заключил Глебыч, — теперь от меня напрямую зависит существование Арбатско-Покровской? От

моих поступков? От того, веду я себя как скотина или как человек?

Костик невесело улыбнулся:

— Если бы все было так просто... Сунул бомжу сто баксов — конечная станция. Вынул мальчонку из-под поезда — станция «Маросейка»... Увы. Не от поступков все зависит. А от того же, от чего зависят сами поступки. От помыслов. От устремлений. Проход из ирреала нельзя купить подачкой, его можно только выстрадать. По-честному. Искренне.

Глебыч некоторое время молчал.

— Прости меня, Костя... За «Маросейку». Я ее верну. Обязательно верну, вот увидишь.

— Верю, — серьезно отозвался Гений Калужской. — Во, поезд подходит! Поехали, я тебя с нашими познакомлю! Бран с «Серпуховской», Вернон, Борька! Отличные ребята!

— Поехали! — загорелся Глебыч и направился к поезду. Прямо сквозь облицованную плиткой колонну.

— Скажи, Костя, — обратился он к духу подземки через несколько секунд, — а если мы, скажем, напьемся по поводу возвращения «Остоженки», «Якиманки» или той же «Маросейки», это будет плохо? Мы не навредим нашей стихии в реальности?

— Если ничего дурного не натворим — не навредим.

— Тогда давай так и сделаем, а? В смысле, напьемся, кто бы первым свою станцию ни вернул?

— А давай! — залихватски махнул рукой Костя.

Бран, Вернон и Борис и вправду оказались мировыми ребятами, невзирая что духи. Глебыч влился в их компанию легко и естественно, как встает на свое место недостающая деталька паззла.

И они напились — правда, раньше, чем собирались: весной 2003-го, когда на Арбатско-Покровской линии открылась станция «Парк Победы». За три года до возвращения «Якиманки», за пять — до «Остоженки» и «Российской» и за девять — до второго на памяти Глебыча пришествия из ирреала станции «Маросейка».

Владимир Васильев

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕПРУХИ

— Пятьдесят процентов, — мрачно сказал Шарятьев.

Это были первые слова с момента, когда Фрея окривела и Шарятьев пошел визуально оценить степень работоспособности основных групп органов.

Маккензи оторвался от сшивателя, сдвинул с глаз линзы и вопросительно уставился на коллегу.

— В каком смысле пятьдесят?

— В прямом. — Навигатор оставался мрачным, как набрякшая грозой туча.

— Вся правая сторона отнялась.

— То-то я смотрю, данные пошли с утра какие-то левые, — легкомысленно выдал натужно бодрящийся Хомуха.

Провинившийся трассер попытался острить, попытался разрядить обстановку, но остальные почему-то веселиться не желали.

Капитан не замедлил окрыситься:

— А ты помолчи, остряк, блин! Кто две подряд вариативности проспал?

Р-распылю, блин! Скормлю активатору!

Хомуха немедленно съежился, притих и чуть ли не носом уткнулся в мутноватую линзу обозревателя. В рабочей

области кое-как виднелась половина ближайшей звезды — косматого желто-оранжевого солнца раза в четыре больше размерами, чем ожидалось — и жиденькая россыпь тусклых огоньков наиболее ярких из далеких звезд.

— Кой черт нас сюда понес, — пробурчал Маккензи и надвинул на глаза линзы. Сшиватель в его руке хищно зашевелил хоботком на хромированном кончике.

Судя по решительному виду Маккензи, можно было с большой долей уверенности предположить, что органы, ответственные за ориентировку, бинж (иными словами — биоинженер) вылечит еще до полуночи. Однако ориентировка — только полдела. После второй вариативности Фрея окончательно окривела и впала в ступор. Половина систем вырубилась, другая половина принялась безбожно врать. Экипаж не сразу осознал что к чему — полеты на Фрее и ее сородичах почти всегда проходили как по маслу и людям в рейсах приходилось большей частью бездельничать. Да и в исследовательской фазе живой корабль многие функции трудолюбиво взваливал на себя — при условии, конечно, что его вовремя и досыта кормили.

На Фрее их было шестеро — капитан Гижу, навигатор Шарятьев, биоинженер Маккензи и рядовые трассеры — Ба, Хомуха и Мрничек, люди без определенной специализации, вроде матросов на древних парусниках.

Поди туда, принеси то, подай это. Жри ром и не отсвечивай, когда не следует. Ну и води корабль по трассе, разумеется, в свою смену.

Стартовали с Венеры за здоровье; до орбиты Плутона браво скакали по узловым точкам, вовремя просчитывали и огибали попутные вариативности, потому и не вляпались ни в какое дерьмо вроде астероидного пояса или недокументированного облака космического мусора. За пределами Солнечной стало полегче, мусора тут сроду не водилось (не успел долететь от начала космической эры), а который водился в незапамятные времена — давно истлел под бомбардировкой нейтрино до полного исчезновения. Хотя бывалые люди говорили, что шанс наткнуться на древний корпус мертвого космического корабля все еще сохраняется. Мертвой материи нейтрино до фени — так и будет миллиарды лет бол-

таться в межзвездной пустоте, пока какой-нибудь болван не введет на полном ходу. Тут-то ему, болвану, полный швах и настанет.

Фрея, ведомая поочередно всеми, включая Маккензи и Гижу, поначалу вела себя вполне адекватно, даже когда болван Хомуха проспал первую вариативность. Задели в ходовом режиме какую-то жиденькую туманность, оболочка тут же зафонила, но Фрея осталась спокойна и капитан подумал было, что пронесло, но уже на следующей смене болван Хомуха проспал вторую вариативность. Результат не замедлил сказаться — бедный корабль, свято веривший в то, что его ведут по межзвездной пустоте, так и не успел толком вывалиться в нормальное пространство, еще в полуфазе погряз в какой-то нелепой металлической сетке, обнаружившейся в пределах звездной системы. Сетку он, конечно же, прорвал, но и из ходового режима тут же выпал. Да еще все линзы отчего-то погасли и оболочка зафонила так, что экипажу пришлось сожрать по целой упаковке антидота.

Антидот антидотом, от излучения они на первое время спаслись. Но Фрея-то, Фрея! Когда Маккензи оживил линзы левого борта — никто не поверил глазам. Такой картины снаружи быть попросту не могло! Нелепая звезда весьма далекой от сфероида формы, да к тому же видимая почему-то по краю каждой линзы и только наполовину. Вместо ожидаемой и легко просчитываемой по каталогу планетной системы — хрен с маслом, размазанный вокруг звезды даже не в плоскости эклиптики, а по полной сфере, и такой бедлам в эфире, как будто они угодили в центр планетарной стройки во время аврала.

Под хреном с маслом подразумевался некий мелкозернистый культурный слой, в равной степени могущий состоять и из каменных обломков, и из искусственных спутников, и из трупов сородичей Фреи. Во всяком случае, ни одного цельного объекта крупнее шестиместного космического корабля вокруг чертовой несферической полужезды рецепторы Фреи перед кончиной не зарегистрировали. Исполнинская металлическая сеть, растянутая на несколько миллионов километров, тоже подпадала под определение «хрен с маслом».

А по каталогу планетная система значилась как подобная Солнечной.

Вряд ли стоит объяснять, что это такое — застрять очень далеко от дома без возможности вернуться. Тут и самые добродетельные люди способны озвереть и потерять цивилизованное лицо.

Особенно когда виноват в катастрофе кто-то один.

— А ведь это полная задница, коллеги, — нервно барабанила по грибообразному столу пальцами, сообщил Мрничек. — Сдохнем мы тут, как пить дать сдохнем!

— Не каркай, — буркнул капитан в ответ.

Мрничек насупился и замолк, зло покосившись на бедного Хомуху. Тот рад был бы сквозь Фрею провалиться, не смотря что там безвоздушка.

Смерть нечасто оказывается вот так — совсем рядом. Волей или неволей каждый из экипажа начал задумываться о том, что ждет его в ближайшее время. Не сразу — некий ресурс автономности у корабля имелся. Но все же, все же... Когда в ближайшем будущем над тобой висит меч, психика начинает сдавать. Единственный способ отвлечься от этого — чем-нибудь заняться, желательно тяжелым и оупляющим.

Перераспределить контейнеры с припасами в трюмах, например. Да без погрузчиков, вручную. Чтоб мышцы заныли и комбинезон насквозь пропотел.

— Во что это мы въехали, а, кэп? — Мрничеку никак не молчалось. — Фрея вроде сказала, что в металл.

— Сказала, — пробурчал Маккензи, не отрываясь от линз и сшивателя. — Может, она уже к этому моменту шизанулась, вот и ляпнула сгоряча, что на ум пришло.

— Да какой у нее ум? — тоскливо протянул Шарятьев. — Так, видимость одна.

— Это у Вадика нашего видимость, — грозно сообщил капитан. — А Фрею вы мне не трожьте!

Хомуха после слов капитана съежился еще сильнее — из-за линзы не видать.

Некоторое время на него поглядывали уже все — кто с сочувствием, кто с негодованием. Только Маккензи не поглядывал, работал.

Пилотировать полуживой корабль невозможно — это осознавал каждый член экипажа. Не состыкуется ущербная нервная система корабля со здоровой нервной системой трассера, вместо нормальной картины мира он ощутит нелепые и обрывочные сигналы, никак не складывающиеся в нечто целое.

А значит — никаких прыжков по узлам, никакой ориентировки. Застрали не пойми где. Непруха, какая чудовищная непруха! И главное — на ровном ведь месте, трасса не то чтобы испрыганная, но вполне оживленная. И — что самое обидное — невзирая на оживленность трассы, никто их не подберет и не заметит: полуживую Фрею без корректно подключенного трассера никто не опознает как корабль! А корректно подключить трассера... ну, понятно в общем. Классический замкнутый круг.

— Готово, — неожиданно сказал Маккензи примерно через полчаса.

Он сдвинул линзы и устало выпрямился. Потом потянулся, словно только что проснувшийся кот. На бинжа поглядели — даже Вадик Хомуха осмелился чуть приподнять голову.

Капитан немедленно оживился и поспешил усесться к сенсорику.

— Так-так, что тут у нас? — Он торопливо подмонтировался к головному интерфейсу.

— Да я тебе и так скажу — что. — Маккензи с отвращением отложил сшиватель и не спеша стянул перчатки. — Раз правая сторона отнялась, будет Фрею заносить, как хромого пьяницу, которому вдобавок еще и глаз очень удачно высадили. По узлам уходить в таком состоянии я бы не рекомендовал.

— Не рекомендовал! — фыркнул, не оборачиваясь, капитан. — Да если все обстоит так, как ты рассказал, это труба полная, уходить по узлам!

— А оно, увы, обстоит, — вздохнул Шарятъев. — Правая сторона — дохляк, ровно по продольной оси. Я четыре раза проверил. Здесь (он показал рукой вправо от себя) — мэртво, здесь (влево) — живет, но в некотором ошалении.

— Я бы на тебя посмотрел, если б тебе выкололи глаз и оторвали ногу!

Капитан был сама мрачность, видимо, интерфейс лишь подтвердил неутешительные выводы Маккензи.

— И руку! — добавил молчаливый великан Ба.

— Ага. А также одну почку, одно легкое и половину селезенки... — Шарятьев уныло махнул рукой. — Ежу понятно, что в таком режиме отсюда не уйти. Будем лечиться.

— Тут не лечение нужно, а реанимация, — продолжал нагнетать черноту Маккензи. — Я вам не Бриарей, у меня всего две руки.

— И два глаза, — многозначительно сказал Ба.

После его слов воцарилась невольная пауза. Каждый из присутствующих мучительно осознал сказанное.

И осознал.

— А что? — чужим голосом просипел Мрничек. — Если полумертвую на правую половину Фрею поведет полупарализованный трассер... Это как минимум шанс, я вам скажу!

Все, не сговариваясь, недобро поглядели на побледневшего Хомуху — в который раз, но теперь уже не просто зло. Теперь — оценивающе, как хищник на потенциальную жертву.

— Р-ребята, — тот попытался влезть в щель между обозревателем и оболочкой рубки, — в-вы чего?

— Кларенс, — обратился к Маккензи капитан Гижу, — ты анатомию хорошо помнишь?

Голос у него был жесткий, как излучение вблизи нейтронной звезды.

— Анатомию-то я помню, — невозмутимо ответил Маккензи. — Но вот скальпеля у меня все равно нет. А дока на таком уровне запрограммировать я просто не сумею. Думаю, ты тоже.

Мрничек с готовностью затряс поднятой рукой, будто школьник на уроке:

— Я! Я знаю, как стандартный сшиватель ввергнуть в режим скальпеля!

Меня мама когда-то научила.

— Да вы что, с ума посходили? — заорал возмущенный Шарятьев. — Какой скальпель, какой сшиватель? Вы что, серьезно?

— А что? — Мрничек набычился и сразу стал похож на дикобраза, растопырившего иглы перед более крупным противником. — Он нас сюда загнал, он пусть и выводит! Я подыхать в расцвете лет не собираюсь!

Первая горячка от внезапно осознанного шанса спастись схлынула более или менее благополучно, без поспешных оргвыводов и опрометчивых поступков, хотя на Хомуку страшно стало смотреть.

— Погодите, — осадил всех капитан, как и положено капитану. — Давайте-ка все обдумаем как следует. Застряли мы здесь — это бесспорно. Насколько я знаю, лечить корабли с таким процентом поврежденности таки да, еще никому не доводилось. Но мы пока и не пробовали.

— Да ты уж говори как есть, капитан, — перебил Маккензи насмешливо. — Не мы не пробовали, а я не пробовал. Все равно никто больше не умеет, даже ты.

— Правда твоя, — с горечью признал капитан. — Ты, как бинж, наша единственная надежда. Это первое. Второе — сколько у нас цикла?

— Года на четыре, — со знанием дела сообщил Шарятьев.

Молчун Ба снисходительно усмехнулся, словно знал нечто такое, чего не знал более никто. Это не ускользнуло от внимания Гижу.

— Что такое, Йохим? Ты хочешь что-то сказать?

— Нет, капитан. Я ничего не хочу сказать.

Гижу исподлобья поглядел на трассера.

— Да понятно, что он хочет сказать, — махнул рукой Маккензи. — Поскольку правая половина Фреи отнялась, цикл также усох ровно наполовину.

— Замечательно, — всплеснул руками Мрничек. — Прелестно!

У него неприятно задергалась мышца на лице — младший трассер еще не сталкивался даже с пустяковыми авариями в космосе и сейчас нервничал гораздо сильнее остальных астронавтов.

Капитан повертел головой и снова перевел взгляд на великана Ба.

— Погоди, Йохим... Сдается мне, у тебя подозрительно глубокие познания касательно кораблей для простого трассера. Не желаешь ли объясниться?

Ба тяжело вздохнул, но желания объясниться не выразил.

— Послушай, Йохим, — терпеливо и очень спокойно обратился к Ба бинж Маккензи. — Мы ведь не в кабаке на космодроме, не так ли? Мы застряли хер знает где у черта на рогах. Мы тут легко сдохнуть можем — не сейчас, так через пару лет, когда загнется цикл. Или раньше, если уполовиненного цикла не хватит на шестерых в суточном режиме.

Давай-ка не будем недоговаривать. Ну?

Ба пожал плечами и без особой охоты сообщил:

— Я не всегда ходил трассером.

— А кем еще? — Капитан ненавязчиво перехватил инициативу. — Давай, давай, Йохим, колись!

— Бинжем.

— Ух ты! — восхитился Мрничек. — Таки у нас два бинжа! Живем!

Маккензи, склонив голову набок, слегка улыбнулся:

— И какой у тебя класс, коллега?

— Первый, — сознался Ба. — Был. На позапрошлый год.

Сам Маккензи пока дослужился только до второго — экипажи от трех человек до двенадцати.

— И ты молчал? — искренне изумился Шарятьев. — Ё-моё! У нас зубр на борту, а мы и не знали!

— Да хоть мамонт! — гаркнул на них Гижу. — Это упрощает проблему, но отнюдь не решает ее! Мы на необитаемом острове, понимаете аналогию? У нас разбитый вдребезги пополам корабль с порванными парусами и сломанный компас! Пусть у нас два боцмана вместо одного — сильно это нам поможет?

— Погоди, капитан, — осадил его Маккензи, единственный, кто осмеливался общаться с первым лицом корабля практически на равных. — Йохим, у меня к тебе два вопроса. Первый: ты можешь сообщить нам что-нибудь дельное? Опираясь на прежний опыт, разумеется.

— Нет, — бесстрастно ответил Ба. — Не могу. В такую задницу я никогда раньше не попадал. Самое страшное, что случалось, — это когда на транс-Веге наша Самура потеряла одну из передних петипальп. Не знаю почему, может, метеорит, может, еще что. Управлять ею стало невозможно, погрешности превышали допустимый буфер, мы чуть не сго-

рели. Но я точно знаю, что когда мы отняли одному из трассеров палец, он привел Самуру к Титану.

— Палец?

— Угу. Мизинец.

Мрничек не удержался и в который уже раз зыркнул на помалкивающего в сторонке Хомуху.

— Иными словами, ты считаешь, что у нас есть выбор, — подытожил Маккензи. — Со временем сдохнуть всем или попытаться выжить, искалечив одного.

Ба вздохнул. Очень красноречиво.

— По-моему, не стоит спешить, — вставил осторожный Шарятьев. — Искалечить всегда успеем. А цикл вроде пока шестерых тянет, как я погляжу.

— А второй? — мрачно спросил Гижу.

— Что — второй? — не понял Шарятьев.

— Это я Кларенсу. Он говорил, что у него два вопроса к Йохиму, а задал пока лишь один.

Шарятьев живо повернулся к Маккензи:

— Да, Кларенс, а второй-то чего?

Маккензи досадливо отмахнулся:

— Второй к делу отношения не имеет.

— И все-таки? Давай, не трави душу.

— Ну хорошо, — покорно вздохнул Маккензи. — Еще я хотел спросить у Йохима, почему он из бинжа первого класса превратился в рядового трассера.

Лица, как по команде, обратились к великану.

— Да, Йохим! — поддакнул капитан. — В самом деле, почему?

— Нам это не поможет, — невозмутимо сказал Ба. — Поэтому я промолчу.

Шарятьев угрюмо взглянул на каменное лицо бывшего бинжа и понял — такой может и палец отнять, и... все остальное. Бедный Вадик Хомуха...

Капитан на некоторое время задумался, потом решительно хлопнул обеими руками по роговице перед линзой:

— Значит, так! Хомуха и Мрничек... нет, лучше Хомуха и Шарятьев — ну-ка метнулись в биосеттинг и замерили цикл! Тянет он шестерых или не тянет. Паёк — хрен с ним, можем

и урезать, а вот кислород урезать не получится, поэтому в первую очередь просчитывайте регенераторы.

Мрничек — ты дуй к фронтальным флипстерам и выясни, что там Фрея себе решила насчет столкновения с металлической преградой. Только не трогай ничего, просто пойми, как она интерпретирует препятствие и что начала по этому поводу предпринимать. Или собирается предпринять, если еще не начала. Постарайтесь управиться за час-полтора. Ать-два, бегом марш!

Хомуха кинулся к кормовому твиндеку так, будто за ним гнались волки.

Шарятьев успел только удивленно вытаращиться и разинуть рот, а потом покачал головой и потрусил следом. Мрничек угрюмо поглядел им вслед, вздохнул и убрел в голову. В рубке остались капитан, бинж и экс-бинж.

— Вообще-то проверять флипстеры более пристало навигатору, — проворчал Маккензи. — Но я понимаю, сейчас посылать Мрничека вместе с Вадиком... чревато.

— Молодец! — похвалил бинжа капитан без всякого энтузиазма. — Голова!

Откровенно говоря, Гижу просто хотел остаться наедине с Ба и Маккензи — не так уж и важны были прямо сейчас выводы Фреи относительно столкновения и даже данные по циклу жизнеобеспечения: вопреки общераспространенному мнению при желании можно урезать и кислород, правда, в достаточно ограниченных пределах. А если учесть, что цикл всегда имеет солидный запас прочности, то по этому поводу можно было волноваться еще чуть-чуть меньше.

Интересовало капитана другое.

— Йохим, — обратился Гижу к экс-бинжу первого класса. — Молодняк я выставил, так что можешь говорить без обиняков. Фрея лечится?

— Нет, — хмуро сказал Ба и добавил: — Официально считается, что корабль подлежит полному восстановлению при проценте повреждений не выше семи. У нас, как ты сам понимаешь, пятьдесят.

— Уже меньше, я ж кое-что оживил, — буркнул Маккензи. — Линзы, там, датчики...

— Ну, пусть будет не пятьдесят, пусть будет сорок девять. Невелика разница.

— А официальным данным можно верить? — поинтересовался капитан.

— Более или менее. Я лично считаю, что если повреждено больше пяти-шести процентов органов — дело швах, нужно спасать ориентировку и ждать помощи. Но в нашем случае...

— Помощи мы не дождемся, — невесело продолжил за коллегу Маккензи. — Нас попросту не заметят. Дьявол, а ведь просто поглядеть глазами точно никто не удосужится, надеяться можно только на подключенного трассера.

Несколько секунд все молчали. Потом капитан встрепенулся:

— Йохим, а когда оторвало петипальпу вашей... э-э-э... как ее звали?

— Самурой ее звали.

— Да. Когда оторвало петипальпу вашей Самуре, во сколько ты оценил процент повреждений?

— Примерно в полтора. Чуть меньше. Реально сначала высчитываются процент по объему, процент по массе и процент по насыщенности органами. Потом выводится среднеквадратичный и учитывается поправка по таблице.

Капитан вопросительно зыркнул на Маккензи; тот еле заметно кивнул.

— И все равно пришлось отнимать трассеру палец?

— Пришлось, — подтвердил Ба. — Видишь ли, капитан, время от времени случаются аварии, когда не удается вылечить и самую пустячную неисправность. Корабли достаточно сильно унифицированы, но все же имеется риск отторжения вживленных запасных органов и фрагментов.

Собственно, именно поэтому при высоком проценте повреждений лечение и не приводит к гарантированному успеху: отторжения все равно будут. Но заметишь ты это, только когда пролетишь мимо узла или снова влипнешь в незамеченную вовремя вариативность. А подлеченные после аварийных рейсов корабли запихивают в трехгодичный карантин, даже если команда вживляла всего лишь какой-нибудь паршивый термодатчик на камбузе. В том, разумеется, слу-

чае запикивают, если корабль возвращается, а возвращаются далеко не все.

— Трехгодичный? — изумился капитан. — Ни фиги себе! Я не знал.

— Откуда тебе знать? — Ба пожал плечами. — У тебя только второй класс.

Гижу насупился. Действительно, Фрея являлась джампером второго класса и спецам первого на ней делать было нечего. Путешествия на практически безотказных живых кораблях расслабили астронавтов.

Сведений об авариях почти не поступало, только сведения о редких пропажах кораблей с трасс.

— А если не лечение, тогда... что? — Капитан смотрел на экс-бинжа и думал: «Какая удача! На борту обнаружился спец первого класса!»

— Я уже сказал, — развел руками Ба. — Если гора не идет к Магомету, значит, нужно повредить трассера в той же степени, в какой поврежден корабль. Осталось только выбрать кого.

— Могу вас обрадовать, — мрачно сообщил капитан. — Времени на то, чтобы выбрать будущего э-э-э... трассера-инвалида у нас предостаточно. Года полтора, не меньше. Правда, существует риск, что мы постепенно сдрейфуем в очередную вариативность — тогда нам точно безотлагательная крышка.

— Скорее мы на мусор какой-нибудь забортный напоремся, — унылее чем обычно, напроорочил Маккензи. — Или на каменюку.

Навигатор Шарятьев немедленно замахал на бинжа руками:

— Кларенс, брось, какой мусор, какие каменюки? Обычная планетная система! А то, что датчики ересь какую-то транслируют, так Фрея же повреждена. Бредит, бедная... Что же до метеоритов — так нас скорее заметят транзитчики на ближайшем узле, чем мы на метеорит напоремся.

— Вообще-то наоборот. Причем я не намекаю на множество метеоритов, — поправил традиционно невозмутимый Ба. — Если, конечно, вас интересует мнение рядового трассера.

— Так, — решительно вмешался капитан. — Йохим, сейчас ты не рядовой, сейчас ты бинж первого класса. Пусть и... г отставке. Я беру всю ответственность на себя — разумеется, если нам повезет и мы выкарабкаемся. Поэтому води себя соответственно, договорились?

— Ай-ай, кэптейн, — Ба довольно неуклюже отсалютовал правой, зачем-то оттопырив мизинец, — начинаю вести.

— Ага, — немедленно ошетинился Мрничек. — Значит, нас, рядовых, наименее ценных членов экипажа, остается только двое?

— Именно так, рядовой, — жестко подтвердил Гижу.

И добавил уже спокойнее:

— А будешь возражать — придушу.

От капитанского спокойствия Мрничека лавиной пробрал озноб. Он втянул голову в плечи и сразу стал похож на замерзшего, нахохлившегося воробышку.

Глянув на капитана в момент тирады, любой бы утратил малейшие сомнения: придушит.

— Тогда выбор у нас станет еще беднее, — заметил Маккензи. — Кстати, я бы на твоём месте не возникал, кадет. Бинжей у нас тоже два, а капитан с навигатором — сам понимаешь... в любом случае нужны до самого финиша.

Шарятёв, глядя в сторону, невыносимо фальшивым тоном пробормотал:

— Ну, если Фрею кто-то проведет по узлам до самой Солнечной, то и без навигатора финишировать сумеет. Самостоятельно.

Было видно, как трудно дались ему эти слова.

Несколько секунд все молчали. Никто не спешил ни подтвердить, ни опровергнуть слова навигатора.

— Я бы хотел напомнить, коллеги, — подал голос Йохим Ба. — Убивать никто никого не собирается. Только частично парализовать.

— Спасибо, успокоил, — позабыв о капитанской угрозе, выкрикнул Мрничек, но почти сразу осекся и снова поник.

— ...а на Земле достаточно развитая медицина, чтобы вынуть из инвалидного кресла практически любого, — продолжил Ба, словно бы и не заметив, что его перебили. —

Кстати сказать, палец трассеру с Самуры пришли в лучшем виде.

Маккензи скептически покачал головой:

— Ну ты сравнил! Палец и частичный паралич! К тому же еще нужно нашего... счастливца осчастливить так, чтобы Фрею это устроило. То есть прибить ему правую половину тела, ни больше ни меньше. А у нас даже врача толкового на борту нет... прости, капитан.

Капитан, по традиции исполняющий на малых кораблях еще и обязанности врача, поджал губы, но возражать не стал:

— Ты прав, Кларенс. Нейрохирургом я себя назвать не могу.

— На самом деле не все так страшно, как кажется. — Йохима Ба, похоже, ничем нельзя было смутить. — Вспомните: при инсультах часто парализуется именно половина тела. Значит, сделать то же самое не так уж и трудно, нужно только порыться в справочниках, найти методы лечения, инверсировать программу железного доктора и положить под лазер одного из нас. По-моему, это гораздо меньший риск, чем пресловутые метеориты.

Железным доктором называли одно из немногих полностью механических устройств на борту квазиживых кораблей, а именно — медицинский комплекс-автомат.

— Черт возьми, у тебя на все есть ответ, — нервно сказал капитан.

Ба пожал плечами:

— Я ведь бинж первого класса, ты сам сказал. Пусть и в отставке.

— Ладно. — Капитан встрепнулся. — Это все лирика. Предлагаю для начала решить, что мы делаем: ждем, пока не начнет дохнуть цикл, или прямо сейчас решаем, кого из нас предстоит искалечить. Высказываемся по возрастающей. Вадик?

Подавленно молчавший Хомуха выполз из щели между оболочкой рубки и ребром жесткости, одновременно служащим панелью климат-контроля. Был Хомуха бледнее бледного и довольно жалок с виду, но явно пытался крепиться.

— Я... Я хотел сказать... раз я всех подвел... то и калечить надо меня. Только, пожалуй...

— Рядовой! — рявкнул капитан таким голосом, что Шарятьев, Мрничек и сам Хомуха синхронно вздрогнули. — Мне повторить вопрос? Повторяю: считаешь ли ты, Вадим Хомуха, трассер, должны ли мы ждать до выработки ресурса жизнеобеспечения или принимать решение прямо сейчас? И прекрати мне бляеть, слушать тошно.

Хомуха судорожно сглотнул и осмелился поднять взгляд на капитана.

— Я... Я...

Капитан предупредительно поиграл желваками на скулах; Хомуха тут же вытаращил глаза и остекленело проорал:

— Я считаю, что принимать решение нужно сейчас!

— Ну вот, другое дело, — гораздо миролюбивее отозвался Гижу. — Принято. Мрничек?

Второй трассер подскочил с гриба-табурета перед мертвой линзой диагностера правого борта:

— Я считаю, что торопиться не следует! Тем более что Вадик имел мужество признать...

— О мужестве поговорим позже, — оборвал его капитан и повернулся к навигатору, нервно потирающему щеки у накопителей: — Ты?

— А? — вскинулся Шарятьев. — Ну... Я бы тоже подождал. Все-таки... Ну как-то это...

— Понятно, — кивнул Гижу. — Кларенс?

Маккензи презрительно оттопырил губу:

— Ждать полтора года, одичать, пересраться меж собой? Я против.

Решать нужно сейчас.

По виду капитана несложно было понять, что в выборе бинжа он ничуть не сомневался. Он по очереди оглядел всех своих коллег по экипажу, в последнюю очередь остановив взгляд на Йохиме Ба.

Несколько секунд они глядели в глаза друг другу. Неотрывно. Словно древние дуэлянты перед барьером за миг до того, как разойтись на положенное расстояние.

— Напоминаю, — непререкаемо сказал капитан, — что у нас тут не палата общин и решение принимается не числом голосов. Решать буду я, ваш капитан. Но прежде я хочу ус-

лышать мнение каждого. Итак, Йохим, за тобой последнее слово.

Ба впервые за истекшие несколько часов улыбнулся — чуть заметно и, как показалось остальным, одобрительно:

— Я вижу, что ты уже принял решение, капитан. И я разделяю твое решение. Прямо сейчас и никак иначе.

Гижу в который раз характерно поджал губы, но снова не стал возражать.

— Что ж... Ты угадал, Йохим. Ждать мы не станем.

Капитан повернулся к остальным. Он не зря был капитаном: в спокойное время с Гижу можно было и пошутить, и попихаться на татами в спортблоке, и поболтать за жизнь. Но когда приходилось брать ответственность на себя, капитан сразу становился Капитаном.

— Не станем мы ждать, глупо это. Но только не надейтесь попусту, опрашивать всех, кого именно мы положим под лазер железного доктора, я не намерен. Мы будем тянуть жребий. Причем тянуть будем все, включая навигатора и капитана. Вадик, сходи на камбуз, принеси зубочистки, шесть штук. Можешь заранее одну обломать...

Хомуха дернулся было, но его перехватил за плечо великан Ба.

— Не трудись, малыш. У меня есть колода карт. Потянем карты — их больше. Верьте мне, нервы будут целее.

Экс-бинж достал из нагрудного кармана комбинезона плоскую коробочку, вынул из нее колоду и неторопливо перетасовал. В огромных ладонях Йохима светлые прямоугольнички карт выглядели странновато и до предела неуместно. Тасовал Ба не то чтобы с какой-нибудь особенной сноровкой, но и не напоказ неуклюже — так тасует колоду любой человек, которому приходится резаться в преф или покер не чаще раза в год.

— Все очень просто, — объяснил Ба, положив карты в центр гриба-стола.

— Любой может сдвинуть колоду один раз или отказаться сдвигать. Потом мы по очереди тянем по одной карте и одновременно — подчеркиваю, одновременно! — вскрываем. Нашей черной меткой будет пиковый туз.

Идет?

Маккензи, даже в такую минуту не утративший врожденного ехидства, насмешливо фыркнул:

— Надеюсь, тебя выгнали из бинжей в трассеры не за шулерство?

— Нет, — совершенно серьезно ответил Ба. — Не за это. Я вообще никогда не играю в карты. Я только гадаю.

— Можно я перетасую колоду? — нервно спросил Мрничек. — Прежде чем начнем сдвигать.

Смотрел Мрничек на капитана, но тот предпочел не вмешиваться:

— Йохим начал эту игру и не вижу причин менять ведущего. Спрашивай у него.

Мрничек требовательно уставился на Ба.

— Тасуй, — пожал плечами Ба. Вроде бы равнодушно.

Схватив колоду (чуть быстрее, чем того требовала ситуация), Мрничек сначала бегло проглядел карты, словно боялся, будто колода сплошь состоит из тузов пик. Потом принялся тасовать — точно так же, как минуту назад Ба, — не слишком умело, но и ничего не уронив. Тасовал он долго и тщательно, показушно вытянув шею в сторону — мол, я не подглядываю, мне видны только рубашки.

Примерно через минуту колода вернулся в центр стола. Мрничек повернул голову к стоящему справа от него Шарятьеву:

— Сдвигай!

Тот протянул руку — рука подрагивала, — снял примерно половину карт и поменял местами верхнюю половинку с нижней. Он тоже старался продемонстрировать честность: карты едва-едва отрывались от роговицы-столешницы.

— Я не буду, — превентивно заявил Маккензи.

— Я тоже, — сдвигать отказался и капитан.

Следующим стоял Ба; он карты сдвинул, все так же аккуратно и медленно, после чего приглашающе повел рукой в сторону Хомухи. Тот потянулся было к колоде — руки сильно тряслись. Слишком сильно.

Очевидно, виновник неожиданной реинкарнации клуба самоубийц убоялся, что уронит или засветит карты, поэтому он поспешно отдернул руки и решительно мотнул головой:

— Не буду!

Легко было представить, что творилось в душе у этого паренька, недавнего курсанта, не налетавшего еще и пяти лет. Да и Мрничеку было явно не легче. Даже немало повидавшему Шарятьеву.

— Кто потянет первым? — очень, очень спокойно и мягко спросил Ба.

— Стоп! — вмешался капитан. — Тянуть не будет никто. Карты сдам я. И уж поверьте, жульничать не стану: я без труда мог все устроить так, что карты сейчас тянули бы только четверо. Или вовсе двое. Или вообще не начался бы этот... балаган. Назначил бы Хомуху, и все. Ясно? Сдаю.

Возражать никто не посмел, да Гижу и не предоставил такой возможности. Он просто положил перед каждым по одной карте, причем вообще без всякой антишулерской показушности, будто они сейчас играли на то, кто пойдет программировать ужин.

— На счет три — открываем. Готовы?

Воздух в рубке, казалось, стал густым, как коллоид.

— Раз!

По лицу Хомухи сползла крупная капля пота.

— Два!

Мрничек стал еще бледнее обычного; Шарятьев ожесточенно тер обеими руками обе щеки сразу.

— Три!

Шесть рук потянулось к лежащим на столе картам. Шесть рук перевернуло их картинками вверх.

Первым издал вздох облегчения Мрничек — ему выпала восьмерка червей.

Шарятьев осторожно, двумя пальцами, будто сколопендру, держал трефовую даму. Хомуха тупо глядел на трефовый же туз, словно соображая, не мерещатся ли ему перекладинки. Маккензи взглянул и сразу же бросил на столешницу пикового валета. Себе капитан сдал бубновую десятку.

Каждый из них даже не успел подумать, что тянуть карты придется еще раз, и быть может, даже не один.

А мгновением позже Йохим Ба совершенно спокойно повернул свою карту рубашкой к себе, картинкой к остальным и показал.

Пикового туза.

Пауза вышла нервной и скомканной. Мрничек закатил глаза, Хомуха шмыгнул носом. Шарятьев неожиданно прекратил тереть щеки и переминается с ноги на ногу — обмер, будто статуя. Маккензи склонил голову набок и подозрительно прищурился.

— Пойду подберу программу для железного доктора, — сказал Ба естественно и просто, словно не случилось ровным счетом ничего. — Полагаю, лучше меня этого никто не сумеет, да и здоровье все-таки мое...

Хомуха потоптался у стола еще с полминуты и куда-то бочком ускользнул. Мрничек что-то пробубнил неразборчиво и тоже тишком слинял из рубки.

— Послушайте, — вслед за тем ожил Шарятьев и принялся тереть щеку, на этот раз одну, — а почему у Ба колода оказалась с собой? Я понимаю еще в каюте, но с собой? В такой момент?

В голосе его сквозило смутное подозрение.

— Хочешь перетянуть? — Маккензи, как всегда, был самохидство. — Валяй, зубочистки на камбузе, если карты не нравятся!

Шарятьев отвел глаза — не то чтобы торопливо, но быстро.

— Брек. — Капитан слегка хлопнул ладонью по столу. — Жребий был честным, я ручаюсь, что сдал верхние карты. Уж мне-то можете верить.

Собственно, насчет этого никто и не сомневался.

— Слышь, кэп. — Маккензи вдруг стал серьезен. — У меня на тупике бутылка виски имеется. Позволишь? А Вадик пусть обед приготовит. Хрен с ним, с циклом, по-барски, с икрой и устрицами. А?

Гижу секунду поразмыслил.

— Виски позволю. А что до обеда... Представь, каково на этом обеде будет ЕМУ? И нам, рядом с НИМ?

Маккензи опустил лицо и несколько раз мелко кивнул:

— Да... Ты прав, капитан... Как всегда. Ну, я пошел.

Во второй раз навестить Йохима Ба в Ноттингемском клиническом центре Гижу и Маккензи сумели только спустя полгода — нравы в режимном секторе космоцентра были, понятное дело, суровые. Они шли локоть к локтю, больше

не капитан и больше не бинж — в кадетских комбинезонах вообще без всяких нашивок, только с номерами на спинах, лишенные всех привилегий, званий и классов. Коротко остриженные, с обострившимися чертами лица.

Если повезет, через годик-полтора их восстановят в правах рядовых трассеров и, возможно, даже зачислят в какой-нибудь экипаж на заштатной трассе. Тот, кто допустил аварию, теряет все, это известно всякому.

Но к Йохиму Ба их все же отпустили.

В первый раз Гижу, Маккензи и Шарятьев приходили сюда дня через четыре после того, как ущербную Фрею с Титана на Землю доставила во чреве исполинская Кларесса. Йохим Ба плавал в физрастворе за толстым то ли стеклом, то ли пластиком и соображал не лучше, чем заспиртованный медвежонок в зоологическом музее. Врачи говорили, что шансы есть, и много, но нужно время. Молча постояв рядом с беспмятным товарищем по команде и несчастью несколько минут, они ушли.

После трибунала Шарятьева почему-то отослали в другой центр, хотя уместнее было бы отослать Маккензи — он как раз проходил по отдельной линии подготовки и относился к ведомству биоинженерии в отличие от экс-капитана и экс-навигатора, которых когда-то готовили в одной школе, только на разных факультетах. С тех пор Гижу и Маккензи редко расставались, а причины перевода Шарятьева поняли несколько позже.

Они уже знали, что Ба поправляется, но двигательные функции еще не полностью восстановлены.

Невзирая на комбинезоны без нашивок, в спецсектор их пропустили без проволочек. И на этаж тоже. Строгая сухопарая медсестра безропотно проводила их в палату.

Палата... После крохотной камеры, в которой обитали Гижу и Маккензи уже шестой месяц, хотелось назвать ее дворцом.

Огромная, невероятно огромная комната под прозрачным куполом, в данный момент раскрытым. Сверху нависало летнее небо. Под куполом натурально росла трава и мелкие кустики — газон газоном. Вокруг — мраморная дорожка, лавочки; посреди специального пятачка — фонтанчик с

рыбками. И только где-то там вдали, у дальней стены виднелась койка, как раз напротив громадной видеопанели.

Йохим Ба сидел в кресле, у фонтанчика; рядом возвышался изящный столик, на котором красовалась ваза с фруктами; тут же стояли кувшин молока и глиняная кружка. Во втором кресле небрежным ворохом пузырились кое-как развернутые газеты. Бросалась в глаза палочка, бережно приклоненная к креслу.

Ба медленно повернулся в сторону посетителей и сразу стало видно, что правая половина лица у него словно омертвела: даже морщины заканчивались на середине лба. Странно неподвижным оставался глаз. Ни намека на мимику, восковая маска, не лицо.

Точнее — пол-лица, потому что левая сторона жила. Но эта полуулыбка хорошо знакомого человека выглядела чужой.

— Здравствуй, Йохим, — твердо поздоровался Гижу.

— Здравствуй, — эхом повторил Маккензи.

— Отпустили наконец-то? — ответил Ба.

Говорил он тоже плохо, но в целом разборчиво.

— Здравствуйте. Вон там есть стул, тащите сюда.

За стулом сбегал Маккензи, Гижу тем временем убрал из второго кресла газеты.

— Сколько у вас времени?

— Минут десять, — виновато признался Гижу.

— Ага. Давайте обо мне не будем: выкарабкаюсь помалу. Лучше скажите, когда вы поняли?

Гижу на секунду опустил голову.

— Да я почти сразу понял, когда ты карты достал, — признался он. — Еле сдержался, чтобы не попросить тебя показать мизинец.

Ба улыбнулся своей жутковатой полуулыбкой:

— Ну, мизинец-то мне присобачили на совесть, даже шва не осталось.

— А я понял, — признался Маккензи, — когда ты нашел программу за какие-то двадцать минут. Я глянул — инверсировать такую уйму операций так быстро? А если учесть еще, что на поиск самой программы должно уйти какое-то время...

— А чего мне тянуть, если вы уже поняли, а остальные никогда и не поймут?

— Шарятьев тоже догадался. По крайней мере что-то заподозрил.

— Да? Не ожидал от него. И как Шарятьев?

— Ничего. Летать будет вряд ли, но преподавателем стал отменным.

Ба вздохнул.

— Что ж... Каждому свой путь. К нам ему, сами понимаете, не судьба.

— А пацаны?

— Мрничек сбежал в дефектоскописты, в космос больше ни ногой. А Хомуха, представь себе, подался на навигаторский факультет!

— Вадик? — изумился Ба. — После того, как он нас всех чуть на тот свет не отправил?

— А он, оказывается, и не виноват был. Фрея еще с прошлого рейса на просчете вариативностей сбила, что-то там у нее занедужилось, а космодромные бинжи проспали. Собственно, они тоже не виноваты: отклонение было в табличном пределе, просто стало больше, чем раньше.

Но теперь статистика снята, думаю, таблицы уже обновили с учетом нашего случая. А Вадик, между прочим, тянет на золото по итогам полугодия!

— Ну, молоток! Рад за него!

Над палатой щебетали птицы.

— Слушай, Йохим, я давно хотел спросить, — начал Гижу, но на несколько секунд умолк. — Ты... Ты начал экзаменовывать нас в тот самый момент, когда признался, что ты не простой трассер, а разжалованный бинж?

— Разумеется! Если уж вляпались по-крупному, нужно сразу брать быка за рога и решать, кто способен работать сакрифайсером, а кто нет. Я поставил на обоих и выиграл — ты, капитан, начал подыгрывать мне раньше, чем осознал это. Да и Кларенс вел себя... адекватно.

Йохим по-прежнему называл Гижу капитаном.

Маккензи не преминул съязвить:

— Премного благодарны за доверие...

В самом деле, кто способен сохранить спокойствие и уверенно лечь под врачебный лазер в ситуации, в которой совсем недавно пребывала Фрея?

Кто не сломается тогда, когда порою ломаются лучшие из лучших? Кто не позволит им сломаться, взвалив на себя роковое бремя неудачника, вытянувшего страшный жребий?

Только тот, кто однажды уже пережил подобное. Поэтому в сакрифайсеры набирали лишь астронавтов, вернувшихся на аварийных кораблях, и лишь тех, кого рекомендовал искалеченный сакрифайсер.

— Не тяжело вам? — спросил Ба участливо. — Меня, помню, просто бесило, что все вокруг считают меня арестантом.

— Меня тоже бесит, — сознался Гижу. — Однако держусь. И Кларенс держится, но таким ядовитым стал — мне его, клянусь, придушить иногда хочется!

— Ну, извини, — вздохнул Маккензи. — Не от райской жизни.

— А курс как? Дается?

Капитан упрямо поджал губы:

— Куда ж он денется... Только программы подбирать тяжело — много их, черт бы их побрал... Голова пухнет.

Программы фрагментарного поражения организма... Заранее просчитанные до десятитысячных долей процента на любое из возможных повреждений — они ввергли бы в ужас любого из инквизиторов древности. И любой сакрифайсер должен был разбираться в них быстро и безошибочно — от этого зависела как его жизнь, так и жизнь всех, кого он спасал.

— Программы, — проворчал Ба, хмурясь половиной лица. — Что программы, они еще не самое страшное. Хотите знать, что было самым трудным для меня?

— Что? — в один голос выдохнули Гижу и Маккензи.

— Труднее всего, — признался Йохим Ба, лучший сакрифайсер дальнего космоса, — было научиться всегда — всегда! — вытаскивать из этой чертовой колоды именно пикового туза!

Юлий Буркин

ВОН! К ЗВЕЗДАМ!

— Они же не будут стрелять?! — задыхаясь, выкрикнула Сашка, ныряя за мной от света фонаря в темноту, под отцепленный вагон. Лай собак, кажется, стал чуть тише, сместившись влево.

— Конечно, не будут, — заверил я, точно зная, что вру. Пусть хотя бы ей не будет так страшно.

Но зря я старался: только я перевернулся с живота на спину, поудобнее устраиваясь на шпалах и мокром щебне между ними, как со стороны депо раздался треск очереди. Пронзительно звякнул металл о металл, и звук этот смешался со свистом, жужжанием и эхом.

— Валя, — тихо забормотала Сашка, подползая и уткнувшись холодным носом мне в ухо, — мы же ничего такого не делали, — я почувствовал, что она вот-вот сорвется, — мы же только целовались.

— Тс-с, — прошептал я. — Мы, кажется, ушли. Давай замрем и полежим смирно.

В такую передрыгу я попал впервые, но вел себя достойно и, наверное, гордился бы собой, если бы не было так жутко.

Сперва тявканье сдвигалось левее и левее, и все спокойнее становилось в моем ухе Сашкино дыхание, но потом собаки вдруг залаяли ближе, даже стали слышны голоса людей, и она задышала неровно, с еле слышным сопением. Дважды пальнули одиночными, видно, заметив что-то подозрительное. Я напрягся, но звуки снова начали удаляться.

С лужей, точнее, с дождем, нам повезло. Если б не он, собаки со следа не сбились бы... Учитывая, что мы бежали от самого парка, можно сказать, что мы совершили невероятное.

Одновременно с тем, как отступал страх, все сильнее начинали угнетать холод и сырость. Но, видно, Сашка успокоилась раньше меня, потому что она вдруг прижалась ко мне плотнее, и ее рука полезла мне под рубашку, поползла по животу... Ого! Это новые игры. Я сразу забыл о дискомфорте.

— Валька, — зашептала она, — нас ведь сейчас чуть не убили. А если бы убили, тебя или меня, у нас бы никогда не было этого...

Где-то неподалеку, на нашем или на соседнем пути, застучал колесами локомотив.

— Ты хочешь сказать... Нам нужно сделать это? — Я почувствовал, что руки начинают дрожать снова, но уже не от холода и не от страха, скользя по ее мокрой холодной спине под свитером.

— Ага, — выдохнула она. — Пока не убили. Чтоб хоть было за что.

Глаза привыкли, я уже отлично видел ее в темноте, и мы стали целоваться, потихоньку расстегивая все, что расстегивалось. И мы так увлеклись этим, что перестали обращать внимание на звуки, пока локомотив, тормозя, не закрипел почти над ухом, а потом несильно треснулся прямо о наш вагон. Тот, громыхая, покатился, мы снова замерли, но, пройдя метра два, он застыл, оставшись все-таки над нами.

Локомотив очень медленно придвинулся к нему и толкнул его еще раз, но теперь вагон только дрогнул. Совсем рядом послышался хруст щебня под чьими-то ногами, скрежет и стук... Стало ясно, что вагон прицепляют.

— Пойдем отсюда, — шепнула Сашка, торопливо застегивая джинсы.

Я понял, что она собирается лезть через рельсы, и крепче ухватил ее за талию.

— Ты с ума сошла! Вагон в любой момент может поехать!

— И что, лежать тут и ждать?

— Конечно! Ты хочешь, чтобы тебя разрезало пополам?

— Можно отползти подальше от вагона по шпалам, а потом уже лезть через рельсы, — предложила она.

— Можно, — согласился я.

Но этого не понадобилось. Вагон дернулся и, ускоряясь, двинулся в противоположную прежней сторону. А мы, как дураки, остались лежать на шпалах под ярким светом висящего на столбе фонаря. Так сказать, на всеобщем обозрении. Слава богу, обозреть было некому.

— Давай не пойдем домой, — предложил я, когда мы, грязные, как свиньи, выбрались обратно в жилой микрорайон. — Можно снова напороться.

Раздался низкий-низкий, на пороге слышимости гул, и чуть шевельнувшись под ногами земля. В космос отправилась очередная партия добровольцев.

— А куда пойдем? — спросила она.

— К Виталию, — придумал я. — Он тут в двух шагах живет, я у него был один раз.

— Зачем?

— Диктант переписывал.

— Нет, второй час все-таки. Неудобно.

— Удобно, неудобно!.. А от патруля бегать удобно?! — Я почувствовал, что начинаю злиться. Не на нее. Просто оттого, что нас обломал локомотив, и я так и остался девственником. Хотя звучит это и смешно. — Помнишь, как он нас учил: «добро должно быть с кулаками», «красота спасет мир», «лучше умереть стоя, чем жить на коленях»... Сами все просрали, а теперь к нему неудобно!

— Он-то здесь при чем?

— Все они при чем!

— Перестань, Валенок.

— Да не «перестань»! — конкретно завелся я. — Я ему в глаза хочу посмотреть. Почему это мы должны лететь к этим

чертовым звездам?! Как они могли подписать эту долбаную «Хартию»!

— Тебя никто не заставляет никуда лететь.

— Да?! А если я люблю тебя?!

— Тогда не кричи на меня.

Я даже остановился, стараясь взять себя в руки, потом сделал глубокий вдох и через силу улыбнулся.

— Извини, Мурка, — сказал я.

— Я все понимаю, — кивнула она.

— Он, конечно, ни в чем не виноват. Но давай все-таки пойдем к нему. Просто потому, что так безопаснее. А мы стоим возле его подъезда.

— Проходите, проходите, ребята. — Виталий Иванович сильно постарел за год, что я его не видел, но выглядел все-таки молодцом. Хотя, возможно, потому, что был одет в новенький спортивный костюм. — Какими судьбами в такой час? Что-то случилось? — спросил он, оглядывая нас. — За вами гнались?

— Да, патруль, — кивнул я, разуваясь.

— Можно, я сразу в ванную? — попросилась Шурка.

— Конечно, конечно, — засуетился Виталий. — Вот сюда, пожалуйста. Чистое полотенце висит на двери. Кстати, можно и одежду постирать.

— А ничего, что машинка шуметь будет?

— Нет, нет, ничего, я ведь один живу.

— А во что я потом оденусь?

— Там висит халат. Правда, он мужской.

— Тогда раздевайся, — сказала мне Сашка. — Тоже постираю.

— Комендантский час? — спросил меня Виталий, включая чайник, когда она заперлась в ванной. — Что же вы так неосторожно?

Я, оставшись в одних трусах, прошлепал за ним на кухню.

— Они нас еще до одиннадцати почиали, — возразил я. — Мы целовались. В парке.

Лицо у него стало таким, словно ему дали пощечину. Он опустил на стул.

Тут дверь ванной распахнулась, и, шествуя павой, в коридоре возникла Сашка, задрапированная в шикарный японский халат.

— Как я? — спросила она.

— Супер! — отозвался я.

— Вы, Саша, восхитительны, — подтвердил Виталий, вымученно улыбнувшись.

— Тогда ждите меня, мужчины, — сказала она. — Я скоро буду.

И снова скрылась в ванной. И сейчас же там загудела стиральная машина. Почти как мезонный транспортно-пассажирский корабль «Свит Эппл-Эль».

— Подонки, — сказал Виталий, имея в виду, конечно, милицейский патруль. — Бедные вы мои. Как же это все скверно. И ведь они — русские люди...

— Они тут ни при чем, — сказал я. — У них приказ.

— Мало ли что приказ. В войну таких называли полицаями, а партизаны их вешали. И потом, после войны, их искали, судили и расстреливали. Правда, я тогда еще не родился.

— Не надо путать, Виталий Иванович. Кстати, чайник кипит, можно заваривать. Полицаи переходили на сторону врага, а наша милиция служит нашему правительству. — Я помолчал, а потом отважился: — Я давно хотел спросить у вас: почему вы нас предали? Как вы могли подписать «Хартию»? Почему вы не воевали? Помните, вы мне подсунули Стругацких? Вы ведь хотели, чтобы мы выросли смелыми и добрыми, чтобы мы полетели на другие планеты, чтобы мы покоряли их. И вот мы улетаем... Но разве так это должно было быть?!

Стоя спиной ко мне, Виталий разлил чай в две чашки. Обернулся, поставил их на стол. Сел.

— Валя, — сказал он. — Ты ведь знаешь все, и я не могу сказать тебе ничего нового. Стоит ли корить стариков, которые остались без будущего. Единственное, чем я могу помочь вам... Оставайтесь у меня до утра. С ней вместе. В той комнате, — указал он за стенку.

— Виталий Иванович! — Я вскочил. — Мне даже мама такого не скажет! Но ведь если узнают, что я ее... Что мы у вас...

— Не узнают, — усмехнулся он. — А если и узнают, что с того? Я уже все потерял.

* * *

Над входом в мэрию белыми буквами на зеленой ткани красуется ненавистная надпись: «Земля сыновьям Аллаха». Это единственная зримая деталь, навязанная нам ОАЗИ. В «Хартии» она прописана отдельным пунктом.

Мы с Сашкой, ее родители и моя заплаканная мама сидим на скамеечке возле двери загса, ожидая своей очереди. Брак сегодня стал настоящим «тайнством», никто не хочет, чтобы его выбор стал известен посторонним. Ведь неясно, какой из вариантов унизительнее.

Наши политики кичатся тем, что сумели «преодолеть кризис мирным путем». Уверяют, что каждый из пунктов отводили с риском для жизни. Но особенно не поспоришь, когда со спутников на тебя направлены термоядерные боеголовки, а противник не боится смерти. Да и не верю я политикам. Как-то я спросил у отца, многие ли политики продаются. Он ответил мне: «Все. Только цена разная».

Стены коридора увешаны красочными репродукциями, изображающими иные миры. Никогда еще фантастическая живопись не пользовалась такой популярностью. Чтобы как-то развеяться, мы с Сашкой принялись разглядывать картины. Особенно понравилась одна. На поляне, окруженной розовыми деревьями, под ярким бирюзовым солнцем стоят три одетых по-земному человека — молодая женщина и двое мужчин. А рядом с ними, поджав задние ноги, сидит добрый рыжий кентавр, бережно держащий в руках человеческого ребенка.

— Валя, может, там действительно так? — искательно заглядывает мне в лицо Сашка.

— Конечно, Шурка-Мурка, — отвечаю я, — так или еще лучше, — и чувствую, что краснею от того, как фальшиво звучит мой голос.

Наконец предыдущая пара и кучка родственников с бледными улыбочками вываливаются в коридор. На свадьбе теперь принято дарить искусственные цветы. Из динамика над дверью раздаются наши имена: «Валентин Николаевич Паздеев и Александра Ивановна Толстоброва приглашаются в зал бракосочетаний».

Сашка смотрит на меня испуганными глазами. Дурочка, она не прекращает винить себя в том, что беременна. Тетенька-инспектор, поднявшись, одаривает нас ледяной улыбкой. Ей бы в морге работать. Впрочем, почти так оно и есть.

Война была проиграна, не начавшись. И вдруг подвернулось изобретение НАСА. До того вдоль и поперек засекреченные мезонные корабли дали нашему «западному» миру призрачную надежду. Мусульманам не нужны звезды. Ведь для людей Аллах создал Землю, и только Землю. Это нас и спасло. Или несколько отсрочило конец.

...Утром, когда Сашка еще спала, мы с Виталием снова сидели на кухне.

— Почему ни от кого из колонистов еще не приходило известий? — спросил я, хотя и знал ответ заранее. — Почему еще никто из них не возвращался?

— Потому что они ныряют неизвестно куда и выныривают неизвестно где. И мы понятия не имеем, как находить направление. Когда-нибудь мы научились бы этому, но нам дали только пятнадцать лет. Убраться вон. Или в могилу, или в космос.

Он сказал «научились бы», а не «научимся» потому, что никто еще не доказал, что, кроме Земли, во Вселенной есть миры, пригодные для жизни.

— Виталий Иванович, а сами вы верите, что там что-то есть?

— Я верю, — сказал он. — Но, к сожалению, это вера чистой воды, и она ничем не подкреплена.

— Только вашим желанием? — подсказал я.

— Дело не в этом. Я верил в это и до кризиса, когда нас никто никуда не гнал. Ты же видел мою библиотеку. Я всю жизнь мечтал о космосе.

— Так почему же вы не летите? Вы считаете себя слишком старым?

Он усмехнулся.

— Ты знаешь, Валя, как раз поэтому я готов лететь хоть к черту на рога. Здесь мне терять нечего. Уж лучше так, чем доживать свой век, наблюдая, как уничтожают все, что ты любил.

То же самое написал в предсмертной записке отец.

— Так в чем же дело? — продолжаю настаивать я.

— Ты правда не понимаешь? А ты не знаешь, сколько стоит полет холостяку или человеку не фертильного возраста?

— Что такое «фертильный»?

— Способный к продолжению рода.

— Сколько? — упрямо спрашиваю я.

— В десять раз дороже, чем тебе, если бы ты собрался лететь с ней. — Он кивнул на стену, за которой спала Саша. — Такова установка правительства. Чтобы старики не занимали место. Надо спасать детей.

Спасатели...

— Говорят, у американцев по-другому, — продолжает он. — У них и раньше пенсионеры путешествовали.

...Даже для нас полет стоит очень и очень дорого. Продано все, что только можно продать. И это еще притом, что в одном корабле, по рекомендации генетиков, летит не менее ста супружеских пар. Наши родители с радостью отправились бы с нами, но это нам уже не по карману.

— Дорогие брачующиеся, — торжественно произносит тетенька, читая текст открытой книги. — Согласно статье двенадцатой Нового административного кодекса Российской Федерации, вступая в брак, вы имеете выбор из трех вариантов, и этот выбор вы должны сделать именно сейчас. Первый вариант: вступая в брак, вы проходите процедуру добровольной стерилизации...

Я видел тех, кто пошел на это. Их безошибочно узнаешь по загнанному взгляду и стремлению получать от жизни непрерывное удовольствие, не получая его совсем.

— ...Второй вариант, — продолжает читать тетенька, — вступая в брак, вы добровольно передаете заботу обо всех своих будущих детях правительству Объединенных Аллахом Земель Ислама без права пытаться искать их и каким-либо образом влиять на их дальнейшую судьбу.

Казалось бы, какая разница — мусульманин, православный, католик?.. Где-то ведь он будет жить... Вот только всем «из непроверенных источников» известно, что наших детей в ОАЗИ превращают в евнухов. Я очень, очень давно не видел на улице беременных женщин. Или они, сгорая от стыда, прячутся по домам?

Как было бы здорово, если бы это было неправдой. Тогда бы, замерзая где-нибудь в космическом холоде или сгорая возле белого карлика, я бы мог думать: капля моей крови осталась на Земле... Но нет, я уверен, что это правда.

— ...И наконец, третий путь, — сообщает тетенька, отрываясь от бумажки, — покупка лицензии на космический полет. — Она с любопытством оглядывает нас.

— Мы выбираем третье, — твердо говорю я.

Тетенька поднимает брови. Все-таки такой выбор делает не каждый второй и даже не каждый десятый.

— У вас есть квитанция об оплате? — спрашивает она.

— Да, конечно, — протягиваю я ей корешок.

— Замечательно! — говорит она, беря бумажку. — Приготовьте кольца, приступим к церемонии.

И из колонок над столом начинает струиться веселенький марш Мендельсона.

Выйдя из мэрии, мы с Сашкой садимся в украшенную машину. Я выглядываю из окошка и вижу зеленое полотнище.

— Мы еще вернемся, суки, — тихо говорю я сам себе. — Вы еще запоете... Слава Христу!

Хоть я и неверующий.

Антон Первушин

ВЫСТУПЛЕНИЕ КОСМОНАВТА КОМАРОВА В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

— ...Это здесь, товарищ генерал-майор, — сказал сопровождающий офицер, и водитель сразу затормозил.

«Волга» остановилась у большого бревенчатого дома, стены которого почернели от времени и дождей, а крыша местами прохудилась, обнажив дранку. Над входной дверью была прибита доска с надписью: «КЛУБ».

Сопровождающий офицер первым выбрался из машины, обошел «Волгу» и предупредительно распахнул дверцу со стороны старшего по званию. Комаров тяжело вздохнул и полез наружу, ступив начищенным сапогом в грязь.

Из-за угла клуба выглядывали дети. Им явно очень хотелось подойти и поговорить с самым настоящим космонавтом, но они, воспитанные в строгих правилах русской деревни, не решались этого сделать и только пугливо глазели, как невысокий генерал в огромной фуражке и кожаном плаще выбирается из черной блестящей машины — вроде той, на которой ездят «большие начальники» из райцентра.

Комаров снова вздохнул, но улыбнулся и поманил детей пальцем. Не все рискнули преодолеть стеснительность — к

машине подошли четверо: три мальчика лет по двенадцать-тринадцать и совсем маленькая девочка, которую один из пацанов вел за руку — наверное, сестра. Одеты все четверо были бедно, но добротно. Притом выглядели вполне здоровыми и сытыми, а уж Комаров в войну насмотрелся на отошавших до синева детей и знал, чего на самом деле стоит и эта сытость, и ухоженность.

Вперед выступил один из мальчуганов — вихрастый и краснощекий.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор? — спросил он звонким голосом, встав по стойке «смирно».

Комаров чуть не рассмеялся от неожиданности. И с удивлением про себя отметил, что настроение, напроць испорченное долгой поездкой, бездорожьем, осенней хмарью и слякотью, постепенно улучшается.

— Обращайтесь, — дозволил он пацану.

Но паренек отчаянно заволновался и нарушил правила игры:

— А вы ведь космонавт... дяденька... товарищ генерал? Космонавт, правда ведь?

— Космонавт, он самый, — кивнул Комаров.

— А кто вы? — задал уточняющий вопрос подросток.

— Летчик-космонавт Комаров. Владимир Михайлович.

Мальчишка отступил к сверстникам, и они зашептались, поглядывая на Комарова с нескрываемым обожанием. Затем вихрастый вернулся на исходную позицию и сказал важно:

— Это вы управляли «Звездой-7», а потом — «Звездой-9»? И вы летали на «Алмазе-1»?

— Я, — не стал отрицать своих заслуг Комаров.

Тем временем дверь клуба распахнулась и крыльцо быстро заполнилось народом. Навстречу гостям двинулись председатель местного сельсовета в выходном костюме с орденскими планками и девушка в русском национальном сарафане при кокошнике. На вытянутых руках девушка удерживала поднос: хлеб, соль, стопарик водки. Комаров пожалел девушку: было хорошо видно, что она мерзнет на холодном сыром ветру, да и ступать по жидкой грязи в маленьких сапожках вряд ли доставляло ей удовольствие.

Впрочем, сначала нужно было подумать о мальчишках. Комаров сунул руку в карман плаща и вытащил горсть сувениров. Издалека каждую из этих безделушек можно было принять за патрон от автомата Калашникова, однако на самом деле то были миниатюрные модели космических кораблей, выточенные из «космической» стали умельцами Куйбышевского завода. Пока председатель и девушка приближались, Комаров роздал ракеты пацанам и попрощался с ними так:

— Бывайте, орлы! Захотите стать космонавтами, милости просим в Звездный. А пока надо учиться. Неучей среди космонавтов не бывает.

— Так точно, товарищ генерал-майор! — вновь перешел на язык устава вихрастый; глаза его сияли.

Сопровождающий офицер кашлянул, и Комаров переключился на председателя сельсовета. Сердечно пожал его мозолистую руку, поинтересовался делами и здоровьем. Потом пришлось выпить водки и закусить краюхой теплого хлеба.

— Призывники ждут, — сообщил председатель. — Пожалуйте, товарищ генерал.

— Не надо так, товарищ председатель, — поморщился Комаров. — Я же моложе вас. Называйте меня просто Владимиром.

— Не могу, товарищ генерал, — отозвался председатель, пряча глаза. — Никак не могу.

— Воля ваша, — согласился Комаров и двинулся к дому.

Люди на крыльце смотрели на него во все глаза: кто с удивлением, кто с любопытством, кто с обожанием. Многие улыбались. Комаров, не задерживаясь, прошел прямо в клуб.

Внутри было тепло, почти жарко. В большой комнате стояли лавки и высилась импровизированная трибуна. На лавках тоже сидели мальчишки, но постарше — в возрасте от семнадцати до двадцати. Было тут человек сорок, и Комаров понял, что «призывников» собирали со всех окрестных деревень. При появлении генерала-космонавта общий гомон стих, и «призывники», как один, поднялись на ноги.

— Садитесь, товарищи, — сказал тот и прошествовал к трибуне.

Краем глаза он заметил, что сопровождающий офицер не последовал за ним, а остался у входа, прислонился плечом к косяку.

Комаров повернулся лицом к собранию и взгляделся в лица сидящих перед ним молодых людей. В который уже раз перед ним стояла непростая задача: он должен был найти контакт с этой аудиторией и как можно более понятно объяснить ей, почему так неотвратно изменилась жизнь в стране и почему большинству из этих здоровых и уверенных в себе ребят никогда не придется служить в армии. А еще он должен рассказать, что такого особенного в этой космонавтике и почему лучшие люди страны отдают ей все свои силы и всю свою жизнь. Для детей, которые встретили его на улице и получили за это заслуженные сувениры из космической стали, таких вопросов просто не существовало, но в зале сельского клуба собрались те, кому в скором времени предстояло сделать самый главный выбор в жизни — определить путь, по которому идти, а в этот период человек очень подвержен чужому влиянию и сиюминутным порывам.

Что же им рассказать? Как начать?..

...Может быть, рассказать, как прекрасен в космосе солнечный восход? Корабль движется по орбите быстро и в течение рабочих суток можно успеть многократно полюбоваться этим незабываемым зрелищем. Огненно-красный диск начинает подниматься над горизонтом, спектральные полосы расстилаются по темно-фиолетовому краю, а над Солнцем на короткое мгновение вспыхивает необычайный по красоте ореол, напоминающий по форме русский кокошник. Еще несколько секунд — и Солнце становится золотым, и в его лучах отливают позолотой восьмиметровые колонны орбитальных боевых кораблей, в тесных кабинах которых сидят твои друзья...

...А может, рассказать о напряжении старта? Словно струна, натянут каждый нерв, секунды становятся текучими, замедленными до умоисступления, а предстартовый отсчет доносится будто бы из далекого далека — с другой планеты или со звезды:

«Пять... Четыре... Три... Два... Один...»

Медики советуют в эти минуты «расслабиться и получать удовольствие», но, наверное, это невозможно. Потому что впереди не просто еще один полет в космос, впереди — бой!

«Пуск!» — произносит наконец «стреляющий».

«Поехали», — шепчут привычно губы.

Полковник аэрокосмических сил Владимир Комаров не может видеть лица своего напарника по этому полету — подполковника Бориса Белоусова, сидящего сзади, но знает твердо: напарник тоже шепнул эту фразу, ставшую в отряде космонавтов традиционной с подачи начальника летной подготовки Марка Галлая.

Перегрузка возрастает, вдавливая в кресло. Поле зрения сужается, перед глазами стелется дымка, сердце отчаянно бьется в груди, проталкивая по венам враз потяжелевшую кровь. Однако первейшая обязанность командира экипажа — контролировать все этапы полета, не отвлекаться на трудности и частности и поддерживать связь с пультуемой Центра управления полетами.

«Звезда-9», время — семьдесят, — сквозь треск сильнейших помех доносится голос с Земли. — Как чувствуете себя? Прием».

«Понял вас, — отвечает Комаров. — Время — семьдесят. Чувствуем себя отлично. Вибрация и перегрузки в норме. Продолжаем полет».

Оттикало еще десять секунд. Шум от работы двигателей усиливается, а вибрация разом прекращается. Это отделилась первая ступень ракеты-носителя. Нужно доложить.

«Заря», я «Звезда-9». Закончила работу первая ступень. Полет продолжается нормально. Прием».

На третьей минуте полета с громким характерным щелчком срабатывает система сброса головного обтекателя. В иллюминатор корабля брызжет яркий солнечный свет.

«Звезда-9», сброшен конус, — информирует ЦУП. — Все нормально. Как ваше самочувствие? Прием».

«Заря», я «Звезда-9». Сброс прошел хорошо. Самочувствие отличное. Прием».

Ложемент командира экипажа в космическом корабле класса «Звезда» располагается не так, как на классических

«Востоках», «Восходах» или «Союзах». Чтобы увидеть Землю, Комарову пришлось бы отстегнуть привязные ремни, встать и подобраться к иллюминатору. Однако делать этого, пока не отработали вторая и третья ступени, не стоило — можно переломать кости. Впрочем, полковник и так хорошо представлял себе, как выглядит планета. Высота еще относительно невелика, а значит, вид Земли мало отличается от того, какой можно увидеть с борта реактивного истребителя — сине-зеленая поверхность, складки местности, реки, белые и аккумулятивные прямоугольнички городов.

На девятой минуте полета раздается резкий отрывистый звук — сработали пиропатроны, отстрелив третью ступень ракеты, а значит, корабль вышел на орбиту. Теперь можно вдохнуть полной грудью и дожидаться, когда со своих площадок в Тюратаме стартуют «Звезда-10» и «Звезда-11»...

...А может, рассказать о спрессованных до предела минутах космического боя? Свора космопланов класса «Дайна-Сор» выходит на обратную приполярную орбиту, чтобы уничтожить автономную платформу «Ураган», несущую на себе шесть ракет с термоядерными боеголовками. Но разведка успела вовремя сообщить о готовящейся операции, и на перехват истребителей устремляются три «Звезды». На борту этих изящных космических кораблей, спроектированных в бюро Дмитрия Козлова, находятся по паре пилотов — итого в перехвате участвуют шестеро. Из них двое — новички, впервые вышедшие в космос. Это противоречило существующей инструкции, однако у командования аэрокосмических сил не оставалось другого выхода — «потенциальный противник» нагнал день ото дня, и за участвовавшими в последнее время катастрофами на околоземных орбитах чувствовалась злонамеренная деятельность. Чашу терпения переполнила ничем не спровоцированная атака на орбитальный танкер, обслуживающий запуски в поддержку постоянной научной базы на Луне. На высшем правительственном уровне было постановлено: подобные акции отныне должны встречать самый решительный отпор. Но в последний момент оказалось, что не хватает подготовленных экипажей, и в бой вместе со стариками пошли новички...

Корабли летят наперехват; они наводятся на вражеские космопланы с помощью радиолокационных пеленгаторов;

источником электроэнергии для них служат термогенераторы на плутонии, а маршевые двигатели на перекиси водорода позволяют свободно маневрировать и ускоряться при необходимости. Единственным оружием космических кораблей класса «Звезда» является пушка НР-23, ее двадцатитрехмиллиметровые снаряды способны поражать цель на расстоянии прямой видимости, а видимость в космосе претличная.

Полковник аэрокосмических сил Владимир Комаров, выполняющий обязанности ведущего в группе, пытается связаться с вражескими истребителями на УКВ-частоте в 121,75 мегагерц. На хорошем английском он предупреждает пилотов «Дайна-Сор», что если они приблизятся к автономной платформе на расстояние десяти километров, то будут уничтожены. При этом Комаров чувствует, как намочка хлопчатобумажная рубашка под полетным костюмом, а голос становится хриплым и слова чужого языка даются с трудом. Противник продолжает сохранять радиомолчание и на полной скорости входит в зону отчуждения. Белоусов без приказа поворачивает «Звезду», удерживая передовой космоплан в перекрестии прицела, и тогда Комаров, поколебавшись всего мгновение, нажимает спусковую скобу. Пушка выплевывает двухсотграммовые снаряды, и они на скорости 700 метров в секунду устремляются к цели. Маршевым двигателям приходится выдать компенсирующий импульс, чтобы стабилизировать корабль после выстрела. А Комаров продолжает напряженно следить за экраном радиолокатора — визуально попадание снарядов и степень повреждения корабля противника не определишь: в космосе нет привычных нам взрывов с ярким пламенем, столбом черного дыма и оглушительным грохотом. Но цель явно сошла с курса и от нее отделились объекты поменьше — значит, есть попадание и кто-то уже никогда не увидит восхода Солнца...

Потом были и другие схватки. Разведывательный рейд к одной из вражеских орбитальных станций «АМОЛ» едва не закончился гибелью «Союза» со всем экипажем — пришлось выручать ребят. Ответный визит боевых «Блю-Джемини» к «Алмазу-1» обошелся обеим сторонам в потерю десятка пилотируемых кораблей. Хотя его корабль был в числе подби-

тых, Комарову удалось выжить в вымороженном аду космического пространства, но порой он жалел об этом — особенно когда приходилось встречаться с женами и матерями пилотов, навсегда оставшихся там, наверху...

Нет, наверное, об этом не следовало говорить молодежи. Эти мальчишки еще успеют познать и радость побед, и горечь утрат... Успеют...

Пока Комаров размышлял, выбирая тему для разговора, в клубе стало тесно от подошедших посмотреть и послушать сельчан. Десятки глаз были устремлены на генерал-майора, и он понял, что момент настал.

— Друзья мои, — начал он, — один умный человек как-то сказал: «Существа, которые не осваивают космос, ничем не отличаются от животных». Это утверждение очень категорично и с ним можно спорить, но несомненным представляется одно — человек должен летать в космос, потому что такова природа человеческого разума. Мы, граждане Советского Союза, первыми поняли это и находимся теперь в авангарде космической экспансии. Сначала Юрий Гагарин проложил дорогу на орбиту; затем Алексей Леонов первым высадился на Луну; скоро мы полетим на Марс, чтобы увидеть вблизи марсианские каналы и, может быть, познакомиться с жителями этой загадочной планеты. Нас ждет увлекательное будущее... — Комаров откашлялся в кулак, перевел дыхание и продолжил: — Однако для осуществления всего этого нам пришлось от многого отказаться. Мы продемонстрировали всему миру свою готовность к добрососедским отношениям, мы до предела сократили свою сухопутную армию и флот. На высвободившиеся средства мы построили аэрокосмический флот, который дал нам возможность не только осваивать межпланетное пространство, но и защищать себя в случае атаки. А такие атаки, как вы знаете, уже были и, наверное, еще будут. Кое-кто на Западе считает наши космические устремления претензией на «мировое господство». Это неправда. Мы готовы сотрудничать на Земле и в космосе, но нам пытаются навязать не сотрудничество, а гонку... — Комаров сделал паузу. — Что я хочу сказать? Я прекрасно знаю, что многие из вас мечтают послужить Родине в рядах вооруженных сил. Но наша современная армия не такая,

как прежде. Ей больше не нужны миллионы солдат в шинелях и с автоматами, не нужны тысячи танков и боевых машин, не нужны сотни крейсеров и подводных лодок. Аэрокосмические силы вполне способны охранить Родину от вражеского нашествия, но служить в аэрокосмических силах должны высокообразованные и специально подготовленные люди. Чтобы служить в современной армии, нужно не только окончить среднюю школу, но еще от четырех до шести лет провести в академии. И даже после этого нет гарантии, что вы будете зачислены в состав вооруженных сил — конкурс очень велик и отбирают лучших из лучших... По этой причине я призываю вас задуматься, прежде чем подавать заявление о зачислении, — вполне может оказаться, что вам не хватит сил и воли, чтобы стать когда-нибудь пилотами космических кораблей. Но при этом я призываю вас помнить, что все специальности хороши; вся страна работает на нашу космонавтику, а это означает, что на любом месте любой из вас уже участвует в освоении космоса, вносит свой посильный вклад и в подготовку экспедиции на Марс, и в защиту страны... А теперь я расскажу вам, какой замечательный межпланетный корабль мы строим на орбите...

Уехали затемно. После «лекции» Комарова и его спутников пригласили за стол и накормили до отвала. Когда поселок скрылся за поворотом, сопровождающий офицер поклонился к Комарову и тихо спросил:

— Товарищ генерал-майор, вы и вправду считаете, что все мы работаем на космос?

Комаров вдруг поскущел, нахмурился, но ответил:

— Да, я так считаю. Иначе все, чем мы жили, зря...

Олег Дивов

КОГДА НАЧНЕТСЯ МУЙНЯ

Пульты раздавали всем желающим.

Сказали, третьего октября на каждом пульте замигает лампочка. Будет мигать пятнадцать минут. Если в это время нажмешь кнопку, значит, проголосовал. Наберем достаточно голосов — начнется муйня.

Сказали, может, не сразу. Россия — страна большая, не исключены технические неполадки и организационные трудности. Но раз пообещали — сделаем.

Вовка, бабы Кати внук, работал продавцом в магазине «Напильники» и сложной техники не боялся. Парень рукастый, он первым делом свой пульт разломал. Нашел внутри таймер из дешевых китайских часов, светодиод и крошечную микросхемку. Ковырял так и этак, ничего не понял. И собрать пульт обратно не смог. Пошел взять новый, отстоял час в очереди, а ему не дали. Сказали, у нас по спискам, и ты уже брал. Он говорит, я потерял. Ему — не волнует. В России свобода, пользуйся как хочешь. Можешь свой пульт терять, ломать, выкидывать, да хоть пропей его. А можешь дожидаться времени и проголосовать за муйню. Твой личный выбор, юноша. Но второй пульт — фиг тебе. Это, сынок,

называется демократия. Не задерживай очередь. И друзьям своим расскажи.

Баба Катя внука отчихвостила. Тот удивился — бабуля, ты же против муйни вроде, и пульт не брала. Если так переживаешь, пойди возьми, мне отдай. А ты, баба Катя его спрашивает, проголосуешь тогда за муйню? Вовка: я еще подумаю, конечно, но сама погляди, такое вокруг болото, такая сизая тоска. Вроде и работа есть у каждого пацана, и в армию не берут, и международное положение наладилось. Короче, живи не хочу, а жить-то не хочется. Ничего же не происходит! И наши в футбол то выиграют, то проиграют, то выиграют, то проиграют — нервы уже на пределе буквально.

Да и Ленка рыжая, продавщица из магазина «Брюки», которая как бы невеста Вовкина, того же мнения. Скука кругом невыносимая, хоть на стенку лезь. Сказала, тут и муйне обрадуешься, лишь бы что-то с места стронулось.

Дураки вы, баба Катя говорит. Они вам стронут. Они такую муйню на всю Россию-матушку запузывают, без слез не налюбуетесь. Что я, не знаю их, что ли.

Кого их, Вовка удивляется, никто ж не в курсе, была реклама только безымянная.

А мне и знать не надо, баба Катя говорит. Поживешь с мое — чують будешь. Хотя вы столько и не проживете, балбесы, вас хлебом не корми, дай накликать муйню себе на голову. Ладно, допустим, завтра у вас муйня. Но вы же к ней почти месяц готовились! Это просто ужас какой-то, ты оглядись — верных полстраны ничего не делает, только обсуждает, начнется после третьего числа муйня или нет. От споров уже опухли, рожи синие, лыка не вяжете, бабы вас под руки по домам растаскивают... Ну, будет вам муйня, а потом вы чего учудите, лишь бы новый повод не работать?

Вовка плюнул и ушел на двор к мужикам-доминошникам. Разложил на столе пульт раскуроченный. Вот чего это, спрашивает. Мужики стаканы отодвинули, достали кто отвертку, кто тестер, повозились, задумались. Вроде похоже на брелок от противоугонки. Мощности кот наплакал, сигнал даже сквозь дом панельный не пробьет. Непонятно, как с таким пультом за муйню голосовать. Разве что страну накрыть полем, которое слабые импульсы улавливает. Но от

самого-то поля волосы дыбом не встанут у трудящегося населения? Пожалуй, встанут, и не только на головах.

Повытаскивали свои пульты, давай кнопки нажимать, пока лампочки не горят. Нажимают и ржут. Забава новая. Гляди, муйня! О-па, где?! Да вон! Гы-ы!!! Ишь чего народу пообещали — муйню! Экая, понимаешь... Идея. Пока не вдумываешься, смешно. А как примеришь на себя, да на всю Россию, поджилки трясутся. То ли со страху, то ли от возбуждения. С трудом, конечно, верится. Однако интересно. Вдруг получится? Вдруг что-то такое особенное произойдет?

Ну, это надо, чтобы третьего октября полстраны нажало. Кстати, уже второе.

Баба Катя с балкона кричит внуку — сбегай за мукой, я пирогов соображу. Да живей поворачивайся, чего ноги волочешь, будто завтра коммунизм?! Мужики ей — не-е, бабка, завтра муйня! Гы-ы-ы!!!

Дураки вы, баба Катя говорит. Иным уж по сороковнику, а как дети малые. Ладно, чего там, доживайте последний день, веселитесь. А потом они вам дадут муйни!

Да иди ты, паникерша. Мужики еще в домино поиграли, захмелели, стали прикидывать, скоро ли муйня будет после третьего. Уверенно так обсуждают, словно уже дело решенное. Хотя ни один вроде кнопку жать не собирается — да ну, что за глупость, не хватало нам еще всероссийской муйни для полного счастья!

Один говорит, бабы на работе болтали, по радио кодом передают дату начала муйни с точностью до часа. Если внимательно слушать, с какой буквы начинается каждый выпуск новостей, а буквы потом в числа перевести... Какая станция-то? Забыл. Ясен перец, не государственная. Было же вчера официальное разъяснение от правительства — мы к муйне никаким боком, а голосовать — личное дело каждого, у нас демократия, не имеем права вмешиваться. Вы чего, не слышали?!

Ну, тогда суши весла, не будет никакой муйни, понял самый рассудительный. И тут надули. Блин, сколько можно. Права баба Катя, здоровые дядьки, а чисто дети попадаемся. Если правительство разрешило жать на кнопки, значит, все

согласовано. И будет нам реальная муйня, вроде кока-колы или «Макдоналдсов». Рекламная акция, короче. Пульты можно выбросить на фиг. Ибо хочешь жми, хочешь не жми, а результат один. Скажут, вся Россия единодушно проголосовала, чтобы гражданам продавали на десять процентов больше американской муйни за те же деньги. Ура-ура, зашибись.

Вот гадство!

Вообще странно. Прикиньте, мужики, какие деньги в этот проект вложены. Во-первых, сами пульты, чуть не сто миллионов штук, на одной доставке разоришься. Во-вторых, пункты выдачи по всей стране. С компьютерами, персоналом, охраной. В-третьих, помните, как туго у них поначалу шло, к ним же то прокуратура, то налоговая, то пожарные, то менты, а потом они с Центризбиркомом бодались, едва до Верховного суда не дошло... Раздача пультов на полгода затянулась. И им нужно остаться с прибылью. Это что же такое под видом муйни нам попытаются втюхать?

Муйню и втюхают! Гы-ы!!!

Обидно, прямо скажем. В кои-то веки дали тебе право выбирать не одного дурака взамен другого, а нечто серьезное — и тут муйня какая-то получается. Что за судьба дурацкая! Хоть русским не родись. Ну, ты это... Не задерживай. Пей давай.

А народ подтягивается, будто день нерабочий. Весь магазин «Напильники» уже тут как тут. Думали Вовке по шее дать за прогул, да нет его. Ладно, не очень-то и хотелось, все равно муйня скоро.

Эй, тащите, что ли, радио. Вдруг там и вправду дату муйни объявляют, хе-хе... Как — зачем? Интересно просто. Что я, дурак, кнопку дурацкую нажимать? А пульт взял, ага. Ты же взял? И я взял. Дают — бери...

Вовка идет с мукой. Грустный. Потому что без пульта. Да ладно, Вов, наплюй, за тебя проголосуют, дураков хватит. Вон сосед пульт в толчок уронил. Не-е, вытащил потом. А у меня вообще женка отняла. Сказала, не фиг. Бабы, они понимают — решение ответственное, с муйней шутки плохи.

Да бабы первые и нажмут!

Тоже вариант. Короче, Вова, не переживай. Держи стакан.

...А по радио комментаторы заливаются соловьями. У каждого своя версия про муйню. Рекламную акцию со всех концов обмусолили. Кто-то уверяет, будто это социологический опрос такой всероссийский, и скрывается за ним именно власть — уж больно резко отмежевалась. Еще один про проверку на массовую внушаемость тарыхтит. Сумасшедший в прямой эфир прозвонился, говорит, кнопка на пульте — Та Самая Кнопка, просто хотят разделить ответственность, короче, жмите, люди русские, покажем Штатам кузькину маму, даешь Третью мировую термоядерную муйню! Другой псих про нашествие инопланетян задвинул, обхохотались все. А потом вручили микрофон старому и опытному, который еще при Брежневе в телевизоре сидел, и он серьезно так говорит: опомнитесь.

Я, говорит, понимаю, вам надоело все хуже горькой редьки. Вас бесстыдно натягивали последние двадцать лет. Уверяли, будто положение, в которое вас нагибают, очень модное, и вся Америка уже так, а Европа вообще давно этак. Но сейчас-то, когда вроде жизнь наладилась, какого черта вы не проявляете ни гражданской ответственности, ни даже элементарного здравого смысла? За муйню собрались голосовать?! Россия! Ты одурела! Кто тебе сказал, что наступит именно муйня?! Ты эту муйню видела? Руками ее щупала, за щеку клала? Вот ты завтра нажмешь свою кнопку, а если вместо обещанной муйни наступит какая-нибудь дешевая поемень? А если просто — тыздец? Что будешь делать тогда, мать твою?!

Тут старому и опытному звук прикрутили, сказали, нельзя в эфире по матери, у радио лицензию отнять могут.

Баба Катя с балкона: Вов, где мука, начинка уже готова для пирогов.

Да погоди, ба, тут дело серьезное.

Во дворе тишина, даже стекло не звенит, жидкость не булькает. Очень народ смущен намеком на возможный тыздец. Это вам, господа хорошие, не муйня. А уж недужа и русских... Тут снова галдеж поднялся. Борьку-раздолбая вспомнили, Мишку-обманщика, Никиту-фантазера, Альфа-подлеца, Лукича-шарлатана, а один шибко начитанный аж до Вещего Олега дошел. Когда спросили, в чем Олег ему

неправ, ответил: наоборот, единственный был честный президент, сказал-сделал — за что его и грохнули!

А краткая дискуссия о личности товарища Сталина в контексте исполнения означенной личностью ее предвыборных обещаний завершилась дружеской потасовкой.

Дураки вы, баба Катя говорит. Это она за мукой спустилась. Внука же не докричишься, он принял на грудь и ему все до лампочки, ведь завтра голосование, а там муйня не за горами.

Или тыздец. О чем публика старается не думать, но червь сомнения точит души, ослабленные перестройкой, диким капитализмом, олигархизмом и окончательно размазанные нынешней вялотекущей стабильностью.

Как есть дураки вы, баба Катя говорит. Вот мне семьдесят два, а я еще хоть куда. Потому что пряников сладких от жизни никогда не ждала, а просто трудилась, детишек растила, внуков нянчила. Долг свой выполняла. А вам муйню на блюдечке с голубой каемочкой пообещали, вы и рады — лишний повод работу прогулять. Да ты предложи мне эту самую муйню бесплатно — не возьму!

Пульт-то тебе бесплатно дали, возражают мужики бабе Кате в спину — плевать она хотела на их ответ, знает, что дурацкий будет.

Да она не взяла, говорит Вовка, глядя с уважением бабушке вслед. Она против муйни. Я просил, мне возьми — послала.

Кремень бабка. На таких Россия держится безо всякой муйни. Наливай. За тебя, баба Катя! Еще сто лет живи без бед.

...Закуска на газете лежит, в газете написано — муйню затеяли транснациональные корпорации. Больше некому. Хотят российскую «нефтянку» прикарманить. Как муйня по стране пойдет, все ошалеют, бери нас голыми руками. Вопрос: чего тогда для обкатки технологии не устроить сначала муйню какой-нибудь Венесуэле? Она и поменьше будет, и не такой риск, если муйня неправильная получится. Россия ведь от обиды и врезать может. Ответ: Венесуэла, конечно, поменьше, зато поумнее, на муйню не купится. А русских этим только помани. Строго говоря, у каждого носителя рус-

ской культурной традиции жизнь проходит в ожидании муйни. Он к ней всегда готов, как ирландец к выпивке.

Все указывает на крупный международный капитал — и размах акции, и ее анонимность, и отстраненная позиция властей. Даже палки в колеса на первом этапе — грамотно спланированный пиар. Русские любят поддерживать обиженных. Побежали за пультами сломя голову. И лишнего не спрашивали, вполне удовлетворились куцыми рекламными проспектами, будто муйня — дело житейское и насквозь понятное... А помните, как возмущались этим отдельные политики, кричали о преступном легкомыслии? Представьте себе, оказалось, если партия финансируется из-за рубежа, она непременно против муйни. Что, мало доказательств?..

Вечереет уже, а мужики во дворе спорят, не унимаются.

Тут пришла Ленка рыжая и еще девчонки из магазина «Брюки».

Баба Катя спустилась, пирогов у нее целый таз. Закусывайте, говорит, обормоты. А ты, Леночка, особенно.

Вовка убивается, что пульт сломал. Я, кричит, из принципа не нажал бы кнопку! Я понимаю теперь, до чего дело нешуточное! Может, судьба Отчизны решается. А может, и в глобальном смысле. Но кто разъяснит простому трудящемуся? Глаза ему откроет? Да нам, как всегда, одни по радио врут, другие телевизором лапшу на уши вешают, третьи из газет заливают! И все хотят от нашей законной муйни кусок урвать!

Поумнел, что ли, баба Катя говорит.

Ленка рыжая Вовку по плечу гладит — успокойся, хочешь, свой пульт отдам, только успокойся. Нашел из-за чего расстраиваться — из-за муйни.

Это тебе она муйня, Вовка кричит, а на самом-то деле она — муйня! И надо, чтобы у каждого свой голос. Хочу — участвую, хочу — не участвую. Но голос должен быть. А кто не взял или утратил, тот дурак! Это демократия, понимаешь? И я, выходит, от нее отказался!

На, возьми, Ленка ему свой пульт тычет. Вовка отмахивается.

Ты, Вов, напрасно так, мужики говорят. Демократия — это не просто когда голос, а еще когда тебе ежедневно по

ушам ездят, за кого его отдать — и ты уже готов этот голос забить в глотку всяким агитаторам. У нас такая демократия вот где. Мы ею сыты по горло. Думаешь, почему народ за муйню? То-то и оно.

Ага-ага, Ленка рыжая встрепенулась, а знаете, как я вышла в лучшие продавщицы магазина «Брюки»? Да просто я клиенту товар не навязываю. Менеджер требует: облизывай их, облизывай, предлагай, спрашивай «что вы желаете», «что вам подсказать», а я ни в какую. Улыбаюсь клиенту, но первой на контакт не иду. Потому что нашего человека знаю как облупленного. Он вроде и хочет, чтобы облизывали, привык уже, но в глубине души по-прежнему терпеть не может, когда на него давят. И уверен, что хороший товар в лишней рекламе не нуждается. Вот так вам, ребята, муйню и впарили. Держи, Вовка, мой пульт, и будь счастлив. Домой пойду. К муйне вашей готовиться!

Мужики сидят, будто в дерьмо опущенные. Солнце зашло, во дворе темно, холодно, страшно.

И муйня вот-вот.

Конечно, если сразу начнется. Еще неизвестно, как у них пойдет, ведь предупреждали. А может, и тут надуют, вот что самое-то обидное. Вдруг эта история про муйню от начала до конца обман.

Вовка стакан опрокинул быстро и за Ленкой рыжей убежал, едва сдерживая рыдания.

Баба Катя таз опустевший подобрала и говорит — вы, конечно, решите каждый за себя, а я скажу. Жили мы по-разному. И хорошего много видели, и плохого. Вот мне семьдесят два года, и бывает, накатывает такое подлое ощущение, будто всё мое поколение обокрали. Но у вас-то откуда это? Разве вам, кроме муйни, не на что надеяться? Не к чему стремиться? Возможностей мало? Плачетесь, жалуетесь, мол, тоска и разочарование — а представьте, из какой задницы мы страну поднимали. И какие идиоты, вам не чета, нами командовали. И как они всё профукали, что мы построили... Да я была бы обеими руками за муйню, если б она Россию исправила к лучшему. Только муйня не поможет, мужики. Потому что исправлять не страну надо, а людей. Это не Россия дурная, а вы дураки. А виноваты, по большому счету,

ваши мамы-папы. И сейчас, пока осталось время, простите родителей своих за то, что они вас такими несчастными воспитали. Не умели по-другому, не знали. Как нас растили, так и мы. Вот, меня простите. Вот.

Чего спешишь-то, говорят мужики смущенно, не торопись, ты будто с нами прощаешься, зачем так пугаться муйни, все будет путем, честное слово. Эта муйня какая надо муйня. И потом, когда она еще начнется. Если вообще начнется — мы и такую возможность допускаем.

Да она вообще не начнется, баба Катя говорит. Неужели вы до сих пор не поняли? Это же проверка была! Чтобы узнать, какие мы и на что годимся. И чтобы каждый сам понял, какой он. Чего именно выяснили про нас, я даже представить не берусь. А вот мы за эти месяцы ни капельки в себе не разобрались. Как не понимали себя, так и не понимаем. Нам думать и думать еще об этом. И, боюсь я, сколько нас ни заставляй, вряд ли мы до чего путного задумаемся. Не чужая душа потемки, а своя в первую очередь. Ну, спокойной ночи, я пошла.

И ушла.

Ничего ей не сказали мужики на прощание. Еще посидели немного, ни слова больше не говоря о муйне. Допили что было и тоже разошлись, унося наиболее уставших.

А утром, в девять, как и было обещано, пульт заморгал лампочкой.

Баба Катя на кухне пила чай, пульт лежал перед ней на столе, зазывно подмигивая красным глазом.

Баба Катя чай допила не спеша, отставила чашку, перекрестилась, улыбнулась чему-то мечтательно, протянула руку и нажала кнопку.

И началась муйня.

29.10.2003

Олег Дивов

ДОТЯНУТЬ ДО ТОЧКИ ВСТРЕЧИ

Лифты не работали, и подниматься из машинного пришлось по аварийной лестнице. Хейворт остановился на площадке, тяжело дыша. Еще на той неделе он проделал бы путь наверх играючи. Но теперь это был совсем другой Хейворт.

Страшно болела голова.

— Дорогая, ты как? Я иду в рубку, жди минут через десять.

Снизу послышались тяжелые шаги, лестница завибрировала.

— Кэт, где ты, отзовись, это Виктор.

«Будто здесь есть кто-то еще... Двое нас осталось, двое».

Он слегка перегнулся через поручень, заглядывая вниз, скривился от боли, охнул, схватился за голову.

Правая глазница Хейворта была залеплена пластырем.

На потертой куртке — потускневшая табличка «Виктор Хейворт, капитан».

**Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия,
грузовые перевозки.**

По лестнице взбирался зомби. Вероятно, при жизни он тоже был астронавтом — среднего роста мужчина в таком же, как у Виктора, сером комбинезоне и синей форменной куртке с логотипом «Хейворт Фрейт». Окаменевшее лицо, заторможенные движения. Зомби выглядел сильно искалеченным — подбородок на сторону, вмятина посреди лба, руки и ноги неестественно вывернуты в суставах. Зомби трудно было подниматься, конечности плохо слушались его.

— Черт побери, Кэт, где ты?

Виктор встал в створе лестницы, придерживаясь левой рукой за поручень, а правой массируя висок. Зомби упорно карабкался наверх.

Уже можно было прочесть надпись на его табличке — «Гудвин, собственность Хейворт Фрейт».

— Кэт, дорогая, что-то со связью. Я иду, все в порядке. «Да что в порядке, ничего не в порядке».

Зомби взбирался на последнюю ступеньку.

Виктор мог позволить ему выйти на площадку и ударить, когда противник отпустит поручни. Так было бы проще. Но капитан сам плохо держался на ногах, ему требовалась дополнительная опора. Поэтому Виктор не стал рисковать, а просто изо всех сил пнул зомби в грудь.

Одна рука зомби оторвалась от поручня, чудовище зашаталось, и тут Виктор ему добавил. Зомби с грохотом покатылся вниз по лестнице.

— Вот так, — хмуро сказал Виктор. — Вот так.

По тускло освещенному коридору он добрался до жилой зоны, на перекрестке остановился. Ему надо было прямо. Несколько мгновений Виктор стоял в раздумье. Вдохнул и зашагал налево, к холодильнику.

Виктор слегка пошатывался, его немного заносило на ходу. Он никак не мог привыкнуть к тому, что поле зрения сократилось на треть и фокус сбит влево. В нормальной обстановке любой капитан, получив травму, закрыл бы уцелевший глаз и смотрел через интроскоп. Иллюзия полноценного зрения и всеобъемлющая информация о том, что происходит на корабле. Виктор слышал бы и видел каждый закоулок — как и положено капитану. Увы, интроскоп считывал данные с поля, а поле «слетело», пробиты оба генератора.

Поэтому, зайдя в холодильник, Виктор первым делом свернул к коммуникационному посту. Потыкал в монитор пальцем, открыл картинку с лестницы из машинного. Зомби снова штурмовал высоты.

— Сука, — сказал Виктор.

Он подошел к крайней морозильной камере, положил ладонь на дверцу. Постоял так с минуту. Неуверенно взялся за ручку. Потом резко оттолкнулся от дверцы и быстрым шагом, почти бегом, выскочил в коридор.

**Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия,
грузовые перевозки.**

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Лицо Виктора после визита в холодильник осунулось еще сильнее, ожесточилось. И свернул капитан не к рубке, а обратно, в машинное.

Зомби как раз выбрался на площадку и только-только отпустил поручни. Виктор с ходу сшиб его вниз сильнейшим пинком в живот, потерял равновесие и неловко упал на пол. Некоторое время капитан лежал, сжав руками голову и невнятно мыча. Потом, стиснув зубы, перевернулся на живот, кое-как поднялся и, шатаясь, скрылся в коридоре.

Зомби ворочался под лестницей, пытаясь встать.

— Кэт, дорогая, вот и я.

В ходовой рубке транспорта штатно помещалось только два кресла. Но на этом «толкаче» в уголке примостилось третье, очень маленькое, тесное даже для подростка.

Место капитана было занято. Там сидела женщина. Она не повернулась навстречу Виктору и вообще никак не отреагировала на появление капитана. Виктор протиснулся между креслами и озабоченно заглянул женщине в лицо.

Когда-то оно, наверное, было очень красивым, но сейчас будто распалось на составные элементы — глаза, нос, губы, подбородок, по отдельности существовали, а в единую картину не складывались. Так обычно выглядят мертвецы. Или еще живые, поставившие на себе крест. Взгляд женщины не выражал ровным счетом ничего. Правый рукав ее курт-

ки был закатан, предплечье схвачено пластиковой лангетой со значком Красного Креста.

Табличка на куртке гласила: Кэтрин Хейворт, инженер.

Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия, грузовые перевозки.

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Экипаж: два человека. Виктор Хейворт, капитан. Кэтрин Хейворт, инженер.

Груз: руда.

Порт назначения: Земля. Разрешение на докинг: нелимитированный доступ. **Для экипажа:** доступ на поверхность по выполнению контракта 0506/12, должен быть подтвержден отдельным протоколом.

Поправка: для экипажа: нелимитированный доступ на поверхность. Владеют недвижимостью на Земле (см. отдельный протокол 1 к контракту 0506/12).

Поправка: экипаж: три человека. Принят Джон Хейворт, пассажир.

Поправка: экипаж: два человека. Выбыл Джон Хейворт, пассажир.

— Кэти, любовь моя... — позвал Виктор тихонько. — Как ты?

— Рука болит.

Голос у женщины оказался низкий и хриплый. Мертвый голос.

Виктор чуть подался вперед, но женщина вся сжалась, и он отпрянул.

— Пройдет, — сказал Виктор, усаживаясь в соседнее кресло.

— Рука — пройдет, — согласилась женщина.

Виктор потрогал один из мониторов, открыв картинку с лестницы.

По лестнице поднимался зомби.

— Бедняга Гудвин. — Виктор деланно вздохнул. — Что-то с ним совсем нехорошо. Падает и падает, падает и падает... Как ты это сделала? Нет, мне просто интересно — как? Это же невозможно. Это же не в глаз отверткой.

— А ты для него больше не человек, — сказала женщина. Она немного оживилась, в голосе прорезались слабо различимые интонации. — Ты паразит. На тебя законы не распространяются. Рано или поздно Гудвин тебя поймает и истребит. Раздавит как таракана.

— Ну, спасибо, дорогая...

— Пожалуйста, дорогой.

— Почему я тебя не слышал, что с интеркомом?

— Выключила.

— Еще раз спасибо, дорогая.

— Еще раз пожалуйста, дорогой.

— А если бы Гудвин меня убил?

— Убьет, не волнуйся.

— Я не волнуюсь, теперь не убьет. Он теперь медленный. Я несколько раз проехал по нему погрузчиком.

— Чудесно, — сказала женщина. — Так даже лучше. Он будет ходить за тобой медленно, медленно, медленно, как призрак смерти, и ты не сможешь остановиться ни на минуту, и будешь прятаться от него по всему кораблю, а он будет ходить за тобой, ходить, ходить...

— Кэт, ты не могла бы посмотреть генератор поля?

Женщина повернулась к Виктору. Впервые она прямо взглянула на него. И теперь съехался мужчина.

— Понятно, — буркнул Виктор, пряча глаза.

Точнее, глаз.

— Боже, — сказала женщина. — Какая же ты сволочь, Хейворт. Какая же ты сволочь.

— Мне лучше промолчать...

— О да, тебе лучше молчать!

— Это что такое?! — Виктор резко подался к монитору и скривился от боли. — Была дальняя? Нас вызывал заказчик?

— Да. Я им все рассказала. Можешь посмотреть зачись.

— И?..

— Контракт остается в силе. Ты счастлив, капитан Хейворт?

Виктор повернулся к женщине и сказал очень жестко:

— Теперь без разницы. Если бы они не дали аванс... Но они заплатили. У нас уже есть участок на Земле. Есть гражданство, есть все права. Я могу прямо сейчас бросить этот

дурацкий булыжник, который мы тащим. Тогда не придется тянуть целый год до точки встречи — мы двинем прямо к Земле и будем там через месяц. Вопрос в другом: нам теперь понадобится много денег. Очень много денег.

— Ты думаешь... — Женщина хрипло рассмеялась. — Ты думаешь, я соглашусь пройти через это еще раз?!

— Да, я думаю, мы приведем тебя в порядок, и ты прекрасно сможешь родить.

— Боже, какой идиот... — пробормотала женщина и от-вернулась.

— Ты помолодеешь лет на двадцать, — теперь Виктор говорил очень мягко, — у нас будет столько детей, сколько захотим. Мы будем жить на Земле, в полной безопасности, и никогда больше не поднимемся наверх... О черт. Проклятый Гудвин. Я сейчас.

Он встал и вышел из рубки.

Когда он вернулся, женщина плакала. Виктор попытался обнять ее, но она вырывалась и била его — нешуточно, не так, как жена колотит мужа, чтобы потом обмякнуть в руках дурного, глупого, злого, но все же любимого человека.

Виктор устало рухнул в кресло.

**Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия,
грузовые перевозки.**

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Отметка об инцидентах: огневой контакт с неизвестным. Был обстрелян «шрапнелью» с большой дистанции. Ответил из башенного лазера. Неизвестный уничтожен.

Замигал сигнал вызова. Виктор ткнул пальцем в монитор.

— Как плохо без интроскопа, — пожаловался он.

— Сдохни, — сказала женщина.

— Я этого не заслужил, — ответил Виктор уверенно. — Я в одном не прав — сейчас нельзя нам обо всем этом говорить. Прости, дорогая.

— Проклятие, как болит рука.

— При ускоренном заживлении всегда так. И вообще скажи большое спасибо, что я ее тебе не оторвал.

— Дура я, надо было взять отвертку подлиннее. Тогда бы ты сдох.

— А потом ты бы покончила с собой и превратила корабль в летающий склеп? Черта с два. Наш сын будет захоронен в грунте. Все Хейворты захоронены в грунте. Джон был настоящий Хейворт.

— Был...

Виктор опередил ее. Он прыгнул вверх и в сторону, упал на женщину, обхватил правой рукой ее голову, а левой рванул у себя из-под куртки тупорылый пистолет с торчащей из казенника ампулой. Правым локтем и плечом блокировал руку женщины, сжимавшую резак. Чуть не потерял сознание от боли, взвыл, сорвался на крик, и когда лезвие вошло-таки ему под лопатку, ничего особенного не почувствовал. Ему и так было хуже некуда. Уткнув ствол пистолета женщине в шею, Виктор несколько раз нажал на спуск.

Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия, грузовые перевозки.

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Отметка о повреждениях: ходовая часть:

значительно.

Отметка о повреждениях: коммуникации:

значительно.

Отметка о повреждениях: жилая зона:

незначительно.

Отметка о невосполнимых потерях:

Джон Хейворт, пассажир.

Виктор обессиленно сполз на пол, выронил пистолет, схватился за голову и зашипел. Его мутило.

Женщина обмякла в кресле. Она спала.

— Кэ-э-ти, су-ука... Зачем, ну зачем?! Милая, как же мы теперь будем с тобой...

— Хейворт, что у вас происходит?!

Виктор неловко изогнулся, завел руку за спину и пощупал у себя под лопаткой. Там оказалась дырка, но не страшная. Резак вошел в тело на четверть дюйма от силы. Повез-

ло. Не успеет он среагировать, Кэти ударила бы мужа прямо в сердце.

Наверное, он спровоцировал ее этим разговором.

Наверное, он нарочно так себя вел.

Очень трудно просто взять и хладнокровно обездвигнуть любимого человека. Даже потерявшего рассудок. Особенно когда прожил с ним счастливо пятнадцать лет и прошел рука об руку через всё, что только может случиться в космосе.

До последней секунды надеешься, что это всего лишь кошмар, и сейчас ты проснешься, и все будет хорошо.

Это знают те, кто действительно любил.

— Капитан Хейворт!

— Да! — крикнул Виктор. — Да! У нас нештатная ситуация.

— Мы уже в курсе, заказчик сообщил. Хейворт, я передаю вам искренние соболезнования от имени всей колонии. Ваш сын навечно занесен в списки... и все такое, ну, вы понимаете. Виктор, давайте без протокола, по-мужски: что там у вас? Полная жопа или все-таки шансы есть?

— Позвоните через полчаса, а? — попросил Виктор. — Мне нужно быстро уложить жену баиньки и перевязать очередную свою рану. И еще выбить дерьмо из андроида, который перепутал меня с тараканом и пытается задавить.

— Ну, дела... Безусловно, Виктор. Безусловно.

— Полная жопа, — сказал Виктор, когда абонент отключился. — И шансов нет. Сброшу камень, чтоб вы сдохли.

«Хейворт Фрейт» получала шесть процентов. «Камень» — на самом деле солидный астероид, — который они толкали в порт назначения, проходил по спецификации как «руда». Но это была такая руда, что заказчик мигом выплатил аванс, и на свои комиссионные Виктор тут же приобрел кусок земли. Кусок Земли. Самое дорогое, что только есть в обжитой людьми зоне Вселенной. Акр.

Виктор тогда действовал мгновенно, деньги задержались на счете от силы минуту. Он даже не спросил жену, согласна ли она. Знал, что согласна. Недвижимость на Земле автоматически давала гражданство метрополии Хейвортам и их потомкам. Теперь они могли вернуться, хотя бы формально, на старую родину, туда, откуда их пращурь ушли много ве-

ков назад. Это было не только престижно, это давало семье ощущение невероятно прочных корней, устраняло лакуну в истории рода. Совершая покупку, Виктор думал в первую очередь о будущих Хейвортах.

С «камнем» им повезло, конечно. Им потом не повезло.

Толкач возвращался домой налегке. Любой порожний рейс — неудача, поэтому настроение было так себе, и разговоры шли только об одном — не пора ли остепениться. Корабль в ближайшие год-два еще удавалось сбить за приличную сумму, потом толкач переходил в категорию морально устаревших. И главное, подошло время Кэтрин. Сорок лет — если нет денег как следует пролечиться, значит, либо сейчас рожать, либо никогда. Виктор подумал-подумал и внутренне смирился с тем, что они осядут «внизу». Он не был фанатичным астронавтом. Он, конечно, любил свою работу — но жену, пожалуй, любил больше.

Тут их вызвали, и у Виктора загорелись глаза. Удача была невероятная. Прямо в секторе, через который они шли, проспекторы наткнулись на кусок руды, которым сразу заинтересовалась метрополия. А толкач пер буквально на этот астероид, минимальная коррекция — и через неделю стыковка. Разворот, и почти три года до Земли.

На трассе экипаж, конечно, ляжет в глубокий сон, но все равно семь-восемь месяцев жизни доставка «камня» и обратный пусть съедят.

Кэтрин заплакала.

«Погоди, — сказал Виктор, — мы пока ничего не подписали».

Он ушел из рубки и принялся бродить туда-сюда по коридору.

Вероятно, он что-то предчувствовал, потому что вдруг поймал Гудвина и спросил, доступны ли тому конструктивно функции акушерки и няни. Ведь автодок принимает роды не лучшим образом, это общеизвестно, автодоки работают по шаблонам и в кризисных ситуациях тормозят, а вот андроид, с его почти человеческой гибкостью ума... Гудвин ответил, что конструктивно ему доступно всё, он и так парамедик, только об этом хозяева почему-то забыли. Естественно, он пройдет дообучение и даже построит себе тренажер,

где-нибудь в трюме, чтобы миссис Хейворт не видела. А что? «А ничего», — сказал Виктор и продолжил хождения по коридору.

Следующий вызов звучал на грани паники. Это было уже не совсем коммерческое предложение — к Хейвортам обращалось правительство. Их попросили немедленно зацепить «камень» и отвести к Земле. Астероид при глубоком исследовании оказался на два порядка ценнее, чем предполагалось. Местная промышленность не смогла бы обработать и половину материалов, из которых он состоял, — технологии не те. Подписано соглашение с метрополией. Другим буксирам идти до «камня» не меньше четырех месяцев, а когда дорогая вещь болтается в космосе бесхозная... С ней всякое может случиться. Крохотное суденышко проспекторов улетывало от «камня» самым полным. А некоторые «честные торговцы» наверняка тем же ходом уже неслись к нему.

«Сколько?» — спросил Виктор. Ему назвали не сумму, а только порядок цифр.

«Вы уверены, что сможете выплатить «Хейворт Фрейт» ее стандартные комиссионные и при этом не умереть от досады?»

«Мистер Хейворт, у вас опасный груз. Наверняка уже есть утечка информации. И вы пойдете без эскорта. Корабли сопровождения все равно догонят буксир только на финише, где его и так встретят земляне. Ваша лучшая защита — оперативность. Цепляете камушек — и на трассу. Теперь понятно?»

«Да, я понял. Мы не сможем проспать эти три года. Нам придется бодрствовать, постоянно ждать атаки... И оборонять камень. Потому что с таким ценным товаром ждать от бандитов джентльменского обращения не приходится. Им ни к чему будут лишние свидетели. Они просто убьют нас».

«Именно. А вы, говорят, умеете драться, мистер Хейворт. Поэтому мы заплатим сколько положено. Это будет справедливо — и за риск, и за три года вашей жизни».

«Выбейте из земель аванс. Нашу долю — немедленно на счет «Хейворт Фрейт». Когда я зацеплю камень, деньги уже должны быть у меня».

«Деньги будут раньше. Удачи, мистер Хейворт».

Виктор позвал Гудвина и спросил, не может ли тот быстро ознакомиться с новейшими исследованиями в области психологии детства и проконсультировать его по ряду вопросов. Гудвин ответил, что всегда рад приобрести новые знания.

«Когда будешь подключаться к базам, — сказал Виктор, — заодно обнови свои знания по активной защите среднетоннажников. Так, на всякий случай».

У Кэтрин глаза уже были сухие, но выражение лица самое воинственное.

«Значит, ты согласился!» — поняла она, едва взглянув на мужа.

«Наш ребенок будет расти на Земле, — сказал Виктор. — Меня интересует только одно: не вредно ли малышу первые года полтора-два находиться без общества себе подобных? Уж больно специфическая компания — только мама, папа и Гудвин. Одни взрослые. Ну, разберемся. На худой конец, прикажу Гудвину впасть в детство...»

«На Земле? — переспросила Кэтрин. — Как это — на Земле?..»

Про аванс он жене не сказал ни слова, боялся сглазить.

Затем они надолго превратились из семьи в экипаж — подход, захват, маневр, разгон... И каждый день учебная тревога с огневым тренажером. На толкаче не было пушек, это вообще не работа буксира — отстреливаться, — зато стоял тяжелый горнопроходческий лазер, с переделочным комплектом на боевой. Систему дальнего обнаружения Виктор год назад подновил. За всю историю «Хейворт Фрейт» их только дважды атаковали бандиты. И оба раза Виктор, вместо того чтобы благоразумно сбросить груз или принять на борт abordажную команду, подпускал гангстера вплотную и одним импульсом прожигал насквозь. Но это было очень давно.

«Что-то у наших властей неправильно с головой, — сказала Кэтрин, когда они взорвали нападавших впервые. — Придумали работать в космосе только семьями, чтобы сделать его полноценной средой обитания. Чтобы космос был домом. А мы в этом доме — во как. Бац! Бац! Хороша семей-

ка. Господи, ну и дура же я, что связалась с тобой, капитан Хейворт!»

«Я вас люблю, инженер Хейворт!» — ответил Виктор.

После второго раза Кэтрин закатила ему истерику, и Виктор пообещал, что они больше никогда не будут так рисковать.

Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия, грузовые перевозки.

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Отметка об инцидентах: беспорядки на борту.

Отметка о повреждениях: робот-андроид: значительно.

Отметка о невосполнимых потерях: нет.

Жутко ругаясь и взрывая от боли, Виктор опять спустил Гудвина с лестницы. Забрался в автодок, который наспех подлатал ему спину и обработал глазницу. Потом уложил в автодок жену и включил программу длительной реабилитации. К глубокому сну нужно готовиться, он не слишком полезен даже здоровым, а больных зачастую калечит. Велики шансы проснуться инвалидом, а то и заснуть навеки.

О том, что у Кэтрин нелады с психикой и неизвестно, как она все это перенесет, Виктор старался не думать.

Он принял стимулятор, встал на лестнице и смотрел, как мучительно ползет вверх несчастный Гудвин. Сколько Виктор ни кричал: «Гудвин, опомнись, это же я, твой капитан!», изуродованное тело молча лезло его убивать. Виктор придумал уже с десятков способов избавиться от андроида раз и навсегда, но ему совесть не позволяла так обойтись со старым другом и няней любимого сына. И потом, Кэтрин, проговорившись, навела Виктора на мысль, что починить андроида можно. Только для этого требовался ее недюжинный талант.

Стимулятор постепенно усваивался, Виктор должен был выйти на пик формы минут через пятнадцать — двадцать. Тогда-то он и обездвижит Гудвина путем непрямого динами-

ческого воздействия на мозг. После чего просто выключит. А пока...

— Получай! — Виктор пнул андроида в грудь и, слегка припадая на натруженную конечность, ушел в рубку.

Взволнованные лица смотрели на него с монитора.

— Капитан Хейворт, мы только что говорили с заказчиком. Есть хорошие новости. Земляне высылают эскорт так быстро, как смогут. Вместе с кораблями прикрытия стартует буксир вам на замену. Теперь рассказывайте.

— Докладываю по порядку. В нас стреляли «шрапнелью» с большой дистанции. Если б они рискнули подойти ближе, я бы с вами сейчас не разговаривал. А так основная часть заряда пришлась на корму. Моя автоматика дала три импульса. Третьим нападающего задело, на четвертом я подключился, скорректировал огонь и сжег мерзавца. Понятия не имею, кто это был. Теперь смотрите: я сильно потерял в мощности и не могу отремонтироваться. Покинуть корабль тоже не могу, спасательный катер уничтожен. Что особенно неприятно, есть угроза взрыва двигателя. Он нуждается в постоянном контроле, иначе пойдет взрывос — и конец...

— А заглушить? Или на минимум?

— Он даже на минимуме опасно нестабильный, глаз да глаз нужен. И глушить нельзя, три четверти накопителей пробито, я не могу запасти достаточно энергии, чтобы дожидаться помощи. То есть я просто вынужден поддерживать тягу! Толкать камень уже не надо, он идет по трассе устойчиво, разве что минимальная коррекция понадобится. Если я лечу дальше с камнем в обнимку, мне до точки встречи... С учетом того, что земляне стартуют раньше — сколько?

— Все равно не меньше четырех месяцев. Ну, четыре с половиной.

— Мама родная... — пробормотал Виктор. — И придется бодрствовать... Ну-ну. Вы поймите, экипажа больше нет, я тут один. Если атакуют, отстреливаться нечем, выбита система управления огнем. Значит, три варианта. Первый — я на всё плюю, ложусь спать и вручаю судьбу корабля в руки Господа. Может, толкач взорвется, а может, и нет. Второй — не ложусь спать, с утра до ночи латаю ходовую и потихоньку схожу с ума. Третий — бросаю камень, и уже через месяц

половинной тяги я на Земле. Слушайте, зачем я тут нужен? С моей помощью земляне выиграют максимум пару недель на ориентации, подходе и захвате. Не знаю, это критично?

— Еще как. Критично — вы не представляете.

— Ну... Честное слово, не мои проблемы. Такой вот получается грустный доклад.

— Вы герой, капитан Хейворт.

— Хм... Можно, я подумаю об этом завтра?

— Хорошо, а что же вы выбрали? Вам уже полагается страховая премия, но если вы бросите камень... Сами понимаете, контракт расторгается автоматически. Аванс вы, конечно, хорошо вложили...

— На этой земле будет могила сына. Ничего больше. Я так решил.

— О Господи... Простите, капитан. Между прочим, вы и миссис Хейворт награждены — «За храбрость» и «Пурпурное сердце» каждому. Это боевые медали, но и случай исключительный.

— Засуньте их себе в жопу, — сказал Виктор. Он с каждой секундой мрачнел, его утомил этот разговор.

— Пусть лучше пока так полежат. Слушайте, капитан... Виктор. Мы не имеем права на вас давить ни как наниматели, ни как частные лица, сочувствующие вашему горю. И помочь можем, разве что, подняв оплату на полпроцента. Считайте, это уже записано в контракте, что бы вы ни решили. Но... У вас, конечно, теперь двойное гражданство, с чем и поздравляем, но душой вы были и остаетесь наш, верно? Можно мы вас попросим от лица родины?

— Фу-у, какая патетика. Естественно, я ваш... наш! Не понимаю — что, свет клином сошелся на этом чертовом камне? Дырку в бюджете вы им затыкаете? Ничего себе дырочка.

— Да нет, Виктор, все гораздо серьезнее. Большая часть оплаты по контракту пойдет вообще не деньгами. Мы уговорили метрополию на свежие ноу-хау и самые продвинутые материалы. Получим достаточно, чтобы заложить целую торговую флотилию. Это будет совсем новый флот, с принципиально другими возможностями. Скорость, грузоподъемность... Такой шанс... Сами понимаете. Если все получится,

станем вровень с метрополией. Они вялые, мы динамичные, раскрутимся вовсю, лет через сто не на Землю будут стремиться, а к нам...

— Замечательно. А от меня-то что зависит?

— Тут юридический казус. Если земляне к камню подойдут, а вы на нем сидите, пусть он даже не движется вообще, значит, формально мы его к точке встречи доставили, и все условия соблюдены. А если...

— Он не может не двигаться, — перебил Виктор. — В космосе все движется. А уж этот проклятый булыжник я как следует разогнал.

— Извините, ошибочная метафора. Так вот, если вас на камне не окажется, выходит, мы его не доставили. Дальше объяснять? Виктор, нам новый флот позарез нужен. И тут такая удача! А потом такая неудача... Вы же потомственный астронавт, черт побери. Вас это напрямую касается. И вам летать еще лет тридцать верных. Да мы вам такой кораблик пода... продадим, закачаесться.

— Я и так уже качаюсь, еле на ногах стою. — Виктор покосился на «внутренний» монитор. Пора было идти разбираться с Гудвином. — И что, много теряем?

— Много, — просто ответили ему. — Кроме денег — почти всё. Виктор, умоляем, дотяните как-нибудь до точки встречи.

— Ладно, — сказал Виктор. — Пойду решать семейные проблемы.

— Ваш ответ?

— Ответ «не знаю». Вы хоть представляете, что это такое — прожить на корабле четыре месяца в одиночку? Кто-нибудь так ходил когда-нибудь? Месяц, и то много.

— А если вы ляжете спать, и ходовая выдержит?

— Пятьдесят на пятьдесят. Зато если она не выдержит, — Виктор криво усмехнулся, — то когда подойдет земляне, меня на астероиде не будет уж точно. Вот что вас должно волновать.

Подумал и добавил:

— Сволочи вы. А я дурак.

И вырубил связь.

Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия, грузовые перевозки.**Класс:** дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.**Экипаж:** два человека.

Виктор Хейворт, капитан. Кэтрин Хейворт, инженер.

Справка о диагностике: как транспорт эксплуатации не подлежит, необходим капитальный ремонт силовой установки и ходовой части.**Рекомендации:** немедленный сброс груза, ремонтно-регулирующие работы силами экипажа, следование в ремонтную базу на тяге не более 50%.**Принято решение:**

Виктор ссутулился в кресле, спрятал лицо в ладонях. Не хотел вспоминать, но картинка пришла сама: его смеющийся малыш.

...Виктор любил смотреть, как малыш просыпается. Они с Кэтрин садились рядышком, обнявшись, и ждали. Это были минуты, исполненные невероятного тепла, их будто обволакивало нежностью, всех троих. Малыш спал, как многие дети, забавно — на груди, подобрав под себя руки и поджав ноги. Медленно-медленно открывал глаза, смотрел еще отсутствующим, потусторонним взглядом куда-то мимо родителей, потом замечал отца и тихонько, почти без выражения говорил: папа... «Да-да, — соглашался Виктор, — это я, папа, все нормально, я тебе приснился, спи дальше». И длинные пушистые ресницы малыша опускались. Проходила минута-другая, зеленые глазищи распахивались снова, малыш говорил чуть увереннее: папа... «Да тут я, тут, все хорошо, ты спи, если хочешь». И тогда малыш начинал довольно посмеиваться, еще сонно. И шарить рукой в поисках бутылочки. Виктор давал ему сок, малыш жадно пил, окончательно просыпался, глядел на отца уже осмысленно и смеялся громко, радостно. Он так выражал полное, совершенное довольство. «А где же мама?» — спрашивал Виктор. «Мама... Мама!» — и опять смех.

С ним было страшно в первые минуты и жутковато в первые дни. Виктор тогда просто боялся притронуться к

малышу, такому хрупкому — опасался неловким прикосновением ему что-нибудь повредить. Тяжко было, когда резались зубы. «Черт побери, вот лишнее доказательство того, что мы не из этих миров, — бормотал Виктор. — Не подходят нам планеты земного типа. Ну не может же местный организм с такими мучениями вступать в жизнь!»

Очень помогал Гудвин. Из этого дядьки средних лет с невыразительным лицом и скупыми жестами получилась идеальная нянька. И он делал великолепные игрушки. Еще распечатывал книги на тонком пластике, ловко переплетал их и читал малышу дни напролет...

...И тут Виктор с легким ужасом понял, что совершенно не помнит Кэтрин. Не помнит ее в те дни. Женщину, выносившую и родившую малыша, кормившую его грудью, отдававшую ему максимум времени и сил, иногда плачущую, иногда бранящуюся, страдающую и радующуюся... Виктор не запомнил ее — женщину, которую так любил.

Все сожрал проклятый камень. Виктора хватало на малыша и груз. А на жену, с которой столько за эти два с лишним года разговаривал, занимался любовью, работал, ел за одним столом, обсуждал какие-то вопросы, привычно задевал рукой, проходя мимо, чтобы лишний раз напомнить: он любит ее, как прежде, как пятнадцать лет назад... На жену его, оказывается, не хватило. Она вроде бы была. Но он ее не запомнил.

Проклятый камень, проклятый камень...

Малыш умер во сне. Вой сирены не разбудил его — Виктор отключил тревожную сигнализацию в импровизированной детской, бывшей штурманской рубке, совершенно лишней при таком куце экипаже. Все произошло очень быстро. Толкач взвыл авариейкой, обнаружив чужака на пределе дальности, а через секунду весь содрогнулся, прошитый насквозь в тысяче мест крошечными сгустками «шрапнели». Кэтрин была в лифте, на полпути от машинного к рубке, а Виктор нес вахту. Лазер начал отплевываться на автомате, Виктор застыл в кресле, растопырив напряженные руки и широко раскрыв пустые глаза — пытался разглядеть врага и убить, пока тот не успел перезарядиться. На третьем выстреле чужаку обожгло скулу, Виктор увидел его как на ладони,

перехватил управление, и то ли что-то сказал, то ли просто выдохнул, то ли подумал — интроскоп все равно понял команду правильно, — короче говоря, капитан Хейворт выстрелил.

Весь бой от начала до конца занял пять секунд, и Виктор успел на секунду раньше, чем враг дал второй залп.

Трясаясь от выброса адреналина, Виктор окинул взглядом корабль, увидев всё разом, как обычно видит капитан. Отключил интроскоп — тому оставалось работать несколько мгновений, — поморгал, свыкаясь с убогим человеческим видением мира, и бросился в детскую.

Нужно было Кэтрин доставать из застрявшего лифта, и Гудвина вытаскивать из-под обломков в мастерской, но они подождут.

Три пробоины в детской. Уже затянулись. Если в малыша не попало, он ничего и не заметил. Если не попало. Не попало. Если.

«Шрапнель» разгоняют электромагнитным полем до бешеных скоростей, и эти крохотные дробинки прошивают всё насквозь, их не остановишь. Двигатель опасно задет, ходовая к черту, генераторы вдребезги, трубопроводы, кабели — страшно подумать. И спасательный катер в решето.

Камень только невредим, будь он проклят. Его старались не поцарапать, стреляли в самую корму толкача, били с предельной дистанции, чтобы не заметил. А толкач, умница, старый верный дружище, все равно засек врага своими чуткими сенсорами последней модели, на которые хозяин не поскупился. Заметил, но поздно. Ну, уж как мог. И выдержал удар, не развалился. Потом развалится, наверное.

А камень, сука, целехонек.

Малыш лежал в кроватке как обычно, поджав ноги, поправив руки под себя — у Виктора сразу отлегло от сердца. А потом... Он упал на колени, посмотрел вплотную...

Голову должно было разнести вдребезги, разметать, но «шрапнелина» вошла малышу в затылок, а вышла через глаз и полетела дальше. Если бы не струйка крови, стекающая из приоткрытого ротика, Виктор наверняка принялся бы тормошить сына, будить, в надежде, что тот крепко спит.

В этот момент Виктор понял, каково оно, желание отдать свою жизнь ради другого. За Кэтрин он был готов убивать. За малыша, оказывается, запросто согласился бы умереть, лишь бы тот выжил.

Виктор даже не закричал. Он сжался в комок, свернулся в позу эмбриона, повалился так на пол, а потом, не без труда распрямившись, ползком выбрался из детской.

Так его и нашел Гудвин: капитан Хейворт полз по коридору, заливаясь слезами и утробно рыча.

Гудвин прибежал через две минуты — понял, что ситуация нештатная, включил аварийные резервы и легко раскидал полтонны железа, под которыми лежал.

Собственно, Гудвин в последующие сутки делал на корабле всё. Виктор и Кэтрин тогда едва шевелились. Разумеется, командир отдал необходимые распоряжения, а инженер провел точную диагностику. Но работал непосредственно руками только андроид. Мужчина и женщина сидели, крепко обнявшись, в кают-компании, и молчали. А иногда тихо плакали.

Потом с женщиной началось что-то странное. Кажется, она стала искать виноватого в случившемся. И вроде бы нашла.

А капитан сказал, что они не бросят камень и вместе с ним проследуют дальше. Он отказался предавать усопшего космосу согласно традиции астронавтов, а спрятал тело малыша в холодильник. Чтобы потом захоронить его в грунте, как настоящего Хейворта. Джону предназначалась самая роскошная могила из тех, что были у Хейвортов за последние лет пятьсот. В земле прекрасной и недоступной Земли, величественной метрополии, планеты-мозга и планеты-сердца обжитой Вселенной. Планеты, в которую было закачано столько денег, что на кусочек ее поверхности, достаточный, чтобы встать обеими ногами, простой смертный не заработал бы и за сто жизней.

Капитан сказал, им надо «дотянуть до точки встречи».

Через неделю женщина ударила его в глаз отверткой.

Капитан сломал ей руку.

Потом женщина что-то сделала с Гудвином, и больше он ничего не помнил.

Хейворт Фрейт Лтд, свободная лицензия, грузовые перевозки.

Класс: дальний транспорт, **тип:** буксир-толкач.

Экипаж: два человека.

Виктор Хейворт, капитан. Кэтрин Хейворт, инженер.

Справка о диагностике: непосредственная угроза взрыва силовой установки, осталось не более трех часов на проведение минимально необходимых ремонтно-регулирующих работ.

Рекомендации: экипажу немедленная эвакуация.

Принято решение:

«Ты думаешь, я соглашусь пройти через это еще раз?!»

Когда женщина говорит так, она на самом деле спрашивает — ты думаешь, я выдержу, у меня получится, мы сможем?

В противном случае она просто говорит «нет».

Виктор встал, подошел к детскому креслицу, притулившемуся в углу. Снял его с креплений. Кресло стояло на объемистом рундуке. Виктор откинул крышку, покопался немного, вытащил ломик, короткий, но тяжелый. Взвесил в руке. Недобро усмехнулся и вышел из рубки.

— Слушай, Гудвин! — раздалось в коридоре. — Тут такое дело... Ты меня, конечно, извини, но по-другому сегодня не получится!

Послышались глухие удары.

Потом — тишина.

ДОТЯНУТЬ ДО ТОЧКИ ВСТРЕЧИ

Принято решение: регулировка и ремонт.

07.12.2003

Светлана Прокопчик

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО

Хваленый стеклопакет — три листа прозрачной брони по три дюйма толщиной каждый — обрушился на постель лавиной мелких кусочков. Трейси отплевывался и проклинал дурацкую привычку спать с открытым ртом. Хотел заодно припечатать и каприз, заставивший его накануне вечером передвинуть койку от стены к подоконнику, но передумал: по полу, угрожающе грохоча, нарезал круги мыслящий камень.

— О черт! — только и сказал Трейси, отметив взглядом точку приземления камня — на том месте, где вчера стояла кровать, в полу осталась щербина. Проклятый террорист метил спящему человеку в голову. Значит, каприз спас ему жизнь.

Камень тут же подскочил — впрочем, невысоко, без посторонней помощи отметку одного фута не удалось преодолеть даже их чемпиону по подпрыгиваниям — и покатился к постели. Трейси на всякий случай поджал ноги и зашарил рукой в изголовье, надеясь, что халат никуда не пропал. Неудобно убежать голым. Конечно, все понимают, что главное — выжить, но все равно голый человек — ужасно смешное зрелище.

Халат оказался на месте. Трейси быстро закутался, не пытаясь даже попасть в рукава. Камень, убедившись, что источник звука находится на недостижимой для него высоте, остановился и зашипел. Трейси насторожился. Камень менял цвет, быстро разогреваясь. По спальне пополз запах горелой синтетической плитки, разрекламированной как негорючей. Надо на производителей в суд подать. Если удастся выбраться из помещения до того, как раскаленный камень взорвется.

Трейси не знал, в какой момент у мыслящих камней от перегрева выключается сознание. Может, они контролируют происходящее до конца, а может, процесс необратим. Знал только, что сейчас террорист превратится в шар острых сколов, сам помрет, но и его накроет. Если камень еще может двигаться, он догонит Трейси, когда тот побежит к двери, и переломает ему кости.

Может или не может?

Камень проплавил пол до бетона. Трейси сорвался с места и в два прыжка, которым позавидовал бы любой мыслящий кенгуру, пересек спальню. Рванул дверь на себя. К счастью — ого, ему сегодня везет уже второй раз! — он не заперся, ложась спать. Выскочив в коридор, налег на створку всем весом, нащупывая ключ в кармане халата. Камень с той стороны осыпал дверь градом ударов, и Трейси почти изнемог, сдерживая натиск террориста. С трудом вставив ключ в замочную скважину, успел провернуть на один оборот, когда иступленная молотьба прекратилась. Сообразив, что это означает, Трейси попятился. И вовремя: в спальне раздался хлопок, и тут же створку, чью прочность научно доказали, пронзили в восемнадцати местах иглоподобные останки мыслящего камня.

— Уфф... — выдохнул Трейси и прислонился к стене.

— Ииии! — взвизгнула над ухом мыслящая лиана, которой он ненароком придавил листочек. Трейси отшатнулся, зная поганую привычку своего телохранителя жалить чесучим ядом. — Ииии!

— Я случайно, извини, — оправдывался человек. — Террорист в спальню ворвался. Окно выбил. Опять мне бракованную броню подсунули, четвертый раз ее вышибают.

— Ииии, — заметила лиана уже спокойнее.

По причинам физиологического характера лиана не могла пользоваться стандартным интерпретатором речи. Трейси, однако, научился распознавать тонкие эмоциональные оттенки в едва слышимом естественном писке, который издавало растение. Телохранитель из лианы вышел преотличный, жаль, что защищал только с одной стороны. Но зато надежно защищал. В спальню без разрешения хозяина не мог проникнуть никто. Через дверь, разумеется, не мог.

— Зато я теперь знаю, что мыслящие камни теряют сознание непосредственно перед взрывом, — похвастался Трейси.

— Ишшш. — Лиана издала недовольную разновидность писка: как и все растения, она терпеть не могла камни, лишённые возможности ощущать боль. Трейси подозревал, что его телохранитель, вопреки Новой Конституции, по-прежнему считает мыслящие камни низшей расой, не обладающей разумом. И с удовольствием обратил бы их в рабство, заставив трудиться на плотинах, дамбах и в мельницах. Но Трейси никогда не обвинял лиану в расизме. Если честно, он сам недолюбливал камни.

А вот растения любил. И понимал. Признавал, что они способны мыслить, задолго до вступления Земли в Конвенцию мыслящих рас. С телохранителем подружился сразу и никому не доверял заботу о капризной лиане: сам поливал, подкармливал и передвигал кадку ближе к свету.

— Ну что, порыхлить тебе? — спросил Трейси, чуть успокоившись.

Вынул из специального ящичка особую палочку и осторожно, не задевая воздушные корни, размельчил верхний слой почвы в кадке. Лиана экстатически напевала на мотив государственного гимна.

Оставшиеся до подъема два часа Трейси провел в своей приемной. Выбрал банкеточку почище — хотя все они были порядком измазаны защитными выделениями просителей — и задремал. Проснулся разбитым, болели ребра от неподвижного лежания на жестком, во рту слюна прокисла от невыветриваемых запахов, которыми пропиталось помещение. Но душевное равновесие восстановилось полностью, Трей-

си даже повеселел. «Мне нужно ополоснуться, — думал он, — позавтракать, и все будет в порядке».

Сбросив халат, плюхнулся на унитаз, насвистывая прилипший к зубам государственный гимн. Свист быстро перешел в испуганное шипение. Трейси поймал себя на мысли, что боится опустить взгляд. Что-то там происходило — непонятное, ужасное... Панически выпучив глаза, Трейси все-таки посмотрел.

— АААААААААА!

Его снесло с унитаза. Ударившись плечом о душевую кабинку, Трейси упал и забился, суча ногами и пытаясь залезть под ванну.

Из сливного отверстия унитаза мощными неторопливыми толчками выбиралось огромное червеобразное тело с острой головой.

— Простите! — гулко рявкнул механический голос. — Очень не хотел вас напугать. Не волнуйтесь, я гражданин, потомственный червеземлянин, декларация о доходах будет предоставлена по требованию. И у меня к вам есть просьба личного характера. Очень личного.

Трейси тяжело дышал в дальнем от визитера углу. Главное, напомнил он себе, не назвать этого гада паразитом. Мыслящие глисты требовали, чтобы их именовали строго червеземлянами, а «паразита» считали оскорблением личности. И судились. У них львиная часть доходов состояла из выигранных исков. Правда, налоги платили честно, этого у них не отнять.

Проклятый глист, напугавший его до полусмерти, тем временем продолжал вытягивать раздутое тело из канализации. И в который уже раз Трейси задумался: а где же у этих червей мозг? Головка, вся из зубов и присосок, казалась слишком маленькой. Шейка тоже невелика, хотя ее размеры и позволяли вживить языковой интерпретатор с лазерной панелью. Среди этих паразитов, между прочим, попадались изрядные болтуны, выдававшие себя за великих философов, ученых и прочих титанов мысли. Вот только препарировать их запрещалось, а без расчленения поди выясни — ну где, черт подери, они прячут мозги?! Не в члениках же, там исключительно детки зреют, и в этом отношении инопланет-

ные черви от земных решительно ничем не отличались. Порой Трейси жалел, что маньяки-убийцы среди людей кончились — можно было бы обратиться, хм, за помощью. Правда, нет гарантии, что брезгливые маньяки не отказались бы.

— И что вам нужно? — спросил Трейси.

— Со мной стряслось великое несчастье. — Если бы у глиста были глаза, ему полагалось бы мученически закатить их. А заодно настроить интерпретатор на передачу эмоциональных оттенков. — Мой носитель скончался.

— Сочувствую, — равнодушно ответил Трейси. — Обратитесь на биржу занятости. Может, там есть вакансии симбионтов.

— Мне отказали. Видите ли, у них есть вакансии на бесполох, мужских и женских симбионтов. А гермафродиты им не подходят! Это недопустимо. Это дискриминация по половому признаку, вы не находите?

— Безусловно. Вы уже обратились в суд за защитой вашего достоинства?

— О, конечно! Но пока будет длиться тяжба, я, увы, последую за своим несчастным носителем. И величайшие достижения мысли, коих я последний хранитель, бесследно сгинули в пучинах!

— Ну так запишите их, надиктуйте, в конце концов...

— Ах, если бы это было возможно! К несчастью, этика моего рода не допускает тиражирования знаний таким пошлым образом. Я могу передать их моим нерожденным детям или же носителю. В этом и есть великий смысл симбиоза — я даю сокровенное знание, за которое прошу совсем небольшое количество пищи, скромной, простой, да можно даже грубой, лишь бы без горечи да получше переваренной... А вы?

— Что?

— Вы — вот вы хотите стать известным мыслителем? Поверьте, мне не нужна преходящая слава. Вы произвели на меня впечатление настоящего интеллигента... Нам непременно нужно объединить усилия, мы обязаны вытащить этот мир из бездны греха и порока!

На беду, Трейси обладал слишком живым воображением. Представив себе, как это чудовище станет в него заби-

раться, он метнулся к ванне и перегнулся через край. Его вырвало желчью. Трейси сел на край, умылся и прополоскал горло.

Глист нетерпеливо раскачивал маленькой противной головкой на высоте около пяти футов над полом, и Трейси прикидывал: достанет ли паразит до него с одного броска? Уж больно хищно он шевелит присосками, подло пряча зубчики в круглой пасти. А то, что на панели интерпретатора помаргивает дружелюбный оранжевый огонек, еще ни о чем не говорит.

— Нет, простите, я совсем не интеллигент, — пробормотал он, пятясь к двери. — Особенно по сравнению с вами, таким великим...

— Ну, не занижайте самооценку. Я-то чувствую в вас безусловно родственную душу. Мы договоримся.

С этим словами глист изогнулся, присоски оказались у самого лица Трейси. С воплем человек вылетел в коридор, саданув дверью по морде червя. Тот заорал, и даже дешевый интерпретатор отразил бурю эмоций:

— Вы не можете!.. Вы негодяй!.. В суд!.. Расист проклятый!.. Нарушаете мои права мыслящего существа!.. Я гражданин Земли и тоже имею право на жизнь!..

Трейси длинными шагами несясь прочь, надеясь, что червяк не успеет быстро вылезти из унитаза.

В гардеробной, к счастью, его никто не караулил. Хотя позавчера семейство мыслящей моли подстерегло именно здесь. Трейси подозревал, что визитеры банально грабили, ну а прошение использовали в качестве отвлекающего маневра.

В столовой царила тишина. Мажордом, невыносимо высокомерная мыслящая черепаха, полагающая себя оплотом вечности, возвышалась над абсолютно пустым столом. Трейси насторожился.

Появился официант — мыслящий енот. Вообще-то его брали прачкой, но он возмутился, сочтя это нарушением своих прав: что ж, если он полоскун, так его теперь только за стирку, да? Может, он совсем о другом мечтал! На поверку енот оказался вполне покладистым и согласился совмещать должность прачки — потому что стирать, что ни говори, умел

качественно — с обязанностями официанта, которые ему нравились. Взаимно, надо сказать; Трейси без содрогания не мог вспомнить прежнего официанта — мыслящего и чрезвычайно обидчивого скунса. Енот же был несравненно симпатичнее и даже научился шутить. Опять же, помимо стирки и прислуживания за столом он охотно заменял курьера и горничную — впадшую в зимнюю спячку мыслящую медведицу. Собственно, у енота было только два недостатка: перманентная линька, отчего клоков шерсти в тарелке оказывалось больше, чем еды, и привычка надкусывать фрукты.

— Что это значит? — рассердился Трейси, покопавшись в тарелке и обнаружив, что под слоем шерсти нет ничего.

— Повариха делится! — радостно сообщил енот, не дожидаясь, пока мажордом осмыслит вопрос и соотнесет его с извечным философским «а зачем что-либо делать?». — С ночи! — Он подпрыгивал на месте от возбуждения и чесался. — Так что завтрака нет, а поварих теперь будет две!

— Одну уволим, — сказал Трейси, машинально обирая с костюма шерсть полоскуна.

Енот захихикал:

— А какую, если у них генная карточка одинаковая будет? Она ж делится, там все одинаковое, и даже гражданство! Нельзя уволить одну, потому что вторая подаст в суд за несправедливое увольнение без предупреждения — она ж точно такая же, и докажет, что на работу принимали именно ее! А первая докажет то же самое!

— М-да, — крикнул Трейси. — Кажется, повариха-амеба — не лучший выход для гурманов.

— А потом она опять будет делиться, и опять, и тут будут одни поварихи, и все совершенно одинаковые! — ликующе верещал енот. — И никого нельзя уволить, а весь бюджет на них уйдет! А увольнять за то, что она делится, нельзя, потому что это расовая дискриминация, а с обязанностями она справляется! Ура, мы разоримся! — Енот подпрыгнул и кувыркнулся через голову от счастья.

— Я позавтракаю в городе, — сказал Трейси, порядком рассерженный кривляниями официанта. Кажется, он слишком рано сделал выводы о милом характере этого существа.

Мыслящий удав, трудившийся механиком в гараже, висел на обычном месте. При появлении человека лениво повел головой и приоткрыл светящиеся пронзительные глаза. Трейси его слегка побаивался, несмотря на меланхоличный характер и подчеркнутую логичность поступков. Но придрататься не мог: свои обязанности мыслящий удав знал и превосходно с ними справлялся, чего нельзя было сказать об остальной прислуге.

— А где машина? — удивился Трейси.

— Ммм... Машина? — Удав кушал один раз в сутки, с вечера, и после завтрака у него наступал самый пик пищеварения. — А, машина... Так на ней повариху увезли. В госпиталь. Сложное деление, знаете ли. Если врачи не разделят, то непременно умрет. Позволю себе посоветовать: берите на ее место гидру. Конечно, она готовит только пищу, которую сначала сама переварит, это не каждому по вкусу, но с ее принципом пищеварения отъест не так уж много. Зато она почкуется, а не делится.

— Я подумаю. Мне нравится ваша мысль.

— Еще бы! — согласился удав и закрыл желтые глаза. По его мнению, дальше говорить было не о чем, а пустопорожнюю болтовню он с высот своей мудрости не уважал.

На положенной ему по статусу машине Трейси ни разу не ездил. Постоянно находился кто-то, кому она была нужнее. Склонный во всем видеть хорошее, Трейси порой думал: если салон такой же загаженный, как банкетки и диваны в его приемной, то куда здоровее ходить пешком. Конечно, в приемной регулярно убирались, но выделения множества инопланетных тел — а редкий пришелец носил одежду даже из соображений личной гигиены — прочно въедались в ткань, оставляя скользкий налет и неприятный запах.

Хоть машина и была одним из чудес, ради которых Трейси покинул родное гетто, он не расстраивался, освоив систему общественного транспорта. В конце концов, говорил он себе, автобус тоже машина. Только большая.

В автобусе об него вытерся какой-то гражданин, покрытый толстым слоем жирной слизи. Гражданин вздыхал и охал, жалуясь, что местное солнце совершенно ужасное, что оно высушивает его нежную кожу, неужели нельзя было как-то

притушить это проклятое светило? Непонятно, куда смотрят правительство и парламент, если позволяют гражданам так страдать. За что они налоги дерут? Ну хорошо, если они не могут напустить в атмосферу приятных облаков, то хоть улицы-то могли закрыть козырьками?! Автобус наполнился сочувственными репликами.

Трейси медленно зверел. За каким хреном все эти существа так рвались на Землю, если им здесь все не по нраву?! Катились бы к себе обратно... Набиваются сюда, будто других мест во Вселенной не существует. Понятно, что их привлекает: Земля — единственное государство, взявшее демократичный курс на гуманизацию и уравнивавшее все расы в правах. Теперь их отсюда поганой метлой не выгонишь — у себя-то они никаких прав не видывали!

Сойдя на остановке, Трейси тщательно обтер костюм носовым платком. Из платка вывернулась рассерженная мыслящая сороконожка, которая забралась в карман, чтобы не платить за проезд в автобусе, и по вине Трейси пропустила нужную улицу.

Безымянная, как все негосударственные фирмы, корпорация с внушительным перечнем оказываемых услуг, продаваемых товаров и производимого оборудования ютилась в облупленном здании на задворках 421-й авеню. Трейси понял, что фирма далека от респектабельности, но не остановился: он нуждался в любой работе, честной и оплачиваемой.

Он приготовился сообщить в домофон, что явился на собеседование, когда ворота разъехались в стороны, выпускающая наружу недовольно гомонящую толпу. Трейси отступил, думая, что желающих занять единственную свободную вакансию слишком много, но он обязан верить в себя — и тогда все получится.

На запущенном дворе и парадном крыльце чего-то ожидали возбужденные граждане. На расспросы Трейси никто не реагировал. Растолкав людей, он с трудом пробрался в здание. Дальше холла на первом этаже ему проникнуть не удалось. Да и не было в том необходимости: вакансия оказалась занятой, и уже давно. У подножия лестницы возвели трибуну, на которую водрузили гигантский аквариум с мыслящим осьминогом.

— Начальник рекламного отдела, — сообщил мыслящий ослик, переминавшийся с ноги на ногу в опасной близости от ботинок Трейси.

— Вроде вакансии не в рекламу требовалась, — осторожно заметил Трейси.

Ослик тяжело вздохнул:

— Это да. Только вакансию они отдали еще позавчера. Видите мыслящего паука рядом с аквариумом? Это политический беженец. Корпорация хочет налоговых льгот, потому приняла на работу политического. Заодно устроила дешевое шоу с нашим участием. Я сегодня утром звонил, мне сказали, что вакансия свободна. Пришел загодя, а тут таких, как я, — сотня. Всем же понятно, если на собеседование приглашают столько народу одновременно, то не возьмут никого. А потом телевидение приехало.

Трейси порадовался мысленно, что договорился о встрече не в одной, а в трех фирмах. И с хорошим запасом времени, который позволял ему поглазеть на происходящее.

Осьминог произнес торжественную речь, из которой следовало, что он решительно чувствует родство с пауками, но при этом конкретно осуждает царящие на их родине порядки — отсутствие демократии, неравенство в правах, дискриминацию по половому признаку и политическую цензуру. И как только подвернулась возможность, он тут же оказал дружескую услугу диссиденту, приняв его на работу и тем самым гарантировав ему получение земного гражданства...

Он говорил долго, Трейси начал зевать. Из толпы слышались расистские выкрики. На недовольных кинулись журналисты. Один оказался рядом, сунул ослику микрофон:

— А вы арахнофоб, сознайтесь?

Трейси вжался в толпу, максимально увеличив расстояние между собой и интервьюируемым ослом: угодить на экран в скандальном ракурсе он не хотел. Слишком уж тяжело потом восстанавливать репутацию. Спустившись во двор, Трейси без помех вышел на улицу, но вздохнул спокойно, лишь затолкав себя в переполненный автобус.

Насколько тягостное впечатление производил офис первой корпорации, настолько же приятным ему показалось представительство второй. Высотное здание, оформленное в

строгой серовато-розовой гамме, причем фасад с преобладанием практичного серого, тогда как во внутренних помещениях превалировал тонирующий розовый. Оставив позади стеклянные двери, Трейси застыл, созерцая открывшееся его взгляду великолепие — ничего лишнего, стерильная чистота и тишина.

Робея, доложилась вахтеру. Мыслящая крыса, страдающая астигматизмом, долго сверлила его то одним, то другим глазом, затем изрекла:

— Вакансия занята.

— Как занята? Мне же назначили в одиннадцать тридцать, я пришел даже раньше!

— Занята. Вас бы не взяли. Нам не нужен человек.

— То есть как? — возмутился Трейси. — Как это — не нужен человек? А кто вам нужен?

— Тритон.

— Да это... Это... Это же самый настоящий расизм! Вы мне отказываете в месте только потому, что я неподходящей расы!

— Не я, — отрезала крыса. — Руководство компании.

— Тогда скажите вашему руководству, что я хочу с ним лично поговорить!

Трейси готовился к тому, что после такой грозной реплики его вытолкают на улицу. Тем более охранник — крупный мыслящий крокодил — уже подполз ближе к нему. Ничего, думал Трейси, еще посмотрим, кто кого! Не дали работы — заплатят по иску за оскорбление достоинства.

Крыса равнодушно указала ему на диванчик:

— Ждите.

Через пять минут в холл спустился гид — трехфутовый мыслящий кот — и повел Трейси в кабинет руководства. Директором фирмы был обильно потеющий розовый слон. Посетителей он принимал в круглом бассейне. Это не означало, конечно, что гостям предлагалось окунуться в воду — вовсе нет, там и места для кого-то другого не предусматривалось. Визитеры располагались на бортике, достаточно официальном и комфортном одновременно. В дизайне чувствовался отменный вкус и тяга к минимализму.

— Чем могу служить? — Стильный интерпретатор с матовой черной панелью слон настроил на приглушенный и подчеркнуто спокойный голос.

— Я хотел бы выяснить, почему вместо меня на работу взяли тритона, хотя у меня анкета идеально соответствует запросу.

— Потому что интерес общества к мыслящим тритонам сейчас особенно велик, и я хочу получить дополнительную рекламу в СМИ, — исчерпывающе объяснил слон. — На человеке пиара не сделаешь.

— Да, но зато я могу работать! Что, скажите мне, способен произвести тритон, если он не может надолго вылезти из аквариума?!

— Вы что, только вчера из гетто?! — Слон поджал кончик хобота. — Как маленький, честное слово. Ну кто, кто, скажите мне, сейчас на Земле что-то производит? Это невыгодно. Здесь прекрасный рынок сбыта, и все серьезные корпорации имеют тут своих торговых представителей. Но производить?! Мне лично вы симпатичны, и люди в целом глубоко понятны, но — бизнес есть бизнес. А для бизнеса мне люди дать ничего не могут. Это не расизм, как вы сами понимаете. В бизнесе нет такого понятия, там есть термин «целевая аудитория». У людей низкая покупательная способность, и для нашей фирмы работа с людьми бесперспективна — мелко. В офисе у меня ни одного человека нет. А тритонов на Земле много, они богаты. И парень, которого я принял, поднимет наш престиж. Вы не обладаете нужной мне узкой специализацией, поэтому я отказал. Впрочем, — слон задумался, — я мог бы предложить вам один проект. Но не на Земле.

— К сожалению, это исключено. У меня здесь семья.

— Наша фирма готова оплатить переезд не только вам, но и членам вашей семьи. Спонтанно сложился человеческий рынок на Альдебаране, и там весьма полезен оказался бы наш представитель из вашей расы.

Треysi замялся.

— Возьмите мою визитку. — Слон ткнул щупальцем в сторону офисного столика. — Деньги неплохие, льготный

вид на жительство, обучение без отрыва от работы. Мы о своих сотрудниках заботимся. Не отказывайтесь сразу.

— Я подумаю, — выдавил Трейси и направился к выходу.

На пороге обернулся. Розовый слон курил умопомрачительно дорогую сигару, изящно удерживая ее кончиком хобота и пуская вычурные дымные кольца. Жаль, конечно, что такому директору совсем не нужны люди в офисе. Трейси не отказался бы погнуть спину на такого работодателя. И второй-не жаль, что Альдебаран слишком далеко.

В третьей фирме ему тоже не посчастливилось. Мыслящая цапля-секретарша, крашенная под фламинго, ударилась в истерику, едва завидев его. Из маловразумительных выкриков Трейси уяснил следующее: все хозяева гады, а уж ей достались гады из гадов. Опять вместо нормального служащего наняли лягушку! Значит, ей придется работать и за новичка, а зарплату не повышают! Одни лягушки в офисе, да еще и все из одного клана. Ее же, цаплю в смысле, взяли не иначе чтоб поиздеваться вволю, выместить на ней все родовые обидки. А у нее, между прочим, еще нет гражданства, только вид на жительство, и если она сейчас потеряет работу, то и гражданства не видать. Вот людям хорошо, им вид на жительство не нужен... Трейси на цыпочках покинул кабинет. Цапля, похоже, не заметила, потому что плакалась на жизнь с прежней интенсивностью.

Выйдя на улицу, он повертел головой. Этот район Трейси знал плохо, на уровне «где ближайшая остановка чего-нибудь-что-идет-в-центр». Сейчас, когда все назначенные на день встречи состоялись и не принесли успеха, он почувствовал голод. Но сомневался, что сумеет без посторонней помощи отыскать забегаловку, где удалось бы перекусить за небольшие деньги.

— Дядь! — кто-то дернул его за брючину.

Трейси скосил глаза. У ноги сидел мыслящий котенок с подчеркнуто грязной мордой и давно нестриженными когтями, которые он нагло выпустил. А за спиной Трейси обнаружил еще четырех котят постарше и взрослую крысу. Целая банда уличной шпаны. Убьют вряд ли, человек для них слишком крупная добыча, да и время суток неподходящее.

Но ограбить могут запросто. Трейси на всякий случай отступил на пару шагов.

Котенок не пошевелился. Только взгляд стал масляным, а из-под белых еще по молодости усов показались молочные клыки — малолетний хулиган изобразил улыбку.

— Дядь, подкинь денжат, а? Жрать охота — сил нет.

— Извини, с утра замотался, обналичить недосуг было. Дал бы, но у меня только кредитка. — Трейси продолжал стратегически отступать к дверям только что оставленного им офиса.

— Какие проблемы — дай кредитку, сами обналичим!

Котенок ухмылялся все наглее, а двое его сотоварищей легко вспрыгнули на ступеньки перед спасительной дверью и разлеглись на крыльце, вроде как греются на солнышке. Один остался на месте, а самый крупный зашел спереди. Но Трейси волновали не они — его больше заботило, где находится главарь.

Кольцо сжималось, Трейси непроизвольно бросил руку за пазуху — закрыть ладонью карман с кредиткой и документами. Жест банда истолковала по-своему: все кинулись врассыпную, крича:

— Шухер, у него волына!

Трейси с трудом перевел дух. Обошлось. Есть захотелось еще сильнее. Поколебавшись секунду, он направился в сторону от автобусной остановки. Может быть, в неразведанном районе он наткнется на закусочную, на худой конец, справится у первого же встречного.

Он прошагал два переулка, никого не встретив и не отыскав даже магазина. Сплошные низкие заборы, стискивавшие мостовую. И только нарастал плотный шум, по мере приближения к его эпицентру переходящий в слитный грохот.

Повернув в очередной раз, Трейси узнал место: окрестности площади Равенства. Кажется, там было какое-то кафе... Ему оставалось пройти через узкий проулок, когда прямо под ноги выкатилась свора круглых щенков и с тонким лаем помчалась на площадь. За ними торопилась худая сука. Трейси, не размышляя, обогнал щенков и загородил им путь. Детеныши тут же переключили внимание на незнакомца.

— Ох, мистер, спасибо вам, — задыхаясь, сказала старуха. — Не поможете загнать их обратно? Да и сами заходите, тут сейчас такое начнется!

Они успели вовремя. Заперев щенков в конуре, Трейси почувствовал, что грохот приближается, как волна. Вышел в сад, к забору. Рядом с ним, поставив лапы на кромку ограды, тяжело дышала старуха. А по улице, вздымая тучи пыли и высекая искры из мостовой, катились пористые, будто источенные короедами мыслящие камни.

— А я-то думал — что случилось? Никого нет на улице...

— Уж точно, — поддакнула сука. — Когда мы покупали конуру, здесь было изумительное тихое местечко. А теперь продать хотим, да только кто сюда жить пойдет? Ни один приличный гражданин не захочет такого соседства.

— И что — они так каждый день?

— Нет, только в безветренный, как сегодня. Когда ветер, они на площади в кучу скатываются и поют. Отвратительный вой, скажу я вам. И чего нам говорят, что это вершина их «уникальной и непознаваемой культуры»? Подумаешь, дырку в боку ветерку подставил — и вой себе на здоровье. То ли дело у нас, теплокровных! А ветра нет — так они митинги протеста устраивают.

— И против чего протестуют?

— Да кто их разберет? Они ж говорить не могут. Вот так мы тут и живем — день вой, день грохот. Ох...

— Я тоже от них страдаю. Мне вот сегодня ночью в окно один влетел. Правда, другого вида, сплошной.

— А-а, мужик! Эти-то, с дырками — бабы. А мужики у них — те да, ничего, кроме терроризма, делать не умеют.

— Интересно, а как они размножаются? — задумчиво спросил Трейси. — Если разнополые — должны как-то это делать... А как?

Старуха весело посмотрела на него и издала короткий звук, напоминавший смех.

— Да вот я тоже — сколько ни смотрю, не могу понять. А вы, сдается мне, не здешний? Я раньше в нашем квартале людей не видела. Недавно приехали?

— Случайно мимо шел. Я кафе ищу или закусочную, что-нибудь в этом роде.

— На той стороне площади. Там их две, но в правую не ходите — плохо готовят. Да когда это устрицы блистали поварским мастерством? А левую лиса пополам с журавлем держит, там вполне прилично. И недорого.

Трейси поблагодарил гостеприимную мыслящую собаку и, когда камни укатились протестовать в соседний квартал, быстрым шагом двинулся через площадь.

Камни, камни... Знала бы старуха, сколько жалоб на них получал Трейси каждый день! Да только что с ними сделаешь? Слов они не понимают, боли не чувствуют. Полиция раскатит их в разные стороны — а они тут же снова скатываются. Главное, приспособились строить катапульты и швырять сородичей на большое расстояние. Вот, в окно ему сегодня забросили.

Можно, конечно, кислотой их обливать, только кислота — это уже оружие массового поражения. Куда больше от нее страдает чахлая диаспора травы. Тут одними исками в суд дело не обойдется, тут до междурасового трибунала рукой подать. Не говоря уже о том, что эти сволочи прекрасно маскируются. Ни видом, ни цветом не отличаясь от земных булыжников, рассредоточиваются по обочинам и канавам и замирают. И хоть ногами по ним ходи, все им нипочем. Не шевелятся. А стоит повернуться спиной — и непременно какой-нибудь героический гад под ступню влезет, да еще с вывертом, чтоб наступивший гарантированно ногу сломал.

Трейси не знал, может ли кто-нибудь из дипломатов сказать с уверенностью, когда же камни проникли на Землю. Раньше других инопланетян, это вне всяких сомнений. Возможно, они оказались тут даже до установления официального контакта. Эмигрировали тысячами, ловко прикинувшись облицовочным материалом с уникальными теплоизоляционными свойствами, а уж здесь показали себя во всей красе.

Рекомендованная закусочная оказалась полноценным рестораном, но с дешевыми блюдами. Трейси прямо у порога встретила симпатичная мыслящая бабочка — днем официантка, ночью стриптизерка — и проводила к столику у окна. Трейси отметил в меню картофель фри, порадовавшись, что он не дороже, чем у Белого дома, хотя здесь и не окраина.

Поколебавшись, решил, что вполне может позволить себе еще воробыный гамбургер.

— Отличный выбор! — сверкнула фарфоровыми жвалами вежливая бабочка и упорхнула на кухню.

В ожидании заказа Трейси бездумно глазел в окно. Мимо проплывали мамы с детьми, изредка проезжала машина... А потом Трейси увидел такое, что невольно залился краской.

Под самым окном медленно, переваливаясь с боку на бок, ползли пухлые женские ягодицы. Из самого интимного места торчали длинные мохнатые усики, чрезвычайно привлекательные. За ягодицами тянулся влажный след. Трейси вспотел и схватился за сердце.

— А, это из тараканьего общежития, — сообщила подошедшая официантка. — Замуж выходит, свадьба у нее сегодня. Что-то засиделась она в девках, остальные уж месяц как беременными ползают.

Заикаясь и багровея, Трейси спросил:

— Что это у нее... такое большое?

Официантка пригляделась:

— Глаза, наверное.

— ?!

— Ну, принято так у них — от усердия глаза тарашить. — И бабочка, расставив на столике тарелки с картофелем, гамбургером и двумя видами бесплатного соуса, грациозно улетела.

Глазастая тараканиха исчезла из поля зрения. Зато появилась толпа тараканов-женихов — с нафабранными усами и отполированными до золотого блеска панцирями. Колонной по трое они бодро промаршировали под окном и тоже исчезли. Трейси склонился над тарелкой.

— Почитать не желаете?

Не будь голос таким профессионально вкрадчивым, Трейси бы умер на месте. А так он всего лишь подавился. Обладатель вкрадчивого голоса услужливо похлопал его по спине, затем, на правах уже не совсем постороннего, уселся на свободный табурет, дожидаясь, пока Трейси отдышится.

Больше всего присоседившийся гражданин напоминал вставшего на задние лапы волка, только черноватого и с виду

совсем нехищного. Между ушами у него виднелись рожки, что наводило на определенные подозрения, и задние лапы заканчивались копытцами, что подозрения усиливало. Узкую грудь пересекал ремень тяжелой сумки, которую мелкий бес, однако, не поставил на пол. Наверное, боялся, что уведут.

— А что у вас есть? — спросил Трейси.

— Есть свежайший выпуск диссидентского журнала «Паразиты не симбионты!», — затараторил чертик. — Уникальные материалы, и не какая-то там подделка — в редакции работают только червеземляне, причем у себя на родине они политические преступники, изгои. И за что?! За то, что говорят правду...

— Спасибо, — перебил Трейси. — Не люблю политику.

— Там не только политика. Там еще неплохой анализ состояния глистовой... ой! червеземлянской фондовой биржи, причем данные без подтасовок.

— Я сказал — нет. Больше ничего интересного?

— Ну, спорткурьер я уже распродал, это был вчерашний выпуск, наверняка читали... А искусством интересуетесь? Есть последний номер вестника маргинальной культуры «Розовые сопли». Можно посмотреть.

Чертик выложил на стол обещанные культурные вести, причем Трейси не заметил, когда тот слазил за ними в сумку. А сам разносчик привстал и наклонился к левому уху человека, доверительно зашептал:

— А еще, только для вас, вот как знал, вы ценитель, я-то вижу гурмана издалека... Есть сборник картинок «Шаловливая ложноножка». Ну, таких, специальных картинок, вы понимаете? Девочки юные, всех рас, под каждой картинкой телефончик, можно позвонить, звоночек платный, ну да посмотреть можно и просто так... И недорого, последний экземпляр, я его всегда отдаю по себестоимости... Вровень с вестником получится... А если возьмете все три издания, получите скидку в пять процентов и подарок — календарь выборов по всем штатам на следующий год...

Трейси вдруг вспомнил тараканиху, и рука сама потянулась к запечатанному в целлофан глянцевоу журналу, который ему исподволь подсовывал черт.

— А что, пролистать нельзя?

Черт обиделся:

— Я законы соблюдаю, между прочим. И порнографию только половозрелым предлагаю, в упаковке, все как положено.

Очень хотелось взять «Ложноножку», но Трейси смутился — женатый человек все-таки! — и купил «Розовые сопли». Пока торговец крутился рядом, Трейси листал маргинальный вестник с глубокомысленным видом. Едва черт скрылся, Трейси тут же отправил газету в мусорный бачок, мучительно жалея, что потратился на новости, соответствующие названию. Надо было решиться и взять картинки. Ну почему он никак не может преодолеть свою застенчивость?! Почти все взрослые граждане время от времени проявляют интерес к порно, так чем он хуже? Никто его не осудил бы. А так — глядели как на безумца или фанатика. А кто еще может увлекаться маргинальной культурой?!

Обратно в Белый дом он возвращался в подземке. Отчего-то не хотелось лезть в автобус. Но на середине пути электричка встала: опять авария на электростанции. Вместе с другими ругающимися пассажирами Трейси прошагал полмили в туннеле, а потом, не сумев ввинтиться в переполненный автобус, так и шел пешком до конца.

С трудом переставляя гудящие ноги, направился сразу в столовую: после ужина хотел выпить чашечку кофе, но в ресторане он оказался непомерно дорогим.

На столе лежал безобразно раздувшийся механик. Вокруг него столпилась вся прислуга. Енот запрыгал перед Трейси:

— Он его съел! Съел!

— Кто? Кого? — Трейси устал, нагулял аппетит и надеялся хотя бы на кофе, если разделившихся поварих из гостиницы еще не привезли.

— Удав! Глиста из унитаза! — радовался енот.

— Ну и что? — равнодушно спросил Трейси.

— Так он теперь убийца! Надо вызвать полицию!

До Трейси дошло. Оглядел всех. Вечно пребывающий в экстазе енот выразил общее сомнение. Червей, даже землян, тут не любили, хотя вслух о своих расистских наклонностях

говорить не рисковали. А вот механика боялись, но уважали крепко. Да и как не уважать нормального честного змея? Взятки не брал даже белыми мышами, никогда не терял терпения и всегда давал советы бесплатно.

— По порядку, — распорядился Трейси. — Докладывайте.

Утром, едва он отбыл, глист пригрозил забить своим телом канализационный сток и умереть там, если ему немедленно не отыщут нового хозяина. Енот, как самый мобильный, сообщил о происходящем мажордому и насплетничал удаву. Последнему ситуация показалась настолько абсурдной, что он не преминул взглянуть — чтобы составить собственное мнение, разумеется. Глист, порядком ослабевший, обрадовался собеседнику и объяснил, что достаточно открыть рот, а дальше он справится сам. Удав пасть и открыл, ему не трудно.

Вот только глист не знал, что змеиный кишечник переваривает все. Даже паразитов. А удав знал. И с удовольствием заглотил предложенное.

— Удав сказал, что если мыслящее существо само лезет в пасть, то оно либо хочет покончить с собой, принеся пользу обществу, либо потеряло разум. В любом случае его поедание надо рассматривать в контексте обычного жизненного процесса, — роняя слова, добавил мажордом. — Мы проголосовали. За предложение удава высказалось большинство, против и воздержавшихся не было. Но только что из госпиталя привезли поварих. Они считают, что это все-таки преступление.

Трейси потер лоб. Не хотелось сдавать в полицию замечательного механика, к тому же очень красиво отомстившего за его утренние переживания.

— Глист получил именно то, что хотел, то есть он стремился попасть в кишечник — и попал. Уважаемый удав тоже получил, что хотел — помог мыслящему существу реализовать его мечту. Все. А об убийстве поговорим, когда у нас на руках окажется целый труп червеземлянина или его несомненные фрагменты, свидетельствующие о том, что он погиб в результате действий удава, а не умер естественной смертью. На данный момент состава преступления нет. Понятно?

Удав с усилием приоткрыл левый глаз.

— Господин президент, никогда не сомневался в вашей разумности и человечности, — изрек он и снова погрузился в приятную сытую дрему.

— Будьте любезны, транспортируйте нашего механика на его рабочее место, — велел Трейси мажордому. — И дай-те же мне наконец сварить кофе!

С кружкой вожаденного напитка Трейси ввалился в свой рабочий кабинет. Шесть на шесть футов, стол, стул, личная ручка, которой он никогда не пользовался, телефон, стопка документов и штампик с выгравированной подписью. Подпись, кстати, не менялась уже лет двадцать — а кому какая разница, кто ныне президент?

Трейси уселся, чуть не застонал, оценив пачку документов — листов с полтыщи, а то и побольше. И все это он обязан проштамповать до утра!

Поправки, очередные поправки к Новой Конституции. Их принимали по сотне в день. Трейси тискал штампом в низу каждого листа, откладывал, тащил следующий... Рука занемела, он откинулся на спинку стула. Допил остывший кофе. От нечего делать прочитал документ. Прикрыл глаза. Да, если бы президент Смитсон, ратовавший сначала за вступление в Конвенцию, а потом и за принятие Новой Конституции, позволившей инопланетянам получать земное гражданство, дожил бы до такого, он бы просто застрелился.

Пока инопланетяне прибывали на Землю в виде забавной контрабанды, никто не задумывался о последствиях. Потом приняли Новую Конституцию, потому что это показалось выгодно — без нее людей не пускали на другие планеты. Людей пустили. За три года с Земли в разных направлениях безвозвратно убыло два миллиарда особей рода человеческого. Вместо них явилось пять миллиардов инопланетян.

Они открыли Землю, как Колумб Америку. И согнали землян в гетто, как европейцы индейцев. Конечно, словечко «гетто» тридцать и даже двадцать лет назад не звучало. Трейси еще помнил, как их деревню называли заповедником.

Да, несколько зон на Земле объявили закрытыми для проживания инопланетян. Чтобы избежать обвинения в расиз-

ме, эти области получили статус природных заповедников. А потом уже все привыкли, что люди живут в гетто, площадь которых с каждым годом уменьшается.

Нет, поражения в правах у человека не было. Просто когда инопланетян, равных по возможностям с человеком, в пятнадцать раз больше, о правах говорить бессмысленно. Демократия, извините. Решает большинство. Единственное право, оставленное человеку, — право занимать пост президента. И то только потому, что к выборам допускались лишь урожденные земляне. А новые граждане в подавляющем большинстве были пока еще пришлыми.

Выборы... Смешное слово. Президента выбирал компьютер случайным поиском по списку фамилий. И все соглашались. Почему бы и нет? Новая Конституция со всем набором поправок ограничила функции главы государства до проставления штампов на документах. Особых знаний не требуется, а вот работу в городе при известной оборотистости заполучить можно. Да еще и за жилье и скудное питание не нужно платить: гособеспечение.

Наверное, Трейси был не слишком оборотистый. Потому что за минувший месяц он повсюду слышал только отказы. Будь Трейси холостым, особо не волновался бы. Но ведь у него в гетто осталась семья — жена и дети. Им деньги нужны. Как президент Трейси мог рассчитывать на постоянную спонсорскую субсидию, но ее хватало лишь на платное размещение анкеты в базах занятости да на поездки по городу.

— Вам письмо от жены пришло! — приоткрыв дверь, пискнул в щелочку енот и протолкнул магнитофон.

Трейси переставил аппарат на стол, нажал на клавишу. Из динамика полился серебристый голосок Эльсы: «Дорогой, я проиграла тяжбу...»

Кулаки сжались сами собой. Тяжба!

Стоило Трейси уехать в город и поселиться в Белом доме, как в гетто обосновался табор бродячих мыслящих улиток. Причем для стоянки они выбрали отчего-то садик у дома Трейси. Эльса подала на них в суд.

«Из присяжных четверо были улитками, четверо — мыслящими растениями, два стула пустовали, но на них висели

таблички «мыслящая энергия», еще была мыслящая соня и мыслящая гадюка, та самая, которую мы в прошлом году выгнали из нашего подвала, куда она пробралась тайком. Ко мне прикрепили государственного адвоката-орла, очень умная птица, но все бесполезно, потому что у улиток адвокатом был камень. Он ничего не говорил, только с грохотом катался по своему столу, а потом принялся раскаляться и шипеть. Все испугались. Гадюка объявила, что присяжные проголосовали одиннадцатью голосами в пользу улиток при одном воздержавшемся — соне. Она не проснулась. Решение можно обжаловать в окружном суде, но нет денег: меня обязали выплатить судебные издержки и забрали все деньги и дом. Гадюка сказала, что у нас демократия и истинно гражданские свободы, так что если я жена президента, то никто не станет делать мне поблажек. А если станет, то это коррупция и тоталитаризм. Так что нас с детьми уже выселили. Я сейчас в городе, в гостинице на 545-й авеню — единственный отель, где согласились в качестве платы принять мое обручальное колечко».

Конституция гарантировала гособеспечение президенту, но не членам его семьи. Такую поправку внесли пять лет назад в целях сокращения административных расходов. А вчера Трейси штамповал указ, повышающий денежное довольствие парламентариям. На три процента.

«Еще я получила письмо от Молли. Ты помнишь Молли, правда? Она уехала на Альдебаран. Дорогой, она зовет нас к себе. Там сейчас хорошо — наших около полумиллиарда, и еще там изменили Конституцию, правительство взяло курс на отказ от расизма, так что люди могут получить вид на жительство, если найдут работу, а через три года — и гражданство. Молли пишет, что с работой проблем нет, сейчас очень модно иметь в штате человека. В правительстве и в парламенте у нас очень могущественное лобби...

...Дорогой, если ты найдешь немного денег на билет, я с детьми улетела бы к Молли. Конечно, месяц придется перебиваться, но мы всю жизнь прожили в гетто, нам не в диковинку. Питание там бесплатное, а потом я устроилась бы на фирму к Молли, дети пошли бы в школу. А когда закончится срок твоего президентства, ты бы приехал к нам...»

Отказ от расизма, новая Конституция, лобби... Трейси подумал, что где-то уже это слышал. И хоть сейчас готов сказать, что произойдет через тридцать лет.

И чем больше он размышлял об открывающихся перспективах, тем сильнее разгорался в его глазах хищный огонек.

Что там говорил розовый слон по поводу работы на Альдебаране? Трейси набрал номер телефона, указанный на визитке розового слона. Трубку сняли почти сразу. Услышав знакомый уже приглушенный голос, Трейси сказал:

— Доброй ночи, это Трейси. Человек, которого вы не взяли на работу.

— Вы согласны? — без лишних экивоков уточнил слон.

— Да.

— Я рад. Когда вы сможете выехать на Альдебаран?

— Хоть сейчас.

В трубке прошелестел смешок.

— Мне уже нравится ваша оперативность, — отметил слон. — В четыре утра мы отправляем транспорт, это не пассажирский лайнер, но я сам так путешествовал — вполне комфортно. Сколько вам времени на сборы? Я пришлю машину.

— Мне — нисколько. В отеле на 545-й авеню находится моя жена и дети. Если вас не затруднит...

— Договорились. Шофер заберет их, потом заедет за вами. Куда?

— К главным воротам Белого дома.

— Что ж, желаю успеха. Думаю, еще увидимся.

Трейси положил трубку. Посмотрел на кипу бумаги, загромождавшую его стол. Взял верхний лист, перевернул его, остальные бесцеремонно смахнул на пол. Долго вспоминал, как пишутся нужные слова. Он легко читал, но вот с начертанием букв испытывал трудности. В школе при гетто словесность преподавала мыслящая летучая мышь, которая ночью питалась, а днем повисала над доской, заматывалась в крылья и спала. Так что читать Трейси научился у родителей, еще до школы, а вот с чистописанием дела обстояли хуже некуда. Но никого, в том числе и его самого, это не волновало. А почему его должна была заботить какая-то ме-

лочь?! Все компьютеры работают с голоса, а лишние знания тяготят. Колледж Трейси окончил без проблем и к большому тогда не стремился.

Наконец он вспомнил. Старательно, большими печатными буквами, вывел:

УШОЛ В АТСТАФКУ.

Заменял точку на восклицательный знак для большей выразительности, аккуратно пристроил записку посреди стола.

В гардеробной уложил в чемодан вещи, с которыми приехал из гетто. У дверей спальни задержался. Пробитую утренним террористом створку никто даже не подумал заменить. Листочки у лианы-телохранителя безвольно обвисли — то ли от сквозняка, то ли растение предчувствовало скорую разлуку. Чуть не прослезившись от жалости, Трейси старательно увлажнил землю в кадке, сдобрил ее подкормкой. А потом ему пришлось в голову более простое решение.

Он покинул здание, держа в одной руке чемодан, а в другой — кадку с лианой. Почти вприпрыжку пересек газон, отделявший парадное крыльцо от ворот. И засмеялся, открыто и искренне, увидав подъезжающую длинную черную машину.

Иногда вид на жительство значит больше, чем право на жизнь.

Владимир Михайлов

О СПОРТ, ТЫ...

Баал Бесс лежал на диване и плевал в потолок, когда в дверь постучали.

Баал не повел и бровью: он не ждал гостей, и еще менее — кого-нибудь другого. Он не был настроен на общение. Не потому, чтобы кто-то его чем-то обидел или мог обидеть; просто ему было хорошо, настолько хорошо, что любая перемена могла изменить его состояние лишь к худшему. А этого он никак не желал.

Ему было прекрасно, потому что:

Во-первых, ему ничего не нужно было делать. Никто от него больше ничего не ждал. Никаких обязательств. Никаких дел. Никаких усилий. Значит, и никаких мыслей — кроме разве что тех, которые могли доставлять одно лишь удовольствие.

(Стук в дверь повторился, но Баал вновь не откликнулся.)

Второе вытекало из первого: раз от тебя больше ничего не ждут, то и приставать к тебе никто не станет; а учитывая, что мир населен преимущественно бездарями и идиотами, возможность не видеть и, главное, не выслушивать никого из них становится прямо-таки бесценным даром судьбы.

(Уже не «тук-тук», но прямо-таки «бум-бум»! Похоже, на сей раз ногой. Ну, кто-то обнаглел до последнего. Встать, поучить его хорошим манерам? Да нет, они все того не стоят, чтобы спустить ноги с дивана, сесть, а затем и встать, сделать шаг к двери, другой, третий...)

Третье благо как бы подразумевалось само собой: выразительная сумма на карточке (папа, великий человек, успел при жизни заработать немало, а вот потратить не успел) и все, с нею связанное, давали возможность не строить планов на ближайшее и даже не столь ближайшее будущее, а просто жить так, как хочется. Без всяких режимов, тренировок, переездов, игр, волнений, вспышек честолюбия, разочарований, критики в газетах, с экранов, взглядов и словечек товарищей по команде. С этим все. Завязано навсегда. В конце концов надо пожить и для себя, а не только для болельщиков...

Подумав так, Баал Бесс тут же стал поступать совершенно непоследовательно. А именно — насторожился, вскочил и сделал те самые три шага к двери, которые только что отвергал с полным негодованием.

Сделал он так потому, что вместо следующего стука слышалось другое: привычное мягкое, вкрадчивое воркование замка. Кто-то, не надеясь больше, что ему откроют, сам предпринял попытку отворить дверь — и попытку удачную. Причем не стал взламывать дверь, а весьма аккуратно отпер замок, невзирая на все его хитрости и блокировки.

А это мог совершить один-единственный человек. Великий Тренер, старый друг семьи. Однако он находился — во всяком случае, должен был находиться, судя по всем источникам спортивной информации, достаточно далеко отсюда, в тысячах километров — за морем, где разыгрывалось сейчас первенство мира по лонгу. Так что ожидать, что он вдруг окажется на пороге, было по меньшей мере легкомысленно. Кто же в таком случае?.. Загадка.

Загадка разрешилась тут же. Все же это был он. Примчался из-за моря, как на пожар. Пронюхал. Прилетел. И вошел. Вот просто как к себе домой: бесцеремонно, чтобы не сказать просто — нахально. Глазами выстрелил дуплетом в Баала. Потом глаза опустились ниже. И как раз туда...

Черт, хотел ведь вовремя все убрать. Выкинуть. Чтобы и следов не оставалось. Знал же, что он придет, не оставит в покое, не отпустит душу на покаяние. Но как-то отвлекся на приятные мысли, и вот — все налицо. Дюжина бутылок, и все — полные. Хоть бы одну успел откупорить! Скверно. Сейчас он включит свой диск на полные обороты, и начнется распиловка на тонкие ломтики...

Но — не сдаваться! Не унывать! Никто ни перед кем не виноват. Всякий человек является свободным и вправе принимать решения. Главное — не уступить! Не дрогнуть душой, как это не раз случалось раньше. Держись, Баал!

Великий Тренер подошел к стулу. Вытащил его на середину комнаты. Сел. Расставил ноги, как бы для устойчивости.

Баал же поспешно вернулся на исходную позицию: на диван. Улегся, стараясь, чтобы это получилось как можно непринужденнее и независимее. Чтобы сразу показать, кто здесь хозяин. Совсем хорошо было бы повернуться к визитеру спиной. Но на это он не решился. Только чуть поерзал по дивану. Вздохнул и устремил на гостя взгляд — из тех, какими кролик смотрит на приблизившегося удава. Но все же заставил себя проговорить как можно легкомысленнее:

— Что, тренер Мант? Что-нибудь стряслось?

И удав не заставил себя ждать.

Он вытащил из портфеля целую пачку бумаг. И протянул Баалу:

— Подписывай. И без всяких!

Рука Баала сама собой дернулась навстречу. Но он усилием воли — тех остатков, что еще жили в нем — перехватил ее на полдороге. Заставил вернуться. И сказал:

— Не стану. Я же говорил — все. Без вариантов.

Тренер Мант еще секунду-другую подержал пакет в воздухе. Потом бросил на стол, привычно угодив в самый центр.

С минуту, никак не меньше, они смотрели друг на друга. Ни один не отвел взгляда, хотя у Баала от этого поединка даже пот проступил на лбу.

— Ладно, — сказал тогда тренер. — Давай разбираться.

Это было шагом к отступлению. И Баал ощутил прилив энергии.

— Разбираться не в чем, тренер, — сказал он. — Ты сам знаешь: я не игрок. И нечего дальше втирать очки ни себе, ни другим. Не хочу. Что мог — показал. И этого слишком мало. Рядом с мастерами я — ничто. Не хочу больше краснеть. У меня есть совесть, в конце концов...

Тренер Мант вздохнул.

Он и сам прекрасно знал, что игрок прав. Он — посредственность. Не более того. И никогда ничем большим не станет. Однако...

Баал же тем временем продолжал:

— Ты ведь помнишь мою биографию. В клонте я ни разу не добирался даже до восьмой финала. В трибе: всех достижений — снес три яичка в свои ворота. В лонге...

— Да помню я, — с досадой в голосе проговорил тренер Мант, даже не с досадой, а с каким-то отчаянием. — Помню!

— Так зачем ты меня терзаешь? Ну не рожден я для того, чтобы становиться чемпионом. Ни в чем. Нет такого спорта! Зато, может быть, в чем-то другом я себя найду. Так оставь же меня в покое! И тебе все спасибо скажут — и игроки, и владельцы, и публика...

Тут тренер Мант не выдержал. И сказал:

— Да кончай ты! Что думаешь, я сам этого не знаю? Какой же я был бы тогда тренер, если бы таких вещей не видел, не понимал?

— Так в чем же в конце концов...

— А в том, — ответил тренер сердито. — В том, — повторил он уже почти с отчаянием. — В том, — произнес он и в третий раз, теперь сжав кулаки, — что я дал слово! И не сдержать его никак не могу. И пока жив — буду стараться обещанное выполнить. Вот такой я человек, Баал. Тебе меня не переделать, и никому не переделать. А освободить меня от данного слова не может никто. Потому что нет этого человека больше. Усек?

— Да кто же он такой? — спросил Баал. — Кто он был? — тут же поправил он сам себя. — Чтобы брать с тебя такие обещания?

Хотя он уже предчувствовал, даже больше — знал, каким окажется ответ.

— Кто-кто, — хмуро ответил тренер Мант. — Твой отец, кто же еще.

— Мой отец, — медленно, как во сне, повторил Баал Бесс.

А отцом его был Ленат Бесс. Великий Ленат Бесс, ни более ни менее.

Такие величины, как он, во все времена в спорте исчислялись единицами. О них слагали легенды. При жизни ставили памятники.

В клонте он на протяжении пятнадцати лет не позволял никому выиграть хоть один сколько-нибудь значительный турнир; а в незначительных он и не выступал. Восемьдесят шесть «Планетариумов» — рекорд всех времен!

В трибе, в котором он выступал, когда завершался сезон клонта, а иногда и совмещая одно с другим, когда календары налезали друг на друга, — снес в гнезда противников тысячу двести пятьдесят три яичка. Ровно столько набрали двое следующих за ним по результативности трибалов — в сумме. Нужны ли пояснения?

И наконец, в лонге не допустил ни единого промаха ни на одной дистанции на протяжении двадцати трех лет, одерживая победы и тогда, когда из других видов он ушел с наступлением возраста — ушел непобежденным.

Вот каким человеком и бойцом был отец Баала. И будь он жив сейчас...

«Будь он жив сейчас», — так подумали одновременно и сын Баал, и старый друг, тренер Мант, величиной своей, пожалуй, не уступавший — или почти не уступавший — Ленату-спортсмену. Менее известный, конечно, массам — потому что если спортсменов знают все, то конструкторов их успехов, как правило, только профессионалы. Но от этого не становящийся меньше.

«Будь он жив, он давно раскусил бы меня и махнул рукой на мою спортивную карьеру, — так предположил сын. — И позволил бы поискать для себя другое дело — в котором я, может быть, тоже не стал бы чемпионом мира, но хотя бы поднялся до заметной высоты...»

«Не окажись он тогда в этом самолете, он сейчас сказал бы мне: Мант, ты меня знаешь, если я чувствую в человеке

великого чемпиона — значит, чемпион в нем есть. Надо только найти — в чем именно. — И, наверное, он был бы прав, во всяком случае, сколько я его знал — всю жизнь, по сути дела, — он ни разу не ошибался. Ни когда предрекал крутой взлет новичку, ни, напротив, говоря «Дальше он не пройдет ни шагу», когда все были уверены, что человек — в двух минутах от величия. Ни единого промаха. Конечно, о своих детях нелегко, наверное, судить совершенно беспристрастно, но его трудно было обвинить в необъективности. «Ты не выкладываешься полностью, — сказал бы он, — потому вы оба и не нашли его истинного места. Давай, Мант, работай! И не иди на поводу у мальчика: он рассуждает честно, это хорошо, но он сам себя еще не чувствует. В конце концов он — исполнитель, его творчество — в качестве исполнения, а конструктор — ты. Тем более ты же обещал!»

Обещал, да...

— Баал, — сказал тренер Мант, когда пауза закончилась. — Скажи на милость: зачем ты собрал тут эту коллекцию стеклотары? Ты же человек непьющий, я-то это знаю. К чему?

Баал Бесс пожал плечами:

— Не употреблял, верно. Но если меня не отпустят — начну, честное слово. Мант, я твердо решил. Мне, конечно, далеко до отца по результатам, но слово я тоже держу. И вот предупреждаю и обещаю: если ты...

— Стоп! — перебил его Мант, подняв руку. — Подожди со словом. Предлагаю перемирие. Я не настаиваю с продлением контракта. Но и ты не принимаешь крутых решений. Давай встретимся через... три дня. И за это время я постараюсь — не ухмыляйся, я совершенно серьезно — найти такой вариант, который устроил бы нас обоих — да и всех остальных тоже.

— Не может быть такого варианта!

— Три дня. Чем ты рискуешь?

Баал подумал: а в самом деле, чем?

— Ну, — сказал он, — если и вправду три дня...

— А когда я тебя обманывал? То-то. Да, и еще пара условий. Первое: всю эту посуду я немедленно забираю — со всей ее начинкой. Даже выкупаю. По твоей цене.

— Ну, — сказал Баал, — это лишнее. Насчет выкупа. Считай это моим прощальным подарком.

Тренер словно бы и не услышал последних слов.

— И второе. Скажи, серьезно подумав: чем бы тебе хотелось заниматься на самом деле? Вот прямо сейчас?

Но это уже рассердило Баала и заставило его ответить вот как:

— Хочу заниматься тем, что делал, когда ты явился.

— А именно?

— Плевать в потолок.

— Я серьезно спрашиваю.

— Совершенно серьезно. Это у меня здорово выходит.

— Запасись зонтиком, — только и смог посоветовать Мант, затворяя за собой дверь.

Не на шутку задумавшись, тренер Мант прошагал по струне сотки две, даже не сознавая, куда направляется. Он чувствовал себя так, словно его команда только что продула в первом круге сопливым новичкам со счетом ноль — шестнадцать, и теперь он уходил со стадиона под ор и свист трибун, даже не очень уклоняясь от летевших в его сторону давленных, брызжущих соком афулий. Нет, не так; еще хуже. Потому что...

— Что?

Он несколько секунд тупо смотрел на остановившего его человечка, не соображая. Тот нетерпеливо переминался с ноги на ногу, протягивая шарик:

— Я говорю: не угодно ли купить растурит?

А, разносчик.

— Нет. А хотя... Ладно, дай один.

Расплатившись, он сунул шарик в карман и зашагал дальше, пытаясь ухватить кончик прерванной торговцем мысли. Но, как это часто бывает, поток его сознания уже свернул в сторону и теперь устремился совсем в другом направлении.

А ведь именно в тот миг что-то, казалось, уже забрезжило. Нечто конструктивное. Какое-то подобие выхода из ситуации, позволявшего и выполнить данное старому другу обещание, сохраняя таким образом самоуважение, и при этом не прибегать ни к какому насилию, не задавить парня, пара-

лизовав его волю — потому что без воли спортсмена не бывает, уж это было известно тренеру лучше, чем дважды два. Мелькнуло нечто, придя из подсознания. И надо же было, чтобы именно тогда подвернулся этот тип с его растритом. Да на кой черт мне этот шарик? Зачем вообще растрит человеку?

Вопрос показался Манту интересным. И в самом деле, если подумать: тысячи, десятки тысяч лет человек жил себе без этого... как же его назвать всерьез: средство? Средство для чего? Для ощущения во рту? Нет, конечно, если послушать рекламу — это прямо-таки чудодейственная вещь, панацея, лекарство от всех скорбей; им угощают, им гордятся: смотрите-ка, у меня новый сорт, в зеленую крапинку, вчера еще его не было, а сегодня — пожалуйста, вот какова забота о людях! Но ведь пока его не придумал какой-то прохиндей и не запустил в производство, а того пуще — в рекламу, поколения сменялись поколениями — и никто даже не подозревал, что им для полного счастья недостает именно этой дряни. Мало же потребовалось времени, чтобы убедить людей, да...

«Так-то так, — размышлял Мант, неторопливо сокращая расстояние между собой и тренировочным центром. — Но ведь разве только к растриту это относится? Да если всерьез прикинуть, половина, а то и две трети вещей и услуг, которые нас окружают, которыми мы пользуемся и за которые платим, — они не только не необходимы для нормальной жизни, скорее просто вредны, в лучшем случае — безразличны. Но таковы уж мы, люди: нет ничего легче, как внушить нам, что мы без этого просто не можем — и мы с радостью поверим и станем доказывать тем, кто еще не присоединился к нам в этом, вплоть до кулаков станем доказывать. Это в нашей природе, да. Достаточно, чтобы человеку пришла в голову мысль: создать нечто, чего еще не было. Затем — найти кого-то, кто сумеет сочинить образец, первый экземпляр. И еще одного — кто вложит деньги в пилотную партию. И — пошло-поехало...»

И вдруг Мант остановился — так уперся каблуками в гранитан тротуара, что сзади кто-то, не среагировав вовремя, даже толкнул его. Но Мант этого даже не заметил.

А причиной было то, что промелькнувшая было неясным облачком мысль, сразу же вспугнутая разносчиком, вдруг вернулась — и уже не тенью, а совершенно четкой, реальной, трехмерной и просто-таки ослепительной по яркости фигурой.

В чем суть успеха в наше время? В умении убеждать людей. Убеди их в том, что они больше просто не смогут жить без чего угодно, — и пожинай плоды.

Скажем, без плеванья в потолок больше не могут жить. Да.

— Так, — сказал тренер Мант сам себе. — Так-так. Так-так-так-так-так...

Через час он уже сидел в маленьком зале «Аролитана», называвшемся «ИЛ» — и предназначенном, следовательно, исключительно для лиц исторических, кого попало сюда и близко не подпускали, так что приглашение в этот залец не зря рассматривалось как очень серьезная взятка — ну ладно, не так грубо, скажем помягче: как надежное средство стимуляции нужного человека для совершения им нужного действия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Полон Конс, достаточно известный текстарь на темы исторические, не приехал, а прямо-таки прилетел на встречу, назначенную ему тренером Мантом именно в ИЛе, и теперь сидел вместе с Мантом за столиком в укромном уголке, потягивая из высокого бокала «маноли» средней крепости с грибком и испытывая от этих фактов едва ли не сексуальное наслаждение. Не мешавшее ему, впрочем, поддерживать разговор.

— Значит, так, — уточнял он сейчас. — Это соревнование возникло еще в глубокой древности, верно? Погодите-ка: не исключено ведь, что люди научились этому, как и многим другим вещам, у животных. Есть ведь вроде бы такие рыбы, насекомые, которые пользуются этим способом для нападения и защиты... Верно?

— Совершенно точно, — отвечал тренер Мант. — Тут не забудь указать, что ведь большинство видов спорта произошло от жизненно важных умений, и даже те, которые вроде бы прямого отношения к ним не имеют — игры с мячом, например, — на самом деле являются облегченной и гумани-

зированной моделью кровавого поединка — или групповой схватки...

— Записал. Идем дальше: когда могли появиться первые упоминания о соревнованиях такого рода, первых чемпионатах и тому подобном? Лет триста тому назад? Пятьсот?

— Да хоть семьсот. Допустим, далекая глушь, где люди живут едва ли не первобытным укладом. Туда забредает один-другой путешественник. В разных местах, конечно. Видит. Записывает, даже зарисовывает. А потом, возвратившись, пытается — пусть не он, а кто-то, услышавший от землепроходца о таких играх — организовать что-то подобное.

— Найдутся ли такие свидетельства?

— А это тебе нужно? Все дело — в истолковании текста, если в нем имеются какие-то неясности и намеки, а таких текстов в архивах лежит немало, я думаю.

— О, в них недостатка не будет.

— Вот и работай. Подготовь первую публикацию, скажем, через две недели. Хотя бы на тему о культивировании этого способа землепроходцами раннего поздневековья, собиравшимися в местах общего пользования. Пусть это будет средней точкой, от которой можно будет двигаться и в прошлое, и к современности.

— Если только найдется охотник опубликовать такое...

— Об этом позабочусь сам. И вот еще: надо найти слово, название — как это все называлось и, значит, будет называться и впредь. Подумай и об этом. Это пойдет отдельно, как особо оплачиваемый заказ.

— Го-го! (Что означало всего лишь «полный порядок» на тамошнем жаргоне.) Минутку... Ну вот хотя бы слюнперы — подойдет? Слюнные снайперы...

— Гм. А что? По-моему, вполне... Слюперы. Слюпинг. А? Годится...

— Дузя, — говорил тренер Мант по связи директору канала «Б», — для тебя у меня возник такой материал — пальчики оближешь. Горячий, с него сало еще капает. Хватит на множество передач. Идея такова: «О спорт, ты — мир чудес!» И — полный эксклюзив. Берешь?

— У тебя, — отвечал директор, — я что угодно возьму. Кати сюда. Жду.

— Слушай, — сказал тренер Баалу, навестив его на следующий день. — Тебе еще не надоело?

— Ты о чем, тренер?

— Плевать в потолок.

Баал Бесс ощутил в сказанном посягательство на свою свободу и гражданские права. И ответил, щетинясь:

— Вот представь себе — нет!

— Да ради Бога, плюй, — поспешил успокоить его тренер, — кто тебе мешает! Я только о том — не пора ли внести разнообразие?

— Не понял. Ты о чем?

— Если не в потолок, а, скажем, в мишень. Ну вот предположим: на три метра ты доплюнуть можешь?

Баал усмехнулся:

— А на пять не хочешь? Не веришь? Могу показать.

— Не верю.

— Ах так? Пошли на веранду. Отмеряй пять метров, тренер. Отойди в сторонку.

— ...А на шесть?

— Да пожалуйста!

— Ну ладно, а если на точность?

Баал Бесс уже вошел в азарт. Скука куда-то пропала.

— На точность? А давай попробуем!

Но запал его вскоре иссяк. Он вздохнул:

— Все. Патронов нет. Рот пересох, как...

— Ничего, — утешил тренер. — Не унывай. Вечерком подожду к тебе врача, может, и сам подъеду — подумаем по поводу питания, чтобы был максимальный выход этого дела.

Баал кивнул. Но тут же почесал в затылке:

— Слушай, а к чему все это? Смысл?

— Смысл в этом великий, — заверил тренер Мант, хлопав ученика по плечу. — Но над точностью надо работать, ты сам видишь. Да и дальность наращивать тоже никак не помешает.

— Брось, дальше все равно никто не плюнет. Я с детства упражняюсь...

— Думаешь, никто?

Мант разогнал своих скаутов чуть ли не по всему континенту. С ясным, конкретным заданием: кого искать. Прежде всего — по ярмаркам, народным гуляньям, фестивалям народных искусств и другим местам подобных сборищ. Где народ развлекается.

— Очень просто, — наставлял он их. — Ставите мишень, отмеряете дистанцию, постепенно увеличиваете. Первые три места награждаются. Суммы вам выданы. Вся информация — немедленно мне. Адреса, возраст, все такое. Чтобы через... через месяц я мог бы созвать их на сборы. Вопросы есть?

Вопросы, понятно, были. Но задавать их — столь же понятно — никто не стал. Задача ясна, а что и зачем — на то и есть начальство. Особенно когда оно является по совместительству еще и Великим Тренером. Так что встали и разъехались.

А где-то через недельку пошло по страницам и каналу «Б»:

«Древняя народная забава возвращается на праздники...»

«Добрый молодец уверяет, что плевком собьет и муху на лету. И сбивает!..»

«Вот уж не думал, — заявляет остроумный Салих Мут из Лапены, — что смогу наплевать на целый мотоцикл!»

«Доктор филологии Эпот Нос разъясняет: в древности выражение «Плевать я на вас хотел» выражало не столько пренебрежение, как принято считать, но неприкрытую и серьезную угрозу. Как и лаконичное «Наплевать!».

«А в Тасинском округе плюют вишневыми косточками!»

— Век живи, век учись, — так тренер Мант откликнулся на последнее. — Очень хорошо. Значит, намечаются уже два, самое малое, вида: гладкий и вооруженный. Как, скажем,

кулачный бой — и шпажный. Прелестно. И еще — по движущейся мишени: тот парень, видишь, в муху попадает. А можно, наверное, и по комарам попробовать. Как думаешь?

— Вот испытаю сам, — отвечал Баал, — тогда скажу. Может, все это треп вообще. Ты мне покажи их живыми!

— Потерпи. Вот-вот придет информация и из-за морей. Делать так делать, согласен?

— Ну-ну... — проговорил Баал двусмысленно.

Однако видно было, что вся эта придурочная история его уже всерьез захватила.

Тренер Мант собрал узкое совещание самых авторитетных специалистов в области спортивного права. Произошло оно все в том же ИЛ-зале прославленного ресторана.

— Господа, — заявил он, не теряя времени на предисловия, — создалось совершенно нетерпимое положение, когда по всему Материку стихийно проводятся соревнования по древнему, ныне стремительно оживающему виду спорта, в то время как еще не разработаны и не утверждены единые правила не только проведения соревнований, но даже и самого спорта. Необходима немедленная унификация правил и широкая пропаганда их! Кроме того, явно назрел вопрос о создании Федерации любительского и профессионального слюпинга, а также о включении этого вида в Планетарные Игры уже начиная с ближайших соревнований, до которых осталось еще два года, так что мы вполне можем успеть, если не станем медлить! Исходя из этих соображений, беру на себя смелость предложить вашему вниманию разработанный моими сотрудниками и мною проект Правил. Надеюсь, что он получит ваше одобрение, после чего, несомненно, будет утвержден Министерством Спорта и Зрелищ.

Можно было ожидать, что никаких задержек не возникнет. Но не тут-то было. Юристу Стуч, известный как ярый болельщик триба, повсеместно лоббирующий интересы этого вида спорта, нашел в себе достаточно мужества, чтобы выступить с решительными возражениями.

— Дistinguished мэтры, — заявил он. — Считаю — даже более, совершенно убежден в том, что подобная концентрация общественного и государственного внимания на

только что возникшем и, как всем ясно, еще не получившем широкого общественного признания виде спорта может произойти только в ущерб тем видам, любовь к которым уже вошла в плоть и кровь народа, а следовательно, является крайне вредной. Я ни в коем случае не собираюсь подвергать сомнению достоинства нового вида спорта, но лишь призываю к разумной постепенности и к осторожности. Время, мэтры, — лучший судья. Давайте поживем и посмотрим. Пусть любители проводят соревнования на улицах, во дворах, пусть даже на уровне кварталов — но уж никак не городов и поселений, не говоря уже о более крупных масштабах. Не говоря уже о такой серьезной причине, как отсутствие в государственном бюджете расходов на развитие нового вида. Где, интересно, собираетесь вы взять деньги на оборудование площадок, производство инвентаря, подготовку тренеров и судейского корпуса, на организацию хотя бы соревнований городского уровня — не говоря уже о континентальных и глобальных? А кроме этого, прошу считаться с тем, что всякое нарушение интересов таких традиционных видов спорта, как триб или клонг, может привести, и даже наверняка приведет, к возникновению народных беспокойств!

Подобный отпор, однако, нимало не обескуражил тренера Манта, поскольку он был готов к нему заранее.

— Вынужден констатировать, — заявил он в ответ, — что достопочтенный юриспрудент позволяет себе мыслить категориями прошлого, даже скорее позапрошлого века, не отдавая себе отчета в том, что время ускоряется, и то, на что прежде требовались десятилетия, ныне осуществляется даже не в годы, но в месяцы. Общество, господа, развивается стремительно, а спорт — не та область жизни, которая может позволить себе отставать от политических и экономических темпов развития. Ибо спорт, как ничто другое, пользуется влиянием на психологию масс. Что касается денежных средств, без которых, разумеется, никакое развитие невозможно, то могу успокоить почтенного мэтра, как и всех остальных: первые инвестиции в развитие слюпинга уже сделаны — в частности, известным промышленником и благотворителем господином Нархом...

Оппонент, не выдержав, вскочил, потрясая кулаками:

— Он был вынужден сделать так после того, — вскричал юрист, — как его пригласили в министерство и заявили, что этот его поступок является условием для пролонгации его лицензии на... ну, вы знаете предмет его занятий. И по этой причине ему пришлось отказаться от давно лелеемой мысли о покупке в Тримории команды лонгистов, переговоров о чем были уже близки к взаимовыгодному завершению!

— Это лишь неподтвержденные слухи, — хладнокровно парировал Мант, — и к тому же явно антипатриотические, в то время как коммерцсоветник Нарх является убежденным патриотом Материка. Так что на эту тему, возможно, не стоило бы вообще разговаривать — но я очень благодарен мэтру за то, что он коснулся этого вопроса. Я имею в виду патриотизм. Все мы, господа, прекрасно знаем, что в таких традиционных видах спорта, как столь любимый всеми нами триб, как тот же клонг и еще многие другие, мы, к сожалению, уже много лет не можем — и наверняка еще столько же лет не сможем — занять на планете даже не говорю «первые», но хотя бы заметные места. И вот сейчас мы благодаря возрождению древнего и незаслуженно забытого слюпинга получаем неповторимую возможность уже с первых шагов возглавить этот вид, занять в нем господствующие позиции и, не теряя ни минуты времени, все более укрепляться на них. Поскольку, как всем известно, за пределами Материка еще только начали присматриваться к нашей инициативе, и если мы, примитивно выражаясь, раскрутим новый вид и привлечем к нему внимание широких масс — а он того заслуживает, поскольку легко может стать массовым вследствие своей простоты и дешевизны, — остальные непременно кинутся вдогонку за нами, но первенство мира, господа, будет уже нашим — а скажите, когда нам в последний раз удавалось завоевывать первенство в каком-то широко популярном виде?.. По сути дела, все наше обсуждение, мэтры, можно свести к одному вопросу: патриоты мы или нет, черт возьми?!

Предложенные тренером Мантом проекты были утверждены уже через несколько минут. Против — ноль, воздержался — один.

«Уличное происшествие. Сегодня в два часа дня на струне Тюльпанов экипаж известного правоведа Стуча потерпел аварию, будучи совершенно заплеван собравшейся толпой. «Дворники» не справились с очисткой стекла, и машина по касательной вошла в соприкосновение с рекламным столбом. Никто не пострадал. Ирония судьбы заключается в том, что на столбе был укреплен рекламный щит, на котором имелась надпись: «Слюпинг, ты — чудо!».

«О чем думают спортивные организаторы?»

«Провинция наслаждается зрелищами, недоступными посетителям столичных стадионов и дворцов спорта. Ну не позор ли?»

«Министр спорта заявляет журналистам: прежде, как и полагается, должны пройти соревнования в поселениях, округах, губернаторствах, но главные состязания состоятся, конечно же, в метрополии!»

«Сегодня состоялось первое заседание руководства Федерации Слюпинга, президентом которой избран, как и предполагалось, Министр Спорта и Зрелищ. Федерация рассмотрела и утвердила календарный план встреч на текущий год, включая открытое первенство Континента по слюпингу, которое состоится в столице в начале октября».

«Великий Тренер Мант высказывает мнение, что до первенства мира по слюпингу осталось не так уж много времени».

«Академия Здоровья полагает, что слюпинг должен получить широкое распространение прежде всего не в качестве профессионального спорта, но как важный элемент физической культуры населения. Профессор Икельдат в беседе с нашим корреспондентом сказал, что занятие этим видом спорта ведет к развитию и укреплению слюнных желез, что, в свою очередь, способствует правильному и здоровому пищеварению, а также помогает увеличению емкости легких, положительные результаты чего для здоровья нации трудно переоценить».

«Уже в тридцати двух округах зарегистрированы молодежные клубы под названием «Плевать на все!». Клубы выдвигают политические программы и требуют широких реформ. В компетентных органах высказано предположение, что все эти заявления и требования инспирированы нижней оппозицией и направлены на расшатывание политической ситуации на Материке».

Так в те дни писалось в газетах и говорилось с экранов.

Тренер Мант вызвал на тренерские сборы восемьдесят человек из самых разных видов: сейчас важными были не профессиональные навыки, а умение быстро и продуктивно обучать людей. Он даже не пробовал обращаться к известным, многоопытным коллегам, добившимся успехов в традиционных видах: ясно ведь, что от добра добра не ищут. Звал молодых, амбициозных, которым пока терять было нечего, приобрести же они могли многое. Манту верили, и к нему пришли практически все приглашенные.

Прежде всего будущим наставникам пришлось потрудиться самим, осваивая азы нового спорта. Мант же, обучая, старался максимально использовать то, чему они успели научиться раньше.

— Ты тренировал акробатов? Вот и прекрасно. Крутите и дальше свои сальто и фляки — но с одной добавкой: слюп во время исполнения фигуры, ясно? Сперва по неподвижной мишени, а потом, если пойдет, и по движущейся — так сказать, на встречах курсах.

— Тренер, было бы здорово, если бы вишенка была хорошо заметна зрителю во время полета. Тэвэшникам это понравилось бы.

— Вишенка?

— Ну, люди между собой так называют это. Оно все-таки не пуля, не стрела... Я уже не раз слышал, у нас в округе любители соревновались.

— Раз народ так считает — пусть будет. Мысль у тебя хорошая, но уж слишком малы дистанции — не успеют заметить.

— А если их сделать святистыми? У меня есть приятели-химики, они говорят...

— Завтра приведи их сюда. Будем договариваться.

— ...Тренер, а какова начальная скорость вишни в момент выброса?

— Откровенно говоря, ни малейшего представления. Просто не думал. Молодец, что сообразил. Закажем аппаратуру для определения и будем искать оптимальную скорость для разных дистанций, обучим слюперов регулировать...

Каждый день приносил новые идеи и открытия. Работать было весело.

— Ну а откуда мы, по-вашему, возьмем иностранных участников нашего Открытого первенства, если за границами Континента пока еще не очень шевелятся?

Такой вопрос задал тренеру Манту президент Федерации Министр СиЗ.

Тренер позволил себе улыбнуться перед тем, как ответить:

— Ну, за полгода мы раздобудем их сколько угодно.

— Не совсем понимаю вас.

— На самом деле, Министр, это очень несложно. Если вы свяжетесь с вашим коллегой — Министром Спокойствия... Это ведь возможно?

— Само собой, — ответил СиЗ. — И что же я ему скажу?

— Вы спросите у него: сколько на сегодня имеется прошений о выезде на постоянное обитание за пределы Континента. Попросите список тех в первую очередь, у кого возникли — или могут возникнуть задержки или иные сложности. Из них мы с вами выберем людей пригодного для нас возраста. Поняли?

— Кажется, понимаю. Но...

— Позвольте мне продолжить. Мы организуем для них краткосрочные сборы. Поднатаскаем по видам: гладкий слюпинг, затем боевой, с вишнями, на дальность, на точность, по движущимся целям — в категориях воробья, жука, мухи, комара... ну, и прочее. И пускай себе плывут, летят, катят куда глаза глядят. С тем, чтобы в октябре вернуться к первенству Континента — уже в качестве зарубежных участников.

— Мант, но они ведь еще ничего не сумеют всерьез!..

— Ну и что? Главное, как сказано, — не выиграть, а участвовать. Зато будет широкая география... Конечно, они продуют нашим как дважды два. Вернутся в свои новые места обитания. И что произойдет там?

— Ну, что же?

— Там обидятся. Проигрывать не хочет никто и ни в чем. Спихнутся. Возьмется за дело. И — поддержат нашу инициативу о включении слюпинга в Планетарные Игры — чтобы там разнести нас в пух и прах. А чтобы этого не случилось, нам придется работать уже всерьез. Но ведь все козыри останутся в наших руках: теория, методики, медицина, тактика... И уж наше дело — удержаться впереди. Ничего другого просто не останется. К тому же слюпинг становится, по сути, национальным видом спорта — об этом нужно говорить уже сейчас во весь голос...

— Мант, а у нас что, в самом деле есть такие ребята?

— Есть. Скажу по секрету: у нас готов даже безусловный чемпион мира. Без дураков, он и в самом деле талант. До сих пор у него просто не было возможности по-настоящему проявить себя.

— Не уходите: я сейчас же свистну коллеге-спокойственнику, — сказал Министр СиЗ, протягивая руку к пульту связи.

«Просим срочно приступить к изготовлению для нужд
Континентальной Федерации Слюпинга:

Масок с оптическим бинокулярным прицелом, снабжен-
ным автоматической коррекцией на ветер, — 10 000 штук

Мишеней диаметром 30 мм — 1 000 000

То же, 50 мм — 1 000 000

Масок защитных для боевого слюпинга — 10 000

Нагрудников защитных для него же — 10 000

Кассет защечных — 20 000

Костюмов тренировочных специальных — 100 000

Обуви тренировочной специальной — 100 000...»

— Тренер Мант, куда нам такая уйма костюмов? Потонем в них!

— Чепуха. Десять тысяч — нам, остальные — в продажу. Будут раскупать, как пиво в понедельник, вот увидите. И с тапами то же самое. Не на одной же благотворительности нам сидеть — надо и самим зарабатывать.

— Повторяю задачу. Бежим двести метров, на этой дистанции установлено, как вы знаете, по четыре мишени над каждой дорожкой. Пока мишени учебные, стомиллиметровые, пятичковые. На старт! Приготовились...

И стартовый выстрел. Пошли!

— Баал, я тебя просто не узнаю. Два промаха на двухсотке! Ты ли это? Да и пришел только третьим. Стыд!

— Мант, дорожка не готова — что-то попало под ногу...

— Перестань. Вон Салику Муту не попало — и абсолютный результат: все мишени в центр, и первым на финише. А бежал по той же дорожке, да еще после тебя. Может, ты расхотел быть чемпионом? Решил вернуться в клонг?

Баал сердито посопел носом, но спорить не стал.

— Давай на стенд. Отрабатывай меткость. С бегом на месте. Иди, иди, не изображай оскорбленной невинности.

Баал вздохнул и пошел. На самом деле дорожка, конечно, была ни при чем — он просто понадеялся на класс, решил, что этих хлеборобов и скотоводов сделает без напряжения. Но они оказались ребятами зубастыми — а вернее, губастыми, и бегали тоже неплохо — натренировались, наверное, гоняясь за коровами. «Ладно, учтем, — тяжело подумал он, закладывая за щеки сразу две кассеты, хотя хватило бы и одной. — Покажем им, кто есть кто в этом мире».

Если он не выиграет, понимал Баал Бесс, то ему только и останется — наложить на себя руки. Проигрывать вообще позорно, а уж если отдавать первенство в том виде спорта, который специально для тебя создан, под твою выдающуюся способность — то такие просто жить не должны. Даже не придется над собой что-то учинять: стыд сам убьет — прежде всего стыд перед тренером Мантом.

Он установил скорость набегания мишени, какая соответствовала бы его бегу на двести с личным рекордом. Баал не любил постепенности, считая, что надо сразу ставить за-

дачу-максимум — и штурмовать ее, подбирая нужные действия. Ну, на месте бегом — марш! Прицел! Слюп! Ага! Вторая... Слюп! Вот вам! Третья...

Тренер Мант в отдалении удовлетворенно покивал головой и пошел к остальным. Он не скрывал, что готовит Баала, но и другим не отказывал в помощи. Понимал, что нужна команда: на этот раз — первый в истории — мы выиграем, но уже через год соседи пришлют крепкие дружины, подарков делать никто не станет.

Недаром четыре далеко не самых последних тренера из четырех спортивных держав вот уже неделю паслись здесь — возникали всюду, куда только могли попасть, и не выпускали камер из рук. Значит, правильно оценили ситуацию.

«Что такое новый вид спорта? — размышлял Мант, глядя, как ребята ведут слюпинг по взлетающим, как на круглом стенде, мишеням. — Это новый бизнес, неожиданный и многообещающий, и все понимают, что чем раньше займешь в нем хорошую позицию, тем лучше перспектива, тем больше выгода. Помешать им не только нельзя, но и невыгодно: чем шире рынок, тем лучше. Но уж не пропускать вперед — это обязательно. И не пропустим, нет, не пропустим. Хотя, конечно, без накладок не обойдется — и не обошлось уже. Шестеро ребят — из лучших, почти половина первоначально намеченного состава команды — вдруг, один за другим, вместе с семьями покинули Континент и переселились в иные страны. И вот они уже заявлены для участия в Открытом первенстве Континента по слюпингу. И, похоже, даже Салик Мут, второй после Баала претендент на чемпионское звание, что-то такое задумывает — или уже задумал. Дважды замечен вечерами в разговорах с Имагельским тренером. Те, как известно, в деньгах не очень-то стеснены. Переманят, как пить дать. А что я могу поделать?»

Но может быть, — подумалось ему вдруг, — это и лучше, если Мут уедет и на первенстве выступит уже от Имагели? Острая конкуренция, но скорее всего Баалу такая и нужна, чтобы он раскрылся наконец до предела? Конечно, если он остается тут, то пусть даже и выиграет — титул все равно останется на Континенте. Для державы — все равно, да. Но вот для меня — нет. Потому что я не отцу Мута обещал

сделать сына чемпионом мира, а старшему Бессу. И сделаю. Сделаю, кровь из носа!

Хорошо, — подумал тренер Мант, — быть человеком. Все живое в мире, кроме него, способно лишь приспособливаться к окружающим условиям — или уходить. И только человек, напротив, приспособливает условия к себе, изменяя их. Пренебрегает тем, что ему не нужно, и создает из ничего то, что ему вдруг вздумалось. Царь природы!»

Мант помнил, конечно, что всякая монархия — установление не вечное, а царить над природой — занятие не только хлопотное, но и опасное: когда цари позволяют себе слишком много — их свергают, и не только.

Но ему, как и всякому человеку, свойственно было вкладывать силы в решение не всеобщих, а собственных, и не завтрашних, а сегодняшних проблем. И такой проблемой было выиграть первенство в спорте, им же самим созданном. Он знал, что и в этом не оригинален: не он первый, не он последний решает сочиненные им самим задачи. Ну и что же?

Ну и наплевать.

Открытое первенство Континента по всем видам слюпинга неожиданно вылилось в такое празднество, какого даже старожилы не помнили. Решающую роль сыграла, конечно, рекламная раскрутка, которую начало государственное телевидение, а к нему уже присоединились и акционерные каналы. Торжественное открытие состоялось на Суперстадиуме, на нем присутствовали Президент, правительство, обе палаты Великого Совещания в полном составе, и прочая, и прочая. Ради этого события пришлось нарушить календарь игр триба, но вызванное этим недовольство болельщиков было с лихвой перекрыто энтузиазмом остальной, преобладающей части населения. Зрелище открытия было просто феерическим. Восторг — всеобщим.

Дело не в том, конечно (понимали многие), что новый вид спорта произвел столь сильное впечатление. Этого скорее всего не было — если говорить о его чисто спортивных сторонах. Но важным тут было совсем другое. Мы первые! Мы начинаем — и выигрываем! Это может оказаться нача-

лом новой эры, когда мы, воодушевленные таким примером, начнем выигрывать первенства и дальше — сперва еще в одном, потом в двух, трех... во многих-многих видах спорта!

А если это произойдет — что еще может народу понадобиться? Большого морального удовлетворения, наверное, и не существует. Разве что победа в большой войне — но ею, кажется, пока всерьез не пахло. Маленькую же войну можно и проиграть — если в это же время удастся выиграть какой-нибудь большой турнир...

Открытое первенство продолжалось неделю. Были разыграны медали в таких упражнениях, как гладкий слюпинг — с места на дистанции 3, 5 и 7 метров, в движении — в беге на 100, 200, 400 и 800 метров, дуэльный слюпинг — одиночный и командный 4 х 4, боевой слюпинг с весом слюпа 2 и 3,6 г... Но вряд ли здесь нужно перечислять все: любители статистики могут обратиться к специальным сборникам, изданным вскоре после окончания чемпионата, а также к соответствующим сайтам в Сети. Нам сейчас важно отметить главное: во всех без исключения дисциплинах первые места остались за слюперами Континента, и даже Салику Муту досталось лишь «серебро»; кстати, выступал он все-таки за Континент, сманить его никому не удалось. Чемпионом же — пока еще лишь Открытого первенства («Вполне достойного называться и чемпионатом мира», как писали и говорили тогда почти все журналисты) стал, как и ожидалось, сын великого спортсмена и сам теперь — великий спортсмен, Баал Бесс.

Что же касается официального первенства мира, то оно было назначено на весну следующего года, и соответствующая подготовка началась сразу же. Добавим еще, что во время ОП была создана и Всемирная Федерация Слюпинга, ВФС, и первым президентом ее был единогласно избран тренер Мант.

Что можно истолковать и так: всякое доброе дело несет в себе и награду за его совершение.

А можно и как-нибудь иначе.

Алексей Калугин

В САДУ

Галина

Первого января вся наша старая школьная компания собралась у Сыроедовых. Помимо наступившего наконец нового года был еще один немаловажный повод для встречи — Галине, младшей дочери Анатолия и Марины, исполнилось два года.

Случается, что дети рождаются в первый день нового года. А бывает, что и в лишний день високосного.

Сама малышка плохо понимала, что происходит. Что это за суета вокруг нее, елки и праздничного стола? Впереди у Галки была бесконечная жизнь и даты для нее еще не имели значения. Но как бы там ни было, с ролью именинницы девчушка справлялась отлично. Одета в роскошное темносинее платье, с огромным голубым бантом на голове, Галина с чрезвычайно серьезным видом восседала на диване и время от времени благосклонно наклоняла кукольную головку, принимая очередной подарок.

Когда подошла моя очередь возложить подношение к ногам маленькой богини, я вручил Галине куклу размером с

нее саму, погладил по головке и шутки ради, подмигнув сидевшему рядом с дочерью отцу, спросил:

— Ну как, Галочка, расскажешь нам, старикам, что чувствует девочка, когда ей исполняется два года?

Галя очень серьезно посмотрела на меня большими карими глазами и ничего не ответила. Она вообще очень мало говорила. И только отдельные слова, не пытаясь связать их в осмысленные фразы. Все, что ей требовалось, Галя могла прекрасно объяснить жестами. В этом не было никакой патологии, просто девочка пока еще не видела вокруг себя ничего настолько важного, чтобы начать пользоваться всеми возможностями вербальной семантики. Толик так просто уверял всех, что чем позже ребенок начинает говорить, тем он умнее. Вот и на этот раз многозначительно-безмолвный ответ Галины на мой ничего не значащий вопрос привел Сыроедова в полнейший восторг. Толик громко засмеялся и, приобняв за плечи, прижал к себе дочку.

— Понял. — Я улыбнулся и поднял руки, признавая свое поражение. — Но у меня есть еще один очень хитрый вопрос. — Я наклонился и таинственным полупшепотом спросил у внимательно смотревшей на меня девочки: — А помнишь ли, Галя, где ты была, когда тебя еще не было?

И тут к нашему с Толиком изумлению Галина отчетливо и ясно произнесла:

— Я была в саду.

Причем сказано это было с таким серьезным видом, что оба мы на какое-то время обомлели.

— Что ты сказала? — придя в себя, тут же спросил у дочери Сыроедов.

Но в этот вечер Галина не сказала больше ни слова.

Антон

Сейчас трудно представить, что было время, когда имя Анатолия Сыроедова мало кому о чем-то говорило. А теперь...

Наверное, и у вас во внутреннем кармане пиджака лежит миниатюрный приборчик со странным названием

«Бодо». Да кто сейчас без него обходится? А помните, что творилось, когда запускали в серийное производство первую модель ауросканера Сыроедова? Представители серьезных академических кругов высказывали опасения, что под воздействием сыроедовского прибора в психоэмоциональном состоянии человека могут произойти необратимые изменения, которые непременно приведут к зависимости, сродни наркотической. В конце концов было введено ограничение на использование ауросканеров лицами, не достигшими совершеннолетия. Сыроедов только посмеивался над противниками использования «Бодо», и, как показало время, прав оказался он.

Кстати, название «Бодо» придумал Анатолий. Знаете, что значит это слово? Нет-нет, я имею в виду не официальную версию, гласящую, что слово «бодо» имеет санскритский корень.

Да будет вам известно, слово «Бодо» ровным счетом ничего не значит. Это было первое слово, произнесенное первенцем Сыроедова Антоном. Вот и все.

Сыроедов любил повторять, что самые интересные идеи приходят ему в голову, когда он счастлив. Он действительно был очень счастливым человеком. И вопреки расхожему мнению, ему страшно нравилась его смешная фамилия. Он даже пытался докопаться до ее исторических корней, но потерпел неудачу, вдрызг разругавшись со специалистом по генеалогии, доказывавшим ему, что «Сыроедов» — это значит «поедающий что-то в сыром виде». Сам Анатолий Михайлович Сыроедов был уверен, что правильная смысловая трактовка его фамилии сводится к словосочетанию «поедающий сыр».

И еще Анатолий очень любил своих детей, которых называл не иначе как соавторами всех научных разработок, сделавших имя Сыроедова известным каждому на планете Земля. Свою знаменитую систему сканирования ауры Сыроедов придумал на второй день после рождения Антона. Так, во всяком случае, утверждал сам Анатолий Михайлович.

Придумал-то он ее, может быть, и за полчаса, но доработка прибора заняла около двух лет, притом что на Сырое-

дова работал научный отдел численностью в тридцать одну штатную единицу. Зато по окончании работы это была уже не просто система сканирования ауры, а сканер-корректировщик — знаменитый «Бодо-1».

Как вы, должно быть, знаете, ауросканер Сыроедова снимает ряд физических показателей, определяющих психоэмоциональное состояние человека, и при необходимости слегка изменяет их. Ну, то есть если вам так плохо, что и жизнь не мила, «Бодо-1» чуть-чуть приподнимет вам настроение.

Ровно настолько, чтобы вы перестали думать о суициде и сосредоточились на мысли о том, как это вы дошли до жизни такой. И все это полностью в автоматическом режиме, так что пользователь чаще всего ничего и не замечает. Просто была и исчезла вдруг засевшая в сердце заноза тоски. Вроде как сама собой. А может быть, потому что день сегодня необычайно солнечный. Ну как можно грустить в такой день!

Кстати, сыроедовский прибор также мог понизить градус выходящего за рамки приличия безудержного веселья. Но превратить радость в печаль или, наоборот, заставить забыть о горе «Бодо-1» был не в состоянии. Производители ограничили возможности ауросканера все по той же простой причине — не известно было, к каким последствиям может привести активное использование сыроедовского прибора. Позже, лет через пять, когда стало ясно, что все опасения напрасны, диапазон возможностей «Бодо» нового поколения с двухзначным серийным номером был значительно расширен.

Дарья

К тому времени, когда почитай что каждый совершеннолетний житель Земли обзавелся миниатюрным ауросканером Сыроедова, сам Анатолий Михайлович уже работал над новым проектом.

Вопрос, который поставил перед собой Сыроедов, нельзя было назвать оригинальным, но и к разряду простых он так-

же не относился. Анатолий решил выяснить: что нужно человеку для счастья? Вот так, не больше и не меньше.

А в семействе Сыроедовых вновь произошло пополнение — родилась дочка Даша. И Толик все свое внимание сосредоточил на младенце. Но наблюдал он за Дарьей не только как заботливый отец, но и как заинтересованный исследователь.

И, как ни странно, Сыроедов быстро решил поставленную задачу. Впрочем, странным это может показаться только тем, кто не знал Анатолия так же хорошо, как мы, его старые друзья. Уж нам-то было точно известно, что ежели Сыроедов поставит перед собой какую-то цель, то непременно своего добьется. Одни из нас считают Толика гением, для которого в принципе не существует неразрешимых задач. Другие уверены, что Сыроедов настолько умен, что никогда не возьмется за задачу, не имеющую решения. Какого мнения придерживаюсь лично я? Извините, но вам я это не скажу.

Одним словом, через полтора года Сыроедов получил универсальную формулу счастья: человек счастлив, когда получает то, чего у него нет, но что ему очень хочется.

Скажите, это очевидно? Почему же только Сыроедов смог додуматься до такой простой вещи? Вот то-то и оно!

Открытие свое Анатолий сделал, наблюдая за маленькой Дашей. Малышка тянула ручки ко всему, что ей казалось привлекательным, и начинала плакать, если достать желанный предмет не удавалось. Но стоило дать ей в руку погремушку, которая в данный момент была для нее самой необходимой вещью во Вселенной, как девочка тотчас же, забыв о слезах, счастливо улыбалась.

Сыроедов внес необходимые изменения в очередную серийную модификацию «Бодо». Новый ауросканер обладал способностью давать импульс, воздействующий на периферийную нервную систему. В результате возникала цепная реакция нейроимпульсов, приводившая к тому, что даже законченный мизантроп вспоминал о том, как счастлив был он в детстве. В реальности продолжительность импульса была настолько короткой, что, как правило, человек не успевал ничего почувствовать, но при этом его психоэмоциональное

состояние становилось более устойчивым, а взгляд на жизнь куда как оптимистичнее. Теперь он уже не взрывался лишь оттого, что в переполненном транспорте кто-то наступил ему на ногу.

Особо следует сказать о том, что импульс счастья, который ежедневно испытывает на себе каждый из нас, поскольку он и по сей день используется в приборах класса «Бодо», является записью нейроимпульсов дочери Сыроедова Даши в момент, когда девочка получила свой первый леденец на палочке.

Галина

Теперь самое время вернуться к началу истории.

Странного ответа Галины на мой вопрос никто, кроме нас с Толиком, не слышал. Сколько мы ни бились, пытаясь разговорить девочку, она молчала и смотрела на нас с Сыроедовым взглядом, не просящим о снисхождении, а скорее насмешливым. Во всяком случае, так нам тогда казалось.

Честно говоря, я не был склонен придавать большого значения словам двухлетней девочки, мне было просто любопытно, сможет ли Галя развить тему сада, в котором она якобы гуляла до своего рождения. Но не таков был Сыроедов.

— Она что-то знает, — сказал мне Толик, когда мы наконец оставили Галину в покое и сели вместе с остальными за стол.

— Что она может знать? — улыбнулся я, давая понять, что понял шутку.

— Она помнит то место, где находилась до своего рождения, — убежденно прижал ладонь к столу Толик.

— Брось, — насмешливо поморщился я. — К этому нельзя относиться серьезно.

— Ты никогда не обращал внимание на то, какой умный, сосредоточенный взгляд у младенцев? — спросил Анатолий.

Я задумался. Своих детей у меня не было, а чужих малышей я видел не так часто, чтобы всерьез заняться изучением того, что таилось в глубине их глаза. Честно говоря, я вообще считал, что у всех малышей выражение лица крайне глупое.

— У большинства младенцев взгляд проживших долгую жизнь стариков, — склонившись к моему плечу, продолжал возбужденно шептать Сыроедов. — Потому что им известно такое!.. — Анатолий сделал жест руками, пытаясь показать то, чего не мог выразить словами. — Они знают все о жизни и смерти. Они знают, куда мы уйдем, когда покинем этот мир. Но они не могут ничего рассказать, потому что не умеют говорить. А к тому времени, когда они обретают дар речи, успевают все забыть. В этом и заключается ирония — мы живем, не помня своего прошлого и не зная, что произойдет с нами в будущем. Галя — это тот редкий случай, когда ребенок уже может что-то сказать и при этом еще что-то помнит из прошлой жизни.

— Ты хочешь узнать, кем была Галя в прошлой жизни? — попытался пошутить я.

— Нет, — отрицательно качнул головой Сыроедов. — Я хочу увидеть Рай!

— Рай? — удивленно посмотрел я на Анатолия.

— Ну да, — кивнул Толик. — Ты же слышал, Галина сказала, что была в саду.

— Ты полагаешь, это был райский сад?

— Ну а что же еще?

— Не знаю... Может быть, это только ее фантазия?

— Возможно, — согласился Анатолий. — Она просто не знала, как назвать то место, воспоминания о котором сохранились в ее памяти, поэтому и назвала его садом. Рай — это чисто условное понятие. Речь идет о месте, в котором пребывает сознание человека между двумя земными воплощениями.

— Нирвана, — подсказал я.

— Точно, — кивнул Сыроедов. — Галя не знакома с этим понятием, вот и начала рассказывать о саде.

— Но если следовать твоей логике, Галина забудет свой волшебный сад прежде, чем сможет рассказать о нем что-то внятное.

— А я и не собираюсь ждать, — хитро улыбнулся Сыроедов. — Помнишь Лешкины рассказы про сны об армии?

Еще бы не помнить! Лешка рассказывал, что после того как он отслужил срочную, ему еще лет десять снились кошмары, в которых его по второму, а то и по третьему разу забирали в армию. Рассказчиком Лешка был гениальным, поэтому даже если эти сны казались ему самому кошмарами, то мы, слушая их пересказ, хохотали до упаду.

— А при чем здесь Лешка? — не понял я.

— Притом, что Галка тоже видит свой сад во сне, — убежденно заявил Сыроедов.

— Ну, допустим, видит, — не стал спорить я. — Но рассказать-то она о нем не может.

— Зато я могу его увидеть.

Я посмотрел на Анатолия, пытаюсь понять, не шутит ли он.

Да нет, как будто Сыроедов был абсолютно серьезен.

— Как? — только и спросил я.

— С помощью системы записи нейроимпульсов, которую я использовал, чтобы зафиксировать моменты счастья Дарьи, — объяснил Сыроедов. — Я сделаю запись сегодня же ночью. Потом останется только создать систему декодирования изображения, чтобы каждый смог увидеть Рай или Нирвану — то место, воспоминание о котором живет в каждом из нас до тех пор, пока мы не включаемся полностью в нашу земную жизнь.

— Зачем? — поинтересовался я, накладывая себе в тарелку фирменный сыроедовский салат: судак, яблоки, свежие огурцы, яйца и майонез.

Вопрос мой удивил Анатолия так, что он даже жевать перестал.

— Что значит «зачем»? — Сыроедов положил на край тарелки вилку с наколотым на нее маринованным грибком. — Ты сам разве не хочешь увидеть Рай?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Вообще-то я атеист.

— Я имею в виду не библейский Рай, — уточнил Сыроедов, — а то место, где пребывает наше сознание, ожидая нового телесного воплощения. Говоря другими словами, мы получим доступ к иному, более совершенному носителю ин-

формации. И это даст нам возможность по-новому взглянуть на мир и на свое место в нем.

— А нам это нужно? — спросил я, решив до конца отыграть взятую на себя роль скептика.

— Человек станет поистине свободным, только когда избавится от страха смерти.

— Ты боишься смерти?

— Нет, но многих этот страх преследует всю жизнь.

— Возможно, — согласился я.

— Я хочу заглянуть в сад, который видела Галка, — настойчиво повторил Анатолий.

Я только плечами пожал — спорить с Сыроедовым бесполезно. Да и есть хотелось.

Сыроедов

А вот теперь я расскажу о том, чего уж точно не знает никто, кроме меня.

Сыроедов добился своего быстрее, чем рассчитывал. Да и странно бы было, если бы у Толика Сыроедова что-то вдруг не получилось. В ходе работы Анатолий решил, что создание декодера, позволяющего увидеть чужой сон на экране, займет слишком много времени, поэтому для начала он решил разработать систему, транслирующую запись сна непосредственно в мозг реципиента.

В этом, скажу я вам, весь Анатолий Сыроедов — то, что для других стало бы эпохальным открытием, для Толика всего лишь вынужденная задержка в пути. Он непременно хотел добиться того, чтобы каждый смог увидеть картину райского сада на большом экране. И он непременно добился бы своего, если бы вдруг не решил остановиться. Можете такое представить — Сыроедов сказал себе «стоп»?

Анатолий позвонил мне поздно вечером, около полуночи, и спросил, не могу ли я к нему подъехать. Голос у Сыроедова был такой, что я сразу подумал: не случилось ли чего? Нет-нет, заверил меня Анатолий, просто нужно поговорить.

Сыроедов был не из тех, кто в полночь приглашает гостей только за тем, чтобы поговорить. Я понял, что нужно ехать.

Сыроедов открыл дверь квартиры еще до того, как я поднялся на этаж.

— Тихо, — сказал он шепотом. — Семейство спит.

Я снял обувь в прихожей, и мы прошли в кабинет Анатолия.

В комнате горела только настольная лампа рядом с компьютером. На экране какой-то график — четыре разноцветные синусоиды то переплетались, то разбегались в разные стороны.

Анатолий сел на стул и, ткнув пальцем в клавишу, отключил дисплей.

— Я сделал это, — произнес он шепотом, глядя на ослепший экран.

— Что? — спросил я, хотя уже догадывался, о чем идет речь.

Толик посмотрел на меня и улыбнулся жалобно, как будто прося извинения за то, что натворил.

— Я заглянул в Галкин сон.

— Ты видел сад, о котором она упомянула в день своего рождения?

— Сад. — Сыроедов усмехнулся как-то странно, в совершенно несвойственной для него манере. — Она назвала это место садом, потому что не знала других слов.

— А что это на самом деле?

Сыроедов откинулся на спинку стула и закрыл глаза. То ли свет от настольной лампы изменил черты его лица, то ли Сыроедов и впрямь осунулся за то время, что мы не виделись?

Анатолий всегда был худощавым. Но сейчас щеки его ввалились, тонкая кожа обтянула выступившие скулы, глаза запали, нос заострился. Так и тянуло сказать, как у покойника.

Анатолий молчал. Я ждал, понимая, что если он сразу не ответил на мой вопрос, значит, на то есть причины.

— Сначала я решил, что это ошибка, — все так же тихо, не открывая глаз, произнес Сыроедов. Если поначалу я ду-

мал, что Толик говорит шепотом, боясь разбудить спящую в соседней комнате жену, то теперь я понял, что он просто не может говорить громче из-за перехватившего горло спазма. — Я даже готов был смириться с тем, что у Гали какое-то серьезное психическое отклонение. Но я провел серию контрольных опытов. — Сыроедов чуть приоткрыл глаза и посмотрел на меня, как будто через шелку в ширме. — Я посмотрел сны пятидесяти трех детей обоего пола в возрасте от полутора месяцев до двух с половиной лет. Все они видят во сне одно и то же место. То, что Галка назвала садом. И чем младше ребенок, тем ярче образ. Когда я посмотрел сон полуторамесячной девочки, я понял, что если загляну глубже, то не смогу вернуться назад. — Анатолий обескураженно развел руками. Он попытался улыбнуться, но левую щеку свела судорога и улыбка превратилась в уродливую гримасу. Толик прижал щеку ладонью.

— Наверное, я бы сошел с ума, — прошептал он едва слышно, как будто глотая готовые вырваться рыдания.

Выкатившаяся из-под века слеза скользнула по щеке, оставив влажный след.

— Постой! — Я наклонил голову и провел пальцами по бровям. — Я не понял, о каком безумии идет речь? Что-то не так с транслятором?

— Что-то не так со всеми нами. — Анатолий наклонил голову и спрятал лицо в ладонях. — Что-то не так с нашими представлениями о Рае и Аде, о добре и зле. — Он резко вскинул голову и посмотрел на меня. От его взгляда у меня мурашки по спине побежали. Так мог смотреть только человек, побывавший по ту сторону жизни и смерти и лишь каким-то чудом сумевший вернуться назад. Глядя на него, можно было подумать, что он не понимает, где он и что с ним происходит. — Возможно, мы выбрали себе не того бога.

— Как это «не того»? — с трудом выдавил я.

Сыроедов как будто и не услышал меня.

— Я видел то место, которое Галка назвала садом, — продолжал он, глядя мимо меня в пространство. — Чем-то оно действительно похоже на сад. Наверное, своей упорядоченной планировкой. Но это не райский сад. Нет. — Анато-

лий затряс головой так, будто пытался вытрясти забравшихся в волосы муравьев. — Это место — средоточие кошмара и боли. Когда ты находишься там, ужас становится главным и единственным смыслом твоего существования. Я не могу рассказать о том, что происходит в этом саду, потому что в человеческом языке нет для этого слов. Но поверь мне. — Сыроедов неожиданно крепко схватил меня за запястье. — Поверь!

— Я тебе верю, — попытался успокоить я Анатолия. — Но если это только ночной кошмар...

— Ты ничего не понял, — не дослушав, снова с ожесточением каким-то затряс головой Сыроедов. — Это не ночной кошмар, а реальность, от которой все мы бежим, но которая все равно рано или поздно всех нас поглотит. Мы привыкли считать, что наша жизнь на земле наполнена страданиями, но чем больше мы будем страдать здесь, тем большую радость обретем после смерти в ином мире. На самом деле все не так. Совсем не так.

Мы уже живем в Раю. Не знаю уж, за какие заслуги мы сюда попадаем, но только никому не дано вечно наслаждаться прелестями Рая. Приходит срок, и мы должны вернуться.

— Куда? — спросил я так тихо, что сам себя не услышал. Должно быть, Сыроедов угадал мой вопрос.

— Не знаю, — устало пожал он плечами. — Да и какое это имеет значение.

— Верно, — кивнул я.

Минут десять мы сидели молча. Я пытался осознать смысл услышанного. Сыроедов был жутко напуган — никогда прежде я не видел его в столь подавленном состоянии. И это служило лучшим подтверждением того, что ко всему им сказанному следовало отнестись с полной серьезностью. С другой стороны, сад, который попытался, но так и не смог описать Сыроедов, оставался для меня полнейшей абстракцией, неспособной не то что напугать, а хотя бы вселить беспокойство в душу.

Ну хорошо, теперь я знаю, что после смерти меня — да и не меня даже, а только душу мою, которая неизвестно что собой представляет — ожидают вечные страдания. Или не вечные, а только до следующего земного воплощения... Хо-

рошо, пусть будут вечные — все равно я не знаю, когда произойдет очередная реинкарнация. Может быть, для этого нужно сделать что-то героическое — так я до геройских подвигов не охоч. Но все это будет потом. Конкретно — неизвестно когда. Так что это меняет в моей нынешней жизни? Подумав как следует, я пришел к выводу, что совершенно ничего.

— И что ты обо всем этом думаешь? — прервал молчание Анатолий.

— Не знаю, — качнул я головой. — Честное слово, не знаю.

Сыроедов почесал ногтем переносицу.

— Но ведь что-то нужно делать?

Я приподнял бровь.

— Зачем?

— Ну как же... — Сыроедов умолк, не закончив фразу.

Кажется, он начал думать так же, как я.

— Помнишь, ты сам как-то сказал, что дети знают гораздо больше, чем взрослые, только вот говорить не умеют?

— Да-да, — быстро кивнул Анатолий.

Он пытался, но все еще не мог ухватить нить моей мысли.

— Мы должны учиться у детей.

— Чему?

— Тому, что они умеют лучше всего. Забывать.

— Забывать... — Анатолий выпрямил спину, закинул правую руку за спинку стула, левую положил на затылок. — Забывать, — повторил он еще раз. — А знаешь, друг мой, — произнес он вдруг совершенно другим, уверенным и ясным голосом, — только что ты сделал гениальное открытие.

— Да неужели? — улыбнулся я.

Меня радовало не столько то, что Сыроедов назвал меня гением — а в его устах это была действительно похвала, а не насмешка, — сколько то, что я видел: Толик возвращается в свое обычное состояние.

— Да-да, — дважды уверенно кивнул Сыроедов. — Ты первый понял, в чем заключается истинное счастье человека. Да и всего человечества в целом.

— Честно говоря, я этого и сейчас не понимаю, — признался я. — А в чем оно?

— В умении забывать.

Галина

Анатолий Михайлович поступил так, как сказал, — никого, кроме меня, он не посвятил в результаты своих исследований.

Впервые в жизни Сыроедов официально признал, что потерпел поражение, и работа, которой он занимался, ни к чему не привела.

Но что самое главное, со временем Анатолий как будто и правда сумел забыть о том, что видел в таинственном саду детских снов. Возможно, порой он видел его уже в собственном ночном кошмаре, но кому из нас не снятся дурные сны?

Запомните, что бы вам ни приснилось, не придавайте этому значения.

Прошли годы. Дети Сыроедовых выросли. Младшая, Галина, занялась ландшафтным дизайном и достигла на этом поприще немалых успехов. Нередко ее можно увидеть по телевидению. Вот только фамилию она сменила, сочтя ее неблагозвучной для представителя мира искусства. Состоятельные клиенты, среди которых немало знаменитостей, стоят к ней в очереди.

Наверное, Галина действительно понимает толк в своей работе и вкладывает в нее всю душу. Но почему-то, когда я захожу в любой из спроектированных Галкой садов, меня охватывает необъяснимое чувство какой-то древней, подсознательной жути.

И появляется болезненное ощущение, как будто я пытаюсь что-то вспомнить и никак не могу.

Ярослав Смирнов

ОТТУДА

- Откуда?..
- Оттуда.
- Оттуда?!

«Бриллиантовая рука» (в сокращении)

*И кто-то, как всегда, нес чушь о тарелках,
И кто-то, как всегда, проповедовал дзен...*

Майк

Имя и отчество героя этого повествования
изменены по соображениям политкорректности.

Не знаю, может быть, я действительно сумасшедший, как это мне кажется самому последние несколько дней — с тех самых пор, как появились вы, любезные доктора в марлевых повязках и с неожиданно скованными движениями, будто вас начали учить ходить вчера, а уже сегодня бросили это занятие за бесперспективностью и полной ненужностью... и эти птичьи голоса, и запахи, как могут пахнуть умытые, ухоженные, но все-таки зверюшки: наверное, домашние, никак не дикие, и именно птицы, потому что должны

быть крылья. Скорее всего мне просто мерещится все это — в том числе и невысокий гриб на мягкой ножке, перед которым вы меня усадили и заставили говорить, рассказывать о событиях прошедшей недели и о том, что я тогда ощутил и почувствовал. Это наверняка обычный микрофон; вы, добрые доктора, ничем не отличаетесь от остальных врачей на белом свете, а я — один из голых людей, виденных мною в здешних коридорах (зачем они розовые, эти коридоры?), что шатаются туда-сюда, держась за стены и оставляя на них желтые пятна, и бормочут быстрыми безумными голосами что-то о синих слонах, хриплоголосых сухопутных осьминогах и о чертях вокруг стаканов (особенно запомнилась мне поведенная одним краснолицым страдальцем поистине трагическая история о том, как некий негодный зеленый чертенок, кутила и невыносимый задавака, преследовал рассказчика на протяжении целой недели, не позволяя ни на секунду уединиться и снять абстинентный синдром, пил его водку и дубасил (его же) блестящей от частого употребления сковородой, а потом улучил момент и пропил телевизор иностранного производства (на эту деталь рассказчик почему-то особенно напирал) — последнюю надежду страдальца на поправку его несчастных мозгов).

Слышал я здесь и рассказы о «тарелках». То есть о НЛО. Однако рассказы эти не имеют почти ничего общего с тем, что довелось пережить лично мне: в основном собратья и соседи доверительно сообщают о большеглазых зеленых (опять!) человечках, которые кого-то куда-то тянут, похищают, препарируют и вообще ведут себя неадекватно, причем совершают свои (в известном смысле предосудительные) деяния обычно под покровом темноты, вдали от посторонних глаз и, судя по всему, чрезвычайно боятся огласки и излишнего внимания к себе.

Не знаю. Я снова повторяюсь, но это так — я действительно пока не знаю, где заканчивается обыденная жизнь и начинается болезнь... или наоборот, приходит выздоровление, и бытовые реалии радостно вторгаются в мой изрядно поюзанный (словечко моего сына) разум. Поюзанный — это звучит уместно. И красиво. Кажется, что-то из компьютерного сленга. Поюзанный, заезженный, изгаженный, заер-

занный. Попользованный. Брейнальная любовь. Садо-мазо, в таком случае. Выюзанные неоднократно мозги. Но матом я все-таки не очень часто ругаюсь, хотя за свои сорок восемь лет ваш покорный слуга Алексей Петрович... ну вот, уже забыл фамилию... наговорил всякого.

Компьютеров я просто боюсь... но речь ведь не об этом. Что же... а! Так вот — «тарелки». Никогда я их (настоящих) раньше своими глазами не видел, хотя, разумеется, слышал о них и читал: впрочем, в меру, поскольку «желтую» прессу уважаю не очень. То есть совсем не уважаю. Вот кино — другое дело: там этих «тарелок», как гуталина, завались. Причем самых разных — смешных и не очень, страшных и потешных, вызывающих глухую злобу и даже приступы ксенофобии — и таящих в себе, по определению, настолько продвинутых и просвещенных носителей разума, что на глаза невольно наворачиваются счастливые слезы.

Но все равно никогда и нигде не видал я ни одного НЛО, который был бы хоть чуточку натурален, ни одной «летающей тарелки», чей вид мог вызвать из недр подсознания ощущение истинности и облеченной в настоящую реальность правды. Я знаю это чувство, оно у меня развито неплохо, даже, можно сказать, хорошо, и поэтому у нас в музее меня в известной степени ценят. Другое дело, что не за горами полтинник, а я только старший научный без степени... и теперь вот полгода без семьи... но не буду отвлекаться. Простите.

И все-таки странно. Знаете, наверное, человеку нужно постоянно с кем-то общаться — вот сейчас я говорю, говорю, отвлекаюсь на что-то постороннее, вспоминаю, и становится как-то легче, будто в мозгах разложил все по полочкам: каждую мысль на свое место. Может быть, я все-таки не совсем безумен? А?..

Молчите... ну что же, ваше право. Все равно приятно — даже просто говорить. Позвольте мне немного рассказать о себе. Особенно страшно бывает дома по вечерам, и никакой телевизор не помогает растоптать, разбить, загнать в самый темный угол эту жуткую тишину — я где-то читал, что в могиле шуму не в пример больше... правда, гораздо более тесно. Эта тишина лезет отовсюду, врывается в уши, запол-

зает за шиворот, вместе с мурашками бегают по всему телу и ухмыляется, ухмыляется, глядя, как несчастное тело костенеет, язык липнет к гортани, глаза высыхают, потому что нет возможности моргнуть... и вот я уже — в который раз! — обращаюсь в соляной столб, даже не успев обернуться...

Бр-р! Впрочем, так было не всегда. Когда наконец-то от меня ушла жена (я уже упоминал — полгода тому как, а сын почти пять лет живет отдельно), тишине я даже поначалу обрадовался: еще бы! Стоило мучиться все эти годы, терпеть и прощать... все оказалось так просто и буднично. Дурень. Чертова баба! Как я только раньше с ней не свихнулся. Просто удивительно.

Однако очень скоро я понял, что ей, наверное, тоже жилось несладко. Ничего, оказывается, я делать не умею, кроме как ковыряться за копейки в своем музее. Дом мой начал разрушаться прямо на глазах. Краны, бачки, проводка... и грязь. Оказалось, что с грязью невозможно бороться: создавалось такое ощущение, будто некое мерзкое, скользкое, липкое (хорошо хоть, не зловонное!) чудовище забралось в квартиру и принялось по ней разгуливать, оставляя свои гнусные следы на полу, на столах, подоконниках... а уж что оно вытворяло с посудой!.. уму непостижимо, во что превращались мои тарелки... но о тарелках чуточку позже. Чудовищу всю помогали пауки, осатанело носившиеся там и сям и развесившие свои тенета везде, где только смогли. Никакие уборки не помогали, ни генеральные, ни косметические: дом превращался в руины, среди которых разлеглась тишина.

В отчаянии я даже хотел нанять приходящую уборщицу-домработницу, но тут (как всегда, вовремя) грянул второй дефолт, и мои пресловутые копейки, и без того невеликие, превратились просто в пшик. Еще одна мечта оказалась несбыточной: я с детства грезил о собаке, о благородном молчаливом преданном друге, забавном и сильном, ласковом и послушном. Но сначала мне не позволяли завести четвероногого приятеля родители, а потом категорически воспротивилась жена, да и сын не горел желанием возиться с, как он выражался, «какой-то вонючей псиной». Сейчас же я понял, что у меня просто не хватит ни средств, чтобы про-

кормить собаку, ни сил, чтобы поддерживать дом в надлежащей чистоте, дабы несчастный зверь чувствовал себя нормально... да и заботиться о нем тоже ведь надо. Тяжело.

Вопрос о средствах (очень мне нравится, когда говорят «средства» с ударением на последнем слоге) в очередной раз встал во весь рост. Жена теперь особо не нуждается — новый муж содержит ее неплохо, — а сын зарабатывает ровно столько, чтобы вполне прокормить свою семью. Так что хоть эта обязанность свалилась с моих плеч, потому что проблема денег стала крайне болезненной с начала девяностых годов прошлого века.

Позвольте, я еще немного отвлекусь и самую чуточку повспоминаю... В годы советской власти музейщики получали жалованье не то чтобы очень большое, но и не маленькое — плюс возможность подработать лекциями и прочим. Помнится, за двести иногда хорошенько переваливало... Даже и не остепененным хватало на кусок хлеба с колбасой, на книжки и (иногда) на поездки по Союзу и таким милым (тогда, разумеется) странам соцлагеря. Было спокойно и надежно. Но вот рухнул единый, могучий — и все пошло прахом. Я не сумел приспособиться к пресловутой рыночной экономике, не нашел возможности стать бизнесменом, и оказалось, что на хрен все прогнило в датском королевстве. Ладно, хоть яду в ухо не налили. Однако моя, так сказать, Гертруда вино пила, и еще как. В посторонних, само собой, компаниях — особенно смешанных. Или с кем-то наедине.

Так что про последние лет пятнадцать и вспоминать не хочется — сплошные развалины, липкие чудовища, а еще пустота и крики. Тишина пришла позже.

Опять простите — снова я отвлекся. И странно — все в прошедшем времени... М-м-м... да, тарелки. Ох, как легко-то стало. Выговорился. Знаете, такое ощущение, что я здесь, у вас, уже давно. Мне даже начинает нравиться. Как-то уютно. Есть с кем побеседовать... хоть вы и молчите по-прежнему. Я ведь уже старенький... нет, просто старый, невзирая на то, что ношу джинсы и пытаюсь крутить романы с молоденькими непривередливыми девицами. Впрочем — моло-

денькими... уже сорокалетние для меня молоды. Странновато это, а иногда — страшно. Особенно когда тишина.

Кстати, любезные мои невидимые доктора, хочу спросить вас вот о чем — только что пришла в голову мысль... Говорят, сумасшедшие очень активны на ниве плотской любви. Гиперсексуальны даже. А я вот в последнее время начал замечать за собой нечто подобное. Может быть, это последствия развода? Как награда... Так или иначе, как-то пару месяцев назад мы с одной дамой — смешно сказать: двадцать пять лет, дочка моей бывшей институтской подружки, с которой мы в свое время измляли немало простыней! — неделю из постели не вылезали. Почти как в незабвенные тридцать лет — от гимна до гимна. И обязательные стояки по утрам. Это теперь-то — с моим вялым брюхом, залысинами и давлением!..

Так что я даже забеспокоился вот по этому поводу. Мне ведь и сейчас хочется... Выходит, в голове что-то не в порядке? Хотя в тот момент, когда я увидел «летающую тарелку», мне так совершенно не показалось. Наоборот, полное ощущение естественности и правдивости происходящего. Просто — день, просто — улица, и солнце, и голубое небо, и вдруг — надвигается тень. Будто солнце выключили, и только воздух остался светиться сам по себе, такой сероватый и текучий.

Может быть, это было немножко странно, но зато красиво и совсем не страшно. Я, помнится, удивился этому. «Тарелка» — точнее, «тарелки» — я заметил три, по-моему, штуки — висели над домами метрах, наверное, в трехстах... может, больше. Они не были похожи на ту летающую посуду, которая обычно носится по воздушным в кино: огромные — не могу даже сказать точно, какой величины, — ровные и идеально круглые диски, без значительных утолщений, и все усеянные какими-то окошечками и иллюминаторами. Один диск, насколько помню, слегка накренился: кажется, он был единственным, который вращался.

На секунду у меня мелькнула предательская мысль: а вдруг это все-таки сон? Я даже не подумал, что происходящее может быть игрой моего больного воображения, видением заюжанного кем-то до полной изъюзанности, изуродованнос-

ти, изгребанности и зависимости разума... я хотел ущипнуть себя, но постеснялся: а вдруг эти симпатичные сероватые тени, которые густели прямо у меня на глазах, будут недовольны?

Я не хотел их разочаровывать — тем более что тени очень быстро стали принимать облик вполне знакомых мне людей. Что интересно — эти самые новоприбывшие люди (а нужно заметить, что все они выглядели несколько неестественно: я хочу сказать — кто-то был старше, кто-то моложе, чем в реальности на тот момент, а некоторые, и это я знаю точно, существовали доселе лишь в моем воображении) выглядели гораздо более испуганными, нежели находившиеся рядом со мною граждане моего родного города, которые, впрочем, тут же обратились к новичкам со словами ободрения и поддержки. Население вело себя так, как и подобает нашим ученым и вообще представителям Человечества с большой буквы при встрече с Неизведанным — пусть даже и с Пришельцами: под этим словом я подразумеваю членов экипажей «тарелок», то есть НЛО, а равно и пассажиров этих неопознанных объектов.

Спокойствие, сдержанное мужество, бодрость духа и непоколебимый оптимизм — мои соотечественники проявили лучшие качества, заложенные в них... кем? Не помню... но я, признаться, тогда подкачал: мне снова захотелось ущипнуть себя, однако почти сразу душевная стойкость вернулась, члены мои окрепли, и лишь смутное сожаление по поводу неясных, но наверняка упущенных возможностей тревожило разум; впрочем, недолго.

Остаток того дня — а «тарелки» над нашим городом появились ровно в полдень — я провел, гуляя по знакомым с детства улицам, испытывая неподдельную радость, почти наслаждение: забыл сказать, что природа — или «тарелка» — преподнесла великолепный подарок всем землянам. На дворе стоял январь — старый Новый год, однако асфальт был сух и чист, отовсюду веяло приятным теплом. Ни одна снежинка, ни единая капелька влаги — ничто не оскверняло изысканной сероватой простоты нашего нового мира и не нарушало торжественности момента. Небо потеряло свою легкомысленную голубизну; легкий коричневый оттенок при-

давал окружающему призрачное очарование, и особенно приятно было чувствовать то легкое усилие, которое приходилось прикладывать во время каждого вдоха: я с восторгом понял, что иметь силы дышать — это прекрасно!

Я был не одинок в своих прогулках. Многие сограждане разделили со мной удовольствие, и то тут, то там встречались отмеченные печатью радости лица. Порадовало еще, что на глаза не попадались собаки: с некоторых пор я невзлюбил этих мерзких тварей, и сама мысль о том, что их грязная шерсть может оцарапать мой нежный желудок, вызвала неосознанное, но явственное раздражение.

Помню, я остановился у дверей городской управы, невольно залюбовавшись окружающими зданием изысканными растениями — к сожалению, забыл, как они называются. Гладкие коричневые стебли прихотливо извивались, создавая сложный узор, гармонично впечатанный в желтые стены управы. Строгое сочетание черных шипов и белого обрамления стрельчатых окон древней постройки придавало нарядной композиции законченность и лиризм.

Ощущая определенный эмоциональный подъем, я направился к набережной, отметив с нечаянной радостью, что ни одного самодвижущегося экипажа в городе не осталось. Никто не будет впредь безнаказанно тиранить просторы нашей Родины! К сожалению, на тот момент я позабыл, что означает последнее из этих красивых слов, и поэтому не смог поделиться своим открытием со встреченными мною в пути знакомыми и незнакомцами. Приходилось лишь вежливо раскланиваться, приподнимая в знак уважения забрало своего шлема: мне отвечали тем же.

Надо сказать, что в дороге люди попадались довольно часто. Это были как старинные обитатели планеты, так и новоприбывшие. Последних отличала легкость движений и неуверенность во взгляде, а первых — наличие над их головами фигур, полностью конгруэнтных оригиналам. Некоторые горожане имели по одному такому спутнику, другие — три-четыре, а иные — так и целую дюжину. Впрочем, внимательно я не считал.

Дойдя до набережной, я был несколько удивлен: река, столь полноводная в это время суток, совершенно высохла.

Однако надо отдать должное моей проницательности: я сразу догадался, чья это работа. Преступлению этому нет цены.

Радовало другое: тишина. То есть не та тишина, о которой я рассказывал раньше — ухмыляющаяся и опасная, — а просто отсутствие грохота и вообще всякого рода стрельбы, давно ставшей уже привычной под Новый год, пусть даже и старый. Думаю, что со стороны «тарелок» это явилось очередным и очевидным жестом доброй воли.

Продолжая неспешную прогулку, я встретил свою старую знакомую — из новоприбывших. Лицо ее показалось мне близким и родным, и поэтому нет ничего удивительного, что мы тут же пошли к ней в гости.

Остаток дня, ночь и весь последующий день любовники провели, не размыкая объятий.

Однако следующей ночью силы на короткое время покинули меня, и я ненадолго уснул. Снилось мне какая-то мерзость, но утро принесло облегчение.

У моей знакомой были какие-то неотложные дела, и поэтому мы нежно расстались, ознаменовав расставание прощальным поцелуем: пожар далеких дней. Не знаю уж, откуда возник этот образ, но пожар неподалеку действительно случился, и я сходил на него посмотреть. Там еще плавали рыбы. Они помогли мне решить на какое-то время проблему прописки, а заодно и вопросы мест переписки с избранными друзьями.

Кроме того, в тот момент я отметил одну — чуть ли не единственную — странность: людей на улицах встречалось довольно много, все чинно гуляли, изредка обмениваясь сообщениями, а вот дома были совершенно пусты, и в какой-то момент мне даже показалось, что жить там просто нельзя — до того тесными выглядели эти просторные помещения. Глина и песок, плоть и кровь... а также остальное.

Как-то, гуляя по дорожкам любимого парка, отмеченного мутноватыми тенями злаковых и злачных растений — друг от друга они отличались количеством усиков и объемом вырабатываемой ими тишины, — я нечаянно узнал, что предстоит принять некоторые процедуры профилактического характера. Внезапный приступ фатализма овладел мною; я решил не убегать, но и не идти навстречу. Остаться на месте казалось невозможным: я воспарил духом.

Мой — признаюсь, не слишком честный — поступок имел неожиданные последствия. Неожиданно для себя я оказался в кругу избранных, допущенных к созерцанию из-за угла. Вам, несомненно, известно, что это такое: отмеченным благодарностью позволяют взглянуть на окружающее великолепие мира с такой стороны, что видишь саму ценность и самоценность родного города, его площадей и улиц, памятников и их содержимого, красот и будущего природы милого края.

Любуясь сквозь стекло вышеперечисленными реалиями, я тихо радовался и внутренне грустил: все оказалось не таким, как я ожидал. Очевидно, тот факт, что мне удалось — или пришлось — пройти без очереди, нарушил тонкую отрегулированную постепенность расширения объемов познаний, и восторг, скопившийся в моей груди, не смог найти выхода. Что же, я сам выбрал путь: и мне оставалось только тайно этим гордиться, уповая.

На что? Вы понимаете...

Я не делал лишних движений и не совершал ненужных поступков; я смиренно ждал, опустив очи долу: я знал, что меня заметят и меня найдут.

Так и случилось.

Единственное, чего я не понимаю, любезные мои доктора, так это того, зачем нужно было держать меня сперва в полном одиночестве в вонючей бадье, а потом морить голодом целых два дня посередь той огромной площади, битком забитой народом — до такой степени битком, что мне оттоптали ноги и порядком намяли бока. Да и поезд не отличался излишним комфортом. Впрочем, я не в обиде.

Пожалуй... да, пожалуй, все — вкратце. Извините, что получилось несколько сумбурно. Я, понимаете ли, здорово намолчался и натерпелся за это время. И все-таки мне у вас нравится. Не знаю, сочтете ли вы меня сумасшедшим или нет (я, честно говоря, больше склоняюсь к последнему), но, право слово, мне, пожалуй, хотелось бы здесь остаться. Народ тут, конечно, довольно странный, спору нет, однако — никаких уколов и таблеток, чистота, обращаются вежливо, а это ваше кормление и вовсе превышает всяких похвал. Только подумал — и уже сыт. Ни вилок, ни ложек, ни... вы знаете,

мне кажется, что и физически я себя чувствую получше. Печень совершенно не беспокоит, давление в норме, зубы... ой, да вы что, мне зубы вырастили?! Или наоборот... не пойму. Но не важно. Дырок в зубах точно нет. Нет, правда, не хочу я назад. Что я там забыл? Задрипанный музей свой, декоративного, ети его, искусства? Так там всего-то и есть хорошего, что мебели, на которых можно трахаться, да посуда, из которой нужно жрать водку: не все ведь в Эрмитажах трудятся... Дом свой, родные развалины? Увольте... каждый день со страхом просыпаться, каждую ночь со страхом пытаться заснуть... и ведь хочется, чтобы их было побольше, этих дней и ночей, и жутко, что их не хватит, и все боишься, и тоскуешь, и клянешь себя, и плачешь о тех временах, когда тебе было двадцать — эх, воротиться бы, да не единожды... и все один, один... а рожи кругом? Твари, твари... только твари, и ведь понятно, что есть кто-то лучше и лучшие, и лучшая, но — где? И на самого себя посмотреть тошнее всего, потому как с тварей чего взять, а сам-то, такой хороший и даже замечательный, мог бы и измениться, постараться, выпрямиться и идти вперед, а не топтаться по колено в дерьме, с изысканной тоскою наблюдая, как дерьмо это, пузырясь, лезет все выше и скоро затопит все, что совсем недавно в себе ценил и уважал... а может статься, уже и затопило.

Так что не знаю я, доктора хорошие, кто вы такие, но забирайте меня к себе на хрен. Останусь я тут, и баста. Пусть вы хоть новомодные врачи, пусть инопланетяне... чего вдруг, правда, мне инопланетян бояться? Я всегда думал, что если они придут — или вы придете, — то никто этого просто не заметит, потому как пришельцы будут либо настолько похожи на нас, что и сами запутаются, либо настолько непохожи, что мы просто не поймем, в чем дело. Кто, собственно, сказал, что сверхцивилизация умнее нас? Не факт, не факт... может быть, мы просто откажем друг другу в наличии разума. Встретились два одиночества, понимаешь, два явления природы. А потом сами сдохнем. Без посторонней помощи. Или с нею. И вряд ли вспомним про мораль. Вы от Земли-то хоть что-нибудь оставили? Шучу, шучу... ладно. Возьмем меня. Я либо псих, либо вам зачем-то нужен (или не нужен — случайно прихватили и не заметили), либо вообще шпион. А что?

Вот обозначу место посадки кострами, тогда держись. Пулеметы привезут... фирменные, от Алекса. Или от Юстаса. Какая разница? Бродите себе по моему воображению, господа доктора хорошие, лечите, коли вам так нужно, только кормить не забывайте... и хорошо бы бабу... эту, то есть женщину. И посчитаем вместе, что я — в раю.

Если бы кто-то из живущих на Земле людей посмотрел сейчас на Алексея Петровича, то взору наблюдателя предстала бы интересная картина: голый, покрытый какой-то белесой пленкой человек сидит, сторбившись и глядя в никуда невидящими глазами, перед равномерно раскачивающимся грибообразным мягким отростком — сидит он на куске прозрачного розового желе — внутри большущего, метров двухсот диаметром, полупрозрачного тонкостенного пузыря, по поверхности которого плавно пробегают радужные разводы (обычный человек, пожалуй, мог бы и заболеть, слишком пристально вглядевшись в мельтешение разноцветных пятен), а сам пузырь висит неведь где и непонятно когда, и вокруг него в твердой и совершенной темноте, еле различимые человеческим глазом, колышутся спокойные сероватые тени — и на сотни миллиардов километров вокруг нет ни одной «летающей тарелки».

Только радужные пузыри. Немного отражений звезд. И тени.

А еще — та самая тишина.

14 января 2004

Галина Полынская

СЕМЬЯ

Мама сказала:

- Чувствуешь, какой интересный запах?
- Это трава, — ответила я, не отрываясь от ноутбука.
- Благовония, что ли? — приняхивалась мама.
- Вония — да, но не совсем благо.
- В каком смысле?

Я подняла на нее измученные монитором глаза.

- Это марихуана, мама, ну что такого непонятного?

— Как так? — присела мама на табурет. — Почему в нашей квартире пахнет марихуаной?

— О Господи, — я глотнула остывший кофе, — это снизу тянет, с четвертого этажа. Коренные москвичи из солнечного Азербайджана запалили косячок, и не один, судя по густоте аромата.

- В одиннадцать утра? — изумилась мама.

— Ма, мне осталось два абзаца до конца раздела, можешь еще сделать кофе и оставить меня в покое минут на... на полчаса?

- Да, да, конечно.

Мама поставила джезvu на плиту и примостилась на табурет у окна, созерцать летний пейзаж. Минуты через две

маме стало скучно, она тихонько вздохнула и исчезла. Секундой позже в комнате за стеной включился телевизор. Когда я переезжала на эту планету, чтобы спокойно довести до конца свой наиважнейший заказ на книгу, разве я могла предположить, что за мною потащится семья и надежды на быструю плодотворную работу так безобразно рухнут?

— Мама! Ну неужели трудно просто встать со стула, выйти из кухни и нормально перейти в комнату?!

— Извини, — раздалось над ухом.

— И перестань посылать голос! Можно же встать, прийти на кухню и сказать?! Или хотя бы крикнуть погромче, как все нормальные люди?! Сколько можно просить об одном и том же!

— Извини!!! — Эхо разнеслось на весь район, заорали автомобильные сигнализации.

Я медленно закрыла и медленно открыла глаза. Кофе выкипал. Чертыхаясь, я бросилась к плите. Из комнаты доносилось: «...а то транклюкируют!» Этот фильм она смотрела уже, наверное, в пятидесятый раз, я его уже знала наизусть, до тошноты, до судорог в коленках. Поневоле перед глазами стали возникать кинокадры, это раздражало и отвлекало от поставленной задачи.

— Мама, ты не хочешь пойти погулять с собакой?

— У нас нет собаки, — раздалось над ухом.

— О Господи! Ну пойди на улицу, отыщи какую-нибудь собаку и погуляй с ней!

— Хорошо, — вздохнул мамин голос, и прямо передо мной в воздухе возникло ее лицо. — С большой собакой гулять или с маленькой?

— С какой хочешь, — процедила я. — Пожалуйста, дай мне хоть немного поработать, у меня весь заказ рушится. И прекрати это всё! Неужели нельзя...

— Но это долго, — возразила мама, — мне приходится то и дело ходить туда-сюда...

— Мама, если ты намотала слишком большой километраж по квартире, почему бы тебе просто не отправиться домой?

— И оставить тебя здесь? Ни за что. Разве хорошая мать оставит своего ребенка одного на какой-то чужой, глупой планете?

— Тогда будь как все остальные! Раз мы на Земле, то и вести себя надо соответствующим образом, иначе можем в такие проблемы вляпаться — не выберемся!

— Хорошо, — снова вздохнула мама, и ее воздушный образ исчез.

Я разложила на столе очередные бумаги и, сверяясь с собственными пометками, зашуршала клавиатурой.

Мама не успела уйти гулять с собакой — явился братец.

— Чуете, какой запашок? — начал он с порога.

— Да, — со знанием дела кивнула мама, — это марихуана.

— Да уж понял, — хмыкнул братец и полез в холодильник. — На четвертом?

— Угу. Отдыхают, — ответила я, не поднимая головы.

— Интересно, от чего ж они так сильно устали, что так беспощадно отдыхают?

Из холодильника он извлек тарелку с копченой курицей и пепси.

— Не знаю. Ты не мог бы побыстрее поесть и уйти отсюда? Ты мешаешь мне работать.

Курица с тарелки мгновенно исчезла, братец довольно икнул.

— Да не в этом смысле! — взвыла я. — Я имела в виду, не мог бы ты быстрее поесть, двигая челюстями?!

— Быстро двигать челюстями — это долго. — Он глотнул пепси. — А салата никакого нет?

— Нет! Нет! Обойдешься без салата! И отойди от стола со своей бутылкой, еще нальешь на карты!

— Слушай, — миролюбиво начал братец, — а почему ты работаешь на кухне? Шла бы в комнату...

— В какую? — трясась от бешенства, выдавила я. — В какую именно из этих двух крошечных комнат? Куда я могу пойти работать, если там везде, абсолютно везде, повсюду вы?! Даже на кухне вы не можете оставить меня в покое!

— Ну, ты же сама выбрала эту квартиру...

— Да, но я выбирала ее для себя одной! Для одной! Для одной меня места предостаточно!

— Можно переехать, — пожал плечами братец, выживая из морозилки пачкупельменей, а из холодильника кочан капусты.

— Я никуда не собираюсь переезжать! — завопила я. — Мне надо работать! До сдачи готового материала осталось меньше пяти дней! Вы что, не понимаете, что это главный проект в моей жизни, если я его провалю...

В прихожей хлопнула входная дверь — явился дядюшка с полными авоськами продуктов.

— Вы представляете, — азартно начал он.

— Да, да, — обреченно кивнула я, — пахнет марихуаной.

— Чего?

— Ничего, забудь. Так что мы должны представить? — Я все равно ничего не собиралась представлять, я смотрела на дядюшку вполглаза и слушала его вполуха, шурша клавиатурой.

— Я выяснил, что, оказывается, «армян» — это не блюдо, — оживленно рапортовал дядюшка, выкладывая из сумок продукты, — армян это тот, кто сам может приготовить блюдо!

— Не армян, а армянин, — поправил братец, хрустя морожеными пельменями и кромсая капусту для салата.

— Какая разница!

Мне сделалось дурно от нехорошего предчувствия.

— Дядюшка, — прошептала я, — ты что, опять кого-то съел?..

— Да ну что ты! — замахал он на меня пачкой макарон. — Я уже отсидел свое за поедание представителя иной цивилизации. Вы все знаете, что я ни в чем не виноват и это была роковая ошибка! Разве же я мог предположить, что это — разумное существо? Выглядело оно как самая настоящая, отличная еда! Да, совсем забыл сказать, сегодня вечером приезжают папа с тетушкой, по этому случаю я приготовлю исключительный ужин! Кстати, чем это так пахнет?

— Марихуаной, — хором ответили мы.

Дядюшка принялся щебетать о чем-то постороннем, делаясь своими впечатлениями от трехдневной прогулки по городу, но я его не слышала и практически не видела — перед глазами было темным-темно. Вот это был реальный конец света... Еще мне только папы с тетушкой не хватало! Все, работе крышка, я ни за что на свете не успею сдать книгу в срок. Допив остывший кофе, я принялась собирать со стола бумаги.

— Ты куда? — мгновенно материализовалась на кухне мама.

— На Луну! — отрезала я.

— Ни в коем случае! Там дурной климат!

Выдернув шнур из розетки, я убрала ноутбук в сумку, туда же сунула пачку документов.

— Нет, а кроме шуток, — братец плюхнул в миску с капустой майонез, — куда ты?

— Куда-нибудь. — Я обула легкие босоножки без каблуков и, перед тем как хлопнуть дверью, крикнула: — Я вас всех трансклюирую когда-нибудь!

На улице было тепло и шумно, в лесопарке — многолюдно. Не без труда я отыскала в каких-то кустах небольшую полянку с серым деревянным столиком и двумя лавочками. На лавочке, положив руки на столик, а голову на руки, спал какой-то дядя. Дядя спал тихо, поэтому я присела напротив, достала из сумки ноутбук и поставила его на стол. Открыв монитор, я принялась набирать текст по памяти, не вытаскивая из сумки бумаг. Если что, потом поправлю...

— Чего пишем? — неожиданно изрек дядя, не поднимая головы и не глядя в мою сторону.

— Да так, — неопределенно ответила я, — книгу на заказ.

— Книги на заказ это плохо, нельзя заказывать книги.

— Угу. — Я быстренько перескочила на следующий абзац. — Это не обычная книга, в смысле, не художественное произведение.

— А что?

Дядя поднял давно немытую голову и посмотрел на меня мутноватыми карими глазами.

— Дорожный атлас с комментариями и цветными картами, расширенный и дополненный. Работа нудная, но запла-тят хорошо.

— А посмотреть можно?

— Да, пожалуйста. — Я развернула к нему ноутбук.

Мутноватые карие глаза уставились на испещренную разноцветными линиями карту звездного неба.

— Вот здесь и здесь неправильно, — ткнул он в экран пальцем с обломанным черным ногтем.

— Что? — удивилась я.

— Неверно углы вычерчены, траектория не та.

Я встала со скамейки, обогнула стол и присела рядом с дядей. Да, действительно, небольшое отклонение от градуса.

— Удивительно, — я поспешно принялась исправлять ошибку, — как вы это обнаружили?

— Так видно же, — зевнул дядя. Он вынул откуда-то из кармана, вроде бы брюк, бутылку пива, открыл ее ударом о край стола и предложил мне. Я не отказалась от пары глотков — в мою душу уже закралась счастливая догадка.

— Вы, должно быть, посланы мне Космосом! — прерывающимся от счастья голосом произнесла я. — Вы знаете, что если чего-нибудь очень сильно хочешь, то вся Вселенная работает над осуществлением твоего желания!

Дядя кивнул.

— Вы где живете?

— Там, за гаражами.

— Один?

— С котом.

— Кот тихий?

— Конечно, тихий, с чего ему быть громким.

— Пожалуйста, прошу, можно я поживу у вас пару дней? У меня есть деньги, я заплачу! Вдвоем мы эту работу, глядишь, за сутки и закончим! Вы согласны?

Дядя кивнул, допил пиво и сунул пустую бутылку в карман.

За гаражами обнаружился какой-то то ли разрушенный, то ли еще недостроенный дом — это не имело принципиального значения. Я воодушевленно полезла в эти руины вслед за отягощенным пакетами с пивом, рыбой и еще какой-то едой дядей. Я купила ему провизии на все средства, что имела при себе. Он привел меня в довольно чистую и практически целую комнату. Матрац в углу, три деревянных ящика.

— Прекрасно! — одобрила я. — То, что нужно! А куда можно присесть?

— Куда угодно. За столом, думаю, будет удобнее. — Он указал на ящики.

На один я поставила ноутбук, на другой села сама.

Невероятно, но к полуночи атлас был готов! Я даже глазам своим не поверила, когда поняла, что написала комментарии к последней карте. Надо же, а я была уверена, что работы минимум на неделю! Вот что значит поработать в спокойной обстановке!

— Прекрасно, — удовлетворенно улыбнулась я, выключая компьютер.

— Все, да? — Дядя приподнялся на матрасе и сел, отставляя в сторону недопитую бутылку пива.

— Да, работа спасена. — Я убрала ноутбук в сумку и принялась складывать карты. — Вы даже не представляете, как я вам благодарна. Скажите, пожалуйста, что я могу для вас сделать?

— Да ладно тебе, — зевнул дядя, — мелочи.

В окно бесшумно запрыгнул тощий облезлый черный кот.

— Это ваш?

— Ага. — Он оторвал голову рыбе и бросил коту.

— Как его зовут?

— Скот.

— Оригинальное имя. И все-таки, что я могу для вас сделать? Вы просто не догадываетесь, насколько важна эта работа и для меня, и для заказчиков, мы столько катастроф и столкновений предотвратили, вы не представляете! Я просто обязана вас отблагодарить, вы спасли все дело.

— Да ничего мне не надо, — снова зевнул дядя, — у меня все есть, я всем доволен. Ты иди домой, уже поздно, семья заволнуется.

Семья... у меня прямо все зубы зачесались. Как-то я о них и забыла совсем. Уже и папа с тетушкой наверняка приехали, доедают исключительный дядюшкин ужас... то есть ужин... О-о-ох-х-х-х-х...

— Да, действительно, — пробормотала я, — мне пора домой, а то такое начнется... В последний раз спрашиваю, чем я могу вас отблагодарить?

— Всего хорошего. — Он поудобнее устроился на матрасе.

— Ну ладно, — вздохнула я и произнесла: — Спать.

Дядя замер, кот насторожился.

— И ты иди к своему хозяину, ляг под бок и тоже спи.

Скот все аккуратно исполнил.

— Вы не понимаете, — покачала я головой, — я обязана вас отблагодарить, иначе нельзя, иначе будет против законов Космоса.

Я подошла к неподвижно лежащему дяде и присела на корточки рядом.

— Ну не может быть, чтобы вам совсем, совсем ничего не нужно было, какая-нибудь мечта у вас обязательно должна быть. Непременно.

Над головой спящего вспыхнул ореол лилового свечения, быстро замелькали картины. Я внимательно вглядывалась в них, допивая остатки пива из бутылки. Когда ореол исчез, мне оставалось только развести руками и покачать головой. Ну надо же, какая ужасная мечта у человека! Ну что поделать, она была единственной, и мне пришлось ее исполнить. Взяв с ящика свою сумку, я сказала на прощание коту:

— А тебе не мешало бы стать покрасивее. Пока, привет хозяину.

Дмитрий проснулся внезапно, резко, будто кто-то ударил его под дых. Еще плохо соображая спросонок, он сел на кровати, озираясь по сторонам. Слышались приглушенные голоса. Откинув одеяло, он бросился к этим голосам и замер на пороге кухни, будто натолкнулся на невидимую стену.

— Доброе утро, Димочка, а я уже тебя будить хотела. Даня, скажи папе доброе утро.

— Доброе утро, па!

Без сил привалившись к дверному косяку, он смотрел, как Алла готовит завтрак, как сидит за столом, болтая ногами, Данька.

— Дима? — Алла накрыла сковороду с яичницей крышкой. — Дим, что с тобой?

— Да так... — хрипло ответил он и откашлялся, — что-то сердце прихватило...

— Сердце? — заволновалась Алла. — Даня, ну-ка иди к себе, кровать убери.

— Ну ма-а-а-а!

— Иди, иди.

Малыш нехотя выбрался из-за стола.

— Дим, садись скорее. Тебе помочь? — Алла спешно распахнула окно. — Сюда, к воздуху, я сейчас валокордин...

Дмитрий тяжело присел на стул и жестом показал, что ничего не надо.

— Надо «скорую» вызвать, ты белый, как стена!

— Алусь, — прошептал он, — не надо, сядь, сядь, пожалуйста.

Она опустилась на краешек стула, с беспокойством вглядываясь в лицо мужа. Минуты три прошли в молчании.

— Может, чаю налить?

— А? — очнулся Дима. — Что? Чаю? Да, чаю... с удовольствием выпью чаю.

Жена поставила перед ним желтую чашку с дымящимся черным чаем, сверху плавала долька лимона.

— Алла, мне такой сон ужасный приснился, кошмар самый настоящий, да такой реальный — не передать словами.

— И что приснилось? — Она налила чаю и себе. — Если сон дурной, то надо рассказать его кому-нибудь до обеда и он ни за что не сбудется.

— Ты знаешь, мне никогда не снились сны, ну, может быть, они, конечно, и снились, а я их не запоминал, а тут... — глотнул крепкого сладкого чая. — Представляешь, приснилось, что мы все вместе поехали за город, и на трассе нас подрезала какая-то пьяная сволочь. Вы с Данькой погибли, а на мне ни царапины. Я вас похоронил и запил, да так запил, что из института меня выгнали, не сразу, конечно, сначала из завлаба перевели в рядового сотрудника, потом в лаборанта, а после и совсем вышибли. Все пропил, даже квартиру, бомжем стал, не смог с болью справиться, понимаешь? Хотел умереть, но одним махом всё никак не получалось, так и жил, каждый день умирая.

Он замолчал, глядя на желтую чашку.

— Господи, Боже мой, — выдохнула Алла, — и вправду кошмар... А дальше что?

— Ничего, проснулся.

— Мне прямо не по себе, — повела плечами Алла и, обернувшись к плите, выключила газ. — Давай не поедем сегодня за город.

— А... собирались? — поднял на нее взгляд Дмитрий.

— Ну да, на дачу к Вельяминовым грибы собирать.

Он выскочил из-за стола и бросился к окну. На стоянке перед домом мирно стояли зеленые «Жигули».

— Дим, — подошла и обняла его за плечи жена, — ну, что ты, это же был всего-навсего сон, да, согласна, ужасный, но — сон. Только и всего. Я сама от него под впечатлением, поэтому сегодня никуда не поедем, поедем в другой раз.

— На электричке... — почти беззвучно пошептал Дима.

— Что? Я не расслышала.

— Поедем, говорю, на электричке, а это, — он ткнул пальцем в стекло, — продам. Завтра же дам объявление.

— Ма! Па! — донесся голос Даньки. — Смотрите, чего у меня есть!

Едва удерживая, Данила тащил на кухню огромного лохматого черного кота. Толстый котище не сопротивлялся, он покорно висел в объятиях мальчика и сонно жмурился.

— Ох, какой красавец! — воскликнула Алла. — Ты где его взял?

— У нас тут был.

— В квартире? — удивилась Алла.

— Да.

— Как же он сюда попал? Может, в окно залез... а дверь входная закрыта?

Даня кивнул.

— Ма, па, мы же оставим его себе, а?

— Даничка, скорее всего это чей-то кот, смотри, какой он пушистый, упитанный, он явно не уличный, хозяева будут его искать.

— Ну, ма-а-ам! — заныл мальчик. — Ну, пожа-алуйста! Давай оставим, я назову его Черныш!

— Я не против, но что скажет папа?

Папа молчал и, не моргая, смотрел на кота.

— Дима? Дим!

— Что?

— Оставим кота? Смотри, какой красавец! Если, конечно, найдутся хозяева, вернем зверя, а пока пусть у нас живет, ты не против?

— Нет, — медленно качнул головой он, — не против.

— Ура! — обрадовался Даня и опустил кота на пол. — Ма, дай молока, Черныша пора кормить!

Улыбаясь, она достала из холодильника пакет молока и протянула сыну.

— Алла.

— Что, Дим?

— Иди сюда.

Он крепко обнял ее.

— Если бы ты только знала, как же я вас с Данькой люблю, — прошептал он ей на ухо.

— И мы тебя любим, — шепнула она в ответ. — А как же иначе? Ведь мы же семья.

27 октября 2003

Александр Тюрин

РОЖДЕННЫЙ ПОПЗАТЬ?

1

Разбег по тротуару, толчок на канализационном люке, три шага по стене вверх. Затем прыжок и он неловко завертелся вокруг собственной головы где-то на уровне второго этажа.

— Не так, Михаил Иванович, — раздраженно бросил инструктор. — Стена каменная, значит, надо двигаться по касательной к силовым линиям, то есть как бы боком. Она же отбрасывает сильнее, чем кирпичная.

Михаил остановил вращение, энергично работая ногами. Попытался восстановить самообладание, глубоко втянув воздух, но неуверенность копошилась где-то под горлом, словно сороконожка.

— Теперь разгоняйся, — поторопил инструктор, — тут восходящая силовая линия.

Михаил несколько секунд бежал по восходящей линии, как будто неплохо, но потом соскользнул, да прямо в нисходящую кривую, и беспомощно кружился, пока его не поймал инструктор и не забросил на площадку отдыха.

Пригорюнившийся летун висел в воздухе над кроной мощного тополя, стараясь не делать лишних движений. Рядом курил инструктор, иногда выписывая ведьмовские восьмерки, то ли показывая класс, то ли пытаясь снять нервное напряжение.

— Миша, ты же знаешь, что я против тебя ничего не имею, но мне кажется, что мы не сможем больше заниматься. Иногда ты как будто осваиваешь новый материал, но к следующему занятию все по нулям. И мы опять начинаем с азов. Извини, но я перестаяю себя уважать после таких провалов.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Михаил, в голове которого все мысли превратились в бесполезную труху.

— Не знаю. Попробуй обратиться к другому инструктору, более терпеливому. Но мой тебе совет: брось ты это дело. Летать совсем не обязательно... Ладно, на сегодня все. Двинулись обратно.

На обратном пути ему даже показалось, что у него кое-что получается. И плавные подъемы, и резкие спуски, и даже крутые повороты у высоких сосен и тополей. Может, все-таки инструктор изменит свое мнение?

Не изменил.

— Ну счастливо, Миша, — сказал он, едва их ботинки коснулись земли. И явно поспешно взмыл вверх. Инструктор еще раз мелькнул в смутном вечернем воздухе, среди ветвей, словно нарисованных на лиловом небосводе, и, резко изменив направление, исчез за крышей ближайшего к аллее дома.

Миша посмотрел на свои ноги. Они крепко и прочно, как столбы, стояли на потрескавшемся мокром асфальте. Тяготение держало его словно клещами. Ему сейчас казалось, что он только-только поднял веки и недавний учебный полет был просто сном, таким же, как и сотни других снов, в которых ему открывались небо и простор...

Впереди на аллее у закрытого киоска просматривалось несколько неясных фигур. Кажется, пара из них направились к нему. Миша поспешил выйти из прострации и, резко развернувшись, зашагал в противоположную сторону. Потом на секунду замер. Нет, он не ошибся, за ним топают два грузных тела.

— Эй, тормозни, браток, возьми на буксир. Стой, тебе говорят, баран.

Это к нему обращаются? Бежать или не бежать? Топот усилился, значит, они догоняют его. Теперь точно бежать, удирать изо всех сил.

Всего несколько минут назад эти распоясавшиеся ублюдки были просто едва заметными пятнышками внизу, с такой же нулевой ролью в его жизни, как у букашки и таракана. А теперь они нагоняли его, и он понимал, что уже ничего не может выжать из своего подержанного опорно-двигательного аппарата, из изношенных суставов, из надрывающейся дыхалки. Он уже задыхается. Пытаясь втянуть кислород, он инстинктивно поднял лицо к помрачневшему небу и увидел там несколько светлячков. Это те, которым открыт простор и свобода...

Удар ногой пониже спины бросил его на дорогу. Только не лежать — забьют. Он поднялся, опираясь на израненные об асфальт ладони. И тут удар в затылок вбил его обратно. Сквозь отупение проникала резкая боль и солоноватый привкус крови во рту.

Миша стал приподниматься снова, видя, как топчется рядом с ним пара крепких ног, как приплясывает другая пара в никогда не чищенных ботинках. Носок ботинка отходит назад, чтобы... И тут какой-то светлый вихрь налетел на него.

Михаил успел заметить, как отшвырнуло одного ублюдка и брыкнулся на спину другой, даже слетели с его ног замызганные башмаки.

А вихрь оторвал его от земли, пронес сотню метров по аллее, свернул на пересекающую улицу и отпустил.

Миша удержался на ногах, хотя с трудом. Рядом стоял Петя. Юнец, сопляк, который пять лет назад был его студентом, которому он натянул четверку на экзамене. Глуповатый, комичный, однако счастливый владелец летательско-водительских прав.

— Спасибо, Петя.

— Не за что, Михаил Иванович. Вы что, права дома забыли?

— Нет у меня прав, Петр. Как не было, так и нет. А деньги раньше были, но теперь и их не стало. Все забрали проклятые инструктора.

— Ну давайте я вас потренирую, Михаил Иванович. Бесплатно... В конце концов четверку вы мне поставили тоже совершенно бесплатно. Ха-ха.

— Действительно смешно. Но, увы, я могу летать только в сопровождении инструктора.

— А если втихаря, где-нибудь на пустыре? Короче, все вы, доценты, смелые только в аудитории.

2

Разбег, толчок, трасса подхватила и понесла его. Теперь получить ускорение, пробежавшись по карнизу... Черт, нога застряла на карнизе. Неловко дернувшись, Миша полетел вниз головой и был остановлен лишь в трех метрах от земли. Управление взял на себя Петя.

— М-да, этак вы себе какой-нибудь член сломаете в трех местах и заодно меня угробите. Михаил Иванович, ну что ж вы забыли, что на карнизах нельзя семенить и смотреть под ноги. Скользнуть и все.

— Не забыл, я не забыл... Темнота, не сконцентрироваться никак. Мысли посторонние моторике мешают. Давай снова.

— Можно, конечно, и снова. И так двадцать пять тысяч раз. Но Миха...

— Извини, Петр. Я увлекся. Живет же девяносто девять процентов народонаселения без этих летательских прав. Живет и не тужит. Девяносто девять процентов населения не хочет нарисовать Мону Лизу, не хочет написать что-нибудь по поводу «чудного мгновения». А оставшийся один процент чего-то хочет, то ли нарисовать, то ли написать, то ли полетать. К своему глубокому сожалению, я отношусь к этому одному проценту.

Они сидели на толстой ветви старого дуба неподалеку от старого кладбища. И издалека их можно было принять за двух воронов.

— Михаил Иванович, я вас понимаю. Мне тоже хочется чего-то такого, непростого. Я тоже не люблю, когда мне вклады-

вают в рот и говорят «жуй», будь то еда, развлечения, музыка и тому подобное. Да, летательские права я довольно легко получил, но вот права на хождение сквозь стены — для меня тоже проблема... Короче, есть у меня, вернее, были кореша, нехорошие такие, скользкие. Я могу дать вам их координаты. Вы им только ни в коем случае не сообщайте мой адрес...

— Что за кореша, Петя?

— Эти люди могут все. Даже левые права сделать. Естественно, что они кое-что потребуют взамен и, возможно, немало.

Миша посмотрел на свои ноги, болтающиеся в воздухе. Какой-то жалкий десяток метров отделяет их от земли. Если он сейчас прыгнет с этой ветки, то просто полетит, обдуваемый легким вечерним ветерком, но если сделает то же самое завтра, уже без Пети, то превратится в мешок костей.

— Давай их координаты.

3

Миша приоткрыл скрипучую дверь старого гаража. И вначале не заметил никого. Несколько позднее взгляд остановился на чьих-то ногах, торчащих из-под ветхого «кадиллака». В гараже стояла еще одна машина, чуть поновее, но тоже со следами коррозии и сварки. И только мотоцикл «сузуки» выглядел неплохо, сияя всеми поверхностями.

— Хм, — намекнул Миша на свое присутствие.

Человек неторопливо выкатился из-под машины.

— А, это ты, — сказал он, вытирая руки тряпкой. Выглядел он, как состарившийся рокер. Длинные редкие и седые волосы, некогда грозные татуировки на предплечьях из имплантированного под кожу оптического волокна, грязные кожаные штаны.

— Мы, кажется, не знакомы, — напомнил Миша.

— Какая разница. Это ты и тебе чего-то надо. Ну, не тани.

— Возможно, я ошибся.

— Не ошибся, тебя Петька послал. Еще один мой должничок. Я его не забыл, как бы ему этого ни хотелось.

— Я интересуюсь... летательскими правами.

С самого начала этот тип, который назвал себя Спайдером, производил впечатление цепкого, липкого, нечистоплотного. Почти сразу Миша пожалел, что открыл дверь гаража. Тут все такое запущенное и ржавое, какие уж летательские права.

Но неожиданно в руке у Спайдера заблестела маленькая металлоорганическая пластина с как будто протравленным узором. Рокер подошел поближе, аккуратно расстегнул верхнюю пуговку на рубашке Михаила и размашисто, с понтом, прилепил пластину ему на грудь.

Что-то тут не то. Наверняка права недействительные. Но как будто слегка отогрившись на груди, права мигнули огоньками индикаторов. Вначале красного, стартового, потом синего. Они функционируют. Синий огонек стал насыщенным ярким. Значит, поступает энергия. Зажегся и зеленый огонек, то есть активизирован пользовательский скин-интерфейс. Летательские права были готовы к полетам.

— Вот и все, — сказал Спайдер и подмигнул, — пользуйся на здоровье и помни мою доброту. А если забудешь, то здоровье твое может быстро испортиться.

— Сколько я вам должен? — собрав всю твердость, спросил Миша.

— Хочешь сказать, что у тебя денег много. Позволь не поверить. По прикиду вижу. А на чай давать мне не надо. Теперь ты мой должник, так же, как и Петя-петушок. А теперь лети отсюда, голубь сизокрылый, и, кстати, Петьке привет передавай.

4

Главное, не лихачить, и тогда никто ничего не заподозрит. Многие же летают спокойно, без крутых виражей, без крутого набора высоты. Вот так. Миша полетел, ориентируясь на позолоченный шпиль собора, потом стал снижаться,

чувствуя себя несколько зажатым, как будто в ледяном жёлобе. Скорость сбросить не удавалось, а ещё шпиль, обладающий отталкивающей силой, сейчас начнет его разгонять. Словно бы холодная лапка ящерики скребнула Мишу по сердцу — ему не справиться, он же бездарь — сейчас бы надо лечь на бок, как делают опытные летуны, и тормозить ногами о невидимую «стенку» трассы. Резко выдохнув, он перегруппировался.

Но следующее движение оказалось судорожным, его крутануло вокруг оси, а потом шпиль с колоссальной упругой силой бросил его вперед. Миша вылетел с трассы и несколько секунд ничего не соображал — так все мелькало перед глазами, его кружило вокруг нескольких осей и несло с нарастающей скоростью, резко плескались внутренние жидкости под действием инерционных нагрузок. Сквозь прострацию проступало острое чувство — он пропал. Сейчас его размажет по стене какого-нибудь дома или заарканит летная полиция, а потом строгий суд и тюрьма на многие годы. Простая постсоветская тюрьма. Хотевший летать будет ползать у параши.

Неожиданно его полет был стабилизирован, он прекратил вращаться вокруг нескольких осей, а потом что-то погасило и его скорость.

Не что-то, а кто-то. Какая-то девушка держала его за руку, и дополнительный желтый индикатор показывал, что она взяла управление на себя.

Миша помотал рукой. Это может заметить полиция. Или девушка сама его заложит.

— Да что с тобой? Гордый, что ли? — В голосе девушки просквозила обида. — Ну уж эти мужики, адреналинщики чертовы. Представляю, что ты вытворял перед шпилем, раз тебя так раскрутило.

— Нет, то есть да. Повывтворял немножко, — соврал Миша и почти не ощутил стыда.

Она отпустила его руку. Желтый индикатор погас. Управление вернулось к нему. Они летели по прямой над Гореховой улицей. Он видел ее профиль и линию груди. Профиль был точеным, а линия мягкой. Сейчас надо было или развернуться от нее в другую сторону, или заговорить.

— Извините, сударыня, я немного резко с вами. Настроение ни к черту.

— У меня тоже кисляк бывает. Правда, не слишком часто, всегда ж можно полетать, развеяться. Кстати, меня Маня зовут, — незайтливо представилась она.

— Меня — Миша, хотя студентки вашего возраста меня так не называют.

— А, профессорско-преподавательский состав. — Она кокетливо ткнула его кулачком в бок. — У себя в институте я всех доцентов ненавижу. Но ты, кажется, ничего.

Маня понравилась Мише. Красивая, но без заносчивости и прочих выкрутасов. Девушка не без озорства, однако не наглая.

Через десять минут они сидели в небольшой летной кафешке на крыше генерального штаба. Сквозь легкую дымку сияла Дворцовая площадь, по которой, казалось, ползали человекообразные насекомые.

— Вот смотрю я на них, — поделилась Маня, махнув изящно вылепленной ручкой в сторону площади, — и жалею. Как они могут жить? Все время на одной плоскости. Жрут, спят, спариваются, унижают друг друга. Плоское существование, плоские мысли.

— Ну они просто не знают, что такое свобода. Им проще. Жалко того, кто почувствовал вкус свободы, но так и не получил ее.

— Только нам все его страдания по фонарю. — И тут же она по-женски непринужденно переключилась на другое: — Ты один живешь, доцент Миша? Или с кем-то?

С мамашей. Смешно даже сказать такое. Была квартира, да уплыла к бывшей жене. Не обидно, конечно, у них же общий ребенок. Не обидно было до сегодняшнего вечера, когда он Маню встретил.

— Понятно. У меня тоже там один фрукт дома сидит. Но мы же с тобой пернатые. Полетели.

Он старался держаться за ней, как бы в знак вежливости, но так было намного проще. Даже создавалось впечатление, что он вполне нормальный летун. Когда они пролетали над царскосельским парком, его немножко побросало — кроны деревьев давали сильную пространственную зыбь, —

но он справился. На несколько секунд зависнув в воздухе, она поймала его и поцеловала.

— Извини уж, что я первая. Но ты такой... короче, знаю, что не скоро решишься. Так что сэкономим время.

— Нет, это ты извини, — отозвался Миша, все еще находящийся под воздействием поцелуя, — и спасибо за экономию.

Она подлетела к стене какого старинного особняка, поднялась вертикально вверх, скользнула вдоль крыши и юркнула в узкое оконце.

— Давай-ка сюда, я почти скучаю.

— А где ты?

— В мансарде подружки. Ее сейчас дома нет.

Миша подлетел к стене дома, стал подниматься вертикально вверх... и крыша сбросила его вниз. Старинная крыша из олова с пространственным знаком отталкивания. Ему стало все понятно. На самом деле Маня совершила довольно сложный маневр, набрав ускорение на участке вдоль эркера, а затем изменив направление с помощью волны, которую испускало близлежащее дерево. Это ему не под силу. Уже не веря в победу, он набрал высоту и попробовал опуститься на крышу сверху, но та снова отшвырнула его прочь.

— Я не могу, — грустно признался Миша.

Из оконца появилось милое лицо Мани.

— Дурак ты, доцент. Правильный, как мумия. Страх перед соблазнением студентки превыше всего. А мне, между прочим, двадцать семь — я на каждом курсе по два года сидела.

— Я не могу, — повторил Миша.

— Ну и катись. — Она подобно пушечному ядру вылетела из оконца, едва не протаранив «доцента», и, заложив лихой вираж, исчезла за углом дома.

Прирожденная валькирия.

Миша опустил на землю, обессиленный, даже раскисший. Отдать эти чертовы права, забыть о них.

Он снова поднялся в воздух и через минут двадцать оказался над гаражом, где он встретился со Спайдером. Гараж был закрыт. Он заглянул в щель, внутри не было ни автомобилей, ни мотоцикла «сузуки». Ладно, надо к Петру. Тот наверняка знает, как найти Спайдера.

Миша летел плохо, даже хуже, чем пару часов назад, до встречи с Маней. Но теперь это мало волновало его. Средний проспект, дом семь, второй этаж. Лучше не звонить. Он поднялся к окну, хотел было постучать в стекло — и замер. Рядом с окном, из стены, торчали ноги мертвеца. Прямо из кирпичной кладки. Миша узнал по характерным протекторам ботинки Петра.

Петя хотел права на хождение сквозь стены. И Спайдер помог Пете, но по-своему.

5

Снизу бибикнул автомобиль. И хотя Миша понимал, что лучше сейчас лететь куда глаза глядят, он опустил вниз и сел в салон.

За рулем был Спайдер, призрачно светилась оптоволонконная татуировка на его руке — сплошь сатанистские знаки.

Позади сидели еще трое, одеты как рокеры, но неразличимы во мраке — просто сопящие массивные тени.

— Пора должок отдавать, Мишель. Вот, к примеру, Петя стал вилять и не совсем удачно пролетел сквозь стену...

— Я лучше отдам права, Спайдер.

— У меня не магазин. Товар назад не принимается.

— Что вы от меня хотите, Спайдер? Вы же сами сказали, что мои деньги вас не интересуют.

— Конечно, не интересуют. Зачем нам твои деньги? Деньги у нас у самих есть. Нам другое нужно. Ты же единственный крылатый среди нас. Созданный для полета, как мы для ползания. Кроме тебя, воробушек, некому проникнуть в Центр управления полетами.

— Зачем?

— Чтобы уничтожить его. Звучит несколько грубо, согласен, но таково веление времени.

— Да пошли вы. Предлагаю вернуть разговор в конструктивное русло.

— Можно и в конструктивное. Ты, случаем, целлофановый пакетик со льдом не захватил? — спросили с заднего сиденья и тут же ответили: — А то ведь если мы тебе яйца оторвем, то можно будет еще их сохранить и пришить обратно.

Миша попытался вылезти из машины, но его остановила железная рука Спайдера и ствол кого-то из тех, кто сидел позади.

— Тебе не стоит так ерепениться. Мы же исполнили твое заветное желание, поэтому ты, как честный человек, должен исполнить наше. В противном случае мы тебя так замочим, что мало не покажется. Ты еще Пете завидовать будешь. Нам уже известно, где проживает твой драгоценный сынок. Вначале пострадает он, потом ты. От пострадавшего вначале будет много крика и вони, а в конце вряд ли что останется.

Страх так смял грудь Миши, что он едва мог продохнуть. Ему показалось, что все четыре рокера являются личинами одной ледяной безжалостной твари.

— Господи, будь по-вашему. Но я едва умею летать. Как я проникну в центр, который находится на вершине какой-то горы? Да я сто раз разобьюсь по дороге.

— Да ты не скромничай, архангел Михаил. Возможно, ты едва умеешь летать, но для нас ты — кондор. Кроме того, ты будешь знать, что цена твоей ошибки окажется очень высока и это обострит твои летательные способности.

— Зачем вам это нужно, Спайдер? Это абсолютно иррационально. Ну, понимаю, хотели бы вы ограбить автомагазин...

— Это абсолютно рационально, доцент. Единственное, что движет основной массой людей, — это зависть, желание быть не хуже. Глядя на парящих в небе ангелов, мы видим, что мы навеки хуже, что мы просто ничтожества, человекообразные насекомые. Это страшно унижает нас, не дает жить, работать, развиваться. У всего народа, за исключением ничтожного процента летунов, нынче депрессняк. Что уж говорить о рокерах.

— Мы злые, в нас адреналин плещется, — с заметным кавказским акцентом сказал некто с заднего сиденья. — Только внизу мы уже добились всего. Внизу мы уткнулись, понимаешь, в предел, за которым верный капец, а наверх нам не попасть. И это несправедливо. Поэтому мы будем резать ангелам крылья.

И хотя Мише было жутко, он не смог удержаться от замечания.

— Но есть же люди, которые преодолевают все границы и проникают во все новые измерения силой своего духа, а не с помощью бега, прыжков и тому подобной ерунды.

— Что за люди, почему не знаю?

— Ну, художники, литераторы, — пояснил Миша и получил по физиономии от Спайдера и по затылку от кого-то сидящего сзади.

— Мы дешевого базара не любим. Сколько этих, блин, литераторов, которые проникают во все новые измерения? Да, считай, нисколько. Один-два-три, меньше, чем волос на лобке у моей бабуся. Остальные списывают друг у друга. Так что кончай это дешевое повидло нам намазывать.

Спайдер тронул машину с места и помчал по встречной полосе.

6

Ветер свистел, как тысяча распоясавшихся хулиганов. Миша сидел на карнизе семидесятого этажа самого высокого питерского небоскреба. Серый и тоскливый, как горгулья. Центр управления полетами располагался не на вершине горы, потому что ему требовались нормальные средства связи, обслуживающий персонал, охрана, электропитание. Но он находился достаточно высоко. И проникнуть туда мог только человек с летательскими правами, ну и кодом доступа. И то, и другое Миша получил от Спайдера.

Полночь. Миша соскочил с карниза и потянулся вдоль стены вверх. На последних трех этажах не было окон, но был канал трансатомной проницаемости — он должен был пропустить Мишу сквозь стену. Если, конечно, код доступа окажется правильным.

Миша приложил руку к стене и по скин-интерфейсу стал передавать мыслевизуальные символы, составляющие код доступа, — кот, орел, кошка, цифра семь...

И тут стена втянула его. Через какое-то мгновение — а в это мгновение атомы его тела были переформатированы и снова возвращены в исходное состояние — он уже стоял по ту сторону стены. Он сразу заметил, что ЦУП внутри куда больше по размерам, чем это представляется снаружи. Видимо, используется техника трансконфигурирования пространства.

Миша прошел по коридору, который как будто пролегал по горизонтали, но в итоге оказался под куполом, явно находящимся на стационарной орбите, на высоте несколько тысяч километров над поверхностью Земли. Все ясно — телепортационная трубка, она поддерживает весь купол одновременно в двух состояниях, на Земле и в космосе. Отсюда были видны небесные трассы, которые использовались летунами. Трассы проходили не только в атмосфере Земли, но и в ближнем космосе, а некоторые уходили еще дальше. И на этих космических дорогах были заметны светлячки, движущие в сторону Марса и Пояса Астероидов.

И хотя Миша не был физиком, он догадался, что трассы были сложными каналами, проложенными в нелинейном «рельефе» пространства с учетом его различных зарядов и знаков. По этим же каналам передавалась энергия «скольжения» на транспортно-коммуникационные чипы, которые и назывались летательскими правами.

И вся изощренная сеть пространственных трасс поддерживалась квантовым гиперкомпьютером, находящимся в ЦУПе. Его как раз собирались вывести из строя Спайдер со товарищи. Но для начала Миша должен был «войти» в систему управления и деактивировать периметр безопасности, после чего рокеры могли бы проникнуть в ЦУП снизу, со стороны небоскреба.

Миша еще раз глянул на звездное небо и подумал, что прекрасно понимает Спайдера. Кто-то может купаться в закатных лучах солнца и резвиться в сияющих кольцах Сатурна, а кто-то навсегда придавлен к земной тверди, словно получил срок пожизненного заключения в оковах земного тяготения.

Под куполом были еще люди, техники, операторы, но никто из них не обращал никакого внимания на Мишу, каждый был занят своим делом. Доцент-диверсант подсел к терминалу с надписью «техническая служба» и его пальцы вошли в

сплетение лазерных лучей, представляющих новомодную клавиатуру. Код доступа открыл Мише вход в систему управления и ему ничего не стоило найти кристалл подсистемы безопасности на голографическом экране. Летуны явно не могли себе представить, что в штабе окажется злоумышленник, поэтому вход в подсистему практически не был никак защищен, за исключением простеньких паролей, которые можно было легко отыскать в протоколах работы системы.

— Причина отключения периметра безопасности? — спросила подсистема.

— Профилактический осмотр поражающих элементов.

— Периметр безопасности будет отключен через тридцать секунд на пятнадцать минут. Для более продолжительного отключения вы должны обратиться за полномочиями более высокого уровня к системному администратору.

Объемная фигура, представляющая на экране периметр безопасности, сменила свой цвет с красного на голубой. Все. Отключено. Назад дороги нет. У Миши сдавило горло. Он не просто преступник, он герострат вселенских масштабов.

Раздался сигнал тревоги. И одновременно слышались приглушенные звуки стрельбы. Операторы, находящиеся под куполом, не стали метаться в панике, часть из них направилась к аварийным выходам, другие просто остались на своих местах. Двое сотрудников секьюрити вытащили оружие, короткоствольные пистолеты, что стреляют кассетными пулями с большим останавливающим действием.

Открылась центральная дверь и в зал сыпанула братва в кожаных штанах и куртках. От первых же выстрелов заложило в ушах, полыхнуло какое-то оборудование, сработала система пожаротушения и все пространство под куполом заволокло паром и дымом. Когда пуля свистнула рядом с ухом, Миша не выдержал и, опустившись на пол, пополз туда, где как будто имелся аварийный выход. Сверху просыпался дождь из горячих стеклянных осколков. И тут же ладони были изодраны болью и залиты кровью.

И хотя поверх головы били пули, он аккуратно провел пальцами по полу, пытаясь смести осколки со своего пути. Миша увидел стыки — пол явно состоял из отдельных сек-

ций — с помощью ногтей и перочинного ножа ему удалось выдернуть одну из них.

Открылся подпол, через который проходили оптические кабели.

Соскользнув вниз, Миша на четвереньках преодолел еще несколько метров и остановился, когда увидел под собой решетку — сквозь нее просматривалось нижнее помещение. Решетка не оказала никакого сопротивления, Миша поднял ее, отбросил и спрыгнул в открывшийся проем. Наверху загромыхали тяжелые ботинки — похоже, что рокеры шли следом. Какой-то человек, крепкий как бульдозер, отшвырнул Мишу и начал стрелять вверх. Доцент-диверсант, исчерпав заряд решительности, просто стоял и смотрел, как снует затвор и вылетают гильзы из пистолет-пулемета. Через несколько секунд вниз рухнули два истрепанных пулями тела.

Человек-бульдозер потащил Мишу за рукав, в вентиляционный штрек, потом столкнул в шахту, по счастью, неглубокую. Они оба оказались в помещении, заполненном прохладным сумраком и жужжанием мощных охлаждающих систем.

По центру прямо в воздухе парил небольшой черный тетраэдр.

— Вот что им нужно, и я их понимаю, — сказал неожиданный напарник Миши. Над карманом форменной куртки у них висел бэдж с надписью «испытатель». — Ты из второго технического отдела? Я там не всех ребят знаю.

— Из второго, — безропотно подтвердил Миша.

— Значит, справишься. Я сейчас демонтирую из левитационной стойки процессор, но оставляю в работе его ядро и всю коммуникационную периферию. А ты берешь процессор обеими руками и дуешь по аварийной космической трассе на памирскую резервную базу. Всего лишь двадцать тысяч километров. На трассе поддерживается нормальное давление и температура воздуха, так что никакого дополнительного жизнеобеспечения тебе не понадобится. Все ясно?

— Да, то есть нет. А почему вы сами не можете это сделать?

— Потому что я солдат и должен бить гадов, а ты гражданское лицо и должен удирать, причем с пользой для дела.

Испытатель провел пальцами по воздуху, очевидно, работая с виртуальной клавиатурой, и через несколько секунд теплая пирамидка гиперпроцессора уже лежала в руках Миши.

— Давай, парень. Выход «А».

На Мишу посмотрело дуло пистолет-пулемета. Испытатель угрожает ему? Но дуло сместилось, чуть в сторону. И за звуками выстрелов последовал грохот падения.

На фасеточный пол улеглось мелко подрагивающее мешковатое тело рокера.

Испытатель подтолкнул Мишу в сторону выхода «А» — резко и даже несколько зло. Миша сделал шаг, чтобы не упасть, потом побежал.

Его тело прошло через мембрану люка, и он оказался в космосе.

Мелькнул и растаял в блестящей тьме купол, исчез верх и низ, рот раскрылся как будто в крике, но ужас, передавив горло, не выпустил воздух из груди.

Сквозь оцепенение сквозила острая мысль. Он падает на планету с ускорением свободного падения. Земля раздувается, как голубой пузырь, но на самом деле он пылающий, красный, сжигающий.

Чувствуются «стенки» пространственного натяжения, но он никогда еще не летал в космосе и не знает, как здесь используется кривизна трассы. А если бы знал, то ему все равно не хватило бы ловкости и реакции. Да еще и этот процессор, который он держит в руках, словно самовар. Вышвырнуть его к черту.

«Пусть вначале сгорит этот сраный процессор и вся глобальная небесная сеть в придачу, а уже потом наступит конец мне».

Миша прижал к груди матово-черную пирамидку, чтобы отбросить ее от себя, и...

7

Пирамидка лежит на его груди, как странный младенец, и словно говорит ему — во мне альфа и омега. Во мне выход к свету и настоящая, не грошовая свобода — не песстрые побрякушки, не разгулявшийся фаллос, не директор-

ский портфель, а свобода новых измерений, где люди будут плавать в лучах голубого гиганта и отталкиваться от багрового сияния красного карлика своими невесомыми крылами. И это будет жизнь его сына, и сыновей его сына, и всего его рода.

Исчезли все лишние мысли, и мысли о мыслях, и остался только вкус полета, чувство пространственной кривизны и ощущение пространственных зарядов. Сунув под мышку процессор, Миша махнул рукой, чтобы изменить момент вращения, и по касательной оттолкнулся ногой от «стенки». Изменив направление, он стал входить в атмосферу Земли по траектории нормального шаттла.

Описав петлю вокруг перистого облака, Миша сорвался в пике, но вышел из него, затормозив на пространственном выступе, покрывающем Скандинавию. А потом он разглядел Питер за блестками Финского залива. Васильевский остров неторопливо выползал из воды, и где-то там должен быть дом на Съездовской...

Миша влетел в окно пятого этажа. И вклеил в стену рокера-бандита, который сидел с пистолетом в руке около испуганного мальчика. Слетела с петель дверь комнаты, и еще один бандит был уничтожен тараном возле туалета уже в коридоре.

— Папка, — закричал мальчик, выбегая в коридор. — Ты летаешь! Не хуже, чем Сережкин попугай!

И протянул руки.

— Сейчас мы к бабушке, — сказал Миша, обнимая шуплое тельце сына. — А потом мне надо ненадолго отлучиться на Памир.

8

Он стоял на берегу залива. Все прошло, как с белых яблонь дым.

Его полеты наяву стали почти что, как его полеты во сне — смутное воспоминание, не более. Хорошо хоть не пришлось в

тюрьме на нарах париться. Он встретил испытателя еще один раз и отдал ему свои незаконные летательские права. Тот, немного подумав, пожал Мише вялую руку и улетел на Марс. В руке у доцента остался подарок — небольшая ромбовидная пластинка, если точнее, права на бег по волнам и хождение по водам.

Нелегальные...

Сейчас Миша сделал шаг вперед, ступил на воду залива и побежал по волнам. Неплохо побежал, это была его стихия.

Максим Дубровин

МЫСЛЕХРАНИТЕЛЬ

1

— ...А ты ему что? — лениво спросил я, теребя сережку со встроенным ментусом.

— А я ему в лоб, — радостно сообщил Вовик.

— А он что?..

— Как что?! — Вовик удивился. — С копыт на фиг слетел!

— Поня-а-а-атно, — протянул я и выпустил дым в потолок. История рассказывалась в восемнадцатый раз, и, утратив к настоящему моменту большую часть красок и кружев, лучше от этого не стала, незначительные вариации повествования не оживляли. Впрочем, и повредить ей уже ничего не могло. Вовик был безнадежным рассказчиком.

— Или вот еще. — Валик шарманки сделал полный круг и включился на повтор. — Подкатили мы как-то с Витьком к двум телкам в кабаке. Ну а тут два ихних кекса из сортира возвращаются и, гляжу, уже рукава закатывают...

Я принялся. Мысли Вовика, как всегда, были распахнуты настежь и благоухали темным «Гёссером» пополам с женским потом.

— ...И прикинь, тут он достает волюну! — История приближалась к апогею, голос Вовика зловеще повысился, аромат женщины поблек и сменился запахом пороха и почему-то коньяка.

— А ты что? — Новое облачко дыма поплыло в сторону форточки.

— А я хватаю со стола бутылку «Хеннесси» и в рожу ему! — Вовик азартно размахнулся воображаемой бутылкой, и его громадный кулак пронесся буквально в сантиметре от моего носа. Бутылка, на мой взгляд, была ни к чему.

— А он?

— С копыт и в отрубе, — привычно закончил рассказ Вовик.

— Поня-а-а-атно.

Скучно. Невыносимо скучно. Осточертевшие истории и коротенькие мыслишки недалекого громила, помноженные на жару и безделье, кого угодно сведут с ума. И все это в помещении, намертво прикрытом «глушилкой», где ментус бьет метра на полтора, и ничье сознание, кроме ближайшего собеседника, недоступно... Вакуум. Лучше бы Немой торчал здесь с ним, а я развлекал в приемной ногастую Юльку.

Щелкнул, включаясь, селектор.

— Саша, Вовик, зайдите ко мне.

Вовик торопливо сдернул ноги со стола и привычным движением затянул на горле ослабленный узел галстука. Будто передавленные этой нелепой на бычьей шее удавкой, испарились запахи коньяка и баб. Пиво, однако, осталось.

— Пошли, что ли? — неуверенно бормотнул он — шефа Вовик побаивался. — Не знаешь, чо там?

Я догадывался, но лишь пожал плечами. Вовик поежился.

— Может, у Юльки спросить?

— Да брось, ничего страшного, прорвемся. — Я ткнул окурком в пепельницу. Успокаивать этого громадного и в общем-то не трусливого человека было неловко.

— Тогда ты первый, — на всякий случай подстраховался Вовик.

Я коротко постучал и, не дожидаясь ответа, открыл массивную дверь директорского кабинета.

2

Анатолий Иванович Дорогой, генеральный директор фирмы с кокетливым и двусмысленным названием «Золото Кортеса», встретил нас, не поднимаясь с кресла. Кивком велел сесть, шеф связался с секретаршей.

— Юленька, Саша и Вовик у меня. Никого не пускай... и пусть Немой зайдет.

— Хорошо, Толиваныч, — пропишала Юля, и связь прервалась.

Я нырнул в сознание шефа и оказался в *кабинете*. Он почти не отличается от реального кабинета директора «Золота Кортеса», но именно почти. Кое-что в нем не так. Это помещение мы обставляли вместе с Анатолием Ивановичем. Во-первых, стены. В кабинете они обычного «офисного» цвета, то есть белые, а в *кабинете* — розовые, так мне легче работать. Пол, потолок, бельгийский несгораемый шкаф, громоздкий директорский стол — это все как в жизни. Справа от стола, на стене, картина. «Рыбалка на Дунае». Это шеф повесил, работа Эмира Кустодицы. Дорогой давно охотится за этим полотном, но пока безуспешно, так что висит оно только у него в сознании, дожидаясь счастливых времен, когда оригинал займет пустующее место на реальной стене. Мне не мешает — пусть висит, у всех свои тараканы.

А за спиной шефа, на том самом месте, где в реальной комнате находится широкое окно, навсегда задернутое гармошкой жалюзи, расположился длинный, во всю стену, стеллаж. Это — мое детище. Стеллаж Памяти. Надежное, стальное сооружение, вырастающее к потолку, выкрашенное в ровный серый цвет и поделенное стальными же переборками на равновеликие ниши. В них ровными рядами располагаются выдвижные ящики.

Каждый — подписан. Вот «Семья», ящик плотно задвинут и даже заперт — не до семьи сейчас. Справа от него «Жанна» — ну что ж, всякий уважающий себя бизнесмен имеет любовницу. Я бросил взгляд на «Детство» — к нему Анатолий Иванович почти не возвращается; а вот «Юность»

приоткрыта, оттуда торчит краешек бейсбольной биты с бурым пятном на конце — опять к шефу мальчишки кровавые наведывались. Я подошел к стеллажу и пропихнул биту в ящик, после чего запер его своим ключом на два оборота — отдохните, мальчишки. Приходится иногда поработать и психотерапевтом. Прошелся вдоль полок, читая надписи: «Банк «Ваш Кредит», «Золото Кортеса», «Саблезубый»... Вроде все в порядке. Бросив последний взгляд на стеллаж, я покинул сознание Дорогого.

Через несколько секунд в кабинете бесшумно возникла сухая костистая фигура Немого. Он был совсем не похож на громилу Вовика, с первого взгляда в Немом легко угадывался телохранитель-профессионал. Человек этот охранял Анатолия Дорогого еще во времена его буйной молодости, когда отчество Иванович знали не все, а употребляли и вовсе единицы. Прозвище свое Немой носил вполне заслуженно, за все время знакомства я не услышал от него и десятка слов.

Первое, что сделал Немой, оказавшись в комнате, — быстро огляделся. Никакой опасности в кабинете шефа он не ожидал, но привычка была сильнее. Нас с Вовиком он, как всегда, проигнорировал. Только себя он считал настоящим Хранителем шефа и втайне недоумевал: зачем Анатолий Иванович держит при себе двух бездельников? Больше всего Немого раздражал я, и понять его было можно. Человек с расплывчатой должностью «консультант по альтернативным методам защиты», постоянно крутящийся вокруг твоего шефа в течение вот уже трех месяцев и не выполняющий при этом решительно никаких функций, вызовет недовольство самого хладнокровного и непредвзятого телохранителя.

— Завтра тяжелый день, нам всем предстоит серьезная работенка, — сказал Анатолий Иванович, обращаясь вроде бы ко всем, но глядя на меня, — поэтому в связи с ожидаемыми сложностями и во избежание дополнительных неприятностей мы с вами сейчас отправимся... в одно место.

Это он Читальню называет «одним местом». Выходит, предстоит мне сегодня глубокое ментоскопирование, в просторечии — головомойка.

— Выезжаем через полчаса, — сообщил шеф, — конечная цель — Глухово. Разработка маршрута на Немом. Вовик

проверит машину. Саша останется со мной, нужно обсудить детали.

— Похоже, завтра все решится, босс, — сказал я, когда телохранители покинули кабинет. Дорогому нравится, когда его называют «боссом», и мне это известно лучше, чем ему самому. Я знаю много подобных мелочей и потому без труда нахожу общий язык с этим сложным человеком.

— Думаешь, план сработает? — Дорогой недоверчиво скривил рот. И без того неприятное, мягкое бульдожье лицо босса украсилось дополнительными складками.

— Если кто-то вообще охотится за вашими секретами, он обязательно объявится.

— Ты все еще сомневаешься? — Дорогой насупился.

— Босс, за те три месяца, что я работаю на вас, не зафиксировано ни одной попытки *проникновения*, — я старался говорить мягко, убеждающе, — хотя мы подготовили и реализовали четыре провокации. Остается положить в капкан реальную добычу, иными словами, ловить *чтеца* на живца.

— Неудачный каламбур, — пробурчал Дорогой. — Ты знаешь, чем я рискую?

— Знаю, — отчеканил я. — Двумя третями вашего состояния, вложенными в акции «Транснефти». Это очень солидный куш, однако вам необходимы еще хотя бы три процента акций, иначе остальные можно будет выбросить на помойку, поскольку контрольный пакет останется у Саблезубого. Единственный неподконтрольный вам и Саблезубому акционер — это банкир Кривицкий, и он вот уже пятый месяц наотрез отказывается уступать свою долю кому бы то ни было. Перебрав все легальные подходы, вы решили его шантажировать. Собранный шпионами компромат лежит в бронированной ячейке банка «Ваш кредит», принадлежащего, по иронии судьбы, Кривицкому. Номер ячейки и код замка передал вам полтора часа назад частный агент... И неужели вы считали, что я этого мог не знать?

Лицо Дорогого налилось кровью.

— Если хоть одна живая душа об этом...

— Мозговой, — прервал я его. — Мозговой может узнать обо всем во время ментоскопирования. Хотя делать этого

почти наверняка не будет, чужие секреты его не интересуют. Анатолий Иванович, мы с вами почти каждый день возвращаемся к этой теме. Всякий раз мне приходится уверять вас в конфиденциальности наших услуг. Неразглашение мыслей клиента — первый пункт в договоре. Ваши методы ведения бизнеса совершенно не касаются мыслехранителя, кроме того, по истечении срока контракта вся информация о вас и вашей фирме будет вытерта из моего сознания.

— Да понял я, понял, — раздраженно ответил Дорогой. — Просто волнуюсь.

Он откинулся в кресле и посмотрел мне в глаза.

— Саблезубый знает, что я задумал, и я уверен, что именно он нанял чтеца. Все, что нужно, — выкрасть мой план, стереть его отсюда, — он постучал себя по макушке, — и воспользоваться самому. Идеальное преступление!

— Не волнуйтесь, босс, риск минимален, — заверил я, спокойно выдержав взгляд Дорогого. — Вы только еще раз проинструктируйте ребят. Особенно Вовика.

— Да уж разберусь. Ладно, спускайся вниз, я скоро.

3

Анатолий Иванович Дорогой, помимо того что был человеком мудрым и предусмотрительным, обладал поистине волчьим чутьем на опасность. Это редкое по нынешним временам сочетание качеств позволило ему счастливо пережить бурную дворовую юность, не менее горячую ларечно-кооперативную молодость и давало надежду на спокойную старость.

Но с некоторых пор стал Анатолий Иванович замечать за собой странности. То он забывал подписать важные бумаги, положенные Юлей на стол, то вдруг ни с того ни с сего откладывал заключение долгожданного контракта на несколько дней, а то и вовсе отказывался от многообещающих сделок без видимых причин. Непоследовательность и нелепость этих поступков встревожила Анатолия Ивановича.

ча, и он, никогда не страдавший излишней паранойей, решил, что к нему присосался чтец.

Придя к этому заключению, Дорогой не раздумывал больше ни мгновения и был абсолютно прав — если чтец существовал не в одном лишь его воображении, то в любую секунду он мог узнать об этих подозрениях. Анатолий Иванович набрал номер Читальни, и через час в его кабинете был установлен ментальный подавитель, по-простому — «глушилка», а в небольшой комнатке между кабинетом и приемной новый сотрудник фирмы выслушивал пахнущую пивом и бабами историю Вовика. А никто и не говорил, что работа мыслехранителя легкая.

Вообще-то афишировать мне себя нельзя. Истинная деятельность мыслехранителя должна была оставаться для сотрудников фирмы тайной за семью печатями. Официально должность звучала нейтрально: то ли «консультант по общим вопросам», то ли «специалист по альтернативным методам защиты», то ли еще как, словом, ненужный человек, принятый по благу и в рабочем процессе не участвующий.

Частым гребешком я «прочесал» головы почти всех сотрудников фирмы и, как всегда бывает в таких случаях, накопал много интересного. Например, я узнал, что Славик, первый зам, спит с женой шефа и что сам шеф об этом догадывается, но смотрит сквозь пальцы; узнал, что главбух приворовывает по мелочам и даже не считает это воровством; узнал, что Юля влюблена в шефа не на шутку и совершенно при этом бескорыстно. Много любопытного я выяснил о становлении и возмужании фирмы. Но вся эта информация не имела никакого отношения к покраже начальственных мыслей и потому не подлежала озвучиванию ни при каких обстоятельствах. Контракт не предусматривал шпионаж в пользу директора. Моя цель была найти чтеца.

Сперва я заподозрил Немого — уж больно странным был его внутренний мир и загадочно-бесцветны мысли. Прочесть Немого было трудно: образы будто тонули в непроницаемой пелене безразличия ко всему, что не касалось защиты и благополучия шефа. Все это казалось таким нарочитым, что невольно наталкивало на мысль о ловкой маскировке, сродни той *вуали*, что я набрасывал на сознание босса. Потом от

подозрений пришлось отказаться — Немой был сумасшедшим, а его сумасшествием был Дорогой. Эта одержимость, эта собачья преданность, уходящая корнями в далекие годы молодости, превратила Немого в маньяка. Быть с шефом, умереть за него давно стало смыслом всей жизни Немого. Словом, это мог быть кто угодно, только не Немой.

Не обнаружив чтеца в ближнем окружении Дорогого, я позволил себе немного расслабиться. Теперь стало ясно, что *проникновения* если и имели место, то осуществлялись не внедренным в организацию агентом, а людьми со стороны. Произойти это могло где угодно: на улице, в клубе, в банке, в любом общественном месте, где бывал бизнесмен. Поэтому я неотступно следовал за шефом всюду, куда бы он ни направлялся.

Прождав несколько недель, но так и не дождавшись нападения, мы с боссом решили спровоцировать вора. Один за другим были пущены слухи о важных сделках, якобы намечающихся на ближайшее время, но чтец не клюнул. Я начал серьезно сомневаться в его существовании. Но тут вошла в завершающую фазу операция «Транснефть».

В соответствии с условиями договора сегодня мне должны были провести ментоскопирование или, говоря языком Вовика, «пропустить мозги через дуршлаг». Клиент Читальни должен быть на сто процентов уверен, что его мыслехранителя не перевербовал конкурент. Именно поэтому накануне любых серьезных дел стражу мыслей и устраивают головомойку.

4

Читальня — организация солидная и суровая. Недетская, прямо скажем, организация. Главный офис располагался в пригороде, в фамильном особняке каких-то древних князей. Массивное трехэтажное здание с колоннами и кариатидами, с ухоженным парком, фонтаном и скромной табличкой на двери: «Охранное агентство «Оплот». Всякий раз бывая здесь,

я испытывал ощущения, сходные с ощущениями кролика, против воли бредущего в пасть удава. Шутка ли сказать: тотальное ментоскопирование.

Нас встретил у порога конторы сам директор, невысокий подвижный толстячок с радушной улыбкой и холодными глазами. Фамилия его была как под заказ сработанная — Мозговой.

— Здравствуйте, дорогой Анатолий Иванович! — распахнул толстячок короткорукие объятия вышедшему из машины Дорогому.

— И вы здравствуйте, Федор Тимофеевич! — Босс обнялся с Мозговым. — Вот, приехал, как договаривались.

— Вижу, вижу, что приехали, — Федор Тимофеевич кивал, не переставая улыбаться, — и правильно сделали, что приехали. Пойдемте, все готово.

Босс обернулся к нам.

— Немой, Вовик, оставайтесь здесь, Саша — со мной.

Я двинулся следом за боссом, мимоходом уловив тень недовольства Немого и автоматически набрасывая *вуаль* на мысли начальства — предосторожность излишняя, так как в Читальне стояла точно такая «глушилка», как и в офисе.

В просторном кабинете Мозгового мы развалились в глубоких кожаных креслах, и босс, отказавшись от предложенной выпивки, сразу приступил к делу:

— Федор Тимофеевич, как я уже сказал вам по телефону, на завтра у меня запланирована серьезная сделка, — он сделал многозначительную паузу, по величине которой Мозговой должен был судить о масштабах сделки, — и в соответствии с контрактом я хотел бы проверить лояльность своего нового сотрудника.

— Совершенно с вами согласен, — медовым голосом пропел Мозговой, — тактичность и доверчивость — враги бизнеса. А что, наш воришка себя так и не проявил? — Он странным образом ухитрился смотреть одновременно и на меня, и на Дорогого.

— Нет, но если он существует — завтра мы его поймаем, — ответил я.

— А если и завтра он не объявится, вы что, бросите меня? — с угрозой в голосе спросил Дорогой.

— Что вы, что вы, — всплеснул лапками Мозговой, — никто вас не бросит. Мы готовы сколь угодно долго обеспечивать вашу защиту.

Вот что значит мастер переговоров, так повернул, будто мы одолжение Дорогому делаем, а то, что оплата услуг мыслехранителя обходится предводителю кортесов на порядок дороже, чем весь штат бодигардов, осталось за кадром. Но и Дорогой был не простак.

— В случае продления контракта, я думаю, целесообразным было бы пересмотреть некоторые пункты договора. В частности, финансовый раздел.

— Думаю, рано заглядывать вперед, но к диалогу мы всегда готовы, — туманно ответил Мозговой.

Помолчали.

— Федор Тимофеевич, вы позволите вопрос?

— Я весь внимание.

— Надеюсь, Саша не обидится, — без всякого смущения сказал Дорогой, — тем более что наверняка догадывается, о чем я буду говорить.

Я кивнул. Не нужно быть менталом, чтобы догадаться, о чем хочет спросить Дорогой.

— Я не сомневаюсь в профессиональных качествах Александра, но не может ли преступник быть... скажем, более сильным чтецом? Вдруг он действует незаметно даже для вашего специалиста?

— Позвольте вам кое-что объяснить, — строгим голосом учителя, обиженного за своего лучшего воспитанника, начал Мозговой. — Талант ментала или, как его чаще называют, чтеца — явление чрезвычайно редкое, почти случайное. Один чтец приходится приблизительно на десять тысяч обычных людей. О свойствах менталов современная наука ничего определенного сказать не может, кроме того, что они есть. Чтец может изъять из вашей памяти любую информацию, может, наоборот, оградить ее от вмешательства извне, а может и внушить все, что угодно. Все эти умения являются врожденными, но, судя по всему, по наследству не передаются, во всяком случае, такой закономерности обнаружить пока не удалось.

Мозговой впал в менторство, его несло по волнам теории, и остановить этот бурный поток уже было нельзя.

— Распределены способности менталов приблизительно равномерно среди всей популяции людей, но есть некоторые интересные отклонения от среднестатистической нормы. Так, например, не обнаружено ни одного ментала среди носителей немецкого языка. Что интересно, известны несколько этнических немцев-менталов, выросших в иноговорящей среде и не знающих немецкого. Причины такой флюктуации неизвестны. Или вот еще: на северо-востоке Китая и в прилегающих к нему районах Монголии и России в среднем удельный вес менталов меньше, чем во всем мире. Почти в два раза — один к восемнадцати тысячам! Но не так давно там обнаружена деревенька, буквально все жители которой обладают этим редкостным даром. Все — понимаете? И никакие исследования не выявили их отличности от остальных китайцев. Что самое интересное, благодаря этому селению статистика по региону выравнивается с общемировой.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Я как раз подхожу к сути, лишь хочу, для наглядности, раскрыть проблему в целом. В настоящий момент на ментал-способности обследована лишь незначительная часть населения планеты, приблизительно три процента, но в переводе в абсолютные числа это уже статистически достоверная выборка. Так вот, из нескольких тысяч выявленных во всем мире менталов нет ни одного, кто бы превосходил остальных в способностях хоть сколько-нибудь заметно. Все они в быту ничем не отличимы от обычных людей и читать мысли без ментального усилителя не способны. Ментус же, увеличивая врожденные способности в сотни раз, поднимает их до определенной, одинаковой для всех планки. Так что ищите ментус — найдете ментала. — Мозговой кивнул в мою сторону. — Скорее всего это будет такая же серьга, как у Александра, — ментус по возможности должен находиться поближе к голове. Так как имплантировать их не принято из-за сложностей с эксплуатацией, серьги остаются самым приемлемым субстратом.

— И к чему это должно нас подвести? — осведомился Дорогой сварливым тоном.

— К пониманию того, что возможности всех менталов одинаковы, — охотно пояснил хозяин кабинета. — Чтец не

может управлять одновременно сознанием нескольких людей. Одного — да, двоих — при большом желании и наличии практических навыков, но манипулировать сознанием нескольких человек, при этом экранируя свое собственное от другого ментала, — исключено. По большому счету все, что требуется от мыслехранителя, — не пропустить попытку проникновения в ваши мысли и указать на вора. Остальное — дело ваших ребят.

— Странно, мы именно так и спланировали операцию, — удивленно заметил босс и бросил в мою сторону подозрительный взгляд.

— Ничего удивительного, — спокойно сказал Мозговой, — это стандартная процедура защиты клиента. Провалов у нас пока не было.

— Пока, — ворчливо повторил босс, но было видно, что его убедила уверенность собеседника.

— А теперь, с вашего позволения, приступим к тому, ради чего вы приехали, — закруглил прения Мозговой. — Чувствуйте себя как дома, Анатолий Иванович, бар в вашем распоряжении, а мы с Сашей отлучимся. Процедура займет не более часа.

5

Час — понятие растяжимое, час, знаете ли, бывает разный. Когда сидишь на горячем морском песке, обняв любимую женщину за плечи, завернувшись в одно на двоих огромное махровое полотенце, и чувствуешь сквозь мокрый прохладный купальник тепло ее груди — это один час. Когда, терзаем страхом и раскаянием одномоментно, мнешься в приемной начальника и перебираешь в голове все грехи и промашки, за которые тебе могут устроить разнос, — это другой час. И уж совсем иначе движется время, когда улыбчивый Федор Тимофеевич потрошит твои мозги при помощи безжалостного ментоскопа.

Ментоскоп — тот же ментальный усилитель, но снабженный несколькими вспомогательными устройствами вроде аппарата «Гипносон», облегчающими сканирование мыслей. Я полулежал в кресле, погруженный в дремоту, напоминающую легкое наркотическое опьянение.

— Саша, я уже здесь, — позвал меня тихий голос.

Преодолев обычную в таких случаях беспомощную слабость, я открыл глаза внутрь сознания. Мозговой сидел напротив и держал в руках пухленькую записную книжку в коричневом кожаном переплете с хитрой застёжкой. Моя Память, ее виртуальный образ.

— Посмотрим, что у нас там. — Без труда отомкнув хитроумный замочек, он раскрыл книжку.

Это не больно, если не сопротивляться, а сопротивляться так же бессмысленно, как прятаться от пожара на крыше — все равно настигнет. Пальцы Мозгового неторопливо перелистывали страницу за страницей, а я изо всех слабых сил раскрывался ему навстречу, борясь с подсознательным желанием спрятать, утаить что-нибудь.

Просмотрев несколько первых страниц, Мозговой поднял глаза на меня.

— Что, не нравится тебе наш «Кортес»?

На все вопросы нужно отвечать предельно честно: ложь, даже тень лжи ментоскоп карает болью. И это не задумка садистов изобретателей — каприз природы, побочный эффект, только и всего.

— Скорее нет, чем да, однозначно определиться не могу.

Нет боли. Ответ удовлетворительный.

— Ты желаешь ему зла?

— Нет. Он — клиент.

— Тебе безразлична его судьба?

— Безразлична, в рамках не вреда репутации агентства.

— Тебе не кажется, Саша, что твоя холодность к людям и преданность агентству уже зашкаливают?

Ишь, как запел! Ведь это по твоей схеме психологи накачивают весь полевой персонал всякой дрянью: барьер, психологическая защита, наведенное безразличие и уйма других приемчиков, призванных сохранить разум мыслехранителя при ежедневном контакте с чужими мыслями.

— Не груби, — беззлобно одернул Мозговой — видит, видит каждую мыслишку. — Да, вижу, «слияние» тебе не грозит.

Некоторое время он молча листал мои мысли. Деловито, внимательно, то и дело возвращаясь к уже прочитанному. Внезапно хитро улыбнулся и, подмигнув, сказал:

— А не посмотреть ли нам Закладочку?

— Отчего же, посмотрите.

— А и посмотрим! — Он потянул за тонкую шелковую ленточку, растущую из корешка, и, перемахнув через несколько страниц, раскрыл книгу в заложенном месте.

— Опять вербовали! — радостно констатировал Мозговой. — Гляди-ка, сам Никаноров предлагал переметнуться! Ведь никак не уgomонится, конкурентнице! — Он часто-часто покивал сам себе — надо понимать, гордится собственными кадрами.

— Еще как «не уgomонится», — подтвердил я, хотя Мозговой все видел и так.

— Сколько же он тебе сулил?.. Ого!.. Ого-го!!! Так что, думаешь бросить старика Мозгового?

— Тебя бросишь.

Сарказм проплыл мимо его ушей.

— Что у нас по клиенту, действительно безнадега? Неужели обычный параноик?

— Чтец себя никак не проявил. Вероятнее всего, никому не нужны секреты «Кортеса». Либо не настолько сильно нужны, чтобы нанимать чтеца-нелегала.

— Значит, думаешь — пустышка?

— Да, скорее всего.

— Но пока клиент платит...

— ...он остается клиентом, — улынувшись, закончил я любимую поговорку Мозгового.

— А что он так усиленно прячет?

— Компромат на одного упрянца.

— Ясно. — Мозговой быстро потерял интерес к махинациям клиента.

Он порывлся в моем сознании еще несколько минут. Затем безболезненно вырвал страничку с... не помню чем (и

теперь уже не вспомню никогда) и, наконец, закрыл книжку.

Щупальца ментоскопа нехотя отпустили напряженное сознание. Минут через десять я окончательно пришел в себя, и мы вернулись в кабинет.

— Все в порядке, Анатолий Иванович. Наш... э-э-э... ваш... м-м-м... наш общий сотрудник доказал преданность агентству и лояльность клиенту. Можете пользоваться, — пошутил Мозговой.

Дорогой не был расположен к веселью.

— Нам пора, — сухо сказал он.

— Не смею вас задерживать, — великосветски откликнулся хозяин кабинета.

6

Пахло пивом.

— ...Я ей говорю: чего смотришь? поехали! — а она: отпустите, я боюсь, у меня парень есть! — и ну рыдать. — Вовик обернулся к нам с боссом и, ухмыляясь во всю рожу, сверкнул давно не модной золотой фиксой.

— А ты ей что? — на автопилоте спросил я.

— А я говорю: сегодня твой парень — я! Пацаны ржут, лохи прячутся, бабы вообще разбегаются от греха подальше...

Вел машину, как всегда, Немой. Ему хорошо, он хотя бы запаха пива не чувствует, все, что Немого интересует в данный момент, — это дорога. Я *присмотрелся* — так и есть, сквозь клубы тумана виднелась только змеистая лента шоссе, соединяющего Глухово с городом. Вовик сидел рядом с Немым и травил свои обычные байки. На заднем сиденье мы с боссом. В машине почти осязалось напряжение, не замечал которого только Вовик.

— ...даю ей прямо по роже...

— Заткнись, — коротко бросил Дорогой.

Фикса потухла, Вовик испуганно замолк. Дальше ехали в тишине. На всякий случай я в десятый раз проверил запо-

ры в сознании шефа. Ящик с «Транснефтью» был заблокирован так крепко, что и сам хозяин вряд ли смог бы сейчас воспользоваться его содержимым.

Странности первым заметил Немой. Не сбавляя скорости и не отпуская руль, он обернулся к нам и, кивнув на дорогу впереди, выразительно промычал.

— Чего? — сразу заволновался Вовик. — Чего там?

Дорогой взгляделся в пустое шоссе и недоуменно пожал плечами. Я тоже не сразу понял, что взволновало невозможного телохранителя, никакой опасности в обозримом пространстве не наблюдалось. И только *нырнув* в сознание Немого, ощутив пульсирующую там тревогу, я забеспокоился сам. Пустота — вот что ему не понравилось. В этот предвечерний час на шоссе должно было быть множество машин, но вот уже несколько минут, как мимо нас не проехала ни одна.

— Нет машин, — констатировал я.

«Мерседес» дрогнул и стал набирать скорость, Немой решил побыстрее проскочить подозрительный участок. Пока Вовик возился с коммуникатором, бестолково нажимая кнопки и невнятно чертыхаясь, Дорогой достал мобильник.

— Алё, Зураб! Немедленно две машины и вертолет на Глуховское шоссе!.. — Он говорил ровным спокойным голосом, но, *заглянув в кабинет*, я увидел шефа возбужденно вышагивающим от двери к столу. — Пока не случилось, но... Что?.. Не знаю я, пусть едут навстречу!.. — Дорогой все-таки сорвался на крик. Он отключил телефон и в сердцах бросил его на сиденье рядом.

Вовик прекратил борьбу с коммуникатором и затих, ожидая взбучки — экстренная связь с начальником охраны лежала на нем.

Началось, подумал я, сверля взглядом пустоту дороги. Неужели «Кортес» был прав, опасаясь нападения? Воображение подбрасывало картинки одну другой страшнее: мина под колесами, шипастая лента поперек дороги, свора боевиков с автоматами.

Я даже не удивился, заметив далеко впереди яркое красное пятно. Меньше чем через минуту стало ясно, что это перевернутый большегруз. Он лежал на боку, перегородив

проезжую часть и повернувшись клеенчатой крышей в нашу сторону. Через всю крышу тянулась знакомая с детства надпись «Кока-кола». Я попытался представить, что должно было произойти, чтобы громадная фура-сорокатонка перевернулась на прямой трассе, и не смог.

Немой сбавил скорость, а когда до грузовика оставалось метров триста — вовсе остановил «мерседес». Отсюда все было видно в подробностях. Трейлер лежал точно поперек шоссе, следов серьезной аварии заметно не было, создавалось впечатление, что его занесло и опрокинуло на крутом повороте. Вот только никаких поворотов здесь не было. Возле места аварии к обочине прижались несколько автомобилей. Три или четыре человека стояли подле машин, с любопытством разглядывая поверженного гиганта.

— Ну и дела, — сказал Вовик удивленно. — Как же это он?

— Как бы не нарочно, — процедил я, в очередной раз проверяя защиту кабинета. Дорогой был взволнован не на шутку, он стоял возле ящика с пометкой «Кривицкий» и затравленно смотрел на меня.

— Спокойно, босс, — сказал я ему, — чтеца рядом нет, я бы почувствовал.

— Это засада! — Он схватился руками за голову.

— Не волнуйтесь, пока я рядом, ваши мысли в безопасности.

— Черта с два! — Дорогой зло посмотрел на меня. — Пулю в лоб тебе всадят и выпотрошат мои мозги, как курицу хорек.

Тут он, бесспорно, прав, наилегчайший способ добраться до мыслей клиента — это уничтожить мыслехранителя. Хотелось надеяться, что до таких крайностей не дойдет.

— Зураб будет минут через пятнадцать, — вместо ответа прикинул я. — Если на вертолете.

— Через пятнадцать минут нас может уже не быть, — крикнул Дорогой.

— У меня есть что противопоставить и физическому насилию, — успокоил я босса.

— Боже, только бы пронесло! — театрально воскликнул Дорогой.

Я *вынырнул* из его сознания. Весь наш внутренний диалог не занял и нескольких секунд. Внешне босс выглядел спокойным и не позволял панике прорваться наружу.

— Пойти посмотреть? — выступил с инициативой Вовик.

— Никому. Не выходить. Из машины, — стальным голосом приказал Дорогой.

Абсолютно верное решение: из бронированного «мерса» нас только гранатометом можно достать. Если авария впереди не случайность, а действительно засада, то самым правильным решением будет тянуть время до прилета Зураба.

— Разворачивайся. — Шеф тронул Немого за плечо.

Не медля ни секунды, тот дал задний ход и принялся выкручивать руль вправо. В это время из придорожных кустов в пятнадцати метрах от нас на шоссе грузно выбрался джип «полонез-милитари», габаритами и мощностью почти не уступающий броневику. Все-таки засада!

Кто находился внутри внедорожника, разобрать через затемненное лобовое стекло было невозможно, и я решился на *проникновение*. Стараясь не нарушить ментальную вуаль Дорогого, я протянул шупальца сознания к джипу. Пятнадцать—семнадцать метров — предел для ментала, и я боялся не достать, но практически сразу в сером безжизненном эфире мигнул огонек чужой мысли.

Человек, сидящий за рулем, был прост. Прост, если не сказать примитивен: полтора десятка рефлексов да виртуозное владение автомобилем — вот и весь набор. В его мозгу я увидел четкую установку: не пустить нашу машину назад. Осторожно, фрагмент за фрагментом, я принялся вышелушивать эту мысль из сознания шофера, но закончить не успел.

«Мерседес» дернуло, и перегрузка вжала меня в сиденье. Связь с шофером резко оборвалась. В окне замелькали полосатые столбики с катафотами: машина, набирая скорость, неслась прямо в опрокинутый грузовик.

— Мать твою, Немой! Совсем охренел?! — заорал Вовик, ерзая в ремнях безопасности. — Тормози, дурак! Убьемся!

— Немой... — только и прохрипел Дорогой.

Я еще успел подумать, что меня опередили. Кто-то сидящий в джипе, кто-то чертовски ловкий и ухватистый пере-

играл меня и заставил Немого сменить маршрут прежде, чем я *взял* их водителя. Чтец. Там, в громоздком неповоротливом «полонезе», сидел матерый и опасный чтец. А в сознании Немого пылал приказ: «Вперед!»

Предупредить катастрофу я уже не мог.

«Мерседес», прорвав клеенку, влетел в неподвижную тушу грузовика. Ремень безопасности врезался в грудь с такой силой, что на секунду у меня перехватило дух. Рядом задушенно хрипел Дорогой. Впереди, тяжело дыша, возились Вовик и Немой.

Судя по минимуму разрушений, фура оказалась пустой. И на том спасибо. Времени на размышления о везении у нас не было: в любой момент преследователи, а с ними и чтец, могли оказаться рядом. План летел в тартарары.

— Все очухались? — спросил я как можно спокойнее, мельком *просмотрев* сознания спутников. Следов недавнего приказа в мыслях Немого не было — остались недоумение и настороженность, босс снова и снова перебирал в голове заветные цифры, Вовик полоскал свой страх в мечтах о пиве.

— Мы однажды с братвой по пьяни в пивной ларек въехали...

— Вовик, заткнись!

— А я что, на Немого наезжайте! Водила хренов!

Я нырнул.

— Шеф, нужно *избавиться от телохранителей*. Немедленно.

— Ты в своем уме?! — Дорогой вытаращился на меня.

— Я в СВОЕМ, а вот на них *рассчитывать нельзя!* Вы хотите оставаться в машине с двумя вооруженными людьми, которых в любой момент может *взять чтец?* Прикрыть всех я не смогу.

— Чтец рядом?!

— Да! Это он толкнул Немого к трейлеру.

— Где он?

— Очевидно, в джипе.

В это время снаружи послышался визг тормозов, хлопнули дверцы «полонеза». Дорогой размышлял недолго.

— Вовик, Немой, выбирайтесь.

Телохранители уставились на босса, как на сумасшедшего.

— Шеф...

— Быстро! — заорал Дорогой.

Парни вылезли из «мерса», и я щелкнул центральным замком. Теперь мы были в относительной безопасности.

— Что дальше, Саша? — Сейчас «Кортес» был готов выполнить любой мой приказ.

— Ждем Зураба.

В этот момент снаружи раздались выстрелы. В крыше трейлера, одна за другой, появились несколько дырочек. Теплохранители рухнули на землю и открыли ответный огонь. Обе стороны палили наугад, не видя друг друга.

Я полностью сосредоточился на *вуали*. Что бы ни происходило вокруг, нас с Дорогим это не касалось, в запертом «мерсе» мы почти неуязвимы. Единственный серьезный противник — загадочный чтец.

Он не заставил себя ждать. В кабинет громко постучали и дверная ручка заходила вверх-вниз.

— Мыслехранитель, открывай, — раздался обезличенный голос.

— С чего бы это? — насмешливо поинтересовался я, осторожно прощупывая собеседника.

— Хорошо заплатим.

— Мне уже хорошо платят.

Противник прикрывался ловко, я не мог разглядеть даже его лица.

— Мы заплатим вдесятеро.

При этих словах Дорогой напрягся. Я ободряюще улыбнулся ему и покачал головой.

— Соглашайся, Мыслехранитель. Подчистим память клиента — он ничего и не вспомнит.

— Хорошее предложение, но придется отказать. Проваливай, скоро здесь будут наши люди.

— Пожалеешь, упрямец, — спокойно ответил невидимый собеседник.

Давление на дверь прекратилось. Первый раунд был за нами. Сохраняя контроль над *вуалью*, я *вынырнул* в реальный мир. Перестрелка продолжалась. Нападающие стреляли короткими очередями, целясь явно выше автомобиля. Нас не хотели убивать, им была нужна только информация. Зато

Вовик и Немой палили на поражение, пытаясь разглядеть врага сквозь рваные дыры в крыше фургона.

Ход был за чтецом. Я постарался представить себя на его месте. Как бы я действовал в условиях цейтнота? Только через телохранителей. При помощи их нейтрализовал бы ментала-защитника и без труда завладел бы мыслями клиента. Но обоих бодигардов мы выставили наружу, теперь им добраться до нас так же тяжело, как врагам.

Я отказался от мысли найти чтеца, ситуация складывалась не в нашу пользу и следовало сосредоточиться на обороне.

В кабинет опять постучали.

— *Открывай, — потребовал голос. — Открывай и оста-
нешься жив.*

— *Иди к черту, — спокойно ответил я.*

— *Как хочешь.*

Дверь содрогнулась от удара, но вуаль спружинила, отбрасывая чтеца. Неужели он решил прорываться в лоб? Допустить подобную ошибку чтец мог лишь от отчаяния. Я не верил в такую удачу, поэтому, ни на секунду не ослабляя контроль над ментальным пространством, осторожно выглянул в реальный мир...

Прямо в лицо мне смотрело дуло пистолета. Нас разделяло каких-то полтора метра и бронированное стекло «мерседеса». Лицо Немого было непроницаемо, как всегда. Он выстрелил, и пуля оставила глубокую выщерблину на стекле. После второго и третьего попадания по нему побежали тонкие трещинки. Я оцепенел от ужаса и на мгновение ослабил контроль над вуалью. В ту же секунду могучий ментальный удар обрушился на дверь.

Чтец бил с двух сторон! Неужели это Немой?! Или он лишь марионетка? На проверку времени не оставалось: пули клевали стекло, и с каждым выстрелом оно все сильнее мутнело, покрываясь сетью малюсеньких трещин. Будь оно хоть трижды бронированным, долго такого напора не выдержит ни одна броня. Я глубоко вздохнул и приготовился к ментальной атаке...

— Немой, сука! — завершал неожиданно тонким голосом Вовик.

Рефлекторно обернувшись, я увидел его стоящим во весь рост по ту сторону «мерседеса».

— Гад ты, Немой! — громко всхлипнул Вовик и выстрелил.

Немой рухнул, и одновременно с этим прервалась ментальная атака. Чтец был мертв.

Я с облегчением снял вуаль.

7

Выстрелы стихли. То ли нападающие поняли, что их главный козырь бит, то ли решили сменить тактику. Воспользовавшись передышкой, я распахнул дверцу со своей стороны и тихо позвал Вовика. Он прокрался вокруг машины и проскользнул в салон. На заднем сиденье стало тесно.

— Чмо! Ну, чмо! — обиженно завел Вовик. Предательство Немого расстроило его всерьез. — Вот же чмо какое! Мы с пацанами такое вот самое чмо однажды...

— Вы как, босс? — Я повернулся к Дорогому.

Шеф не ответил. Он смотрел мимо меня, и в глазах его был ужас.

Почувяв неладное, я нырнул в сознание Дорогого.

Дверь кабинета была открыта настежь. Дорогой неподвижно стоял посреди комнаты: в глазах застыл тот же страх, из уголка рта к воротнику тянулась ниточка слюны. Возле Стеллажа, спиной ко мне, стоял чтец.

Чтец, который все это время был рядом!

Он повернулся ко мне, улыбнулся, в очередной раз демонстрируя немодный золотой зуб, и шутовски поклонился.

Резкая боль в ухе выдернула меня из кабинета. Последним, что я почувствовал, покидая сознание Дорогого, был ненавистный запах пива — мастерски сработанная вуаль.

— ...и утопили это чмо прямо в пивной бочке! — закончил монолог Вовик.

Он держал в руках мою серьгу и победно улыбался. Без ментуса сопротивляться чтецу было невозможно.

В следующий миг Вовик захватил мое сознание, оставив мне лишь статус гостя.

Он расположился в кресле напротив и взял в руки Книгу моей памяти.

— Не обессудь, мыслехранитель, кое-что я должен буду изъять. Память нашего босса я подчистил, очередь за тобой.

Его речь изменилась и уже не походила на обычное бляенье толстолобого телохрана. Единственный человек из окружения Дорогого, глубокой проверкой которого я пренебрег, оказался крысой! Но кто мог подумать?! Шумный, тупой, мечтающий о бабах и пиве, и вдруг — чтец! Какая маскировка!

— Мне приятна высокая оценка моих артистических способностей и качества вуали, но не будем отвлекаться, — сказал чтец и раскрыл Книгу.

— Ага, «Транснефть», ее как раз мы и удалим... Саблезубый... ладно, оставим, пускай грызутся. — Вовик посмотрел на меня поверх блокнота. — Знаешь, в чем главная ошибка босса? Он не там искал врага, грешил на старого противника. А задуматься над тем, что банкир Кривицкий тоже имеет зубки, не захотел. И просчитался.

— Так тебя нанял банкир?

— А что тут удивительного? Он знал, что его захотят шантажировать, и позаботился о безопасности, как только начались угрозы...

Вовик хотел еще что-то добавить, но в наш разговор из внешнего мира прорвался резкий звук. Вертолет! Зураб!

— Извини, Саша, пора. Было приятно работать с тобой. Хотел бы сказать, не забывая, но...

Он принялся торопливо рвать листы из блокнота и бросать их вокруг. Касаясь пола, они исчезали. С каждым листком таял кусочек моей памяти. Я забывал, забывал, забывал...

Но время вышло, и незнакомец, бросив блокнот, покинул меня. В воздухе кружил последний вырванный листок. Не помня себя, не зная зачем, я кинулся вперед и поймал его у самого пола. Последний клочок памяти.

В машине рядом со мной сидел незнакомый человек, но мне было не до него. Я выбрался из автомобиля и тут же

споткнулся о чей-то труп. Вырвав из мертвых пальцев пистолет, я кинулся к свету.

По шоссе, прочь от меня, бежал человек.

— Сволочь, — процедил я, не зная, за что так ненавижу этого человека, но отчетливо понимая, что он — Враг.

Я поднял пистолет и выстрелил.

Леонид Каганов

ГОРШКИ И БОГИ

Дверь ангара я нашел на ощупь и приоткрыл. Здесь было тихо, и лишь гуляли невразумительные сквозняки. И абсолютная темнота. Как включить свет, я не знал. Я немного постоял на пороге, а затем быстро шагнул в сторону и тихо присел у стены, ощущая спиной прохладный металл обшивки. Привыкну к темноте, подумал я, а там будет видно. Главное, чтоб никому не было видно меня. Почему-то я был уверен, что в ангаре брат. Он говорил, что у него есть одно серьезное дело, но с собой взять отказался. Но я видел, как утром он шел в ангар с ножницами. И сейчас пришел посмотреть, что же он тут делает. Но если брат не рассказывал мне о своих делах в ангаре, скорее всего он не хочет меня здесь видеть.

Сколько я себя помню, для меня не было человека авторитетнее, чем брат. Ян был старше меня на девять лет и, казалось, знал все на свете. Когда мне нужен был совет, я всегда обращался к Яну. Естественно, я уважал и мать, и отца, и деда, но... Но брат — это брат. Когда я узнал, что он погиб, мне на миг показалось, что теперь обязательно погибнет и корабль... Но это случилось через много лет, поэтому я буду рассказывать по порядку.

В темноте ангар казался еще больше, чем мне запомнилось когда-то. Естественно, чертеж корабля я знал наизусть и помнил, что ангар кубической формы — сто на сто на сто метров — и совершенно пустой, потому что достраивать или заполнять его будут после Скончания Пути. Когда-то здесь собирались разбить теннисный корт, но потом его сделали на третьей палубе. Я зажмурился и вновь распахнул глаза. Никакой разницы. Светлее не стало. Ангар казался бескрайним. Я снова зажмурился, и тут по моей щеке пробежал далекий ветерок. Даже не пробежал, а словно бы хлонул. В темноте ангара явно что-то двигалось. Что-то большое, массивное и абсолютно бесшумное. И — я был в этом уверен — абсолютно нечеловеческое. Я вжался в стенку и мог поклясться, что туша подошла совсем близко, замерла передо мной, словно разглядывая, и поползла в дальний угол.

— Ян! — крикнул я.

Голос унесся в темноту, и его трижды повторило эхо над головой — с каждым разом все ближе к потолку. Никто мне не ответил, и я понял, что брата тут нет.

В этот момент мне надо было убежать. Позвать кого-нибудь из старших. Или хотя бы вернуться с фонариком. Наверное любой землянин так бы и поступил. Но только я не землянин, я родился и вырос на этом корабле. Это был мой дом, мой мир, и здесь я не боялся ничего, кроме гнева старейшины Цы. Я не видел зверя страшнее, чем свинья — на корабле вообще не было других зверей. Я даже не встречал роботов, которые были бы выше моего плеча. Хотя где-то здесь, в дальнем углу ангара, хранился большой транспортный робот-погрузчик.

Я не помню, наверное, все-таки испугался. А может, решил, что это транспортный робот. В общем, сделал то, что делать было совсем уж глупо, — разозлился, что кто-то чужой бродит по нашему ангару, встал во весь рост, сделал шагов десять в темноту, выставил руку и твердо приказал, как приказывают роботам: «Остановись!»

Глупо, правда? Я почувствовал, что туша замерла на том конце ангара, а затем рванулась ко мне. Больше я ничего не помню.

* * *

Закрой один глаз и посмотри вокруг. Почти ничего не изменилось, верно? Теперь представь, что у тебя нет правого глаза с десяти лет, а сейчас тебе семнадцать. За это время вполне можно привыкнуть и не замечать, уж поверь мне. Ты ходишь с неизменной черной повязкой — как пират из старых фильмов. На тебя заглядываются девушки, и многие парни тебе просто завидуют. Порой кажется, что они дорого бы дали, чтобы потерять глаз и ходить с такой же повязкой. Но ты совсем не ощущаешь себя калекой. Ты прекрасно играешь в теннис — в прошлом году получил титул второй ракетки корабля. И даже злые языки не посмели сказать, что тебе подыгрывали — все знают, что ты действительно хорошо играешь. Но на корабле восемь сотен здоровых человек, не считая парализованную старую Лунь, поэтому почетное звание главного инвалида корабля тебе обеспечено. И поэтому тебя берегут. О тебе заботятся. На церемониях ты стоишь в первом ряду. В столовой обедаешь в первую смену. Но зато у тебя есть небольшие ограничения...

В принципе все понимают, что ты здоров как кабан, ограничения твои — пустяковые, но как же это бесит! Во-первых, тебе нельзя заниматься электроникой. Ты же можешь перепутать провода и вызвать возгорание, верно? Нет? Попробуй докажи, если в Инструкции черным по белому: «Не допускать к электронным работам лиц с ослабленным зрением». Во-вторых, тебе нельзя работать у мониторов. Почему? Ты можешь испортить зрение на уцелевшем глазу. Ну а теперь подумай, где ты сможешь работать на корабле, если не у мониторов и не с электроникой, которой набиты и цехи, и лаборатории? Только на гидропонике или в свинарнике. Конечно, все это будет обставлено почетно, чтобы не обидеть инвалида. В свои семнадцать ты уже заместитель управляющего. То есть второй на корабле по свиньям, поэтомуходишь в Совет. И хотя в Совете и без тебя сотня человек, но все равно это почетно. А на деле твоя работа — ухаживать за свиньями. Тебя это бесит. Но ты терпишь. И выражаешь свой протест лишь изредка. Как, например, в этой истории с Ливзеем.

Честно говоря, я многого не понимаю в Инструкции. Я не понимаю, почему на корабль взяли разводить только сви-

ней, рис и соевые бобы, а все остальное у нас синтезируется. Например, я много читал о таких замечательных зверях, как куры. Очень может быть, что с точки зрения белковой энергетики или проблем с вентиляцией куры сильно проигрывают свиньям. Об этом не мне судить, я знаю, что над созданием корабля работали лучшие ученые Великой китайской Империи. Или, например, я видел фотографии фруктов. Возможно, ароматические добавки действительно идентичны натуральным, но хотя бы ради разнообразия генофонда можно было взять с собой немного семян? Которые, как я слышал, не портятся от времени? Но дело даже не в этом. Если раз в десять лет среди свиней вдруг рождается черный карликовый поросенок — что это? Мутация от плазменного двигателя? Вот только не рассказывайте мне сказок, все-таки я хоть и молодой, но биолог. Весь обитаемый блок так надежно защищен и от двигателя, и от космоса, что о его работе мы знаем только из показаний приборов. За бортом излучения, мягко говоря, хватает. Борт окутан волнами плазмы, долетающими из реактора, они в момент испепелят любой материальный предмет. Никакой скафандр не спасет человека, попробовавшего высунуться через шлюз. Плазму сдерживает только силовое поле оболочки. А поле — это поле, оно не может быть слабым или сильным. Если корабль жив, значит, оно не пропускает ни единого кварка. Поэтому у нас, внутри жилого блока приборы показывают полный норматив по излучениям и токсичным элементам в атмосфере. На самой Земле природного излучения было на порядок больше, я специально поднимал данные. Так о какой мутации может идти речь? Посмотрим правде в глаза: на корабль взяли породу свиней вовсе не такой чистой линии, как утверждает Инструкция. Поэтому затесался гибридный ген и время от времени дает о себе знать. А черных поросят традиционно уничтожают. Но когда при мне родился черный карлик, я его спрятал и растил в своей каюте. А через неделю кто-то выследил, как я ношу в каюту соевое молоко, и написал анонимку старейшине Цы.

Был грандиозный скандал, даже семья меня не поддерживала, даже Ян говорил, чтобы я прекратил выпендриваться. Но я уперся и стоял как танк: наши предки на Земле держа-

ли домашних животных не только для еды. Если в Инструкции ничего не говорится о черных карликах, то там нет и указаний их уничтожать. Поэтому либо поросенок будет жить, либо я выброшусь в космос. И пусть в журнале нашего корабля останется позорная запись о том, как вы издевались над молодым инвалидом-биологом и его четвероногим другом. Это сработало: старейшина Цы не стал выносить решение сразу, Совет призадумался. Вопрос решался неделю, а меня все это время держали в изоляторе госпиталя вместе с поросенком. Тогда я первый раз сидел в изоляторе. До меня за всю историю корабля там сидел только пресловутый господин Су, легендарный хулиган и пропойца. Знаешь, когда ты сидишь взаперти и не знаешь, что происходит снаружи, то все начинает казаться безнадежным. Я уже не рассчитывал, что на старейшину Цы подействуют мои аргументы. И, честно говоря, не был уверен, что действительно выброшусь, если поросенка уничтожат. Но помог мне все-таки Ян — он раскопал информацию о том, что на Земле людям с плохим зрением полагалась собака-поводырь, которая ходила с хозяином неразлучно на поводке. Информация подтвердилась, и поросенка мне разрешили оставить.

Мама сшила ему шелковую шлеечку. Поросенка я выдрессировал и дал ему имя Ливэй. И даже это сошло мне с рук — когда старейшине Цы рассказали, как я назвал поросенка, и он вызвал меня в капитанскую каюту, то я выпучил здоровый глаз, чтобы казаться наивнее, прижал к груди Ливэя и отрапортовал, что для меня главное всего семья, племя и корабль, поэтому не мог дать своему любимцу другого имени, кроме имени нашего корабля «Ян Ливэй». Потому что мы сыны Великого народа, и наши судьбы посвящены Великой цели — достигнуть Северного края галактики, посадить корабль на подходящую планету и создать Великую планетарную колонию, сохраняя кислородную целостность и расширяя борта... И так далее, наизусть по идеологическому разделу Инструкции. Просто я когда-то слышал от мамы, что они с отцом называли своего первенца Яном в честь корабля и получили за это особое благословение прежнего старейшины. Старейшина Цы тоже

об этом знал, и он совсем не глупец. Помрачнел лицом, но не нашелся что возразить.

Даже из Совета меня не исключили. Но никаких милостей от старейшины Цы мне теперь ждать не следовало. Например, когда я окончательно утомился каждый день толочь витамины для свиней в ступке и подал прошение выделить мне электрическую меленку, мне было мстительно отказано. На том основании, что мне запрещено работать с опасной техникой — есть риск получить травму. Хотя раз за семьдесят лет полета случилась хоть одна травма из-за меленки? Она и палец-то не перешибет! Давайте тогда ангар закроем и железяки запретим! Ведь самая громкая травма за всю историю корабля случилась именно в ангаре, со мной. Потому что я не умел включать свет, а в ангаре на стальном тросе раскачивалась взад-вперед связка железного мусора в полторы тонны. Торчащая во все стороны. Которая на меня и налетела. Так, может, ангар закроем? Но нет, почему-то в ангар можно заходить кому угодно, даже парализованной старой Лунь, если бы она пожелала, чтобы ее туда прикатали.

Ну а теперь надо рассказать о том, как нашли муравья. Да, я нашел муравья. Спустился в дальний грузовой трюм за летней биодобавкой, и там он лежал посреди прохода. В принципе, кроме меня, его бы никто не нашел, хотя бы потому, что никто там не бывал. Но в том, что именно я нашел в коридоре дохлого муравья, тоже есть определенный юмор — я же у нас безнадежный инвалид по зрению? Ага, сейчас! Да я эту черную точку посреди коридора заметил метров с пяти. И спокойненько прошел мимо. Ну, соринка, ну, уборщик оставил. Сейчас потащу обратно мешок с добавками — еще и не такого мусора насыплется. Поэтому я прошел мимо, а вот Ливэй поотстал. Вдруг слышу сзади: «Хрюк!» Оборачиваюсь — Ливэй стоит в стойке. Сам напрягся, лапка поднята, ну прямо борзая гончая! Это я его учил. Только не на муравьев, конечно. Так мы его и нашли.

Я не сразу понял, что это за штука, потому что никогда муравьев не видел, тем более с крыльями. Да и вообще насекомых не видел. Но бабочку я бы узнал, и пчелу тоже, а вот

муравья... В книгах муравьев описывать не принято, а в фильмах их тоже почему-то не снимают. Я, конечно, догадался, что это дохлое насекомое, и притащил его в лабораторию свинарника. А как выдалось время — пошел в терминальный класс и полез искать в интернете, что это такое. В интернете, разумеется, нашем, внутреннем. Потому что если с Землей с момента старта нет вообще ни малейшей связи, то откуда настоящий Интернет? Поэтому у нас только тот интернет, что мы взяли в дорогу — мировое содержимое в год старта, хочешь — копайся. Отец рассказывал, что долгие годы в интернет пускали только по специальному допуску, потому что копия была полная и перед вылетом никто ее специально не готовил, поэтому мусора и порнографии там было немыслимое количество. А несколько десятков лет назад было принято решение выделить отдельного рабочего, чтобы ее постепенно чистил. И на эту должность вызвался знаменитый господин Су, который тогда еще был молодым и не отличался своими выступлениями. Дело шло медленно, старейшина был недоволен, а потом выяснилось, что господин Су не столько чистит базу, сколько просто смакует. Всю работу прикрыли на долгие годы. Ну а потом вдруг непонятно по какой причине плюнули и открыли для всех — копайся. Вот я там и покопался, нашел фото муравья, сравнил — он. Откуда? Есть, конечно, вариант, что у нас на дальних палубах под обшивками живет муравейник... Все может быть, но чтобы они за столько лет ни разу не выползли? И оставался последний вариант — что муравей был дохлым с самого начала, пока каким-то сквозняком его не вынесло в темный коридор дальнего грузового трюма.

В Инструкции о муравьях ничего нет, но по логике вещей я должен в подобных ситуациях докладывать старейшине и Совету. И тогда они что сделают? Правильно — муравья заберут в медицинскую лабораторию, куда мне входа нет. И даже Яну, который в соседней, технической лаборатории, туда входа нет.

А у меня есть в свинарнике микроскоп, чтоб сечение шерстинок контролировать и авитаминоз определять. Поэтому я вдоволь налюбовался муравьем, а потом позвонил на селектор Яну и таинственно попросил зайти после работы. При-

чем перестарался с таинственностью, потому что он явился сразу. Ему, физику, свалить с рабочего места не так уж сложно. Мы рассматривали муравья долго, я все предлагал каким-то образом клонировать зверюгу, если сохранились живые ткани. На что Ян возражал, что насекомые на корабле превратят жизнь в кошмар. Хотя сама идея ему нравилась. Поэтому, прежде чем доложить старейшине, Ян унес муравья в свою лабораторию — под рентген, термограф и прочее.

Поздно вечером Ян пришел в мою каюту. Я еще с порога понял, что что-то не так — уж очень озадаченное лицо было у Яна.

Первым делом он показал мне рентгеноснимок. Ну, как внутри муравья устроен и как его снимок должен выглядеть — этого мы, понятно, не знали. Нам больше историю Китая преподавали, чем биологию животных, которых никто из нас не увидит. Наверное, так земным школьникам преподают устройство вымерших динозавров.

Затем он вынул биоснимок. Ян не обнаружил у муравья ни малейших признаков активных клеток. Я тоже. Это, конечно, досадно, но что взять с такой мумии? Более того, на снимке не обнаружилось и самих клеток. Но даже это меня не очень удивило, я же никогда не видел клеток насекомого, только свиные. А может, размеры клетки и животного пропорциональны? Тогда не разглядишь так просто.

Наконец Ян вытащил термоснимок трупака... Сказать, что трупик неоднородный по температуре, — это значит ничего не сказать. Тепловая карта у него оказалась совершенно дикая, мне подумалось, что Ян еще специально поигрался с цветами, чтобы этот мозаичатый узор выглядел эффектнее. В общем, я посмотрел на снимок в полном обалдении и потребовал у Яна комментарий.

Ян, не меняясь в лице, начал важно излагать свои гипотезы, одна другой краше. Но я-то его знаю, если он начинает вещать так уверенно и подробно, это значит, что он понятия не имеет, как объяснить. Физик, что возьмешь. Самая интересная его гипотеза была, помнится, про влажный конденсат, который накопился, пока мумия лежала в коридоре, а теперь испаряется вот такими хитрыми узорами.

Я выслушал этот бред, а затем ткнул Яну в шкалу внизу снимка. С каких это пор вода при испарении нагревается? А температура тушки выше, чем у окружающей среды, на ничтожные доли градуса. Ян мрачно покивал и добавил, что есть у муравья зона, где температура все-таки пониженная, — это крылья. Крылья у муравья, помнится, и без снимка были интересные — темно-синенькие, красивые такие, непрозрачные.

В общем, Ян сказал, что сам все видит, но более логичных объяснений у него нет. Только предположить, что это существо неземного происхождения — не органическое, кремниевое. Но как оно проникло в жилой блок корабля? В общем, мы решили с утра доложить обо всем старейшине. Термоснимок Ян мне оставил и ушел. А я еще долго на него смотрел и не заметил, как уснул.

Утром я проснулся, глянул на снимок и понял, какие мы идиоты, особенно Ян. Я, конечно, не физик, но мы оба родились и выросли на корабле «Ян Ливэй», первом корабле звездной экспансии. Сколько уж их было после нашего старта — это я не знаю. Мы — сыны Великого народа, наши судьбы посвящены Великой цели — достигнуть Северного края галактики и создать Великую планетарную колонию. В день Скончания Пути мы совершим посадку на планету и построим колонию. Реактор у нас под кормой — плазменный. Это даже не термояд, это маленькое солнце. Он был запущен на земной орбите и перед посадкой будет отстрелен навсегда, потому что либо планета, либо маленькое солнце, вместе никак. Поэтому реактора у нас больше не будет, а энергию колония на планете станет получать от солнечных батарей, лепестки которых мы раскидаем далеко по периметру вокруг корабля. Это все — мой вольный пересказ Инструкции, но матчасть на корабле знает каждый малыш. Как выглядят муравьи, малыш может не знать, а порядок посадки, раскладки батарей и постройки купола знают все. И вот ситуация: два молодых переселенца — один пороссячий биолог, другой и вовсе физик, весь вечер смотрели на снимок объекта, у которого внутренняя температура выше окружающей среды, а температура крыльев — ниже...

Я звоню Яну и все это высказываю, не давая ему вставить слова. Объясняю, что эта штука никакой не земной муравей и не чужое кремниевое животное, а просто механическое существо, построенное по образу муравья. Потому что крылья у него — световые батареи, а при таком способе питания у живого кремниевого существа будет и образ жизни другой, и какое угодно тело. Поэтому вероятность нулевая, что его тело повторит форму муравья, адаптированную для питания и переваривания всякой органики... Уж поверь биологу, это — робот, созданный мыслящим дизайнером, который привык воровать идеи и формы у живой природы.

Ян пытается что-то сказать, но я его снова перебиваю, потому что, пока я это все ему формулировал, мне пришла в голову еще одна мысль. А именно: что надо быть крайне осторожным с этой тварью, потому что, судя по снимку, она совсем не дохлая. А наоборот, усиленно набирается энергией, которой была лишена в темном коридоре, где не зажигали свет несколько месяцев.

И тут Ян наконец меня перебивает и сообщает, что как раз этой ночью муравей смылся из лаборатории. Прогрыз стеклянную банку с притертой крышкой. Два миллиметра стекла.

Ну, после этого мы, конечно, идем к старейшине Цы — с покаянием и снимками. Срочно собирается Совет, чтобы решить, как действовать. Потому что в Инструкции из подходящих пунктов только два варианта: внешняя военная агрессия или острая эпидемия. Что выбрать? В общем, корабль перевели на военно-карантинное положение, переборки задраили, проход и общение только по командам, все как положено. Тут же собрали поисковые отряды, и они начинают искать муравья. Но только где его теперь найдешь?

И вот на следующий день — снова заседание Совета. Яна там, понятно, уже нет, а вот я член Совета. Опять шум, но поскольку никакой новой информации нет, то решается в основном вопрос, как нас с Яном наказать за то, что мы грубо нарушили Инструкцию и не доложили вовремя. Заседание медленно перерастает в ругань. И вот уже госпожа

Чжань берет слово и начинает говорить о том, какие мы с Яном неблагополучные сыны, которые позорят своих мать и отца. Про деда она постеснялась упоминать, потому что вот же он сидит здесь, в Совете. И начинает госпожа Чжань вспоминать все наши прегрешения — и как Ян свой маятник в ангаре построил, из-за которого я глаза лишился, и как я Ливэя завел, и как вообще у меня хватает наглости приходить на Совет со свиньей. Лишь избранные члены корабля имеют право появиться на Совете, а я со свиньей...

А что с нее взять, со старой преподавательницы идеологии? Я сижу, слушаю, почесываю за ухом своего официального поводыря. А все вокруг и так на взводе — по кораблю ползает вражеский робот-лазутчик, что делать — непонятно. Госпожа Чжань сама себя накручивает и доходит до самого кульминационного момента: заявляет, что мы с братом — позор корабля, и у нас есть все шансы закончить свои дни, как идеологически разложившийся господин Су. Который, как известно, решением старейшины и Совета был выброшен за борт восемь лет назад...

И вот тут прямо над нашими головами в воздухе беззвучно вырастает светящийся шар, пульсирующий молниями. И лопается с громким звуком. А вниз падает листок рисовой бумаги с золотым тиснением. А на листке обращение:

«Достопочтенные сыны Великого народа, посвятившие свои судьбы Великой цели достижения Южного края галактики! Родина гордится вами! Мы помним о вашем подвиге, дети героев, самоотверженно отправившихся в вечный полет! Мы испытываем великое счастье сообщить вам, что успехи нашей Родины столь высоки, а технологии столь стремительны, что сегодня мы наконец получили возможность телепортировать на ваш корабль предметы. Первым предметом стал автоматический наноробот-муравей, который позволил расширить технологические возможности. Благодаря ему сегодня мы наконец можем передать вам этот листок с обращением. Ученые нашей Родины работают не покладая рук, чтобы получить возможность передавать вам новости, лекарства, биодобавки, и мы надеемся, что в будущем нам удастся установить полноценный двусторонний контакт. С уважением правительство Китая».

Как только старейшина закончил чтение, все встали и зааплодировали. Тут же включили гимн, и мы трижды его пропели.

А мне это письмо совсем не понравилось. И не одному мне. Потому что встал мой дед, долго молчал, тщательно обдумывая слова, а затем сказал очень правильно.

Он сказал, что Родина может быть недовольна нашей боеготовностью, если мы слепо поверим каждому слову этого послания. Ведь в Инструкции ничего не говорится о том, что Родина с нами свяжется. И это могут оказаться... — дед замялся, подбирая слова, — не уполномоченные Родиной лица с враждебными намерениями.

Совет зашумел, но дед строго поднял руку и продолжил: например, вызывает неясность, как Родина гордится своими верными сынами, в то время как ее правительство забывает, что верные сыны летят не к Южному, а к Северному краю галактики?

Советники призадумались, а я мысленно зааплодировал деду — мне тоже резануло слух это место в обращении. А дед закончил свою речь предложением не терять пока бдительности, больше не прикасаться к листку, а отдать его в лабораторию на экспертизу, чтобы найти там отпечатки живых человеческих пальцев наших земных братьев.

По-моему, очень разумно. На том и решили. К вечеру человеческий отпечаток пальца там действительно нашли, напечатали его крупно и повесили на всеобщее обозрение в столовой рядом с увеличенным текстом обращения.

Этот листок провисел всего час, когда меня срочно вызвали на внеочередное заседание Совета. Выступил сын старого господина Юаня, много лет возглавлявшего отдел безопасности корабля и имевшего в своем распоряжении все отпечатки пальцев. Все мы знали, что господин Юань сейчас стар и немощен, он редко выходит из каюты и память его слаба. Но господин Юань утверждал, что узнал бы этот палец из миллиона, потому что это палец пресловутого господина Су. К сожалению, подтвердить это было нельзя, потому что снимки пальца Су не сохранились. Кому бы пришлось в голову хранить снимки хулигана и предателя, выброшенного голым в открытый космос?

* * *

Следующее письмо явилось к нам только через два месяца, когда спало напряжение и было отменено военное положение. Появилось оно точно так же — во время заседания. И тут же было отправлено на экспертизу, но никаких отпечатков там не нашли.

Письмо оказалось куда содержательнее прежнего — это была объемная кипа листов. Начиналось оно обращением к доблестным покорителям Северного края галактики — видимо, ошибку поняли. А далее шли многочисленные поздравления от родственников тех, кто семьдесят лет назад отправился в путь. То есть полный список первого экипажа, из которых в живых сегодня оставалось лишь семеро стариков, включая моего деда и парализованную старую Лунь. В частности, сынов Родины поздравлял господин Цунь, должность которого была обозначена «нуль-почтовый печатник». Его отец и отец господина Су были близнецами. Это было правдой. То, как благородный отец господина Су во имя Родины расстался на Земле со своим братом-близнецом, — было одной из самых трогательных легенд нашего корабля, пока его сын не бросил тень на свой род недостойным поведением и бранью в адрес Совета и старейшины.

Оканчивался манифест обещаниями в ближайшем будущем наладить двустороннюю связь.

Если у кого-то были сомнения в том, что с нами говорит именно Родина, — теперь они исчезли. Никто, кроме Родины, не мог знать таких подробностей. Манифест был снова вывешен на всеобщее обозрение, на корабле объявлен праздник, во время ужина трижды пели гимн и все получили пирожки из соевого шоколада.

А я тем же вечером отправился к Яну узнать, что он думает обо всем этом. Выяснилось, что Ян думает обо всем плохо.

Во-первых, ему совершенно неясно, почему так редко работает эта загадочная связь, если технология уже существует. Что мешает делать это регулярно? Хотя он признался, что принцип неслыханный, и он даже близко не представляет, как это может работать.

Во-вторых, он выразил сомнения, что в эпоху такой развитой технологии Родина присылает депеши на древней рисовой бумаге, которой и в год старта было не найти.

Ну и в-третьих, ему очень не нравилось, как умело реагирует Родина на все происходящее. Потому что если они не подслушивают, что происходит на корабле, то почему они так нарочито исправили ошибку в письме и дали нам такие ненавязчивые объяснения, откуда взялся отпечаток господина Су? А если подслушивают — почему они об этом не скажут, может, мы тоже хотим выстроиться шеренгой на Красной палубе, помахать руками и передать приветы Родине и нашим родственникам?

Тут я не выдержал и, в свою очередь, сообщил Яну, что даже у близнецов отпечатки разные, а уж у их сыновей — тем более. Как биолог говорю.

Ян помолчал и констатировал, что за последние семь лет на корабле случилось подозрительно много событий, не укладывающихся ни в какие схемы. И даже с физикой корабля далеко не все в порядке.

Я удивился, потому что приборные сводки были общедоступны в терминальном зале, и все они соответствовали нормативам Инструкции. На что Ян пробормотал фразу, которую я хорошо запомнил: «Электронные приборы обмануть легко — маятник обмануть невозможно». С маятниками у меня были связаны плохие ассоциации, и уточнять я не стал. И очень зря.

Я пошел спать в свою каюту, а Ян сказал, что отправится в лабораторию и будет там работать всю ночь до утра. Мы вышли вместе в коридор, я пошел к себе, а Ян почему-то в сторону ангара.

Я уже заснул, когда раздался звонок селектора. Ян спрашивал, не помню ли я, хоть примерно, в котором часу зашел в ангар в тот злополучный день? Потому что тогда ему, понятное дело, было не до подробных расчетов, но сейчас он хочет выяснить кое-то.

Это я помнил прекрасно — сразу после обеденного гимна.

Ян призадумался и сказал, что запустил свой маятник утром за пять минут до школьного звонка. И это оправдыва-

ет его худшие предположения. И эта история с маятником ему теперь уже совсем не нравится.

Я обиделся — это прозвучало так, будто все эти годы ему нравилось, как он вернулся в ангар и обнаружил младшего брата на полу без сознания с выбитым глазом. Почему может не нравиться интервал времени — мне тогда не пришло в голову. Я вообще не думал о том, что его эксперимент продолжался. Мне казалось, что Ян раскачал маятник, что-то там себе подсчитал и ушел, а маятник остался.

Я спросил у Яна, что же все-таки случилось с нашей гравитацией?

Ян удивился — при чем тут гравитация?

Пришлось напомнить ему, что он свой маятник построил вскоре после того странного гравитационного толчка.

Ян ответил довольно раздраженно, что с гравитацией на нашем корабле как раз полный порядок, а если я полагаю, что маятником можно измерить ее ничтожные колебания, то я двоечник.

Тут я разозлился и потребовал наконец объяснений.

Ян ответил, что это разговор не для селектора, и пообещал мне рассказать обо всем завтра, после того, как все проверит еще раз.

На этом мы попрощались. Больше его никто не видел.

Ян исчез с корабля бесследно. Мы искали его две недели, облазили все закоулки. Я взял рубашку Яна и пытался обучить Ливэя искать следы по запаху. Поросяенок, похоже, не понимал, что от него хотят, — он беспокойно крутился в каюте Яна и в его лаборатории, фыркал носом, с визгом носился по столовой и коридорам, и наконец, мне велели прекратить безобразия.

Я уже и сам начал догадываться, что искать следы по запаху умеют не все животные, а только земные собаки. А он был всего-навсего смышленным поросенком. На всякий случай я предпринял последнюю вылазку с Ливэем на дремучие нижние палубы.

Ливэй трусил впереди, чуть похрюкивая. Иногда мне казалось, что он ведет себя как собака, ищущая след. Иногда — что он просто радуется прогулке по необитаемым этажам.

Вдруг Ливэй замер и тревожно подбежал к стене. Я оглядел коридор — он был совершенно пуст. Ливэй посмотрел на меня, встал на задние лапки и начал тыкаться пяточком в листы облицовки.

Я подошел поближе и отогнул квадрат пластика. Здесь не могло быть Яна — в узких проемах под облицовкой были только провода и датчики, которые собирали самую разную информацию о состоянии корабля.

В тусклом коридорном свете я разглядел стальную опорку, на которой стоял датчик колебаний. Или вибраций? Это Ян был специалистом. Датчик был старый и весь зарос пылью.

Ливэй тревожно хрюкнул.

Я достал из кармана фонарик, который таскал с собой повсюду последние семь лет — так мне было спокойнее.

Посветил на опору, на датчик — и остолбенел. Датчик был покрыт летучими муравьями. Они сидели неподвижно, словно медитировали, но когда их коснулся луч, зашевелились.

Я не стал ждать, что произойдет дальше, просто схватил Ливэя в охапку и бросился бежать. И только поднявшись на следующую палубу, достал селектор, позвонил старейшине Цы и сбивчиво рассказал ему про муравьев, облепивших датчик.

Старейшина Цы отреагировал спокойно. Он ответил, что Родина наверняка сама знает, чем и, главное, зачем проверять наши датчики. Но вызвал группу безопасности.

Когда я привел их к тому месту — муравьев там уже не было. Ни одного.

Господа из группы безопасности пожали плечами и сказали, что мне могло показаться. Я пришел в ярость, набрал номер старейшины Цы и заявил, что если Родина так о нас заботится, то почему она так заботливо от нас прячется?

Старейшина Цы ответил, что прекрасно понимает, как тяжела для меня гибель брата. Но просит держать себя в руках и не позволять себе преступные высказывания в адрес Родины.

Честно говоря, я не помню, что я ему после этого наговорил. Просто мне до этого еще казалось, что брат просто

исчез, что он найдется. Я понимал, что без воды и еды человек не может прожить две недели. Я понимал, что если его селектор не отвечает, значит, он давно разрушен. Но старейшина впервые произнес: гибель. И я сорвался. Наверное, я много неприятного наговорил и про старейшину, и про Совет, и про Инструкцию, и про Родину. Наверное, меня за дело посадили в карцер.

В карцере я просидел месяц. Утром и вечером оживал динамик и звучал гимн. Новостей в карцер не транслировали. Поэтому мне уже начало казаться, что корабль погиб, остался только я и робот, который носит мне еду. Ливэя мне не дали взять с собой, поэтому я изнывал от скуки и часами бродил вдоль стен. Зато нашел хулительные стихи от господина Су, выцарапанные иголкой так, чтобы этого не заметил никто, кроме тех, кто будет здесь часами пялиться в стенки. Господин Су ругал старейшину, ругал Совет и даже саму экспедицию. Он говорил, что экспедиция нужна лишь политикам, которые будут хвастаться, что сыны китайского народа достигли края галактики. И это не оправдывает затраченных средств и поломанных судеб. Он говорил, что все мы — смертники, запертые в огненную бочку. Погибнем мы или долетим — об этом никогда и никто не узнает. В дальнем углу карцера господин Су переложил в нецензурных выражениях идеологические разделы Инструкции — так, что читать было противно. Я не из тех стариков, что встают при упоминании Инструкции, но зачем же святыню в грязь втоптывать? Все равно что себя самого грязью поливать из ковшика.

Потом меня выпустили, заставив публично раскаяться в словах, сказанных старейшине. Я публично раскаялся, объяснив, что находился в невменяемом состоянии из-за гибели брата и не помню, что говорил.

Пока я сидел в карцере, ничего особенного не произошло. Письма с Родины стали поступать чаще — их пришло уже семь. Они становились все подробнее. В них рассказывалось о том, как хорошо живет Родина и какой мир царит во взаимоотношениях с остальными странами. В общем-то ничего здесь не было странного, однако тон сообщений все

далее удалялся от тона, принятого в Инструкции. Очень хорошо это сформулировал мой дед. На очередном заседании Совета он встал и заявил, что у него возникают сомнения в нынешней крепости китайской национальной идеи. Старейшина Цы довольно грубо его оборвал, хотя, по-моему, точнее и не скажешь.

Наконец пришла первая коробка с лекарствами — это были таблетки для умирающей старой Лунь. К коробке прилагалась инструкция, в которой было написано, что это именно лекарство для поправления здоровья госпожи Лунь. Лекарство оказалось чудодейственным — старой Лунь так сильно полегчало, что врачи приходили в изумление. Говорили, что, возможно, даже паралич ее отступит...

Я, конечно, был очень рад, что к старой Лунь возвращается здоровье. Только не понимал, за что они при этом убили моего брата. За то, что он узнал тайну?

Прошло три месяца. Все, что творилось на корабле, мне не нравилось. Все, что сообщали письма Родины, — тем более. Я чувствовал, что они насквозь фальшивые. Они все время менялись. Сейчас в них не осталось ничего от пафосного тона первого письма. Например, как-то незаметно выяснилось, что Великой китайской Империи вообще не существует. Сначала нам сообщили, что Великая китайская Империя распространилась на весь мир. Вскоре в письмах Родины ее перестали называть Великой, затем исчезло слово «империя», и, наконец, перестали произносить «китайская».

Я пошел поговорить с дедом. Деду тоже все это не нравилось, он тоже чувствовал, что с нами играют. Мы о многом говорили до выключения света, и я даже рассказал ему о надписях господина Су в изоляторе.

Дед нахмурился и сказал, что господина Су выбросили в космос совершенно правильно. Потому что если бы мы действительно были бесполезными смертниками, а наш подвиг нужен был только политикам, то он, дед, сам бы первым выбросился в космос...

Я вернулся в каюту после этого разговора, и на душе у меня было тяжело. Я лежал и думал о брате, снова и снова

ломал себе голову — что же такое он все-таки узнал в тот вечер? Ливэю тоже не спалось — он топтался по каюте и уныло похрюкивал. Он вообще очень хорошо чувствовал мои настроения. Наконец Ливэй сел и почесал задней ножкой ухо — совсем как собака. И стал задумчиво качать головой — туда-сюда, туда-сюда... И мне почему-то вдруг подумалось, что я свински мало знаю о маятниках.

Тогда я встал, оделся, взял под мышку Ливэя и пошел в терминальный зал. И начал читать все, где встречается слово «маятник». Находил, листал, отбрасывал и искал дальше. Мне казалось, что ответ близко, и я его сейчас найду. И я его действительно нашел — в простой физической брошюрке. И тогда я понял, что за эксперимент проводил Ян, осталось только его повторить. Но повторять эксперимент не пришлось.

Я включил свет, вошел в ангар и зашагал вперед по шершавому настилу. Встал в центре и внимательно огляделся. Если Ян решил соорудить тяжелый маятник на длинном канате, ангар был для этого не просто идеальным местом, а единственным на корабле. Я посмотрел вверх, на подвесные рамы. Как Ян ухитрился залезть туда и прикрепить трос? А я бы смог? Пошарил взглядом по углам. Где он набрал железного мусора на полторы тонны? И зачем? Не проще ли было привязать к тросу вот этого грузового робота, торчащего в дальнем углу? Ведь это как раз тонны полторы-две? Я бы так и сделал. Подогнал бы его своим ходом прямо в центр ангара. Ну и... И что? Поднять робота, прицепить к тросу и раскачать? Нереально. Для этого нужен другой грузовой робот. А он один. Зачем на корабле два тяжеловеса? Значит, Ян набирал вес из разного железного хлама, навешивая штуковины одну за одной и прикручивая проволокой. Потом оттянул маятник до упора... Чем? Тут уж точно грузовым роботом.

Я подошел к роботу и осмотрел его со всех сторон. Здоровенная тележка с мощными манипуляторами и простейшим мозгом. Узкая платформа на маленьких плотных колесах, по три штуки на каждой стороне. Максимально низкая — чтобы возить высокие грузы по низким коридорам.

Поднять манипулятором груз на свою платформу и покатиться вперед. Я поскреб носком ботинка покрытие, присел и потрогал ладонью тяжелые пыльные колесики. Этому роботу ни за что не вытянуть полторы тонны. Вот поднять полторы тонны и покатиться — запросто. Но вытянуть на себя? Маленькие колесики, шероховатый настил. Пять минут истощающего буксования на месте, а затем на рев мотора прибежит кто-нибудь из взрослых, и Ян получит незабываемую взбучку...

И тут я все понял. Ян собирал маятник уже взведенным! Я отчетливо увидел эту картину. Вот Ян подвешивает трос сверху в центре, а конец привязывает к стене ангара. Потом навешивает железяки, одну за другой. Маятник готов. Остается только перерезать веревку — маятник срывается и летит от стены к центру зала, тяжело и бесшумно. И дальше — к противоположной стенке. И обратно. И снова. И так много часов, потому что полторы тонны...

Осталось выяснить, где маятник стартовал. Я посмотрел по сторонам и почти сразу увидел на дальней стене обрывок толстой веревки. Посмотрел на дверь ангара, затем на стену с обрывком веревки.

Собственно говоря, все уже было ясно. Маятник стартовал там, а столкнулся я с ним возле двери. Как маятник оказался у двери, если он качался совсем в другой плоскости? Значит, плоскость маятника двигалась! Хотя, если верить корабельным приборам, этого не могло быть. Маятник всегда сохраняет плоскость. Если его запустить справа-налево, он никогда не будет качаться взад-вперед, как его ни верти. Может повернуться вокруг маятника все остальное — например, ты вместе с кораблем.

Но корабль не крутился вокруг своей оси! На экранах бортовых обзоров всегда висели одни и те же звезды! Экраны не могут врать. Или могут? Это же Ян сказал, что обмануть можно любые приборы, только маятник не обманешь. Да я же своими глазами видел гроздь электронных муравьев, облепивших датчик...

Осталось сделать более точный расчет. Я вернулся к двери ангара и попытался вспомнить, как это было в тот день. Как? Немного постоял на пороге... Быстро шагнул в сторону

и присел у стены... Посидел немного... Встал во весь рост, сделал несколько шагов в темноту, выставил руку... Остановись!

Почему-то йокнуло сердце и кольнуло в правой глазнице. Я посмотрел, где стою, и вынул из кармана рулетку.

Собственно говоря, я уже тогда примерно понял, какая цифра будет. Не понимал только как. И главное — зачем? Зачем, черт побери? Кто кого обманывает?

Я вернулся в пустой терминальный зал и сел за комп. Подставил данные в формулу и через минуту уже знал угловую скорость, с которой вращался наш корабль. Хотя по всем приборам он не вращался. Осталось только прикинуть, где он вращается. Я прикинул. Может, землянин предположил бы, что коварные враги взяли нас в плен и держат на планете с земной гравитацией. Но только я не землянин, я родился и вырос на корабле. Это был мой дом, мой мир, и здесь я не боялся ничего, даже гнева старейшины Цы. Я предположил, что это Земля... Пробежался по сенсорной панели и вызвал на экран глобус. Обычный земной глобус, испещренный ровной сеткой. Задумчиво покрутил его. В конце концов я мог ошибиться сто раз, мог упустить тысячу факторов, могло найтись миллион объяснений. Много чего было на Земле в этой географической широте. Но я был уверен на все сто: мы сидим в Северном Китае.

Когда я спустился к шлюзу, Ливэй стал тревожно водить пяточком, а затем выпрыгнул из моих рук и начал деловито обнюхивать шлюзовую заслонку, радостно повизгивая.

Я запустил предподготовку, взял Ливэя на руки и стал ждать, пока загорится сигнальный огонек. Заслонка уехала в сторону и я вошел в шлюзовую камеру. Появилась предупреждающая надпись. Я нажал кнопку: да, уверен в том, что делаю.

Собственно говоря, я ничем не рисковал, всего-то собирался посмотреть информацию о том, что творится за бортом. Централизованная информация, которая собиралась на терминалах рубки, показывала, что там плазма. А шлюз? Шлюз был отдельной системой: он прорубал дыру в силовом поле, вытягивая из него длиннющий многокилометро-

вый рукав — чтобы в эту дыру не заглянули плазменные протуберанцы. И датчики у шлюза были автономные.

Я ждал. Наконец загорелась надпись. Она сообщала, что за бортом прекрасное земное давление, умеренная влажность, двадцать градусов выше нуля и яркое планетарное освещение. Хотя часы корабля показывали глубокую ночь. Я коснулся клавиши и вторая заслонка передо мной дернулась.

Послышался свист, я испугался, что датчики обманули, и выходит воздух. Но это просто чуть выровнялось давление. А затем мне в лицо ударил солнечный свет, я увидел бескрайнюю степь и почувствовал невероятную какофонию запахов. Ливэй радостно заверещал и стал рваться из рук, но я только сжал его сильнее.

Степь начиналась прямо у люка и тянулась до самого горизонта. Было тихо, только стрекотали кузнечики — точно как в фильмах о степи. Вдалеке, справа и слева, возвышались два гигантских купола — уродливые, закопченные и оплавленные. Похожие на перевернутые горшки, обожженные со всех сторон неведомыми силами. Я понял, что это такие же корабли, как и наш.

Между ними торчала многоэтажная пагода из стекла и металла. А сверху было синее-синее, бескрайнее небо. Оно было бесконечным. Объемно-бесконечным. Таким может быть небо лишь для тех, кто в жизни не видел ничего шире ангара. Дорого бы я дал, чтобы взглянуть на это двумя глазами.

Закружилась голова. Я развернулся и потянулся к клавише, уже запоздало понимая, в чем фокус. Так и было — в обратную сторону шлюз почему-то не пускал. Тогда я вынул селектор — здесь, на границе корабля, селектор все еще работал!

Я вызвал старейшину Цы. Когда он наконец ответил, голос его был заспанный. Но когда я сказал, что я в открытом шлюзе за бортом, он сразу проснулся. Честно говоря, я не особо рассчитывал, что он мне поверит. Я не любил старейшину Цы, и он меня не любил, мы оба это знали. Но он был человеком умным. И хорошо знал физику. Пока я рассказывал ему про маятник, он уже спускался вниз. Когда я

описывал степь, он уже стоял по ту сторону шлюза, смотрел на табло и констатировал: шлюз действительно открыт наружу и там действительно кто-то есть.

«Значит, мы никуда не летали... — глухо произнес старейшина. — Для чего это было нужно?»

«Не знаю, — ответил я. — Может, для науки. А может, нас показывали в телесериале длиною в семьдесят лет».

Старейшина сообщил, что нажимает клавишу со своей стороны. И никакого эффекта. Было ясно, что шлюз пускает только наружу. И тогда старейшина приказал мне выйти из шлюза. Я снял с Ливэя шелковую шлеечку и положил ее на пол шлюза — пусть будет еще одно доказательство, что я звонил именно отсюда. Затем прижал поросенка покрепче и прыгнул в траву. Шлюз немедленно закрылся за моей спиной. Селектор уже не работал. Сначала я ждал, что старейшина выйдет, но он не выходил. И я понял, что он и не будет покидать корабль — как минимум он должен сделать объявление на Совете.

Я развернулся и зашагал к пагоде. Ливэй вырвался из рук и с визгом пустился по траве, описывая вокруг меня круги. А я шел и смотрел на оплавленные бока гигантских горшков. И вдруг с облегчением понял: нет, летали! Все-таки мы куда-то летали!

Когда я подходил к пагоде и оттуда мне навстречу выскочил улыбающийся Ян, то я уже не удивился. Мы обнялись, и Ян повел меня внутрь. Мы сидели на веранде, распахнутой всем ветрам, и пили чай. Настоящий чай оказался горьким и невкусным, совсем не таким, как соевый чай на корабле. Но я все равно его пил и смотрел, как по степи носится совершенно счастливый Ливэй. А Ян рассказывал. Медленно и уверенно, будто три месяца репетировал эту беседу.

— Я ждал, что ты догадаешься и выйдешь раньше остальных. Я хотел, чтобы тебя вывели, но это нельзя было никак сделать. Знай: мы летали. Но нас вернули с середины пути. Мы стоим здесь уже семь лет — помнишь, те загадочные гравитационные толчки? Все приборы корабля под кон-

тролем. И все это называется психологическим карантином. Специальная программа, рассчитанная на пятнадцать—двадцать лет. Сначала нас изучали. Теперь переписка. Потом живое общение. Потом — как будто транспортировки на Землю и обратно. И только потом им откроют, что они на Земле. Поверь, это необходимо. Ни тебя, ни даже меня больше не пустят на корабль, чтобы мы не испортили программу. Через пару лет, когда мы немного освоимся, нам позволят общаться с родными.

— И как мы им объясним, где мы? — удивился я.

— Случайность при наладке телепортации. Не важно.

— Я не понимаю, зачем это все?

— На корабле люди, которые всю жизнь верили, что они герои и несут славу Родине. Они готовы были отдать за нее жизнь. Многие из них не выдержат, когда узнают правду. Полет этот был не нужен. На Северном крае галактики еще полвека назад высадились финны. Да и Великой китайской Империи больше нет, есть просто народ Земли.

— Я не понимаю. Если это сильные люди, готовые отдать жизнь в борьбе, — почему они не смогут пережить известия, что они на Земле?

— Когда человек отдает жизнь в борьбе — он расстается со своим будущим. А нашему кораблю предстоит расстаться со своим прошлым. Нам с тобой легче — мы молодые, у нас маленькое прошлое. А у нашего деда прошлое — вся его жизнь. Переживет ли он? Не будет ли чувствовать себя несчастным до конца дней?

— Не знаю, — сказал я. — Меня на корабле больше всего угнетала эта ваша ложь. Я чувствовал ее. И дед чувствует.

— Это у нас семейное, — улыбнулся Ян. — Поэтому мы здесь. Может, и наш дед скоро решит выброситься в открытый космос, кто знает? Но сможет ли он здесь освоиться? Ты сможешь. Я осваиваюсь, и тебе помогу. Я теперь консультант по реабилитации. А начальник отдела — господин Су. Он тут совсем хорошо освоился.

— Понятно, — кивнул я.

— Посмотри налево — это стоит покоритель Южного края галактики. Он пустой уже тридцать лет, им сообщили сразу. Ничего хорошего не вышло, поверь мне. А теперь

посмотри направо — это покоритель Восточного края. Там случилась авария, они боролись со смертью пятьдесят лет, у них начались чудовищные болезни и перестали рождаться дети. Когда их нашли — там осталось два десятка стариков. Из корабля вывели одного лишь старейшину и очень аккуратно показали новый мир. С ним работали лучшие психологи. Он умный и быстро все понял. И сказал, что жить в этом мире для него невыносимо тяжело и он просит, чтобы экипажу разрешили дожить свой век в родном доме. Он тихо вернулся на корабль и сказал своим, что провалялся в коме среди руин нижнего трюма. Ему поверили, там бывало и не такое. Что там сейчас — неизвестно, наблюдение сняли, как он и просил.

Я долго молчал, пытаюсь переварить услышанное.

— Тяжело для начала? — улыбнулся Ян.

— Так, в меру, — сказал я.

— Согласись, не многие на нашем корабле спокойно примут все то, что я тебе сказал?

— Не многие, — согласился я.

— А это только первая часть правды. А есть и вторая.

— Выкладывай, — кивнул я.

— Готов? Это очень добрый мир. И ты это поймешь. Это мир удивительно простой, удобный и полезный. Но он движется по своим законам — как маятник, и нельзя вставать на его пути. Прости за аналогию. Кстати, уже сегодня вечером ты будешь смотреть на мир двумя глазами.

— За это отдельное спасибо, — кивнул я.

— Но этот мир пока не для нас. Мы здесь дикари. За семьдесят лет здесь произошло слишком много. Представь, что к нам на корабль попал пещерный человек, который стал бы гадить в коридорах, разводить костры в каюте, пытаться убить и съесть врагов? Так вот и мы здесь такие. Совершенно не владем технологиями, никому не интересны и попросту опасны. Мы пока только куски мыслящего мяса, которые родились вчера и умрут завтра, в нашей голове сам собой вырос разум и живет в полной изоляции. Это трудно понять, тут многое для тебя окажется немыслимым и надо будет привыкать. Ты уже готов ходить в туалет по электронной почте?

— Что? — изумился я.

— Это шутка. Но в ней доля правды. Будет очень трудно освоиться в этом мире. У нас пока есть только Идентити, мы даже не представляем, что еще бывает Виртуалити и Глобалити.

— Что это? — спросил я.

— Я третий месяц пытаюсь понять, что это, чтобы начать строить и получить права, — усмехнулся Ян. — Соревновательный конструктор личностных вселенных. Позволяющий ресурс всеобщей мыслящей души. Так понятно?

— Понятно, — кивнул я. — Ну что ж. Мне нравится. Но я не понимаю, почему надо врать нашим людям?

— Пока просто поверь на слово, — сказал Ян. — Надо. Я тоже не верил сначала.

— Люди должны знать правду, — сказал я твердо.

— Не всегда и не сразу, — сказал Ян.

— Всегда и сразу, — сказал я.

Ян вдруг замер и торопливо прижал мизинец к уху. Лицо его помрачнело. Он медленно поднял взгляд на меня.

— Что ты сказал старейшине Цы?

— Все сказал. Я ему звонил из шлюза по селектору...

— Из шлюза по селектору... — повторил Ян уныло. — Из шлюза по селектору. Мне такое в голову не могло прийти.

— А вы разве не следите за кораблем? Не прослушиваете селектор? Вашими муравьями и телепортациями?

— Да, — сухо ответил Ян. — Но совсем не так оперативно, как тебе кажется.

— Что-то случилось? — улыбнулся я, чувствуя торжество. — Старейшина Цы рассказал экипажу правду?

— Нет, — сказал Ян тихо. — Старейшина Цы повесился. На шелковой шлейке.

декабрь 2003

Сергей Лукьяненко

ОТ ГОЛУБЯ — К ГЕРКУЛЕСУ

День начинался удачно.

К десяти пришла на прием пожилая крашеная дама — директор крупного сетевого супермаркета. Из путаных объяснений следовало, что ее очень волнует интенсификация трудового процесса и повышение качества обслуживания покупателей.

Денис слушал очень внимательно, кивал, задавал нужные вопросы. А в компьютерном досье сделал пометку: «Бойтса, что подсилят».

К половине двенадцатого директор выговорила и получила твердое обещание, что психолог завтра же подъедет и познакомится с коллективом. Подписала договор о совместной работе и откланялась. На прощание оставила Денису фирменный пакет от супермаркета «Полтинничек». В пакете были бутылка коньяка, бутылка шампанского и банка икры. Коньяк был дагестанский, шампанское — молдавское, икра — красная. Денис покачал головой и восхищенно пробормотал:

— Совок!

Может, хрен с ней? Пусть подсиживают? Платит двадцать четыре тысячи за изучение психологической обстанов-

ки в коллективе — и при этом оставляет презенты на пятьсот рублей.

Но Центр психологии трудовых отношений, который Денис создал три года назад, справедливо гордился лояльностью к самым неприятным клиентам. Однажды его клиентами были... впрочем, вспоминать об этом не хотелось.

Денис вызвал секретаршу и глазами указал на пакет:

— У Галины Петровны завтра день рождения. Отнеси, пусть девочки отметят как следует.

— Хорошо, Денис Романович. — Секретарша без лишних вопросов подхватила пакет. Она была симпатичная, молодая, но правильная — никаких сплетен, никаких интрижек на рабочем месте, тем более — с начальством. Денис по опыту знал, что половина проблем в «трудовых коллективах» начинается со служебных романов. — Вас еще один клиент дожидается. Без записи.

Денис покосился на часы. Спросил:

— И как он?

Секретарша неожиданно смешалась. Отвела глаза:

— Ну... серьезный такой. Обстоятельный...

— Кредитоспособный? — Денис позволил себе улыбку.

— Да, — твердо сказала секретарша.

— Пусть войдет... через пару минут. И... кофе, чай, минералочку...

Секретарша упорхнула. Денис помассировал затылок. Откинулся в кресле. Все-таки руководить фирмой со штатом в двадцать человек нелегко. Даже если ты молодой и успешный психолог, специалист по трудовым отношениям...

— Вы позволите?

Клиент вошел как-то очень незаметно. Мужчина средних лет, в хорошем костюме, обувь начищена, галстук повязан аккуратно. Пожалуй, и впрямь, перспективен.

— Садитесь, прошу вас. — Денис привстал, выжидая, пока клиент опустится в кресло. Обменялся с ним рукопожатием. — Денис Озорнин. Можно просто — Денис.

— Я предпочел бы не называть свое имя, — грустно сказал клиент. — Это возможно?

— Пожалуйста. — Денис развел руками. — Но в таком случае как мы будем работать?

— Мне нужна всего лишь консультация специалиста. Много времени я не займу. Расплачусь я наличными.

Денис заколебался. Нет, мужчина не походил на налогового.

— Введите меня в курс проблемы, — попросил он.

Мужчина вздохнул:

— Проблема... да. Я — глава крупной транспортной компании.

Денис понимающе кивнул.

— Некоторое время назад я получил очень выгодный заказ... Доставить груз... — Он замолчал. Улыбнулся. — Крайне трудно пояснить детали, крайне трудно...

— Воспользуйтесь аналогией, — предложил Денис.

— Представьте себе транспортный корабль, — сказал клиент. — Точнее — целую флотилию транспортных кораблей, сложенно и неторопливодвигающихся к цели.

Денис вежливо ждал.

— Да... кстати... это вам...

Из кармана пиджака была извлечена пачка денег. Купюры легли на стол, и Денис быстро отвел взгляд.

Это вам не красная икра с дагестанским коньяком!

— Я вас очень внимательно слушаю, — сказал Денис.

— Так вот, мне было поручено доставить груз...

— Что за груз? Если не секрет? — Денис опять покосился на пачку с деньгами и отвел глаза.

— Никаких секретов. Большое количество газов, большей частью в сжиженном виде. Полезные ископаемые. Некоторое количество воды... Обычные грузоперевозки.

Денис покивал.

— Разумеется, я мог бы преодолеть весь путь один, — сказал мужчина. — Поверьте, технические возможности это позволяют. Но это... это так невыносимо скучно! Опять же — возможны происки конкурентов, нападения пиратов, те или иные технические проблемы...

— Пираты — это ужасно! — сказал Денис и покосился на пачку. Нет, вроде как настоящие деньги...

— И не говорите! — поддержал его клиент. — Поэтому я обзавелся экипажем. Вначале, конечно, не обошлось без определенной деградации. Были проблемы со средствами коммуникации.

— Начальный этап работы — он всегда самый трудный, — сказал Денис. — Коллектив притирается друг к другу и к начальству, усваивает правила игры...

— Вот! Вот! — Клиент энергично закивал. — Я был уверен, что вы поймете! Но с этими проблемами я худо-бедно справился. Был даже бунт... можно так сказать...

— Бунт на корабле! — притворно возмутился Денис. — Какое свинство!

— Пришлось включать противопожарные системы, устроить, так сказать, головомойку. Справился, хотя это и не доставило мне удовольствия... Дальше все помаленьку вошло в рабочий ритм. Корабль движется, экипаж осваивает управление...

Денис с серьезным видом пододвинул к себе лист бумаги и нарисовал елочку. Скоро Новый год. Если в этой пачке и впрямь доллары, то с подарком для жены проблем не возникнет...

— Потом началось расхищение и порча груза, — сказал мужчина. — Конечно, определенный процент усушки заложен в нормативы. Но к чему, скажите мне на милость, расшвыривать редкоземельные металлы за борт? А что говорить о сварах и ссорах среди экипажа?

— Очень плохо, — сказал Денис. — Я думаю, вам надо установить простые и четкие нормы поведения на работе.

— Установил! — Клиент вздохнул. — Очень простые, очень понятные. Не допускающие, как мне казалось, ложного толкования. Все равно все извратили, выхолостили, приспособили под свои сиюминутные потребности. Грызня идет непрерывная, бессмысленная, отвратительная!

— В вашей ситуации, — Денис нарисовал еще одну елочку, — я бы посоветовал положиться на здоровую часть экипажа. Заключить с ними отдельный трудовой договор и опираться, скажем так, на прогрессивные силы коллектива.

— Я так и сделал. — Мужчина поморщился. — Выбрал наиболее вменяемую группу, договорился, обеспечил им наилучшие условия для работы. Знаете, что началось?

— Травля, — сказал Денис. — Со стороны прочего коллектива.

— Именно, — горько сказал мужчина. — Дикая, омерзительная, непрерывная травля. И мало того, в ответ на эту

грызню и мои фавориты повели себя не лучшим образом! Неприязнь, дистанционирование, подчеркнутая обособленность, в последнее время — ответная агрессия...

— Естественная реакция, — сказал Денис. — Поддерживая часть коллектива, вам надо было ясно продемонстрировать — пусть им многое дано, но и спросится с них вдвойне!

— Да вроде так и делал... — Клиент замолчал.

Денис полюбовался еловой рощицей, возникшей на листе бумаги. Сказал:

— Сейчас вы, как я понимаю, в тупике.

— В абсолютном тупике, — кивнул клиент. — Чувствую, кончится все очередным мятежом. Экипаж буквально перебьет друг друга! И при этом нанесет большой урон той части груза, до которой в состоянии дотянуться. Пока я несу убытки только морального свойства... это разбрасывание редкоземельных элементов, по большей части пустяковое... детское баловство. Но если пострадает основной груз воды... а он как раз под боком у экипажа... тут уже серьезная неустойка.

— Я вижу только один выход, — сказал Денис. — Но, предупреждаю вас сразу, это трудное решение.

— Да? — с надеждой спросил мужчина.

— Вы можете сменить экипаж?

— Могу. — Мужчина даже растерялся. — В любой момент. Но... это как-то... так сказать, не по-божески...

— Зато очень даже по-людски. Вы с ними пытались вести дело честно?

— В меру их понимания... — вздохнул мужчина.

— Ну так увольняйте.

— Я к ним привязался... — Мужчина неловко улыбнулся. — При всех недостатках... они для меня как семья...

— Вы кто? Воспитатель или капитан? Вам что нужно, шашечки или ехать?

— Ехать, — вздохнул мужчина.

— Вы долго пытались их вразумить?

— Очень долго! Века и тысячелетия, можно так сказать...

— Мой вам совет, — твердо сказал Денис. — Меняйте команду.

Посетитель поднялся. Вздохнул. Протянул руку:

— Что ж... спасибо вам... Я подумаю. А может, дать им испытательный срок?

Денис иронически улыбнулся и покачал головой.

Мужчина вздохнул и направился к двери.

— А куда груз-то везете? — не удержался Денис.

— Из созвездия Голубя в созвездие Геркулеса, — ответил мужчина, не оборачиваясь.

Дверь за ним закрылась.

Денис с легким подозрением взял в руки пачку купюр.

Мужик оказался психом!

Но деньги были настоящие.

И это Дениса полностью успокоило.

Сергей Лукьяненко

НЕ СПЕШУ

Сжимая в одной руке надкушенный бутерброд, а в другой — бутылку кефира, черт озирался по сторонам. Выглядел он вполне заурядно — мятый старомодный костюм, шелковая рубашка, тупоносые туфли, галстук лопатой. Все черное, только на галстук алые языки пламени. Если бы не рожки, проглядывающие сквозь аккуратную прическу, и свешивающийся сзади хвост, черт походил бы на человека.

Толик отрешенно подумал, что в зале истории средних веков городского музея черт в костюме и при галстукe выглядит даже излишне модерново. Ему больше пошел бы сюртук или фрак.

— Что за напасть... — выплевывая недопрожеванный бутерброд, изрек черт. Аккуратно поставил бутылку с кефиром на пол, покосился на Анатолия и попробовал длинным желтым ногтем меловую линию пентаграммы. В ноготь ударила искра. Черт пискнул и засунул палец в рот.

— Я думал, хвост будет длиннее, — сказал Толик.

Черт вздохнул, достал из кармана безупречно чистый носовой платок, постелил на пол. Положил на платок бутерброд. Легко подпрыгнул и коснулся свободной рукой

потолка — высокого музейного потолка, до которого было метра четыре.

На этот раз искра была побольше. Черт захныкал, засунул в рот второй палец.

— В подвале тоже пентаграмма, — предупредил Толик.

— Обычно про пол и потолок забывают, — горько сказал черт. — Вы, люди, склонны к плоскостному мышлению...

Толик торжествующе усмехнулся. Покосился на шпаргалку и произнес:

— Итак, именем сил, подвластных мне, и именем сил неподвластных, равно как именем сил известных и неизвестных, заклинаю тебя оставаться на этом месте, огражденном линиями пентаграммы, повиноваться и служить мне до тех пор, пока я сам, явно и без принуждения, не отпущу тебя на свободу.

Черт слушал внимательно, но от колкости не удержался:

— Заучить не мог? По бумажке читаешь?

— Не хотелось бы ошибиться в единой букве, — серьезно ответил Толик. — Итак, приступим?

Вздыхнув, черт уселся на пол и сказал:

— Расставим точки над *i*?

— Конечно.

— Ты вызвал не демона. Ты вызвал черта. Это гораздо серьезнее, молодой человек. Демон рано или поздно растерзал бы тебя. А я тебя обману — и заберу душу. Так что... зря, зря.

— У меня не было заклинания для вызова демона.

— Хочешь? — Черт засунул руку в карман. — Ты меня отпустишь, а я дам тебе заклинание по вызову демона. Все то же самое, только последствия менее неприятные.

— А что случится с моей душой за вызов демона?

Черт захихикал.

— Соображаешь... Мне она достанется.

— Тогда я отклоняю твое предложение.

— Хорошо, продолжим. — Черт с тоской посмотрел на бутылку кефира. Внезапно вспылil: — Ну почему я? Почему именно я? Сто восемь лет никто не призывал чертей. Наигрались, успокоились, поняли, что нечистую силу не обмануть. И вот те раз — дежурство к концу подходит, решил подкрепиться, а тут ты со своей пентаграммой!

— Дежурство долгое?

— Не... — Черт скривился. — Год через два. Месяц оставался...

— Сочувствую. Но помочь ничем не могу.

— Итак, вы вызвали нечистую силу, — сухо и официально произнес черт. — Поздравляю. Вы должны принять или отклонить лицензионное соглашение.

— Зачитывай.

Черт сверкнул глазами и отчеканил:

— Принимая условия настоящего лицензионного соглашения, стороны берут на себя следующие обязательства. Первое. Нечистая сила, в дальнейшем — черт, обязуется исполнять любые желания клиента, касающиеся мирских дел. Все желания выполняются буквально. Желание должно быть высказано вслух и принимается к исполнению после произнесения слов «желание высказано, приступить к исполнению». Если формулировка желания допускает двоякое и более толкование, то черт вправе выполнять желание так, как ему угодно. Второе. Человек, в дальнейшем — клиент, обязуется предоставить свою бессмертную душу в вечное пользование черту, если выполнение желаний приведет к смерти клиента. Данное соглашение заключается на свой страх и риск и может быть дополнено взаимно согласованными условиями.

Анатолий кивнул. Текст лицензионного соглашения был ему знаком.

— Дополнения к лицензионному договору, — сказал он. — Первое. Язык, на котором формулируется желание, — русский.

— Русский язык нелицензирован, — буркнул черт.

— Это еще с какого перепугу? Язык формулировки желаний — русский!

— Хорошо, — кивнул черт. — Хотя по умолчанию у нас принят суахили.

— Второе. Желания клиента включают в себя влияние на людей...

— Нет, нет и нет! — Черт вскочил. — Не могу. Запрещено! Это уже вмешательство в чужие души, не могу!

В общем-то Анатолий и не надеялся, что этот пункт пройдет. Но проверить стоило.

— Ладно. Второе дополнение. Клиент получает бессмертие, которое включает в себя как полное биологическое здоровье и прекращение процесса старения, так и полную защиту от несчастных случаев, стихийных бедствий, эпидемий, агрессивных действий третьих лиц, а также всех подобных не перечисленных выше происшествий, прямо или косвенно ведущих к прекращению существования клиента или нарушению его здоровья.

— Ты не юрист? — спросил черт.

— Нет. Студент-историк.

— Понятно. Манускрипт раскопал где-нибудь в архиве... — Черт кивнул. — Случается. А как в музей проник? Зачем этот унылый средневековый колорит?

— Я здесь подрабатываю. Ночным сторожем. Итак, второе дополнение?

Черт понимающе кивнул и сварливо ответил:

— Что вам всем сдалось это бессмертие? Хорошо, второй пункт принимается с дополнением: «за исключением случаев, когда вред существованию и здоровью клиента причинен исполнением желаний клиента». Иначе, сам понимаешь, мне нет никакого интереса.

— Ты, конечно, будешь очень стараться, чтобы такой вред случился?

Черт усмехнулся.

— Третье дополнение, — сказал Анатолий. — Штрафные санкции. Если черт не сумеет выполнить какое-либо желание клиента, то договор считается односторонне расторгнутым со стороны клиента. Черт обязан и в дальнейшем выполнять все желания клиента, однако никаких прав на бессмертную душу клиента у него в дальнейшем уже не возникает. Договор также считается расторгнутым, если черт не сумеет поймать клиента на неточной формулировке до окончания времен.

Черт помотал головой.

— А придется, — сказал Анатолий. — Иначе для меня теряется весь смысл. Ты ведь рано или поздно меня подловишь на некорректно сформулированном желании...

Черт кивнул.

— И я буду обречен на вечные муки. Зачем мне такая радость? Нет, у меня должен быть шанс выиграть. Иначе неспортивно.

— Многого просишь... — пробормотал черт.

— Неужели сомневаешься в своей способности исполнить мои желания?

— Не сомневаюсь. Контракт составляли лучшие специалисты.

— Ну?

— Хорошо, третье дополнение принято. Что еще?

— Четвертое дополнение. Черт обязан не предпринимать никаких действий, ограничивающих свободу клиента или процесс его свободного волеизъявления. Черт также не должен компрометировать клиента, в том числе и путем разглашения факта существования договора.

— Это уже лишнее. — Черт пожал плечами. — Насчет разглашения — у нас у самих с этим строго. С меня шкуру сдерут, если вдруг... А насчет свободы... Допустим, устрою я землетрясение, завалю это здание камнями, что из того? Ты все равно будешь жив, согласно дополнению два, и потребуешь вытащить себя на поверхность, согласно основному тексту договора.

— А вдруг у меня рот окажется песком забит?

— Перестраховщик, — презрительно сказал черт. — Хорошо, принято твое четвертое дополнение.

— Пятое. Черт осуществляет техническую поддержку все время действия договора. Черт обязан явиться по желанию клиента в видимом только клиенту облике и объяснить последствия возможных действий клиента, ничего не утаивая и не вводя клиента в заблуждение. По первому же требованию клиента черт обязан исчезнуть и не докучать своим присутствием.

— Сурово. — Черт покачал головой. — Подготовился, да? Хорошо, принято.

— Подписываем, — решил Анатолий.

Черт порылся во внутреннем кармане пиджака и вытащил несколько сложенных листков. Быстро проглядел их, выбрал два листа и щелчком отправил по полу Анатолию.

— Внеси дополнения, — сказал Анатолий.

— Зачем? Стандартная форма номер восемь. Неужели ты думаешь, что твои дополнения столь оригинальны?

Толик поднял один лист, развернул. Отпечатанный типографским способом бланк был озаглавлен «Договор Человека с Нечистой Силой. Вариант восемь».

Дополнения и в самом деле совпадали.

— Кровью или можно шариковой ручкой?

— Лучше бы кровью... — замялся черт. — У нас такие ретрограды сидят... Нет, в крайнем случае...

Анатолий молча достал из склянки со спиртом иглу, уколол палец и, окуная гусиное перышко в кровь, подписал бланки. Вернул их черту вместе с чистой иглой и еще одним пером. Черт, высунув кончик языка, подписал договор и перебросил через пентаграмму один экземпляр.

— Дело сделано, — задумчиво сказал Анатолий, пряча бланк в карман. — Может, sprysнем подписание?

— Не пью. — Черт осклабился. — И тебе не советую. По пьяной лавочке всегда и залетают. Такие желания высказывают, что ой-ей-ей... Могу идти?

— А пентаграмму стирать не обязательно?

— Теперь — нет. Договор же подписан. Слушай, где ты такой качественный мел взял? Палец до сих пор болит!

— В духовной семинарии.

— Хитрец... — Черт погрозил ему пальцем. — Мой тебе совет. Можно сказать — устное дополнение. Если пообещаешь не пытаться меня обмануть, то я тоже... отнесусь к тебе с пониманием. Весь срок, что тебе изначально был отпущен, не трону. Даже если пожелаешь чего-нибудь необдуманно — ловить на слове не стану. И тебе хорошо — будешь словно сыр в масле кататься. И мне спокойнее.

— Спасибо, но я постараюсь выкрутиться.

— Это желание? — хихикнул черт.

— Фиг тебе! Это фигура речи. Лучше скажи, почему у тебя такой короткий хвост?

— Ты что, много чертей повидал? Нормальный хвост.

— Я ведь могу и пожелать, чтобы ты ответил...

— Купировали в детстве. Длинные хвосты давно не в моде.

На прощание черт смерил Анатолия обиженным взглядом, погрозил пальцем — и исчез. Через мгновение в воздухе возникла кисть руки, пошарила, сгребла бутерброд, бутылку кефира и исчезла.

А Толик пошел за заранее приготовленной тряпкой и ведром воды — стереть с пола пентаграмму. Для бедного студента работа ночным сторожем в музее очень важна.

Первый раз черт появился через месяц. Анатолий стоял на балконе общежития и смотрел вниз, когда за левым, как положено, плечом послышалось деликатное покашливание.

— Чего тебе? — спросил Толик.

— Тебя гложут сомнения? Ты раскаиваешься в совершенном и хочешь покончить самоубийством? — с надеждой спросил черт.

Толик засмеялся.

— А, понимаю... — Черт по-свойски обнял Толика за плечи и посмотрел вниз. — Красивая девчонка, ты прав! Хочешь ее?

— Ты ведь не можешь влиять на души людей.

— Ну и что? Большой букет белых роз — она любит белые... тьфу, что за пошлость! Потом подкатываешь на новеньком «бентли»...

— У меня и велосипеда-то нет.

— Будет! Ты чего, клиент?

— Будет, — согласился Толик, не отрывая взгляда от девушки. — Я не спешу.

— Ну? Давай формулируй. Обещаю, в этот раз не стану ловить тебя на деталях! Итак, тебе нужен букет из девяти белых неколючих роз, оформленный на тебя, и не числящийся в розыске исправный автомобиль...

— Изыди, — приказал Толик, и черт, возмущенно крикнув, исчез.

В последующие годы черт появлялся регулярно.

Профессор, доктор исторических наук, автор многочисленных монографий по истории средних веков, сидел в своем кабинете перед зеркалом и гримировался. Для пятидесяти лет он выглядел неприлично молодо. Честно говоря, без

грима он выглядел на тридцать с небольшим. А если бы не проведенная когда-то пластическая операция, то он выглядел бы на двадцать.

— Все равно твой вид внушает подозрения, — злобно сказал черт, материализовавшись в кожаном кресле.

— Здоровое питание, йога, хорошая наследственность, — парировал Толик. — К тому же всем известно, что я слежу за внешностью и не пренебрегаю косметикой.

— Что ты скажешь лет через пятьдесят?

— А я исчезну при загадочных обстоятельствах, — накладывая последний мазок, сказал Толик. — Зато появится новый молодой ученый.

— Тоже историк?

— Зачем? У меня явная склонность к юриспруденции...

Черт сгорбился. Пробормотал:

— Все выглядело таким банальным... А ты не хочешь стать владыкой Земли? Как это нынче называется... президентом Соединенных Штатов?

— Захочу — стану, — пообещал Толик. — Я, как тебе известно...

— ...не спешу... — закончил черт. — Слушай, ну хоть одно желание! Самое маленькое! Обещаю, что выполню без подвохов!

— Э, нет, — пробормотал Толик, изучая свое отражение. — В это дело лучше не втягиваться... Ну что ж, меня ждут гости, пора прощаться.

— Ты меня обманул, — горько сказал черт. — Ты выглядел обыкновенным искателем легкой жизни!

— Я всего лишь не делал упор на слове «легкая», — ответил Толик. — Все, что мне требовалось, — это неограниченное время.

В дверях он обернулся, чтобы сказать «изыди». Но это было излишним — черт исчез сам.

Сергей Лукьяненко

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИМЕРАХ ИЗ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Историческая справка

Проект «Ковчег», самый амбициозный космический проект человечества, был начат в 2187 году и завершен в 2260-м.

Астероид Сильвия диаметром более ста километров, один из крупнейших в Солнечной системе, был окружен герметичной хрустальной сферой, удаленной от поверхности астероида на расстояние от десяти до пятнадцати километров. Сфера опиралась на две колонны из моноуглеродного волокна, так называемые Алмазные Столпы.

После этого астероид был подвергнут терраформированию — под хрустальной сферой создали пригодную для дыхания атмосферу, а поверхность астероида покрыли слоем искусственно созданной плодородной почвы. На астероиде появились уменьшенные копии всех земных ма-

териков, морей и рек. Были построены города и поселки, названные в честь земных прототипов, был также строго выдержан национальный состав поселенцев. Плавно скользящее по хрустальной сфере искусственное солнце согревало астероид и осуществляло на нем привычную смену дня и ночи. У Сильвии даже имелся естественный спутник семикилометрового диаметра — с поверхности он выглядел лишь чуть меньше земной Луны.

Только искусственное управление гравитацией позволило человечеству осуществить этот грандиозный проект. Однако на астероиде поддерживалась сила тяжести, равная половине земной — за это почти единогласно высказались колонисты.

В 2264 году астероид был снят с орбиты и направлен в сторону звезды Барнарда. Предполагалось, что через две тысячи с небольшим лет потомки первых колонистов достигнут цели и смогут колонизировать планеты звезды Барнарда — или же отправиться в дальнейший путь.

На случай технической деградации населения Сильвии системы движения и жизнеобеспечения астероида были сделаны полностью автономными. Вероятно, это явилось правильным решением, поскольку в 2271 году эпидемия электронной чумы охватила уже покинувший пределы Солнечной системы астероид. Было ли это террористическим актом или чьей-то небрежностью — неизвестно. Связь с астероидом была прервана навсегда, и с тех пор мы ничего не знаем о судьбах отважных первопроходцев космоса.

Уцелела ли цивилизация Сильвии? Или же полностью деградировала, утратив все знания о мире? Если цивилизация действительно рухнула в варварство, то есть ли шансы, что когда-нибудь она возродится вновь, что дикие племена создадут письменность, культуру, расшифруют немногие сохранившиеся бумажные книги? Какой станет эта новая культура? Быть может, в ней появятся свои философы и поэты, писатели и ученые? Как они объяснят природу хрустальной сферы, окружающей их маленький мир?

Мы не знаем. Можно быть уверенным лишь в одном — эта культура будет совершенно непохожа на земную...

Тит Лукреций Кар

«О природе вещей»

фрагменты I книги

Многие тшятся понять, что есть что в мирозданье,
Строят догадок пустых неисчислимы сонмы.
Вот для примера: одни говорят, что планета
Наша похожа на блин и лежит на спине кашалота,

Что рассекает просторы безбрежного моря,
Плавню неся на себе города и деревни.
Глупо! Любой кашалот, даже самый огромный,
Скользок, игрив и земли на себе не потерпит.

Есть и другие мечтатели с взором горящим;
Мир, говорят, как яйцо, весь закрыт скорлупою,
Сферой хрустальной, хранящей тепло и дыханье,
Сферу же держат столпы из огромных алмазов.

Солнце, они говорят, есть огонь рукотворный,
Можно его уподобить пылающей масляной лампе.
Богородные предки его поместили на сферу,
Чтоб он катился по небу, нам путь освещая.

Что нам ответить на эту историю должно?
Только смеяться в ответ. Мы-то знаем, где правда!
В книгах мудрейших, доставшихся людям от предков,
Сказано все об устройстве всего мирозданья.

Наша планета — скопленье космической пыли,
Некогда диском огромным кружащей в пространстве.
Пыль ту сжимала в комки очень мощная сила,
Что порождает в предметах друг к другу влеченье.

Как у людей, тяготению силы подвластных,
Пламень любви загорается в душах нередко,
Так и в материи косной, кружащей в пространстве,
Вызвано было с годами тепло и свеченье!

Самый большой из скопления космической пыли
Так распалился, что стал огнедышащим солнцем.
Наша планета вокруг него мчит по орбите,
Вдаль не спеша улетать и не падая в пламя.

Можно примером простым подтвердить эту мысль,
Ну-ка, возьмите бочонок с водой на веревке
И раскрутите вокруг себя очень быстро!
Видите? Кружит вода, тяготенью подвластна!

Так вот устроено наше с тобой мирозданье,
Прочее — выдумки все и нелепость!

Франсуа Рабле

«Гаргантюа и Пантагрюэль»

7. О том, как Панург побывал у Алмазного Столпа

Когда все уселись за стол и Панург утолил первый голод, все принялись ублажать нашего прохожу.

— Ах, отважный Панург! — говорил Пантагрюэль. — Верно, ты и впрямь великий ловкач, раз сумел вернуться с края света! Ну, расскажи-ка нам скорее, не томи, что такое Алмазный Столп?

Панург утер с губ изрядно утиноного жира, отрыгнул и ответил:

— Да вы меня, никак, держите за верблюда, который может питаться только колючками и ничего не пить целый год! У меня в горле так пересохло, что ни одного словечка наружу не вылетит!

Надо сказать, что наш шельмец говорил это все звучным, звонким голосом, от которого на улице залаяли собаки, а в соседнем трактире повар опрокинул в жаркое изрядную меру перцового соуса. Будучи по натуре жадиной и злодеем, повар все-таки подал жаркое посетителям, и от того у восьмерых приключился заворот кишок, четверо умерли на месте, у двоих задымилась и отвалилась задница, ну а усравшихся и облевавших было совсем без счету. Речь наша, впрочем, не о том, а о путешествии хитрого Панурга.

— Подать сюда немедленно всякой воды! — закричал Пантагрюэль.

И ему принесли воды:

пять бадей морской, соленой и горькой,
четыре ведра озерной, с водорослями и всякой рвани-
ной,

три ковша колодезной, на вид чистой, но вонючей,
две кружки из ручейка, который тек мимо ближайшей
конюшни,

и кружку родниковой, хорошей и сладкой.

Но Панург возмущился снова и сказал, что в воде скрываются невидимые букашки, от которых пучит живот и наступает лихорадка. Так что пришлось Пантагрюэлю потряхнуть мошной, а это куда больнее, чем потрясти мошонкой, до чего он был преизрядный охотник!

И ему подали вина:

большую бочку красного, кислого, как уксус,
маленький бочонок белого, хорошего на вкус, но плохого на запах,

и бутылочку мальвазии, достойной королей.

Панург выпил все это в один присест, после чего сходил отлить, и лишь потом начал свой рассказ:

— Случилось так, что буря прибила мой корабль к бесплодному каменистому острову, поднимавшемуся из моря словно огромная скала. Команда принялась чинить пробитый трюм и латать порванные паруса, я же отправился гулять, ибо человек ученый должен стремиться к знаниям. Остров был совершенно безлюден, но покрыт руинами, видно, в древности там жило преизрядно народу. И вот, гуляя по острову, увидел я впереди что-то прозрачное, но блистающее, тянувшееся из земли прямо в облака. Подойдя же поближе я охнул от удивления, ибо понял, что это есть тот самый мифический алмазный столп, который держит на себе хрустальную сферу неба.

— Постой-постой! — закричал Пантагрюэль. — Сверкание такого столпа должно быть видно издалека и манить к себе корабли с жадными торговцами!

— Нет, — ничуть не смутившись, ответил наш враль. — Ибо столп сей хоть и сделан из алмаза, но не огранен, а кругл, будто колонна. Солнечного же света в тех краях почти что нет, ведь столп уходит до самого неба и вызывает тем такие погодные возмущения, что вечно окутан тучами

и туманом. Только подойдя к нему вплотную, можно его заметить.

— А велик ли он в толщину? — спросил Пантагрюэль.

— Не очень, — отвечал Панург. — Толщиной он в бычий хрен, конечно, если брать хорошего быка, племенного.

Пантагрюэль при этих словах нахмурился, засомневался и задумался, Панург же продолжал рассказ:

— Ощупав сей чудесный алмазный столп, я тут же понял, что никто не поверит моим речам. Следовало отколоть от него хотя бы кусочек и принести в цивилизованный мир, на изучение ученым мужам. Но поразмыслив, отказался я от этой затеи, ибо, во-первых, алмаз есть самый прочный в мире камень, и его ничем нельзя повредить, кроме как расколов. А во-вторых, если столп и впрямь держит хрустальную сферу небес, как говорят о том толстозадые монахи, то не упадет ли она нам на голову? Потому, смирив жадность, побежал я обратно к кораблю самыми большими прыжками, на которые только мог решиться. И никому из вас не расскажу я, где в океане находится остров с Алмазным Столпом — хоть режьте мне руку,

хоть пилите мне ногу,

хоть кусайте за причинное место,

хоть щекочите колокольчики,

хоть целуйте в седалище!

Услышав эту пылкую речь, Пантагрюэль засмеялся и сказал:

— Ну и потешил, мой любимый дружок! Ну и наплев всякой всячины, навешал лапши на уши, запудрил мозги, наврал с три короба! Учеными мужами давно посчитано, что если и впрямь есть Алмазный Столп, что держит Хрустальный Свод, то толщиной он должен быть в четверть морской мили, а никак не с бычий хрен! Что же касается твоей отваги, то что мешает нам вывести тайну у моряков с твоего корабля?

— Только то, — отвечал хитрый Панург, — что, находясь уже в виду порта, я заколол их всех своей верной шпагой, с большим сожалением, но ради спасения всего нашего мира! Корабль же пустил на дно, а до берега добрался в лодке.

— Вот и ответ, — засмеялся снова Пантагрюэль. — Не желая платить морякам, ты их всех перебил, нас же потчуете выдумками. То-то погоди, в аду черти припомнят тебе твои хитрости! А теперь давайте же пить и веселиться, ибо выслушали мы смешную выдумку!

И все принялись пить и веселиться, кроме Панурга, который очень обиделся и четверть часа на всех дулся. По истечении же четверти часа его веселый нрав взял свое и он простил друзьям обиду.

Жюль Верн

«Из пушки на Луну. Вокруг Луны»

фрагмент

— Нет, друзья мои, — воскликнул Барбикен. — Мы не упали на Землю! И мы не вонзились в мифический Хрустальный Свод! Мы летим к Луне!

Это известие вызвало бурю восторга.

— Ура! Ура! — вскричали в один голос Николь и Ардан.

Густой мрак действительно подтверждал, что друзья покинули Сильвию, или по-простому — Землю. Далеко внизу они видели поверхность планеты. Снаряд действительно вознесся в небо! Четко очерченная светящаяся граница атмосферы была уже где-то на полпути между снарядом и Сильвией и никаких дырок или трещин в ней не наблюдалось.

— Я проиграл, — признал Николь. — То, что некоторые астрономы называли Оболочкой, или, по-старинному, Хрустальной Сферой, является лишь явлением дифракции и рефракции лунного и солнечного света на плотных слоях атмосферы. Мы вовсе не окружены непроницаемой скорлупой! Путь в небо открыт для человека! Я был не прав!

— С чем тебя и поздравляю, — сказал Ардан. — Получите девять тысяч долларов.

— Прикажете расписку в получении? — спросил Николь.

— Разумеется.

Когда формальности были завершены, Барбикен воскликнул:

— Теперь самое время закусить!

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, приготовленного из таблеток. Затем — три порции говядины, спрессованной под гидравлическим прессом новейшей конструкции. Биштекс был так сочен и нежен, словно только что вышел с кухни.

Затем были поданы консервированные овощи и превосходный русский чай с печеньем. Роскошный пир был завершен бутылкой превосходного бургундского.

Много было съедено за этим завтраком и еще больше сказано.

— Произведя необходимые эксперименты, — заявил Барбикен, — я убедился, что Сильвия действительно имеет в диаметре сто тридцать километров, в то время как Луна — всего семь. Все это прекрасно согласуется с новейшими научными данными.

— А чем вы объясните тот факт, что в древнейших манускриптах встречаются упоминания о других размерах Земли и Луны? — спросил Ардан. — А именно — двенадцать тысяч семьсот пятьдесят шесть километров для Земли и три тысячи четыреста семьдесят шесть километров для Луны? Возможно ли, что когда-то наши предки обитали на другой планете?

Барбикен засмеялся:

— Подумайте сами, друг мой. Была бы возможна жизнь на планете таких размеров? Разумеется, нет! Ускорение свободного падения на Земле равно четырем целым сорока пяти сотым метра в секунду. И это — при диаметре планеты в сто тридцать километров! При размерах Земли в девяносто восемь раз больше вы не смогли бы даже пошевелиться! Вас пришлось бы сделать из чугуна или стали и снабдить могучим паровым мотором!

— Но откуда же взялись эти загадочные цифры? — упорствовал Ардан.

— Древние люди, при всех своих загадочных открытиях и достижениях, были склонны преувеличивать размеры Земли. Она казалась им гораздо больше... в сто раз больше... не

зря же истинный размер планеты оказался именно в сто раз меньше!

Это простое и логичное объяснение уgomонило даже скептическую натуру Ардана. В этот момент Николь возбужденно закричал:

— Смотрите! Смотрите! Мы пролетаем мимо Солнца!

Действительно, снаряд в своем движении приближался к чудесному источнику тепла и света! Барбикен, вооружившись угломером и нацепив темные очки, быстро произвел необходимые измерения.

— Французские ученые были правы! — воскликнул он наконец. — Диаметр Солнца составляет ровно восемьсот метров!

— Не выпить ли нам по этому поводу шампанского? — спросил Ардан.

Николай Носов

«Незнайка на Луне»

фрагмент

С тех пор как Знайка вместе с Фуксией и Селедочкой побывали на Луне, Знайка много рассказывал о своем путешествии. Особенно он любил рассказывать про лунные кратеры, которые, как всем известно, представляют собой остатки древних кирпичных стен. Поразмыслив, Знайка решил, что на Луне тоже когда-то жили коротышки. Но у них не было Хрустального Свода, который удерживает воздух над Землей, поэтому воздух с Луны понемногу улетучивался, улетучивался, пока не улетучился совсем. Вот коротышки и окружали свои города толстыми стенами, чтобы им было чем дышать. А потом они взяли и переселились внутрь Луны, потому что Луна внутри пустая, вроде футбольного мяча, и на внутренней ее поверхности можно прекрасно жить. Об этом Знайка даже написал книжку.

Эта Знайкина книжка наделала много шума. Все коротышки с увлечением читали ее. Многие ученые хвалили ее

за то, что она научно обоснованна, но ругали за то, что плохо написана.

А действительный член академии астрономических наук профессор Звездочкина, которую недавно признали астрономом года, прочитала Знайкину книжку и просто закипела от негодования и сказала, что книга эта — вовсе не книга, а какая-то, как она выразилась, чертова чепуха. Эта профессорша Звездочкина была не то чтобы какой-нибудь очень сердитой дамой. Нет, она была довольно доброй коротышкой, но очень, как бы это сказать, требовательной, неприимимой. Во всякой книжке она ценила больше всего чтение познавательное и терпеть не могла никаких фантазий, то есть выдумок.

Профессор Звездочкина предложила академии астрономических наук устроить обсуждение Знайкиной книги и разобрать ее, как она выразилась, по косточкам, с тем чтобы никому больше неповадно было такие книги писать. Академия дала согласие и послала приглашение Знайке. Знайка приехал и обсуждение началось.

Когда все приглашенные коротышки расселись в просторном зале, на трибуну взошла профессор Звездочкина, и первое, что от нее услышали, были слова:

— Дорогие друзья, разрешите заседание, посвященное обсуждению Знайкиной книги, считать открытым.

После этого профессор Звездочкина громко откашлялась, не спеша вытерла платочком нос и принялась делать доклад. Изложив кратко содержание Знайкиной книги и похвалив ее за научную точность в описании руин лунных городов, профессор сказала, что переселение коротышек внутрь Луны — это глупость несусветная. А еще, по ее мнению, книга написана совершенно ужасным и неряшливым языком. А печатание скверных книг — это вовсе не пустячок, как кому-то кажется. Теперь каждый глупый коротышка начнет печатать свои книги, одна другой хуже. А когда умные коротышки примутся читать эти книжки, они тоже поглупеют и начнут писать глупости. И так все будут глупеть и глупеть, пока не поглупеют окончательно и совсем разучатся читать.

Выслушав все это, Знайка поднялся со своего места и сказал насмешливо:

— Вы рассуждаете так, будто уже прочитали все скверные книжки на свете.

— Только вашу! — огрызнулась профессор.

— Какая же она скверная, если коротышки ее читают и хвалят? — возразил Знайка.

— При чем тут коротышки? — буркнула профессор.

— А вот при чем, — сказал Знайка. — Да будет вам известно, что книжки пишутся, чтобы их читали. И если кто-то, прочитав скверную книжку, поглупел, то, значит, он сам был глупым! И вообще, что для одного книжка скверная, то для другого очень даже хорошая!

— Это не научный подход! — закричала Звездочкина. — Вы себе какие-то глупости втемяшили в голову! Только дурачку могла понравиться ваша книжка!

Тут все коротышки, которые читали Знайкину книжку, очень обиделись.

И со всех сторон раздались крики:

— Верно! Правильно! Долой Звездочкину!

Сейчас же двое коротышек схватили Звездочкину — один за шиворот, другой за ноги — и стащили ее с трибуны. Коротышки стали требовать, чтобы Знайка рассказал про свое путешествие на Луну или почитал книжку вслух.

Однако Звездочкина снова выскочила на трибуну и сказала:

— Дорогие друзья, мы здесь собрались вовсе не для того, чтобы про Луну слушать, а для того, чтобы обсудить Знайкину книжку, а поскольку книжку мы не обсудили, то, значит, не выполнили того, что было намечено, а раз не выполнили того, что было намечено, то надо будет все-таки выполнить...

Шум поднялся такой, что ничего уже нельзя было понять. Двое коротышек снова бросились на трибуну и поволокли Звездочкину прямо на улице. Там ее посадили в скверике на траву и сказали:

— Вот когда сама напишешь книжку, тогда будешь выступать на трибуне, а сейчас пока посиди здесь на травке.

От такого бесцеремонного обращения Звездочкина ошалела настолько, что не могла произнести ни слова. Потом она понемногу пришла в себя и закричала:

— Это безобразие! Я буду жаловаться! Я напишу в газету! Вы еще узнаете профессора Звездочкину!

Она долго так кричала, размахивая кулаками, но, увидев, что все коротышки разошлись по домам, сказала:

— На этом заседание объявляю закрытым.

После чего встала и тоже пошла домой.

Аркадий и Борис Стругацкие

«Обитаемый остров»

фрагмент

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было высокое и какое-то мягкое, легкомысленно-прозрачное, намекающее на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, без привычной библейской тверди, гладкой и непроницаемой. Небо это, несомненно, не опиралось на Алмазные Столпы, установленные на полюсах, и прямо так, без всякой Хрустальной Сферы, простиралось в космос.

Максим искал в зените дыру в Сфере, пробитую кораблем, но дыры там не было — только расплывалась большая фосфоресцирующая клякса, словно капля бензина в воде.

— Самозатягивающаяся Сфера! — восхищенно прошептал Максим. Вероятность найти планету с подобной Сферой — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил след удара там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина над штробильным аппаратом.

Значит, вот как оно все было...

Корабль опустился на Хрустальной Сфере. Выдвинулся штробильный аппарат, проделал дырочку для входа в атмосферу. Хорошо так проделал, аккуратно, как и положено умному, исправному кораблю. Потом корабль вынул верхними

манипуляторами хрустальный круг, поднял над собой и стал протискиваться в отверстие, чтобы быстренько наложить шов и восстановить целостность Хрустальной Сферы, не лишит планету драгоценного воздуха. Но Сфера оказалась авторемонтирующейся! И она сама заделала дырку, поддав при этом кораблю по носу!

«Приключение», — подумал Максим. Приключение тела, конечно. И все-таки интересно!

Он поддернул трусы и размашистым шагом направился к реке. Сухая трава шуршала под ногами, репейники кололи пятки.

Река была большая, медленная, и простым взглядом совершенно не было заметно, как она исчезает за линией горизонта. Дифракция здесь была чудовищная, горизонт терялся где-то вдаль. Казалось, что диаметр планеты не сто тридцать километров, как положено на любой пригодной для жизни планете, а гораздо, гораздо больше. Может быть, тысяча километров. А может быть, даже две или три!

Максим остановился на берегу, зачерпнул горстью воду. Понюхал. В воде чувствовалось много железа и радиации.

Итак, планета обитаема!

Какая цивилизация может развиваться в таком мире? — задумался Максим. Они не видят Хрустального Свода — значит, у них не возникнет идеи о Творце. Никакого бога, никакой клетки, ограничивающей человеческий мир! Космос должен казаться им совсем-совсем близким, легко достижимым. А еще — собственный мир представляется им огромным, бескрайним, полным тайн и приключений. В воде — металл, значит, цивилизация технологическая и не испытывающая нужды в ресурсах. В воде — радиация, значит, они постигли тайны атома и совершенно не боятся радиации, не считают нужным от нее защищаться...

Максим даже глаза закрыл и причмокнул от удовольствия.

Ах, какие люди живут на этой планете!

Свободные и гордые — их разум не бился в тисках религии, прежде чем наука доказала естественное происхождение Хрустальной Сферы!

Пытливые и любознательные — они путешествовали по своей планете, излазили ее вдоль и поперек, а теперь, конечно же, их манит космос!

Умные и мастеровитые — строители железных машин, поркители атомного ядра, прирожденные инженеры и техники!

Сильные и здоровые — их не пугает радиация, они здоровы духом и телом!

Щедрые и быстро развивающиеся — оставляющие ржаветь старые механизмы, не привыкшие экономить и постоянно создающие новое!

— Братья по разуму, — прошептал Максим. — Старшие братья!

За спиной кашлянули. Это не было вежливое покашливание деликатного интеллигента, пытающегося обратить на себя внимание. Это был настоящий, грудной, родившейся у самой диафрагмы и долго рвавшийся наружу кашель, и деликатности в нем было не больше, чем в шумно выпущенных кишечных газах.

Максим обернулся к прибрежным кустам.

Там, расставив крепкие короткие ноги, стоял весь заросший рыжим волосом коренастый человек в безобразном клетчатом комбинезоне. Сквозь буйные рыжие заросли смотрели на Максима буравящие голубые глазки, очень пристальные, пристальные и острые, будто резцы штробильного аппарата. Сразу стало ясно, что этот рыжий молодчик не впервые видит пришельцев из другого мира и привык обходиться с ними быстро, круто и решительно.

А ресурсы братья по разуму и впрямь не сэкономили! Материи на одежду рыжего ушло столько, что хватило бы обеспечить трусами десяток пилотов Группы Свободного Поиска. Максиму стало неловко и немного стыдно.

— Да! — сказал Максим, энергично кивая. — Сильвия! Космос! Максим! Меня зовут Мак-сим!

Брат по разуму на миг задумался, а потом перехватил поудобнее странный железный аппарат, висевший у него на груди. Выхлопное орудие этого аппарата устало Максиму в грудь...

ПОВЕСТИ

Виталий Каплан

ИНОЙ СРЕДИ ИНЫХ

1

Уснуть в троллейбусе — такого с ним еще не было. И ладно бы за полночь, добираясь на последнем, случайном, — так нет же, в пять вечера, не особенно и устав. День как день — уроки, методобъединение, подготовка викторины с шестыми классами. Странно.

Странности сегодня вообще лепились одна к одной. Час пик — а двадцать второй троллейбус пришел почти пустым. Необъяснимо изменилась и погода — вопреки прогнозам синоптиков, натянуло откуда-то сизых облаков, запахло в воздухе близкими дождями. Вот тебе и бабье лето!

Дмитрий сидел, прислонясь к окошку, тяжелую (три пачки контрольных тетрадей) сумку он пристроил слева, все равно некому было покуситься на полметра кожаного сиденья.

Москва не хотела расставаться с летом — пускай даже и с таким неласково-мокрым. Зелень листвы еще не окрасилась желтизной, газоны пестрели цветами, рекламные пла-

каты обещали фантастические скидки на летних распродажах. Две недели сентябрь притворялся июлем, маскировался солнышком и температурой за двадцать. Но сейчас, видимо, решил взять свое. Свистнул хулиганистыми ветрами, развесил тучи и приготовился к боевым действиям.

Действительно, вдали громыхнуло. Пока еще осторожно, словно примеряясь, — но по всему было видно, что от слов погода перейдет к делу.

Жалко, если это всерьез и надолго. В пятницу после уроков гимназия собиралась на турслет, с ночевкой в лесу. Дмитрий уже договорился насчет недостающих палаток и спальников, составил с детьми раскладку продуктов, даже сумел убедить нескольких особо нервных мам, что их драгоценные отпрыски ничего себе не отморозят, что ни волки, ни медведи, ни энцефалитные клещи не покусятся на отравленное алгеброй и литературой детское мясо, и вообще ничего такого («Ну, вы же понимаете, Дмитрий Александрович! У них ведь опасный возраст!») не случится. С этими мамами Дмитрий мучился уже второй год и каждый раз напоминал себе о необходимости смириться. Удавалось так себе.

Обидно, если сезон дождей сорвет все планы. Дети всерьез настроились на поход, на костры, палатки и канатную переправу. Конечно, человек лишь предполагает, а располагает Господь, но объяснять девятиклассникам эти банальности — как-то скучновато.

Единственный плюс в таком раскладе — можно будет побыть дома, со своими. Сходить куда-нибудь с Аней — из-за отпуска и дачи у них давно уже не получалось выбираться вместе. Опробовать с Сашкой свежеподаренный конструктор — не дурацкие современные наборы «собери себе монстра», а почти такой же, какой двадцать с лишним лет назад был у самого Дмитрия. Из которого можно собирать все что угодно — хватило бы фантазии и терпения.

Молния сверкнула внезапно. Казалось, сразу отовсюду. И тут же троллейбус затопила серая, вязкая тишина. Секунда, вторая, третья... Полагалось быть грому, но гром где-то завис. А в салоне сделалось вдруг темно — не ночь, а зябкие сумерки. Предметы разом потеряли цвета, острые грани разгладились, расстояния необъяснимо удлинились.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович, — раздалось слева. Вместо сумки с тетрадями (и куда делась?) обнаружился высокий худощавый мужчина. Если и старше Дмитрия, то ненамного. — Нам бы надо поговорить. Я понимаю, вы удивлены, но это нормальная реакция.

Выглядел незнакомец вполне интеллигентно — аккуратная прическа, очки в дымчатой оправе, неброский, но и явно не ширпотребовский костюм.

— Простите! — Дмитрий сам не узнал своего голоса. Горло пересохло, будто он неделю блуждал в пустыне. — Вы... Вы как тут оказались? Пусто же было!

— Сейчас я вам все объясню, — покладисто ответил незнакомец... — Меня зовут Антон...

— Очень приятно, — на автопилоте кивнул Дмитрий. — Но, по-моему, мы с вами не знакомы?

— Верно, — согласился Антон. — Вот, кстати, и познакомимся. Времени у нас будет вполне достаточно, гром грянет еще очень нескоро. Но морально приготовьтесь, вам придется услышать вещи, которые поначалу могут шокировать... даже, наверное, напугать. Дело в том, что вы — Иной.

Слово это прозвучало так, что сразу стало ясно: здесь оно существительное.

— Вы — не совсем обычный человек, — выдержав секундную паузу, мягко заговорил Антон. — Вернее даже сказать, не совсем человек. Я, кстати, тоже. Понимаете, есть на Земле люди, их подавляющее большинство. Но есть и мы, Иные...

Вот тут Дмитрию и стало ясно — это сон. Нелепый, глупый сон в пять часов дня, в двадцать втором троллейбусе, посреди первой сентябрьской грозы. Потому что наяву такого просто не могло быть.

И как же теперь проснуться? Щипать себя за мочку уха? И тогда тебе приснится, что ты проснулся? Как там у Пастернака? «Силится проснуться — и впадает в сон»?

— Это сон! — громко и раздельно произнес Дмитрий, словно в классе, диктуя определение биссектрисы угла. — Это просто сон, и сейчас я проснусь.

— Знаете, — доверительно поведал незнакомец, — когда в свое время ко мне вот так же пришли, я тоже считал это

сном. Так бывает, Дмитрий Александрович. Вы не спите. Все на самом деле, без шуток.

Ах вот как? Неприятный холодок проскользнул по спине. Может, и вправду не сон? А что тогда? Розыгрыш? Чьи-то идиотские эксперименты? ФСБ, инопланетяне? Чушь на ножках! Или... или кое-что пострашнее? То, о чем до сей поры приходилось только в книгах читать. Но вдруг это действительно случилось? Именно с ним?

Дмитрий резко встал. Вернее, попытался встать — помешала сумка, почему-то оказавшаяся у него на коленях. Но все же он немного приподнялся, усилием воли подавил дрожь в голосе и, широко перекрестясь, произнес:

— «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. И да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко да исчезает дым, да исчезнут. Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...»

Антон не расточился яко дым. С легкой жалостью поглядев на Дмитрия, он сказал:

— Вы не оригинальны, Дмитрий Александрович. Все мы проходили через нечто подобное. В следующий раз, когда мы с вами встретимся, то, надеюсь, поговорим по-человечески... то есть по-иному, — чуть улыбнулся он. — И вы сами посмеетесь над сегодняшними страхами. А пока до свидания. Будем считать, что познакомились.

И тут же вернулись краски, серость куда-то утянулась, гроыхнуло так, что зазвенело в ушах. Сейчас же ударил в стекла крупный, дождавшийся своего часа дождь, задолбил по крыше троллейбуса, мигом намочил асфальт.

Оказалось, что не так уж в салоне и безлюдно. Зашевелились пассажиры, кто-то удивленно присвистнул, кто-то засмеялся, пухлая старушка сетовала, что вышла из дому без зонта, и как же ей теперь?

А вот Антона не было и в помине. Даже сиденье оказалось ничуть не примято. Значит, все-таки сон, облегченно решил Дмитрий. Пускай уж лучше это будет сном. Еще не хватало ему с бесами общаться! Немедленно вспомнились грозные предостережения святителя Игнатия. Ведь совсем недавно же перечитывал! «Слово о чувственном и духовном

видении духов». А еще всплыло в голове склизкое словечко «шизофрения»...

Дмитрий подхватил свою сумку и выскочил из дверей на первой же остановке, став добычей холодного дождя. Ничего, лучше уж охладиться. Лучше пешком прогуляться, лишь бы кошмар остался позади. Господи! Ну сделай так, чтобы ничего этого не было! Ну пусть это окажется сном! Просто сном!

2

Да, за лето они, конечно, все забыли. Первая же самостоятельная по алгебре — и восемь двоек. Теперь вот часовая стрелка лениво ползла к четырем, а жертвы летних удовольствий старательно напрягали мозги — переписывали. В этом отношении Дмитрий был либералом — в журнал плохие отметки проставлять не спешил, давал неделю на реабилитацию, но итоговую оценку все-таки снижал на балл. Чтобы жизнь медом не казалась.

Судя по огорченным физиономиям «переписчиков», она им казалась дегтем. Густым и черным. Дмитрий вот уже третий год работал здесь и не переставал удивляться. Ну прямо оазис какой-то, островок девятнадцатого века в кислотном океане двадцать первого. Дети учатся! Более того, дети хотят учиться! И не только из-за родительских понуканий.

Гимназия, конечно, хорошая. Дело даже не в том, что православная. Не только в том. Три года назад, решив выползть из трясины массовой школы, он насмотрелся разного. Статус «православности» нередко оборачивался пшиком. Рассадники лицемерия, как откровенно признался ему один знакомый батюшка. Ролевая игра в девятнадцатый век, да и то с каждым годом все халтурнее.

Здесь было иначе. Как-то проще, по-домашнему. Монастырских порядков не заводили, напрасной муштрой не мучили. Требования, конечно, были строгие — но не строже, чем в иных, совершенно светских местах.

Директрисе Марине Павловне удавалось лавировать между Сциллой жесткости и Харибдой вседозволенности. Пока, во всяком случае, удавалось. Да и учителя подобрались что надо. Некоторым, правда, не хватало профессионализма, но зато они действительно любили детей и действительно знали свой предмет.

— Ну что ж, дамы и господа, — глянув на часы, оборвал тишину Дмитрий. — Время истекло, пора сдавать работы. Надеюсь, подписать их не забыли?

Как всегда в таких случаях, страдальцы выпрашивали еще минуточку, «вот только дописать ответ». В конце концов листочки возлегли на учительском столе неровной стопкой, а подрастающее поколение шумно вытекало из класса. Не забывая, однако, попрощаться. В массовой школе — вещь из области ненаучной фантастики. А здесь — в порядке вещей.

Дмитрий не стал сразу же проверять работы. Это вечером, в тихой обстановке. Если, конечно, шестилетний Сашка уткнется в сказки, а не станет носиться по квартире, изображая Маугли и Кинг-Конга в одном флаконе.

Сейчас предстояла куда менее приятная штука — поурочные планы на всю четверть. Параллель шестых, параллель девярых. Жуть! Тупая писанина, но ведь не отвертишься. Департамент бдит, Департаменту частная, а уж тем более православная школа — как заноза в известном месте, им только дай повод — укусят радостно.

Спустя полчаса Дмитрий оторвался от скучных бумаг. И обнаружил, что в классе он не один. Максим Ткачев, новенький ученик из его девятого «А», оказывается, не ушел с остальными «переписчиками», а тихо сидел на задней парте и что-то сосредоточенно читал.

— Ты чего, Максим? Результатов ждешь? Так я же сказал, завтра будут. Сейчас, извини, другие дела.

Максим приподнял голову, оторвавшись от книги.

— Нет, Дмитрий Александрович, я просто хотел спросить... Я не понял сегодня вот эту задачу, на геометрии. Где надо по теореме про внешний и внутренний угол на круге... Нам в старой школе этого, кажется, не давали...

— На окружности, — механически поправил Дмитрий. — Смотри, это вот как делается... — Он вышел к доске, взял мел. — Строим два треугольника, один в другом...

— И так просто? — спустя пару минут захлопал глазами Максим.

— Ну да... Математика вообще штука простая, если ее не усложнять специально. А чего же ты полчаса сидел, не решился спросить?

— Да я как-то... — замялся Максим. — Я хотел спросить, а потом вижу, вы заняты, решил пока почитать... ну и увлекся. Извините.

Это было на него похоже. За две недели Дмитрий уже заметил, что мальчик читает везде и всюду. На уроках (был потом тягостный разговор с пожилой учительницей географии), на переменах (не раз на него, сидящего на подоконнике с книгой, натыкались со всей дури несущиеся старшеклассники), даже в школьной столовой (увлекшись чтением, он однажды чисто механически выпил чужой компот, над чем долго потешались окружающие дети).

Вообще своеобразный был мальчик. В чем-то не по годам развитый, а в чем-то — суший младенец. Экзамены в гимназию выдержал с завидной легкостью. То, что ребенок неверующий, директрису не смутило, не первый случай. Главное, внушала его маме Марина Павловна, чтобы это не создало мальчику сложностей в общении.

Не создало. Максим прекрасно вписался в коллектив, умудряясь при этом оставаться самим собой. Нашел свою социальную нишу.

— И что на сей раз? — поинтересовался Дмитрий.

— Да вот. — Максим протянул ему пухлую книгу в ядовито-глянцевой обложке.

«Тайное среди нас. Экстрасенсорика в теории и на практике». Творение некоего господина Ласточкина, действительного члена некой Академии Белой Эзотерики.

Дмитрий скривился, будто от недозрелой смородины.

— И что, увлекательное чтение? — спросил он сухо.

Максим пожал плечами.

— Вполне. Тут такие случаи описаны, которые наукой ну никак не объясняются. А факт, что на самом деле бывают. Ну, ясновидение там, телекинез, исцеление безнадежных больных. А вы, Дмитрий Александрович, не верите в это?

Дмитрий выдержал паузу. Неясно было, как строить разговор. Своему, православному, он легко бы разложил все по полочкам, но здесь явно не тот случай. Нет у него в голове этих полочек... Но и отмолчаться нельзя.

— Видишь ли, Максим, — начал он осторожно, — боюсь, у нас тут мнения не совпадут. Я православный христианин, из этого и исхожу... Верю ли я в такие случаи, как тут описаны? — Он скосил глаза на полкило оккультиатины. — Возможно, не все тут и шарлатанство. Есть такие факты, да. Весь вопрос в их происхождении. Чудеса бывают или от Бога, или от нечистого, других вариантов нет. Только вот если это от Бога, то оно и видно. Например, монах, пребывающий десятки лет в аскетическом подвиге, получает благодать исцеления или прозорливости... Но такое случается редко, Господь не раздает эти дары направо и налево. А вот куда чаще от подобных чудес пахнет серой...

Максим прищурился.

— То есть вы считаете, что если это не у православного монаха, то обязательно от дьявола? А если это просто какие-то законы природы... неизученные пока?

— Знаешь, — протянул Дмитрий, — я тоже в свое время об этом читал. Но слишком уж часто такие способности плохо кончаются. Для их обладателя. Или человек с ума сходит, или самоубийство, или там явная одержимость бесами. Интересные законы природы, не находишь? С завидным постоянством ведущие человека к гибели, и телесной, и духовной. Нет, дорогой, тут уж явно видна чья-то сознательная воля. И при том весьма злая.

— Что же получается? — как-то очень уж по-детски спросил Максим. — Вот, например, тут про одного человека написано, он рак лечит, наложением рук. Кучу народа вылечил, и бесплатно. Всем хорошо. А это, выходит, от дьявола все? А зачем дьяволу, чтобы люди исцелялись?

Дмитрий едва не застонал. Ну как объяснить этому пациенту такие сложные вещи? Не читать же курс догматического богословия! А в двух словах как скажешь?

— Дьявол хитер. Не думай, что главная его цель — это мелко пакостить. Он губит не тела, а души. И если исцеление связано с поклонением дьяволу... пускай даже не напря-

мую, пускай косвенно... Все равно ведь этот исцеленный когда-нибудь умрет, но тогда уж ему забронирован номер в аду.

— А если не связано? — не сдавался Максим. — Может, человек, который исцеляет, тоже верующий? Может, он тоже в церковь ходит и молится? Тут и про таких написано. Все равно, по-вашему, это происки сатаны?

Дмитрий вздохнул. Те же самые вопросы задавал и он сам... больше десяти лет назад, еще до крещения. Книжки, что ли, пацану подкинуть? А вдруг его мама сочтет это «вербовкой в православие», насилием над «свободой совести»? Впрочем, сомнительно. Тетка толковая, да и понимала, куда сына отдает. Даже не настаивала, чтобы Максима освободили от дополнительных предметов — церковнославянского языка, занятий по истории Церкви, изучения богослужебного устава. Для общего развития полезно, согласилась она еще в том, первом разговоре, при зачислении. Пускай посещает.

— Максим, ну пойми... Ты думаешь над этими вопросами пару часов... ну, может, несколько дней. А Церковь уже две тысячи лет с ними сталкивается. Ну вот есть такое понятие, как церковное предание. Как бы отфильтрованный духовный опыт. А из предания известно, как ловко сатана и его слуги умеют притворяться. Колдуны могут и в храм ходить, и к иконам прикладываться. Вопрос, с какими целями. Тут надо быть очень осторожным. Мало ли что человек сам о себе говорит. Верует ли он на самом деле, с ходу и не поймешь. Это ж только в дешевых триллерах колдуна обжигает святая вода или отгоняет крест. А в реальной жизни все куда сложнее.

Максим опустил глаза.

— Значит, — сказал он тихо, — вы любого человека, который что-нибудь такое умеет, считаете колдуном? Извините.

Разговор, похоже, поворачивал на второй круг.

— Ну, — задумчиво протянул Дмитрий, — возможны ведь всякие переходные случаи. Только все равно в итоге человеку придется выбирать. Или он с Богом, или с дьяволом. К сожалению, эти экстрасенсы и маги чаще всего выбирают

последнее. Ты пойми, Максимка, я же не навязываю тебе православный взгляд на эти вещи. Ты спросил, я ответил. А что правильнее, как у нас или как здесь, — ткнул он пальцем в глянцевою обложку, — решай сам.

— Ладно, — вздохнул Максим, засовывая книгу в свой рюкзачок. — Интересно поговорили, спасибо вам. И за теорему тоже спасибо. Она, оказывается, красивая...

3

Пламя, лишенное дровяного корма, давно уже отгорело, но малиновые угли тускло светились в темноте, и плыл от них обволакивающий жар.

Дмитрий не стал подкидывать свежих дров. Наутро понадобятся, когда придет пора готовить завтрак. А сейчас можно посидеть и так, переводя взгляд с догорающего костра на истыканное острыми булавками звезд небо.

Погода не подкачала. Пролившийся в среду дождь оказался случайностью, нелепостью, бабье лето шло уверенной бабьей поступью. Днем доходило до двадцати трех, да и сейчас, в полпервого ночи, тепло было не только возле костра. К утру, понятное дело, сильно похолодает, тогда можно и в палатку уползти. А пока он сидел на бревне, дежурил. Подмосковье — это, конечно, не сельва, но чужих и тут не все любят. От станции они отошли километров на пять, но все равно стоило остерегаться визита местной молодежи. Во всяком случае, лучше подстраховаться. Дмитрий, правда, и сам не знал, что сможет сделать с пьяной шпаной. Суровую школу жизни — армию — он прошел заочно, мордобойными искусствами сроду не увлекался и кочергу в отличие от иных героев, узлом бы не завязал. Оставалось уповать на Божью помощь и теорию вероятностей.

Пока везло. И в набитую дачниками электричку влезли без особых сложностей, и до места дошли вполне бодро. Ребятишки, правда, по большей части оказались непривычны к походному быту, но правильная организация стоила опы-

та. Марина Павловна мигом мобилизовала девчонок на ревизию продуктов и готовку ужина, Дмитрий, пресекая поползновения мальчишек побеситься на травке, пошел с ними за дровами. Палатками занимались десятиклассники под присмотром историка Юрия Николаевича.

И как-то легко и быстро все устроилось. Сварили вкусную гречневую кашу, по случаю пятничного поста сдобрили ее рыбными консервами. В чай кинули несколько горстей малины (надо же — оставалась еще в лесу!). После ужина прочитали вечерние молитвы, а потом долго сидели у костра, пели песни. Дмитрий сделал для себя открытие — директриса, оказывается, прекрасно владела гитарой. А на вид — суховатая, даже чопорная дама. Юрий Николаевич хорошо поставленным баритоном (еще бы, шесть лет за клиросом) пел старинные русские песни, по большей части мало кому известные. Лариса Игоревна, биологичка, в своем репертуаре предпочитала бардовскую классику. Возможно, ребятам и хотелось чего-то посовременнее, но никто из них не отважился перехватить инструмент.

И вот сейчас все спали, разморенные лесным кислородом, усталостью и впечатлениями. Лишь изредка кто-то выбирался из палатки и с понятными целями бежал в заросли.

Все-таки повезло ему с работой... Да, платят здесь куда меньше, чем в иных престижных заведениях, но это можно добрать частными уроками, лечением помирающих компьютеров и разными случайными халтурками. Зато чувствуешь — ты на своем месте. На острове... В оазисе. Значит, не все еще здесь погребло, истлело и выгорело. Вот этим ребятишкам — им и возрождать Россию. Которая все-таки будет Третьим Римом, а не каким там по счету Вавилоном. И тогда...

Он резко дернулся, сообразив, что сзади его тронули за плечо. Дежурный называется! Этак собственную смерть проспийшь.

Угли почти не давали света, но его недостаток восполняла восходящая луна — круглая и оранжевая, как спелый апельсин.

— Дмитрий Александрович! — тонкая фигура Максима вылепилась из темноты. — Вы извините, что я вас разбудил.

Но понимаете, там... — Мальчишка вытянул руку в сторону деревьев. — По-моему, там что-то такое... что-то есть.

— Что? Ты о чем? — Дмитрий окончательно стряхнул с себя паутину сна. — Еще раз, пожалуйста, и внятнее.

Максим примостился рядом на бревне. Волосы его были встрепаны, а на голых плечах высыпали мурашки. Как-то сразу стало ясно, что парень испуган, но старается держать себя в руках.

— Ну просто... Ну мне понадобилось, понимаете...

Дмитрий про себя усмехнулся. Надо же, как далеко простирается его интеллигентность. Нет чтобы сказать «сходил отлить». Эвфемизмы. И впрямь — оазис на острове.

— Ну и вот... — напряженно шепнул Максим. — Я подалее отошел, и когда закончил — чувствую, там кто-то шевелится, в кустах. Кто-то большой. И запах... ну, странный какой-то запах. Я чуть поближе — а оттуда глаза, из кустов. Желтые такие. Честное слово, мне не показалось.

У Дмитрия неприятно заныло в желудке. Что ж, следовало ожидать — слишком гладко все с самого начала шло. Может, Максиму просто кошмарный сон приснился? В процессе отлива? Не хотелось углубляться в тему кошмарных снов... сразу всплыла в памяти та гроза... и залитый серыми сумерками салон троллейбуса...

— Что ж, надо сходить. Посмотрим, что за чудо-юдо. Пойдем, покажешь.

А что еще оставалось? Будить коллег? Запустить вирус паники? Но ничего не делать тоже нельзя. Хоть тут и не сельва... а всякое бывает.

Он на всякий случай взял топор. Придает уверенности.

— Направление-то помнишь?

Максим молча кивнул.

— Не замерзнешь так-то? Может, сходишь в палатку, накинешь чего?

— Да ладно! — Мальчишка передернул плечами. — Не зима ведь. Пойдемте. У меня фонарик есть, — добавил он.

Деревья бесшумно сомкнулись за их спинами. Ночной лес, оказывается, полон был звуков. Прерывистые птичьи голоса, треск сучьев под ногами, шелестящий листвою ветерок. И еще что-то непонятное.

Дорога оказалась долгой. Свет луны почти не пробивался сквозь ветви елей, и без фонарика им бы пришлось туго. Но тусклое желтое пятно все же помогало ориентироваться. Несколько раз они повернули, дважды перелезали через поваленные стволы.

— Далеко же ты забрался, — проворчал Дмитрий. И как этот сверхинтеллигентный ребенок умудрился запомнить дорогу? Тем более что мама его жаловалась на абсолютный, как она выразилась, «топографический кретинизм» сына. «Он даже в метро умудряется заблудиться!» Видать, лес все же попроще. Или тут нет мамы с ее гиперопекой.

— Кажется, здесь! — Максим остановился возле огромной ели, сломанной у основания ствола. — Чувствуете?

Дмитрий почувствовал. Вновь заныло в желудке, и ледяная струйка стекла между лопаток. Кто-то здесь определенно был. Кто-то спокойно и вместе с тем заинтересованно наблюдал за ними. Сперва Дмитрию показалось, будто шевелятся высокие кусты малины. Потом он понял свою ошибку. Не движение — а взгляд. Станный, холодный взгляд — причем со всех сторон одновременно. И еще — запах. Вроде и не явная вонь — но что-то гаденько-склизкое, вызывающее ассоциации с помойным ведром.

— Кто здесь? — сдавленным голосом прошипел он и изо всей силы сдавил топориче.

Ответа не последовало — если не считать ответом глухое, на пределе слышимости, рычание. Если бы миллион мух жужжали строго в унисон — пожалуй, получилось бы похоже.

А спустя мгновение сзади раздался легкий шорох. Дмитрий резко обернулся. Максим последовал его примеру — и луч фонаря осветил из плотной тьмы фигуру.

— Ни фиги себе... — вырвалось у Дмитрия. Такого зверя ему еще не доводилось видеть. Даже в зоопарке. Его можно было бы счесть волком — но размеры! Такие размеры приличествуют медведю — и не из самых мелких. Задние лапы значительно длиннее передних, острые уши скошены назад. И морда — не по-волчьи и уж тем более не по-медвежьи вытянута, едва ли не на полметра вперед. Скорее уж щучья пасть — если представить себе мохнатую щуку на четырех лапах и весом с тонну.

— Максим! — одними губами прошипел он. — Быстро назад! В лагерь! Поднимай всех!

— Я с вами, Дмитрий Александрович! — Парень, оказывается, подобрал уже какую-то обломанную ветку, в первом приближении смахивающую на дубину. Смех сквозь слезы.

— Ты что, не понял? Погеройствовать захотелось? Живо в лагерь, там же мелкие! Пусть снимаются! Пусть по мобильному куда-нибудь позвонят!

— Куда? — горько скривился Максим. — В милицию? Или сразу в зоопарк?

— Хватит болтать! А ну пошел!

Дмитрий сунул мальчишке в руку фонарик — и уже не глядел за спину. Гораздо важнее было то, что впереди.

Странно, почему зверюга не нападала. Стояла в пяти шагах, утробно рычала, посверкивая желто-зелеными глазами. Фонаря больше не было, но лунный диск наконец-то нашел себе лазейку в переплетении крон — и сейчас равнодушно заливал прогалину.

В лунном свете тварь казалась еще крупнее. Короткая, видимо, жесткая шерсть, какого цвета — не разобрать. Мощные лапы, а уж когти... одним таким когтем можно перевернуть Землю... или по крайней мере разодрать человеку горло.

А зверь ли это? Может, опять сон? Чушь, не бывает таких снов... И что теперь делать?

Собравшись внутренне, он сотворил крестное знамение, негромко произнес: «Взбранной воеводе победительная...» Тварь, как он этого и боялся, не растворилась в ночном воздухе. Даже острым ухом не повела.

«Господи, ну сделай же что-нибудь!» — мысленно простонал Дмитрий и осторожно обернулся. К счастью, пацана уже не было. Значит, скоро поднимется переполох. А что они смогут, если зверь направится напрямик туда, на опушку... где так много сочного детского мяса? Куда позвонят? Да кто им вообще поверит? И все-таки... Все-таки хоть какой-то шанс у них есть... если только протянуть время... как можно дольше задержать чудовище.

Интересно, хватит ли его хотя бы на минуту?

— Уходи! — твердо произнес он, поднимая руку с топором. Толку-то... Будь у него горящая головня... тогда, быть

может... звери боятся огня. Должны, во всяком случае, бояться. Если это нормальные звери.

Тварь не выглядела нормальной. Было в ней что-то странное... не звериное. Какой-то холодный и, пожалуй, издевательский интерес. Казалось, она считывала все мысли Дмитрия и откровенно наслаждалась его страхом. Сама же нисколько не боялась. В самом деле, чего бояться астенического телосложения интеллигента? Пускай даже и с топором. Вот сейчас откроет пасть, живенько оттяпает руку по локоть... но вряд ли начнет пиршество. Ее ждет другая, более вкусная еда. Много еды. Найдется по запаху... А он, Дмитрий Осокин, вполне вероятно, и выживет. Только что это будет за жизнь? Если каждую минуту помнить... сорок два ребенка... и он ничего не смог сделать.

Так нельзя.

— Уходи, сволочь! — Ноги сделались ватными, но он все-таки сумел сделать шаг вперед. Два шага...

Зверь потянулся, фыркнул — и разинул пасть.

Луна отразилась на мощных и удивительно белых, словно блендамедом начищенных клыках. И пахло гнилью.

Невозможно было двинуться вперед. Голову стягивал невидимый обруч, одуряюще звенело в ушах. А тень его, острая, изломанная тень учителя математики, кривлялась на слежавшейся хвое... намекала на что-то. На что-то тайное, известное лишь им двоим.

Дмитрий сделал еще один шаг... мелкий, старческий шаг... и черная тень из-под ног метнулась к нему, обняла, облизала холодом потную кожу.

И мир, повернувшись вокруг тайной оси, сделался иным. Серая мгла затопила пространство, но в ней вполне можно было видеть, не хуже, чем в лунном свете. А вот все лесные звуки исчезли, только где-то далеко-далеко, у невидимого горизонта, то ли слышался, то ли чудился рокот — будто гроза или морской прибой.

Но тварь ждала его и здесь. Она лишь выросла... Господи, да это уже и не медведь! Это просто слон какой-то. Мерзость, клыкастая, безжалостная мерзость! Сейчас она раздавит его — и помчится по лесной тропинке в лагерь, где уже, наверное, суетятся взрослые... и дети... которые уже никогда не получают четвертных оценок...

Что-то изменилось в нем самом. Жаркое облако обожгло щеки, сдавило грудь. И растаял в этом облаке страх, переплавляясь в гнев — багрово светящийся, как только что выкованный клинок. Да это и был клинок — длинный, прямой, расширяющийся к острию.

— Исчезни! — прошептал он одними губами и поднял меч. Не руками — правая по-прежнему сжимала бесполезный топор, левую свело судорогой. Просто оружие, послушное его воле, само собой поплыло вперед.

До твари, казалось, было не больше метра — но почему-то это расстояние растянулось бесконечной рулеткой, и медленно плыл в сером тумане клинок, целя острием между глаз чудовища — здесь, в этой изнанке жизни, тоже серых.

— Пресвятая Богородица, спаси нас! — только и нашелся что сказать Дмитрий, и тут же замедленное время рванулось, набирая потерянную скорость. Меч плавно вонзился в морду зверя, вошел по самую рукоять.

Под ногами дрогнуло, желудок скрутило тошнотой — и Дмитрий понял, что падает. То ли вниз, то ли вверх — все направления перепутались.

Сперва он почувствовал запахи. Прелой листвы, сырости, грибов. Потом вернулись звуки — верещали в кустах птицы, скрипели под ветром кроны деревьев, трещали где-то вдали сучки. Бежит кто-то?

Он приподнялся на локте, открыл глаза.

Не было уже никакой серости, вокруг висела обычная сентябрьская ночь. И луна по-прежнему торчала на прежнем месте, хмурила недовольную рожицу. Видимо, все ей надоело.

Топор обнаружился в мокрой от росы траве. А вот чудовища больше не было. Совсем — яко дым да исчезло.

Или не совсем? Дмитрий поднялся на ноги, огляделся. В ушах все еще звенело, перед глазами плавали прозрачные пузырьки — но он уже мог двигаться.

Хвойная подстилка, где совсем недавно стояла тварь, была примята. И более того — отпечатались на ней следы. Невозможные, безумные.

Так что же — не сон, не бред? Дмитрий подобрал топор, прислушался. Какие-то звуки все же доносились — издали, на пределе слышимости. Но уж рубить так рубить...

Он искал глазами тропинку — да, кажется, направление верное. И медленно, то и дело оглядываясь, двинулся вперед.

Не так уж долго пришлось идти. Сперва слышались голоса, потом потянуло дымком и мелькнуло за деревьями рыжее пламя.

Дмитрий вышел на поляну. Палатка, сложенные прямым углом бревна, расстеленный на земле полиэтилен — а на нем закуски, недопитая бутылка водки «Флагман» и рядом несколько пустых, из-под пива.

Ну и люди еще. Двое мужиков, на вид изрядно за сорок, и здоровенный, коротко стриженный парень призывного возраста. Почему-то завернутый в одеяло. А лицо его... Лицо прямо-таки излучало горе. Ни с чем не сравнимое, беспредельное. То ли девушку у него отбили, то ли мужское достоинство.

— Доброй ночи! — сухо произнес один из старших, подкинув веток в костер. — Проблемы какие?

— Да нет, — замялся Дмитрий. Ему казалось, будто из страшной сказки он угодил в пошлый анекдот. — Просто у нас тут недалеко дети спят, школьников в поход вывели, так что просьба не шуметь. Договорились?

— Об чем базар? — кивнул второй дядька. — Все будет цивилизованно. Чики-поки.

— Ну и славно! Спокойной ночи! — Дмитрий повернулся, высматривая тропинку. Луна исправно светила, точно чувствовала некую вину, и потому старалась улучшить о себе мнение.

И уже отойдя на десяток шагов, он обернулся. Стриженный парень смотрел ему вслед. Пристально, не мигая... без всякого выражения.

Обратный путь оказался неожиданно коротким. Видимо, страх удваивает расстояния. Теперь, когда все кончилось, и тропинка была прямой, и ветки не лезли в глаза, и нужные повороты он нашел без проблем. Вот и опушка. Что же сейчас творится в лагере! Он заранее поежился. И что ему сказать? Правду? Этак ведь и психом сочтут.

Но говорить ничего не пришлось. Темные силуэты палаток хранили спокойствие, угли костра совсем уже догорели,

и никто не метался, не причитал, не вызванивал по мобильнику службу спасения.

Неужели Максим, поганец, так никому ничего и не сказал?

— Дмитрий Александрович, вы как, в порядке? — слышалось справа.

Максим сидел на бревне, с головой закутавшись в куртку.

— Я тебе что велел? — сухо поинтересовался Дмитрий. — Почему тревогу не поднял?

— А смысл? — откликнулся Максим. — Все равно без толку, если б этот зверь сюда прибежал. Вы подумайте, сколько времени надо, чтобы все рассказать, чтобы мне поверили, чтобы проснулись, оделись, ушли... в темноте, между прочим. Поэтому я и не пошел никуда, а спрятался. И за вами смотрел. Ну, помочь, если что.

— Трухлявой палкой? — усмехнулся Дмитрий. — Ладно, и что же ты увидел?

Максим поежился.

— Ну, вы стояли напротив этого... животного... Что-то говорили ему... Мне показалось, что вы ругались. Извините. А потом вы подошли к нему близко... и оно куда-то делось. Ну вот было — и не стало его, совсем. Не убежало, а просто... я даже не знаю, как сказать. Будто растаяло. А вы упали на землю, потом встали и куда-то пошли. Я подумал, что вам... ну это... в общем, нужно... Вы извините. Я за вами ходить уж не стал, решил здесь дожждаться. Я не прав, да?

— Сложный вопрос... — Дмитрий взлохматил его и без того встрепанные волосы. — Ладно, беги спать. И знаешь... наверное, лучше никому об этом не рассказывать. Будем считать, что нам обоим приснилось.

Но сам он чем дальше, тем больше в этом сомневался.

4

После тещиных котлет неудержимо потянуло на диван. Скажем правду — объелся. Сил не хватило даже посуду помыть, хотя обычно этим в доме занимался он. Ничто так не способствует ясности мыслей, как полотенце, губка и средство «Фэйри».

Аня, как водится, поворчала о своей тяжелой доле, о ко-
нях, которых то и дело приходится останавливать на скаку,
о горящих избах и офисах — но, конечно, смирилась. На-
верное, еще с субботнего вечера она что-то такое почувство-
вала. Дмитрий, разумеется, ни словом не обмолвился о ноч-
ных приключениях, напротив — изобразил бодрость и весе-
лье. Может, слишком уж нарочито вышло.

Утром сходили на литургию, Сашку брать не стали —
что-то чадо затемпературило. Пришлось вызывать тещу
Тамару Михайловну. Добрейшая женщина заявила в са-
мую рань, с полными сумками. Вот уже восьмой год ей каза-
лось, что дети недоедают. С недоеданием она боролась геро-
ически. Хуже всего приходилось Сашке. Пацану накрепко
внушили, что у бабушки большое сердце и потому ее никак
нельзя огорчать. Добрый Сашка все понимал и терпел даже
манную кашу. За которую, впрочем, выторговал дополни-
тельные конфеты.

На службе Дмитрий искренне пытался внимать песно-
пиям, но получалось плохо. Мысли разбегались в сторо-
ны, как напуганные тараканы. Вернее, в одну конкретную
сторону — о ночном происшествии.

Что это все-таки было? Сон? Такой яркий, детальный?
Может, и сон. Наверное, завтра надо остороженько порас-
спросить Максима. И если окажется, что не сон...

От такого варианта мурашки бежали по коже. Неужели
вот так и сходят с ума? Сперва глюк в троллейбусе, потом —
в лесу... Интересно, какой глюк будет следующим? И что
же, идти сдаваться врачам?

А если не глюк? Если... действительно? Бесовское на-
важдение? Ведь бывают же они на самом деле, сколько ли-
тературы на сей счет... сколько рассказов. Только странно —
почему это случилось именно с ним? Понятно, когда вот так
искушают подвижника-аскета. Плоть истончается, духовное
зрение открывается. И понятно, когда такое грозное предо-
стережение дается отъявленному грешнику. Имеющему, впро-
чем, некоторые шансы на спасение.

Неужели он столь грешен? Да, конечно, каждый раз, вы-
читывая молитвы перед причастием, он произносил «от них
же первый есмь аз». Но не понимать же буквально? Да, греш-
шен. Да, себялюбив, ленив, раздражителен. Да, сух и черств,

и мало в нем любви. Да, непозволительно смешлив, падок на развлечения... причем нередко с выпивкой. И похотливые помыслы — знакомые гости... особенно когда Аня не в настроении... что в последнее время участилось... Но разве всего этого джентльменского набора достаточно, чтобы вразумлять его страшными бесовскими видениями?

А что видение бесовское — и ежику понятно. Экая тварь... И зачем являлась? Ведь не соблазняла, не искушала... Напугать? А толку? Бесы должны действовать тоньше. Во всяком случае, согласно аскетической литературе. Может, гордыню хотели подкачать? Он ведь справился с чудовищем, молитвой отогнал. Тот багровый меч — это ведь наверняка зримое воплощение нетварной Божьей благодати. Наверное, ему полагается испытывать кайф от своей духовной крутости. Раз-два — и победил демона. И правильно победил, уповая на Божью помощь. Значит, продвинут. Можно сказать, свят.

А можно и не говорить. Хорош святой — после всего случившегося попросту забыл поблагодарить Господа! Да и вообще — ну просто смешно это. Где вода и где имение? Дай ему Господь хотя бы попросту прожить жизнь, не впад в тяжкие, однозначно гибельные грехи. Нет уж, тут что-то явно не сходится...

Так ничего он в итоге и не решил. Кроме одного — поскорее забыть субботнюю ночь, вытеснить ее из головы чем угодно — проверкой тетрадей, возней с Сашкой, обильным ужином, когда уже не до воспоминаний, не до мытья посуды, не до вечернего молитвенного правила. Вот повернуться набок — и тихо уснуть. Без всяких левых сновидений...

— Добрый вечер, Дмитрий Александрович! — послышалось где-то в районе письменного стола. И голос почему-то был знаком. Неприятно знаком.

Подхватившись, Дмитрий вскочил с дивана. Машинально поправил сбившуюся прическу. И в упор уставился на незваного гостя.

— Я же говорил, что мы еще не раз с вами встретимся, — улыбнулся сидящий в кресле Антон.

Дмитрий, понимая, сколь это глупо, все-таки ущипнул себя за палец. Без толку — видение не исчезло.

— Вы, Дмитрий Александрович, пожалейте организм, — понимающе заметил гость. — Синяк ведь останется. Я, кстати, не призрак, можете потрогать.

Трогать незнакомца Дмитрий не стал, вместо этого раз-машисто перекрестил его.

— Это правильно, — одобрил Антон. — Нечистая сила ведь бежит от животворящего креста, правда? А я вот не бегу. Значит...

— Ничего это не значит! — раздраженно возразил Дмитрий. — Просто у меня, выходит, вера слишком слабая.

— Не берусь судить. Сам я скорее агностик. Но вы, конечно, для гарантии можете и молитвы почитать, и святой водой меня побрызгать. Если вам так спокойнее...

Дмитрий понимал, что самое правильное — не вступая в разговоры, выставить этого так называемого Антона. Только вот получится ли? Физических данных ведь явно не хватит. При условии, конечно, что это — человек. А если все-таки бес? На которого не действует ни крест, ни Иисусова молитва — Дмитрий все время мысленно читал ее. С демоном нельзя заводить беседу — заболтает ведь любого, охмурит. Господи! Ну почему это свалилось на него, Диму Осокина — простого обывателя, серость во всех отношениях? Что испытание — понятно. Но разве в запасе у Господа мало нормальных, посюсторонних неприятностей?

— Как вы вошли в квартиру, Антон? — спросил он сухо. — Мне что, теперь новую дверь ставить?

— Новую — это дорого, — снова улыбнулся гость. — И незачем. Вошел я, разумеется, не через дверь. Вернее, через нее, но в Сумраке. В так называемом Сумраке. Вы, между прочим, тоже там побывали — в ночь с пятницы на субботу. Кстати, поздравляю. Сумели войти самостоятельно, подняли тень. Иначе говоря, инициация состоялась.

— А теперь объясните все с самого начала, — прервал его Дмитрий. — Пока что я ничего не понимаю.

— Ну что ж, — хмыкнул Антон, — попробуем. Хотя если с самого начала — это придется уж очень издалека... Давайте я лучше краткую суть изложу, а потом можно и подробнее. Вы, если можно, сперва послушайте, а потом уж мечите громы и молнии.

— Ну, валяйте. — Дмитрий почувствовал вдруг, что от сонной одури не осталось и следа. — Только вот...

— Я понял, о чем вы. Ни Анна Владимировна, ни Саша меня не увидят и в шок не впадут. Это очень легко делается, вы скоро тоже научитесь. Так вот, к делу. Внутри человечества есть два вида. Обычные люди, их подавляющее большинство. И есть так называемые Иные — люди, обладающие немислимыми способностями. Телекинез, телепатия, левитация — это семечки. Я бы даже сказал, шелуха от семечек. Разумеется, кто-то из нас посильнее, кто-то послабее. Силу свою Иные берут из Сумрака — это другое состояние мира. Впрочем, вы уже видели. Собственно, от обычного человека Иной отличается только магическими способностями и долголетием. Бывает, что Иной и не подозревает о своих способностях, живет как все. Он, как мы говорим, неиницирован. Для того чтобы инициация состоялась, чтобы способности включились, Иной должен войти в Сумрак. От того, в каком душевном состоянии он там окажется, зависит, кем он в итоге станет, Светлым или Темным.

Антон замолчал, снял очки и потер переносицу.

— То есть? — не утерпел Дмитрий.

— Простите, надо было, наверное, с самого начала сказать. Мир основан на противостоянии двух изначальных сил — Света и Тьмы. В Сумраке они слиты воедино, но оказавшись там впервые, Иной как бы автоматически настраивается либо на то, либо на другое. Иные, принявшие сторону Света, называются Светлыми. А другие, наоборот, Темными. Я вот Светлый. И вы, Дмитрий Александрович, тоже. Мы некоторое время наблюдали за вами, готовились инициировать... Но вчера все получилось само, без нашего участия.

— Занятное кино, — хмыкнул Дмитрий. — А поинтересоваться моим согласием вам в голову не приходило?

— Дмитрий, — мягко произнес Антон, — я, конечно, понимаю ваше предубеждение. Но поверьте, силком в Сумрак мы никого не тянем. Если бы все шло как обычно — я пришел бы к вам, рассказал об Иных, предложил сделать выбор. Вы бы, очевидно, выставили меня за дверь. И все. Утечки информации мы не боимся — кто же захочет выглядеть пси-

хом? А если и захочет — мало, что ли, в мире всякой оккультной чепухи? Одним бредом больше, одним меньше — кто заметит? Возможно, получив отказ, я спустя какое-то время наведася бы снова. Вдруг передумаете? Еще раз повторю — нас очень мало, и каждый человек нам дорог. В смысле, каждый Иной, — поправился он. — Кстати, иногда потенциальные Иные и отказываются от инициации. Свобода выбора, ничего не попишешь...

— И теперь вы, наверное, расскажете о великой битве между Светом и Тьмой, о том, что труба зовет и все такое? — зевнув, предположил Дмитрий. — Если вы не в курсе, была такая религия — зороастризм. Один в один как вы излагаете.

— Видите ли, — усмехнулся Антон, — все несколько не так. Великие битвы действительно гремели... и давно уже отгремели. Сейчас мы не стремимся извести под корень Темных, да и они нас. Уже несколько столетий между нами действует Договор. Мы отказываемся от войны на уничтожение, мы соблюдаем равновесие. Это значит, что мы добровольно ограничиваем применение своих способностей. Если мы воспользуемся магией, чтобы, скажем, спасти город от наводнения, — то и они получают право на адекватные меры. Допустим, устроить в спасенном городе пожар. Исцелить безнадежно больного ребенка — значит позволить им навести смертельную порчу на здорового человека. Противно, да?

— Еще как! — с чувством произнес Дмитрий.

— Вот и мне тоже. А что прикажете делать? Силы у нас примерно равны, и если мы начнем истреблять их — они начнут истреблять нас. Только вот и мы, и они живем с обычными людьми на одной и той же планете. И потому наши войны больше всего бьют по мирному населению. Все это уже было. Знали бы вы, сколько величайших бедствий в истории имели подоплекой наши Иные разборки! Впрочем, и узнаете, если захотите. Так вот, Договор — это наилучший выход. Из реальных, а не утопических. Для соблюдения Договора существуют специальные организации. У нас, Светлых, — так называемый Ночной Дозор. Ночной — потому что следим за Темными, а так уж повелось, что те ассоциируются с ночью. А у них есть Дневной Дозор, они наблюдают за нами. Наконец, есть и третья сторона, Инквизиция.

— Что, у вас тоже ересей хватает? — прищурился Дмитрий. — Ну и как? Костры горят горючие? С дровами нет проблем?

Антон рассмеялся.

— Преувеличиваете. Она всего лишь аналог арбитражного суда. А что название такое... Шеф говорил, это один средневековый остряк придумал. Из Высших магов. Между прочим, Темный. Туда ведь идут и Светлые, и Темные. Но став инквизиторами, они теряют свой цвет и служат только соблюдению Договора. Обеспечивают объективность и беспристрастность обеих сторон. Система, мягко скажем, не безупречная, но вполне работающая.

— Антон, — грустно сказал Дмитрий, — раз вы наблюдали за мной, то, наверное, какие-то выводы уже сделали? Не догадываетесь, что я на всю эту бредятину отвечу? Правильно. Я православный христианин, и то, что вы тут наговорили, — это, простите, полная чушь. Несовместимая с христианством ни вот на столько. — Он отмерил на ногте нечто микроскопическое.

— Вы зря делаете поспешные выводы, — возразил Антон. — Среди нас есть и вполне верующие люди. Даже, представьте себе, и среди Темных. Поймите, мы ведь не ангелы и не бесы. Мы — Иные. Источник нашей силы — не Бог и не сатана. А просто Сумрак. Просто некое состояние мира. Если хотите — природа. Электричество же не мешает вашей вере? Хотя пятьсот лет назад вот это, — ткнул он пальцем в компьютерный монитор, — непременно сочли бы штукой бесовской.

— Кое-кто и сейчас так считает, — смущенно признался Дмитрий.

— Ну вот видите! Поймите, большинство из нас не верит в Бога, но если Он все-таки есть, то для Него и мы, и Темные — всего лишь люди. Имеющие тело, имеющие душу, живущие долго, но не вечно. И наша магия — это вовсе не то, что у вас под этим словом понимают. Дмитрий, ведь вас, по сути, смущает лишь термин, вернее, смысл, который вы к нему привязали.

— Неубедительно, — хмыкнул Дмитрий. — Могли бы и потоньше ересь изобрести.

— Ну, уж как есть, — пожал плечами Антон. — Вы хоть понимаете, что я при желании мог бы внушить вам стопроцентное доверие ко всему сказанному? Вы же хоть и Иной, но практически ничего еще не умеете, вы бы не защитились. Но мы так никогда не поступаем. Я не стану врать, будто мы, Светлые, — воплощение добродетели и ходим в белых ризах. Но все-таки элементарная порядочность всем нам свойственна. Вот Темный, особенно если с опытом, заморочил бы вам голову, и ему бы вы поверили. Никакие кресты с молитвами не помогли бы, уж извините. Гипноз — это, конечно, грубое подобие, но аналогию просекаете?

— Ровно с тем же успехом я могу предположить, что и вы хотели заморочить мне голову своим супергипнозом. Только вот не смогли — Господь не попустил. Именно из-за молитвы и крестного знамения. И чем эта версия хуже?

— Ничем, — легко согласился Антон. — Вы бы еще солипсизм вспомнили. Штука вообще непрошибаемая средствами логики. А толку? Так можно препираться бесконечно. Давайте все же от философии перейдем к практике.

— А что у нас на практике? — поинтересовался Дмитрий. Он по-прежнему не верил своему странному гостю, но лучше уж сразу узнать о его планах. Легче потом сопротивляться.

— А на практике получилось так, что вы, Дмитрий Александрович, самостоятельно прошли инициацию и стали одним из нас. Стали Иным. Светлым Иным. И как бы вы сами к этому ни относились, но объективно это накладывает на вас определенные обязательства.

— И каким же демонам потребуете поклониться? — хорошо усмехнулся Дмитрий. Вот сейчас и наступит момент истины. Теоретические оккультные построения лишь маскируют практику. Антон мог наплести что угодно, но нужно-то ему нечто конкретное.

— Не паясничайте, — поморщился Антон. — Вы, уж извините, опустили сейчас ниже своего уровня. Теперь что касается дела. Любой Иной, проживающий в определенной местности, обязан иметь регистрацию в региональном Дозоре. Значит, вы должны получить московскую регистрацию.

— Штамп в паспорте не годится?

— Не годится. Регистрация наносится магическим путем, встраивается в вашу ауру. Любой сотрудник Дозора считывает из нее информацию. Я, как сотрудник московского Ночного Дозора, могу произвести регистрацию прямо сейчас. А можете съездить к нам в офис и зарегистрироваться там. Далее, вы не должны пользоваться вашими новыми способностями по отношению к обычным людям. Не исцелять, не привораживать, не внушать мысли... ну и так далее. И наконец, третье. Вы только-только стали Иным. Вы еще ничего по сути не умеете. Вы даже не способны отличить Иного от обычного человека. Значит, необходимо учиться. Это обязательно. Иначе... помните песенку о волшебнике-недоучке? Обучение тоже у нас в офисе проходит и занимает не менее года.

— Исключено! — Дмитрий сейчас говорил мягко, но эта мягкость была хорошо знакома его ученикам, доигравшимся до четвертных двоек. — Никакого магического воздействия. В христианстве на это — абсолютный запрет. То же касается и обучения магии. А вот второй пункт я вам обещаю. Мне эти способности и даром не нужны, и применять их я вообще не собираюсь. Ни при каких обстоятельствах. Даю слово.

— Придется вас огорчить. — Антон скопировал ту же металлическую мягкость. — Вашего слова совершенно недостаточно. Детский сад, ей-богу! Представьте, что вы в милиции просите поверить вам на слово. Поймите, вы обязаны пройти и регистрацию, и обучение. Лично я вам почему-то доверяю, но решаю не я. Есть Договор. Согласно Договору, все Иные должны иметь регистрацию. Независимо от их желания.

— Скажите, — задумчиво протянул Дмитрий, — а нельзя как-нибудь того... просто заблокировать эти мои «иные» способности? Вернуть меня в прежнее состояние?

— В прежнее состояние — никак, — сообщил Антон. — Это все равно что затолкать новорожденного в утробу матери. Раз уж вы инициировались — то быть вам Иным, и никуда не денешься. А заблокировать способности можно. Но только по приговору суда Инквизиции, и опять же путем магического воздействия. Чему вы столь яростно противи-

тесь. Получается замкнутый круг. А кроме того... Вспомните ту ночь... И подумайте, что бы случилось, будь вы простым человеком. Сколько там детей было? Сорок с чем-то? Подумайте, так ли уж вам не нужна магия?

— Что там было-то хоть, в лесу? — мрачно спросил Дмитрий. — Вы же небось наблюдали?

— Представьте себе, нет. — Антон неожиданно смутился. — Прошляпили мы, и крупно. Вернее, я прошляпил. Я же считаюсь вашим куратором... и действительно, надо было с момента первого разговора следить непрерывно. А я пустил на самотек. Дал, что называется, dozреть клиенту. Короче, для нас все случившееся тоже было неожиданностью. От шефа я уже комплименты получил.

— Кто там был-то хоть?

— Оборотень. Темный Иной. Зарегистрированный. Все легально.

— Это что же, — поперхнулся Дмитрий, — если бы он детей задрал, тоже все легально было? Это и есть ваш Договор в действии?

— Так он же не задрал. Утверждает, что просто погулять вышел. Это не запрещено. Более того, оборотню в полнолуние просто необходимо принять «второй облик». Иначе может тяжело заболеть. Другой вопрос, чтобы не тронул никого. И вот тут — полная неизвестность. Может, он правду говорит и просто побегал бы по лесу. А может, звериное начало и выиграло бы, и тогда действительно... парой детишек стало бы меньше. Как тут проверишь?

— Ну а случилось-то что? — Дмитрию действительно стало интересно.

— Вы его увидели, навоображали ужасов — и чисто интуитивно, на волне эмоционального накала, вошли в Сумрак. А там сразились с ним. Должен сказать, перспективы у вас очень хорошие. Для первого раза просто потрясающие. Короче говоря, вы его сильно повредили. Не убили, к счастью, но в норму он еще очень не скоро придет. Теперь Темные возмущаются, кричат о незаконном нападении и требуют сатисфакции. То есть права на равное по силе воздействие. Понимаете, какую кашу заварили по незнанию? Теперь дело будет разбираться в Инквизиции. Формальная

зацепка у нас есть — инициация совпала с происшествием, и можно доказать, что на тот момент Ночной Дозор за вас еще не отвечал. Скорее всего докажем. Но это хороший пример. Учиться надо, Дмитрий Александрович.

— И что же надо было делать?

— Элементарно, — разъяснил Антон. — Иной считал бы из ауры его персональные данные. Поинтересовался бы целями. После чего оборотню действительно оставалось бы только прыгать при луне. Зачем ему свидетели преступления?

— Что за зверь-то хоть?

— О! — воздел палец Антон. — Редкий случай. Давно вымершая тварь. Гигантская гиена. Водилась в Северной Африке несколько тысячелетий назад. Чаше всего оборотни — это волки, медведи. Реже — кошачьи. Иногда и ящеры попадают. Вам повезло, что оборотень был неопытным. Совсем молодой, иницирован год назад.

— А те мужики, что у костра сидели?

— Тоже Темные. Старшие товарищи. Кстати, они бы, наверное, и остановили парнишку, вздумай он полакомиться человечинкой. Зачем им в нарушение влипать? Темные, конечно, гуляют сами по себе, но при разборе эти бы под раздачу угодили. Да они и так от начальства своего огребут. Что прозевали ваше появление. Увлечлись «активным отдыхом». Ладно, это лирика, давайте к делу. Начинаем процедуру регистрации?

— Я же сказал — исключено, — бесцветным голосом возразил Дмитрий. — Мне нечего добавить к сказанному. И для меня нет особой разницы, кто вы — бес, колдун, разработчик психотронного оружия или еще какой фрукт. Главное — мы с вами по разные стороны.

— Это с Темными мы по разные стороны, — напомнил Антон. — А с вами мы в одной лодке. Мы — Светлые.

— Евангелие читали? «Кто не со Мною, тот против Меня». — Дмитрий старался подавить нахлынувшее раздражение, но получалось не очень. — Вы с Церковью несовместимы. Значит, и для меня вы чужие. И что теперь? Расстреляете?

— Темные, пожалуй бы, и расстреляли, — пожевал губами Антон. — А мы так не можем. Нетривиальная ситуация.

Вот что, Дмитрий Александрович, давайте на сегодня закругляться. Думайте. Но от души советую вам не затягивать с решением. Договорились? Ну тогда счастливо.

И он исчез. Мгновенно. Был — и вот стул хранит отпечаток его зада. Даже не «яко дым», а «чик — и готово».

— Господи! — с чувством произнес Дмитрий. — Пускай уж лучше это будет шиза!

5

Народу в храме было всего ничего. Несколько обремененных свободным временем старушек, пара-тройка закутанных до глаз в темные платки женщин, стайка молоденьких девчонок на клиросе. Ясное дело, понедельник, да и никакого особого праздника. Но литургия служится по уставу, ровно в семь утра отворяются Царские Врата, раздается зычный голос священника: «Слава святей, единосущной и нераздельной Троице».

Только вот сегодня голос был другой — негромкий тенорок. Отец Николай, по словам тетки у свечного ящика, опять заболел, и вместо него служит отец Георгий.

Дмитрий расстроился. Он-то рассчитывал исповедаться духовнику. И вот на тебе — ухмылка судьбы. Или, наоборот, Господня воля? В конце концов самое главное сейчас — это исповедаться, а значит, годится любой батюшка. Он же только свидетель... Но вот поймет ли его отец Георгий, священник хоть и давно здесь служащий, но малознакомый? Честно сказать, не производил отец Георгий особого впечатления.

Дмитрию повезло — в понедельник у него были только четвертый и пятый уроки, времени хватало. Аня, конечно, удивилась, чего он вскочил в такую рань. Пришлось ответить честно — в храм надо, очень тянет. К счастью, кроткая Аня не стала устраивать ему допроса. Недостатков у нее вообще-то немало, но достоинства все-таки перевешивают. К числу достоинств относилась и деликатность. Единственное, чем она поинтересовалась, — это готовить ли завтра?

— Ни в коем случае, солнышко, — воспротивился Дмитрий. — Причаститься хочу. Понимаешь, надо.

— Ты почти всю ночь не спал, — глядя в сторону, заметила Аня. — Сопел мне в ухо, брыкался!.. Не заболел ли?

Он действительно ворочался всю ночь с бока на бок. После вечернего разговора уснуть было просто невозможно. Взмамученные мысли не удавалось успокоить ни молитвой, ни переучетом слонов. Казалось, так легко внушить себе: все это лишь бесовское наваждение! Все это лишь привиделось в «тонком сне». Но грызли сомнения. Выползали из темных закоулков мозга юркие червячки и грызли — упорно, деловито. Хуже, чем зубная боль.

Дмитрий заблаговременно приехал в храм минут за пятнадцать до начала службы. Рассвет уже растекался по улицам, пока еще пустым. Через час, не раньше, они заполнятся спешащими на работу гражданами. А в этот час — полное ощущение, будто людей на Земле больше нет. Если кто и остался — так это загадочные Иные. Отдельные представители которых спешат исповедаться и причаститься. Он тут же задавил сомнительную шутку молитвой. Не хватало еще всерьез поверить в этот бред!

В храме он успел перехватить отца Георгия, когда тот за пять минут до начала литургии вышел из алтаря.

— Батюшка, — взволнованно заговорил Дмитрий, — мне срочно надо исповедаться. Я попал в очень странную историю... а духовник мой, отец Николай, как на грех, болен.

— Только если очень коротко, — перебил его священник. — Мне ж служить надо.

— Я боюсь, что очень коротко не получится, — смутился Дмитрий. — Тут многое надо рассказать. И это будет непростой разговор. Во всяком случае, для меня.

— Тогда только после службы, — заявил отец Георгий. — Сами же видите, без диакона служу. Причащаться-то собирались?

— Ну, это если вы сочтете возможным. — Дмитрий устал в серовато-зеленый линолеум. — Хотелось бы, и очень. Я в тяжелой ситуации, вы уж поверьте.

— К причастию готовились? — не дослушав, спросил священник. — Тяжелых грехов на совести нет? Впрочем, вы

прихожанин давний, сами все знаете. Так что с Божией помощью... Вас, кажется, Димитрием звать?

Он опустил епитрахиль на голову Дмитрия и скороговоркой пробормотал разрешительную молитву. Тот, не привыкший к подобным авансам, стеснительно вздохнул.

— Ну вот, а после расскажете, что там у вас стряслось. — Отец Георгий дал ему поцеловать крест с Евангелием и немедленно скрылся в алтаре.

И потекла служба.

— В общем, так, батюшка, — начал Дмитрий.

Они остались в храме одни. Пожилая тетка, погасив догоравшие у образов свечи и лампы, ушла — и теперь здесь царил полумрак. Солнце еще не добралось до южных окон, и, хотя все было видно, краски затушевывались, серели. Чем-то это напоминало Сумрак — тот самый, невозможный, искуственный.

— У меня примерно полчаса, — сразу предупредил отец Георгий. — Вы уж постарайтесь покороче. Самую суть.

— Самая суть, — вздохнул Дмитрий, — это что я стал жертвой явного, недвусмысленного бесовского наваждения. Со мной стали происходить странные вещи. Все началось в прошлую среду...

Конечно, ни о какой ясности и лаконичности и речи не шло — от волнения Дмитрий путался, сбивался, перескакивал с одного на другое. И, однако, не прошло и десяти минут, как он закончил.

— Вот такие дела, батюшка. Я просто не знаю, как быть дальше. Ведь на него ни молитва, ни крест не действуют...

— Значит, слаба ваша молитва, — сейчас же предположил отец Георгий. — Вывать ко Господу надо со смирением, не ждать от Него немедленного ответа. И ни в коем случае не оставлять молитвы. Вы утреннее и вечернее правила полностью вычитываете? Вот постарайтесь отныне ничего не упускать. И еще стоило бы канон ангелу-хранителю ежедневно. Вообще приглядитесь к себе — не слишком ли рассеянную жизнь ведете? Во всем ли уповаете на Господа? Не одной только мыслью, но и сердцем? Возможно, стоит построже попоститься. Вспомните: «род сей изгоняется только молитвой и постом».

— Батюшка, — рискнул перебить его Дмитрий, — но все-таки что же, по-вашему, со мной происходит? Что мне делать, если, несмотря на сугубую молитву, это будет продолжаться?

— Вы же сами сказали — искушение. — Священник задумчиво уставился на него. — И бесполезно гадать, были то сонные видения или колдовство какое. Главное, вы же понимаете, что все это происходит от врага. Значит, и держаться надо соответственно. Не вступайте в беседу, молчите, умом творя Иисусову молитву. Господь даст — и пройдет. А еще... — Он замялся, подбирая слова. — Вы же знаете, насколько плотское связано с духовным, как одно влияет на другое. Может, стоит обратить внимание на свое здоровье? Не пренебрегайте врачом, он от Господа, как сказано в книге Сираховой. Возможно, вы очень утомились за последнее время. Я ж понимаю, что такое учительская работа. У самого четверо. Сплошные нервы. Вам бы хорошо в монастырь какой-нибудь съездить, пожить там, потрудиться во славу Божию. На природе, в размеренном молитвенном ритме...

— Хорошо бы, — вздохнул Дмитрий, — только кто ж меня из гимназии стпустит? Учебный год только начался, а на мне две параллели, шестые и девятые классы. Заменить некем...

— Ну, вы уж как-нибудь постарайтесь, — понимающе кивнул священник. — Молите Господа, и Он так устроит ваши обстоятельства, что откроется возможность. Гечь-то о самом драгоценном, о душе человеческой.

Он замолчал, опустив глаза. Дмитрий понял правильно — его время вышло. Батюшке пора бежать, неотложные дела.

— Спасибо, отец Георгий, вы мне очень помогли советом. Помолитесь обо мне, грешном.

И получив благословение, Дмитрий направился к выходу.

Легче не стало. Все те же червячки ползали в душе. Конечно, исповедаться и причаститься было необходимо. Но вот разговор... Ничего такого не сказал отец Георгий, чего он не знал и сам. Банальности. Верные, отточенные временем и совокупным опытом Церкви — но все же банальности. А чего он, собственно, ждал? Отец Николай разве бы сказал что-то иное? Ну, может, не стал бы столь откровенно

намекать на психическое расстройство. Ведь ясное дело, отец Георгий считает, будто он свихнулся. И батюшку можно понять. Проще поверить в болезнь прихожанина, чем в прямое действие адских сил. Вероятность во много раз выше.

А в монастырь действительно хорошо бы. Дмитрий даже знал куда. Позапрошлым летом они с Аней отправились в паломническую поездку. Преображенский монастырь, Тверская область. Место благодатное, и старцы опытные есть. Особенно иеромонах Сергей. Много о нем рассказывали. Только вот нереально. Никто ему никакого отпуска не даст. Шестые еще как-нибудь, Елизавета Юрьевна могла бы недельку-другую подменить, а девятые отдать некому. Выпускные экзамены же...

Что же касается намеков отца Георгия... Как ни крути, а в чем-то он прав. Провериться стоит. В конце концов нет никаких по-настоящему объективных доказательств, что все это было на самом деле — и оборотень, и Антон. Галлюцинации — дело такое... Собственное воображение способно выдать картинку безупречной ясности, он читал. И что же? Бежать сдаваться психиатрам в районный диспансер? Это ведь чревато. А ну как перестрашуются и запретят преподавать? Чем жить тогда?

Он вспомнил свой один-единственный визит в районный ПНД — когда после института оформлялся по распределению в школу. Надо было взять справку о своей нормальности. Времени это заняло немного — десять минут очереди в регистратуру, и еще пять минут дамочка с лошадиными зубами рылась в картотеке, прежде чем выдать справку, что такой-то у них на учете не состоит. Но впечатление сложилось мрачное. Грязные стены, тусклые, засиженные мухами плафоны. Стенды какие-то идиотские... и нечто неуловимое, разлитое в воздухе. То ли запах чего-то медицинского, то ли наслоения чужих страданий. Выйдя на улицу, в серенький дождик, он вздохнул с облегчением и твердой мыслью — больше сюда ни ногой.

Выходит, ошибался? Нет. Сейчас ведь не справка нужна, а правда. Значит, что? Значит, Лешка Серебряков, бывший одноклассник. Давненько они не виделись... Лет пять, не меньше. А ведь как дружили в детстве!

Кажется, Лешка успел за это время защититься... кто-то рассказывал. Кандидат медицинских наук, консультирует в частной психоневрологической клинике.

Что ж, хоть и неприятно расстраивать старого друга, а придется. По крайней мере уж Лешка-то ему врать не станет.

Но это — потом, на днях. Если вообще глюки будут продолжаться. Может, и само пройдет. Должно же подействовать причастие! Непременно должно!

6

— Дмитрий Александрович! Можно вас на минуточку?

Она постучалась в кабинет, едва лишь раздался звонок с пятого урока и шумная орда шестиклассников выкатилась в коридор.

Дмитрий ее не узнал. Видел, возможно, на родительских собраниях, два-три раза в год — но не отложилось в памяти. Сейчас он всматривался в бледное, обтянутое сухой кожей лицо, в набрякшие веки — но так и не мог сообразить.

— Я мама Люды Беляевой, из девятого «А», — облегчила она ему муки опознания.

— Здравствуйте, Ирина Сергеевна! — Имя в отличие от внешности вспомнилось сразу. — Пожалуйста, присаживайтесь. Чем я могу помочь?

Женщина молча опустила на стул, сценила пальцы. И Дмитрий вдруг понял, что ничего хорошего не услышит.

— Ох, я даже не знаю. — Слова, похоже, давались ей с трудом. То ли Ирине Сергеевне было сейчас больно, то ли она наглоталась успокоительных таблеток. — Тут такое случилось... Люды ведь сегодня не было в школе, да?

— Ну... — замялся Дмитрий. — Откровенно говоря, я не в курсе. Сегодня у меня в девярых уроков нет, я к ним не заглядывал.

Она понурилась, будто дожидалась радостной вести — но так и не дождалась.

— Пропала Люда, — поведала наконец женщина. — В субботу вечером пошла к подружке на день рождения... к подружке по старой школе, Наташе Волковой. И не вернулась.

Дмитрий почувствовал, как что-то скользкое и холодное коснулось желудка. Ничего себе дела! Люда Беляева, старательная хорошистка-брюнеточка, пришла в гимназию в позапрошлом году. Мама — библиотекарь в каком-то вузе, отца нет. Дочка же — девочка тихая, но не забитая, просто флегматик по натуре. Отличалась успехами в хоре, посещала факультатив по художественной вышивке...

— А что говорит подруга? — спросил он, стараясь скрыть напряжение в голосе.

— Говорит, все хорошо там было, веселились... танцевали, музыку крутили. А потом, уже после одиннадцати, когда расходиться стали, оказалось, ее нет. Один мальчик, из той же школы, ее как раз проводить хотел — ну и вот...

— И никто ничего не видел, не знает?

— Ну, — задумалась Ирина Сергеевна, — я не успела еще всех порасспросить. Только Наташу, Лену и этого мальчика, Костю. Там же человек двадцать было.

— А далеко от той девочки до вашего дома?

— Да не слишком. Или три остановки на одиннадцатом трамвае, или минут двадцать пешком. Наташа на Преображенке живет, возле кинотеатра Моссовета.

— В милицию вы обратились? — задал Дмитрий неприятный, но необходимый вопрос. Про больницы и морги спрашивать не стал — и так ясно, что по нулям.

— Конечно! Еще вчера. — Лицо ее дернулось. — И они меня обхаживали! Сказали, что заявление примем, положено, а на особую активность не рассчитывайте. И что таких девочек, которые от мамы с папой погулять вышли, пруд пруди. А потом приходят... с букетом венерических болезней. Лучше воспитывать надо было, сказали. Там один такой капитан был толстомордый...

Она не выдержала, уткнулась лицом в ладони, зарыдала. Дмитрий поднялся, плотнее прикрыл входную дверь и затем уж осторожно коснулся ее плеча.

— Не надо, Ирина Сергеевна, нельзя сейчас. Держитесь. Идиотов всяких полным-полно, стоит ли обращать внима-

ние на гадости? Скорее всего ничего страшного и не случилось, разные ведь бывают обстоятельства. Милиция милицией, а надо попробовать и самостоятельно разобраться.

Он говорил эти обязательные, но пустые слова — ритуальные фразы. Вот так же утром и отец Георгий успокаивал его... тот хоть не кривил душой. А тут... «Ничего страшного не случилось». Случилось страшное. Сам не понимая отчего, он это знал. Столь же непреложно, как теореме синусов.

— Вот я и пришла, — справившись с собой, сказала женщина. — Я ведь что хотела — может, вы поговорите с девочками из класса? Ну, мало ли? Вдруг она у кого-то из них? Может, на что-нибудь обиделась, ушла? Вы ж понимаете, такой трудный возраст. Может, она кому сказала чего, где ее искать?

— Это мысль, — обнадежил несчастную мать Дмитрий, вновь ловя себя на фальши. — Я обязательно обзвоню сегодня девчонок. Что же касается милиции... Наверное, надо поискать какие-то знакомства в этих структурах... ну, чтобы воздействовать на местное отделение... чтобы по крайней мере выполняли свои прямые обязанности. Кажется, даже в нашем классе кто-то из родителей имеет отношение к прокуратуре... я позвоню. Должны помочь, нормальные люди ведь... И конечно, мы все будем молиться. Вы уже говорили с Мариной Павловной?

— Нет... — всхлипнула Ирина Сергеевна. — Я вчера бабюшке нашему сказала, а сегодня сразу вам.

— Ладно, с директором я сам поговорю. А вам надо бы сейчас домой. В конце концов кто-то непрерывно должен там сидеть на телефоне. Вечером я позвоню в любом случае. Вас проводить?

— Спасибо, не стоит. Спасибо вам!

Дмитрий долго сидел, уставившись в столешницу. Пусто было на душе. Пусто и гадко. Так всегда бывает, когда чувствуешь собственную беспомощность. Ну что он может, что? Про родителя из прокуратуры наплёл единственно с целью утешения. Да и толку? Просто быстрее открылась бы ужасная истина. Ведь если умная, воспитанная девчонка без всякой видимой причины пропадает — значит, дело плохо. Зна-

чит, какой-то криминал. Ушла вечером домой. Почему ушла? Почему тайно, никого не предупредив? Может, поссорилась с кем-то? Обиделась? А дети, ясное дело, темнят. Потом-то все равно расколются, не маме — так милиции, но поздно, поздно!

Значит, ушла одна, в расстроенных чувствах. По сторонам небось не смотрела. И что? Сбило машиной? Был бы труп. Или водитель, осмотревшись и не обнаружив рядом свидетелей, увез куда-нибудь тело? Закопать за городом, в лесу — не найдут ведь никогда. Небось на один «найденный и опознанный труп» из криминальной хроники приходится десяток неопознанных. Или еще хуже... маньяк какой-нибудь, извращенец. Заташил, угрожая ножом... или даже не угрожая. Кажется, где-то писали, будто некоторые маньяки обладают гипнотической силой, и женщины идут за ними... как в романах про вампиров. Врут, наверное... Желтая пресса... стремящаяся к металлу желтого цвета... А вдруг? Или какие-нибудь обкурившиеся гопники...

Дмитрий резко встал, хрустнув суставами. Какое-то смутное беспокойство, неоформленная тревога проникли в душу. Казалось, что-то надо немедленно делать. А что?

Он повернулся к иконе — в гимназии образа висели в каждом классе — и широко перекрестился.

— Пресвятая Владычице, Матерь Божия, ну помоги! Спаси эту девочку, вырви ее из беды. Оборони, защити! И маме ее тоже помоги, укрепи ее. И мне...

И все? Это все, что он может? Девчонка ведь гибнет! А главное, времени почти не осталось. Надо успеть!

Дмитрий дернулся, как будто его укололи булавкой. Откуда он это знает? Откуда знает, что Люда еще жива, но нужно спешить? А ведь знает же!

Знать бы еще, куда бежать... Девчонка где угодно может быть. Не факт, что и в Москве. Мало ли куда увезли? Может, чеченцы? Похищают же они людей. Трудно было представить, какой выкуп способна заплатить одинокая библиотечка, но мало ли?

Он глубоко вздохнул. Наскоро покидав в сумку книги и тетради, запер кабинет. Уже на лестнице стало вдруг ясно, что делать. Стоило представить себе лицо Люды — смуглое,

кареглазое, с ямочкой на правой щеке, — и сразу пришло знание. Надо сейчас срочно ехать на Преображенку и самому пройти от дома той девочки до дома Беляевых. Все адреса он еще в позапрошлом году, получив классное руководство, переписал себе из журнала. Вот и пригодилось.

Дмитрий сам не заметил, как спустился в метро, как проехал несколько станций, как перешел на красную ветку. С каждой минутой он чувствовал: время утекает. И сейчас не хотелось размышлять, откуда в нем это странное знание и стоит ли ему доверять. Перед глазами стояло лицо девочки — и значит, все остальное было не важно.

Направление он почувствовал сразу, едва выйдя на воздух. В несколько приемов, подлаживаясь под невыносимо медленные светофоры, пересек Преображенскую площадь. Всего лишь ветерок, струйка холода, касающаяся лба, — но стоило ему ошибиться, повернуть не туда, и струйка пропадала. Приходилось растерянно крутить головой, вызывая, наверное, усмешки прохожих. То ли за наивного провинциала принимали, то ли за изрядно выпившего.

Места, конечно, неприятные. Старые, облезлые дома, какие-то кривые переулочки. И в небе тоже ничего хорошего — сгустились плотные, желтобрюхие тучи, намекая на скорую грозу. Отдельные капли — увесистые, точно градины — уже расплылись на асфальте. Дмитрий сообразил, что не взял зонта, но тут же забыл о таких пустяках.

Знай он дорогу заранее, наверное, весь путь не занял бы и десяти минут. Но когда через пару шагов останавливаешься, ловишь указующий холод — время растягивается неимоверно. Да еще и ветер мешал, студеный ветер, поднявшийся перед грозой. Приходилось отделять тот холодок от этого, обычного.

Наконец «направление» привело его к оплывшему под собственной тяжестью длинному восьмиэтажному дому, некогда окрашенному желтой краской. Сейчас невозможно было и сказать, какого же цвета эти грязные, облупившиеся стены. Небось капитального ремонта не делали никогда. Из принципа. Как тут только люди живут?

В доме, изгибавшемся буквой «г», имелось множество подъездов — как обычных, жилых, так и занятых под офисы. Все — со двора. И куда теперь?

Холодок сейчас же скользнул по щеке. Ага... Вон туда, значит. Подъезд жилой, кодовый замок вырван с мясом, чернота распахнутой двери — точно пасть какого-то доисторического чудища. Например, гигантской гиены.

Дмитрий не вошел — вбежал внутрь, в душную, влажную тьму. Трубы, что ли, у них протекают? Комарье, наверное, круглый год водится. Господи, ну что за идиотские мысли?

В подъезде пахло кошками, кислой капустой и мочой. Лампочка, понятное дело, разбита, и свет сочится лишь сверху, с лестничной площадки пролетом выше, там окно.

Повертев головой, он поймал холодную струйку и неуверенно, на всякий случай выставив вперед ладонь, двинулся в нужную сторону. То есть вбок, влево.

Он сперва нащупал и лишь потом с трудом разглядел дверь. Основательная дверь, обитая кровельным железом... или это цинк? Видимо, там, за дверью — подвал. А в подвале — Люда. А на двери — мощный навесной замок.

И что теперь? Время утекало сквозь пальцы. Дмитрий подергал дужку — вдруг держится на честном слове? Нет, заперто на совесть. На чью-то вымазанную дегтем совесть.

Бежать куда-то, искать лом? Или какой другой инструмент? Как-то вот за тридцать лет не довелось узнать, чем сбивают замки. Нет, некогда. Скоро... он чувствовал, скоро должно случиться что-то нехорошее. Может случиться.

Или все же он успеет? Надо проникнуть внутрь. Как? Господи Всесильный, ну подскажи! Должен же быть какой-то способ!

Ничего не приходило в голову. Дмитрий, давась стыдом за свое бессилие, опустил глаза.

И увидел на заплеванном полу тень. Свою собственную.

Тень ждала. Тень в отличие от своего глупого хозяина знала, что делать. Тень вообще знала многое.

Отчаянным рывком Дмитрий рванул ее на себя. Не руками — просто взглядом. Волей.

И сейчас же его обдало холодной волной. Мир мгновенно изменился, стал серым и тихим.

«Дурак, остановись! Вернись!» — проскользнуло в уме. Нельзя же, никак нельзя! Если долговязый Антон говорил правду, значит, это магия! Ясно же — бесовский соблазн!

Но там, за дверью, лежала истерзанная девочка. Он знал это столь же ясно.

И прошел сквозь стальную дверь, как сквозь дым.

Здесь, в Сумраке, вполне хватало света, чтобы ориентироваться. И откуда он только брался?

Оказалось, не все тут одинаково серо. Например, синеватый мох, которым поросли стены. Мох едва заметно шевелился — точно его ворсинки были крошечными щупальцами. Какая-то чужая, совсем чужая жизнь.

Но заниматься сумрачной биологией некогда. Он pokrutil головой. Где же Люда? В огромном подвале легко было заблудиться — уходили вбок узенькие коридорчики, тянулись, деля пространство на части, огромные паровые трубы, поросшие синим мхом. Лабиринты еще те...

Впрочем, блуждать не пришлось — в Сумраке невидимая холодная указка обрела форму. Слабый зеленый лучик, точно фосфоресцирующая стрелка компаса, поплыл перед ним в воздухе. Прямо, налево, еще раз налево.

Люда обнаружилась на мерзком, разодранном топчане, из которого скрюченными пальцами торчали ржавые пружинки и лезли клочки ваты. Всю одежду с нее сорвали, и бледную кожу усыпали мурашки — в свободных от кровоподтеков и синяков местах. Руки и ноги ее стянуты были толстым многожильным электрическим кабелем.

Дмитрий в ужасе опустился рядом с ней на корточки. Слава Богу, она дышала. Но то ли спала, то ли потеряла сознание. Тощие ребра мелко-мелко вздрагивали, сердце — Дмитрий и на расстоянии слышал его стук — билось медленно и неуверенно. Точно решая — а стоит ли продолжать?

Что же такое с ней случилось? Кто ее? Где эта мразь?

Он опустил ей руку на лоб. Холодно. Не мертвый холод, но и не обычное человеческое тепло. Может, это воздействие Сумрака?

А потом вдруг нахлынули картины — торопясь, захлестывая его сознание бурлящим потоком. Дмитрий не сразу и понял, что это — Людина память, переливающаяся из мозга в мозг. Из души в душу.

Громкая музыка, недоеденный торт-бисквит и тот полуподслушанный разговор. Об этом ведь никто не мог знать,

никто, кроме Наташки! Только ей, по великому секрету! А теперь, значит, это обсуждается в открытую? С гнусными — да, именно гнусными хихиканьями! Вот так, значит, Наташенька? В прихожую, найти в куче сваленных курток свою... быстрее, пока они там пляшут... чтобы никому ничего не объяснять. Особенно Косте! Домой, скорее!

Трамвая ждать долго, быстрее пройти... Как же все-таки темно! Хорошо хоть дождя нет. Какая же гадина эта Наташка! Почему так тускло горят фонари? Кто это впереди? Четверо? Нет, пятеро. Какие противные! Немногим старше... пэтэушники небось. Окликают. Я никуда с вами не пойду! Мне домой! Убери руки, козел, у меня папа генерал ФСБ! Сволочь, козлина, урод тупой! Пусти, тебе сказано!

Господи, как тут страшно! И как больно! Они же обкуренные, они ж не соображают ничего! Рвут одежду! Мама! Уже нет сил кричать... она и не знала, что это так противно... Она не знала, что бывает такая боль!

Больше ничего считать не удалось. Только боль и ужас — слоями, все глубже и глубже, до самой сердцевины души.

Дмитрий молча стоял над девочкой. Господи, ну как же так можно? Где же Ты был? Как допустил?

Но некогда было заниматься теодицеей. В любой момент могли вернуться мерзавцы, продолжить свои развлечения. И что тогда? Не хотелось и думать. В обычном мире исход понятен — легко, играючи забили бы ногами. Если их будет хотя бы двое...

Но тут же он понял, что в Сумраке все иначе. В Сумраке он может многое — и сам не знает, что именно. Что он сотворит с подонками? Фантазия услужливо развернула целый спектр, пришлось цыкнуть на нее. Не так. Все надо делать не так.

Подняв девочку на руки — та оказалась куда легче, чем он думал, Дмитрий направился к двери, топчя толстый слой пыли. Интересно, а оставленные в Сумраке следы будут видны в привычном мире? Кстати, а как туда возвращаться-то?

Легко пройдя сквозь дверь в подъезд, Дмитрий нервно огляделся. Пусто. Еще не хватало появиться из ничего на глазах потрясенной публики.

Где же тень? Вот она, едва заметно темнеет в сером ма-реве. И что делать дальше? Снова потянуть ее на себя? Нет,

наверное, выход здесь иной, нежели вход. Может быть, это все равно как вынырнуть из воды? А может, просто захотеть вернуться в нормальный мир?

Люда, пошевелившись у него на руках, глухо простонала. Ну же! Прочь, прочь из этого серого дурмана!

Получилось. Он сам не понял, что именно сделал, — но полутьма Сумрака сменилась обычной, земной полутьмой загаженного подъезда. Где-то вдали доносился лязг трамвая, шумел поток машин, откуда-то доносилась громкая неприятная музыка.

Ну что ж, слава Тебе, Господи. Вывел все-таки, вытащил. Дальше уж придется обойтись обычными средствами.

Бережно опустив Люду на пол, Дмитрий вынул мобильный. Сперва — «скорую», затем — милицию. А пока едут — придумать какое-нибудь хоть мало-мальски правдоподобное объяснение.

7

— Ну, здорово, старый лапоть! Да не снимай ты ботинки, что за, блин, условности? Давай проползай на кухню. Добрался-то легко?

В этой квартире Дмитрий был впервые. Лешка Серебряков, как выяснилось, развелся со своей Надей и в итоге из трехкомнатной в Нагатино перебрался сюда, на край света. Северное Бутово. Однушка, правда, современной планировки. Спасибо, что хоть с телефоном.

— Как сам-то? — Лешка деловито перемещал грязную посуду с кухонного стола в раковину. Судя по всему, женских рук тут не водилось. Или эти руки занимались другими, более приятными делами.

— Да ничего, преподаю в гимназии. Сашка уже здоровый парень, на будущий год в первый класс пойдет. Аня — золото, ну, в общем и целом. Денег не хватает, а кому их хватает? Так что вроде все путем.

Дмитрий привычно говорил положенные в таких случаях слова, но сердце у него было не на месте. Вот сейчас достанет он специально купленный дорогуший коньяк, Лешка сварганит какой-нибудь закуски, пойдут воспоминания... а потом ведь все равно придется оборвать треп и перейти к главному. Пожалуй, исповедоваться священнику проще, чем вот так... нести врачу свою боль. Может, лучше было явиться к нему в клинику? Здесь, в домашней обстановке, Лешка настолько не походил на психиатра... Разве бывают психиатры в застиранном спортивном костюме и с небритой физиономией? Хотя небритость сейчас вроде бы становится модной.

Дмитрий решил сократить сценарий.

— Леш, — признался он, выставляя пузатую бутылку. — Мы сейчас с тобой, конечно, дернем и все такое... но я ведь не только для этого пришёл. Извини, что уж так сразу, но мне помощь твоя нужна. Профессиональная. Ну, то есть консультация.

Серебряков развернулся к нему всем корпусом.

— Опаньки! Да ладно, какие проблемы... Только сперва мы выпьем! Погоди, лимончику настрогаю... Вот... Ну ладно, давай. За встречу. Чтоб жизнь была ключом, но не по голове.

Очень концептуальный тост, мысленно отметил Дмитрий. Истинно психиатрический.

— Ну так у кого чего стряслось? — блаженно откинувшись на спинку стула, немного погодя спросил Лешка.

— У меня стряслось. — Дмитрий вздохнул, сцепил решеткой пальцы. — У меня лично. Есть вероятность, что поехала крыша. Если на вашем медицинском жаргоне — какой-нибудь острый психоз или что-то около того. В общем, началось это в прошлую среду...

Он рассказывал долго, вспоминая детали (вдруг это важно?), высказывая свои догадки и сомнения. Благо, сейчас не надо было экономить время, излагая лишь «самую суть».

Краем глаза Дмитрий поглядывал на Лешку — но тот слушал спокойно, брови не вздымал, языком не щелкал и ни разу не порывался вставлять комментарии.

— Вот такие пироги с котятами, Леша. Ну и вот теперь скажи, мне куда, в дурдом? Что это такое? Что делать-то?

— Выпить по второй, — подумав, заявил Лешка.

Выпили. Коньяк действительно был хорош, его даже и закусывать не особо хотелось. Теплая, светлая волна струилась по пищеводу, намекая на то, что красота когда-нибудь спасет мир. Если успеет.

— Ну ладно, — печально вздохнул Серебряков. — Озадачил ты меня, Димон. Слушай, а ты точно не прикалываешься? Хотя какой из тебя приколист... Тем более православный ты. Вроде как у вас это не одобряется. Странно. На острый психоз и впрямь не похоже...

Он глядел вроде и на Дмитрия, и вроде бы в сторону. И взгляд его был точно осторожное касание напильника. С самой мелкой насечкой.

— Леша, — напряженно сказал Дмитрий, — только вот не надо этой вашей медицинской деонтологии. Если я болен, ты скажи мне прямо, не щади нежную натуру. Ладно?

— Угу, — покладисто кивнул Лешка. — Ясен помидор. Камни в почках, камни. А под камнями рачок-с... Слушай, а до этих событий все в порядке было? Никаких срывов, конфликтов? Дети как, не заездили тебя в школе?

— Да вроде нет, — пожал плечами Дмитрий. — Как-то вот удается находить взаимопонимание. И конфликтов с начальством тоже, представь себе, нет. У нас замечательная директриса. Она с нами дружит, со всеми.

— Ну а... — Лешка покрутил в пальцах пустую рюмку, — с этим как? Не злоупотребляешь? Нет, я серьезно интересуюсь. Или какие-нибудь... гм... стимуляторы? Штука-то, согласись, распространенная... по нынешним временам.

— Увы... — Дмитрию было жалко его разочаровывать. — Я и сам был бы рад свести это к белой горячке. Но почти не употребляю. Разве только стопочку по большим праздникам. А стимуляторы... максимум черный кофе. Могу показать непроколотые вены, — грустно улыбнулся он.

— Ну, мало ли... Всякое с людьми бывает... А как со сном? Бессонницей не страдаешь?

Дмитрий на секунду задумался.

— Вроде нет. Не помню, чтобы очень уж. Только вот за последнюю неделю... знаешь, когда вот ночью обдумываешь это все, устраиваешь глобальный шмон в мозгах...

— Ну а сны странные бывали какие-нибудь? — нахмурился Лешка. — Не считая твоих недавних глюков? Ну вот хоть какой-нибудь сон помнишь?

Дмитрий мотнул головой. Странные сны... Он вообще не слишком их запоминал. Утренняя суeta всегда развеивала ночную память, и оставались жалкие обрывки. Которые и снами-то не назовешь. Но все же какие-то крохи ему удалось ухватить, спасти от забвения.

— Ну, — протянул он, — вот снилось однажды, как по дороге иду, ночью или поздно вечером. Впереди не то восход, не то закат, не поймешь, пасмурно в небе. Так, облака впереди чуть светлее, чем за спиной. И холодно. Промозгло так... Или вот еще... Будто я просыпаюсь, хотя это еще сон. Аня себе сопит в две дырки... Встаю, надеваю, извини за подробность, трусы... щелкаю выключателем. А люстра загорается, но еле-еле... как будто напряжение резко упало. Света — только чтобы в темноте ни на что не навернуться. И все... Это из недавнего. Или тебе начиная с детсадовских времен рассказывать?

— Да ладно, — отмахнулся Лешка, — и так сойдет. Коротче, ясен пень. Ну, пойдем далее. Головные боли? Сумасшедшие родственники? Чистая, говоришь, анкета?

Он подпер заросшую щеку здоровенным кулаком, задумался. Казалось, там, под лохматыми волосами, крутится у него какая-то вычислительная машина. Умножает плюсы на минусы, извлекает корни из смысла и делит все на мнимую единицу. А потом выводит на принтер историю болезни.

Потом Серебряков отстранил ладонью рюмку и всем корпусом развернулся к Дмитрию.

— Ну что мне тебе сказать, Димон? Ты просил без медицинской этики, так слушай. Признаков острого психического расстройства я не наблюдаю. Нервного истощения тоже диагностировать не могу. Если не считать того бреда, что ты нес, и похоже, на полном серьезе нес, — ты похож на совершенно здорового человека. В сфере моей профессиональной компетенции, конечно. Но вот можно ли утверждать, что

твоя психика стопудово в норме? Нет, дорогой. Бывают заболевания, которые вот так прямо, сразу не диагностируются. Понимаешь, одного бреда ведь мало, чтобы болезнь определить. Должны быть еще симптомы. По-хорошему надо бы такого интересного пациента понаблюдать в стационаре... недолго, хотя бы несколько дней. Провести полноценное обследование... а пока я не могу сказать что-либо определенное. Извини, но структура твоего бреда... Короче, это уже существенное расстройство восприятия. Такое бывает... Иногда человек и сам не замечает, что подвергается стрессам... а процесс уже идет... С другой стороны, классический шизофреник свято верит в свою ахинею, не допуская сомнений, а у тебя вроде присутствует критика. В общем, непонятный случай. Слушай, а ты ведь, наверное, уже с этими проблемами к своим попам бегал? И что молвили святые отцы?

— Священники, — поправил Дмитрий. — Святыми отцами их только в католицизме называют. Да как бы тебе сказать... я с духовником хотел поговорить, а он болен сейчас. Пришлось с другим батюшкой. Вполне нормальный батюшка, доброжелательный. Ничего конкретного он не сказал. Общие слова. Ну и намекнул в конце, что здоровье бы нехудо проверить.

— То есть он тебе не поверил? — уточнил Лешка. — Ну, то есть что случившееся с тобой — непосредственное действие злых духов?

— Похоже на то, — вынужден был признать Дмитрий.

— А что же ты ничего ему такого не показал? — Лешка оживился. Глаза его заблестели, не то от коньяка, не то от внезапно озарившей идеи, а в голосе появилась вдруг кошачья вкрадчивость. — Ты же, говоришь, кое-чему научился. Шагнул бы в этот, как его, Сумрак...

Дмитрий посмотрел на него с грустью.

— Извини, Леша, но есть вещи, которых ты все-таки не понимаешь. Если это правда... если у меня действительно пробудились какие-то паранормальные способности, то пользоваться ими для христианина — величайший грех. И крайне опасно для души. Силы без хозяина не бывает... и поскольку я, как ты понимаешь, не свят... мягко говоря, то хозяин от-

крывшейся во мне силы — уж явно не Господь. А вот что все это происходит от сатаны — более чем вероятно. И представь, как я, с целью убедить, выкидываю что-нибудь этакое... да еще в храме Божиим... кощунство ведь натуральное.

Лешка задумчиво вертел в толстых пальцах вилку. И снова бросал на Дмитрия короткие, оценивающие взгляды. Примеривался своим компьютеризированным напильником.

— Но здесь-то не храм, — наконец произнес он. — Здесь осквернять как бы и нечего. Ну продемонстрируй что-нибудь. Ты ж меня заинтересовал!

— Все равно не стоит, — возразил Дмитрий. — Это и здесь грех. Нельзя этого применять!

— Но ты же вчера применял! — напомнил Лешка. — В этой жуткой истории с девочкой. Если, конечно, все это имело место в реальности.

Дмитрий невесело усмехнулся.

— Можешь звякнуть в «Скорую помощь», поинтересоваться по своим каналам. Двадцать вторая подстанция... Милиция тоже... если у тебя на них выход есть. Ну и, наконец, Ирина Сергеевна, мать девочки. Тут, видишь, есть объективные моменты.

— Ну, давай смотреть, какие такие объективные моменты. — Лешкин голос сделался сух. — Девочка действительно пропала, факт? Факт. Обыденный факт в нашей долбаной стране. Вчера ты зашел в подъезд какого-то дома в районе Преображенки и обнаружил там валяющуюся девчонку. Реально? В принципе реально. Вызвал «скорую» и ментов. Те приехали. Девчонку — в больницу, тебя — на допрос. А мистика-то где? Какой там Сумрак, какое считывание памяти? Ничего этим не докажешь.

Дмитрий молчал. Прав был Серебряков, на двести процентов прав. Если Сумрак — это шиза, то все объясняется обыденным образом. Все прекрасно вписывается.

— Знаешь, — задумчиво протянул Лешка, — что косвенно свидетельствует в твою пользу? Ну, то есть в пользу твоей магии-багии? Это что менты тебе поверили, так вот просто отпустили. Прикинь, валяется истерзанная девка, рядом — какой-то лох. На кого проще всего дело повесить? Правильно, на лоха. Типа сперва изнасиловал, а потом испугался,

вызвал кого надо... только вот, сука, теперь тупит, чистосердечного писать не хочет... Будь все как обычно — ты бы сейчас не здесь со мной коньяком накачивался.

Дмитрий опустил голову. Да, Лешка опять выбил десять из десяти. Все именно так и было. Поначалу.

Снова вспомнился кабинет — прокуренный, скучный. Подтеки салатной краски на стенах, пыльное окно во внутренний двор. Кипы пухлых папок на столе, прозрачные, ничего не выражающие глаза следователя прокуратуры Кузьмина.

Дмитрий честно изложил все, как было, — умолчав, конечно, о соскальзывании в Сумрак. Разговор с несчастной матерью, отчаянное желание хоть что-то сделать. Решение провести собственное расследование — то есть обойти все дома подозрительной зоны, на маршруте Волковы — Беляевы. И неслыханная удача. Прямо так и валялась в подвале, в углу. Темно, вот никто из жильцов и не заметил. Не под ногами же.

Капитан Кузьмин ему не верил. Ни на грош. Кулаки, правда, не распускал, не матерился — но скучающим тоном советовал сознаться по-хорошему. Расписывал радости чистосердечного признания и ужасы следственного изолятора. Дмитрий напомнил, что есть ведь еще и девочка. Которая, когда почувствует себя получше, вспомнит настоящих преступников. Капитан рассмеялся и объяснил, что после таких страданий девочки обычно ничего не помнят. И еще вопрос, вернется ли к ней ясный рассудок.

И вот тогда он понял, что влип. Крепко влип. Что из этого затрюханного кабинета он не вернется домой. Что впереди — долгие месяцы следствия, которое действительно неизвестно еще чем обернется. Даже если дело развалится на суде — доживет ли он до суда? С подобным-то обвинением?

Все действительно зависело от следователя. От того, что он напишет в протокол. И что, денег ему предложить? Не умел Дмитрий такого, да и капитан вроде бы соответствующих намеков не делал. Похоже, всерьез был убежден в вине лоха-математика.

Кузьмина надо было переубедить. Не словами, нет — все слова уже прозвучали и осыпались в воздухе, как пыльца с крыльев дохлой бабочки. Нужно как-то иначе.

Плохо осознавая, что делает, Дмитрий потянулся к чужому сознанию. Словно у него выросла третья рука, легкая, невидимая — и этой рукой он осторожно погладил капитанские мысли. На ощупь они оказались шершавыми, занозистыми. Но вскоре, поддаваясь воздействию извне, стали теплыми и гладкими, точно бок остывающего чайника.

— Да, вы правы! — энергично согласился капитан. — Все именно так и было. Это ж такое везение, что вы на нее наткнулись. И вы очень помогли нам своими показаниями, теперь мы точно возьмем этих тварей. Спасибо, не буду отнимать у вас больше времени. Распишитесь вот тут. Всего доброго.

И долго еще Дмитрий бродил под мелким, назойливым дождем, которым завершилась недавняя гроза. Бродил по мокрым улицам, не выбирая направления, безнадежно пытаюсь унять чехарду мыслей. Что же получается? Вот уже третий раз он, православный христианин, раб Божий Дмитрий, воспользовался магией? Ну, пускай второй — тогда, с оборотнем, он сам не понимал, что происходит. Но сегодня-то! После объяснений Антона, после исповеди и причастия! Во рту чувствовался металлический привкус предательства. Именно так. Соблазнившись этими открывшимися способностями (открывшимися? Открытыми! И ясно кем открытыми!), он распинал в себе Христа! Вместо того чтобы мужественно понести свой крест, он предпочел иные, более чем сомнительные дары. Будто он уже и не член Церкви, а этот... Иной. Вот так, пронеслось в голове, и случаются предательства. Сперва благие намерения... спасение сорока двух детей... потом одной девочки... потом себя, любимого...

И куда тянется этот путь? Да уж ясно куда. Правильно у Льюиса сказано — дорога в ад спускается полого. Едва заметно. И что теперь? Снова бежать на исповедь в первый попавшийся храм? А толку? Даже если очередной батюшка, не желая препираться с очевидным безумцем, и примет его словесное покаяние — то примет ли Господь? Примет ли, прямо сказать, колдуна, мага — который, кстати, вовсе не уверен, что случай с капитаном был последним.

Умом Дмитрий понимал, что так нельзя, что это — отчаяние, самая страшная бесовская ловушка. Шанс на спасе-

ние, на прощение есть у любого, даже у величайшего грешника. Лишь бы покаяние его было искренним. А насколько оно искренне в его случае? Дмитрий и сам не знал.

Домой он тогда явился лишь под вечер, мокрый насквозь. Ане ничего объяснять не стал, молча полез в ванну, потом рассеянно поглощал ужин, не чувствуя вкуса. И уже ночью вспомнил, что так и не проверил работы девятиклассников-«переписчиков». Пришлось вылезать из нагретой постели и проверять — алгебра в девятом «А» шла первым уроком.

— Но все равно, — прервал его воспоминания Лешка, — за настоящее доказательство это не катит. Может, тебе особо честный мент попался. Особо доверчивый... Честный, доверчивый мент... бывают же такие, наверное. Или какие-то иные резоны у него были... Например, недавно взяли какого-то маньяка и теперь хотят серию на него повесить. Твоя девочка — в кассу, а ты лишний. Маловероятно, но чем черт не шутит? Димон, ну как друга прошу — покажи что-нибудь этакое. В Сумрак сбегай... или еще чего. Гляди, какая вещь: если я ничего не замечу — значит, тебя точно глючит, значит, все-таки болезнь. Ты же для того и пришел сюда, чтобы узнать правду. Ну так давай же! Сразу и узнаем.

Дмитрий покачал головой.

— Нет, Лешка, отпадает. Нельзя мне в это втягиваться. С каждым разом ведь все глубже погружаюсь.

О другой причине он говорить не стал. Если это все же не глюки... Если Лешка и впрямь увидит «мистику»... Зачем на него-то навьючивать такой груз? Может ведь и сам тронуться рассудком. Нет уж, незачем делить эту беду пополам.

— Ладно, Леш, спасибо. Поползу я, пожалуй. Ты мне действительно здорово помог. По крайней мере я хоть узнал, что не выгляжу буйным психом. А в клинику на обследование ложиться... извини, но нереально. Некогда — работа, семья.

— Жаль, — огорчился Серебряков. — Очень бы стоило. Пойми, хуже от этого никому не будет. И семья поймет, и для работы слепить какую-нибудь отмазу — пара пустяков. Короче, если надумаешь, звони. Для тебя место всегда найдем. И держи меня в курсе... Такого случая в моей практике еще не было. Погоди, сейчас я тебе еще и таблеточек выпи-

шу, успокоительных. Не бойся, не нейрорептики, просто травы. По-любому полезно.

— Спасибо, — поднимаясь из-за стола, сказал Дмитрий. — Думаю, незачем. Сам же говоришь, нервного истощения не наблюдается. Лучше попробую спастись молитвами.

Своими сомнениями, примет ли теперь Господь его молитвы, он делиться не стал.

8

Его перехватили почти у самого дома. Оставалось пройти лишь скверик — а там уж и рукой подать.

— Приветствую, Дмитрий Александрович!

Антон был не один. На сей раз был он с дамой.

— Добрый вечер! — Дмитрий остановился, тяжелым взглядом окинул встреченных. Он сильно сомневался, что вечер и впрямь обещает быть добрым.

— Познакомьтесь, это Лена. Тоже у нас... работает.

На вид Лене было около сорока. Среднего роста, кареглазая шатенка, она приветливо кивнула Дмитрию. Тому ничего другого не оставалось, как осторожно пожать протянутую руку. Впрочем, он тут же понял, что осторожничал зря — ладонь у Лены оказалась не по-женски крепкой.

— Нам бы посидеть, поговорить, — сказал Антон, оглядываясь в поисках свободной скамейки. Таковых не наблюдалось — вечер выдался сухим и довольно теплым, так что народу в скверике хватало. Бабушки выгуливали закутанных в сто одежек внуков, пенсионеры обсуждали тяжелую политическую ситуацию, где-то раздавался стук костяшек домино.

Дмитрий тоскливо воздел глаза к небу. Там, впереди, малиновый язык заката облизывал крыши дальних домов. Там проявился уже бледный диск луны — обкусанный с правого края. И не было там подсказки, как отшить навязчивого собеседника.

— Я вообще-то домой тороплюсь, — заявил он уныло. — У меня планы уроков не подготовлены, тетради не проверены.

— Грибы не собраны, корова не доена, — в тон ему продолжила спутница Антона. Но в голосе ее не слышалось ехидства. Скорее сочувствие.

— А куда денешься? — ответил Антон. — Надо. Сейчас организуем.

Спустя пару секунд шумная компания подростков, расположившаяся с пивом на ближайшей скамейке, вдруг снялась с места и деловито направилась в сторону улицы. Точно птичья стая улетела на зиму в теплые края.

— Это как же? — покачал головой Дмитрий. — Говорили же, нельзя пользоваться магией в личных целях...

— Ну, во-первых, не в личных, а в производственных, — парировал Антон, — а во-вторых, не все так прямолинейно. Договор не означает, что Иные вообще отказываются от своих способностей. Есть определенные лимиты, и у нас, и у них. Здесь — вообще воздействие седьмого уровня, почти уже и не магия. Чепуха. Но есть и более серьезные вещи, о которых мы сейчас поговорим...

Они сели. Дмитрий молчал, мысленно произнося Иисусову молитву. Не обращать внимания. Не обращать! Вообще не стоило с ними заговаривать, отвечать на приветствие, с теткой этой ручкаться. Ну что они, застрелили бы его, пройди он мимо?

Впрочем, не надо ложных надежд. Разговора не избежать. Антон не выглядел человеком, который легко мирится с поражениями. Впрочем, он и не человек. Если, конечно, поверить в его бред.

— Дмитрий Александрович, — начал Антон, — надо нам с вами что-то решать. Ситуация нехорошая. Светлый Иной без регистрации, более того, принципиально отказывающийся соблюдать Договор — это, я вам доложу, посильнее «Фауста» Гете. Дневной Дозор уже рвет и мечет. Было разбирательство по делу той гиены... ну, оборотня. Нам удалось вас отстоять. Ведь, строго говоря, Иным вы по-настоящему стали только по выходе из Сумрака, то есть уже искалечив Артема Корнеева... так зовут этого парня, Темного. Но они, естественно, выторговали себе право на аналогичный прецедент. В случае спонтанной инициации Темный Иной не

будет отвечать за свои действия в Сумраке. Уж не сомневайтесь, они этим правом воспользуются.

— А провести интригу, чтобы потенциальный Темный попал в Сумрак в нужное время и в нужном месте, — легче легкого. Для Завулونا-то... — добавила Лена.

— Кто такой Завулун? — спросил Дмитрий, тут же прокляв свой длинный язык. Молчать. Не слушать. Ограждать себя незримой стеной молитвы... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного... Господи Иисусе Христе...

— Это руководитель московского Дневного Дозора, — охотно пояснил Антон. — Маг высочайшего уровня. А уж интриган какой... За тысячи лет, знаете ли, многому можно научиться. Но давайте ближе к делу. К вашему делу. Разумеется, Темные теперь следят за вами, рады подловить на любой ерунде. Теперь-то вы уже Светлый Иной, и никого не интересует, что вы себе о Договоре думаете. Думать можете как угодно, а соблюдать придется. Помните, о чем я вас предупреждал в нашу предыдущую встречу? Не применять силы Иного по отношению к людям. Нельзя вам пока. Вот пройдете обучение, получите индивидуальную квоту...

— А вы? — с укоризной произнесла женщина. — Вы два раза нарушали. Сперва — там, в подвале, когда влезли в память девочки. Вы вообще соображаете, что могли по незнанию натворить?

— Способности у вас отличные, а пользоваться ими не умеете, — повел вторую партию Антон. — Честное слово, как слон в посудной лавке. Как дошколенок со спичками.

— Вы хоть знаете, что сделали с Людой? — продолжала его напарница. — Думаете, вы просто считали два дня из ее памяти? Нет, дорогой. Вы не F5 нажали, а F6. У нее теперь полностью стерта память — от субботы до понедельника.

— Так это же замечательно! — запальчиво возразил Дмитрий. — Незачем девчонке такое помнить.

И тут же прикусил язык. Вот тебе и незримая стена. Да они кого угодно разговорят!

— В данном случае действительно вышло удачно, — легко согласилась Лена, — но лишь по случайности. А если бы вы ей несколько лет стерли? А если бы вы ее лечить вздума-

ли, потоком силы? Перепутали бы полярности энергетических каналов — и нате вам. Короткое замыкание, если хотите. Вы же перегоревшую проводку чинить не лезете?

— Слушайте, уважаемая! — Дмитрий понемногу начал закипать. От изначальной симпатии к этой стройной женщине у него не осталось и следа. — Вот вы представьте — подвал, запертая дверь, избитая и изнасилованная девочка. Мне что, мимо надо было пройти? Раз уж ничего другого не оставалось, сделал как оно само вышло.

— Не надо было мимо проходить, — наставительно произнес Антон. — Вы могли просто вытащить Люду из подвала, через Сумрак — и дальше вызывать кого надо. С телефона-автомата. А могли и в Сумрак не ходить, а просто позвонить в милицию, вызвать наряд.

— И что же я им сказал бы? — горько поинтересовался Дмитрий. — Чтобы они поверили?

— Легко. Что вы — классный руководитель пропавшей с субботнего вечера девочки Людмилы Беляевой. Что час назад вам позвонил неизвестный и сообщил, будто Беляева заперта в подвале вот по такому адресу. Можете не сомневаться — сигнал бы проверили. Милиция, конечно, работает плохо, но не настолько плохо. Просто надо иногда думать, прежде чем на подвиги пускаться. Это ж какое счастье, что вы с теми гопниками не пересеклись. Были бы сейчас от раскаяния, смывая с ладоней отнюдь не земляничный сок. А вообще самое правильное было бы связаться со мной.

— Как именно? — хмыкнул Дмитрий. — Ау, Антон?

— Ну, хотя бы и так, — задумчиво протянул тот. — Пожалуй, связь через Сумрак вам бы удалась. Легко же делается, вошел туда, представил мысленно собеседника, позвал... Если взаимная настройка есть, откликнется. Но лучше поступить по-человечески.

В руке его вдруг сам собой оказался мобильный телефон Дмитрия. Дешевенькая «Моторола», то, что может позволить себе школьный учитель.

— Вот, — пощелкав кнопками, заявил Антон. — Мой номер у вас в симке. На всякий пожарный перепишите потом куда-нибудь. И в любых сомнительных случаях сразу звоните. Ладно, поехали далее. Следующий пункт нашего

вечера воспоминаний — это воздействие на капитана милиции Олега Кузьмина. Несанкционированное воздействие шестого уровня. И это уже вполне можно зачесть как нарушение. По-человечески и я вас понимаю, и уж тем более Темные поняли бы. Вы защищались. Но по закону — не положено. Даже у зарегистрированного Иного проблемы возникли бы, а уж у вас, диссидента нашего доморощенного... Вот поэтому я повторяю — надо срочно регистрироваться.

Дмитрий вздохнул.

— Отстаньте от меня, а? Объяснил ведь уже — регистрация противоречит моим религиозным убеждениям. Устраивает вас такая формулировка? Если вы, Светлые, с этим не хотите считаться, значит, нам с вами уж точно не по пути.

— Блин! — в сердцах рявкнул Антон. — Достало это уже меня! Пускай Семена посылают, он семьдесят лет тренировал терпение и сорок восемь — смирение! А я с фанатиками работать не умею.

Он шумно вздохнул. Дмитрий подумал было, что на его выкрик кто-нибудь обернется, но ничуть не бывало. Люди в скверике, казалось, совершенно не замечали ни желтой, изрезанной сотнями инициалов и неприличностей скамейки, ни троих ее обитателей.

— Извините, Дмитрий Александрович, — виновато сказал вдруг Антон. — Распустил я себя что-то. Но и вы меня поймите, тяжело ведь это, когда умный, порядочный человек все время видит в тебе беса и подозревает в любой мыслимой и немыслимой пакости. Лена, — повернулся он к своей коллеге, — ну попробуй ты.

— Дмитрий Александрович, — мягко начала Лена, — давайте уж в самом деле разберемся, ну что тут такого ужасного с точки зрения веры? Знаете, почему Антон меня пригласил сегодня? Потому что я тоже верующая. Православная. Вот, извольте убедиться. — Она слегка одернула ворот блузки. — Крестик. Я верую в того же Господа, что и вы, Дмитрий. Я тоже посещаю храм. И при этом я — Иная, волшебница третьего уровня силы.

Если она думала этим потрясти Дмитрия, то явно просчиталась.

— Знаете что, Лена, — максимально мягко начал тот, — не существует ведь такого термометра, чтобы взять вот и измерить глубину и искренность веры. Вы говорите, что крещеная — охотно допускаю. Что в храм ходите — тоже вполне возможно. В храм и колдуны, между прочим, дерзают порой заходить, чтобы от иконы, как они сами выражаются, энергией подпитываться. Тоже с крестиками на шее.

— Это правда, — неожиданно вставил Антон. — Бывают такие невыявленные Иные. Причем Светлые. Только они не от икон, они от людей заряжаются. Что строжайше запрещено Договором. Мы их отлавливаем и...

— Лена... — Дмитрий чуть было не добавил «дорогая», но вовремя удержался от неуместной вольности. — Я вполне допускаю вашу искренность. Да, в вашем сознании прекрасно совмещаются истины веры и все вот эти «иные» дела. Но из того, что они совмещаются в вашем сознании, еще не следует, что они совмещаются на самом деле. Святая Церковь совершенно недвусмысленно говорит о колдовстве. Мне напомнить места из Писания? Мне напомнить высказывания Святых Отцов? Магия — от сатаны. Пускай лично вы так не думаете, пускай не поклоняетесь сознательно лукавому, но объективно именно его целям и служите. Вот скажите мне — вы вообще давно крестились?

Лена немного смешалась. Потом, вздохнув, ответила:

— Весьма. Восемьдесят три года назад.

Тут уж Дмитрия наконец проняло. Он едва сдержался, чтобы не присвистнуть.

— Иные живут долго, — пояснила Лена. — Просто мы умеем выглядеть соответственно возрасту, когда были иницированы. Меня крестили во младенчестве. Еще Гражданская война шла. А иницировали в дни Карибского кризиса. Помните, когда Никита Сергеевич Америке ботинком грозил?

— Ну так что же, — Дмитрий решил держаться до последнего, — вы действительно живете воцерковленной жизнью? Вы не реже чем раз в месяц причащаетесь Святых Тайн? Вы столь же регулярно исповедуетесь? Держите молитвенное правило, соблюдаете посты? Наконец, у вас есть духовник? Он знает, что вы занимаетесь магией?

Похоже было, что он попал в точку. Лена замялась.

— Вы очень формально подходите, Дмитрий, — наконец отозвалась она. — Вы, похоже, ставите на первое место обряд, церковную дисциплину. А важнее ведь другое, внутреннее. Вера Господу, любовь к Нему.

— Верующий Господу и заповеди Его соблюдает, — возразил Дмитрий. — Если для вас, Лена, созданная Им Церковь — истинное Тело Христово, если вы веруете, что Церковь управляется не людьми только, но и Духом Святым, то и все церковные требования должны соблюдать. А иначе это и не вера вовсе. Иллюзия веры. Вы выбираете из христианского вероучения только то, что вам удобно, что близко, — и называете это своей верой. А остальное отбрасываете. Хотя стоило бы задуматься — раз оно, остальное, вам чуждо, то, может быть, дело в вас? Может быть, вы не доросли? Несмотря на восемьдесят три года? Вы уж извините мою резкость, просто разговор пошел такой, что грешно лукавить и умалчивать, человекоугодия ради. Ну, или, скажем, «иноугодия», — улыбнулся он.

Лена не стала улыбаться в ответ.

— Вы жестоки, Дмитрий, — бесцветным голосом сказала она. — И что хуже всего, сами не замечаете свою жестокость. Вы только себя, «воцерковленных», считаете христианами, а остальные, значит, быдло? Притворяются верующими? Ну да, они слабее, они реже ходят в храм, не выполняют все положенные обряды. Да, их можно гвоздить древними канонами, которые принимались совсем в другую эпоху, при других обстоятельствах. Но ведь они тоже веруют в Господа нашего Иисуса Христа. И как знать, может, в каких-то случаях их вера более живая? И раз уж мы перешли к обсуждению моей персоны... В своей жизни я сменила семерых духовников. Восемьдесят лет, видите ли, это довольно много... Ни одному из них я не говорила, что Иная. Потому что дать такое знание обычному человеку — означает нагрузить его непосильным бременем. Такое испытание разве что святому по силам. Мои духовники были хорошими священниками, но великих старцев, великих подвижников среди них не было. Я каялась перед ними в своих грехах — в реальных грехах, за которые стыдно, за которые кусает совесть. А ка-

яться в том, что Иная... что есть в тебе эти способности... Я родилась такой, понимаете? Этого не выбираешь. Это как пол, как национальность...

— А вот ваш товарищ говорил, — напомнил Дмитрий, — что потенциальных Иных спрашивают, согласны ли они иницироваться. Причем бывают и несогласные. Правда, Антон? Или наврали?

— Правда, — хмуро кивнул тот. — Только вот Елена Николаевна была тогда в такой ситуации, в какую не дай вам ваш Бог попасть.

— Ребенок у меня тогда умирал, — тихо пояснила Лена. — Младший сын, Петя. Тринадцать лет... Саркома легкого, безнадёжный случай. И эта была единственная возможность его спасти. Я знаю, что вы сейчас скажете. Цитату скажете. «Кто любит сына или дочь более Меня, тот недостоин Меня». Только знаете что — помолчите лучше. А то ведь легко осуждать, не испытав на своей шкуре.

Дмитрий замолчал. Действительно, глупо сейчас с ней препираться. Он понимал умом, что Лена сорок лет назад совершила чудовищную ошибку, что цитата вполне к месту. Только вот говорить это было никак нельзя. Не поворачивался язык.

— Ну вот что! — приподнимаясь, заявил Антон. — Эти разговоры можно тянуть до бесконечности. Но мы не будем. Вы должны быть зарегистрированы, Осокин, и вы будете зарегистрированы. Прямо сейчас. Без всякого на то согласия.

Дмитрий хотел было возмутиться — и не смог. Что-то невидимое, но крепкое обхватило его, заморозило голос, сдавило сердце. Он попробовал дернуться — бесполезно. Как в резиновых тисках.

Антон между тем выбросил вперед кулак — точно собирался ударить, но, задержав его в движении, резко разжал пальцы. И сгусток синего пламени, сорвавшись с его ладони, устремился к Дмитрию. Прошел сквозь плотную ткань куртки, сквозь рубашку. Вонзился в грудь. Кожу на миг опалило жаркой болью — но тут же боль схлынула, оставив после себя голубоватое сияние. Которое, с каждым мгновением делаясь бледнее, вскоре исчезло.

— Вот и все, — с видом стоматолога, демонстрирующего пациенту вырванный зуб, заявил Антон. — Метка нанесена. Увидеть ее может только Иной, обычному человеку она недоступна. А записано там следующее: «Дмитрий Осокин, Светлый маг, шестой уровень силы. Постоянная московская регистрация». Хотя какой на самом деле уровень, пока судить трудно. После обучения надо будет скорректировать.

— Вот и вся цена вашим сказочкам о добровольности и порядочности, — мрачно буркнул Дмитрий. Тело вновь было свободно, невидимые тиски исчезли. Раздражение осталось.

— Да, — кивнул Антон, — я превысил свои полномочия, применив силу. Потому что ничего другого уже не оставалось. Вы, естественно, можете жаловаться начальству. То есть моему шефу, руководителю московского Ночного Дозора Борису Игнатьевичу. Впрочем, я и так доложу ему. Если он сочтет мои действия неправомерными — наложит взыскание. Просто меня ваше упрямство достало. Кстати, я облегчил вам духовный выбор. Раз регистрация выполнена против вашей воли, путем насилия — значит, совесть ваша должна быть чиста.

— Наверное, надо завершать разговор, — вмешалась Лена. — Дмитрию Александровичу еще тетради проверять и с женой объясняться по поводу долгой отлучки и коньячного запаха.

— В общем, подумайте обо всем этом, — добавил Антон. — Наша встреча не последняя. Скоро ведь надо обучение начинать... Ну а если вдруг что «иное» стряется — звоните.

И оба они, одновременно поднявшись, быстро двинулись прочь, к выходу из сквера. А Дмитрий остался на скамейке. Следовало, конечно, торопиться домой. Аня, видать, уже вся извелась. Но он долго еще не мог подняться. Осторожно трогал грудь. Ничего не болело, разве что душа. Хотя Антон прав, греха на нем за эту «регистрацию» нет. А скверна — есть. Скверна, которую еще отмаливать и отмаливать.

А ведь все-таки это люди, а не бесы, понял вдруг Дмитрий. Пускай и прельщенные, и заблудшие — но люди. Бесы куда лучше подкованы в богословии.

9

Солнце, вообразив, будто лето еще не кончилось, жарило в полную силу. Ни единого облачка на высоком, удивительно синем, точно в детской книжке, небосклоне. И всюду тени — черные, ломанные, ждущие.

Думать о тенях не хотелось. Особенно о той, что стелется под ногами... которую так легко поднять, войти в нее... Нет, исключено. Больше — ни разу.

Но тени были не только на земле, они и душу накрыли, окутали печалью. Он так рвался сюда, так надеялся... всю дорогу молился... ну, или почти всю. А в результате?

— Не принимает батюшка! — поджав бледные губы, сообщила пожилая тетка, до глаз закутанная в черный платок. — Болеет он. Нельзя его обременять!

— Вы лучше в храм зайдите, образу Преображения Господня свечу поставьте, — выйдя на крыльцо скита, посоветовала вторая келейница. — Господь вашу мольбу и так услышит.

Дмитрий, конечно, не один был такой. Всех паломников, явившихся в Преображенский монастырь ради беседы со старцем Сергием, переадресовывали в храм. Смиряли.

Все правильно, конечно. Какие могут быть претензии? Старец действительно слаб здоровьем, старец чисто физически не способен встретиться с каждым из десятков, а то и сотен ежедневных посетителей. Старца нужно беречь.

И значит, все было зря. И ночной разговор с Аней, и утренний с Мариной Павловной. И полдня пути — электричкой до Твери, потом рейсовым автобусом, потом пешком, через лес. Теперь остается лишь зайти в храм, приложиться к иконам, поставить рекомендованную свечку. И обратно, в Москву. Если повезет с расписанием, ночью уже будет дома. На лязг открываемой двери выглянет сонная Аня...

Он тогда не стал говорить ей всего. Не важно, сочтет она его психом или, что еще хуже, поверит, — в любом случае это вонзится в нее отравленной стрелой. Конечно, муж и жена — едина плоть, и радости, и горести делятся пополам,

но слишком уж было ему жалко свою Аню — такую слабую, робкую, явившуюся словно из позапрошлого века, из какого-то обветшалого дворянского гнезда... большие серые глаза-озера, тонкие, «музыкальные» пальцы...

— Анюта, родная, — сказал он тогда, — мне необходимо съездить в монастырь. Хотя бы на недельку. Ты ж сама, наверное, замечаешь — со мной не все в порядке. Очень трудная и непонятная ситуация. Уж извини, но деталей рассказывать не буду. Просто поверь мне — надо. Очень сильные демонские нападения. И почему именно со мной? Чем я заслужил? Но просто вот чувствую — надо съездить к старцу Сергию, может, хоть его молитва подействует. К нашему батюшке? Болеет он... в кардиологическом санатории, и будет там по крайней мере до середины октября. А отцу Георгию исповедовался... толку-то... Азбучные истины все мы говорить умеем, книжки те же самые читали... Но тут что-то уже другое необходимо... не из книжек. Ты уж поверь мне, я не стал бы срывать с места, не будь все так серьезно. В общем, молись за меня. Я очень тебя люблю и очень верю... Если что, звони, мобильный я беру.

Он ждал расспросов, он боялся их до одури — но Аня оказалась на высоте. Молча поцеловала его в лоб (получилось, правда, почти что в нос), перекрестила.

Труднее дался разговор с директрисой. Марина Павловна решительно отказывалась его понимать. Проблемы есть у всех, но кто работать-то будет? Заменить его абсолютно нечем. Зайди речь об одном дне, максимум о двух — ну еще туда-сюда, отгулы у него с летних дежурств остались. Но неделя! Невозможно!

Как он хорошо ее понимал! Он и сам сказал бы слово в слово то же, поменей их местами. Но ехать к старцу Сергию было необходимо. Теперь, после «регистрации»... после того, как эти колдуны поставили на нем магическую печать... нужна особая благодать Божия, чтобы избавиться от нее. Чувствовал он — в городских храмах ничего не выйдет. Не поможет ни святая вода, ни молебен... Раз уж всей этой «иной» магии не страшны исповедь с причастием...

Он долго разглядывал вечером свою грудь. Грудь как грудь, поросшая рыжеватыми волосами. Не особо широкая,

не вздутая буграми мышц... Никакой печати, конечно, обычным глазом не наблюдалось. А вот что видно из Сумрака... думать об этом Дмитрий не хотел. Ясно лишь, что, поставив ему метку, эти самые Иные вторглись в его душу... открыли туда широкую дорогу демонам. Даже что-то такое ему приходилось читать. Давно... в первые годы после крещения.

Насколько же тогда сильнее была его вера! Никакой Антон со товарищи тогда и близко не сумели бы к нему подобраться! Отшила бы их благодать, подаваемая новоначальным. Но — обычное дело. Годы, суета, привычка... а порой и скука. Что раньше давалось так легко, играючи — теперь требовало чудовищного напряжения воли. Которая завяла, ослабела, научилась прогибаться под обстоятельства.

— Марина Павловна, — ответил он на все ее резонные доводы. — Я ведь в любом случае поеду. Даже если ради этого мне пришлось бы уволиться. Чего, как вы понимаете, я вовсе не хочу. Но тут... рассказывать обстоятельства не могу, но поверьте, речь идет о моей душе. В самом прямом смысле слова. Вы уж извините, что так вышло.

На миг ему явилась соблазнительная идея — «погладить» ее сознание, повернуть в нужную сторону. Как тогда, с капитаном Кузьминым. Но тут же, покраснев, он прошептал краткую молитву. Тут и ежику понятно, откуда подобные соблазны vyplывают.

И — набитая электричка, беготня по тверскому автовокзалу в поисках нужного автобуса... за минуту до отправления сумел втиснуться. Значит, все зря. Ну, если не считать это очередным уроком смирения. Ты думал, все так вот просто и сразу? Прикатил — и все вокруг тебя забегали? Сколько народу хочет встретиться со старцем, и у каждого беда наверняка покруче твоей.

Он уже направился было в сторону Преображенского храма — там сейчас шла утренняя, — как сзади его тронули за плечо.

Старец Сергей стоял, сложив руки на объемистом животе. Седой, с длинными, до плеч, прямыми волосами. Серые глаза его смотрели внимательно — быть может, с едва уловимой улыбкой.

Дмитрий узнал его сразу, хотя до сей поры видел только однажды, в позапрошлом году, когда батюшка читал проповедь после воскресной литургии.

Сейчас, в простеньком подряснике, старец выглядел куда менее торжественно. Проще, ближе, по-домашнему.

— Ну, пойдем, чадо. — Он говорил с заметной одышкой. Видать, не врал тетки о его болезни. — Пойдем ко мне в келью, потолкуем. Тебя звать-то как, раб Божий?

— Вот и все, батюшка, — закончил рассказ Дмитрий. — Что же мне теперь делать?

Старец не отвечал. Сидя на низком табурете, он перебирал четки, смотрел на крашенные суриком половицы.

Пахло ладаном, теплились по углам небольшие лампадки. И всюду были иконы — большие, храмовые, и совсем маленькие, бумажные, какие продаются за всяким свечным ящиком.

Дмитрий вспомнил, как черной молнией метнулась им навстречу келейница.

— Что вы, батюшка! Нельзя! Прилечь вам надо! Вспомните, что доктор говорил!

— Можно, Глафира. И нужно. — Не тратя более слов, старец Сергей приглашающим жестом указал Дмитрию на дверь своей кельи.

И вот теперь он молчал. Беззвучно шевелил губами — не то молился, не то у него просто трясся подбородок. Дмитрий вспомнил, что батюшке — восемьдесят четвертый год. Ровесник ухоженной шатенки Елены Николаевны.

— Да уж, чадо Димитрие, — проговорил он наконец. — Досталось тебе. Испытывает тебя Господь наш. Но помни, что никого Он не обременяет сверх меры. Раз дал этот крест — значит, нужно это Ему зачем-то. И твое испытание кончится. Когда — мне знать не дано, только, думаю, это тебе не на всю жизнь.

— Батюшка, — дождавшись долгой паузы, спросил Дмитрий, — а что же это со мной было? Это ведь действительно бесовское искушение?

— Все, что происходит с нами, — это искушение, — вздохнул старец. — В любую минуту, во всякой мелочи перед нами

выбор. С Богом ли мы или со врагом... Только мы невнимательны... редко этот выбор замечаем. Потому и попускает нам порой Господь подвергнуться тяжелым испытаниям.

— Но эти... которые ко мне приходили... Иные... Они существуют реально или мне все привиделось? Может, это шизофрения?

— Откуда ж мне знать? Может, и не адские духи это. Может, и впрямь люди, соблазнившиеся и соблазняющие других. Важно ведь не то, Димитрий, что эти Иные сами про себя думают. Важно, что они от Церкви Божией таятся. Они не за Христом идут, а какой-то своей, отдельной дорогой. Но путь мимо Христа — это путь в пропасть. Жалко их... Наверняка ведь и добро им не чуждо... и к общему благу они стремятся. Только не там, не так... И потому ты правильно решил, чадо. Подальше тебе надо от них держаться. Сила их... говоришь, ни крест не действует, ни молитва, ни таинства? Значит, или очень сильно им диавол помогает, или... или не от диавола эти способности. Но ведь и не от Господа — иначе Он засвидетельствовал бы Свое присутствие, коснулся бы сердца твоего... и разом оставили бы тебя и страх, и сомнения. А раз сие не от Бога, то и не для нас, верно?

— А как же это? — Дмитрий прикоснулся к груди. — Эта их метка? Надо же ее как-то снять!

Старец перекрестился.

— Не может нечистый дух в человека войти, если тот сам ему дверь не откроет. Разве что с Божьего попущения, как с некоторыми подвижниками иногда случалось. Но и в том нет греха. Ты эту печать принимать отказался, на своем стоял. Они ведь силой ее налепили. Стало быть, и не сокрушайся о ней. Помолимся, святой водой окропим — и будешь ты чист от осквернения. А что увидят эти люди через свое колдовство — о том не думай. Думай о том, как верным Христу остаться.

— Батюшка! — Дмитрий сомневался, надо ли это говорить, но потом все же решил: — Вот эта женщина... Иная... Елена. Которая считает себя христианкой. Жалко мне ее. Вы о ней тоже помолитесь, ладно?

— Помолюсь, — кивнул старец. — И о тебе помолюсь, и о ней... обо всех о них...

— А дальше-то мне как? Что делать-то?

Старец вновь замолчал. Казалось, он к чему-то прислушивается, хотя в келье было удивительно тихо. Шум с улицы почему-то не проникал сюда, хотя бревенчатые стены — не лучшая звукоизоляция.

— Ты, Димитрий, — улыбнулся старец, — пока поживи у нас. Потрудишься во славу Божию, помолишься... Душа твоя отдохнет от борьбы, разгладится... А дальше уж не знаю, дальше доверимся Господу. Он знает, как управить. Да пребудет Благодать Его с тобой.

Старец поднялся с табурета, благословил Дмитрия. И коснувшись губами сухой, морщинистой ладони, тот вдруг почувствовал, как обжигают глаза слезы.

— Глафира! — позвал старец, и в келью сейчас же просочилась давешняя женщина. Под дверь, что ли, ждала? Строго взглянув на Дмитрия, она торопливо перекрестилась на образа.

— Да, батюшка?

— Вот, Глафира, раб Божий Димитрий немного поживет у нас в монастыре, трудником. Проводи его к отцу Анатолию, пускай тот обо всем распорядится. С Богом!

10

Электричка была битком. Еще в Твери хлынувшая в двери толпа за считанные секунды заняла все места, а на ближних станциях заполнились и проходы. Пятница. Впереди выходные, вот и едет народ в Москву. Что же вечером будет!

Дмитрию удалось сесть у окна, по ходу. Высоко поднявшееся солнце слепило глаза, но этого он не замечал. Мрачно было внутри и холодно. Не в электричке — в душе.

А как все хорошо начиналось! Приняли его дружелюбно, выделили место в общей спальне. Определили на рытье котлована, под фундамент будущего гостевого корпуса. Ни на что иное он не был способен — ни плотницкого, ни штука-

турного дела не знал, тонким искусством электромонтажных работ не владел совершенно. Значит — копать.

Народ вокруг подобрался молчаливый, по большей части значительно старше его. Многие, как выяснилось, ездят сюда уже несколько лет, спасаются от мирской суеты. Кто-то намеревался сделать и следующий шаг — стать послушником.

Дмитрий о таком не думал. Он вообще старался не глядеть в будущее. «Довлеет дневи злоба его...» Ритм монастырской жизни затягивал. На рассвете, в седьмом часу, утренняя в храме, затем трапеза — постная, но обильная. И — к лопате. Экскаватора тут почему-то не водилось.

Обедали, слушали чтение Житий Святых, отдыхали. Потом — снова в бой с рыжей, неподатливой глиной. Вечерняя, ужин, молитвенное правило на сон грядущий. Рай! Ну, или по крайней мере санаторий. Распрямляется измятая душа, вбирает в себя благодать. А главное — никаких тебе Иных. Не достанут!

Санаторий продолжался полтора дня — остаток среды и весь четверг. А поздно вечером — уже все улеглись — позволила Аня.

Вовремя успела — батарейки в телефоне хватило лишь на минуты разговора. Он, лихорадочно собираясь в среду, конечно же, забыл зарядное устройство.

Но и минуту хватило, чтобы взорвать душу. Аня, видимо, уже отревелась, сейчас она говорила сухо, отрывисто. Сашка. Сбило машиной. Шли с бабушкой в магазин. Множественные переломы, тяжелое сотрясение мозга. Лежит в Русаковской больнице, в реанимации. Врачи темнят, советуют надеяться... Водитель скрылся. Ищут.

А потом телефон отключился. Дмитрий даже не понял, услышала ли Аня его хриплое «выезжаю»?

Легко сказать. На чем? Первый автобус пойдет только в шесть утра, а пешком идти — это к полудню до Твери доплестись. Да и все равно ночных электричек на Москву в расписании не значится.

Он, конечно, кинулся в скит к старцу — но куда там! Тетки-стражницы держали оборону точно двадцать восемь панфиловцев. Вы с ума сошли! Почивает батюшка! Ну и что? У всех чрезвычайные обстоятельства. Сюда с простыми об-

стоятельствами не ездят. Насилу удалось их хотя бы записку для старца Сергия принять. Торопливо набросал несколько строчек, объяснил, что стряслось, попросил молиться за младенца Александра.

Лечь спать — это было совершенно невысказано. Умом понимая, что надо, что завтра ему потребуются все силы, Дмитрий лечь не стал. То начинал молиться, то просто сидел неподвижно, хрустя сцепленными в замок пальцами. Гулкая пустота разверзлась в голове. Холодная, словно межзвездный вакуум.

А в половине пятого, когда чернильное небо сверкало льдинками звезд и лишь на востоке едва-едва наметилось голубоватое посветление, он вышел из монастырских ворот. До автобусной остановки минут сорок, но вдруг придет раньше? А вдруг изменилось расписание? А вдруг?

Автобус пришел вовремя, и он успел на электричку восемь двадцать. И даже сумел сесть. Но пустота внутри лишь разрасталась, со скоростью света летела по всем измерениям его вселенной.

— Не занято?

Плотненький усатый крепыш вопросительно указал на место напротив Дмитрия.

— Свободно, — равнодушно ответил тот и лишь потом удивился — как же так? Почему пустует сиденье? Куда делась необъятных размеров тетка, обложившаяся столь же могучими сумками? И почему стоящие в проходе не замечают? Почему они скусающе отводят глаза?

— В Москву, Дмитрий Александрович? — поинтересовался крепыш.

Дмитрий кивнул. Что незнакомец назвал его по имени, не слишком и удивило. Ведь не первый раз уже... Ну и что? Он догадался, откуда его новоявленный сосед, но какое это имело значение? Мелкий фактик, теряющийся в ледяной пустоте. Дмитрий лишь об одном помолится — чтобы собеседник поскорее слинял.

— Будем знакомы, я Валера, — пояснил мужик с такой интонацией, будто это все объясняло. — Тоже Иной. Только, выражаясь изящным слогом, из конкурирующей фирмы.

— Темный, что ли? — уточнил Дмитрий, мимолетно усмехнувшись по поводу изящного слога.

— Да, именно. Темный маг четвертого уровня Валерий Огородников, работник Дневного Дозора.

— Ну и? — хмыкнул Дмитрий.

— Поговорить надо. Знаешь, Дима, давай по-простому, фиг ли нам церемонии разводить?

Самое время было высказаться насчет совместного выпаса свиней, но не хотелось сейчас Дмитрию заниматься воспитанием манер.

— Как знаешь, — кивнул он равнодушно.

— Дим, я в курсе, что у тебя стряслось. И понимаю, что тебе сейчас не до бесед. А вот надо. Попросили меня с тобой перетереть. Есть темы, ты уж поверь.

— Да? — Дмитрий отвернулся к окну, где проплывала едва тронутая желтизной березовая роща. Почему-то сейчас он ничуть не нервничал. Прочитал, конечно, мысленно несколько молитв, но так — для порядка. Это Антона следовало опасаться, тот уж искушал так искушал. А Темные... наверняка ведь стандартная бесятина, малый джентльменский набор с продажей души, тупыми соблазнами, которые опасны лишь тем, кто так и не вырос из подростковых комплексов... Не жуть, не борьба, а просто скучно.

— Короче, — заявил Валера, — это не мы. Это не наша работа, с пацаном твоим. Само случилось. Так что ты, если чего, на нас не кати, мы такой фигней не страдаем. Я почему говорю — тебе небось Светлые уже напели, что типа это мы... какая-то типа интрига. Так вот ни фига. Ну ладно, к делу давай... В общем, у нас, в смысле у Дневного Дозора, просьба к тебе есть.

Отчего бы и не послушать? Дмитрий вопросительно взглянул на собеседника.

— Короче, вот смотри, какой расклад. Ты сам в Сумрак вошел, стал Светлым. Хотя тебе, как я понимаю, на хрен это не нужно было. Ты мужик верующий, тебе всякая магия как серпом по яйцам. И правильно, наверное. Мы, Темные, от религии подальше держимся, но и не ссоримся. Это вот Светлые все время имеют мазу порулить... в том числе и веру всяческую под себя подстроить. В целях, значит, построения светлого будущего. Типа и на елку взлезть, и не уколоться. Мы честнее. Мы просто неверующие. Заметь, не са-

танисты какие, не всякие там уроды на шабашах. Это ж просто психи, их закрывать надо. Просто мы каждый живем в свое удовольствие. Индивидуалисты мы, и все дела. Пользуемся способностями Иных, да. В личных целях. Моралью особо не заморачиваемся, что есть, то есть. Но и не строим из себя, как некоторые. Которым рай земной надо вылепить, которые знают, как надо.

— Хм... — высказался в пространство Дмитрий. — А как же служение Изначальной Тьме? Мне рассказывали...

Валера жизнерадостно рассмеялся.

— Да брось ты, фигня это все. Ну, то есть когда-то, тысячи лет назад, какие-то наши старперы что-то такое намутили, изначальные силы, все дела. Клянемся, блин, Светом, клянемся Тьмой... Ритуальные фразы, в них сейчас никто и не верит. Ну, по типу английской королевы. Царствует, но не правит. Ты, Дима, главное, не гони — Свет, Тьма... Главное, кто чего конкретно хочет. Так вот, мы никому не служим, просто у нас свои интересы, у Темных. Мы ведь тоже кормиться силой хотим, нам тоже питательная среда нужна.

Дмитрий вопросительно уставился на него.

— Питательная что? Яснее выражаться можешь?

Валера тоже удивился.

— Тебе чего, Светлые так и не рассказали? В смысле, откуда Иные силу берут? Откуда все мы берем, и Темные, и Светлые?

— Да уж ясно, — скривился Дмитрий, опустив указательный палец. — Оттуда. Тянете вы все от щедрот князя бесовского...

— Мужик, ты гонишь, — наставительно сообщил Валера. — То есть я, конечно, уважаю твои религиозные заморочки, но все, в натуре, куда проще. Наша питательная среда — это люди. Простые, обычные. Они ж все время эмоции испускают, а в эмоциях самые витамины. В смысле энергия. Мы, Иные, умеем эту энергию вытягивать и использовать. Она утекает в Сумрак, а мы оттуда силу и берем. А можно и напрямую у людей сосать, только за такое по ушам надают, запрещено Договором. И все дела. Вот так вот оно просто. Мы друг от друга только чем отличаемся? Светлые одни эмоции едят, а мы другие. Типа как темное и светлое пиво. Так

что они ничуть не лучше, Светлые. Такие же эгоисты, как и мы. Только еще и лицемеры, под спасителей человечества закос, а человечество что им, что нам — дойная корова. Понял? Ты правильно к ним не хочешь. На фиг оно тебе надо?

— Так что же, — ошарашенно спросил Дмитрий, — ты меня к себе вербуешь? К Темным? Ну, знаешь ли...

— Да никуда я тебя не вербую! — точно сжевав целиком лимон, скривился Валера. — Это и в натуре невозможно, каким в Сумрак вошел, таким и останешься. У нас другое к тебе предложение. Сиди тихо, живи как раньше жил. Детям таблицу умножения долби, в церковь ходи, книжки умные читай. Главное, не пользуйся ты своими способностями Иного. Ну разве что по мелочи, типа бородавку себе извести, старение в организме замедлить. Но чтобы не высовываться, ни в каких делах Светлых не участвовать. Они ж тебя к себе в Дозор звать будут, ясен перец. А ты их на фиг посылай, понял? Не высовывайся, и никто тебе голову не откусит. А если проблемы какие, если надо чего — я тебе номер дам, звони, не стесняйся. Поможем. И это не пальцы, ты уж поверь. Если мы с тобой по-хорошему договоримся, то за сына не переживай. Вылечим, будет как новенький. Ничего сложного, просто силы закачать...

— Вы что же это, — присвистнул Дмитрий, — не только гадить умеете, но и исцелять?

— А то как же? — зевнул Валера. — Сила — она и в Африке сила. Мы можем лечить, Светлые могут калечить, порчу наводить, ребенка во чреве истреблять. Все могут, если оно высшим стратегическим интересам нужно. Ну что, договорились? Ты сам прикинь, Дима, тебе ж против совести своей как раз идти и не надо, ты же сам этого хочешь. Ты только слово дай, и замetano.

— Кровью, что ли, подписаться? — Дмитрий нехорошо прищурился. Не верил он разговорчивому Валере, ни на грош не верил. Слишком уж явно разило от него наглым братком, распальцованным хозяином жизни.

— Не, ну ты чо, мы ж не извращенцы, — протянул Валера. — И никаких клятв, я ж знаю, вам, христианам, клятв не положено. Просто пообещай. На словах, от чистого сердца. Серьезные дела только так и делаются, на доверии.

— А кстати, зачем это вам? — поинтересовался Дмитрий. — Отчего такая суета вокруг моей скромной персоны? Только не надо говорить, будто из альтруизма. Не поверю. Должен быть у вас какой-то корыстный интерес.

— Стопудово, — согласился Валера. — Значит, смотри, какой расклад. Наши Дозоры между собой ведь на ножах, так? Не война, конечно, а грызня... И силы примерно равны. Вдруг что? Вдруг появляешься ты. Сейчас у тебя шестой уровень, это если по печати. А на самом деле силы в тебе немерено. И если тобой как следует заняться, если подна-таскать — уже через год ты выйдешь на второй уровень. А то и на первый. И весь расклад рушится, вы, Светлые, оказываетесь сильнее, тут же начинаете всякие свои операции проводить, а мы блокировать не сможем. Поэтому и надо тебя из игры вывести.

— Логично, — согласился Дмитрий. — А чего ж так гуманно? Моральных тормозов у вашей конторы, сам же говоришь, нет. Один выстрел — и проблема решена. Нет человека, нет и проблемы.

Валера поглядел на него одобрительно.

— Соображаешь! Но не разбираешься. Во-первых, мы все-таки беспредела не любим, как бы неспортивно. А во-вторых, это ж такое начнется! За убийство Светлого живо в Сумрак закатают, навечно. И исполнителя, и заказчика, и многих... Инквизиция не дремлет. Не, такой грубой подставы нам не надо. Лучше по-хорошему решать. Ну как, согласен?

Дмитрию было скучно и противно. И одного лишь хотелось — быстрее добраться до Москвы, доехать до больницы, вбежать в палату. Чтобы... Чтобы — что? Вот он, шанс, сидит напротив. Толстый и увесистый. И ведь он прав, никакого греха в таком обещании нет. Не к тому ли он стремился и сам? Не то ли внушал ему старец Сергей? Не водись с Иными, хоть Светлыми, хоть Темными, хоть серо-буро-козляватыми. Живи прежней жизнью.

Но вот грызло его одно маленькое, но кусачее «но». Дать обещание Темным? Не важно какое, но дать? Вступить с ними в отношения? А чем это лучше, чем со Светлыми? Нельзя ничего обещать бандитам — даже то, что и так бы

сделал. Пообещаешь — и попадешься на крючок. Пообещаешь — и станешь им обязан. А Сашкино исцеление... Кабы проблема заключалась в деньгах — он, может, и согласился бы. Но тут ведь магию применяют. И здесь уж точно сатанинскую. Кому выгодны Темные, какой дух-кукловод дергает их за ниточки страстей, можно было не сомневаться.

Еще совсем недавно он клеймил бедную Елену Николаевну. Высокомерно рассуждал, что лучше уж смерть ребенка, чем магическое исцеление. Так она хотя бы верила, что никакой бесовщины в Иных нет. А он? Вот как ему-то решать? И не потом, когда-нибудь — сейчас. Пока электричка гроыхает по рельсам.

— Я никаких обещаний давать не буду, — сказал он тоскливо. — Ни вам, ни им. И помощи мне тоже не надо. Сами вы можете думать что угодно, но сила ваша — от дьявола. Уходи, Валера. Мне одинаково противны и Темные, и Светлые. Я не хочу быть Иным, плевать, какого цвета. Я просто человек. Православный христианин. Раб Божий Димитрий. Так своему начальству и передай.

Он залпом хлебнул обжигающе холодную пустоту. Ну вот и все. Оборвал ниточку... оборвал надежду... На что теперь надеяться? На медицину? Знал, чувствовал — без толку. Если уж врачи темнят, отделиваются намеками — значит... Значит, только на Господа и остается уповать. Только вот кто может знать Его волю? Может, согласно Промыслу, младенец Александр должен сегодня-завтра отойти в райские обители? А может, на десятки лет он обречен оставаться бездушным телом, биомассой, подключенной к аппаратуре? Зачем? Требовать ответа — дерзость. Смириться надо. А не получается. Когда ты вот прямо сейчас, своими руками выкинул реальный шанс... когда летишь в безжизненное серое пространство.

Валера чуть не подпрыгнул на месте. Щеки его пошли свекольными пятнами.

— Не, ну блин, ну ты чего? Ты глупый, да? Я ж тебе как брату... Совсем, что ли, затупил на своем христианстве? Тебе сына не жалко? Тоже, блин, этот... Авраам. Да плюнь ты на всю эту ботву! Хоть раз в жизни как человек поступи, а не как раб! Не надоело в сказки верить? Христианство-мусуль-

манство, фиг знает что... Да ты знаешь хоть, кем этот ваш Иисус был? Да он Иным был, магом вне категорий! Просто с тараканами в голове, возомнил о себе всякую фигню... А когда доперло до него, то просто взял и развоплотился, от стыда! В Сумрак сбег, растворился там. Вот и все дела. Вот и вся твоя вера.

У Дмитрия перехватило дыхание, точно его резко и умело ударили в живот. Золотистые искорки роем поплыли перед глазами. Ну и мразь!

Прощать такую гадость было нельзя. Не тот случай, когда правую щеку подставляют. И плевать на последствия!

Он легко вскочил на ноги — и быстро, хлестко врезал Валере по физиономии. Намеревался вклеить пощечину, но вышло — в нос.

Наверняка Валера, ожидая он удара, легко блокировал бы его руку. Но тот, видать, слишком увлекся разоблачениями — и упустил момент.

Кровь из разбитого носа стекала на его светло-бежевые брюки — а он недоуменно смотрел на Дмитрия. Таким взглядом, будто у него, детсадовца из младшей группы, отобрали обещанную за прилежание шоколадку.

А пассажиры вокруг ничего не замечали. Даже капли крови, угодившие на плащ сидевшего рядом с Валерой дедушки, оставили того совершенно безучастным. Дедушка, шевеля губами, разгадывал кроссворд. Интересно, мимоходом подумал Дмитрий, это магия действует или просто никто не хочет ввязываться в чужие разборки?

Валера между тем опомнился. Страшен стал Валера, багров лицом. Глаза, казалось, вот прямо сейчас выкатятся из орбит.

— Ты — меня?! — взревел он и мгновенно сгреб Дмитрия за ворот. — Ты на кого катишь, козел? Да я тебя сейчас в блин сплющу! А ну, пошли!

Не отпуская Дмитрия, он устремился к тамбуру. Тоже наверняка переполненному. Впрочем, люди послушно раступались перед ними, не прерывая прочих своих дел — чтения, разговоров, еды.

Сперва Дмитрий растерялся. Не часто приходилось ему драться с бандитами. Сказать по правде, ни разу еще не

приходилось. Пара-тройка стычек с пьяными подростками не считается, не тот уровень.

А потом он понял, что сейчас его, вполне возможно, будут убивать. Умело, деловито и главное — совершенно безнаказанно. Кого бояться Иному? Не милиции же. Да он бы ее и так не боялся. Случись что — отмажут братки.

Умереть сейчас? Не увидев Сашку, не успев, быть может, попрощаться с ним? Сделать Аню вдобавок ко всему еще и вдовой? А мама? На миг он представил ее лицо, когда ей сообщат... А кто будет вести шестые, а главное, девятые классы? Господи! Ну сделай же хоть что-нибудь!

Ничего не сделал Господь. Ни молнии не послал, ни милицейского наряда. И волна обжигающего, ослепительного гнева, поднявшись откуда-то снизу, затопила Дмитрию голову. Все расплылось перед глазами, все смазалось, утекли куда-то цвета и звуки. Зато накатило холод, продрал по спине ледяными коготками. Серая мгла клубилась вокруг, дышала первозданной тишиной, и лишь у невидимого горизонта что-то угрожающе рокотало.

Заплеванный тамбур, хлопающая дверца между вагонами, вдумчиво курившие мужики — все это осталось, но замерло, напоминая музей восковых фигур. Они были здесь — и вместе с тем где-то далеко-далеко, в каком-то ином слое.

Зато Валера был тут, рядом. Правда, не так уж легко было его узнать — и следа не осталось от его полноты. Гибкий, поджарый, совершенно лысый. Заострившиеся уши, узенькие буравчики глаз и оскаленная морда... нет, не бывает у людей столько зубов. И когтей таких тоже не бывает. Какая мерзость!

Дмитрий задыхался от отвращения. От ненависти к этому отвратительному созданию, поднявшему свой поганый язык на Господа, на Спасителя мира. Такой твари не место под солнцем! И под луной тоже.

В руке как-то сам собой обнаружился меч — багровый, пылающий невыносимым жаром. И не требовалось даже махать им, меч сам знал, что делать. Вырвавшись из его ладони,

точно освободившаяся птица, клинок полетел навстречу Валере, на миг задрожал в сером воздухе у самого его лица — и беззвучно впился между глаз.

Если Валера и кричал, то услышать его было нельзя. Все его крики вобрала в себя равнодушная тишина. Как губка.

Враг, еще недавно столь жуткий, упал сперва на колени, а потом тяжело завалился набок. Хлестала из него серая, как осенний дождик, кровь. Впитывалась в пыльный пол, и жадно тянулись к ней ворсинки сизого мха — эта странная растительность, оказывается, водилась и тут.

А пылающий клинок исчез. Выполнил дело — и хватит.

Дмитрий стоял над трупом, не чувствуя ни торжества, ни гнева, ни даже горечи. Опять все та же пустота. Может, остаться навсегда в этой серости, где ни радости, ни боли, где вообще нет никакого смысла?

На миг его замутило, и машинально он произнес: «Помилуй, Господи! Защити и сохрани».

И разом вернулись звуки. Схлынула серость, появились краски, и время, спохватившись, поплыло в обычном ритме. Точно ничего и не было — ни меча, ни трупа.

Трупа и впрямь не было. Живой Валера сидел на полу, тихо скулил, размазывая кровь по бритой физиономии. Единственности в нем не осталось ни на грош. В его бормотании трудно было что-либо разобрать — разве только повторяющееся: «Гады! Суки! Ведь обещали же! Обвели!»

Потом он скользнул по Дмитрию взглядом уличной дворняжки, тоненько взвизгнул — и, вскочив на ноги, рванул на себя дверь в соседний тамбур.

И сейчас же курившие мужики оживились. «Слышь, Андрюха, это чего было-то?» — «Да бомжара какой-то. А может, по обкурке?» — «Да не было тут никого, зуб даю!»

Не дожидаясь, пока комментарии перекинутся на его персону, Дмитрий вернулся в вагон.

Как и следовало ожидать, место его оказалось занято пухлой дамой с «химией» на голове. Дама одарила его взглядом змеи, готовой защищать свое гнездо до последней капли яда. Дмитрий, впрочем, и не посягал. Молча забрав свою сумку, он пристроился неподалеку в проходе.

11

— Привет, привет! Проходи на кухню. Там у нас, извини, малость не прибрано... Ну, сам понимаешь.

Иван кивнул. Чего уж не понять — когда у людей такое горе, не до веника с совком.

Дмитрий потащился следом за гостем. За вторым.

Первый уже сидел за столом, задумчиво прихлебывал чай и деловито копался ложечкой в розеточке с вишневым вареньем. Игорь всегда был сладкоежкой. Еще со школы.

— Приветствую, — входя, пробасил Иван, и Игорь, поднявшись, вяло пожал ему руку.

Игорь с Иваном вообще держались друг с другом настоятельно. Слишком уж разные позиции.

— Чаю наливать? — гостеприимно спросил Дмитрий.

— Давай, — разрешил Иван, опускаясь всей своей могучей массой на жалобно всхлипнувшую под ним табуретку. — Ну как там?

— Да все так же, — вздохнул Дмитрий, выцеживая из заварочного чайника последние жалкие остатки. — Был я там сегодня. Сразу как из монастыря приехал.

— Так ты не рассказал, чего это вдруг тебя к старцу Сергию понесло? — подал голос Игорь.

— Да вот... — замялся Дмитрий. — Это вообще отдельная тема, Игрек. Потом как-нибудь.

Игоря еще со школы называли Игреком. Никто уже и не помнил почему. Возможно, так трансформировалось имя «Игорек».

— В общем, Сашка по-прежнему в реанимации. Ну что сказать? Состояние тяжелое, прогнозы неопределенные. Остается лишь на Господа уповать.

Все трое одновременно перекрестились.

— Переломы — это еще ладно, — продолжал Дмитрий. — Там такие переломы, что легко срослись бы. Главное — это черепно-мозговая травма. Из-за нее он и в коме. Томографию надо делать, но сегодня какие-то проблемы были с техникой...

— Да это они толсто на деньги намекают! — предположил Иван. — На баксы! Небось сразу бы и аппаратура заработала.

— Да не похоже вроде, — усомнился Дмитрий. — Там лечащая врачиха — тетка вполне нормальная, Лариса Викторовна. Тоже православная, кстати. Мы с ней поговорили... К отцу Григорию ходит, на Малой Никитской. И Сашку ей действительно жалко. А деньги... Деньги, конечно, понадобятся... у них же некоторых препаратов нет, надо самим доставать. У меня где-то было записано, — полез он за бумажкой.

— Ты, если надо, сразу говори, не стесняйся, — предложил Иван. — Долларов пятьсот я тебе хоть сегодня занять могу, если больше — с народом потолкую, у нас в приходе. Есть, представь себе, и вполне денежные люди, притом воистину благочестивые.

— Я у себя уже договорился, — перебил его Игорь. — У нас люди тоже скинуться готовы.

Дмитрий с благодарностью посмотрел на друзей. Вот ведь сами узнали, примчались, денег дают. Эх, если бы эта проблема решалась деньгами!

— Спаси Господи, ребята, — сказал он. — Пока у меня кое-какие сбережения есть, если надо будет, я свистну. Только там ведь действительно все очень плохо.

— Анька-то как? — глядя в пол, глухо спросил Иван.

— Ну как? Сам понимаешь как. Держится. Она молодец.

Она действительно держалась молодцом. Когда он сразу с вокзала примчался в больницу — молча прижалась к нему, несколько секунд стояла молча, а он с болью вглядывался в ее лицо. Такое родное — и такое изменившееся. Тени под глазами, заострившиеся скулы, тонкая, едва заметно подрагивающая розовая веточка губ. «Ну, пойдем к нему! — наконец прошептала она. — Только не пугайся».

Там было от чего испугаться. Бледного до синевы Сашку (и куда делся летний загар!) всего истыкали какими-то гибкими шлангами, трубками. Голову выбрили до гладкости — и она оказалась еще бледнее, чем неподвижное лицо. К голове тоже тянулись черные провода датчиков. Рядом тихонько

жужжал приборчик с бледно-зеленоватым дисплеем. Там, на дисплее, струилась кривая, более всего походившая на сплюснутую синусоиду. «Энцефалограмму снимают, — тем же свистящим шепотом прокомментировала Аня. — Говорят, не лучше и не хуже. Ровная такая...»

Дмитрий понимал, что держится-то она держится, но из последних сил. А еще ведь Тамара Михайловна... У тещи от переживаний случился микроинфаркт, и сейчас она лежала дома, под наблюдением двоюродной сестры. Тоже немолодой и не слишком здоровой. Надо было и туда ездить, продукты возить.

— Батюшка ваш знает? — поинтересовался Иван.

— Нет. — Дмитрий мотнул головой. — Он в санатории сейчас. Я позвонил, с Таней, с дочерью его, разговаривал. Обещала, что передаст, как навещать поедет.

— А сорокоуст о здравии?

— Не успел, — виновато пожал плечами Дмитрий. — Я ж сразу с поезда к Сашке, там побыл, потом к теще помчался, она с сердечным приступом, продуктов всяких купил ей. И домой, а тут и вы, один за другим.

— А я — заказал! — с некоторой гордостью заявил Игорь. — В нашем храме. Так что можешь не суетиться, все готово.

— Надо бы еще заказать, — вставил Иван. — Как минимум в семи храмах надо.

— Это еще почему ж? — сейчас же вскинулся Игорь. — Это же форменное обрядоверие. Один, семь, сорок семь — какая Богу разница? Что Он, не знает? Что Ему, по сто раз напоминать надо?

— Традиции, как я понимаю, для тебя ничего не значат? — парировал Иван. — Если в народе это испокон веку принято, значит, не зря. Значит, это идет от предания, и негоже вот так свысока опровергать. По-твоему, и святым тогда молиться незачем, Господь и так наши нужды знает?

— Да хватит вам, — вмешался Дмитрий. — Бойцы на ринге... Спаси тебя Господи, Ваня, а сорокоуст я и у нас закажу. Молитва лишней не бывает.

Вот так они всегда, Иван с Игорем. Лед и пламень, щелочь и кислота. А как сойдутся — получается пшик. Один полагает другого заскорузлым фундаменталистом, за Типи-

коном не видящим света Евангелия. Другой, в свою очередь, костерит почем зря беспочвенного обновленца, потакающего прихотям своего падшего разума и в грош не ставящего церковное Предание. Обоих, конечно, заносит. Дмитрию не раз уже приходилось играть роль рефери в их регулярных полемиках.

И ведь оба — близкие друзья. Игоря-Игрека он знает еще с детских лет, с восьмого класса. С Иваном познакомился чуть позже, в байдарочном походе. Тогда, десять лет назад, тот еще не относился к туризму как к пустому, небогоугодному развлечению.

А что, если им рассказать? Нет, конечно, не все. Этак они дружно решат, что у него от горя крыша поехала. Но вот хотя бы часть... ту часть, в которой ему как раз и нужен совет.

— Вот чего, ребята, — задумчиво сказал он, — хочу у вас спросить... Тут такое дело... Есть у меня приятель, по институту. Курсом старше учился, Вадик. Мы иногда перезваниваемся. Так вот, как раз до вашего прихода он и позвонил. Ни о чем не зная, так просто. Я ему, разумеется, все печальные новости и вывалил. И откровенно сказал, что на медицину особых надежд не осталось. И вот тут он и говорит...

Дмитрий выдержал паузу. Какой-то Вадик на курс старше действительно был, но они с ним практически не общались, и уж, разумеется, тот никогда не звонил.

Лгать — это, разумеется, грех. Большой. Но рядом с тем, что обжигало страхом и надеждой его душу, — величина, стремящаяся к нулю.

— Так вот, — продолжал он, — Вадик сказал, что есть у него хороший знакомый. Некто Аркадий. И вот этот Аркадий некоторое время назад... как бы это выразиться... обрел дар целительства. Погоди, — жестом остановил он взметнувшегося было Ивана. — Дай договорить. Этот Аркадий — человек глубоко верующий, крестился более десяти лет назад. Регулярно бывает в храме, исповедуется, причащается. И вот, однако же, случилось с ним такое. Деталей Вадик и сам не знает, но говорит, будто нескольких человек он вылечил. Буквально из могилы поднял. Причем никаких магических ритуалов, наоборот — молился, просил Господа даровать этим несчастным ис-

целение. И получалось. Денег не брал, родственникам этих больных так и сказал — мол, если готовы расстаться с деньгами, то пожертвуйте в храм или в детский дом. Вот такой человек. И Вадик предложил мне подумать. Вдруг этот Аркадий Львович сможет Сашку вытянуть? Главное, не колдун же какой, а свой, православный. В общем, завтра он, Вадик, позвонит, и если я соглашусь, будет с Аркадием договариваться. Вот, ребята. Я в сомнениях. Что скажете?

Ребята молчали с минуту. Переваривали. Потом Иван решительно звякнул ложечкой по блюдцу.

— Ты меня удивляешь, Дима! Можно подумать, что ты тот наивный юноша, который крестился на третьем курсе. Ты что, не понимаешь, какой силой все эти целители орудуют? Бесовщина, стопроцентно. Да мало ли что он в церковь ходит? Исповедуется он! Как же... Кто его знает, о чем он там исповедуется. Да и куда ходит. Может, к обновленцам каким? — Иван походя одарил Игоря многозначительным взглядом. — А может, и того хуже, к раскольникам-зарубежникам? А что причащается, так во суд себе и во осуждение. Ты ж в душу его не заглянешь!

— Вот именно! — Игорь встрепенулся, да так, что слегка плеснул чаем на клеенчатую скатерть. — И ты тоже, Ваня, не заглянешь. А сразу, по автомату, осуждаешь. А может, этот Аркадий — благочестивее тебя в тысячу раз? Может, ты за свои слова на Страшном Суде ответишь по полной программе? Так, что мало не покажется!

— Да чего там сомневаться? — парировал Иван. — Речь-то о целительстве. То есть об оккультной практике. Ну ладно бы еще травами лечил или иглоукалыванием. Хотя и то вещи с православной точки зрения сомнительные. А этот тип именно колдовством и лечит. Из могилы, говоришь, поднимает? То есть наперекор Промыслу Божьему идет? Значит, чем больше он косит под православного, тем яснее, что маскировка это все. Просто ему хочется и православных людей обольстить, внедрить бесовские крючки в их души. Отсюда и методика. Сатана ведь избирательно действует. Одних своих служителей нацеливает на неверующих, там и не скрывают, что магия. А других посылает с православными работать, тут уже тоньше надо. Вещи-то известные, вся православная литература этим полна.

— Это какая еще «вся литература»? — изумился Игорь. — Небось брошюрка «Люди и демоны»? Это из нее все твои познания?

— А ты Святых Отцов почитай! Да не избирательно, нужные цитатки выдергивая, а основательно. В комплексе... Там все есть.

— Ах, какие мы мудрые! Можно подумать, будто ты сам их всех от корки до корки прочел! Тоже ведь цитаты выдираешь. А ты бы лучше Евангелие вспомнил. Что Иисус сказал своим ученикам? «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...» Здесь именно тот случай. Человек верует, человек благочестив — вот Господь и даровал ему благодать.

— Ну, знаешь ли! — взвился Иван. — Это же про апостолов сказано! Про величайших святых! А тут какой-то Аркадий, извиняюсь, Львович. А у него церковное благословение имеется, а? Помнишь, в послании к Тимофею сказано: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться».

— Вот ты опять, ничего не зная, придумал, как тебе удобнее. Откуда ты знаешь? Может, у него и есть благословение. Может, его батюшка как раз и благословил!

— Может, может, — передразнил Иван. — Известно о нем было бы тогда. Да если и благословил... Батюшки — они ведь тоже разные бывают. Иные пастыри похуже волков. Иным пастырям самим полечиться бы неплохо. Один отдельно взятый батюшка — это еще не вся церковная полнота.

— А тебе как надо? — вскинулся Игорь. — Чтобы непременно епископ благословил? Или сразу Святейший? Или чего уж мелочиться, Вселенский Собор?

— Вот так люди и попадают в сети бесовские! — покачал головой Иван. — Как только возомнят о себе, да о своем батюшке, который без епископа — никто... Сразу их одолевают страсти... Вот посмотри на себя. Ведь весь кипишь, как чайник! Сейчас к потолку взлетишь от злости. А все потому, что правда глаза ест. В прелести ты, брат! Покайся!

— Ну, можно подумать, ты у нас правило кротости, — прищурился Игорь. — Только обзывать и можешь. Все у тебя по полочкам разложено, все православие между страниц Типикона закладочками. Туда нельзя, сюда не лезь, снег башка

попадет... Там ересь, здесь раскол, за полтора шага — соблазн. Ну прямо концлагерь какой-то. Ни любви, ни свободы. Забыл небось, что «Дух дышит где хочет»? Где Он хочет, а не где ты. Короче, Димка, я тебе так скажу. Договорись с этим мужиком, пообщайся с ним. Если там и вправду мутное что-то, ты почувствуешь. Господь тебе разумение даст, только молись. Но я думаю, это реальный шанс. Реальный путь...

— В преисподнюю, — закончил за него Иван. — Димка, да не слушай ты его, у Игрека сам знаешь какие экуменические тараканы в голове. Ни в коем случае с этим Аркадием не связывайся, беги от соблазна. Господь Сам знает, как для твоего Сашки лучше. Если есть Его воля на исцеление, он и через традиционную медицину воздействует. А уж если нет... Игрек одно только верно сказал — молись. Побольше молись, поискреннее...

Дмитрий вздохнул. Он не вмешивался в полемику. Зачем? Он же не спорить собирался — а лишь надеялся, что через кого-то из них получит ответ. Оттуда... Но увы... Очередная перепалка. Оба в чем-то правы. Оба уверены, что правы на все сто. Обоим легко рассуждать, легко махать свяшенными цитатами. К ним ведь не приходили Иные, они не сражались в Сумраке, их не искушали совершенно бесплатным и почти безгрешным исцелением. Старец Сергей — тот не раз поготорил: «Не знаю...», «Сие мне неведомо», «Быть может»... А ребятам все ведомо. Зря он затеял этот разговор. Только ввел обоих в соблазн. «Господи! — взмолился он. — Прости мне еще и это».

— Ладно, хватит! — сказал он. — Спасибо вам. Буду думать. А сейчас давайте, что ли, чай пить. Который уже остыл.

12

Лариса Викторовна смотрела на них виновато. Блики от люминесцентных ламп отражались в толстых стеклах ее очков.

— Вы все-таки надежды не теряйте, — каким-то пластмассовым голосом повторяла она. — Может быть, это слу-

чайное отклонение. Такое бывает иногда... а потом активность коры восстанавливается.

Все было ясно. Сашка уходил. Медленно соскальзывал с плоскости жизни куда-то вниз, в иные, затаившиеся пространства. Энцефалограмма с каждым часом ухудшалась, зеленая синусоида делалась все более пологой, грозя превратиться в прямую. В кратчайшее расстояние между двумя точками — «здесь» и «там».

Кое-как промаявшись ночь, с семи утра Дмитрий уже был в больнице. Удивительно, но никто и не думал их с Аней прогонять — лишь выдали застиранные казенные халаты и разношенные войлочные тапочки. Как будто стерильность хоть чем-то могла помочь!

Аня, разумеется, тоже всю ночь не спала. Стояла на коленях перед маленьким, переносным складнем, молилась. Дежурная сестра предложила ей снотворного — но та 'ни в какую. Дмитрий прекрасно ее понимал. Тратить на сон, быть может, последние минуты Сашкиной жизни — потом себе этого никогда не простишь. Его тоже подмывало приехать сюда поздним вечером, едва лишь выпроводив гостей. Он уже было позвонил Ане (мобильник теперь был у нее) — мол, жди, выезжаю. Но оказалось, обоим вместе ночью нельзя. Не положено по каким-то правилам больничного распорядка. Ей и так из милости разрешили остаться в палате. А его не пустит охранник на входе. Наверное, сообразил потом Дмитрий, вопрос решился бы парой сотенных бумажек, только не умел он так... и учиться было уже бесполезно.

Сашка лежал неподвижно, до груди накрытый простыней. Шланги, трубки и провода тянулись к нему, точно щупальца инопланетного монстра, и казалось, высасывали жизнь. Хотя все было с точностью до наоборот.

А рядом, на тумбочке, одиноко сидел плюшевый медвежонок по имени Генерал Топтыгин. С ободранным ухом, с треснувшим пластмассовым глазом. Аня зачем-то захватила его с собой — наверное, на тот случай, если Сашка все-таки придет в сознание. На тот невозможный, невероятный случай...

В тысячный, в миллионный раз шептал Дмитрий молитву об исцелении. Слова катались во рту гладкими морскими

камушками — такие, если верить классике, совал себе за щеки Демосфен, тренируясь в ораторском искусстве. Емунто это помогло...

— Дима, — повернулась вдруг к нему Аня. И сказала совершенно ровным, как по линейке вычерченным голосом: — Наверное, надо привести священника. Причастить... если это еще возможно. И прочитать последование на исход души. Ты съездишь?

Как будто острая спица вонзилась ему в легкие. Эти ее слова... они ставили точку. До них еще теплилась хоть какая-то надежда, чадил, дрожал огонек догорающей лампы. Сейчас лампада погасла, ее задули, как это и полагается после службы.

— Погоди, — не сказал даже, а просипел он. — Еще чуть-чуть. Молись, Анюта. Молись за Сашеньку... и за меня молись.

Холодно стало внутри. Но не сделать этого он просто не мог. Уж ребенок-то ни в чем не виноват. И к ребенку этот грех не прилипнет. Не должен... Тут же, топорща черные усики-буквы, вылетела строчка про оскомину и виноград — но Дмитрий не глядя отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи. Что ж, придется замаливать всю жизнь... если верить Антону, долгую, несоразмерно долгую жизнь. Времени хватит. Но сейчас надо было спешить. Сейчас времени совсем не оставалось, как и тогда, с Людой.

«Господи, — мысленно сказал Дмитрий. — Ну ты же Сам все видишь. Я верю Тебе и люблю Тебя. Но Сашку я тоже люблю. И я сделаю это. А потом суди меня как знаешь».

Он судорожно вздохнул — и потянул на себя тень. Та словно этого и ждала — сейчас же метнулась к нему с чисто вымытого пола, обняла, слилась воедино.

И накатила знакомая уже серость. Померкли краски, задохнулись звуки, потянуло сырым холодком. Соляным столбом застыла Аня, замерла за ее спиной добродушная санитарка Семеновна. Сумрак вступил в свои права.

Только вот не знал Дмитрий, что делать дальше. Не с кем было сражаться, незачем тут багровый меч, да и некого выносить отсюда на руках. Вынести Сашку из долины сени смертной... это ведь не из Сумрака. Это дальше.

— Господи, ну помоги же! — не то проговорил, не то подумал он. Во всяком случае, голоса своего не услышал.

Не услышал и ответа. Просто почувствовал вдруг, что не один. Чья-то теплая ладонь коснулась его макушки. Он не выдержал, обернулся — позади, конечно же, никого не было. Вязкая серость, медленные переливы света и тьмы. Но сами собой вспомнились слова: «где двое или трое собраны во имя Мое, там я посреди них».

Их действительно было двое — Аня сейчас беззвучно молилась оттуда, из нормального мира. Мир, Сумрак — да какая разница, когда любишь и веришь?

И сами собой хлынули слезы. Он упал на колени, захлебываясь беззвучным плачем, как давным-давно, в раннем детстве. Когда был таким же, как Сашка. Как опутанный проводами, наголо обритый Сашка. Маленький... живой... пока еще живой.

Слезы продолжали скатываться по щекам, но он уже поднялся на ноги. Он по-прежнему не знал, что делать, — но что-то уже делалось в нем самом. Разгоралось внутри странное пламя, оно грело, но не обжигало. А вскоре, прорвав какой-то последний заслон, оно выплеснулось наружу, двумя ослепительно голубыми струями забило в его ладонях — и медленно потекло к Сашке. Повисло над кроватью, задрожало, переливаясь всеми оттенками радуги. А потом столь же медленно начало втягиваться внутрь малыша, исчезая под кожей. Дмитрий ошалело глядел, не зная, что и думать. И не думал ничего — только чувствовал, как мало-помалу скатывается с души тысячетонная тяжесть.

Он сам не понял, в какой момент вытолкнуло его из Сумрака в нормальный мир. Просто вдруг обнаружил, что все вернулось — и звуки, и краски, и движения. Вытолкнуло или он нашел выход сам? И действительно ли касалась его головы ладонь? Не почудилось ли? Но слезы? Они уж точно не почудились — до сих пор щекам мокро.

А потом вдруг все это стало не важно. Сашка шевельнулся. Дрогнули, натянулись кабели и шланги, метнулась вверх змея-синусоида — и Сашка открыл глаза. И тревожно прошептал:

— Мама! Где мама? А где мои солдатики?

Дмитрий едва успел подхватить Аню — у той подкосились ноги.

А сзади уже шумело, шелестело, шуршало. Мелькали белые халаты (расторопной оказалась санитарка Семеновна), кто-то куда-то звонил по местному. И последнее, что услышал Дмитрий перед тем, как его твердо взяли за локоть, — это потрясенный голос врачихи Ларисы Викторовны:

— Господи! Да что ж это?! Да такого же просто не бывает!

13

Они опять явились вдвоем — Антон был в джинсах и тонком, обтягивающем грудь сером свитере, Лена — в длинном, едва ли не до пят, платье из какой-то искрящейся материи. Дмитрий никогда в таких тонкостях не разбирался. Халатов оба, разумеется, не надели. Зачем? Все равно обычные люди их не замечали.

— Вот что, Дмитрий Александрович, — вместо приветствия сказал Антон, — придется подъехать к нам в офис. Прямо сейчас.

— Это ненадолго, — добавила Лена.

— Но неизбежно. — Антон был сух и деловит. — Шеф настоятельно требует. А когда Борис Игнатьевич настоятельно требует, спорить бесполезно.

Дмитрий поглядел на них с тоской.

— Вы что, с ума оба сошли? Именно в этот момент? Сейчас, когда...

— Да, именно сейчас и именно когда! — непреклонно возразил Антон. — И именно из-за того. Главным образом. Пожалуйста, Дмитрий Александрович, не вынуждайте нас применять всякие... меры. Мне ведь это и самому противно...

— Это похоже на арест, — вяло огрызнулся Дмитрий.

— Это приглашение, — парировал Антон. — Приглашение Светлого Иного к шефу московского Ночного Дозора. Вот если бы вас, допустим, начальник МУРа к себе пригласил, официальной повесткой, тоже бы скандалили?

— И не волнуйтесь, здесь и без вас управятся, — внесла окончательную ясность Лена. — Теперь это обыденная медицинская работа.

И когда они спускались по лестнице к выходу — Антон впереди, Лена замыкающей, Дмитрий, обернувшись, увидел, как Лена показала ему большой палец. Торжествующе воздетый вверх.

Дмитрий ожидал увидеть навороченный джип или «мерседес» — но, к его удивлению, садиться пришлось в обычную и притом не первой свежести «девятку». Вела машину Елена Николаевна, Антон оккупировал переднее сиденье.

Наверное, Лена водила не первый год. И даже не первый десяток лет. А может, и не второй. Машина двигалась удивительно плавно, не рвалась из всех своих псевдолошадиных сил, послушно тормозила, где положено. И, однако, они умудрились не попасть ни в одну пробку, никто не пытался их подрезать, а гаишники с полосатыми жезлами (обтянутыми шкурой зебры — ни к селу ни к городу подумал Дмитрий), похоже, вообще не замечали темно-синюю «девятку».

Антон, однако, не страдал избытком оптимизма. Негромко — хотя Дмитрию все равно было слышно — он то и дело напоминал:

— Линии проверяешь? Что-то подозрительно спокойно.

— Да смотрю я, смотрю. — Лена не поворачивала головы. — И ты тоже ведь смотришь, и даже дальше. Так чего суетишься? В Багдаде все спокойно.

— Не знаю, как в Багдаде, а за нас я на сто процентов не поручусь. — Антон говорил, словно катал языком маленькие ломкие льдинки. — Кто знает, на какую отчаянную глупость их пробьет?

— А смысл? Ты представь итоги разбора. И сколько они потеряют.

— Ох... — только и проворчал Антон. — Ну и каша... наваристая. А все вы, Дмитрий Александрович, — бросил он через левое плечо.

— Что я? — спросил Дмитрий.

— А это пускай вам шеф скажет, что вы.

Антон отвернулся и более уже не заговаривал.

* * *

Более всего офис Ночного Дозора напоминал среднего уровня фирму. Состоятельную, даже преуспевающую, но не шикарную напоказ. Паркетные полы хоть и не натерты до зеркального блеска, но вполне чистые. Вместо люстры — настенные светильники, выполненные в виде бронзовых факелов. Кадки с тропическими растениями, стены, отделанные под белый мрамор.

У входа их встретила охрана — двое молчаливых молодых людей в строгих черных костюмах. Антон не стал показывать им никаких корочек, просто сказал пару фраз — и сейчас же у одного из парней пискнул мобильник.

— Шеф подтверждает, — на суровом, подобающем античной статуе лице вдруг расплылась совершенно простецкая улыбка. — Проходите.

Шеф Ночного Дозора оказался под стать своему офису. Среднего роста дядечка, не обремененный ни пузом, ни избытком волос. Жилистый, загорелый. На вид ему можно было дать лет шестьдесят — но Дмитрий уже зарекся судить о возрасте Иных.

— Здравствуйте, Дмитрий. — Хозяин кабинета вышел к нему из-за стола. — Присаживайтесь. Вот сюда, в гостевое кресло. Вы кофе будете? Не стесняйтесь, кофе настоящий. Вам, кстати, сейчас очень даже показано. Для поддержания сил. — Он снял телефонную трубку. — Наташа, солнышко, два кофе, и лучше с бубликами. Против бубликов не возражаете? — не кладя трубки, повернулся он к Дмитрию.

Тот молча кивнул. Ни в кофе, ни в бубликах ничего совсем уж бесовского не ощущалось. Да и, откровенно говоря, хотелось есть. Основательно хотелось. Отбивную бы... две штуки. Или три... и с гарниром.

— Извините, сразу не представился, — усаживаясь в свое кресло, сказал шеф. — Меня зовут Борис Игнатьевич, я, как вы, наверное, уже знаете, руковожу московским филиалом Ночного Дозора. Что такое Ночной Дозор, чем он занимается, вам Антон ведь уже рассказывал?

— Да, я в курсе, — кивнул Дмитрий. — И, честно говоря, особого восторга не испытываю. Давайте уж начистоту, Борис Игнатьевич. Я православный христианин, и я считаю,

что все эти ваши дела несовместимы с самими основами христианской веры. И потому принял жесткое решение — держаться от них подальше. Жить обычной жизнью, не впускаясь в магию. Надо ли объяснять почему? Небось всю мою аргументацию вы и так знаете?

— Разумеется, — улыбнулся Борис Игнатьевич. — Вы у нас не первый такой. К тому же я в курсе ваших бесед с Антоном Городецким. Но понимаете, Дмитрий... Позвольте уж и мне быть с вами откровенным. Ситуация очень непростая. Непростая и для вас, и для Дозора. Вы самостоятельно попали в Сумрак и вышли оттуда Светлым Иным. Это факт. Неприятный для вас, но никуда от него не деться. При этом в вас скрыта редкостная сила — которая пробуждается спонтанно. Не всегда по вашей сознательной воле. Так было и с оборотнем, и с потерявшейся девочкой, и в тверской электричке. Наверное, это будет случаться и дальше. Несмотря на ваше искреннее желание жить обыденной жизнью, не касаясь магии. Не получится, понимаете? Это уже в вас. Но вы же не на необитаемом острове. Вокруг вас жизнь. И обычные люди, и Иные. А среди Иных действует Договор, с которым вы не хотите, да и пока попросту не можете считаться. Значит, вы запросто влипнете в ситуацию, когда за нарушение Договора суд Инквизиции приговорит вас к наказанию... вплоть до высшей меры. Причем это будет не мученичество за веру, а просто нелепая гибель, горе для ваших близких. Вам это надо? Я не говорю уже о том, что пострадать могут и другие люди... и Иные, и обычные. Вы же о последствиях не думаете.

В дверь просунулась симпатичная особа, осторожно поставила на стол подносик с дымящимися чашками и хрустальным блюдом с аппетитными бубликами.

— Спасибо, Наташенька. Весьма признателен, — улыбнулся Борис Игнатьевич. — Так вот, — продолжил он, отхлебнув кофе, — пока речь шла о мелочах, Темные не особо суетились. Драку с оборотнем считать не будем, в той ситуации вас удалось отмазать. С девочкой тоже все не страшно, шестой уровень силы. Ну и с милиционером — тем более. Формально, конечно, они могли прицепиться, выторговать за ваше прощение... да такие же пустяки и выторговать. Им

это неинтересно. Но они заметили другое — что, во-первых, силы в вас таятся огромные, а во-вторых, что вы совершенно не умеете ими пользоваться и не контролируете спонтанные проявления. Это их напугало всерьез. Бывали ведь случаи, когда Светлый, из самых благородных побуждений наплевав на Договор, шел громить Темных направо и налево. Этаким, знаете ли, дон Румата с бодуна. И кто падет вашей жертвой? Этого они предвидеть не могут. Конечно, в любом случае крик поднимут ужасный, потребуют компенсации — но ведь все равно это спутает их долгоиграющие планы, расчеты...

— Только их? — усмехнулся Дмитрий. — Ваши ведь небось тоже...

— И наши, само собой, — согласился шеф Ночного Дозора. — Я же и не говорил, что это невыгодно лишь им. Это невыгодно всем. Вот потому Темные и зашевелились. Потому они послали к вам Валерия. Тут все просто. Сперва попробовать договориться. Если получится, то прекрасно. Вы связали бы себя словом. Слово — это для нас очень серьезно. Когда вы, Иной, сознательно даете некое обещание Иному — вы тем самым изгибаете линию своей судьбы. Именно своей силой. Причем куда вывернет в конце концов этот изгиб, вы чаще всего просчитать не в состоянии.

Дмитрий вспомнил, как настойчиво вытягивал из него обещание Антон — тогда, неделю назад. И ведь добился же, хоть и частично, а добился. Дмитрий пообещал не использовать свои способности. И сколько раз нарушил? Три? Или четыре, если Люду и капитана Кузьмина считать за разные случаи? А не оттого ли и с Сашкой случилась беда? — похолодело внутри. Вряд ли это сознательная месть Антона... не похоже. Не тот стиль. Или уж хотя бы намекнули... А ведь и намекали, скривился он. Валера очень даже намекал, что Темные тут никоим боком не замешаны. Так что же — поверить ему? Или все сложнее? Действуют некие неизвестные законы. Законы? Независимые от воли Божией?

— Ну а если вы не согласитесь, — продолжал Борис Игнатьевич, — тогда ему было поручено разозлить вас и вызвать на магический поединок. Есть такая вещь. Договором дозволяется. Если оба противника согласны биться, если

выполнены все условности... Тогда победитель не несет ответственности. Но и тут скрыта ловушка. Исключительно для Светлого. Если тот вдруг осознает, что был не прав... если его одолеют муки совести... тогда он может добровольно развоплотиться... навсегда уйти в Сумрак. У нас несколько лет назад был такой печальный случай. — Он помолчал, и лицо его на миг заострилось. — Наконец, остается последний вариант — что вы, новичок-неумеа, все же победите. Тогда по крайней мере Темные получают о вас много ценнейшей информации.

— А Валера? — подал голос Дмитрий.

— А что Валера? — Борис Игнатьевич пожал плечами. — Валера — пешка. Маг четвертого уровня. К тому же и глуп, и бесперспективен. Темные легко идут на подобные гамбиты. Небось ему намекнули, что если до боя дойдет, то они помогут... силы волеют. Ну и обещано ему было за операцию... кое-что. Очень для него желанное. И Валера старался на совесть... ну, или что там у Темных вместо совести... Ошибся лишь в одном — позволил себе поддаться эмоциям и не успел объявить вам формальный вызов. Прозевал ваш переход в Сумрак и атаку. Хотя скорее всего на это его начальство и рассчитывало. Вызова не было — значит, не было и дуэли. Значит, вы, Дмитрий Александрович, совершенно необоснованно напали на законопослушного Темного и изувечили его в Сумраке.

— Так он вроде остался жив-здоров, — напомнил Дмитрий.

— Жив — да, — кивнул Борис Игнатьевич. — А вот что касается «здоров»... Впрочем, ладно. В любом случае я в ближайшие дни жду от Дневного Дозора формального обвинения. И нам будет очень нелегко отбиться. Тем более что вы первым вошли в Сумрак и первым нанесли удар.

— А вы, — печально съязвил Дмитрий, — сидели на трибуне? Небось скандировали: «Темные — отстой»?

— Ну, нельзя же было совсем оставить вас без наблюдения, — не менее печальным тоном отозвался Борис Игнатьевич. — Вам ведь опасность грозит, Дима. Очень реальная опасность. Поставить вам защиту мы без вашего согласия не можем. А вы же не согласны?

— Не согласен, — подтвердил Дмитрий. — Скажите, вот вы следили за мной... вы все время следили? И в монастыре?

— Там — нет, — качнул лысиной его собеседник. — Не то чтобы это было сложно технически... Но здесь этический момент. Нехорошо это. Вы к своей святыне пришли, а мы в замочную скважину... Да и просчитали вероятности, посмотрели линии вашей судьбы на те дни. В монастыре вам ничего не грозило. Можете счесть это знаком свыше. А я, старый агностик, просто оставляю без комментариев.

— Ну так вот, — дождавшись паузы, продолжил Дмитрий. — Там, в монастыре, я получил от старца наставление и благословение. На то, чтобы не иметь с вами никаких дел. Не пользоваться вашей помощью. Не участвовать в ваших затеях. Оставаться человеком. Если мне грозит опасность — то Господь силен меня защитить. Если сочтет нужным. В любом случае я полагаюсь на Его волю, а не на свою.

Борис Игнатьевич вздохнул.

— А анекдот про машину, лодку и вертолет вы знаете? Да знаете, все его знают. Впрочем, богословскими спорами займемся в другой раз. Следующий номер нашей программы — это сегодняшнее исцеление. Ну, во-первых, поздравляю, конечно. «Луч любви» — очень сложное заклятие, немногим доступное... А теперь «во-вторых». Произведено, — тон его сделался сухим, официальным, — несанкционированное магическое воздействие первой степени. С минуты на минуту поступит жалоба Темных. И они получают право на равное по силе воздействие. Остается лишь догадываться какое. Например, развяжут локальный военный конфликт с десятками человеческих жертв. Или наведут смертельную болезнь на кого-нибудь. Вполне возможно, тоже на маленького ребенка.

— Они что, поголовно садисты-извращенцы? — тяжело вздохнул Дмитрий. Положительный ответ ничуть бы его не удивил. Взять того же омерзительного Валеру...

— Встречаются у них и такие, — подтвердил Борис Игнатьевич. — Но не слишком часто. Тут другое... Валера вам говорил, что обычные люди для Иных — это питательный субстрат? Знаете, есть у нас поговорка: человеку верь напо-

ловину, Светлому — на четверть, а Темному не верь никогда. Но тут он в общем и целом прав. Только одного не уточнил — какими именно человеческими эмоциями поддерживают свою силу Темные. А они ведь страданием питаются, горем, тоской, завистью, похотью, яростью... Потому и стремятся сделать жизнь человечества как можно хуже. Вот так-то, Дима. Сегодня вы спасли своего сына — но тем самым, возможно, убили другого ребенка.

Кофе показался Дмитрию удивительно гадким. Хотя, надо полагать, здесь потребляли только элитные, проверенные временем сорта.

— По-вашему, я должен был молча смотреть, как умирает мой сын? — спросил он глухо.

Борис Игнатьевич ответил не сразу.

— Вы могли по крайней мере позвонить Антону. В виде исключения мы задействовали бы некие резервы. Неприкосновенный запас. Не забывайте, что суть Договора — именно равновесие, а не полный отказ от магии. Каждый наш промах дает карт-бланш им, но верно и обратное. И потому у нас есть своего рода фонд... который, конечно, мы не спешим растратить. Но бывают особые случаи. Ваш, например.

Дмитрий молчал. Все это было здраво, понятно и даже относительно этично. По крайней мере в обывательском понимании. Но... хотелось большего.

— Знаете, Борис Игнатьевич, — сказал он наконец, — в одной лишь Москве ежедневно умирают сотни детей. А может, тысячи, я ж статистики не знаю. Но вы собирались потратиться именно на меня. Вернее, на Сашку. Почему? Из особой любви и жалости к ребенку, которого скорее всего и не видели ни разу? Не логичнее ли предположить... — он помедлил, собираясь с духом, — не логичнее ли предположить, что ваши мотивы не столь бескорыстны? Что Сашкино исцеление меня кое к чему обязало бы? Я даже догадываюсь, к чему именно. К себе на службу небось позвали бы? В Ночной Дозор?

Шеф резко отодвинул ладонью недопитую чашку и наклонился к Дмитрию. Под глазами у него отчетливо набухли желваки. Похоже было, что прошлой ночью не спал и он.

— Да. Ни к чему играть в кошки-мышки. Вы правы. Я действительно очень хочу принять вас к себе в Дозор. Мне не хватает людей.

— Вы, наверное, хотели сказать «Иных»? — поправил его Дмитрий.

— Я сказал то, что сказал! Обычные ли, Иные ли — это все равно люди. И можно быть человеком, а можно... — Он брезгливо махнул ладонью, будто отгоняя комара. — И тут не столь важен уровень силы... Просто вот вам, Дима, я мог бы доверять стопроцентно. Увы, далеко не о каждом Светлом я могу это сказать.

— А я вам? — Дмитрий украдкой посмотрел на часы. — Мог бы я вам доверять стопроцентно? Не думаю. Впрочем, это беспредметный разговор. Из разряда детских вопросов, кто кого поборет, кит или лев.

— Дмитрий, — устало протянул Борис Игнатьевич. — Поймите, что именно в Ночном Дозоре вы как раз и могли бы приносить наибольшую пользу. Не мне, не Светлым — а людям. Обычным людям. Которых вы, вообще-то говоря, обязаны любить как самого себя. По заповеди Спасителя. Как знать, не этого ли в сложившихся обстоятельствах требует ваш долг христианина? И не бежите ли вы сейчас от своего креста?

И что ему ответить? Звучало это заманчиво, открывало лазейку... и даже не слишком обдерешь бока, протискиваясь. Господи, взмолился Дмитрий, ну помоги... Снова помоги, как утром. Дай разумение... Ведь я же не выстою. Сломает он меня... это не Антон с Леной... это настоящий...

Он сам не знал, кто «настоящий». Искуситель? Князь ада? Нет, не чувствовалось в пожилом Ином ничего этакого... inferнального. На какие бы чудеса он ни был способен — все равно ведь человеческое... слишком человеческое.

Но старик в кресле ждал ответа. А слов не было. Господь не спешил с подсказкой.

Почему-то вдруг Дмитрию стало скучно. И он вновь взглянул на часы — теперь уже в открытую.

— Вы очень складно говорите. Но ведь вы же сами не верите во Христа? Значит, все ваши слова — это попытка

посмотреть на вещи моими глазами. Но этого у вас никогда не получится, потому что у вас нет веры. А все остальное, все эти ваши способности... не принесут они никому счастья... потому что мимо Христа у вас все. И кроме вас было... Одни хотели человечество наукой осчастливить... другие прибавочной стоимостью... И что получилось? Вот и вы с вашей магией... А я... извините, но я уж как-нибудь сам разберусь со своей совестью и со своим крестом. А сейчас... Вы извините, но мне пора. Меня жена в больнице ждет. И сын... Борис Игнатьевич... Ну вы что, силой меня тут будете держать?

— Ладно, идите. — Шеф Ночного Дозора махнул рукой. — Но вы же понимаете, что этот разговор будет не последним?

— Да уж понимаю, — вздохнул Дмитрий.

— И, пожалуйста, ни во что больше не встревайте, — попросил Борис Игнатьевич. — Темные же теперь от вас не отстанут. Охоту они на вас начали. Вы чуть что — звоните обязательно. Антону или лучше сразу мне. В вашем мобильном уже есть мой номер. До встречи, Дмитрий. Скажите Наташе, чтобы вас подвезли до больницы.

Выходя из кабинета, он вдруг остановился на пороге. Внезапная мысль — наивная, полудетская, заставила его обернуться.

— Борис Игнатьевич... Вот объясните... Раз уж вы следили тогда за мной в электричке... Вы помните, что сказал Валера об Иисусе? За что получил по физиономии? А вот вы... Вы что об этом скажете? О его словах?

Старик в черном кожаном кресле молчал долго. А ответил — коротко:

— Без комментариев. Легенды такие действительно среди Иных ходили, а уж насколько им доверять... Иные живут долго. Очень долго. Но сейчас на Земле нет ни одного Иного, своими глазами видевшего Христа. Значит, все это — вопрос веры.

Дмитрий кивнул и вышел из кабинета. Выпрашивать автотранспорт у секретарши он не стал. На метро доедет, не развалится...

14

Аня отговорила его ехать первой электричкой. Ну, не успеет к ранней литургии, так успеет к поздней. А надо же ему хоть немного выспаться, после всех переживаний.

Самой ей тоже не мешало бы отоспаться, но куда там! Она прочно прописалась в больнице, не отходила от Сашки. Объективной нужды не было, функции коры восстановились полностью, стопроцентно. Лариса Викторовна сперва все поговаривала о научной публикации — неслыханно, сенсационно! Мгновенный выход из комы! Доселе в лучшем случае это занимало сутки. Но потом осознала — а о чем писать-то? Никаких новых методик не применялось. Просто разрушенный мозг вдруг оказался здоров. Ни с того ни с сего. Засмеют коллеги. Чудо Господне к диссертации не пошлешь. Особенно чудо в квадрате.

Оставались, конечно, переломы. Но это, по словам врачей, был вопрос даже не месяцев — недель.

Дмитрию не пришлось ничего доказывать жене — та сама велела ему завтра же ехать в Лавру. Приложиться к раке преподобного Сергия, помолиться, поблагодарить Господа за чудесное исцеление.

— И Татьяне сегодня же позвони, пускай батюшке передаст! Это ж такое чудо... мы оба недостойны его.

В последнем Дмитрий несколько не сомневался. Насчет себя так уж точно.

...На Ярославском вокзале былолюдно, шумно, суетливо. Подходил к концу дачный сезон — и горожане стремились доделать бесконечные садовые дела. Даже хмурое небо, намекавшее на скорый дождь, никого не пугало. Москвичам ли шарахаться от капризов погоды?

В каждую кассу стояла изрядная толпища, и двигались очереди в темпе медленного танца. Дмитрий уж всерьез прикидывал, а успеет ли он на отходящую через десять минут Александровскую электричку, как откуда-то спереди его окликнули:

— Дмитрий Александрович! Здравствуйте.

Он машинально шагнул вперед на голос — и тут же очередь сзади плотно сомкнулась. Теперь если что — «вас тут не стояло, мужчина».

— Дмитрий Александрович! Вы тоже куда-то едете?

Максим Ткачев стоял почти у самого окошка кассы. В синей джинсовой куртке, с маленьким рюкзачком на плече. Очень обрадованный встрече.

— Доброе утро, Максим!

— Вам куда билет брать? — деловито спросил мальчик. — Давайте деньги.

Стоявшая за ним старуха высказалась в пространство, что вот, мол, всякие там норовят по блату влезть без очереди, а электрички у всех уходят. На что Максим, повернувшись к скандальной бабке, совершенно спокойно ответил:

— Ну как же вы не понимаете? Ведь это же мой классный руководитель!

Оказалось, им на одну и ту же электричку. Максим ехал до конца, до Александрова.

— У меня там бабушка живет, — пояснил он, когда они вышли через турникеты на платформу. — Вот я и еду...

Вид у него почему-то был не особо веселый.

— А нам сказали, что вы болеете, — сообщил Максим в тамбуре. Только туда и удалось войти — вагон был набит под завязку. — У нас алгебру Наталья Афанасьевна замещает. А геометрию пока никто. А вы когда вернетесь?

— Да завтра уже выйду, — сказал Дмитрий. — У меня тут, понимаешь, проблемы были. Сын попал в аварию, несколько дней в реанимации. Но вот вчера дело пошло на поправку. Так что с завтрашнего дня продолжу вас мучить графиками парабол.

— А... — махнул рукой Максим. — Параболы мы с Натальей Афанасьевной уже начали. Это нестрашно. А в Сергиев Посад вы зачем?

— В Лавру. Помолиться о выздоровлении Сашки... сына. Поблагодарить Бога, что помог. Ведь вчера утром уже все казалось безнадежным. И только в самый последний момент... Так что обязательно надо съездить.

— Я понимаю, — согласился Максим. — Я хоть в Бога и не верю, но вы правильно едете. — Он помолчал и вдруг добавил глухо: — А я вот не знаю, правильно ли еду.

Веяло от его тона чем-то промозглым, скучным. Как мокрая серость за окном.

— Что-то случилось? — осторожно спросил Дмитрий.

Максим помолчал. Видимо, решал, стоит ли рассказывать.

— Я с мамой поссорился, — наконец сообщил он, глядя в заплеванный пол. — Ну и решил уехать к бабушке пока... чтобы она поняла, что я не просто так... что это серьезно.

Вот это номер! Максим, доселе казавшийся не по годам спокойным и рассудительным, вдруг выкинул фортель!

— Причина серьезная? — Дмитрий чувствовал, что серьезная. Не стал бы Максим устраивать такое по пустякам.

— Понимаете, — вздохнул Максим, — у мамы последнее время все хуже и хуже было на работе. Она же на телевидении работает, выпускающим редактором. Ну вот, их телеканал кто-то сейчас перекупил... там какой-то контрольный пакет акций, которые считали по-одному, а теперь оказывается, что надо было по-другому. Был какой-то суд... В общем, им уже два месяца зарплату не платят и вообще обещают всех поувольнять, а тотом взять на контракты. Но не всех, а некоторых... Маме, наверное, не светит.

— Да, ситуация понятная, — кивнул Дмитрий. — Но какая связь? Ты-то тут при чем?

— А вы не дослушали, — мягко упрекнул Максим. — В пятницу маме позвонил один ее знакомый с питерского телевидения. И предложил работу, там, в Питере. Там у них новая программа открывается, «Второй взгляд». В смысле, что на первый взгляд всем кажется одно, а на второй... Короче, ее зовут туда ведущей. И обещают всякие перспективы...

— Так это же хорошо!

— Кому как. — Максим упрямо качнул вихрастой головой. — Это ж значит, надо переезжать туда, в Питер. Продавать здесь квартиру, покупать там и ехать. На всю жизнь. А я не хочу. У меня тут друзей полно, и по старой школе, и... — Он замолчал, поморщился, словно прислушиваясь к

дергающей боли в зубе. — Я не хочу все это бросать. Тут все свое, а там чужой город. Чужие люди. И еще неизвестно, как там сложится мамина карьера, — приплюсовал он взрослый аргумент. — Может, и там все развалится, но в Москву уже не вернешься... представьте, снова продавать квартиру... а тут ведь они гораздо дороже. А мама ведь и здесь могла бы работу найти. Просто ей очень захотелось в этот «Второй взгляд». Она увлекающаяся натура...

Дмитрий едва сдержал улыбку. Сказать, что Максим нетипичный подросток, — это ничего не сказать.

— Послушай, — стараясь изгнать из своего голоса педагогические нотки, начал он. — Я тебя понимаю. Но уверен ли ты, что такими вот демаршами сможешь изменить ситуацию? Ну, приедешь ты к бабушке. Она, кстати, знает, что ты едешь?

— Нет, — сознался Максим. — У них там до сих пор телефон не провели. Она же на окраине живет, в деревянном доме. Считается, что город, но на самом деле это поселок.

— Ну вот, — кивнул Дмитрий. — Значит, когда ты внезапно к ней заявишься, она испугается, перенервничает. Пожилой человек все-таки, надо бы поаккуратнее. У меня вон теща, когда с Сашкой беда случилась, тоже слегла. Сердце... Ну хорошо, допустим, с этим все будет в порядке. Но вот мама... она, кстати, в курсе, куда ты собрался?

— Я ей записку оставил. Она сегодня очень рано ушла на работу. У нее ж выходные — самое горячее время.

— Ну вот вернется она, прочтет записку — и что? Огорчится — несомненно. Поедет за тобой — и ежику понятно. Но вот отменит ли она свое решение? Наверняка это не от нее одной зависит, она, быть может, уже сделала какие-то шаги...

— Да какие там шаги! — дернул плечом Максим. — Все-го ж два дня прошло. Еще не поздно передумать. Она хотя бы поймет, насколько это для меня серьезно. Я ж никогда раньше так не делал. Вы, наверное, скажете, что это шантаж? Может, и шантаж. А если другого пути нет? Я весь день вчера ее убеждал. Но она, по-моему, думает, что я еще маленький, что это типичная детская реакция. Что через пару

дней я успокоюсь, смирюсь. А я ведь не успокоюсь! Ну нельзя мне уезжать из Москвы, понимаете? Ну, есть причины! — выпалил он.

Народ в тамбуре не обращал на них ни малейшего внимания. Да и шумно было. Электричка уже тряслась, отъезжая от вокзала, кончились перроны, потянулись запасные пути, серебристые ангары багажных складов.

Дмитрий догадывался о неназванных причинах. Четырнадцать. Возраст первой любви. И не дай Бог убеждать мальчика, будто все перемелется и лет через десять он с улыбкой вспомнит свои нынешние терзания. Только разрушишь хрупкий, неустойчивый контакт.

— Мужчины, мороженого не желаете? — из соседнего вагона вперлась в тамбур необъятных размеров бабища с таких же габаритов сумкой. — Пломбир, вафельные рожки, стаканчики. Эскимо, «Ленинградское»...

Дмитрий потянулся за кошельком.

— Спасибо, но мы сегодня не в настроении, — опередил его Максим. — Извините.

Видимо, такого тетке за всю ее торговую карьеру слышать не доводилось. Во всяком случае, от четырнадцатилетних мальчишек. Изумленно качнув копной крашенных волос, она стремительно ввинтилась в вагон. Как это ей удалось, Дмитрий рационально объяснить себе не мог. Может, тоже Иная? — мысленно улыбнулся он.

— Ну что я могу сказать? — протянул Дмитрий. — Каждый из вас по-своему прав, и ты, и мама. Тут нет какой-то единой правды. А значит, надо искать какой-то... какой-то общий знаменатель.

— Это вам не дрови, — хмуро возразил Максим. — Тут ведь одно из двух: или мы уезжаем, или остаемся. И решать сейчас нужно, в ближайшие дни. Потому что потом это место уже займут. Мне бы хоть неделю продержаться... — доверительно прошептал он.

— Максим, а ты подумал вот о чем? Ну, настоишь ты на своем, останетесь вы в Москве, мама подчинится твоей воле... Но вот какие после этого будут отношения? Вы сможете доверять друг другу, как и раньше? — Дмитрию не хотелось читать мораль, но он понимал, что сказать это необходимо. —

Ты сам произнес слово «шантаж». Так вот, шантаж всегда бьет по обоим. И шантажист подчас страдает ничуть не меньше. Тебе настолько надо остаться? Даже такой ценой?

— Вот и он так же говорил... — шмыгнул носом Максим. — Слово в слово.

— Это ты о ком?

— Ну, понимаете... — смутился Максим. — Есть у меня один друг. Он тоже взрослый, даже старше вас. Я ему вчера вот это все рассказал. Я думал, он поможет как-то. Убедит маму... или еще как-нибудь иначе. А он говорит: это жизнь, ничего тут не изменишь, ты должен заботиться о маме, а Питер — это не дикое болото, там тоже можно жить, там тоже люди есть... В общем, без толку, — сказал он со взрослой горечью в голосе.

— А что это за взрослый друг? — хмыкнул Дмитрий. — Мамин знакомый?

— Да нет! — махнул рукой Максим. — Мой. А, ладно... Чего уж теперь говорить!

Он отвернулся к пыльному окошку в дверце, перечеркнутому тремя стальными прутьями. И Дмитрий понял, что все равно больше, чем сказал, Максим уже не скажет. И если ломиться в его душу, требуя откровенности, — тебя пошлют. Мягко, интеллигентно, как из всех сверстников Максима умеет только он. Как вчера он послал своего загадочного взрослого друга.

— Слушай, — решил сменить пластинку Дмитрий, — а ты раньше один к бабушке ездил? Ты там не заблудишься?

Максим, не поворачиваясь, характерно пожал плечами — встопорщилась и вновь разгладилась джинсовая куртка.

— Ну, найду, наверное. Раньше мы только с мамой ездили и с дядей Сережей, ее братом. Но у меня адрес записан. Если забуду, как там ориентироваться, спрошу у кого-нибудь.

Так, присвистнул Дмитрий. Интересное кино.

— А ты вообще в городе ориентируешься нормально? — спросил он осторожно.

Максим ощутимо замялся.

— Ну... так себе. Я очень невнимательный, я отвлекаюсь все время, могу зачитаться и остановку свою проехать. Меня

мама только с этого года начала одного отпускать, если далеко куда надо. Но тут уж я не проеду, Александров — ко-нечная.

Дмитрий лишь головой покачал. Перспектива складывалась невеселая. Мальчишка, выходит, и в Москве-то ориентируется с трудом, а тут Александров, почти незнакомый город. Сойдет не там, спросит не того, столкнется не с теми...

В памяти услужливо возникла картинка — Люда Беляева, брошенная в гнилом заплеванном подвале. Тонкие бледные руки, стянутые черной змеей электрического кабеля.

— Еще вопрос, — тронул он Максима за плечо. — У тебя паспорт с собой есть? Ты уже успел получить?

— Когда? — вздохнул Максим. — Мне же четырнадцать только летом исполнилось, я на даче был, у дяди Сережи. Мама только недавно нужные бумажки собрала, еще в паспортный стол не сходила. — А что?

— А то, — сухо разъяснил Дмитрий, — что первый же милицейский патруль может тебя остановить и потребовать документы. А раз нет, значит, в отделение доставят и будут твою личность выяснять. А это, при некотором желании, можно делать очень долго. Мне с такими случаями приходилось сталкиваться, еще когда в массовой школе работал. Уж поверь мне, весьма противное приключение.

— Да кто меня остановит? — вяло отмахнулся Максим. — Кому я нужен? Что я, на уголовника похож?

Дмитрий не стал отвечать. Все тут было понятно.

Никак нельзя отпускать мальчишку одного! Обязательно ведь случится какая-нибудь пакость. Такой неприспособленный к грубой жизненной прозе... да еще в таком взвинченном состоянии. Не надо быть Иным, чтобы ощутить сгустившуюся над ним опасность. Липкое бесцветное облачко над головой. Готовое в самый неожиданный момент разразиться молнией беды.

Он передернул плечами, отгоняя видение. Что, опять? Опять начались «иные» штучки? Как тогда, с Людой?

Дмитрий беззвучно прошептал молитву, но облачко никуда не делось. И немудрено — успел ведь убедиться, что молитва на это действует, как и на электричество. То есть никак.

— Вот что, дорогой. Скажи, а ты очень в Александров торопишься?

— Да я не знаю... — удивился Максим. — Мне главное бабушку дома застать, а то вдруг она на рынок уйдет или еще куда-нибудь. А что?

— Да вот мысль у меня возникла, — вдохновенно начал Дмитрий. — Что, если ты со мной в Лавру съездишь? Ты ведь раньше в ней не бывал? Поверь, там очень интересно. Не только верующему. Древняя архитектура, музей народных промыслов. Погуляем там. А потом, если ты все-таки захочешь ехать в Александров, я тебя провожу. Времени у меня полно, жена в больнице, с Сашкой сидит, дома никого.

Максим задумался. Видно было, что ехать одному в Александров ему было слегка страшновато. А может, просто тоскливо.

— Ну ладно, — помолчав, согласился тот. — Но я действительно не буду вам обузой?

— Ни на вот столько! — абсолютно искренне произнес Дмитрий.

15

Уже после Пушкино в вагоне поредело. Рассосалось, схлынуло — и даже свободные места нашлись. Дмитрий с Максимом без всяких сожалений покинули прокуренный тамбур и сели напротив. Рядом с ними пожилой дядька вез меланхолического вида овчарку, сиротливо притулившуюся на полу. Пухленькая бабуся с внучкой лет пяти опасно косилась на животное, но собака мало что была в наморднике — ей, казалось, все уже безразлично на этом свете. То ли овчарка пребывала в своей собачьей нирване, постигнув иллюзорность бытия, то ли попросту смертельно устала от жизни.

Максим, как только представилась такая возможность, вынул из рюкзака пухлую книгу в яркой глянцевой обложке и углубился в чтение.

Дмитрий же не знал, чем себя занять. Пробовал, ясное дело, молиться, но надолго его не хватило. Внимание рассеивалось, молитва терялась между наползающими друг на друга мыслями.

Как там сейчас Сашка? Небось плохо ему? Конечно, мама рядом... но он ведь впервые в больнице. То есть однажды уже лежал несколько дней, но тогда ему и полутора не было, не помнит ничего. А сейчас... Трубки с проводами сняли, нужда отпала, и завтра переведут из реанимации в общую палату. Разрешат ли тогда Ане сидеть при нем? Совершенно.

А еще ведь оставалась теща. Дмитрий уже сообщил ей, что кризис миновал, что выздоровление внука — дело нескольких недель. Но сама-то она по-прежнему пребывала вблизи инфаркта.

Дмитрий откровенно радовался, что его собственные родители, едва ли не круглый год живущие под Звенигородом на своей обихоженной даче, так ни о чем и не знают. Аня то ли и вправду не сумела дозвониться им на мобильный, то ли решила не беспокоить стариков раньше времени. Хватит уж и одного микроинфаркта в семье... Теперь, конечно, уже можно сообщить — но это не слишком радостное дело он решил отложить на завтра.

Завтра на работу... Ух, и устроит же ему Марина Павловна! И будет в своем праве. Сегодня, кстати, к урокам подготовиться надо... если, конечно, хватит времени. Если не придется тащиться с Максимом в Александров, где еще неизвестно что их ждет. Невидимая тучка никуда ведь не делась. Обвилась кольцами вокруг русой вихрастой головы, выжидает момент. И вскрикнет внезапно ужаленный отрок.

— Что на этот раз? — спросил Дмитрий, когда Максим на секунду отвлекся. — Опять экстрасенсорные дела?

— Нет, ту я уже прочитал. А это фантастика. Про то, как мальчишка из нашего мира попадает в параллельный. Где средневековые и всякая магия... нудновато слегка, а так ничего...

Дмитрий мысленно застонал. Достала уже эта магия! Всюду она, никуда не деться. Господи, ну когда ж уберешь Ты эту заразу с земли русской? Он сам понимал, что никогда. В

мире, где есть Иные, увлечение оккультизмом будет процветать. Подобное тянется к подобному...

С другой стороны, а почему? Антон ведь говорил, что Иные вовсе не стремятся себя раскрыть. Наоборот — таятся от людей. Понимают, какой это будет для всех шок, если узнают и поверят. А ведь, пожалуй, и перебьет их человечество, объединившись против общего врага. Против Чужих. То есть Иных. И никакая магия их не спасет. Вычислят. Вот такие же, как он сам, и помогут в этом — ренегаты, по досадному недоразумению оказавшиеся Иными. Сейчас же вспомнился фантастический роман кого-то из американцев. Кажется, Брэдбери? Или Саймак? Да, именно. Клиффорд Саймак, «Что может быть проще времени». Там паранормалов, по сути, тех же Иных, вылавливали озверелые толпы. Руководимые, ясное дело, теми же паранормалами-телепатами. «Шупачами».

А если на самом деле? Если здесь, на земле русской, зажгутся костры? Если фонарные столбы украсятся трупами в петлях? Нет, вряд ли это будет столь кустарно... у спецслужб ведь богатейший опыт... Так что же он, Дмитрий Осокин? Встанет в ряды? Выдаст Антона, Лену, уж тем более матерого волка Бориса Игнатьевича? А ведь многие — да тот же Иван хотя бы — скажут, что именно в этом его христианский долг и крест. Что в белых перчатках ничего не делают, не разбив яиц... Старые песни о главном...

Грезы его были оборваны грубым образом. Электричка резко дернулась, содрогнулась всем своим многотонным чревом — и встала. Лихо тормознула — у кого-то сумки посыпались, кто-то на том конце вагона выразился кратко, но очень энергично.

Где ж это они? Вроде бы Калистово проехали уже, до Радонежа еще не добрались. Что такое? Скорый поезд пропускаем?

Максим невозмутимо читал. Вокруг шевелилась, переговаривалась людская масса, нервничала, строила гипотезы. Внучка капризно допрашивала бабулю, когда поедет. Бабуля откупалась конфетками из полиэтиленового пакетика.

Странно, что ничего не объявляют по громкой связи. Сколько уже стоим? Дмитрий глянул на часы. Ого, за десять минут перевалило. Могли бы и успокоить народ.

Народ медленно, но верно закипал. Десять минут... пятнадцать... Симпатичная блондинистая девица потребовала открыть окно — душегубка же, а не вагон. Морщинистый дед свирепо воспротивился — дождь собирается, сейчас как ливанет! И вообще продует. Девица в долгу не осталась и выдала все, что думала о самом дедушке, о его славном боевом прошлом, о его родственниках и микрофауне. Девица знала много слов. Куда там Эллочке-людоедке!

Какой-то коренастый мужик завопил, что это все фигня, а вот что он опоздает на автобус — это уже не фигня. Массы мужика поддержали — многим надо было с электрички мчаться к автобусу, коим еще пилить и пилить до своих участков. А автобус не станет ждать заблудшую электричку.

После переключились на стоимость железнодорожных билетов, на воровство в МПС и вообще на олигархов. Чубайсу драли чуб. Березовского воспитывали березой. Долго, умело, с наслаждением...

Потом по вагонам пронесся слух, мгновенно получивший статус непреложной истины. Тока нет в проводах. Авария какая-то. И неизвестно когда. И будет ли. И вообще все хреново.

Прошло еще какое-то время — и раздался лязг. Сперва понадеялись на перемены к лучшему — но это просто раскрылись двери в тамбурах. Видимо, до машинистов наконец дошло, что люди долго не выдержат. Людям и покурить надо, и в кустики. А ток еще неизвестно когда дадут.

— Ну, что делать будем? — Дмитрий пошевелил зачитавшегося Максима. Разве что безучастная овчарка могла соревноваться с ним в спокойствии.

— А что случилось? — выдал мальчишка, отрываясь от книги. Этим вопросом он наповал сразил и хозяина овчарки, и бабу, и уж тем более внучку.

— Стоим, — сообщил Дмитрий. — Тока нет. И стоять будем, судя по всему, еще долго. Давай пока хоть выйдем, кислородом подышим. Тебе, кстати, не хочется пообщаться с природой?

...Встали еще удачно. Могли бы ведь и на мосту, и на крутой насыпи. А тут — по обеим сторонам мрачный еловый лес. Дмитрий знал, что лес тот тянется неглубоко, во

всяком случае справа. Там дальше — дачные поселки, поля, Ярославское шоссе.

Шоссе! А ведь это мысль. Сколько тут пройти? Километра три-четыре, не больше. А там рейсовые автобусы ходят.

— Вот что, светлый отрок, — предложил он, тут же уколотившись языком о словечко «светлый», — а не совершить ли нам небольшую прогулку? Тут ведь и полдня можно проторчать, а вот там, справа — шоссе. Автобусы, маршрутки. Гораздо быстрее в Сергиевом Посаде будем, чем вот так ждать у моря погоды.

Максим поднял голову, задумчиво уставился в низкое небо. Да, погода — это актуально. Тучи были мрачнее некуда. Того и гляди, разверзнутся хляби небесные...

— У тебя зонт есть? — озабоченно спросил Дмитрий.

— Нет... Знаете, я как-то не подумал.

— Ладно, не беда. У меня-то есть, и большой. Так называемый «семейный». Уж вдвоем-то мы уместимся. А может, и пронесет стороной. — Дмитрий с сомнением поглядел на свинцовые тучи, неуклонно наползающие с севера. — Ну что, пошли?

— Конечно, — согласился Максим. — Кстати, гляньте. Не одни мы такие умные.

И точно! Часть озверевших от неизвестности пассажиров один за другим скрывалась за деревьями. Другие — подавляющее большинство — предпочитали ждать милостей от электричества.

— Ну, пойдем тогда поскорее. Надеюсь, уж в этом-то лесочке монстры не водятся, — пошутил Дмитрий.

— Конечно, — в тон ему отозвался Максим. — Сейчас ведь не ночь. И не полнолуние.

16

Далеко уйти они не успели. Едва только нашлась тропинка, ведущая в нужном направлении, как сверху грянуло. И еще, и снова. Точно кто-то, веселясь от души, лупил кувалдой по стеклянным банкам.

И хлынуло. Не осенний мелкий дождичек — настоящий тропический ливень. Только холодно было не по-южному. Ветер лупил наотмашь, ветер бросался на еловые кроны, всерьез норовя устроить бурелом. Все вокруг — утоптанная в хвое тропинка, заросли малины по обеим сторонам, листья притулившихся в еловом царстве березок — мгновенно вымокло. Воздух пронзали не то что капли — тугие струи, как в душе.

Достать зонт из сумки, развернуть его — дело нескольких секунд. Но и этих секунд хватило, чтобы вымочить обоих до нитки.

— Ни фиги себе! — присвистнул Дмитрий, совершенно забыв о подобающей педагогу лексике. — Ты как, жив?

— Ага! — зябко передергивая плечами, отозвался Максим. — Я только боюсь, что книжка в рюкзаке размокнет...

— Живо сюда! — Дмитрий притянул его к себе, под зонт. — С книгой твоей вряд ли что случится, ткань-то рюкзака влаго-непроницаемая. А вот с тобой... Ох, горюшко, пошли.

Но не получилось. Небо вдруг потемнело — хотя, казалось, куда уж больше! — ударил по ушам грохот, раздирая глаза, взорвалась прямо впереди снежно-розовая молния. И Дмитрий прозевал момент, когда все началось.

А уже через пару секунд он обнаружил, что не может сдвинуться с места. Словно его посадили в стеклянный аквариум. Дождь сквозь это невидимое стекло проникал с легкостью, но Дмитрий не мог ни шагу сделать, как ни пытался.

Оставалось лишь беспомощно глядеть, что творится вокруг.

Ничего хорошего не творилось. Дорогу им загораживали трое. И двое из них крепко держали за локти брыкающегося Максима.

Очень не понравилась Дмитрию эта парочка. Высокие, затянутые в бурую кожу, необыкновенно бледные. Обоим на вид слегка за двадцать, а глаза... Странные у них были глаза. Черные дыры, глядящие, казалось, не вперед, а внутрь — в изнанку жизни.

Третий выглядел попроще. Пожилой, костлявый, в мокром (хотя чему ж удивляться!) свитере и в синей вязаной шапочке, совершенно неуместной здесь и сейчас.

— Бесплезно, Дима, — хрипло произнес неизвестный. — Дергаться, говорю, бесплезно. Это называется «стена удержания». Хорошее заклятие, тут и не всякий маг вне катерий справится. А ты уж и подавно. Поэтому не трать силы попусту, а слушай. И ты тоже не прыгай, юноша, — слегка повернулся он к Максиму. — Сам должен понимать.

Максим, кажется, порывался что-то крикнуть, но у него ничего не получалось. Тоже небось магия.

— Кто вы? — собственный голос показался Дмитрию измочаленной половой тряпкой.

— Зовут меня просто, Завулон, — слегка поклонился незнакомец. — Руководитель московского Дневного Дозора. И мы сейчас поговорим. В тихой, спокойной обстановке.

— Тогда уж дождь выключите! — хмыкнул Дмитрий. — Не создает атмосферу уюта.

— Я тебе что — Росгидромет? — отмахнулся Завулон. — Потерпишь.

Дмитрий поднял руку перекреститься. Получилось! Невидимые стены не давали ему сойти с места, но внутри «аквариума» он кое-как мог двигаться.

Разумеется, ни Завулон, ни его странные спутники никуда не делись. Не помогали и лихорадочно прочитанные молитвы. Ни к Богородице, ни к ангелу-хранителю, ни к святому Кресту. В глубине души он этого и ожидал. Если не действует на Светлых — так почему должно влиять на Темных? Да ведь и того оборотня-гиену ничуть не испугала его молитва. Пора бы уже и привыкнуть.

Но Дмитрий понимал: молиться все равно надо. Пускай и нет никакого явного эффекта, пускай силы Иных сродни магнетизму или гравитации — но Господь силен над всяким тварным бытием.

— Опять за свои штучки? — Завулон сочувственно покивал. — Давай занимайся психотерапией. Может, и к лучшему. Успокоишься, а ты мне спокойным нужен. Чтобы мозги работали.

— Чего вам надо? — уже догадываясь, хмуро спросил Дмитрий.

— Мне надо, чтобы тебя не было. — Завулон был сух и деловит. — Ты вреден. Ты оказался лишней картой в колоде

и потому мешаешь всем. Я думаю, мой московский оппонент в итоге лишь обрадуется. Он любит, когда грязную работу делают за него. Пойми, Дима, — тон его сделался чуть мягче, — ты нарушаешь сложившееся равновесие. Ты непредсказуем — ни в своих поступках, ни в своей силе. Ты уже искалечил двоих моих работников, одного из них мне даже жаль. Перспективный был парнишка... Но это мелочь по сравнению с тем, чего ждать дальше. Я наблюдал за тобой. И надеялся, что хотя бы твоя вера заставит тебя сидеть тише воды, ниже травы. Ведь говорили же тебе твои наставники — забудь про свои способности, живи как все. Без толку. Самое печальное, что это действительно от тебя не зависит. Ты не можешь контролировать магию точно так же, как не можешь контролировать свой кишечник. Значит, убеждать тебя бесполезно. Что остается, а?

— Ну разумеется, замочить в сортире, — хмыкнул Дмитрий. Было не страшно, а всего лишь скучно. — Вашим принципам вполне соответствует. Потому и такой дождище, да?

— Ах, если бы так просто... — вздохнул Завулон мягко и доверительно. — Но это очень непросто. Еще пару дней назад у нас бы это получилось. Хотя скандал вышел бы ужасным, Светлые встали бы на дыбы, и Инквизиция — в ту же позу. Нам пришлось бы очень сильно раскошелиться. Возможно, даже лишиться кого-то из магов первого уровня, а их у нас в Москве меньше, чем пальцев на руке. Но после вчерашнего... Пока ты беседовал с милейшим Борисом Игнатьевичем, он включил тебе защиту. Магическую защиту. Используя секретные штучки из своего арсенала. Мне есть что противопоставить, но это столь накладно... залатать такую пробоину — надо как минимум лет двести. У нас нет такого времени.

Дмитрий едва удержал готовую сорваться с языка ругань. Ай да Борис Игнатьевич! Вот и цена всем его разговорам — дескать, уважает свободу, дескать, без согласия — ни-ни! Опутал своей колдовской паутиной! Как знать, что скажет Завулон дальше? Вдруг он подготовил пакость, по сравнению с которой обычная смерть от пули или ножа — милость Божья?

Дмитрий как в воду глядел. Или, применяясь к обстановке, сквозь воду.

— Поэтому сделаем иначе. — Завулон выдержал небольшую паузу и пояснил: — Ты уйдешь сам. Навсегда. Добровольно. Нет, не думай, я тебе не суицид предлагаю. Никаких таких смертных грехов. Дело вот в чем... — Он замялся, подбирая, видимо, слова. — Мир устроен сложно, Дима. А Сумрак... Он многослоен... но не бесконечен. В общем, там, за последним слоем Сумрака, опять начинается мир... столь же материальный, как и все это. — Он стряхнул с ладони дождевые капли. — Но это странный мир... Очень немногие Иные сумели там побывать, и совсем уж единицам удалось вернуться. Это уже из области легенд... Короче, там почему-то не действует наша магия. Понимаешь, совсем чужой для Иных мир... но там вроде бы есть люди. Я не стану врать, будто тебе там ужасно понравится... просто не знаю ничего и знать не хочу. Ты уйдешь туда, и дальнейшего — твои проблемы. Главное, вернуться ты уже не сможешь. Силы не хватит. Я не уверен даже, что ты дойдешь.

— Это почему же? — спросил Дмитрий просто для того, чтобы как-то перебить его плавную, вкрадчивую речь.

— Сумрак затягивает, — охотно пояснил Завулон. — В Сумраке опасно находиться слишком долго. Особенно если спуститься в глубокие слои. Он переваривает тебя, твою суть. Как кислота... и если ты не успеешь прорваться туда, по ту сторону Сумрака... тогда от тебя останется только бесплотная тень. Значит, придется торопиться. Ничего сложного — находишь свою тень, притягиваешь — и погружаешься. А потом снова и снова. В какой-то момент тебя просто вышвырнет в тот мир.

Дмитрию стало вдруг весело. Неужели Завулон столь глуп?

— Послушайте, Завулон, не знаю уж, как вас по батюшке. — Он нервно улыбнулся. — Вы мне что, предлагаете бросить жену, сына, людей, которых я люблю и которые любят меня? Просто из-за ваших дозорных разборок, которые мне глубоко безразличны? К тому же еще и жизнью рискнуть? Умереть без покаяния? Да вы в своем уме?

— В своем, в своем, — покивал головой Завулон. — Видишь ли, есть еще одно обстоятельство. Вот это.

Его длинный, похожий на медвежий коготь палец указал на Максима.

— Вот этот, как ты недавно выразился, «светлый отрок». Он и будет нашим ключиком к твоему амбарному замку.

— Убьете? — сухо осведомился Дмитрий.

— Хуже. — Завулон оживился. Похоже, он ждал этого вопроса. — Ты знаешь, кто его держит? Что это за молодые люди? Не догадываешься? Ах да, ты столь многого еще не умеешь... даже ауру — и ту не видишь. Вампиры это, Дима. Причем высшие. И если мы с тобой не придем к соглашению, то мальчика нежно укусят куда надо. Он, конечно, умрет... но спустя пару деньков встанет. Тоже вампиром. И будет жить вечно... если, конечно, кто-нибудь из твоих светлых приятелей не проткнет его осиновым колом. Но не будем думать о худшем. В любом случае мальчишке предстоит увлекательная жизнь... или «не-жизнь», выражаясь точнее. Он ощутит, что такое голод... неутолимый, из глубины естества разгорающийся голод вампира. Быть может, первое время он и продержится на донорской крови... но рано или поздно... а я постараюсь, чтобы рано... он попробует и крови человеческой. Светлые возникать не станут, они вынуждены с этим мириться. Лишь ставя палки в колеса, вводя квоты, лицензии. Но уж пара-тройка человек в год мальчику гарантирована. Все законно, все по Договору. На кого выпадет жребий, заранее неизвестно. Но если подсуетиться, Дима... А что, если это окажется некий мальчик Саша Осокин? Или его мама? Звучит заманчиво?

Дмитрий, собрав всю волю, всю ярость, рванул. Толку-то? С тем же успехом он мог долбиться головой о кирпичную стену.

— Сволочь! Какая же ты сволочь! — сдавленно просипел он.

— Я просто рационально смотрю на вещи, — невозмутимо улыбнулся Завулон. — Не стану врать, будто мне стыдно и больно тебя мучить, но и особого наслаждения тоже не испытываю. Ты мне глубоко безразличен. Но это как раз и позволяет находить наиболее эффективные методы.

— О душе своей подумай! — просто так, чтобы не молчать, выкрикнул Дмитрий. — Ведь тебя все равно ожидает ад, геенна! Через пятьдесят лет, через сто — но все равно!

Завулон расхохотался. Молодо, заливисто... как юный дебил, увидевший голую и вусмерть пьяную бабу.

— У меня на этот счет совсем другое мнение. Иное... — отсмеявшись, пояснил он. — Впрочем, раз уж речь зашла о теологии... Постарайся взглянуть на вещи с чисто православной точки зрения. Итак, этот милый мальчик. У него есть бессмертная душа, да? Пока еще есть. Став вампиром, он ее, сам понимаешь, лишится. А вот если останется жив... Да, он пока не окрещен, но ведь есть же шансы? А, Дима? Толстые шансы, что он в итоге придет к вере. Благодаря тебе. Твоему подвигу. Именно подвиг тебе и предлагается. Как это звучит? «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Видишь, я тоже почитываю фэнтези... Так что успокой свою нервную совесть и ступай в Сумрак. Удачи тебе... там...

Он вновь рассмеялся, тем же самым смехом мелкого шкодника. Переигрывает, внезапно понял Дмитрий. Что ему надо? Вызвать к себе омерзение? Да вроде и так уже по самое горлышко. Спровоцировать нападение? Так ведь силовую клетку не прошибешь.

Однако времени гадать не оставалось. Завулон не блефует — в этом у Дмитрия не было ни малейших сомнений. Эти двое и так уже приплясывают от нетерпения. Ну и что же? Нырять в Сумрак и искать там огненный меч? Сразиться? Или уходить в чужой, заранее противный ему мир навсегда? Оставить Аню вдовой и Сашку сиротой?

— Драться хочешь? — понимающе спросил Завулон. — Брось, пустое. Пацана загрызут раньше, чем ты войдешь в Сумрак. Это ж высшие вампиры, у них мгновенная реакция.

— Гарантии? — пересохшим голосом сказал Дмитрий. — Где гарантии, что вы отпустите Максима, если я... если я сделаю это?

— Дорогой, — проникновенно сказал Завулон, — ты хоть представляешь, какие неприятности у нас в любом случае будут из-за мальчишки? Эти ребята, — мотнул он головой в сторону вампиров, — мне куда важнее, чем твой сопляк. А

суд Инквизиции безусловно приговорит их к уничтожению. Мне очень бы не хотелось их терять.

— Они, значит, такие идейные? — Дмитрий сейчас просто тянул время. Слишком страшен был надвигающийся миг. — Они готовы умереть за тебя?

— Что ты?! — мелко засмеялся Завулон. — Они считают себя в безопасности. Они думают, будто на мальчишку выписана лицензия Ночного Дозора. И знаешь, ты не тяни. Ребята ведь могут и не выдержать... они уже сами не свои. Так что давай.

— А если я откажусь? — прищурился Дмитрий. — Вот откажусь и все? Зачем тогда вам менять мальчишку на своих отборных вампиров? Нерационально.

— Рационально. — Завулон стянул свою шапочку, и сейчас же струи радостно забарабанили по обтянутому смуглой кожей черепу. — Ты сам поймешь... только чуть погодя. И вот тогда уже добровольно отдашься Сумраку... растворишься в нем... Короче, не дури. У тебя нет выбора, Дима. Ты же Светлый. Да не верти башкой, слушай, что говорю. Светлый ты. А вы все, Светлые, ходите по тропинке своих принципов, шаг вправо, шаг влево — для вас уже и побег. В этом отношении вы дьявольски предсказуемы. Ты не станешь жертвовать мальчишкой, ни при каком раскладе. Заметь — не просто его жизнью, но бессмертной душой. Ты же в это веришь? Значит, ты пленник своей веры. Тебе некуда бежать. Смотри. — Он вынул из кармана плаща нечто, вблизи оказавшееся песочными часами. — Две минуты. Когда песок пересыплется, я дам ребятам команду. Все, время пошло.

Он перевернул часы, поставил себе на ладонь. Юркой струйкой побежали вниз красноватые песчинки.

И что делать? Поздненько метаться, как сказал бы сейчас Лешка Серебряков. Если, конечно, не сошел бы до того с ума. Время, время! Что можно успеть за две минуты? Помолиться? А что он раньше делал? Господи, ну хоть как-нибудь помоги! Ну подскажи, что делать-то?

Самое ужасное — Завулон был прав. Со стороны это бегство и впрямь гляделось подвигом. «Кто положит душу свою за друзей своих»... Есть только одно липкое «но». Завулон

сам напомнил ему эти слова. Кому же именно придется последовать? Христу или Завулону? «Какое согласие между Христом и Велиаром?» А тут, выходит, именно согласие? Если враг желает того же, что и друг, — значит, прячет карту в рукаве. Значит, нельзя. А может, именно на это он и рассчитывает — что Дмитрий из ненависти к нему откажется? Не случайно же он намеренно хамил, хотя мог бы говорить и мягче, интеллигентнее.

А песка наверху оставалось все меньше и меньше. Еще несколько секунд — и он просыплется весь. И тогда кто-то из этих двоих вопьется Максиму в горло. Высосет кровь — и впрыснет свой яд. Яд, убивающий душу. Не станет больше умного, доброго и порой смешного мальчишки. Появится какое-то другое существо... Иное... с его внешностью. А виноват во всем не Завулон. Это лишь следствие. Именно он, Дмитрий, окажется виновен. Это он пожалел свою душу — и погубил чужую. Это он испугался — и замаскировал свой страх книжными словами. Это он сглупил — и потянул за собой мальчишку.

А ведь предупреждал Борис Игнатьевич об опасности. Предупреждал, что Темные устроят на него охоту. Ну, тайно поставил защиту. Так Дмитрий же о ней не знал. И потащил ребенка с собой — под обстрел. В огонь... В пекло... Идиот, скотина, эгоистичная дрянь! Великого педагога из себя строил! Как же! Ведь в глубине души баюкал мысль, что Лавра подействует на Максима благотворно. То есть приблизит к вере. И если сие случится, если снизойдет на мальчика благодать — то будет в этом и его заслуга. Миссионер, типа... Мудрый наставник! Самовлюбленная свинья — вот он кто, если уж начистоту говорить. Не служить Христу ему хотелось, а выслужиться. Когда служат, о себе не помнят. А он... всегда ведь все сводил к себе. Он и от Светлых-то почему на самом деле шарахался? Боялся предать Христа? Нет, боялся выглядеть предателем. В своих ли глазах... в чужих ли... Чем же он тогда отличается от Темных? Те всего лишь примитивнее... да и не скрывают свой эгоцентризм. А он — скрывает, загораживается барьером светлых слов. Вот уж воистину — типичный Светлый.

Он вздохнул, опустил глаза. Тень нашлась сразу же. Легкая, гибкая, готовая повиноваться. Ну что ж, значит, так. Аню жалко. И Сашку... По крайней мере хоть правды не узнают. Бесследно исчез... мало ли народу бесследно сейчас пропадает? И лишь изредка находят разложившийся труп. Но не тот случай. Милиция за ним в Сумрак не полезет.

Нахлынула привычная уже серость. Здесь не было дождя, здесь не рокотал гром. Здесь и деревья были совсем иные. Уродливые сухие ветви — будто руки мертвецов. Скрюченные корни-щупальца.

Вот и Максим с вампирами. В Сумраке они преобразились. Прибавили в росте, выпирали у них из пастей саблевидные клыки, на пальцах выросли кривые, точно рыболовные крючки, когти.

А Завулону почему-то не было. Лишь откуда-то из дальнего далека прошелестел его голос:

— Глубже, Дима. Не рассиживайся. Найди свою тень и беги на второй слой.

Господи, тихо произнес Дмитрий. Звука своих слов он не услышал, но даже и не заметил этого. Господи! Ты видишь, как оно получилось. Ну не мог я мальчишкой пожертвовать. Такой уж я. Наверное, мне до того мира не дойти... я же понимаю, Завулон подсластил пилюлю. Если лишь редкой силы магии туда добирались, то куда уж мне? Прости меня, если сможешь. Прими меня. Жалкого, трусливого, самовлюбленного. Да, это я. Но это не весь я. Есть же во мне и другое... есть свет. Есть образ Твой. Я причащался Тела Твоего и Крови — и Ты был во мне. Неужели сейчас уже ничего не связывает нас? Неужели нет во мне истинной Твоей любви? Неужели я всю жизнь лгал и Тебе, и себе? Я теперь уже и сам не знаю. А Ты знаешь. Ты всегда это знал. Ты дал мне это бремя... бремя Иного. Зачем? Прости, я не сумел понять, не сумел его понести. И вот потому я здесь, и сейчас уйду дальше, а потом еще дальше... пока не доберусь до чужого мира... зачем я Тебе там? Но вряд ли я дойду. Скоро от меня не останется вообще ничего. Если этого не избежать — что ж, я приму свою участь. Значит, заслужил. Но вот мальчика — мальчика спаси, ладно? Не верю я этой мрази, вот уж кто демон так

демон. Не верю, что они отпустят Максима. И ничего не могу сделать — даже подойти к нему не могу, попрощаться. И здесь, в Сумраке, торчат эти бесовские стены. Поэтому лишь на Тебя надеюсь — выведи его, вырви из сетей зла... А я... Больше я, наверное, уже ничего Тебе не скажу... некому будет говорить. Но пока могу — говорю. Я хотел Тебя любить. Я думал, что люблю. А получалось ли — не знаю.

Вот и все. Слов больше не осталось, и Дмитрий опустил глаза. Где же тень? Здесь, в сером мареве, где свет воедино слит с тьмой, есть ли вообще тени? Оказалось — есть. Не такая, как в нормальном мире, а едва уловимая, лишенная четких очертаний — тень все же обнаружилась под ногами, в сухой пыли.

Пора? Он кинул прощальный взгляд на Максима, которого все так же цепко держали когтистые лапы вампиров. Когти, наверное, проткнули джинсовую ткань и вонзились в ребра, впились под кожу... Как ему, наверное, больно сейчас!

Дмитрию и самому стало больно. Сдавило сердце. Казалось, невидимая ладонь мнет его, пытаясь что-то вылепить, выжать. Или разбудить?

И он даже не удивился, когда ощутил жар во всем теле. Радужное пламя выплеснулось из него острой волной. Из каждой клетки, из каждого нерва. Было почти так же, как и вчера, в больнице. Только на сей раз пламя обжигало. Пламя пожирало его плоть, рождая чудовищную, невыносимую боль. Может, он и кричал — все равно здесь не слышны звуки. Но боль нужна — он понимал это не только умом, но чем-то глубже. Самой своей сутью. Той, где разделяются душа и дух. Куда проникает лишь Слово...

Пламя менялось — оно с каждой секундой становилось все ярче, и цвета радуги перетекали друг в друга, все быстрее и быстрее — пока не слились в один, ослепительно белый. «Как на земле белильщик не может выбелить», — всплыло вдруг в мозг. Всплыло — и пропало, потому что пламя разделилось на две струи. И обе они потекли вперед, к Максиму и вампирам. Мгновение — и белый огонь уже обхватил всех троих. Жарко вспыхнул.

Дмитрий в ужасе зажмурился — но не увидел тьмы. Пламя было и в нем, пламя выжигало его и снаружи, и изнутри. Белое, словно сотканное из молний сияние стояло перед глазами. И все это снова и снова рождалось в нем — ужас, восторг, а главное — немыслимая, невозможная, опровергающая все законы и правила надежда.

А потом это кончилось. Пламя исчезло, сбитое, должно быть, дождем, который все лупил и лупил — яростно, самозабвенно, выплескивая не растроченный за «бабье лето» запас. Грохотало вверх, а внизу было холодно и мокро. И весьма грязно.

Оказалось, он лежал навзничь, уткнувшись лицом в ключие кусты. Не малина то была, выходит, а ежевика. Даже оставались кое-где перезрелые, сморщенные ягоды.

Дмитрий, крихтя, поднялся на колени, а потом, помогая себе руками, встал на ноги. Огляделся.

Максим лежал неподалеку, возле огромной, в три обхвата, елки. Из-под ее корней пахло прелой листвой и грибами.

— Ты как, жив? — кинулся он к мальчишке, перевернул на спину. С ужасом, ожидая самого худшего, приложил ухо к груди.

Стучало. Ритмично, уверенно — хоть в космос запускать.

Дмитрий приподнял пацана за плечи, прислонил спиной к еловой коре.

— Спасибо, — прошептал Максим и открыл глаза. — А что случилось, Дмитрий Александрович?

— Ты... ты ничего не помнишь? — поразился Дмитрий.

Максим не стал отвечать. С трудом поднялся на ноги, заозирался, выискивая свой рюкзак.

Тот обнаружился почему-то в стороне от тропинки, метрах в десяти. Там же валялись и сумка Дмитрия, и черный «семейный» зонт. Последний был безнадежно сломан. Спицы все сдавлены, перекручены, некоторые и лопнули. Слово на нем танцевало стадо буйволов.

— Да зачем он теперь? — махнул рукой Дмитрий. — Все равно мы оба пропитались водой насквозь.

— Ага, — кивнул Максим. — И книжка промокла. Как я и боялся.

— Книжка... — словно эхо, повторил Дмитрий. — Надо же, книжка...

— Скажите, — спросил Максим, — а вам не кажется, что... ну, в общем, как-то не так? Что-то такое... ну, случилось, что ли...

Дмитрий усмехнулся. Случилось... Да уж, случилось многое. Он опустил глаза, нашел свою тень. И что? Тень как тень, обычная, едва различимая — солнце-то облаками скрыто. Зачем-то — уже не думая о магии, о грехе, о соблазне, он потянул ее на себя. Попытался. Не вышло. Не слушалась тень, да и как она могла слушаться? Ведь что есть тень? Всего лишь нехватка света.

— Дмитрий Александрович, — напомнил сзади Максим, — мы как? К шоссе пойдем или назад, к электричке? Если она еще там...

— Ты хочешь назад? — усмехнулся Дмитрий. — Ну вот и я тоже. Пошли на автобус... Вот ведь лупит, дождина зверский. Дай мне Бог не простыть. Надо же завтра в гимназию. Да и тебе... если, конечно, ты все еще собираешься в Александров.

— Теперь-то уж зачем? — вздохнул Максим и вдруг, поддев ботинком еловую шишку, зафутболил ее метров на пять. — Вот так вот, Дмитрий Александрович.

17

Странная в этом году была осень. Дожди и грозы возникали посреди сухого тепла — без всякого, надо сказать, объявления циклона. И столь же внезапно исчезали, к недоумению метеорологов.

Вот и понедельник начался небесной синевой, солнечными бликами и суетливым птичьим базаром. О вчерашней грозе напоминали только внушительные лужи. «За день выпала полумесячная норма осадков», — поведала дикторша по радио.

Дмитрий, вопреки своим опасениям, не разболелся. Горячий душ, чай с малиной — и можно приступать к трудовым подвигам. Навстречу которым и катил сейчас в двадцать втором троллейбусе.

Вчера, ясное дело, ни в какую Лавру уже не поехали. Насквозь мокрого пацана пришлось везти домой. Вдобавок выяснилось, что у Максима еще и слабые легкие. И пневмония у него — частая гостья. Когда они выбрались на шоссе, Максима уже колотил озноб, а из носа текло. Он вообще вел себя странно — словно после легкой контузии. Что неудивительно. После вампирьих когтей могло чего и похуже случиться.

Автобуса они так и не дождались — поймали частника. Неразговорчивый пенсионер на затрапезного вида «Запорожце» довез их прямо до дома Максима — оказалось, по пути. И запросил всего полторы сотни. Есть еще на свете альтруисты...

— Не занято, Дмитрий?

Сидевший слева угреватый парень с плеером куда-то испарился. Вместо него обнаружился собственной персоной Борис Игнатьевич. В светло-сером костюме, при галстукке. Средней руки бизнесмен, собравшийся на деловую встречу. А почему на троллейбусе — так, наверное, иномарка его сломалась. Случается.

— Доброе утро, — поздоровался Дмитрий. — На работу торопитесь? Равновесие плечом подпирать?

Его неудержимо тянуло на колкости. Словно он ежик, которому все понятно. Ежик, ошетилившийся своими иголками перед амурским тигром.

— Нам поговорить бы надо, — предложил тигр. — Снять, если можно так выразиться, точки с «е».

Дмитрий пожал плечами.

— Прямо сейчас? А успеем? Мне ведь через три остановки выходить, на «Семеновской».

— Вполне, — кивнул Борис Игнатьевич. — Время — это штука сложная. Растянуть глобально, пожалуй, не получится, а вот в нашем с вами микромасштабе... Оглянитесь вокруг.

И впрямь, было на что посмотреть. Стихли звуки, замерли пассажиры, застыл плотной массой воздух. Зато жизнь за окошком текла в обычном темпе — сновали юркими жуками машины, торопились по делам прохожие, медленно хромала куда-то бродячая собака...

— Это что, Сумрак? — присвистнул Дмитрий. — Непохоже вроде.

— Нет, просто сейчас мы воспринимаем временной поток сразу в двух регистрах, — пояснил шеф Ночного Дозора. — Кстати, вовсе не такая уж экзотическая магия. Воздействие-то идет лишь на нас, а не на окружающий мир. Ладно, вернемся к нашим точкам. Во-первых, должен вас поздравить. Получилось! Вы справились!

— Что получилось-то? — сухо спросил Дмитрий. Не нравилось ему разгадывать намеки. — С чем поздравляете?

— С тем, что вы больше не Иной. Вы теперь обычный человек. Без малейших задатков Иного. Ваша мечта сбылась.

Дмитрий поспешно вдохнул холодный утренний воздух.

— Видите ли, — продолжал Борис Игнатьевич, — среди Иных тоже есть некая специализация. Одним лучше удается целительство, другим — предвидение, третьим — боевая магия. Но бывают иногда и весьма экзотические варианты. Кто-то способен смещать глобальные вероятности исторических процессов, кто-то проникает мыслью в другие миры... А совсем уж редко — появляются такие, как вы. Уникумы. Ваш случай — пятый за всю историю Иных... По крайней мере за всю записанную историю... Вы сами-то еще не догадались, в чем ваш дар? Бывший дар, — тут же поправился он.

— Ну... — задумался Дмитрий. — Темные говорили, будто у меня сила какая-то исполинская... Врали?

— Ну, — улыбнулся Борис Игнатьевич, — Валерий Огородников и впрямь так считал. Так его проинструктировали. А вот господин Завулон — тот почти с самого начала знал правду. Хотя я все-таки догадался раньше... Вы, Дмитрий, способны превращать Иных в обычных людей. Полностью лишать их всякого магического дара. У вас это получалось произвольно, но если бы вами заняться... А... — махнул он рукой. — Сперва, признаюсь, я на это надеялся. Представ-

ляете, как бы мы сместили равновесие! Сколько гадостей, подлостей можно предотвратить! Просто лишив силы наиболее опасных Темных...

— Ничего себе! — такого оборота Дмитрий никак не ждал. — Никогда бы не подумал. И как же это у меня получилось?

— Ну, если опираться на записи о прежних случаях... — Борис Игнатьевич усмехнулся чему-то. — Войдя в Сумрак, Лишающий — так принято называть владельцев этого редчайшего дара — направляет на Иного волну своей ярости... своего гнева... Концентрированный, до отказа переполненный энергией сгусток эмоций. И тогда что-то происходит с Иным. Образно говоря, необратимо повышается его «магическая температура»... Что это такое, долго объяснять, да и вряд ли вам так уж интересны детали.

— Совершенно неинтересны, — согласился Дмитрий. — Но когда же вы догадались?

— Сразу после того, как Антон явился к вам впервые. Один из характерных признаков — это жесткий отказ потенциального Иного от инициации. Причины тут могут быть самые разные. Не обязательно религия. Один старичок, помнится, не захотел жить дольше своей супруги... этакие, знаете ли, старосветские помещики... Но, конечно, есть и другие признаки, более тонкие... особенности ауры, особенности личности. И все равно полной гарантии не было. Представьте мое состояние, когда вас нашли... когда началось наблюдение. Это все равно что в пруду за деревенской околицей поймать на удочку акулу... а вернее, золотую рыбку. Почти поймать... вытягивать леску, каждую секунду ожидая, что сорвется.

— Ну и аналогии у вас, — поморщился Дмитрий. — Какие-то, знаете ли... неприятные. Рыбку-то потом в уху... в том числе и золотую.

— Ну извините, — пожал плечами Борис Игнатьевич. — Не думал вас задеть. В общем, после того загородного случая с обратнем я убедился — вы действительно Лишающий. Все совпало — и эмоциональная буря, и ненависть к мерзкой твари... представляю, на какие ужасы вы сами себя

накрутили. А потом — самопроизвольное соскальзывание в Сумрак и удар. В итоге оборотня больше нет, от него остался обычный парень двадцати двух лет. Физически ничуть не пострадавший, но душевно... Разом лишиться всех своих возможностей, всех своих надежд... из князя в грязь.

— Мне почему-то его не жалко, — заметил Дмитрий.

— И тем не менее... — Борис Игнатьевич поправил сбившийся галстук. — И тем не менее довольно скоро я понял, что сотрудничать с вами не получится. Слишком уж сильно вы держались за свою веру... и даже не за веру, а за некое ее толкование. Есть, конечно, способы... Внушить даже и вам можно что угодно. Только вот последствия... Зомби нам не нужны... В общем, после монастыря мне стало окончательно ясно, что вы — опасны. Ни я, ни Завулон не врали — вы действительно способны разрушить сложившееся равновесие. Как начнете лишать Иных силы... в промышленных масштабах... тут ведь такое закрутится... Тем более что это не слишком и зависит от вашей воли. Значит, вопрос нужно было как-то решать.

— Вчера Завулону это почти удалось, — кивнул Дмитрий. — Небось наблюдали?

— Конечно. Наблюдал и надеялся, что мой план сработает. Хотя сомнения были до самого последнего момента.

— И что же за план такой хитрый? — Дмитрию действительно стало любопытно.

— Чтобы вы направили ваш дар на самого себя, — пояснил Борис Игнатьевич. — Для этого надо было, уж извините, загнать вас в ситуацию ужасного, мучительного выбора. Эмоционально взвинтить до предела, до взрыва. Чтобы вы, оказавшись в Сумраке, разозлились на себя. Чтобы в себе увидели причину всех несчастий. Конечно, я рисковал. Раньше ведь такого не делалось. Всех четверых прежних Лишающих попросту убивали. Хотя и убить Лишающего — весьма нелегко. Я-то знаю... ведь трое из этих четверых были Темными. Последний случай — в семнадцатом веке. Ощущаете свою уникальность?

— А Завулон? — тихо спросил Дмитрий. — Завулон тоже на это рассчитывал?

— Нет, — усмехнулся Борис Игнатьевич, — не думаю. Он просто обманул вас. Легко и изящно. На самом деле он надеялся на ваше развоплощение.

— То есть? Какое такое развоплощение?

— А вы что же, поверили в сказку со счастливым концом? В мир по ту сторону Сумрака? Дмитрий, все это чепуха. Беспочвенные легенды. Нет там никакого мира. Сумрак бесконечен. Бесконечно число его уровней. Вы бы погружались от слоя к слою, потихоньку растворяясь. В какой-то момент у вас не хватило бы сил нырнуть дальше, но и обратно уйти уже не удалось бы. Сумрак высосал бы вас досуха, превратил бы в тень. Это и есть развоплощение. Сами бы вы на такое могли и не решиться, вот Завулон и подстраховался, поманил в дивный новый мир. А если бы вы отказались... чуть позже он все равно получил бы свое. Сами бы сбежали в Сумрак, не выдержав мук совести... или, по-другому, давления света. Я же говорил вам... Такая уж неприятная у нас особенность, у Светлых Иных... И вы бы никуда не делись, природа взяла бы свое...

— Ну уж нет, — возразил Дмитрий. — За меня говорить не надо, не судите по себе. А вы... Вы же отвергаете Христа, значит, и путь покаяния для вас закрыт. Но грех давит душу, вам больно — и вы сбегаєте от этой боли.

— Как же вы любите упрощать! — покачал головой его собеседник. — Дима, все на самом деле в тысячу раз сложнее. Уж поверьте мне на слово... я и сам порой бывал на грани развоплощения... когда оставалось сделать последний шаг...

— Благодарите Того, в Кого не верите, — заметил на это Дмитрий. — Возможно, у вас еще остались шансы...

— Давайте лучше вернемся к вам, Дима, — мягко прервал его Борис Игнатьевич. — Вернее, к Завулону. Он ведь был уверен, что именно этим все и кончится. И создал вам ситуацию ужасного выбора — а я лишь немножко ему в этом посодействовал.

— Например, поставили защиту... — желчно усмехнулся Дмитрий. — А ведь обещали же...

— Не было никакой защиты, Дима. Не было.

— Завулон говорил иначе.

Борис Игнатьевич посмотрел на него с грустью.

— А это уж вы сами решайте, кому из нас больше верите. К тому же Завулон любит выигрывать красиво. Да и зачем ему лишние неприятности? Убийство Светлого с рук не сойдет. Неприятностей уйма. Так что этот вариант он оставил на самый крайний случай. Поначалу попробовал решить дело поединком, подослал к вам Валеру. Заодно и поставил эксперимент — сможете ли справиться с Иным более высокого ранга. Гиена-то, Корнеев, слабенький был, шестой уровень, как, формально, и у вас. Валера — заметно мощнее. Четвертый уровень, на пике силы — даже и третий. Оказалось, с легкостью. Завулон сделал выводы.

— Так вот, — осенило Дмитрия, — почему его вчера не было в Сумраке? Боялся за себя?

— Был он там, — возразил Борис Игнатьевич, — только глубже, в третьем слое. Главное ведь, чтобы вы его не видели. Лишающий должен непременно видеть своего врага... лицом к лицу. Не уверен, что ваших сил бы хватило... но Завулон очень осторожен. Понапрасну не рискует.

Что ж, все с этим было понятно. Железные старцы играют в свои многомерные шахматы... меняют ладью на двух коней, а уж пешек жертвуют...

— Послушайте, — терпеливо, словно закоренелого двоичника, спросил Дмитрий, — ну как же так можно? Совесть у вас есть, Светлый, или одна стратегия осталась? Мальчишкой-то зачем рисковать было? Ведь на волоске же все висело. И жизнь его, и бессмертная душа... Я понимаю, как он в этой провокации вам с Завулоном пригодился. Ключик к моему замку... Ладно Завулон — с ним все ясно. Дрянь человечешко. Но вы-то?

Борис Игнатьевич взглянул на него так, что Дмитрию мгновенно стало не до колкостей. Ежику не защититься от тигра своими иголками.

— Считаете меня подонком, господин Осокин? Что ж, не вы первый. Но в данном случае — пальцем в небо. Мальчику практически ничего не угрожало. Иного не сделать вампиром.

— Иного? — выдохнул Дмитрий.

— Да, — подтвердил старик. — Максим Ткачев — Светлый Иной, седьмой уровень. Инициирован три года назад. Один из самых юных сотрудников московского Ночного Дозора. Между прочим, это именно он при первой же встрече распознал в вас потенциального Иного... Так вот, Максиму не грозило ровным счетом ничего. Хотя бы уже потому, что защита у него была. Крепкая. Сам ставил.

Дмитрий опустил голову. Как все, оказывается, просто... и как противно...

— Значит, мальчишка все время лгал? — горько спросил он. — Я-то думал... такой тонкий, интеллигентный, добрый... слабо приспособленный к жизни...

— А он такой и есть, — подтвердил Борис Игнатьевич. — Да, в том походе он действительно выполнял мое задание. Должен был обратить ваше внимание на оборотня. Зачем и почему — не знал, конечно. Но вчера он был с вами совершенно искренен. Мне требовалась полная естественность и полная секретность — потому я и не стал посвящать Максима в детали. У него действительно семейные неприятности. Ему ужасно не хочется переезжать в Питер, покидать московский Дозор. Он тут привязался ко всем нам... да и мы, откровенно говоря, тоже. Но в субботу, когда он кинулся ко мне за помощью, я прочитал ему мораль про послушание родителям и выставил за дверь.

Что ж, вот он, таинственный «взрослый друг»! Вот он, старый хитрый лис... приручивший мальчика... Видать, многих мальчиков и девочек приручивший. В ответе ли он за них? Понимает ли он вообще, что такое «быть в ответе»?

— Разумеется, мы что-нибудь придумаем насчет его мамы, — добавил Борис Игнатьевич. — Найдем ей в Москве подходящую работу по профилю. Тут и магии не требуется, достаточно связей. Но Максиму знать об этом ни в коем случае не полагалось. Он должен был пребывать в смятении, в обиде, в тоске. Он должен был наделать глупостей. Вариант с бабушкой в Александрове — просто наиболее вероятный. Обеспечить вашу случайную встречу на вокзале — дело техники. Догадаться, что вы его в таком состоянии куда от себя не отпустите, — тоже не бином Ньютона. А дальше оставалось молча наблюдать, предоставив инициативу Завулону.

— То есть вам не стыдно, — подытожил Дмитрий. — Ладно, не стану читать моралей. Действительно, смешно. Только почему же Светлый Максим не воздействовал своими способностями на маму? Не отвратил ее от питерского варианта?

Борис Игнатьевич взглянул на него с укором.

— Кто-то только что талдычил о морали. Вот вы бы смогли «погладить мозги» вашей жене? Магией подчинить ее волю? Даже если отбросить в сторону ваши православные запреты? То же самое и Максим. Есть вещи, между близкими людьми недопустимые. Поймите — Максим лишь у нас в Дозоре был Иным, а в жизни — обычным мальчиком четырнадцати лет.

— Ну, так уж и обычным, — улыбнулся Дмитрий. И тут до него дошло. — Был? Вы сказали «был»? Что это значит?!

— Могли бы и сами догадаться, — проворчал Борис Игнатьевич. — Хотя где уж там... Это и для меня было неожиданностью. Видите ли, раньше считалось, что Лишающий действует энергией своего гнева. Что он должен ненавидеть «объект». Все зафиксированные случаи именно таковы. Но у вас оказалось иначе. Вы лишили Максима способностей Иного. И лишили силой своей любви. Своим стремлением спасти, защитить. Внесли, можно сказать, вклад в науку об Иных...

— Так теперь Максим... — Дмитрий не договорил.

— Да, самый обычный подросток. Самый обычный человек, и больше ему уже никогда не стать Иным.

— Жалеете об этом? — усмехнулся Дмитрий. — Лишились ценного кадра?

Борис Игнатьевич на подначку не повелся.

— Мне жалко мальчика... он так хотел работать в Дозоре... так мечтал сражаться со злом, спасать людей... Но, говоря откровенно, маг из него очень слабенький. При самом благоприятном раскладе он никогда бы не поднялся выше пятого уровня. С деловой точки зрения — невелика потеря. А с человеческой... Да не ухмыляйтесь вы, ничто человеческое Иным не чуждо... Так вот, мне его жалко. Я действительно чувствую некоторую вину. Я искренне был уверен, что уж Максиму-то ваше воздействие не страшно. Я поста-

вил ему защиту... тонкую, филигранную. Завулон, конечно, ее видел... а вот вампиры не заметили. Более того, они даже Иного в нем не разглядели, защита временно заблокировала его ауру...

— Кстати, а что вампиры? — поинтересовался Дмитрий. — Тоже теперь стали обычными людьми?

— С вампирами сложнее. На них Лишающие не действуют. Это ведь особый случай Иных... пограничный... особого рода магия... особенно если вампир рождается в семье вампира... Нет уже этих двоих, Дима. Сожгли вы их своей силой. Элементарно сожгли, как в самом обычном магическом поединке. И не осталось от них ничего. Ни души, ни тела, ни пепла.

— Ясно... — Дмитрий отвернулся к окну. Там мелькали машины, там стеклянный глаз светофора переменялся с красного на зеленый. — Скажите лучше, Борис Игнатьевич, теперь-то вы оставите меня в покое?

— Теперь оставляю. — Тон его собеседника стал официальным. — Ночной Дозор более никак не заинтересован в сотрудничестве с вами, не видит в вас никакой опасности. Думаю, что и Темным вы теперь без надобности.

Борис Игнатьевич хотел было сказать что-то еще — но остановился. Помолчал. Поглядел на Дмитрия странно — то ли с затаенной жалостью, то ли с удивлением.

— Также решено оставить вам память обо всем, — сообщил он сухо. — Обычным людям, если они соприкоснулись с Иными, мы удаляем ненужные воспоминания. Но в данном случае... Что было, то было. Вы уже не Иной. Но вы были Иным. И никуда вам от этого не деться. Это уже часть вас. Кстати, это и Максима касается. Он тоже будет все помнить.

Борис Игнатьевич вновь помолчал, потом начал медленно, по-стариковски, подниматься.

— Однако мне пора выходить. Прощайте, Дмитрий Александрович. Больше мы с вами не увидимся.

Он сделал непонятный жест ладонью — и тут же в салон троллейбуса вернулись звуки, зашевелилось человеческое стадо. Внутреннее время выравнивалось с наружным.

Шеф Ночного Дозора не стал таять в воздухе, не выпорхнул в открытую форточку, обернувшись сизым голубем. Протискиваясь между спинами, он направился к дверям. Сейчас же вместо него на сиденье опустилась бабка с сумкой-тележкой. Неодобрительно покосилась на Дмитрия — виноват уже тем, что молодой — и стала поудобнее устраивать свою поклажу.

Если не будет у метро выходить — как же остальные? Прыгать через ее перегородившую салон сумку на колесах?

Дмитрий улыбнулся. Тут, понимаешь, великие дела, судьбы человечества, Темные, Светлые, Договор — и вдруг какая-то бабка вклинивается в мысли. Хотя... бабка в своем праве. Пора ему возвращаться в обычную жизнь — с ее вечной чересполосицей, проверкой контрольных тетрадей и Сашкиным конструктором, с удивительно вкусной Аниной стряпней и тягостными визитами к стоматологу... С воскресными службами и регулярными исповедями. На которых уже не придется каяться в том, что ты — Иной. Слабый, грешный, ленивый... но, слава Тебе, Господи — человек. Всего лишь человек. Прозорлив старец Сергей, верно сказал — не навсегда ему дано это бремя. Кстати, надо бы съездить к бабушке, рассказать, чем дело кончилось.

Но это — разве что в осенние каникулы, раньше никак не выйдет.

16.07.2003 — 26.07.2003

Варнавино

Павел Амнуэль

ВСЕ ДОЗВОЛЕНО

Было около трех часов пополудни, и я перечитывал обвинительное заключение, собираясь продиктовать Джемме основные тезисы защиты.

— Шеф, к вам посетительница, — прозвучал голос секретарши по интеркому, и я упустил какую-то мысль, которая могла оказаться важной.

— Кто? — коротко спросил я.

— Ревекка Браун из попечительского совета «Христианских паломников».

Я спросил, идет ли речь о пожертвовании в благотворительный фонд, и если да, то...

— Речь идет о защите убийцы. — Ответ прозвучал настолько неожиданно, что я сказал «пусть войдет» прежде, чем подумал о том, что защищать убийцу не совсем то, чем я хотел бы заняться.

Ревекка Браун оказалась женщиной лет тридцати, одетой, на мой взгляд, несколько простовато — в строгую прямую, до щиколоток, черную юбку и белую кофточку с отложным воротником. Красотой посетительница тоже не отличалась — во всяком случае, у меня не возникло мысли о

том, что я мог бы завязать с женщиной подобного типа какие бы то ни было отношения.

После вежливых приветствий я придал лицу чопорное выражение и предложил в двух словах изложить суть проблемы.

Ревекка Браун села на краешек стула — типичная поза человека, не уверенного в том, что его аргументы произведут впечатление — и сказала неожиданно приятным звонким, как горный хрусталь, голосом:

— Вы слышали о деле Стивена Бойзена? В газетах о нем пишут вторую неделю.

— Конечно, — кивнул я. — Случай, не предоставляющий защите шансов. К тому же у Бойзена есть адвокат... Простите, вы ему кем приходитесь?

— Адвокату или Бойзену? — улыбнулась Ревекка Браун, и я вторично подумал о том, как может быть обманчиво первое впечатление. У этой женщины не только голос оказался обворожительным, но и улыбка притягивала, подобно далекой планете, неожиданно появившейся из пустоты космического пространства.

— Бойзену, конечно, — сказал я.

— К счастью, никем, — заявила посетительница. — Я представляю религиозную организацию «Христианские папаломники».

— Боюсь, — сказал я с сожалением, — что не смогу вам помочь. Я знаком с этим делом. Бойзен — серийный убийца, это доказано. От защиты он отказался еще на стадии предварительного следствия. В суде ему назначен государственный защитник, поскольку таковы правила. Я его знаю, это мэтр Деббинс.

— Жаль, — сказала посетительница. — Вы упускаете случай помочь силам добра восторжествовать в мире.

— Вы говорите парадоксами, — улыбнулся я. — Защита убийцы — помощь силам добра?

— В данном случае — безусловно.

— У вас есть какие-то аргументы в пользу Бойзена?

— Никаких.

— Тогда я не понимаю...

* * *

— Его нельзя подвергать смертной казни. Защита должна добиться пожизненного заключения.

— Понимаю... — протянул я. — Ваша организация выступает против смертной казни и потому...

— Нет, — твердо сказала Ревекка Браун. — Мы не против смертной казни. Бойзен ее заслуживает. Но казнить его нельзя.

— Почему? — спросил я заинтересованно.

— Не важно, — пожала плечами посетительница и впервые после начала нашего разговора подняла на меня свой взгляд.

Вы знаете, конечно, что такое черная дыра? Я тоже слышал, что есть на небе такие звезды. Они поглощают окружающую материю, всасывают ее, но не так, как удав заглатывает кролика, — черная дыра не гипнотизирует, она притягивает жертву, и, надеюсь, вы ощущаете разницу. Взгляд Ревекки Браун обладал бесконечным притяжением, в него невозможно было не погрузиться без надежды когда-нибудь выбраться на свет божий.

Я не помню, что говорил в последовавшие пять или десять минут. Вероятно, мы спорили о том, какой смысл в защите, если Бойзен безжалостно убил четырех человек, в их числе — девушку семнадцати лет. У обвинения было столько улик, что адвокат мог лишь просить о снисхождении. Мне это надо? А зачем это надо организации «Христианские паломники»?

Возможно, мы с госпожой Браун все это обсудили за те минуты, что я плавал и тонул в ее зрачках. Мне не хватало воздуха, шансов выплыть у меня не было, но я все-таки выжил, потому что госпожа Браун отвела наконец взгляд и сказала:

— Спасибо, доктор Рознер. Я была уверена, что вы возьметесь за это дело. Давайте поговорим о сумме гонорара.

И мы поговорили о сумме. Должно быть, я еще не вполне пришел в себя, потому что согласился по итогам на относительно скромное стандартное вознаграждение — наверняка «Христианские паломники» могли заплатить больше, если

им по какой-то причине нужно было сохранить Бойзену жизнь.

Когда госпожа Браун ушла, я перечитал текст соглашения и над собственной подписью обнаружил пункт о неразглашении имени клиента. Стандартный пункт, таким обычно бывало требование родственников, не желавших светиться в суде и выставлять под фото- и телекамеры свои не всегда фотогеничные физиономии. Но для чего скрывать себя религиозной организации? И для чего ей, черт побери, защищать негодяя?

Так это началось, и не могу сказать, что я получил большое удовольствие, встретившись утром следующего дня с подзащитным. Войдя в камеру, Бойзен окинул меня взглядом аукционного оценщика, сел на табурет и заявил, что не намерен пользоваться ни моими услугами, ни услугами какого-либо другого адвоката. Защищать себя сам он не намерен также, поскольку абсолютно не виновен в инкриминируемых ему преступлениях.

Не будучи, конечно, патологическим идиотом, Бойзен умел читать и давно ознакомился со всеми материалами своего дела. Я-то успел лишь перелистать одиннадцать толстых томов, но даже одного взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько безнадежно положение этого человека. Сто семнадцать свидетелей намерен был вызвать в суд обвинитель. Государственный защитник, повозившись с делом полтора месяца, нашел лишь двух человек, согласившихся свидетельствовать в пользу обвиняемого, причем оба оказались его друзьями детства, собиравшимися — так мне, во всяком случае, показалось — солгать суду из чистого сострадания.

— Вы намерены именно этой линии придерживаться во время суда? — спросил я Бойзена, чтобы расставить над и все мыслимые точки.

— Да, — отрезал этот невинный агнец.

Мне, конечно, далеко до Перри Мейсона. Полагаю, что до Перри Мейсона далеко любому реальному, а не выдуманному адвокату. Но что меня все-таки сближает с героем Гарднера, так это любовь к независимым расследованиям. Мне

не часто приходилось прибегать к услугам моего приятеля Ричарда Бертонa, но всякий раз, когда по делу требовались отсутствовавшие в материалах улики и доказательства, я обращался только в его агентство.

Мы договорились поужинать в «Валентино», и, когда нам подали десерт, я перешел к делу.

— То, чего я хочу, тебе может не понравиться, — сказал я.

— Немного есть заданий, которые мне могут не понравиться, — улыбнулся Рик и погрузил ложку в блюдечко с абрикосовым вареньем. — Ты прекрасно знаешь, что я люблю сладкое, — сказал он, поскольку я, видимо, не сумел скрыть легкой усмешки, — но каждый раз, когда я в твоём присутствии съедаю лишний кусок пирога, твоё лицо становится похоже на осуждающую физиономию гипсового Цезаря, который стоит в кабинете окружного прокурора.

— Не обращай внимания, — пробормотал я. — Просто...

— Просто тебе вредно сладкое, вот ты и сублимируешь собственные желания.

— Хорошо-хорошо, — прервал я. — К делу, пожалуйста. Тебе придется заняться на этот раз не поиском доказательств невиновности моего подзащитного. Я хочу знать, что представляет собой клиент — организация, оплатившая защиту Бойзена.

Ричард поднял на меня удивленный взгляд.

— Тебя наняли защищать Бойзена? — удивился он. — И ты согласился?

— Представь себе, — раздраженно сказал я. — Мой клиент знает, что Бойзен — серийный убийца. Но он хочет, чтобы я добился пожизненного...

— Это возможно? — поинтересовался Рик.

— Не знаю, — признался я. — Бойзен наотрез отказался сотрудничать с защитой.

— Ну-ну... — Рик пожал плечами, показывая, как он относится к моему новому делу. — Даже если тебе предложили огромный гонорар...

— Стандартный, — сказал я. — Не стану утверждать, что, согласившись вести Бойзена, я совершил умный поступок. Возможно, самый глупый за всю карьеру. Но что сделано, то сделано. Единственное, на чем можно играть, — квалифи-

кация убийств. Первая категория или вторая. Соответственно судья Арнольд будет выбирать между смертным приговором и четырьмя пожизненными заключениями.

— И ты не знаешь, с кем подписал договор? Надо было думать раньше...

— Ради Бога, Рик, не читай мне мораль!

— Извини. — Бертон покончил наконец с вареньем и приготовился слушать меня достаточно внимательно.

Я подробно описал свой разговор с госпожой Браун, не забыв упомянуть о том, какой эффект произвел на меня ее притягивающий взгляд.

— Это было наваждение, — сказал я. — Расскажи мне кто-нибудь, что женщина способна взглядом заставить меня подписать документ...

— Наверняка что-то было кроме взгляда, — покачал головой Ричард. — Но это что-то ты хочешь оставить при себе.

Я промолчал.

— Когда тебе нужен отчет? — спросил Рик.

— Я на тебя не давяю, но имей в виду: пока мне не станет известна подноготная «Христианских паломников», я не смогу спокойно пить по утрам свой кофе. Я хочу знать, для чего Бойзен нужен им живым.

— Гонорар обычный?

— Поскольку у меня обычный, то и тебе придется довольствоваться...

— Ясно. Будем на связи. — Рик подозвал официанта, чтобы расплатиться за свою половину обеда, а я заказал еще чашечку кофе с мороженым.

— Конечно, — с кислой улыбкой сказал мэтр Деббинс, когда я сообщил ему о своем намерении участвовать в процессе, — Бойзен волен выбирать адвоката, и если выбрал вас... Вероятно, мне следует отказаться от защиты. Вы же знаете, меня назначила коллегия в то время, как...

— Я все знаю, — заявил я. — Поступайте, как считаете нужным. Мы можем работать в паре, если хотите.

— Не понимаю одного, — продолжал Деббинс. — Еще вчера Бойзен наотрез отказывался от услуг защиты. Со мной

он даже разговаривать не пожелал. Почему он переменял мнение?

— Не переменял. Меня нанял вовсе не Бойзен.

— А... — Деббинсу очень хотелось спросить: «Какому идиоту понадобилось нанимать защитника, который все равно завалит процесс?» Но он прекрасно понимал, что отвечать на этот вопрос я не стану, и спросил совершенно другое: — А знаете ли вы, что один из двух свидетелей защиты — Огден Мюррей — прислал письмо с отказом выступить на процессе?

— Это его право, верно? — сказал я.

— Безусловно. Но теперь у защиты есть только один свидетель — Анна Молек. И если выставить ее против ста семнадцати свидетелей обвинения...

— Я бы вообще не стал вызывать Анну Молек в суд, — сказал я. — Эффект ее выступления может оказаться диаметрально противоположен желаемому.

— Вот и я так думаю, — с удовлетворением сказал Деббинс.

Расстались мы, пожелав друг другу крепкого здоровья, и, насколько я мог судить, коллега немедленно отправился в суд отказываться от своих обязанностей защитника. На его месте я поступил бы именно так.

Конечно, на конкурсе негодяев Стив Бойзен вряд ли занял бы первое место. В конце концов он не был патологическим садистом. Он не измывался над своими жертвами. Семнадцатилетнюю Алису Шулик Бойзен убил единственным ударом ножа, пронзив сердце, хотя и мог, конечно, сначала совершить с девушкой сексуальный акт — никто ему не помешал бы, потому что дело происходило в квартире, которую Алиса снимала на паях с подругой. В тот вечер подруга работала, Алиса была дома одна, и по несчастливой случайности жильцы соседних по этажу квартир тоже отсутствовали. Впрочем, последнее обстоятельство случайностью, конечно, не являлось — Бойзен внимательно изучал привычки будущих жертв, места их проживания, он знал, конечно, что застанет Алису одну. Мог с ней порезвиться, но не стал этого делать.

И огнестрельное оружие он не использовал ни разу — предпочитал нож, которым умел пользоваться виртуозно: Бойзен прошел хорошую школу в армии, где служил в десантных войсках.

Казалось, его не очень-то заботила собственная безопасность: в эпизоде с убийством Алисы Шулик Бойзена видели по меньшей мере пять человек — портье, уборщик во дворе, через который проходил убийца, двое полицейских из проезжавшего мимо дома патруля и еще некая Марсия Окленд, дама пятидесяти трех лет, спускавшаяся с Бойзеном в лифте.

«Я сразу подумала, что этот человек только что кого-то убил, — было написано в ее показаниях. — От него так и разлило убийством. Мне было ужасно страшно, пока мы спускались — он вошел в лифт на седьмом, а я спускалась с тринадцатого. Не представляю, как я выдержала, чуть не закричала».

Все это, конечно, была лирика — наверняка мисс Окленд боялась любого мужчины, с которым ей приходилось оставаться в лифте наедине. И не только в лифте.

Как бы то ни было, Бойзена она запомнила, и еще четверо других свидетеля его запомнили тоже. Нож, которым была убита Алиса, лежал рядом с телом. Разумеется, Бойзен позаботился о том, чтобы не оставить отпечатки пальцев, но экспертам удалось обнаружить на рукоятке следы крема для рук. Именно таким кремом пользовался Бойзен, следы именно такого крема были обнаружены на внутренней поверхности перчаток, найденных в его квартире. Разумеется, это были скорее всего другие перчатки, не те, в которых Бойзен убивал девушку. Наверняка те перчатки он выбросил в ближайший мусорный бак. И перчатки, и крем, и сам способ убийства, и свидетели — все указывало на Бойзена, косвенных улик было такое количество, что они, естественно, перешли в новое качество, и у защиты на процессе действительно не оставалось шансов доказать невиновность Бойзена хотя бы по одному эпизоду. Единственное, чего мог добиваться защитник, — пожизненного заключения, упирая на то, что убийца не испытывал к жертвам ровно никаких чувств и убивал милосердно, не доставляя мучений.

На месте судьи Арнольда я бы не принял доводы защиты во внимание, учитывая то обстоятельство, что Бойзен не только не раскаялся, но на всех стадиях расследования продолжал утверждать, что невиновен. На предъявляемые ему улики и свидетельства он лишь пожимал плечами. «Подстроенно», — говорил он. «Не имеет ко мне никакого отношения», — утверждал он. «Вы доказывайте, а я послушаю», — издевался он над следователями, и у них, я уверен в этом, чесались руки применить к обвиняемому физические методы допросов. Возможно, они так и поступали; в деле, понятно, это отражено не было.

Психиатрическая экспертиза показала, что Бойзен вменяем и не имеет патологических наклонностей. Кроме, пожалуй, одной-единственной — зачем-то он убивал же людей, с которыми никогда прежде не имел никаких дел!

Конечно, полиция расследовала возможность того, что убийства были заказными, но версия эта ни к каким результатам не привела, Бойзен постоянно менял места жительства, устраивался на работу и уходил, проработав месяц-другой, время от времени след его терялся, уехав из одного города, Бойзен полгода спустя объявлялся в другом, и на вопросы, где он обретался, лишь пожимал плечами и утверждал, что знать это полиции совершенно не обязательно, поскольку ничего предосудительного он, Бойзен, там, где находился, не совершал.

Наверно, это действительно было так — во всяком случае, доказательств противного следователи не обнаружили. Как не обнаружили и мотивов бойзеновских убийств. Почему именно Алиса Шулик, с которой Бойзен познакомился лишь тогда, когда пришел ее убивать? Почему Лео Заппари, убитый Бойзенем на автостоянке в трех милях от Сакраменто?

«Почему?» — спрашивали следователи, вопрос этот, похоже, после первого допроса набил Бойзену оскомину, он или не отвечал вовсе, или бормотал что-то вроде «Да что вы от меня хотите? Я этого человека никогда в жизни не видел»...

Добиться чего-то определенного следствию не удалось, и Бойзен был причислен к серийным убийцам — иного зак-

лучения от полицейского расследования и ждать не приходилось.

Госпожа Браун позвонила через неделю. За это время я успел изучить если не все обстоятельства дела, то основную их часть. Ревекка Браун не говорила, казалось бы, ничего ни оригинального, ни даже сколько-нибудь заслуживавшего внимания. Но, Господи, каждое ее слово все равно звучало, будто указание Господне, переданное через самого лучшего его ангела:

— О, мэтр Рознер, я была уверена, что вам хватит недели, чтобы во всем разобраться. Вы будете готовы к процессу, я уверена в этом. Не нужно держать меня в курсе, я слежу по газетам, о деле Бойзена много пишут. Я уезжаю из Финикса по делам общества, не ищите меня, я буду связываться с вами сама. Сегодня я прочитала, что вы — безумец и рискуете своей карьерой, защищая Бойзена. Неужели это так? Я надеюсь, что ваша карьера не пострадает, ведь вы выиграете процесс!

— Вы полагаете, что процесс можно выиграть? — вставил я со всем возможным сарказмом.

— Конечно! Добиться для Бойзена пожизненного заключения — значит выиграть процесс.

— Ну, если вы так это понимаете...

— Только так! — твердо сказала госпожа Браун и положила трубку.

Я посмотрел на определитель — номер ее телефона был заблокирован.

Когда на очередной нашей встрече Бойзен демонстративно повернулся ко мне спиной и принялся вслух считать голубей, усевшихся на карнизе узкого окна, я решил было отказаться от защиты, уплатить «паломникам» неустойку и забыть о своей профессиональной неудаче. Конечно, я этого не сделал — выйдя из тюрьмы, позвонил Рiku и поинтересовался, как идет расследование. После нашего ужина минуло десять дней — должны были быть хоть какие-то результаты, обычно Бертон работал более оперативно.

— Я не беспокоил тебя, Дин, — сказал Ричард, — потому что хотел кое-что перепроверить. Очень уж это...

— Что? — нетерпеливо переспросил я, потому что Бертон запнулся на полуслове.

— Скажи, — произнес Рик после небольшой паузы, — насколько я знаю, ты человек нерелигиозный?

— Абсолютно, — сказал я. — И если ты имеешь в виду тот факт, что моим клиентом является религиозная организация...

— Это как раз не важно, — со странным смущением в голосе сказал Рик. — Тут другое...

— Послушай, — рассердился я, — если у тебя есть информация, предоставь ее мне, и я уж сам как-нибудь разберусь, что с ней делать. Потом будешь перепроверять, если ты не уверен в точности полученных сведений, но то, что ты собрал, я хотел бы иметь сегодня.

— Хорошо, — сказал Бертон. — Буду у тебя через полчаса.

— Я в дороге, — сообщил я. — Давай через час.

— Идет, — согласился Рик.

— «Христианские паломники» — секта вполне респектабельная, — начал Бертон, когда мы поговорили о погоде и дождались, пока Джемма, приготовив нам сэндвичи и кофе, вышла из кабинета. — Зарегистрирована в 1939 году, основателем организации был некий Перл Ревиво, еврей, принявший католичество после того, как в его родной Германии начались погромы. Поступок довольно странный, Ревиво жил в то время уже в Нью-Йорке, из Берлина он сбежал сразу после Хрустальной ночи, бояться было уже некого, но однажды он объявил, что Господь явил ему свой лик и начертал огненные знаки... В общем, посоветовал ему, во-первых, стать христианином, во-вторых, убедить других евреев также перейти в христианскую веру, причем именно в католичество, и в-третьих, собрать новообращенных и пойти с ними в Иерусалим, чтобы вернуть евреям страну, которой они лишились две тысячи лет назад. Имей в виду — это было лет за десять до провозглашения государства Израиль.

— Если Ревиво был скрытым сионистом, то он избрал довольно странный метод для своей пропаганды, — заметил я.

— О сионизме он не слышал, поскольку был человеком, вообще говоря, довольно ограниченным. И большим путаником, должен тебе сказать. Если ты на досуге прочитаешь написанную им книгу...

— Досуг у меня появится после процесса, — сказал я. — Достаточно того, что ты с этим опусом ознакомился...

— За кого ты меня принимаешь? Чтение религиозных книг не входит в наш с тобой договор. Важно то, что «Христианские паломники» никогда не нарушали федеральных законов. Есть среди них евреи, перешедшие в католичество, как сам Ревиво, но таких мало, человек двадцать за все годы.

— А всего паломников сколько? — поинтересовался я.

— Тысяч пять-пять с половиной. В основном люди среднего возраста и достатка. Я разговаривал с Норманом Грантом, это профессор в университете, он изучает христианские секты и утверждает, что таких, как «паломники», у нас в Штатах пруд пруди — секты рождаются и исчезают, как только умирает или отходит от деятельности основатель.

— Так Ревиво жив?

— Умер в девяносто первом. Ему было под восемьдесят, но старик он был крепкий, каждую субботу проводил службу или, как они это называют, «внутреннее паломничество».

— Кто у них начальником сейчас?

— Некий Морис Кошениль, он в обществе с семьдесят третьего года, президентом избран после смерти Ревиво. По профессии часовщик, у него фирма в Нью-Йорке, они починают часы редких конструкций. Клиентура богатая и стабильная, фирма процветает.

— Какое они имеют отношение к Бойзену?

— Вот! Это самое удивительное из всего, что я слышал за всю жизнь! Детальной информации на этот счет мне получить не удалось, но по тем крохам... Ты только не подумай, что я спятил, я лишь свел воедино то, что слышали Алекс с Джозефом... Стивен Бойзен — серийный убийца, верно?

— Да, — согласился я. — Такова версия обвинения.

— Так вот, — продолжал Бертон с легкой иронией, — после того, как он, не испытывая угрызений совести, зарезал четверых, кто-то нанял Бойзена, чтобы он убил Дьявола.

— Кого конкретно? — не понял я. — И почему «Христианским паломникам» понадобилось заказывать убийство? Не ты ли десять минут назад сказал, что у «паломников» нет проблем с законом?

— Спокойно, — поднял руки Ричард. — Заказ на убийство Бойзен получил не от «паломников». Напротив, «паломники», узнав о том, чем должен заняться Бойзен, делают все возможное, чтобы заказ не был выполнен, поскольку это нарушит основные догматы христианской веры.

— Да как, черт побери, Бойзен может кого-то убить, если он уже пятый месяц сидит в тюрьме и в любом случае из нее не выйдет?

— Дин, — грустно сказал Ричард, — ты теряешь квалификацию. Ты задаешь вопросы не по существу. Ты не спросил меня, как можно убить Дьявола, если он по природе своей нематериален и обитает там, откуда его в принципе невозможно извлечь?

Я провел ладонью по волосам — мне почему-то показалось, что они зашевелились и между ними пробежал электрический разряд.

— Кого должен убить Бойзен? — переспросил я.

— Дьявола, — повторил Бертон. — Того самого, который Князь Тьмы, антипод Творца, хозяин Ада и предводитель Зла. А еще он известен под именами Люцифер, Сатана, Вельзевул. Согласись, что, уничтожив Дьявола, Бойзен сделал бы доброе дело, в награду оказался бы в Раю, и с него списались бы все его прежние грехи, в том числе четыре убийства, из-за которых ему предстоит отправиться на тот свет.

— Послушай, — сказал я. — У меня нет времени обсуждать всякие...

— Нет, это ты послушай! — загремел Бертон. — Ты дал мне задание, и я его выполнил. Ты хочешь знать результат, и я его тебе рассказываю. Я тоже решил сначала, что все это бред. Дослушай, а потом делай выводы.

— Хорошо. — Я вздохнул и сложил руки на груди.

Вообще-то я давно замечал за Риком стремление к большой... как бы это объяснить попроще... литературности. Отчеты у него обычно были информационно избыточными, содержали сведения, которые не касались порученного ему расследования, но должны были продемонстрировать заказчику, каких трудов стоило добиться нужного результата. Примерно так провинциальный тенор пыжится на сцене, показывая, как трудно взять верхнее до — на самом деле это хороший певец и нота дается ему легко, но зритель должен не только слышать конечный результат, но и видеть своими глазами, как трудна работа оперного солиста. Таких исполнителей приятно слушать, но смотреть на них не стоит. С Бертоном все обстояло как раз наоборот — читать его отчеты было удовольствием, но слушать рассказы о том, как ему пришлось потрудиться, — сущее мучение. Напрасно я пригласил Рика к себе, нужно было попросить переслать материалы расследования по факсу.

Видимо, задумавшись, я что-то пропустил, потому что обнаружил вдруг, что Бертон молча смотрит на меня и ждет, чтобы я ответил на какую-то его реплику.

— Извини, — сказал я, — задумался. Но ты рассказывай. С Дьяволом — это они неплохо придумали. Надеюсь, ты докопался до истинных, а не выдуманных причин. С них и начинать, преамбулу можешь опустить.

— Похоже, Дин, — с досадой произнес Бертон, — ты сегодня все-таки не в форме. Мне повторить? Слушай внимательно: Бойзена наняли, чтобы он, оказавшись после смерти в Аду, нашел там, вступил в личный контакт и уничтожил Князя Тьмы.

— Ну хорошо. — Я постучал костяшками пальцев по столу, это должно было продемонстрировать Рiku, что я вполне серьезно отношусь к упоминанию о нечистой силе. — Бойзену заказали Дьявола. Замечательно. Кто? И при чем здесь «Христианские паломники»?

— На первый вопрос я ответа не имею, — совершенно серьезно ответил Бертон. — Разумеется, такая информация существует, но, чтобы ее получить, нужно внедрить к «паломникам» человека, дать ему срок — скажем, месяца три, —

чтобы он стал у них полностью своим... Есть у нас такой срок?

— Нет, — механически ответил я. — А второй вопрос?

— Со вторым вопросом как раз все очень просто, ты мог бы и сам догадаться, если бы не впал в транс от одного лишь упоминания Дьявола, — иронически заявил Бертон. — Поскольку Бойзен отправится на тот свет с заданием уничтожить Князя Тьмы, «паломники» намерены добиться, чтобы к нему не была применена смертная казнь. Тогда он останется в этом мире, не сможет выполнить заказ... Понятно, да?

— Гос-с-поди, — произнес я с чувством, — и ради подобного бреда я должен лезть вон из кожи, пытаюсь доказать, что Бойзен не такой негодяй, каким считает его прокурор? А почему, черт побери, «паломникам» нужно, чтобы Бойзен не выполнил заказ — извини, я, конечно, понимаю, что говорю чепуху, но раз уж ты начал, то продолжим линию рассуждения. «Паломники», насколько я понимаю, секта христианская...

— Католическая, — уточнил Бертон.

— Тем более. Дьявол для них — такой же враг, как и для всего, скажем так, прогрессивного человечества. По идее, раз уж они верят в Бога и черта, то должны не противодействовать миссии Бойзена, а помогать, верно?

— Неверно, — отрезал Бертон. — Точнее... Я тоже думал, как ты, когда начал анализировать информацию. Дело вот в чем. «Паломники» — секта фундаменталистская. То есть они полагают, что истинно и непогрешимо каждое слово, сказанное в Библии. Все религии сейчас возвращаются к истокам, и фундаменталисты, скажем, в исламе и иудаизме...

— Пожалуйста, — поморщился я, — не нужно читать мне лекций, я знаю, что такое религиозный фундаментализм. После одиннадцатого сентября это все знают. При чем здесь поход в Иерусалим, о котором говорил основатель секты?

— Взгляды меняются, — философски заметил Рик. — Вторая книга Ревиво существенно отличается от первой, а третья от второй. В конце жизни он — и «паломники», естественно, — пришли к истинному христианскому фундамен-

тализму. Дьявол существует, и не человеку думать о том, как с ним покончить. На все воля Божья. Если кто-то уничтожит Вельзевула...

— То Добро окончательно восторжествует над Злом! — воскликнул я.

— Ты думаешь? Напротив, лишившись своего верного антипода, Бог примет на себя его функции, и тогда нам мало не покажется. Новый всемирный потоп, например... Или ужасное землетрясение... Бойзена нужно остановить — для «паломников» это очевидно. Нельзя допустить, чтобы его казнили.

— Но он же все равно умрет когда-нибудь, пусть даже через полвека!

— Это не будет иметь значения. Если Бойзена казнят за его преступления, он не получит прощения ни на земле, ни на небе, попадет, естественно, в Ад, и там сможет выполнить задание. Если же он умрет своей смертью, то, во-первых, на весах судьбы может оказаться...

— Хватит! — рявкнул я и закашлялся. — Большого бреда я еще не слышал!

— Ну... — протянул Бертон. — Три года назад ты успешно защитил в суде интересы некоего Германа Холдингера, а его дело, между прочим, было не менее бредовым.

— Оно было идиотским, — поправил я. — А это совсем другое определение.

— Как хочешь, — пожал плечами детектив. — Я тебе изложил факты...

— Если это можно назвать фактами... — пробормотал я.

— Я изложил сухие факты, — повторил Бертон. — И если учесть, что отказаться от контракта ты не можешь... Я правильно тебя понял?

— Правильно, — мрачно сказал я. — Ревекка Браун загипнотизировала меня своим взглядом, и я подписал бумагу, которую в иных обстоятельствах...

— Но ты ее подписал, — перебил меня Ричард. — Перед чарами прекрасной Ревекки, кстати, мало кто может устоять. Гипнотическими способностями она не обладает, но в прошлом была замечательным рекламным агентом, и если

бы не подалась к «паломникам», ее ждало бы блестящее профессиональное будущее.

Я встал и принялся ходить по кабинету от стола к окну и обратно, так мне лучше думалось, хотя думать тут было в общем не о чем.

— Какую линию защиты ты выбрал бы на моем месте? — спросил я, перебрав в уме все возможные варианты защитительной речи.

— Я детектив, а не адвокат, — пожал плечами Бертон.

— Какую линию защиты ты выбрал бы на моем месте? — повторил я, остановившись перед Риком и глядя на него сверху вниз.

— По-моему, единственное, что можно сделать, — сказал Бертон, не поднимая взгляда, — это стоять на том, что Бойзен слаб умом, определенные моральные ценности просто недоступны его разуму... Естественно, ни слова о Дьяволе, тем более что мне так и не удалось выяснить, кто поручил это Бойзену и откуда об этом стало известно «паломникам»... Недостатки воспитания, тяжелое детство, не тебе это объяснять. Одиноким волк, загнанный нашей жестокой цивилизацией. Не ведал, что творил.

— Да, — кивнул я. — Стандартный набор, присяжные на него не клюнут.

— Тогда не знаю. Тебе решать.

— Оставь материалы, — сказал я. — Мне нужно подумать.

Мисс Браун позвонила, как только за Бертоном закрылась дверь. Если это не было случайностью, то получалось, что «паломники» знали о проведенном по моему заказу расследовании и — более того — следили за моим агентом, а возможно, даже специально снабдили его информацией, которая была им выгодна.

— Господин адвокат, — несмотря на сугубо официальный стиль построения фразы, голос мисс Браун обволакивал, завлекал, заставлял себя слушать — и не только слушать, он заставлял поступать так, как хотелось этой удивительной женщине, — господин адвокат, могу ли я, как представитель ва-

шего клиента, поинтересоваться, насколько продвинулась работа и готовы ли вы к защите?

— Пока нет, — сказал я. — Я изучаю дело. Должен сказать, что зацепок слишком мало, чтобы надеяться...

— Я убеждена, что вы найдете нужные зацепки, господин адвокат, — перебила меня Ревекка. — Такой человек, как Бойзен, не должен закончить свои дни на электрическом стуле!

— Вы сказали «такой человек», госпожа Браун, — произнес я вкрадчиво. — Вы полагаете, что в прошлом Бойзена есть нечто, чем могла бы воспользоваться защита? Если у вас есть информация, вы обязаны ею со мной поделиться, не так ли?

— Нет, — сказала Ревекка после небольшой паузы. — Мы о прошлом Бойзена не знаем ровно ничего, уверяю вас. Я позвонила, чтобы просить вас заниматься делом Бойзена, а не делом «Христианских паломников». Уверяю вас, изучение биографии нашего руководителя, уважаемого мессира Ревиво, никак вам не поможет в подготовке к выступлению на суде. Я не думаю, что...

Голос Ревекки Браун был пуховым одеялом, в которое хотелось закутаться, спрятаться от мерзостей мира, мне стало тепло, спокойно, голос обтекал меня, как теплая вода, журчал, пел...

— Почему бы нам не пообедать вместе, мисс Браун? — сказал я неожиданно для себя самого. — Наш разговор мы бы продолжили в более удобной обстановке...

— Нет! — твердо произнесла Ревекка. — Разве что... — Она сделала паузу и закончила: — После суда и если вы выиграете процесс. Тогда — да.

Бестия! Теперь ради этого «да» я, пожалуй, действительно готов буду сделать невозможное. Во всяком случае, попытаюсь.

Документы, собранные Бертоном, мало что добавили к той картине, что сложилась в моей голове после его устного доклада. Я и раньше знал, что Бойзен был католиком — мать его приехала в Штаты из Италии, девичья ее фамилия была Минестрони, а отец — Герхард Бойзен — был сыном немца

и француженки, католичество было религией его матери, отец-атеист не мешал жене воспитывать сына так, как учила святая церковь. Что не помешало Бойзену стать убийцей — лишнее свидетельство того, что религиозные догмы, вбиваемые в человека с младенческих лет, часто становятся совершенно формальным признаком его конфессиональной принадлежности, а на мораль влияют куда меньше, чем любой школьный приятель, угостивший дозой героина или таблеткой экстази.

Если бы к Бойзену действительно явился некто и за определенную плату (интересно, однако, каким образом и с кем собирались расплачиваться заказчики?) предложил покончить с Князем Тьмы — как отнесся бы к этому предложению мой подзащитный, чей психологический портрет был мне в общем-то достаточно очевиден?

Пожалуй, Бойзен согласился бы выполнить заказ. Он не очень-то разбирался в теологических тонкостях. С другой стороны, он был католиком и верил — безусловно, искренне — в Ад, Рай и Божественное присутствие. Служа Дьяволу в реальной жизни и скорее всего понимая это, он готовился попасть в Ад, и когда оказалось, что неким поступком он мог заслужить себе вечное блаженство... Я бы на его месте согласился — если бы, конечно, верил во всю эту чепуху.

Любопытно, думал я, перелистывая страницы бертоновской распечатки, каким оружием можно убить Дьявола? И что значит — убить, если он и без того находится в мире мертвых? Можно ли уничтожить Дьявола ножом? Или, точнее, — идеей ножа, нематериальным символом, ведь там, в Аду, одни идеи и символы, в которых путается и мучается душа: символы и идеи для нее наверняка более реальны, чем для меня, нормального живого человека, — настоящий котел с кипящей смолой.

Язычники, хороня своих покойников, клали в могилы их личные вещи — понимая скорее всего, что там, в другом мире, любимые умершие родственники будут пользоваться не самим предметом, а его символической копией. И если в могилу клали нож, то знали (мне так казалось, но я не был знатоком древних религий, да и новейшие тоже не входили в мою компетенцию), что покойник не возьмет с собой этот

металл, насаженный на рукоятку, а будет пользоваться символом ножа, единственно реальным в мире, где материальной реальности не существует.

Символ чего должен был унести с собой Стивен Бойзен? Оказавшись в Аду после казни, он должен был получить оружие, которое, видимо, тогда же теряло в нашем мире свое материальное воплощение. Допустим, в тот момент, когда в камере включается рубильник и на клеммы подается высокое напряжение, где-то (возможно, совсем рядом, если местоположение в пространстве имеет какое-то значение в этом случае) сжигается в плавильной печи острое лезвие или уничтожается автоматическая винтовка, а может, в грудку металла обращается пушка или даже ракета среднего радиуса действия. Почему нет — сейчас как раз проходит процесс утилизации то ли тысячи, то ли двух тысяч ракет с ядерными боеголовками, я читал об этом в газетах, меня не очень все это интересовало, я-то прекрасно понимал, что речь идет о политических играх, и на самом деле ракеты — и уничтоженные, и оставшиеся на боевом дежурстве — никогда не будут пущены в ход, во всяком случае, до тех пор, пока цивилизация не лишится напрочь здорового инстинкта самосохранения.

Я ходил по кабинету от окна к столу и обратно, стало темно, я включил свет и опустил шторы, меня раздражали бликующие огни реклам, я попросил Джемму заказать из «Одеона» ужин и отпустил секретаршу домой, она ушла не сразу, ей хотелось знать, что со мной происходит, а мне не хотелось ей рассказывать, хотя обычно я поступал иначе.

Я должен был прежде всего сам для себя решить — будет моя защита хоть как-то учитывать известные мне сейчас обстоятельства или я должен сосредоточить свое внимание исключительно на положительных качествах личности обвиняемого, на его трудном детстве и плохом воспитании — в общем, на том стандартном наборе средств, к которым присяжные относятся стандартно плохо, поскольку прекрасно знают цену этим так называемым аргументам.

Но если хотя бы косвенно затронуть в суде будущую заградную деятельность Бойзена, процесс неминуемо обратится в фарс, моя репутация окажется погубленной, а

спасти клиента от уготованной ему участи не удастся — это очевидно.

Убедительно говорить можно лишь о том, во что веришь. Или о том, во что могут поверить судья и присяжные.

Оставим Дьявола в стороне. Потом, когда все закончится, я приглашу Ревекку Браун в ресторан, и она, как обещала, пойдет со мной, и уж тогда я попытаюсь не поддаться ее чарам и получить ответы на некоторые вопросы.

Или не получить. Разве это будет иметь какое-то значение, если мы сядем напротив друг друга и посмотрим друг другу в глаза, и я начну тонуть, захлебываться и не захочу выплывать...

Неужели я влюбился в эту женщину?

Я захлопнул досье, выключил компьютер и кондиционер, погасил свет и... остался стоять в темноте кабинета, потому что именно сейчас мысль заполнила не только мой мозг, но и все пространство, и мне не нужно было отвечать самому себе на глупые вопросы, потому что ответы были очевидны и не видеть их я мог лишь при электрическом свете, наводящем тени на все нематериальное, что есть в душе.

Да, черт возьми, мне нужна была Ревекка Браун. Да, да и да. И я не допущу, чтобы Бойзена казнили, потому что иначе мне нечего будет ей сказать, и я не смогу пригласить эту женщину в ресторан, и не смогу утонуть в ее взгляде.

А потом мы поедем ко мне.

Судебное слушание по обвинению Стивена Бойзена в четырех преднамеренных убийствах с отягчающими обстоятельствами началось на второй день после празднования Дня независимости. Погода была дрянь — жаркий влажный ветер дул со стороны Калифорнийского залива, и казалось, что теплые струи переплетались, сталкивались как раз над моей машиной, создавая завихрения и маленькие смерчи; с утра я дважды принимал душ и в суд прибыл не то чтобы с опозданием, но в тот момент, когда порядочные защитники заканчивают последний разговор с обвиняемым, подбадривают его и желают ему — и себе, соответственно — убедительной победы.

Мои пожелания я мог адресовать лишь самому себе — на протяжении двух последних недель Бойзен наотрез отказывался встречаться со мной, хотя и перестал возражать против моего участия в процессе. В комнату заключенных я вошел за пять минут до начала заседания, Бойзен сидел на стульчике, поставленном в углу специально для того, чтобы создать подсудимому максимум неудобств. Рядом подпирали стену два конвоира, демонстративно положив руки на кобуры — впрочем, Бойзен не обращал на эскорт никакого внимания: взгляд его был прикован к какой-то точке на противоположной стене, ничем не отличавшейся от прочих. Он даже не посмотрел в мою сторону и никак не реагировал на мои попытки привлечь внимание; похоже, что мои краткие наставления также прошли мимо его ушей. О чем он думал, что видел, что слышал — для меня так и осталось неизвестным.

В зале я внимательно оглядел ряды зрителей и журналистов. Не так уж много зевак собрал этот процесс, не ожидалось ничего действительно интересного: семейных тайн, экстравагантных откровений, неожиданных разоблачений — того, что обычно привлекает публику и прессу. Тривиальное дело: «Штат Аризона против серийного убийцы».

Я поискал глазами Ревекку Браун, но она, похоже, не собиралась лично следить, как адвокат отрабатывает выплаченный ему аванс. Впрочем, наверняка какой-нибудь представитель «Христианских паломников» находился в зале — возможно, красивый старик с длинным лицом и пышной седой шевелюрой, сидевший в пятом ряду, скрестив руки на тощей груди.

Предварительное чтение отняло много времени, присяжные откровенно скучали, хотя и делали вид, что внимательно слушают секретаря суда, чей скрипучий и монотонный голос, с одной стороны, навевал крепкий сон, но с другой — не позволял заснуть из-за визгливых интонаций, появлявшихся совершенно неожиданно и мгновенно вырывавших слушателя из состояния полудремы. По-моему, Сильверстон делал это специально, чтобы создать в зале нужное напряжение.

До перерыва обвинение успело вызвать только двух свидетелей — оба были полицейскими, обнаружившими тело последней жертвы Бойзена. Показания их были четкими, исчерпывающими, отрететированными, обвинитель довольно кивал, а судья даже не поворачивал головы в мою сторону — по его мнению, у защиты не могло быть к представителям власти никаких каверзных вопросов. У меня их действительно не было, но я все-таки поднялся, когда сержант Цингер собрался покинуть свидетельское место, и спросил, в каком положении находилось тело, можно ли было сделать вывод, что жертва мучилась перед смертью или удар был нанесен таким образом, что смерть наступила мгновенно.

Вопрос, естественно, был немедленно оспорен обвинением, судья протест принял, впервые с начала заседания вперив в меня удивленный взгляд — вопрос и ему показался не относящимся к компетенции данного свидетеля.

Я сказал «вопрос снимается» и сел.

Так мы и тянули резину, пока не объявили перерыв. Я уединился в адвокатской комнате, с Бойзенем мы по-прежнему не обмолвились ни словом, он игнорировал мое присутствие с таким видом, будто сама мысль о возможном помиловании или смягчении приговора казалась ему невыносимой. Не знаю, собирался ли Бойзен сражаться с Дьяволом на том свете, но на этом он, похоже, полагал свои дела законченными.

Мобильник во время заседаний был, естественно, выключен, но первым, кто позвонил мне, как только объявили перерыв, была Ревекка Браун. Голос этой женщины показался мне на этот раз уставшим, не таким пленительным, как прежде, а может, я сам устал и не различал тонкие нюансы, на которые прежде обращал внимание?

— Вы были не очень активны, господин адвокат, не так ли? — сказала госпожа Браун.

— Нет, — согласился я. — Намерен наверстать свое в ходе перекрестных допросов, а до них мы доберемся в лучшем случае дня через три, а то и позже.

— Я бы очень хотела, — помолчав, сказала госпожа Браун, — чтобы вы не относились к вашему подзащитному, как к человеку, которого нужно спасти от казни.

— Да? — пораженно переспросил я. — До сих пор мне казалось, что именно это является моей целью! Вы изменили решение?

— Нет, конечно. Вы просто не поняли меня, уважаемый мэтр Рознер. Человек Бойзен нас не интересует. Он негодяй и заслуживает смертного приговора. Но он является орудием, которым может быть нанесен удар по... Вам уже известно об этом, не буду повторяться. Ваша задача — не спасти Бойзена, а не допустить, чтобы это орудие было пущено в ход. Понимаете? Возможно, если вы будете смотреть на дело с такой стороны, вам окажется легче выбрать нужные аргументы.

— Оригинальный взгляд на взаимоотношения защитника и подзащитного, — иронически сказал я. — Постараюсь так и сделать. Если бы вы находились в зале и помогали мне хотя бы своим взглядом, то я...

Зачем я это сказал? Получилось само собой, язык произнес слова, которые я не собирался говорить.

— К сожалению, — в голосе Ревекки действительно слышалось сожаление, даже больше — грусть, которой я не мог найти объяснения, — я не могу быть рядом с вами. Разве что мысленно. Извините...

Разговор прервался так неожиданно, что мы не успели попрощаться.

Во время перекрестных допросов мне действительно удалось если не склонить чашу весов в руке слепой Фемиды в свою сторону, то, во всяком случае, поколебать уверенность присяжных в том, что дело это ясное, однозначное и сомнений в его квалификации быть не может. Три свидетеля путались в показаниях — происходило это исключительно из-за того, что по складу характера они были не способны сосредоточиться и не нервничать в присутствии судьи, множества юристов, присяжных, да еще и журналистов, записывавших каждое слово и наверняка перевиравших смысл. Я это понимал, и обвинитель это понимал не хуже меня, все мы прекрасно понимали, что в путанице нет никакого реального противоречия, и помощник прокурора Николсон, замешавший своего шефа, пытался донести эту мысль

до сознания присяжных, но тут я, по-моему, отыгрался за пассивность первых дней, и у присяжных наверняка остался некий осадок, ощущение, что в этом деле все-таки есть подводные камни, не выявленные обвинением. Что мне и было нужно.

Бертон явился ко мне поздно вечером, прошел двадцать восьмой день процесса, я был вымотан до предела и вовсе не только необходимостью вытаскивать Бойзена, еще три процесса висели надо мной дамокловым мечом, нужно было готовиться и к ним, причем, должен сказать, там-то дела выглядели куда более благоприятными для защиты, в двух из них — оба были связаны с недоказанными попытками ограблений — я собирался выйти победителем, но изучение материалов требовало времени, возвращался я домой не раньше десяти часов и в тот вечер собирался принять душ, выпить чаю — никогда не пью на ночь крепких напитков, даже если собирается хорошая компания — и отправиться в постель. Визит Рика заставил меня переодеться — наши отношения были вполне приятельскими, но все же я не мог появиться перед гостем в пижаме, будто дядюшка Римус.

— Извини, что вытащил тебя из постели, — сказал Бертон, расположившись перед телевизором. Разговаривая со мной, он продолжал смотреть на экран, где «Реал» теснил к штрафной футболистов «Мадрида», и, по-моему, мозг его работал в это время в двух совершенно независимых режимах — умение, которому я так и не смог научиться. — Есть кое-какой материал, который тебе может пригодиться.

— Давай, — сказал я, тщетно пытаюсь приглушить звук — Бертон немедленно усиливал громкость, не глядя в мою сторону.

— Черт, — воскликнул он, — эти болваны опять проигрывают! Извини, Дин, ты знал, надо полагать, что полиция подозревала Бойзена в том, что Бенджамена Вершбоу он отправил к праотцам по заказу Большого Папы?

— Конечно, — коротко ответил я, морщась от воплей болельщиков — «Реал» забил второй гол и при счете дваноль команды ушли на перерыв. Комментаторы в студии

принялись спорить о том, кто сегодня играл хуже всех, и я все-таки приглушил звук.

— Большой Папа, — продолжал я, наливая гостю рюмку «Наполеона», — был еще тот тип, с его смертью ночная жизнь в нашем городе стала чуть спокойнее. Но Вершбоу Бойзен убил исключительно из любви к искусству. Большой Папа к этому не имел никакого отношения — версия проверялась на стадии предварительного следствия. Хотя Бойзен и Большой Папа действительно были знакомы...

— А ты знаешь, что Большой Папа был ревностным католиком и не упускал случая послушать мессу?

— Конечно, — нетерпеливо сказал я. — Если это все твои новости...

— Я еще не начал, — сказал Бертон, бросив на меня кроткий взгляд. Он всегда так делал, прежде чем ошеломить какой-нибудь неожиданной информацией. — Связи Папы с католической церковью оказались куда более глубокими, чем он старался представить. Не знаю, что известно полиции, и не представляю, как это может помочь тебе в защите Бойзена, но дело в том, что Большой Папа был членом «Опус деи».

— Есть факты? — спросил я. Вряд ли Бертон сумел обнаружить настоящие доказательства, «Опус деи» — тайная папская гвардия — не допускала утечек информации, я не помнил случая, когда «Опус деи» прокололась бы настолько, чтобы это название всплыло в ходе хотя бы одного судебного разбирательства.

— Доказательств нет, конечно, я не Интерпол. — Бертон допил наконец свою рюмку, из которой он цедил мелкими глотками, не отрывая взгляда от экрана, где комментаторы в студии были готовы, похоже, вцепиться друг другу в глотки. — Но вот что удалось обнаружить, когда я работал по связям твоих «Христианских паломников».

Рик полез в боковой карман, вытянул оттуда лазерный диск и протянул его мне.

Я оставил Бертонa досматривать матч и отправился в кабинет. Голова у меня раскалывалась, но я перестал о ней думать, когда начал смотреть материал — здесь были не только

донесения одного из сотрудников Бертона, но и фотокопии кое-каких документов, а также звуковые файлы.

Похоже на то, думал я, переключая изображения и прерывая на полуслове речи свидетелей, чтобы потом послушать их более внимательно, похоже на то, что Большой Папа действительно был связан с этими итальянскими мафиози, именующими себя тайной папской гвардией. У Ватикана были свои интересы — далеко не только теологические — в любой части земного шара. Большой Папа — в миру Доменико Чекетти, хозяин спортивного комплекса «Бернардито» — был сыном итальянского эмигранта, переехавшего в Штаты в начале двадцатых годов. Карьеры он на новой родине не сделал, попадался на мелких мошенничествах и в тюрьме провел больше времени, чем на свободе. Но все-таки успел жениться и наплодить шестерых детей — Доменико был самым младшим и самым талантливым. Во всяком случае, он хорошо усвоил, что с полицией лучше не иметь никаких дел, — и ни разу не попался, хотя я-то знал, сколько раз его хотели прижать и каждый раз отступались, поскольку он либо предоставлял неопровержимое алиби, либо находил нужных свидетелей, а его бухгалтерские книги всегда отличались образцовым порядком, и хотя эксперты из отдела экономических преступлений уверены были в том, что многие счета подтасованы, доказать это им не удалось ни разу.

С Бойзенем Чекетти был знаком — это факт. Что до связей Большого Папы с римскими папистами, то обнаруженные Риком свидетельства все-таки нельзя было считать сколько-нибудь надежными. Может — да, может — нет.

И что? Допустим, нить тянется от Бойзена к Большому Папе, а от него — в «Опус деи». Я понимал, какую логическую цепочку пытался выстроить Бертон. Папская гвардия обычно занимается финансовыми аферами, добывая для казны Ватикана сотни миллионов долларов ежегодно. Но известны случаи, когда паписты выполняли и иные поручения Святого престола. История с Туринской плащаницей, к примеру, — это знают все, участие Ватикана и его заинтересованность в результате экспертиз не особенно и скрывались.

Возможно ли, чтобы идея расправиться с Дьяволом с помощью посланного в Ад убийцы родилась в голове кого-то из папских приближенных или даже в голове самого понтифика? Иоанна Павла Второго я видел на телеэкране, папа не казался мне фанатиком, он поступал разумно, и у меня в голове не укладывалась мысль о том, что Святой престол мог принять в разработке этого нелепого плана хоть какое-нибудь участие.

В конце концов «Опус деи» мог действовать и самостоятельно — это была настолько законспирированная система, что, вполне вероятно, даже папа не знал всех деталей организации, ее планов и возможностей.

Все это притянуто за уши, подумал я. Единственное, что удалось откопать Рикю: в одном из разговоров Чекетти действительно упомянул о том, что без Дьявола мир был бы куда более совершенным. Интересное заявление в устах ответного мошенника.

Я поймал себя на мысли, что всерьез обсуждаю сам с собой идею о том, что Бойзен должен уничтожить Князя Тьмы. Домыслы, домыслы, домыслы... Что мне давала вся эта информация для защиты? Ничего. Будь Большой Папа жив, он вряд ли стал бы давать показания в пользу моего подзащитного.

Я вышел в гостиную и застал Бертон в высшей стадии экстатического транса — «Мадрид» забил третий гол, ребята, должно быть, играли как звери, у меня в глазах рябило от этих красно-желтых, носившихся по полю, как броуновские частицы — и на мой взгляд, с таким же видимым эффектом.

— Неубедительно, — сказал я, отобрал у Бертон пульт и отключил звук.

— Эй, — сказал Рик. — Футбол без звука — все равно что война без разрывов бомб, стонов раненых и воя сирен.

— Как поэтично! — воскликнул я. — Ты полагаешь, что в аду царит такой же гвалт? Наверняка черти носят в ушах затычки или вовсе лишены слуха. Кстати, есть ли действительно у чертей уши? Я что-то не помню.

— Есть, конечно. — Бертон, не отрываясь, смотрел на экран. — Когда ты был в церкви в последний раз? На всех

витражах черти нарисованы с ушами, а у Вельзевула, кажется, уши козлиные. Или хвост?

— Не важно, — отмахнулся я. — Повторяю — неубедительно. Связь Большого Папы с Ватиканом не доказана.

— Больше ничего я тебе представить не могу, — нетерпеливо сказал Бертон. — Обратись в ФБР, они помогут. И в конце концов это ведь вопрос веры, а не логических доказательств. Чего ты от меня хочешь? Чтобы я нашел убедительные аргументы в пользу того, что Бойзен действительно получил задание расправиться с Дьяволом, оказавшись на том свете? Для меня это такая же чушь, как астрология, гадание на картах и лечение по телефону. Я в свое время занимался этими специалистами, все они оказались шарлатанами, и это мне удалось доказать вполне определенно.

— Ну-ну, — пробормотал я и вздрогнул, потому что Бертон неожиданно издал вопль, подобный воплю павлина, и подскочил в кресле, будто его уколола воткнутая в сиденье игла.

— Го-ол! — заорал он и потянулся к пульту с очевидным намерением присоединить общий хор к своему уникальному баритону. Я отодвинул пульт и сказал:

— Хорошо, подойдем практично. Я должен вытащить Бойзена с того света — точнее, не позволить ему туда попасть. Присяжные, кстати говоря, люди религиозные, и потому я не собираюсь, как ты понимаешь, говорить о Дьяволе и Аде. Но, черт возьми, я сам, для себя, не для процесса, хочу докопаться до сути. И еще — если Бойзен действительно намерен расправиться с Дьяволом, то его должны обеспечить оружием. Это звучит дико, но допустим, что мисс Браун права и нашлись такие идиоты, которые... Какое оружие будет Бойзену дано? И как?

— Наверняка что-то нематериальное, — сказал Бертон. — Молитва какая-нибудь, новое изобретение Академии Ватикана.

— Нет-нет, — отмахнулся я. — Ничего нематериального! Ты не уловил сути идеи. Ты понимаешь, что речь идет о радикальнейшем изменении церковной концепции? Потусторонний мир материален, вот что получается, если Бойзену действительно дано задание уничтожить Дьявола. Тот свет

так же материален, как и наш. Просто это некое другое, параллельное, скажем так, существование, которое начинается после того, как умирает наше брненное тело. Вот почему «Христианские паломники» не готовы принять эту концепцию — она противоречит догматам христианской веры!

— О чем ты говоришь? — воскликнул Бертон. Идея, над которой я раздумывал последние дни, не только не приходила ему в голову — даже сейчас, когда я объяснил суть, он не был способен ее воспринять. — Когда человек умирает, в ад или рай отправляется его бессмертная душа, она-то и терпит муки или вкушает блаженство. Душа нематериальна или ты это будешь отрицать?

— Буду, — твердо сказал я. — Именно это я и буду отрицать. Похоже, не только я, но кто-то из церковных деятелей — может, даже сам папа — пришел к такому же выводу.

— Ерунда, — раздраженно сказал Бертон. — Церковь не может говорить ни о чем подобном, это действительно противоречит религиозным догматам.

— Но ведь кто-то нанял Бойзена уничтожить Дьявола! Или согласимся, что твои сведения не стоят ломаного гроша.

Рику пришлось выбирать между собственным профессионализмом и религиозными идеями, к которым он всегда относился без особого почтения. Конечно, он выбрал профессионализм и сказал:

— Это надежные сведения.

— Тогда от них и будем плясать, — кивнул я. — Примо: Князь Тьмы существует, и его можно уничтожить. Секундо: для этого Бойзен должен иметь оружие. Терция: в момент перехода Бойзена в иной мир где-то уничтожается, возможно, целый арсенал.

— Господи, бред какой, — пробормотал Бертон. — Они что, взорвут бомбу, когда Бойзена будут отправлять на тот свет?

— Не взорвут, — поправил я, — а уничтожат. Ну, не знаю... Разломают, что ли... В любом случае, ты ж понимаешь, души у оружия нет, взять с собой дух бомбы душа Бойзена не сможет. Значит, речь идет о материальном аналоге. Что-то вроде закона сохранения. Разрушаем здесь, получаем там. Человек

умирает здесь, появляется там. Дьявол, в таком случае, некий могущественный властитель иной вселенной — назови ее Адом, если угодно.

— А что насчет Рая? Он тоже материален?

— Конечно! Концепция должна быть едина. Параллельные миры. Между ними, как котлета в гамбургере, — мы, наша вселенная.

— Бог, между прочим, всемогущ и всеведущ, — напомнил Бертон. — А у тебя получается, что он — всего лишь главное начальство в параллельном мире. Чем тогда Бог отличается от президента Соединенных Штатов?

— Бог всемогущ — с нашей, достаточно ограниченной, точки зрения. И всеведущ — также по нашим, человеческим меркам. Я не исключаю, что этот материальный Бог, которого ты сравнил с нашим президентом, дал Моисею заповеди на горе Синай — почему нет, если это вполне в его возможностях? Не исключаю, что Иисус также был посланцем из параллельной вселенной. Может, даже в определенной степени сыном Бога. Почему нет? И кстати, тот факт, что Христос перешел в иной мир, прихватив с собой все грехи человечества, свидетельствует о том, что такое возможно.

— А Дьявол? — заинтересованно спросил Бертон.

— Это очевидно! Дьявол — существо из альтернативной вселенной. В конце концов то, что считается правильным, законным, этичным в одном мире, вполне может оказаться неправильным, незаконным и неэтичным — в другом. Иные, понимаешь ли, физические условия, иные законы эволюции... Добро и зло, вообще говоря, амбивалентны. Все зависит от конкретных обстоятельств. Заряд электрона вполне могли назвать положительным, а заряд протона — отрицательным.

— Сравнил! Где протон с электроном, а где добро и зло...

— Какая разница? Это знаковое различие, различие в принятых природных законах. Идея в том, что и наш мир, и оба других — мир добра и мир зла, скажем так — материальны, но мы еще не знаем законов перехода из одного мира в другой, хотя смерть — наверняка один из таких способов...

— «Паломники» — фундаменталисты. И значит, духовная природа Ада и Рая, как и Добра со Злом, для них несомненны, — возразил Бертон.

— Совершенно верно, — сказал я. — Потому они и не хотят, чтобы Бойзена казнили. Для них это все равно что эксперимент по проверке существования Бога. В любом случае — кошунство, ересь, с которой нужно бороться.

— Совершенно бездоказательная концепция, — возмущенно сказал Рик. — У тебя фантазия, похоже, пошла вразнос. Азимов нашелся!

— Не обижайся, Рик, — сказал я примирительно.

— Мне-то не на что обижаться, — пожал плечами Бертон и налил себе коньяка. — Ты платишь из своего гонорара, я на тебя работаю, вот и все. Хотя и не понимаю, зачем тебе эти сведения, если ты не собираешься использовать их в суде.

Я промолчал. Не мог же я сказать Рiku, что интересовали меня не столько «паломники» и не вздорная, как ни крути, идея убийства Дьявола, сколько личность Ревекки Браун. Возможно, я влип, возможно, зря трачу деньги, возможно, нужно было прямо назвать Бертону цель расследования, но я не мог этого сделать. Ревекка смотрела на меня, говорила со мной, но только тогда, когда сама того хотела.

У «паломников», похоже, была приличная служба безопасности, я подозревал это с самого начала — они вычислили Рика, мисс Браун мне дала понять это совершенно определенно. Я не хотел, чтобы она поняла другое...

— Ты получил всю информацию, что заказывал, — сказал Рик. — И ты не можешь сказать, что я зря потратил твои деньги.

— Но ты сделал что-то сверх того, — догадался я, и Бертон кивнул. Господи, неужели он все-таки догадался, кто меня интересует на самом деле?

— Анита Матеуала, — сказал Рик. — Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Нет.

— Можешь себе представить, полиции это имя тоже неизвестно.

— Разумеется, — сказал я, — если бы эта девушка... или женщина?

— Женщина. Мать двоих детей, если быть точным.

— Если бы полиция нашла женщину, имеющую к Бойзену какое-то отношение, ее имя фигурировало бы в деле, и я бы, конечно, его знал.

— Логично. — Бертон потянулся было за пультом, но, встретив мой предостерегающий взгляд, сделал вид, что всего лишь хотел почесать щеку. — Так вот. Анита Матеуала — жена Бойзена. У них двое детей — мальчик и девочка.

— Бойзен — холостяк.

— По документам — да. Однако в его биографии есть лакуна — период примерно в два года, о которых практически ничего не известно. Два года между его демобилизацией из спецназа и первым убийством.

— Бойзен мотался по разным штатам, это есть в деле, — возразил я. — Более точные сведения действительно отсутствуют, но никому эти годы и не были интересны. С законом у него проблем не возникало, в полицейском компьютере данных на Бойзена за те годы нет.

— А в компьютере федеральной службы — есть, — объявил Ричард. — Если бы следственная группа заинтересовалась...

— Что ты обнаружил? Запись о браке? Где это произошло? Когда? И почему эта женщина не появилась на процессе? Ее не интересует судьба мужа? Почему Бойзен ни словом не обмолвился о том, что женат?

— Не все сразу! — Бертон поднял руки. — Анита Матеуала — не гражданка Соединенных Штатов, вот почему полиция не нашла о ней ничего в федеральном банке данных. Она живет в Мексике, небольшой городишко Нуэва-Росита, шестьдесят миль от американской границы. Девять лет назад она нелегально работала посудомойкой в одном из ресторанов Хьюстона, там огромное количество мексиканских рабочих, большая часть находится на территории Соединенных Штатов незаконно...

— Знаю, — прервал я. — Дальше.

— Бойзен, как ты справедливо заметил, в те годы переезжал с места на место. Познакомился с Анитой — подробно-

стей не знаю, но скорее всего обедал в том ресторане, где она работала... Брак зарегистрирован в мэрии Нуэва-Росита. Наверняка в какой-нибудь церкви этого городка можно найти и запись об их венчании — оба они католики, дело вряд ли ограничилось гражданской регистрацией. Эта женщина и сейчас живет в Нуэво-Росита. Бойзен навещал семью два-три раза в год — границу пересекал нелегально в обоих направлениях, поэтому полиции об этом ничего не известно. То есть они бы наверняка раскопали, если бы поинтересовались...

— Да-да, — нетерпеливо сказал я. — У Бойзена есть жена и дети в Мексике. Что это нам дает?

— Тебе решать!

— Жена Бойзена знает, что муж в тюрьме?

— Конечно, об этом пишут в газетах — в мексиканских в том числе.

— И не появилась...

— А как она тут может появиться? Работала нелегально, мужу помочь ничем не может, наверняка жила на деньги, которые он зарабатывал...

— Ты ее видел? Говорил с ней?

— Ты действительно воображаешь, что я способен перевернуть мир? Я польщен. Нет, я ее не видел. Говорил с ней по телефону — минуты три, не больше, она повесила трубку, когда я начал настаивать на ее приезде. Сказала, что все в руках Божьих, и судья примет правильное решение... В общем, в суд ее можно привести только силой.

— Та-ак, — сказал я. — Ну спасибо. Надо будет получить копию записи о регистрации брака...

— Этим сейчас занимается Гарри, возможно, копия уже в моем компьютере. Вернусь в офис — проверю.

— Замечательно! Спасибо, Рик. Когда получишь документ, перешли мне.

— Естественно. Присяжные любят душещипательные истории. Надеюсь, этот мексиканский сериал найдет в их душах активный отклик. А ты перестанешь забивать себе голову идеями о Дьяволе и потустороннем мире.

— Одно не связано с другим, Рик. Жду копию свидетельства. А теперь мне нужно отдохнуть — завтра с утра заседание...

— Понял, — сказал Бертон, вставая.

Он дотянулся наконец до пульта и включил телевизор. На экране забегали, гоняя мяч, красно-зеленые и фиолетовые, шел уже другой матч, и Бертону непременно нужно было увидеть счет в верхнем левом углу. Ноль-ноль. «Атлантик» против «Кардамо баффолз». Мне эти названия ничего не говорили, а Бертон застыл в напряжении, отгородившись от меня локтем, чтобы я не мешал ему вслушиваться в скороговорку комментатора. Трибуны вопили.

— Будешь уходить, защелкни дверь, — сказал я и пошел в спальню. Рик даже не обернулся.

— Защита закончила допрос свидетеля?

— Да, ваша честь, больше вопросов не имею.

— В таком случае объявляю перерыв до четырнадцати часов. После перерыва заслушаем речи обвинителя и защитника.

— Ваша честь, прежде чем суд удалится на перерыв, я хотел бы сделать заявление и приобщить к делу документ, который в нем не фигурирует.

— Протестую, ваша честь! Процесс переходит в заключительную фазу, слушания закончены, никакие, не предъявленные ранее, документы не могут быть приняты во внимание!

— Адвокат, вы слышали протест обвинения. Я могу принять его или отклонить в зависимости от аргументации защиты. О каком документе речь и почему он не был предъявлен суду в предшествовавших заседаниях?

— Дело в том, ваша честь, что подсудимый женат и имеет двоих детей. Это обстоятельство стало известно защите несколько часов назад...

— Прошу сохранять тишину в зале! Адвокат, у вас есть доказательства вашего утверждения?

— Да, ваша честь, вот копия записи в книге регистраций мэрии города Нуэва-Росита, Мексика. Прошу приобщить к делу.

— Если в зале будет продолжаться шум, я прикажу очистить помещение, и процесс продолжится при закрытых дверях!

— Ваша честь, я протестую! Слушания завершены, и никакие вновь открывшиеся обстоятельства...

— Протест отклоняется. Объявляю перерыв до четырнадцати часов. После перерыва суд исследует документ, предъявленный защитой, и вынесет решение о продолжении процесса с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

Ревекка позвонила мне, как только я вышел из зала суда — неужели она все-таки находилась среди зрителей? Как иначе эта женщина могла узнать об изменении в ходе процесса — ни радио, ни телевидение еще ничего не сообщали!

— Спасибо, адвокат, — произнес ее чуть хрипловатый и такой возбуждающий голос. Я крепче прижал к уху телефон, чтобы не упустить ни одного звука. — Вы действительно сделали невозможное. Мы не знали, что Бойзен женат.

— Полагаю, что действительно не знали, — сухо сказал я, стараясь не показать, как мне приятно слышать этот голос. — Иначе было бы непонятно, почему вы не сообщили мне об этом сразу.

— Вы полагаете, — продолжала Ревекка, — этой информации достаточно, чтобы повлиять на решение присяжных?

— Надеюсь, — сказал я. — Извините, здесь такой шум, что я вас почти не слышу. Вы, видимо, где-то рядом? Давайте встретимся и обсудим кое-какие детали. Очень важные.

— С удовольствием, адвокат. После оглашения вердикта, мы же договорились, верно?

— Есть кое-какие идеи...

— Вот тогда мы их и обсудим, — твердо заявила Ревекка Браун и отключила связь прежде, чем я успел вставить слово.

Номер ее телефона был, как обычно, блокирован.

До двух часов оставалось достаточно времени, и я провел его с толком, наводя глянец на собственную речь. Джемма помогала мне и, кажется, как-то комментировала сегодняшнее заседание и мой будущий триумф, в котором она была уверена — слова секретарши пролетали мимо моих

ушей, я все еще слышал — «после оглашения вердикта», «мы же договорились?». Кажется, она сказала «мы непременно встретимся» или это мне только почудилось?

В половине второго я прошел в комнату, где Бойзен сидел, закрыв глаза, на скамье в окружении пяти конвоиров, державших руки на табельном оружии. Он даже не посмотрел в мою сторону, сказал, обращаясь к плафону на потолке:

— За каким чертом вы впутали Аниту? Она не придет.

— Это единственный способ повлиять на решение...

— Лучше бы вы удавились, адвокат, — бросил Бойзен и закрыл глаза.

— Видимо, — сказал я, — после вашей смерти Аните и детям достанется немалая сумма, если вы предпочитаете умереть.

Никакой реакции.

— Я одного не понимаю, — продолжал я. — Вы действительно полагаете, что окажетесь в аду и сделаете то, что вам заказано? Мне это просто интересно — по-человечески. Вы всю жизнь служили Дьяволу и готовы его уничтожить?

Я говорил в пустоту, похоже, что Бойзен меня не только не слушал, но и не слышал.

Я повернулся и вышел.

— Суд внимательно изучил материалы, представленные защитой. Документы приобщены к делу, размножены и переданы присяжным. Суд не считает необходимым откладывать вынесение вердикта по данному делу. Переходим к прениям сторон. Прокурор Иллингворт, пожалуйста, ваше слово...

Присяжные заседали три с половиной часа. Все это время я провел, внимательно вглядываясь в лица людей, заполнивших зал. Женщин было много, Ревекки среди них я не увидел. Может быть, она ушла, не дожидаясь оглашения вердикта? Маловероятно. Она была где-то здесь; возможно, я даже встречался с ней взглядом и не смог распознать? Нет, конечно, если бы наши взгляды встретились, между нами

непрерывно пробежал бы ток, молния, я бы увидел эту вспышку, не мог не увидеть...

Когда присяжные вернулись в зал, Бойзен впервые за несколько часов поднял голову и посмотрел — не на председателя присяжных, державшего в руке лист бумаги, а на меня, и во взгляде этого человека я увидел торжество, фанатическую уверенность в том, что все будет так, как он решил. Он, а не присяжные. Он, а не судья. Он, только он и никто больше. Бойзен распорядился своей судьбой задолго до того, как был арестован, и сейчас ждал лишь, что будет поставлена точка.

— ...на вопрос, виновен ли присутствующий здесь подсудимый, Стивен Фримен Бойзен, в преступлении, согласно предъявленному обвинению...

— Ваша честь, наше единогласное решение: виновен по всем пунктам предъявленных обвинений без смягчающих обстоятельств.

— Ты проиграл дело, — сказал Бертон. Мы сидели вдвоем за столиком в «Валентино», официант только что принял заказ, людей в зале было немного, больше всего мне хотелось сейчас залезть в свою нору, отключить телефоны и заснуть, чтобы забыть наконец взгляд Бойзена. Бертон, однако, настоял на том, чтобы мы поужинали вместе, ему не терпелось обсудить причины поражения, и я не смог отказать. У меня не было сил ни для отказа, ни для согласия с кем бы то ни было.

— Ты проиграл, потому что твоя речь была пресной, как вода в озере Эри, — продолжал Бертон. — Господи, ты угробил такой материал! В прошлом году Энсон при аналогичных обстоятельствах...

— Не рассказывай мне про Энсона, — вяло отмахнулся я. — Там было другое дело.

— Такое же самое! Убийство первой степени. И в последний день открылось, что у подсудимого больная мать, и все деньги, которые он получил как долю в ограблении инкасатора, пошли в уплату за операцию. Присяжные признали это смягчающим обстоятельством — ты помнишь, как Энсон из себя выходил, расписывая бедственное положение...

— Прекрати, — сказал я. — Возможно, я произнес не лучшую речь в жизни.

— Но почему?

— Рик, — сказал я, — что произойдет с нашим миром, если в нем не будет Дьявола?

Бертон закашлялся, и я постучал его по спине.

— Господи, Дин, — пробормотал он, — ты все еще об этом...

— И еще о том, что моя клиентка не захочет меня видеть.

— Эта женщина из «Христианских паломников»?

— Ревекка Браун.

— Дин... Извини, я тебя не понимаю. Когда год назад ты проиграл дело «Штат Аризона против Майкла Камерона», то был на грани депрессии, потому что думал о карьере. Сейчас тебя, похоже, совершенно не заботит, что твоя речь никуда не годилась...

— Я думаю, — пробормотал я. — Мы ведь так и не узнали, какое оружие выбрал Бойзен, чтобы убить Дьявола.

— О Господи, Дин! Ты поверил этой чепухе?

— В это верит Ревекка Браун, моя клиентка, — сказал я. — Ты сам готов был этой чепухе поверить, пока занимался делом. А сейчас ты расслабился, тебя переполняет злость от того, что мы проиграли процесс, и сейчас ты уже ни во что не веришь.

— Ты будешь подавать апелляцию? — перебил меня Бертон.

— В зависимости от того, какой вариант приговора выберет судья. Скорее всего да.

Зазвонил телефон, и я поспешил поднести аппарат к уху.

Это была она, моя клиентка — я ждал, что она позвонит сразу после оглашения вердикта, но госпожа Браун почему-то выдержала паузу, несколько часов я провел в состоянии гроба Магомета — между небом и землей.

— Адвокат, — сказал голос, который даже, будучи искажен различными телефонными фильтрами и беспроводными линиями, казался мне если не ангельским, то наверняка принадлежавшим существу не от мира сего, — я хочу вам сказать, что вы сделали все от вас зависящее...

— Спасибо, — пробормотал я, — но мы все равно проиграли.

— Значит, так было предрешиено, — спокойно сказала Ревекка Браун. — Будем считать, что условия нашего соглашения выполнены полностью.

— Еще не все потеряно. После оглашения приговора — кстати, это будет в ближайший понедельник — мы подадим апелляцию в Верховный суд...

— Нет, — твердо сказала Ревекка, и впервые я услышал в ее голосе металл. — Без апелляций.

— Но этого будут от нас ждать все! — воскликнул я. — Есть определенная процедура, долг адвоката, я не могу пренебрегать...

— Дорогой мэтр Рознер, — сказала Ревекка Браун проникновенным голосом, и у меня голова пошла кругом, — давайте обсудим это завтра вечером, если он у вас свободен. Вы позволите мне пригласить вас на ужин?

— Вы — меня? Я хотел пригласить вас...

— Я пригласила первая, значит, инициатива за мной. Отель «Плаза», розовый зал, семь часов вечера — вас устроит?

— Конечно! — воскликнул я с большим энтузиазмом, чем следовало бы, и сидевший напротив меня Бертон насмешливо поднял брови.

— До завтра, — сказала Ревекка Браун и оставила меня наедине с телефонной пустотой.

— Я так понял, что от апелляции «паломники» отказываются, — сказал Бертон, принимаясь за десерт. — Странный народ, как ты полагаешь? Потратить такие деньги и не идти до конца...

— Они считают, что дошли до конца, — вздохнул я. — Видишь ли, глас народа для них — глас Бога. Народ — это присяжные, а Бог...

— Да, кто для них Бог?

— Об этом мы поговорим завтра с моей клиенткой.

— Ты уверен, что будешь говорить с ней о Боге, а не о том, как продолжить ваши отношения?

Я положил вилку, вытер салфеткой губы и сказал твердо:

— Пожалуйста, Ричард, не нужно касаться вопросов, которые не связаны с нашими совместными делами.

Бертон кивнул:

— Похоже, ты серьезно вляпался, Дин, — сказал он, чуть заметно улыбаясь. — Извини. Если бы я имел возможность поговорить с этой женщиной...

— Но у тебя такой возможности нет, — отрезал я, у меня не было желания развивать эту тему.

Рик покачал головой — наверняка остался при своем мнении, которое меня в тот момент совершенно не интересовало.

Ужин закончился в молчании. Только после того, как мы выкурили по сигаре в курительной комнате, Бертон сказал:

— Еще раз извини, старина. Просто мне стало обидно за тебя...

— Все в порядке, — прервал я. — Не первое наше дело и не последнее.

— А если, — произнес Бертон, поднявшись с кресла, — Бойзену удастся выполнить задание? Он, видишь ли, профессионал. Три года в спецназе, был в Сомали, Панаме...

— Час назад ты спросил меня, верю ли я этой чепухе!

— Однако ты в нее веришь!

— Нет. Но все-таки интересно, какое оружие собирается прихватить с собой Бойзен на тот свет. Проблема в том, что никто не заплатит за это расследование.

— Заранее — никто, — согласился Рик. — А потом? Сведения можно продать...

— Без меня, — сказал я. — И тебе не советую.

Мы пили легкое вино, танцевали, я болтал чепуху, вспоминал анекдоты времен собственной молодости, которые почему-то смешили Ревекку больше, чем шуточки Барри Лена, комика с канала CBS, которые я случайно запомнил и не преминул рассказать. Ревекка смотрела на меня своими серо-зелеными глазами, и мне очень хотелось думать, что она, так же как и я, забыла о связывавшем нас деле, о том, что процесс мы проиграли и что в понедельник судья Арнольд приговорит скорее всего Бойзена к смертной казни.

Без пяти девять у меня в кармане зазвонил телефон, и я мгновенно вернулся из романтической дали в заполненный людьми полутемный зал ресторана.

— Извините, — пробормотал я.

— Адвокат Рознер? Это комиссар полиции Дорсон Эшер, шестнадцатое отделение. У меня неприятная новость. Вы можете говорить?

— Да, — сказал я, прижимая трубку к уху.

— Вы хорошо знали Ричарда Бертона, частное детективное агентство «Бертон»?

— Конечно. Комиссар, что произошло?

— Тогда нам понадобится ваша помощь. Вы можете к нам приехать?

— Что случилось, комиссар?

— Бертон погиб.

— О нет! — воскликнул я и опустился на стул напротив Ревекки, старательно делавшей вид, что ее не интересуют мои профессиональные разговоры.

— Хорошо, комиссар, — сказал я, — буду через полчаса.

— Через полчаса? — спросила Ревекка. — Вы хотите меня покинуть?

— Бертона убили, — вырвалось у меня.

В полицию Ревекка поехала со мной, наотрез отказавшись оставлять меня одного. Мы молчали, но разговор наш продолжался мысленно, Ревекка сидела рядом, изредка поворачивала голову в мою сторону, и я понимал, о чем она в это время думала. Я отвечал на ее невысказанные вопросы и задавал свои, и получал ответы, и почему-то знал, что наш диалог не был игрой моего воображения.

«Может, Бертон покончил с собой?»

«Исключено. Его убили».

«Кто?»

«Тот, кто не хотел, чтобы мы искали оружие Бойзена. Может быть, папская гвардия? У вас, у «паломников», должны быть свои счета с этими людьми».

«Опус деи»? Что у нас с ними общего?»

«Бойзен».

— Бойзен? — сказала Ревекка вслух. Неужели она действительно слышала мои мысли?

— Конечно, — сказал я, заворачивая на стоянку перед полицейским участком. — Это я виноват. Рик хотел поискать оружие... Ну, которым Бойзен собирается убить Дьявола. А я не смог — или не захотел — его отговорить.

Ревекка прерывисто вздохнула.

— Никаких зацепок, адвокат?

— Никаких, комиссар. Последнее дело, по которому Рик... мистер Бертон работал для меня, это дело Бойзена. Вы следили за процессом? Бертон нашел жену Бойзена, представил документы, я заплатил за сведения. Это все. У него ведь были и другие клиенты?

Я посмотрел на комиссара пристальным вопросительным взглядом, который обычно вызывал приступы нервозности у свидетелей на перекрестных допросах. Эшер едва заметно улыбнулся, он-то наверняка знал эти уловки. Но и скрывать ему от меня информацию не было никакого резона.

— Возможно, — сказал он. — Но не документировано. Секретарша Бертон утверждает, что новые заказы не поступали, а по старым работа закончена.

— Эльза очень аккуратная девушка, — вставил я.

— На меня она тоже произвела благоприятное впечатление, — кивнул Эшер.

— Комиссар, это могло быть подстроено? Узкая улица, встречная машина...

— Не похоже. Тормозных следов нет. Бертон ехал со скоростью около сорока миль — вполне допустимо. Возможно, устал. Не справился с управлением и врезался в дерево.

— Неисправность тормозов...

— Это проверяется, эксперты, конечно, разберут машину по винтикам, а патологоанатом определит, пил ли Бертон и принимал ли наркотики.

— Чушь! — сказал я с возмущением.

— Возможно, — согласился комиссар, — я вас потому и позвал, что вы знали Бертон и можете о нем рассказать.

Как вы находили его в последнее время? Был ли он расстроен, в депрессии...

— Вы полагаете...

— Если окажется, что машина в порядке и Бертон был трезв, то единственной разумной версией окажется самоубийство, верно?

— Чушь! — повторил я. — Рик... Бертон обожал жить! Я полностью исключаю самоубийство.

— Так и зафиксируем, — сказал комиссар, но мысль о том, что Рика могли убить, так и не пришла ему в голову.

— Бедняга Бертон, — пробормотал я. — Какая глупая смерть...

И какая глупая эпитафия, подумал я, подписывая протокол допроса.

Ревекка ждала в моей машине. Я молча выехал со стоянки на Седьмую улицу, проскочил на желтый сигнал светофора, промчался по бульвару до проспекта генерала Гранта и, убедившись, что за нами не увязался хвост (не должен был, но кто знает, что пришло в голову Эшеру), свернул к тротуару, остановился и только после этого повернулся к своей спутнице, за все это время, так же как и я, не вымолвившей ни слова.

— Комиссар утверждает, что Рик покончил с собой, — сказал я. — Это чушь. Его убили. Но ведь он еще не успел ничего узнать — это тоже очевидно. Зачем было его убивать, дьявол бы их всех побрал?

— Дин. — Ревекка положила мне на запястье свою тонкую ладонь, и я накрыл ее своей, мне показалось, что женская рука напряглась, но сразу расслабилась, и я погладил ее, и поднял взгляд на лицо этой женщины, я слушал ее слова, а сам представлял, как мы едем ко мне и пьем кофе в гостиной под тихие звуки Вивальди, и как потом медленно направляемся в спальню; в это время Ревекка высвободила свою ладонь, будто почувствовала мое состояние, и иллюзия сразу исчезла. — Дин, не нужно поминать это имя всуе...

— Дьявола? — вскинулся я. — Вроде бы не положено упоминать всуе имя Бога... Не могу себе представить... Рик

хотел выяснить что-нибудь относительно оружия... Я говорю об этом так серьезно, будто...

— Это очень серьезно.

Меня охватило сухое бешенство, я так называю ощущение, когда перестаешь логически оценивать ситуацию и хочется просто дать кому-нибудь в морду, все равно кому, это может быть собеседник, сидящий напротив, женщина, которой я готов был целовать руки, а сейчас...

— Что с вами? — с беспокойством спросила Ревекка; должно быть, что-то все-таки отразилось на моем лице, хотя я умел сдерживать свои эмоции, особенно такие, которые вообще стыдно выставлять напоказ.

— Ничего, — сказал я, переведя дыхание. — Ричард говорил мне, что Бойзен, похоже, по-настоящему любил жену и детей. К сожалению, на присяжных это не произвело впечатления.

Ревекка молча смотрела мне в глаза.

— Наверняка, — медленно сказал я, — Рик первым делом собирался сделать именно этот шаг. Он не успел. Следовательно...

Я замолчал — не хотелось посвящать Ревекку в мои планы, тем более что я и сам не был еще уверен в том, что собирался сделать.

— Если вылететь утренним рейсом, — сказала Ревекка, — мы сможем увидеть Аниту перед обедом и к вечеру вернуться, как вы думаете?

— Мы? — спросил я.

— Я полечу с вами, — решительно заявила Ревекка, и эти слова заставили меня принять решение.

— Нет, — отрезал я. — Вы моя клиентка, а не сотрудник детективного агентства.

— Но ведь и вы не детектив, а адвокат!

— Я полечу один и позвоню вам сразу после возвращения. Если вы дадите мне наконец номер своего телефона.

— Я сама вам позвоню, — сказала Ревекка.

— Позвольте мне подвезти вас до дома...

— Спасибо, — сказала она. — Я возьму такси.

* * *

Я не поехал следом — у меня не было навыков наружного наблюдения, я понимал, что Ревекка скорее всего обнаружит слежку, и мне хотелось избежать неприятного разговора.

В аэропорт я отправился, заехав на полчаса домой — я принял и отправил кое-какую электронную почту и захватил легкий багаж: кейс со сменной рубашкой и бритвенными принадлежностями. Худшие мои опасения оправдавались, и из дома я вышел в отвратительном настроении.

В аэропорту пришлось показать документы, но я купил билет за минуту до окончания регистрации, после меня не оказалось ни одного пассажира, да и слежки никакой я за собой не заметил, хотя на этот счет мог и ошибаться — мне было далеко до опыта Рика, уж он бы точно сказал, есть у меня хвост или все действительно чисто.

Самолет — небольшой DC-9, рассчитанный на полсотни пассажиров — был заполнен менее чем наполовину, в Монтеррей летели в основном бизнесмены и несколько семейных пар, похоже, возвращавшихся домой после посещения детей, обосновавшихся в Штатах. Я надел на глаза повязку и попытался проанализировать обстоятельства.

Я мог ошибаться в главном — гибель Рика могла быть не связана с делом Бойзена. Совпадение во времени? Я не верил в совпадения, но ведь в жизни они действительно происходят, причем значительно чаще, чем нам бы того хотелось. Но для разработки такая версия бесперспективна. Случай не поддается анализу. Значит, примем пока — за невозможностью разработки других версий, — что Рика убрали те, кому нужно было, чтобы Бойзена казнили. Те люди, которые не хотели, чтобы Рик искал оружие.

Правильнее было мне остаться дома, дожидаться оглашения приговора и окончания полицейского расследования по делу о гибели Бертона. Чаще всего бездействие и ожидание приносят больше пользы, чем совершение каких-то далеко не всегда оправданных и, главное, не всегда хорошо продуманных действий.

И что я стану делать с полученной информацией, если Анита даже и захочет со мной разговаривать? Судебный про-

цесс окончен, осужденный давно выразил свою волю, а теперь и мой клиент отказался продолжать борьбу. Все, что мне может сообщить Анита, не повлияет на дальнейшее прохождение приговора — это ясно.

Почему Ревекка хотела отправиться в Мексику вместе со мной? Проиграв процесс, «паломники» наверняка все-таки хотят знать, какое оружие возьмет на тот свет Бойзен. Возможно, они намерены лишить Бойзена этого оружия.

Каким оружием можно уничтожить Дьявола? Академический вопрос. Никакого Князя Тьмы на самом деле не существует, как и Ада, и вообще потустороннего мира. Это очевидно для меня, но у «паломников» иное мнение, и у тех, кто стоял за Бойзенем. Для них Ад реален, и Дьявол реален тоже, и значит, чтобы понять их образ мысли, представить себе их дальнейшие планы и действия, я тоже должен поверить в существование загробной жизни. Поверить так же, как верю в невиновность любого своего подзащитного, не смотря на то что знаю все обстоятельства совершенного им преступления.

Что было известно Аните о планах мужа? На месте Бойзена я не стал бы посвящать женщину в свои дела. Возможно, он так и поступал.

Насколько выгодна Аните смерть мужа, а не его пожизненное пребывание в тюрьме? От федеральных властей госпоже Матеуала в любом случае не достанется ни цента, поскольку имущество Бойзена подлежит конфискации.

Другой вариант: деньги за убийство Дьявола Анита получит от неизвестных лиц в какой-то момент после его казни, и ей это прекрасно известно. Тогда понятно, почему она отказалась участвовать в процессе — она не любила Бойзена, она сотрудиничала с ним... из-за денег? И родила ему двоих детей?

Самолет начал снижение, у меня заложило уши, шея затекла, я понял, что какое-то время дремал, склонив голову на плечо. Я снял с глаз повязку — в салоне горел полный свет, и стюардесса разносила прохладительные напитки.

А если?..

Идиотская мысль. Что, если Бойзен с самого начала — почти десять лет! — делал то, что должно было неминуемо

привести его не просто на скамью подсудимых, но обязательно — на электрический стул? И если Анита с самого начала знала, с кем и почему связался ее супруг...

Самолет коснулся колесами посадочной полосы, побежал, подпрыгивая, я отстегнул привязной ремень, снял с полки кейс и шагнул в проход. Мексиканцы о чем-то громко переговаривались, американцы стояли спокойно, ожидая, когда откроют дверь.

— Не позволите ли пройти? — сказал за моей спиной голос, настолько знакомый, что я его, естественно, не узнал. Я обернулся — Ревекка стояла, прижимая к груди внушительный саквояж, и улыбалась, глядя на мое изумленное лицо.

— Прошу вас, — сказал я и посторонился. — Вы непременно хотите выйти из самолета раньше меня?

— Нет, — сказала она. — Сейчас вы, конечно, скажете, что совершенно не удивлены.

— Я удивлен. Более того — поражен.

— Может, вы поможете мне нести сумку?

— О, конечно! — Я забрал у Ревекки саквояж, оказавшийся не тяжелым, а скорее чересчур объемистым для своего небольшого веса. — Но когда вы успели?.. На регистрации я был последним.

— Я приехала раньше вас, — пояснила Ревекка, продолжая наслаждаться моим — больше наигранным, чем истинным — изумлением. — Я видела, когда вы вошли в зал ожидания и потеряли минут двадцать у касс, я-то купила билет заранее...

— Так вы знали, что... Погодите, Ревекка, вы что же, решили, что я полечу в Мексику, еще не зная о гибели Рика? Мы же с вами не расставались после того, как получили сообщение от комиссара! Как вы могли заранее купить билет?..

— Если бы Бертон был жив, — сказала Ревекка, — то сейчас в Монтеррей летел бы он, вот и все.

— Так вам было все равно с кем... — пробормотал я, не сообразив, что выдаю себя с головой.

— Давайте поговорим об этом в другой раз, — сухо сказала Ревекка и взглядом показала, что пассажиры уже покидают салон и пора нам тоже пробираться к выходу.

Я пропустил Ревекку вперед, мы сошли с трапа и следом за группой пассажиров направились к стоявшему в отдалении зданию аэровокзала. Город располагался на дне довольно глубокой чаши, образованной горами, и мне показалось, что мы с Ревеккой, подобно мухам, попали в липкую и хищную мухоловку, и небо над нами — блеклая плоская крыша, лежавшая на вершинах гор, будто тонкий и полупрозрачный лист бумаги — вот-вот опустится, сомнет нас, и долина между горами превратится в клетку, где мы будем заперты во веки веков.

Почему у меня возникла эта странная и лишенная смысла мысль? Ревекка обернулась в мою сторону, и я, поравнявшись с ней, сказал:

— Может, сразу и отправимся в Нуэва-Росита?

— Естественно, — улыбнулась Ревекка. — Что нам делать в Монтеррее?

Назвать Нуэва-Росита городом мог лишь человек с очень богатым воображением. Деревня, причем достаточно бедная. На арендованной в Монтеррее машине мы добирались до Нуэва-Росита почти час по проселочной дороге, построенной, похоже, лет пятьдесят назад и столько же лет не ремонтированной.

Дом, в котором жила Анита Матеуала с бойзеновскими отпрысками, стоял в отдалении от остальных строений. Два этажа, во дворе плоское строение, похожее на коровник, неплохая подъездная дорога, забор. Детей не было видно, а хозяйка, открыв ворота, не торопилась впускать нас внутрь.

Анита оказалась не такой, какой я ее представлял, — в ней было не меньше двухсот фунтов веса, огромные груди выпирали из платья, будто паста, выдавленная из тюбика. Когда Анита наклонилась, чтобы заглянуть в машину, мне показалось, что грудь ее сейчас отвалится или потянет женщину к земле, как привязанная к шее свинцовая гирия.

— О чем нам разговаривать? — сухо спросила Анита. — Я не хочу иметь с этим никакого дела, слышите? А если здесь появятся репортеры, я на вас, адвокат, подам в суд.

Я вышел из машины, за моей спиной хлопнула вторая дверца — Ревекка не стала дожидаться, пока я подам ей руку.

Взгляд Аниты лишь на мгновение задержался на моей спутнице.

— Можно подумать, — сказал я, — что это не вашему мужу грозит смертный приговор.

— *Mi esposo*, — буркнула Анита. — И чем быстрее его приберет Господь, тем лучше.

— Вы надеетесь, что вашего мужа приберет именно Господь, а не Дьявол? — спросил я.

— Вы ехали из Финикса, чтобы поговорить об этом?

— Может, войдем в дом? — предложил я.

— *Pase*, — сказала Анита.

В гостиной первого этажа стоял огромный телевизор — дюймов сорок, не меньше, показывали новости с выключенным звуком, диктор канала Fox News беседовал с репортером, находившимся в Каире, о чем извещала бегущая строка. Детских голосов не было слышно и в доме, хотя присутствие детей все-таки ощущалось — на полу были разбросаны части несобранного паззла, в углу скучал большой разноцветный мяч, а диван был покрыт флагом футбольного клуба «Мадрид реал» — бедняга Рик болел за эту команду, и цвета ее были мне хорошо знакомы.

Ревекка села в дальнем углу дивана, сдвинув флаг, взглядом показала мне, чтобы я не обращал на нее внимания и вел разговор сам.

— Миссис Бойзен... — начал я.

— Фамилия моего отца — Матеуала, — прервала меня Анита.

— Хорошо, — сказал я, помедлив. — Вы должны понять простую вещь — по решению суда имущество господина Бойзена будет скорее всего конфисковано, и, поскольку ваш брак больше не является тайной, вы останетесь без дома... вообще без ничего.

— Я — гражданка Мексики! — сказала Анита таким тоном, будто мексиканское гражданство освобождало ее от любой ответственности и вообще было высшей наградой после Нобелевской премии.

— Это не имеет значения, — терпеливо объяснил я. — Между Соединенными Штатами и Республикой Мексика существует протокол о выдаче преступников и решении иму-

шественных споров от восемнадцатого октября тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, и согласно этому документу...

Анита не слушала — фраза оказалась слишком длинной, — но суть поняла мгновенно: дом у нее могут отнять.

— *Es imposible!* — заявила она, выпятив грудь так, что тонкая ткань платья натянулась и четко обозначились тугие соски. — Есть завешание. Стив все нам оставил.

— Могу ли я, как адвокат вашего мужа, ознакомиться с этим документом? — поинтересовался я.

— No, — отрезала Анита.

Мы говорили еще полчаса, хотя мне было ясно, что добиться от этой женщины нужной информации не удастся.

— Анита, — сказала неожиданно Ревекка, прервав на полуслове мой монолог о правах, предоставленных законом штата Техас осужденным на смерть. — Все это чепуха, дорогая. А вот если вы не узнаете точное время казни вашего любимого Стива...

Впервые за время нашего разговора я увидел, как эта женщина вскинулась:

— *No faltaba mas!* — воскликнула она. — Об этом сообщают по радио, я знаю! Это показывают по телевидению! Я увижу это!

Она несколько раз повторила «это», прежде чем до меня дошло, что Анита имеет в виду демонстрацию в прямом эфире процесса казни осужденного на смерть преступника. Когда лишали жизни Мак-Колина, это видели миллионы людей, и, на мой взгляд, не было передачи более гнусной — я не понимал, какое удовольствие (именно удовольствие, я точно знаю, я видел этих упырей, наблюдавших за казнью по большому ящику в ресторане на Девятой улице) получают люди, когда на их глазах убивают человека; негодяя, убийцу, но все же не бабочку, не муху, не таракана какого-нибудь. В шестнадцатом веке парижане с полуночи собирались на Гревской площади, чтобы присутствовать при сожжении еретика или повешении вора — но в те времена, возможно, не было других развлечений?

Я всегда был против публичности, я был против и смертной казни как таковой, но изменить закон не в моей власти,

с этим я готов смириться, но как, черт побери, понять жену осужденного, которая ждет не дожидается, когда ЭТО покажут по телевидению в прямом эфире?

— Вы ненавидите мужа? — вырвалось у меня.

— Я люблю Стива! — сказала Анита с таким пылом, что сомневаться в ее искренности мог бы лишь человек, абсолютно чуждый людских страстей.

Я видел, как улыбнулась Ревекка — похоже, она лучше меня понимала чувства этой женщины.

— Вы этого не увидите, — сказала Ревекка. — Прямая передача из тюрьмы будет отменена.

— Но... — растерялась Анита. — No puede ser... Есть же правила.

Она была права — процессуальный кодекс штата Аризона, статья двести шестьдесят третья, предусматривал демонстрацию казни, правда, там была оговорка: «если общественность выразит протест, суд может принять решение, отменяющее демонстрацию». До сих пор общественность таких протестов не выражала.

— У адвоката есть возможность добиться отмены прямой трансляции, — продолжала Ревекка.

У меня не было такой возможности, и я собирался заявить об этом, но промолчал, встретившись с Ревеккой взглядами.

— Вы этого не сделаете... — пробормотала Анита.

— Синьора Матеуала, — сказал я мягко, — почему вам так важно видеть эту ужасную сцену?

— Я... — Анита не знала, что ответить, и я пришел ей на помощь:

— Вам важно знать, в какой именно момент душа вашего мужа расстанется с телом, верно?

— Я не буду смотреть! — закричала Анита, поднимаясь на ноги и гневно наставив на меня палец, будто лично я должен был включить рубильник или ввести ее мужу смертельную дозу яда. — Я увезу детей!

— Не понимаю, — сказал я. — Только что вы говорили...

— Дин, — Ревекка положила мне на ладонь свою руку, — вы еще не поняли, что Анита действительно любит своего Стива? И она не будет смотреть... Смотреть будут другие, по-

тому что нужно точно знать момент... А если передачу отменят, то все сорвется. Верно?

— Si, — кивнула Анита.

— Вы не будете смотреть. Кто же будет? Кто эти люди?

Не так нужно было задавать вопрос, совсем не так. У Ревекки не было ни моего опыта общения с клиентами, ни достаточного терпения. До сих пор мы понемногу приближались к цели, я увел бы разговор в сторону, чтобы ослабить напряжение, а потом вернул в нужное русло... Нельзя иметь дело с дилетантами, сейчас Анита замкнется и ничего больше не скажет.

Анита хмуро посмотрела на Ревекку и одним словом поставила ее на место:

— Siga. Нам не о чем разговаривать.

Ревекка растерянно посмотрела на меня, ожидая моего вмешательства, но я лишь пожал плечами — разговор был безнадежно испорчен, не было смысла продолжать.

— Siga, — повторила Анита.

— Незачем было ехать, — сказал я после долгого молчания. — Она так ничего и не сказала. Правда, теперь у нас с вами больше шансов выжить — мы ничего нового не узнали и, следовательно, не представляем опасности.

— Мы? — горько сказала Ревекка. Она смотрела куда-то в пространство, а я, то и дело к ней оборачиваясь, видел лишь ее профиль и высокую шею над прямым воротником.

Ревекка молчала, я тоже не проронил ни слова, обдумывая шаг за шагом наши поступки — Ревекки и свои собственные — и все больше утверждаясь в мысли, которая теперь казалась мне единственно возможной и объяснявшей все обстоятельства дела. Включая смерть Бертон. Включая и мою собственную смерть, если я сделаю шаг в неверном направлении.

Мы вернулись в Монтеррей поздно вечером и сняли два номера в гостинице «Трокадеро». Мне дали обычный на третьем этаже, а Ревекка потребовала люкс и получила — на пятом. Похоже, она не хотела ни общаться со мной, ни находиться от меня на таком расстоянии, чтобы я мог за-

подозритель с ее стороны желание как-то сблизить наши отношения.

Билеты в Финикс я заказал, как только мы прибыли в Монтеррей, и забрал их у портье, спустившись в холл и ожидая, когда появится Ревекка. Пойти со мной в ресторан она все-таки не отказалась.

Мы заняли столик в дальнем углу; если кто-то захочет подослать к нам — ко мне, если быть точным — наемного убийцу, то лучшее место найти было трудно: я представлял собой прекрасную мишень, если стрелять со стороны входной двери. Я сел так, чтобы пуля, если это действительно произойдет, попала мне в лоб, а не в затылок. Я очень надеялся, что мои страхи беспредметны, но не мог заставить себя не думать о том, что тот же убийца, который расправился с Бертоном, теперь следил за каждым моим движением.

Официант принес кувшин с соком, наполнил бокалы, положил меню.

— Вы правы, Ревекка, — сказал я, — мне следовало бы говорить только о себе.

Ревекка молчала, изучая огромный лист меню, в котором, по-моему, не было ничего интересного, во всяком случае, ничего специфического, говорившего о том, что мы находимся в Мексике, а не в средней руки ресторанчике на Восьмой улице.

Чувствуя себя в какой-то степени свободным от чар, я выпил полный стакан сока и продолжал развивать свою мысль:

— Я представился Аните, она знала, что я защищал в суде ее мужа. Может, даже видела меня по телевизору. А вы не представились. Самым естественным для Аниты было подумать, что я приехал с секретаршей, верно? Но она обращалась к вам, отвечая на мои вопросы. Она ведь уже видела вас, я прав? И потому ко мне отнеслась без доверия, поскольку ваше присутствие не позволяло ей говорить то, что, возможно, она хотела бы или могла сказать. Вы потому и отправились со мной, чтобы не позволить Аните говорить. Вы задали ей вопрос, который задал бы и я, но вы меня опередили и все испортили. Почему, Ревекка?

Она положила лист меню на стол и спросила:

— Наш самолет в восемь двадцать?

— Да, — сказал я, сбившись с мысли. Так всегда с женщинами: выстраиваешь логическую цепочку, а она задает не относящийся к делу вопрос или произносит реплику, которую решительно нечем парировать.

— Мы должны приехать в аэропорт за час до вылета, — сказала Ревекка, глядя поверх моей головы. Мне не хотелось оборачиваться, но, насколько я помнил, там, куда она смотрела, висела картина местного авангардиста, изображавшая, судя по буйству и безумию пятен, то ли Судный день, то ли момент Сотворения мира, а может, оба события сразу.

Она опустила взгляд и посмотрела мне в глаза. Госпожа Браун боялась. Она не просто чего-то боялась, она была в ужасе.

— Что... — сказал я. — Что с вами?

— Сейчас, — проговорила она одними губами, — извините... Мне нужно...

Туалетные комнаты находились — на это я обратил внимание, когда мы вошли в зал — рядом с дверью, которая вела, видимо, в административные помещения: на левой было что-то написано по-испански, на правой изображены традиционные мужчина и женщина. Если Ревекке нужно было в женскую комнату, ей следовало пойти направо и обогнуть первый от стены ряд столиков. Вместо этого она обошла столик, взяла меня под руку и повела к двери — это было самое удивительное, она меня вела, и я шел, ощущая себя в том самом тоннеле, в котором оказываешься, как утверждают, после смерти и где можешь идти только в одном направлении — к свету в далеком конце. Здесь тоже возник свет — точнее, точка притяжения, в направлении которой я только и мог перемещаться, влекомый странной силой, которую не мог определить — вроде бы это была Ревекка, я хотел ей помочь, а в результате она помогала мне достичь чего-то, что совсем недавно было дверью в зал ресторана, а сейчас стало воротами в пылающую бездну: откроешь, ослепнешь от адского пламени и упадешь лицом вперед на шипящую сковороду, где тебя будут поджаривать в масле долгую и не считаемую вечность. Наверно, ужас перед этой возможностью и пылал во взгляде Ревекки, значит, она знала, какой ад

нас ждет, а я еще не понимал, но тогда почему она позвала меня за собой, и почему я пошел, не раздумывая, дошел до двери, потянул ее на себя, Ревекка подтолкнула мою руку, будто хотела, чтобы мы с ней быстрее оказались там, куда я вовсе не торопился попасть, и там, в холле, а может, это был не холл, а чистилище, да, скорее всего это было именно чистилище, нас ждали те самые монстры, ужас перед которыми заставил только что Ревекку подняться со скалы, на которой мы с ней проводили свое лучшее в жизни время, у монстров не оказалось тел, но зато были огромные плотные осязаемые и дурно пахнувшие серой души, окружившие нас и повлекшие за собой в холод и мрак, а вовсе не в кипящую топь, и контраст между ожидаемым и реальным оказался таким неожиданным, что я остановился — вернее сказать, я точно помнил в течение какого-то времени, что хотел остановиться, но земное притяжение почему-то влекло меня не вниз, а вперед, и Ревекка подталкивала меня сзади, я ощущал на своей спине ее теплую ладонь, а потом, в холоде и мраке той неизвестности, куда я шел не по своей воле, ладонь Ревекки становилась все жарче, и мне показалось, что на моей спине тлеет рубашка, отчетливо запахло паленым, но я не сразу потерял сознание, я еще сделал несколько шагов и оказался наконец там, куда меня вела Ревекка — почему-то мелькнула мысль, что это женская туалетная комната, я еще удивился тому, что мне-то делать здесь решительно нечего, но и уйти я уже не мог, потому что вокруг была темнота, окутанная тишиной, как ватным одеялом.

Я перестал видеть, слышать, а потом и чувствовать.

В Аду было жарко, по спине стекал пот, а может, это была кровь, потому что с меня с живого содрали кожу, и мне очень бы не хотелось увидеть сейчас себя в зеркале.

Мысль показалась настолько странной, что я сразу пришел в себя — будто включился, точнее, будто какой-то тумблер перевел в моем сознании искаженную реальность в нормальную.

Я увидел над собой низкий потолок машины, где-то рядом — то ли сзади, то ли впереди, то ли подо мной — урчал мотор, а я лежал на откинутах сиденье и пытался сдержать

неожиданно охвативший меня озноб. Может, трясло не меня, а машину?

Я повернул голову — сначала вправо, потом влево, — мне так хотелось увидеть знакомое лицо и глубокий темный взгляд, но и справа, и слева были стены, не вертикальные, а плавно изгибавшиеся, а сверху был ряд плафонов, и я наконец понял, что нахожусь не в автомобиле, а в небольшом самолете.

Я попытался приподняться на локте, но не сумел и не мог понять почему. Голова была относительно ясной, какие-то облачка дурмана в мозгу еще плавали, то и дело сбивая с мысли, но я мог рассуждать и, конечно, сразу рассудил, что, будучи полным болваном, поддался элементарному внушению, подкрепленному действием химической гадости, подсыпанной мне в бокал с соком, потому что больше никуда ничего, насколько я помнил, Ревекка мне подсыпать не могла.

И значит, мое предположение оказалось правильным. Глупо было, наверно, высказывать его прямо, нужно было дожждаться возвращения в Финикс... Нет, я вспомнил, почему так поторопился рассказать о своих выводах. Мы были с Ревеккой вдвоем, и я рассчитывал на неожиданность, на то, что смогу заставить ее признаться, а потом наводящими вопросами вытащить нужные мне сведения. Это была обычная тактика, с женщинами она почти всегда проходила без каких-либо сложностей, я раз тридцать или больше в своей практике прибегал к этому методу и в судебных заседаниях, во время перекрестных допросов, и в адвокатской комнате, оставшись с обвиняемыми один на один, и у себя в офисе, когда видел, что клиент говорит не то, что думает, и мешает мне делать то, ради чего он же меня и нанял.

С Ревеккой не получилось. Глупо. Гипноз и химия. Куда меня везут? Почему на самолете? В Мексике мы еще или уже в Соединенных Штатах?

— Почему он проснулся? — спросил чей-то голос, я не видел этого человека, мне показалось, что слова рождались в воздухе и вламывались мне в барабанные перепонки, давили на них, стало больно, я замотал головой и раскрыл пошире рот, чтобы уравнять давление.

Что-то укололо меня в левое предплечье, чуть повыше локтя, наверно, это был комар — если бы меня укололи шприцем, я по идее должен был увидеть руку, а я не видел ничего, кроме стенки, покрытой серым пластиком.

Укус произвел именно такое действие, на какое, видимо, рассчитывали те, кто впустил комара в салон самолета. В голове у меня поплыли серые облачка, гул моторов оказался тиной, которая быстро меня засосала и сомкнулась надо мной, и я поплыл в глубине куда-то, будто самолет стал подводной лодкой, и мы утонули вместе — я внутри, а он снаружи, и оба в придуманном мире, из которого невозможно выбраться...

Я очень боялся последствий. Конечно, мне вкололи наркотик и получили результат, на который рассчитывали, но это никогда не проходит бесследно для жертвы, уж мне ли не знать, минимум четыре раза я вел в суде (и трижды выигрывал) дела о насильственных действиях с применением наркотических препаратов. Мне было очень жаль жертв — все для них вроде бы закончилось благополучно, но только по видимости, внутренне это были уже навсегда покалеченные люди с измененной психикой, и больше всего я не хотел стать одним из таких. А то, что предала меня именно Ревекка, казалось верхом человеческого — точнее, женского — вероломства.

В себя я пришел достаточно быстро — была темнота, а потом я открыл глаза и увидел, что лежу в небольшой комнате на широком диване. Я помнил все, и именно потому сразу начал бояться, что ясность мысли — это всего лишь обман сознания, а обстановка комнаты — стены, покрашенные в светло-зеленый цвет, занавешенное синей шторой окно — мне мерещится, потому что по идее после случившегося я должен был прийти в себя с тяжелой головой и заторможенным мышлением.

Где-то за моей головой хлопнула дверь, и знакомый голос произнес:

— О, вы проснулись, Дин? Хотите, я принесу кофе?

Я сел и увидел стоявшую в дверях Ревекку. На ней было легкое открытое платье до колен, а волосы она стянула ре-

зинкой и выглядела так соблазнительно, что я встал, подошел, обнял ее и потянулся, чтобы поцеловать в губы. Ревекка увернулась от поцелуя, но не сделала попытки вырваться из моих объятий. Так мы и стояли некоторое время — я вдыхал наркотический аромат ее волос, а она медленно водила ладонями по моей спине.

— Очень хочу кофе, — сказал я наконец. — Если в нем не будет отравы.

— Не будет, — улыбнулась Ревекка. — Уверю тебя, Дин, с тобой не могло случиться ничего дурного. И не случится.

— Да? — сказал я, вложив в это короткое слово все свои сомнения.

— Да, — твердо произнесла Ревекка. — Оденься, а я пока займусь едой.

Только тогда я обратил внимание на то, что стоял посреди комнаты в одних трусах. Одежда была аккуратно сложена на стуле, а туфли стояли рядом с диваном. Ревекка вышла, я оделся, и несколько минут спустя мы сидели за столом, пили кофе, и Ревекка говорила быстро, не позволяя мне вставить ни слова.

— Они бы тебя убили, это точно. А что мне оставалось делать? Я не могла этого допустить. Пожалуйста, не спрашивай — почему. Я все время об этом думаю и не могу сама себе объяснить, почему поступила так, а не иначе... Нам важно было знать, что произойдет, если не удастся спасти Бойзена от казни. Кто предполагал, что у него есть жена? Бертон ее нашел, и у нас возникло подозрение... А когда Бертон погиб, подозрение превратилось в уверенность. Я не могла не поехать с тобой — это был шанс узнать... Понимаешь? Против нас действует сильная организация. Нас могли убить — тебя и меня, — и нужно было...

Я допил кофе, поставил чашку на стол и сказал, повысив голос, чтобы быть услышанным:

— Стоп. Давай сначала. Где мы находимся? Могу я уйти? Просто встать и уйти — или за дверью стоит охранник с пистолетом?

— Да, — сказала Ревекка. — Именно охранник. Находимся мы в Финиксе. И ты, конечно, отсюда выйдешь — в тот день, когда Бойзена казнят.

— Понятно, — протянул я. — Все это время ты будешь со мной?

Ревекка кивнула.

— Значит, нам посчастливится провести вместе много месяцев. Может, год или два. Адвокат Бойзена исчезает при странных обстоятельствах. Ведется расследование. Назначается новый защитник. В течение этого времени судья оттягивает вынесение приговора. Допустим, это займет месяц. Новый адвокат подает апелляцию. Рассмотрение апелляции — месяцев пять, но скорее около года. Апелляцию, конечно, отклонят, но тогда будет послано прошение о помиловании на имя президента. Кстати, через год выборы, новый президент не сразу займется уголовными делами... Ты знаешь, что Мак-Кензи просидел в тюрьме восемь лет после приговора? Господи, а моя практика? От карьеры не останется даже обломков. Кто будет оплачивать мои счета и кто будет вести дела, которые я уже начал? Все к черту, вся жизнь, ты понимаешь, и только ради удовольствия провести с тобой это время? Ты что, действительно не выйдешь из этой комнаты еще десять лет?

Я и не заметил, как голос мой стал визгливым, будто вопль павлина, пальцы судорожно сжали чашку, и я почувствовал, что сейчас раздавлю ее и пораню ладонь, и кровь потечет по пальцам...

— Прекрати истерику, — спокойно сказала Ревекка. — Я думала, что ты умеешь держать себя в руках.

— Это все наркотик, — пробормотал я.

— Чепуха, — отрезала Ревекка. — Обычное снотворное.

Возможно, так и было. Во всяком случае, чувствовал я себя действительно выпавшимся — и только.

— И проводить месяцы в моем обществе тебе тоже не придется.

— Жаль, — вставил я.

— Не уверена, — усомнилась Ревекка. — Приговор уже вынесен. А апелляции не будет.

— Погоди, — забеспокоился я. — Какое сегодня число? Я проспал несколько месяцев?

— Ты сам понимаешь, что это глупости, — рассердилась Ревекка. — Сегодня понедельник. Полдень. По телевизору

час назад сказали в новостях, что судья Арнольд вынес приговор по делу Бойзена. Убийства первой степени без смягчающих обстоятельств. Смертная казнь.

— Но я... Меня не ищут?

Должно быть, в моем голосе изумления оказалось даже больше, чем я вложил в эту фразу.

— Нет, — сказала Ревекка, — не ищут. И не собираются.

— Этого быть не может!

— Комиссар полиции и судья получили подписанные тобой письма, в которых ты сообщаем, что отправляешься по делам в Южную Америку, от подачи апелляции отказываешься по желанию клиента — и это соответствует действительности, — вернешься через пару недель, не мне тебе рассказывать, что в ближайшее время нет судебных заседаний, требующих твоего присутствия.

— Я сам подписал эти письма?

— Не я же! Подпись твоя, это подтвердит любая экспертиза. Но кто ее станет проводить? Зачем?

— Я вылетел не в Южную Америку, а в Мексику!

— Верно, а из Монтеррея ты полетел в Сан-Паулу, есть билет, багаж зарегистрирован, в самолет ты вошел и в Сан-Паулу его покинул.

Я встал, подошел к окну и поднял штору. Я думал, что стекла окажутся поляризованными и непрозрачными, но ошибся в который уже раз — с высоты примерно десятого этажа улицы внизу казались фотографиями, сделанными с борта самолета. Дом стоял рядом со строительной площадкой, которую я сразу узнал — здесь второй год велось сооружение двадцатипятиэтажного здания Торгово-промышленного центра, и значит, комната, в которой мы с Ревеккой сейчас пили кофе, находилась в «Марк-Сити», где я бывал сотни раз, но никогда не поднимался выше четвертого этажа, там находились офисы нескольких адвокатских фирм, с хозяевами которых у меня были если не дружеские, то вполне нормальные рабочие отношения. А на первых двух этажах располагались торговый центр «Респект» и рестораны — в «Респекте» я купил рубашку, которая сейчас была на мне, а в одном из ресторанов несколько раз ужинал с Элис еще в те дни, когда у нас с ней все было в порядке.

— У тебя нормальный инстинкт самосохранения, — сказала Ревекка за моей спиной, — и ты не станешь выбрасываться из окна.

— Нет, — буркнул я и опустил штору. — Я вообще недолюбливаю высоту.

Телефона в комнате, естественно, не оказалось. Телевизор, висевший напротив дивана на кронштейне, не работал. Мой мобильник исчез, чего, конечно, следовало ожидать. Ванная была отделана зеленым кафелем, что, видимо, должно было успокаивать нервы. Из ванной я прошел в короткую и узкую прихожую, где нашел дверцу встроенного одежного шкафа, внутри на плечиках висел мой пиджак и несколько рубашек на смену. Я распахнул дверь, которая по идее должна была вести в коридор на этаже, но обнаружил лишь небольшой тамбур, освещенный единственной висевшей под потолком люминесцентной лампой. В тамбуре сидел на стуле огромный, как гризли, афроамериканец, мило мне улыбнувшийся и кивнувший курчавой головой. Возможно, у него было оружие. Возможно — нет, я не заметил. Не заметил я и какой-либо двери, выхода куда бы то ни было. Возможно, выхода действительно не было. Во всяком случае, для меня.

Я вернулся в комнату, сел на диван и сказал:

— Скоро мне захочется есть, в полдень у меня всегда разыгрывается аппетит. Не знаю, как и кто доставит сюда еду, но прежде я бы хотел покончить с делами, чтобы потом к ним не возвращаться. Садись сюда, я не люблю разговаривать, когда смотрю на собеседника снизу вверх.

Я похлопал по дивану рядом с собой, и Ревекка села, колени ее коснулись моих, по телу пробежала сладкая дрожь, это было попросту глупо — мало ли было женских колен на моем веку, а к Ревекке я сейчас испытывал странное чувство, не имевшее ничего общего с тем вожделением, которое на самом деле было наваждением, навязанным мне этой женщиной, наверняка обладавшей даром внушения.

— Ты меня обманула, — сказал я осуждающе. — Ты говорила, что вы, то есть «Христианские паломники», не хотите, чтобы Бойзена казнили, потому что... Черт, не стану я

пересказывать тебе твои же слова! Меня и наняли, чтобы приговор оказался достаточно мягким. Я проиграл дело, а вы... Где логика?

— Ты слишком хороший человек, Дин, чтобы поступить с тобой так, как они собирались.

— Ах, — сказал я. — Теперь понятно.

— Ничего тебе не понятно, — рассердилась Ревекка. — Ты должен был довести Бойзена до электрического стула. При этом сделав все возможное, чтобы его спасти. А ты поручил Бертону собирать информацию не о Бойзене, что было бы логично, а о нашей организации.

— Я всегда поступаю нестандартно, — сухо сказал я. — Если вы меня нанимали, то должны были изучить мою биографию.

— Изучили, — вздохнула Ревекка. — Ты — единственный адвокат в коллегии Финикса, не посещающий церковь и абсолютно не религиозный. Это очень важно, и выбор, по сути, отсутствовал. В процессе не должно было возникнуть никаких религиозных моментов, а они бы непременно появились, будь у Бойзена адвокатом хотя бы тот же мэтр Деббинс. Если бы Бертон не нашел Аниту, все было бы в порядке.

— Но мы так и не узнали, где находится оружие, которое...

Я прикусил язык. Господи, подумал я, надо было оказаться таким слепым! Ферма. Коров разводят. Как же. Я смотрел на Аниту, а рядом стояла Ревекка, и ее взгляд, как обычно, лишал меня воображения. Постройка, стоявшая рядом с домом, не могла быть коровником — не бывает таких коровников, высоких, бетонированных, похожих на цех завода. И подъездная дорога слишком хороша для мексиканской фермы. И ворота с электронной сигнализацией. Наверняка там, кроме Аниты, было несколько человек, внимательно следивших за нами и готовых в любую минуту...

Господи, ну и сделали бы это, кто им мог помешать, если жертва явилась сама и готова была отправиться к праотцам?

Должно быть, и понимание, и страх, и вопрос отразились на моем лице — плохо, если так, значит, кроме всего

прочего, я еще и квалификацию терял стремительно, — Ревекка похлопала меня по колену и сказала:

— Дорогой, ты, наверно, думаешь, что я Медуза Горгона и загипнотизировала тебя до смерти?

— Конечно, — согласился я.

— Хорошо бы, — протянула она. — Но нет у меня таких способностей. Нет и не было. Когда я вошла в твой кабинет, у меня было одно желание — договориться, дать тебе на подпись контракт и уйти. А получилось...

Она протянула руку, провела по моей небритой щеке, и мне стало стыдно — судя по щетине, не брился я дня два, а если верить Ревекке, прошло не больше суток, я перестал правильно оценивать время, что-то сдвинулось в моем организме, но сейчас, что бы ни говорила Ревекка, я понимал только одно — она здесь, рядом, и ничто не мешает мне — бородат я или чисто выбрит, голоден или сыт — сделать то, что мне так хотелось вот уже который месяц. Кто мог помешать? Охранник за дверью?

Я поцеловал Ревекку, и мне показалось, что целовал я всех женщин, какие были и еще будут в моей жизни, а потом я что-то бормотал и пытался Ревекку раздеть, но ничего не получалось, она помогла мне, и что-то произошло, я не знаю, что это было, но время и пространство изменились, и изменились масштабы, и возникла новая вселенная, в которой не было ни звезд, ни планет, ни тяжести, ни боли, ни Бойзена, ни самого Дьявола, ни даже Бога. Ничего, кроме ощущения, которое я не берусь описать, потому что, во-первых, у меня не хватит для этого слов, а во-вторых, потому что все это никого не касается, в созданной мной вселенной мы с Ревеккой были вдвоем, и то, что между нами происходило — со всеми бесстыдствами, нежностью, грубостью, напором, грязью и чистотой, — осталось с нами и только с нами.

И все об этом.

Ночью я курил, голова Ревекки лежала на моем плече, за окном — я поднял штору, впустив старый мир в нашу новую реальность — мигали, бежали и летели огни реклам, звуки снаружи не проникали, и я слышал тихое дыхание, так и не

поняв, кто дышит — я или Ревекка, или мы оба, и дыхание у нас было одно на двоих, один ритм, одна жизнь.

— Бог, — сказал я, — не мог допустить того, что происходит.

— Что? — пробормотала Ревекка.

— Я пытаюсь, — объяснил я, — рассуждать так, будто Дьявол действительно существует в потустороннем мире и будто его действительно может уничтожить наемный убийца, если снабдить его оружием, которое отправится за ним на тот свет... Раньше я в это не верил, и сейчас тоже, извини... Но допустим. Есть разные гипотезы о Вселенной, и в них должна быть внутренняя логика, верно?

— Внутренняя логика, да, — сказала Ревекка, — конечно.

— Тогда объясни. Есть Дьявол, которого нужно убить. Значит, есть и Бог, который создал наш мир и этого Дьявола в том числе?

— Конечно, — сказала Ревекка, — Бог. Он все видит, он знает, что мы сейчас вдвоем, и он говорит: вот хорошо весьма.

В этом она, конечно, была права, но я не позволил ей сбить себя с мысли.

— Неужели, — сказал я, — Бог, если он действительно хочет избавить мир от зла, не в состоянии сделать это сам? Я знаю, что в иудейской религии, например, Сатана находится в подчинении у Бога и не совершает ничего без Господнего соизволения. Сатана нужен Богу так же, как Земле нужен восход солнца, как женщине нужна любовь, а мужчине — дело и женщина. Человек, и все живое, и все неживое тоже могут существовать и развиваться только в мире противоречий. Если есть добро, то должно быть зло. Дьявола нельзя убить, потому что тогда и добро исчезнет. Если у электричества убрать минус, то и плюса не станет, и самого электричества тоже, движение электронов прекратится и все остановится.

— Вот и мы говорим то же самое. Нельзя допустить, что...

— Прекрати, пожалуйста! — резко сказал я. — Нет никакой другой организации, которая наняла Бойзена уничтожить Дьявола. Нет и не было. Все это вы — «паломники», ваша идея, ваша работа, ваш расчет.

Ревекка пошевелилась в темноте, но не произнесла ни слова. Может, ей нечего было сказать. А может, просто не было смысла говорить.

— Я говорю о ваших богословах, у вас есть умные люди, которые обсуждали эту проблему... И не поняли, что Дьявола нельзя убить, потому что это против Божьей воли? А если это против Божьей воли, то Бог не допустит, чтобы Сатана исчез, и значит, его невозможно уничтожить, и тогда я не понимаю, почему ваши богословы...

— Ты никак не можешь закончить фразу, — сказала Ревекка, приподнявшись. — Скажи просто: не верю.

— Не верю, — сказал я.

— Не важно, — сказала Ревекка. — В царство небесное попадают и неверующие. Верит человек или нет — не имеет значения. Важно, как он поступает в жизни. Негодяй он или праведник. Он может думать, что хорошим его сделало воспитание, а не вера. Он может думать, что убивать его направил не Дьявол, погубивший душу, а бедность или наследственность. Думать вообще можно все что угодно. Но от того, что казнят преступника, убившего четырех человек, и где-то в то же время уничтожат какое-то оружие... Это будет торжеством правосудия, верно? Того правосудия, которому ты служишь.

— Правосудию? — пробормотал я, даже не стараясь вложить в это слово всегда посещавшие меня сомнения.

— А если, — продолжала Ревекка, — Бойзену удастся то, для чего он умрет на электрическом стуле или от смертельной дозы яда... Станет хорошо всем, и тебе тоже, и мне. Мир станет лучше. Ты хочешь, чтобы мир стал лучше?

— Хочу, — сказал я. — Но Дьявола невозможно убить. Во-первых, он бессмертен. Во-вторых, нематериален. Идея. Концепция.

Ревекка придвинулась ко мне ближе, шептала мне в ухо, видимо, не хотела, чтобы нас услышал Дьявол и обиделся, пока существует, на мои слова.

— Во-первых, — прошептала она, — бессмертна лишь душа. Где ты читал о бессмертии Князя Тьмы? Во-вторых, с чего ты взял, что невозможно уничтожить концепцию? Мало ли концепций, идей погибло в нашем мире? Откуда ты мо-

жешь знать, сколько идей в то же время исчезло в высших мирах? Мы знаем, что Дьявол существует, потому что каждый день, каждую минуту видим, ощущаем на себе результат его деятельности. Он искушает, направляет, насыщает, подавляет, из-за него люди убивают, насилуют, воруют...

— Не было бы Дьявола, — сказал я, — то и заповедей не было бы тоже? Не убий, не укради, не прелюбодействуй...

— Конечно! Дьявол появился раньше, чем Творец создал человека, — иначе как бы он искушал Еву в райском саду? Не было бы Дьявола, мы так бы и жили среди куш и вечного счастья...

— Ты действительно в это веришь? — поразился я, и Ревекка оставила вопрос без внимания.

— Моисей получил бы на горе Синай не десять заповедей, а всего три, — сказала Ревекка.

— Если все так просто, — сказал я, — почему раньше никому в голову не приходило...

— Когда? В Средние века? Чем мог тогдашний Бойзен уничтожить Князя Тьмы? Выстрелом из арбалета? Или позднее — из пулемета в Дьявола целиться? Уничтожение должно быть полным — на атомы...

— Атомы в потустороннем мире? — поймал я Ревекку на очевидном противоречии.

— Не изображай себя глупее, чем ты есть, — рассердилась она. — Конечно, там нет материальных атомов. Но всякая концепция, идея, сущность состоит из элементов, у всего есть первооснова. Математика, например, — здание, построенное в строго определенном порядке из теорем, покоящихся на аксиомах. И если разнести это здание на кирпичики-теоремы, разорвать связи... Что останется от математики? Ничего.

Любопытное сравнение, подумал я, Дьявол и математика... Что-то показалось мне... нет, не сомнительным, как раз наоборот, очень существенным, принципиально важным, но мысль промелькнула и сгинула, и я спросил:

— Как же вы узнаете, что Бойзену удалось?..

— Но это понятно, — проговорила Ревекка с удивлением. — Зло исчезнет. В тот момент, когда не станет Дьявола, исчезнет зло в мире.

— И все возлюбят ближнего, как самого себя...

— Конечно, — убежденно сказала Ревекка, и я понял, что спорить бессмысленно. Я и не хотел спорить. Блажен, кто верует.

Но если через месяц в мире прекратятся убийства... Если афроамериканцы в Бронксе перестанут обкуриваться и ждать в темных углах случайных прохожих... Последние грабители забудут о своих планах и начнут ломиться на концерт в «Мэдисон сквер гарден»... В Боснии прекратят стрелять, в Северной Ирландии — подкладывать бомбы, в Израиле — взрывать автобусы, в Шри-Ланке и Алжире — вырезать целые деревни, в Чечне — отрубать головы пленникам... Если подлецы перестанут творить свои мелкие пакости — пусть не покаются, просто перестанут...

Смерть останется, потому что жизнь конечна, и останутся катастрофы — природные и техногенные, — землетрясения, наводнения, взрывы в шахтах, и самолеты будут падать, поезда — сходить с рельсов, машины — срывать с дороги в кювет и переворачиваться, проламывая водителям грудные клетки, но все равно это будет другой мир, я не верил, что это возможно, это невозможно, но как хорошо человеку, который в это верит, и к тому же...

Что, если и природные катастрофы, и техногенные аварии — тоже козни Дьявола и происходят при его личном участии, по его планам, которые противоположны планам Творца: неужели, создавая горы, Он создавал и камнепады, а создав Землю, Он сам и покарал ее землетрясениями?

Если Бойзен уничтожит Дьявола, результат я увижу своими глазами.

Все увидят.

Что ж, тогда я поверю в Бога. Только в Бога, потому что Дьявола уже не будет.

Ревекка спала на моем плече, и в нашем с ней мире не было зла.

Бугаи, сторожившие нас с Ревеккой (мне почему-то хотелось думать, что и Ревекку нужно сторожить, чтобы она не сбежала вместе со мной), сменялись каждые шесть часов. Установить это было легко, но информация ничем не могла

помочь — разве что выяснить, каковы финансовые возможности организации, позволяющей себе нанимать столько народа для охраны безоружного адвоката.

Контактов с внешним миром — кроме замечательного вида из окна — у меня не было, Ревекка на вопросы не отвечала, да, собственно, она и сама скорее всего не знала ничего о том, что происходило за окнами, поскольку из номера не выходила, все время мы проводили вместе, однажды даже вместе отправились в туалет, и безумная легкость нашего поступка дошла до нас лишь тогда, когда мы одновременно потянули на себя ручку двери. Ревекка рассмеялась, поцеловала меня в щеку и сказала:

— Если есть на свете две половинки одного целого, то это мы с тобой, ты не находишь, милый? Ты ведь об этом подумал в тот момент, когда впервые увидел меня в своем офисе?

— Иди, женщина, — мрачно сказал я, — я подожду, мне не к спеху.

Однажды ночью я проснулся и не обнаружил Ревекку рядом с собой. «Конечно, — подумал я, — нужно же ей докладывать своему начальству. Наверно, и в прежние ночи она дожидалась, пока я усну, а может, в мое питье она что-то подсыпала, чтобы спал я крепко, я ведь действительно в последнее время сплю, как сурок, хотя вроде не должен бы...»

Я встал и тихо, как только мог, прошел в темноте к двери на лестницу. С той стороны не доносилось ни звука, но у меня так и не хватило решимости посмотреть, на месте ли охранник. Наверняка на месте, и единственное, чего добьюсь, — увеличения дозы снотворного в моем вечернем питье.

Я обернулся на легкий шорох и увидел у окна, выходявшего в сторону стройплощадки Торгового центра, знакомую тень. Ревекка прислонилась лбом к стеклу, смотрела вниз, на улицы, освещенные рекламами, она набросила на себя простыню и в темноте выглядела призраком, до которого тем не менее хотелось дотронуться, что я и сделал, прошептав ей на ухо:

— Я подумал, что ты меня бросила...

— Не спится, — сказала Ревекка. — Утром должны казнить Бойзена.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Неужели она все-таки выходила, пока я спал?

— Знаю, — сказала Ревекка.

Я открыл было рот, чтобы высказать пришедшую в голову мысль, но промолчал и прижался лбом к оконному стеклу, чтобы даже в полумраке Ревекка не увидела выражения моего лица. «Неужели? — подумал я и сам себе ответил вопросом на вопрос: — А разве есть другой вариант решения?»

Мы постояли у окна еще несколько минут, а потом вернулись в постель, и до утра сон не шел, мы лежали и разговаривали, я чувствовал себя не адвокатом, а подзащитным, Ревекка расспрашивала меня о жизни, я неожиданно разговаривался и, будто на исповеди, выложил все, даже о собственном предательстве рассказал, о том, как бросил Элис на третьем месяце беременности, это было давно, я учился на юриста и семейные сложности были ни к чему, но все равно мне еще долго оставалось не по себе, я знал, как пришлось страдать Элис, и хотел помочь, но у меня не было лишних денег, я с трудом самого себя содержал, легче стало на четвертом курсе, когда мне присудили за отличную учебу стипендию имени Брегсона, я попытался найти Элис — у нее давно уже должен был родиться ребенок и моя помощь ей не помешала бы, — но мне это так и не удалось: из Финикса она уехала, не оставив адреса, а задействовать свои уже довольно обширные знакомства я не решился; я мог найти Элис потом, когда стал адвокатом, и тем более — когда на меня начал работать Бертон, для которого поиск пропавших был рутинным делом. Почему я и потом не стал искать Элис? На этот вопрос я много раз отвечал по-разному. Сначала была Кэт и наша неудавшаяся женитьба, и наш сын Чарли, которого я уже не бросил, а впоследствии, когда мы с Кэт разошлись, помогал деньгами — только деньгами, потому что, уехав в Сиэтл, моя бывшая жена лишила нас с сыном возможности нормального общения. Было много коротких романов, не оставивших следа в душе, но и времени для поиска Элис — так мне казалось — не оставивших тоже.

Как бы то ни было, то, что я сделал, было злом, тем более с точки зрения таких наверняка жестких моралистов, как «Христианские паломники», и почему я рассказал об этом Ревекке? Я ждал слов осуждения, даже надеялся на это — такой у меня случился приступ мазохизма перед самым рассветом, но Ревекка неожиданно сказала:

— Не бери в голову. Ты слишком чувствителен, милый. С Элис все в порядке. Не думаю, что она приняла бы от тебя какую-то помощь.

Я приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза — в комнате уже было довольно светло, в восточное окно продавливался тяжелый, как мешок, серый и бесформенный рассветный призрак.

Ревекка провела по моей щеке ладонью и сказала:

— Да, ты правильно подумал. О тебе наводили справки.

— Вы нашли Элис?

— Конечно.

— Зачем?

— Ну... Возможно, эта история позволила бы держать тебя на крючке. Но ничего не вышло. Элис Морфи — преуспевающий юрист, живет в Детройте, ведет бракоразводные дела...

— Вышла замуж?

— Да, дважды. Детей у нее сейчас, кстати, трое, так что твой Макс не ощущает своей обособленности.

— И ты молчала...

— Ты не заговаривал об этом, — напомнила Ревекка.

Я повалился на подушку и смотрел в потолок до тех пор, пока Ревекка не прикрыла мне глаза ладонью. Потом на некоторое время мир исчез, во всяком случае для меня, и когда я опять обрел способность воспринимать окружающую реальность, было, по-моему, не меньше девяти часов, и все для Бойзена по идее уже закончилось.

Я перелез через спавшую Ревекку, оделся и, открыв дверь на лестничную площадку, убедился в том, что Бойзена действительно казнили — охраны не оказалось на привычном месте.

Я разбудил Ревекку и сказал:

— Ты пойдешь со мной или останешься здесь?

* * *

Если Джемма и удивилась моему неожиданному появлению, то не подала виду.

— С приездом, шеф! — улыбнулась она. — Как Бразилия?

— Замечательно! — воскликнул я. — Ты видишь, какой у меня загар?

Джемма всегда говорила только правду, за что я ее порой ценил, а порой тихо ненавидел.

— Не похоже, шеф, что вы много времени проводили на пляже, — сказала она и добавила обиженно: — Не могли предупредить меня перед отъездом? Что я должна была говорить — полиции, журналистам, судье? Неужели дело было таким срочным и конфиденциальным?

— Да, — сказал я. — Очень интересное дело. Расскажу. Меня, надо полагать, искали не только перечисленные тобой лица, но и президент Соединенных Штатов, который не мог понять, почему мы не подаем на его имя прошения о помиловании Бойзена?

— Вот список. — Джемма, как всегда, была предельно аккуратна, перечень звонивших и приходивших состоял из четырех скрепленных страниц, и, пробежав его глазами, я понял простую вещь, давно уже, надо полагать, известную и Ревекке, и всем ее «паломникам»: никому мы в этом мире в общем-то не нужны по большому счету. Разве только тем, кто сам нам ни к черту не нужен.

Я разорвал листы на четыре части и бросил в урну.

— Надо полагать, — сказал я, — судья Арнольд — он в списке под номером два — очень удивился моему отсутствию?

— Не очень, — сообщила Джемма. — Он сказал, что ваш отказ от апелляции значительно упрощает и ускоряет процедуру.

— И все?

— Все.

— Замечательно, — сказал я задумчиво. — Именно этого я и ждал от судьбы... Комиссара полиции — он в списке шестой — мой отъезд тоже из себя не вывел?

— А должен был? Эшер звонил трижды, но вопросы у него были административного характера — о ваших рабочих

контактах с фирмой мистера Бертонa, — так что я сумела удовлетворить его любопытство.

— Убийц Рика не нашли?

— Убийц? — удивилась Джемма. — О чем вы говорите, шеф? Это был несчастный случай. Дело закрыто.

Я прошел в кабинет, сел за стол — без единой пылинки, уборщица в мое отсутствие продолжала, конечно, работать, как обычно — и задумался о том, как жить дальше.

С Ревеккой мы расстались в холле «Марк-Сити» — она вызвала мне такси, внимательно оглядела со всех сторон, костюм, почищенный и отутюженный, сидел прекрасно, я это и сам чувствовал, рубашка и галстук тоже были в порядке. Мобильник оказался в кейсе, счастливо обнаруженном в камере хранения в ячейке, номер которой Ревекка вспомнила в тот момент, когда мы спустились в холл.

— Я позвоню, милый, не надо меня искать, — сказала она и исчезла, будто призрак из дешевой телевизионной мелодрамы.

До вечера я ждал, просматривая «Финикс таймс» и отвечая на звонки, не перестававшие поступать с тех пор, как по городу разнесся слух о моем возвращении. Любопытно (впрочем, это было бы любопытно, возможно, для комиссара Эшера, а я лишь скомкал листок и отправил в корзину следом за отчетом Джеммы), что в одном из отделений дипломата я обнаружил билет на Сан-Паулу, использованный в оба конца. Хотел бы я знать, кто летал в Бразилию под моим именем и как провел там время. Наверняка его загар был сейчас более глубоким и ровным, чем мой.

Судья Арнольд зачитал приговор в понедельник, две с половиной недели назад. Судя по заметке в «Финикс таймс», осужденный Бойзен не был обескуражен отсутствием защитника, процедурных сложностей не возникло, нежелание подавать апелляцию, известное суду из представленной адвокатом Рознером записки, было лично подтверждено осужденным, отказавшимся и от заключительного слова.

Поскольку прошение о помиловании также подавать не предполагалось (адвокат Рознер утверждал это все в той же оставленной им, то есть мной, записке, а осужденный подтвердил), то подготовка к приведению приговора в исполне-

ние прошла по ускоренной, а точнее, не заторможенной действиями защиты процедуре, и в номере вечерней газеты уже помещены были фотографии, сделанные с экрана телевизора, — большая пустая камера с единственной койкой посредине, все в белых тонах, типично больничная обстановка, на заднем плане застекленное окно, за которым видны лица присутствовавших при казни — размытые очертания, не важно. Лица Бойзена, лежавшего на кушетке, тоже было не разглядеть.

От священника, пришедшего в камеру, чтобы принять у осужденного последнюю исповедь и дать отпущение грехов, Бойзен наотрез отказался и умер в грехе, в каком и жил. Это особенно подчеркивалось в заметке некоего Артура Хауснера, отмечавшего, что Бойзен упустил последний свой шанс очиститься от скверны, и теперь-то уж наверняка его душа попадет в ад, которого он вполне достоин.

И куда стремился, добавил я мысленно.

Больше ничего интересного в газетах я не нашел, а по телевизору в пятичасовых новостях CNN все-таки сказали, правда, не показав картинку, так что невнимательный зритель мог и не обратить внимание на информацию, но я-то ждал именно этого сообщения и потому запомнил каждое слово: «В Мексике, в городке Нуэва-Росита, произошел взрыв, уничтоживший ферму, принадлежавшую некой Аните Матеуала. Вероятно, хозяйка фермы и двое ее детей погибли во время взрыва. Таково мнение комиссара полиции округа Монтеррей майора Хименеса. Полиция полагает, что произошел несчастный случай, но пока неизвестно, для чего на ферме хранилось значительное количество взрывчатых веществ».

И ни слова о том, что Анита была женой казненного именно в момент взрыва серийного убийцы Бойзена. То ли журналисты не обратили внимания на этот факт, то ли сочли его не столь важным для короткого сообщения.

Значит, Бойзен уже там, подумал я. Вооружен и очень опасен.

Я поймал себя на мысли, что думаю об этом спокойно, без иронии и даже малейшего скепсиса. Не говорю сам себе —

«чушь». И даже пытаюсь представить, как может произойти эта встреча — Бойзена и Дьявола.

— К вам комиссар Эшер, — сообщила Джемма, воспользовавшись почему-то мобильником, а не интеркомом.

Эшер. Мне не хотелось видеть комиссара полиции. У меня для него было много разнообразной информации, но сообщать ему что бы то ни было я не собирался. Во всяком случае — пока.

— А что, если меня нет на месте? — спросил я.

— Не пройдет, шеф, — вздохнула Джемма. — Я ему так и сказала... Или не нужно было?

— Все правильно, Джемма. Он не клюнул?

— Уселся в кресле и решил ждать до второго пришествия. Я вышла в туалет...

— Понятно, — сказал я. — Впусти его.

Комиссар Эшер, похоже, не стал дожидаться приглашения — он вошел в кабинет через пять секунд.

— Вы хорошо выглядите, мистер Рознер, — сказал он, усаживаясь не в кресло для посетителей, а на диванчик у окна, откуда можно было следить за каждым моим движением. — Вели в Бразилии какое-то дело?

— Да, — сухо сказал я, давая полицейскому понять, что мои дела в Бразилии его не касаются. Желая перехватить инициативу, я продолжал: — Вас озадачил мой внезапный отъезд? Погиб детектив, работавший, в частности, и на меня. Не оглашен приговор по делу, которое я вел. А я вылетаю в Южную Америку...

— Это выглядит странным, не так ли? — широко улыбнулся Эшер.

— Ничего странного. Большие деньги, комиссар, только и всего. Некогда было раздумывать.

— Много заработали?

— Господин комиссар, — сухо сказал я, — вам не кажется, что вы задаете лишние вопросы?

— Извините... Значит, деньги, ну конечно...

— Вы разобрались в том, почему погиб Бертон? — перебил я.

— Нет, — помедлив, ответил комиссар. — В крови Бертона ни алкоголя, ни наркотиков. Тормозной след отсут-

ствует. Техническое состояние машины в норме. Причин для самоубийства — никаких. Формально я не закрыл дело, но...

— Я могу чем-то помочь? — вежливо поинтересовался я, понимая, конечно, что комиссар не стал бы тащиться ко мне в офис только для того, чтобы рассказать о проделанной работе.

— Есть две вещи... — протянул Эшер. — Вы вели дело Бойзена и проиграли его.

— Не наступайте на больную мозоль...

— И проиграли, — повторил Эшер. — Ричард Бертон нашел в Мексике жену и детей Бойзена, но на присяжных это не подействовало. Бертон погиб. Вы срочно улетаете в Бразилию, будто от кого-то прячетесь. Летите почему-то через Мексику, хотя до Сан-Паулу есть прямой рейс. Попытки найти вас в Бразилии успехом не увенчались...

— А вы пробовали? — поинтересовался я.

— Конечно, вы были нам нужны как свидетель. Но удалось лишь узнать, что в Сан-Паулу вы были час или чуть больше, в аэропорту ждала машина, которая увезла вас в неизвестном направлении. Действительно — в неизвестном. Дорожный патруль следов машины не обнаружил. Скрылись вы основательно. Значит, чего-то боялись. Мы оба с вами понимаем, что дело в Бразилии — прикрытие.

— Я получил за него гонорар...

— Да? Ваш банковский счет для меня закрыт, поверю на слово... Дальше. Бойзена приговаривают к смертной казни и в отсутствие адвоката быстро доводят дело до исполнения приговора.

— Очень быстро, — вставил я, надеясь, что мои слова подтолкнут комиссара к определенной мысли.

— Жена Бойзена с детьми погибают на своей ферме, — продолжал Эшер. — Что это — акт самопожертвования? Не смогли жить без любимого папы? Не проходит и суток, как вы возвращаетесь, и я замечаю, что бразильский загар к вам совершенно не пристал...

— Моя секретарша сказала то же самое, — кивнул я. — И знаете, вы оба правы. Я действительно ни разу не был на пляже. Дела, как вы уже говорили.

— В Бразилии легко загореть и не побывав на пляже, — заметил комиссар.

— Послушайте, — сказал я, демонстративно посмотрев на часы, — если у вас есть конкретные вопросы по одному из ведущихся вами дел, — задавайте. Дела, которые веду я, касаются только меня. Моей поездкой в Бразилию я нарушил закон?

— Нет, конечно. Доктор Рознер, давайте будем откровенны друг с другом. Возможно, вы ездили в Бразилию, возможно, нет. Ваша фамилия в списках пассажиров ни о чем не говорит, вы это прекрасно понимаете. Вы что-то знаете о Бертоне. Вы что-то знаете о Бойзене — что-то, что заставило вас отказаться от апелляции.

— От апелляции меня заставило отказаться личное требование Бойзена. Он был... странной личностью. И жена у него была странная, судя по рассказу Бертона. Устроила такой фейерверк, детей не пожалела... Ну и что?

— Я все думаю, — продолжал комиссар, — как связать в узел эти события.

— Что тут связывать? — раздраженно спросил я. — Не пойму, комиссар, в каком направлении вы копаете.

— О Господи, — пробормотал Эшер, вытащил из кармана платок и вытер затылок и шею: из окна, около которого он сидел, на него падал солнечный свет, но пересаживаться комиссар не думал, хотел держать меня в поле зрения. Неужели воображал, что я могу его пристрелить? Нет, конечно, он наверняка знал, что у меня нет оружия. Но если в моем столе лежал интересовавший полицию документ, то невольным взглядом я мог это выдать.

— О Господи, — повторил Эшер. — Я понимаю, что у меня нет против вас ровно ничего. Я не могу даже вызвать вас на допрос.

— А я могу попросить вас удалиться.

— Верно. И что прикажете мне делать? Доктор, в деле Бойзена было что-то, о чем не зашла речь на суде. Если я не узнаю, что это было, я не продвинусь в расследовании смерти Бертона. Я знаю, что вы это знаете. И не хотите мне помочь.

— У вас есть доказательства того, что я знаю больше, чем говорю?

— Нет, но...

— Тогда извините, комиссар, у меня много работы.

— О'кей. — Эшер оставил наконец свои попытки поймать меня на неловком движении или уловить нечаянный взгляд, поднялся и пошел к двери. — Если вы вспомните что-то, что может пригодиться в расследовании, — сказал он на пороге, — звоните в любое время.

— Непременно. Всего хорошего, комиссар.

Эшер вышел, и я слышал, как он в сердцах громко хлопнул дверь в приемной.

Странное посещение. Он действительно думал, что я начну выкладывать подробности своих отношений с клиентами? Эшер не мог так думать. Судя по вопросам, он не узнать хотел от меня что-то, а напротив, что-то хотел сказать, и ждал, когда я задам нужный вопрос. А я не задал. Я даже догадывался, какой вопрос Эшер от меня ждал. И я действительно хотел это спросить, но что-то удержало. Нет, не что-то, я прекрасно понимал, что, задав вопрос, спровоцирую комиссара продолжить логическую цепочку, оборвавшуюся для него в таком месте, которое он не мог восстановить без моей помощи.

И не нужно.

Вопрос я задам, конечно, но не Эшеру.

Ревекка так и не позвонила. Не было звонка ни ночью, ни утром, весь следующий день я просидел в офисе как на иголках, звонили десятки людей — клиентов и просто знакомых, по обычному телефону и на мобильный, я дал интервью репортеру из «Аризона пост» и ведущему программы новостей Fox News, и, по-моему, к вечеру у меня начался жар — во всяком случае, чувствовал я себя отвратительно, голова раскалывалась, в груди что-то тлело, я отпустил Джемму, остался в офисе один, и на меня нахлынули воспоминания — банальное выражение, но они именно нахлынули, как волна на берег, и так же, как волна, откатывались назад, в подсознание. Ревекку я вспоминал почему-то в ее белой ночной рубашке, которую она надевала после того, как все

заканчивалось и мы оба начинали ощущать прохладу. В рубашке она была похожа на ангела, какими их изображают в детских книжках, и я как-то сказал, что ей нужно научиться играть на арфе.

«А я умею, — улыбнулась Ревекка. — И на арфе, и на флейте. В раю это пригодится».

«Ты уверена, что попадешь в рай?»

«Да, — серьезно сказала она. — Ты хочешь сказать, что я грешила? Есть поступки, которые выглядят греховными и дурными, но если конечная их цель — победа над злом, то в конце концов эти поступки вознаграждаются».

Мне не хотелось спорить, и, уже будучи в полусне, я задал Ревекке тот вопрос, ответ на который хотел получить у комиссара Эшера. Я помнил, что Ревекка что-то ответила, но не помнил — что именно: я уже спал. А на другой день забыл и о самом вопросе...

Что, если Ревекка не позвонит никогда?

Я не мог без нее. Не мог думать, есть, пить. Не мог жить. Работать, впрочем, я, как ни странно, мог — по утрам приезжал в офис и принимал клиентов, число которых после моего возвращения увеличивалось с каждым днем. Реклама, даже дурная, — великая сила. Впрочем, случаи это были неинтересные, большая часть — нападения с попыткой ограбления, практически без телесных повреждений, но попалось и несколько дел, от которых я не мог отказаться. Из офиса я обычно отправлялся в ресторан, который неожиданно обнаружил на углу улицы Линкольна и Третьей авеню — остановившись там как-то у красного светофора, я обратил внимание на рекламу с изображением рогатого господина, похожего на оперного Мефистофеля, каким его играл русский бас Шаляпин. Тем же вечером я нашел поблизости место для парковки и неплохо провел время в темном полуподвальчике, где тихо играла музыка из «Фауста», под которую было легко танцевать со случайными соседками — женщинами, видимо, такими же одинокими и готовыми на случайные связи. С некоторыми из них я после приятного вечера отправлялся домой — иногда к себе, но чаще к ним, — и ночи тоже получались приятными, а утром Джемма, кисло улыбаясь, стирала с моей щеки, а однажды даже с затылка

следы помады. Не знаю, что думала обо мне секретарша, я никогда ее об этом не спрашивал, держал дистанцию, хотя и знал, что она тоже была одинока, как те женщины из «Месфисто», и, возможно — нет, даже наверняка — согласилась бы поужинать со мной и в этом ресторане, и в любом другом, и поехать потом ко мне или к ней, и провести ночь, я даже представлял, как это у нас могло получиться, но никогда не приглашал ее не то что в ресторан, но даже в кафе на первом этаже, где собирались на ленч знакомые юристы и куда принято было приходить с секретаршами, поскольку считалось, что здесь не просто завтракают, но обсуждают юридические проблемы, которые не всегда удастся решить в официальной обстановке.

В общем, я старался забыть, как мог, и был уверен в том, что Ревекка никогда больше не появится ни в моем кабинете, ни тем более в моей спальне. Осторожно попытался навести дополнительные справки о «Христианских паломниках» — был бы жив Рик, получить информацию оказалось бы гораздо проще, а сейчас приходилось обращаться к совершенно мне не известным людям, по рекомендации, конечно, но все равно не внушавшим особого доверия, я не мог и не собирался делиться с детективами всей имевшейся у меня информацией, а без этого они не очень понимали условия задачи, на столе у меня лежали четыре отчета о деятельности секты, где много говорилось о Ревиво и его завиральных идеях, о нынешнем главе «паломников» Кошениле, личности, насколько я понял, совершенно бесцветной, и ни разу не было упомянуто имя Ревекки Браун.

В отчетах я нашел телефонные номера нескольких офисов «паломников» и позвонил по всем, называя каждый раз новые имена и представляясь то репортером, то поклонником идей мэтра Ревиво. Со мной говорили вежливо — до тех пор, пока я не спрашивал, как найти мисс Ревекку Браун из опекунского совета. Никто не знал этого имени — во всяком случае, если верить голосам, сразу становившимся отрешенными, лишенными былых вежливых интонаций.

Конечно, я провел полный контекстовый поиск во всех телефонных и адресных книгах Аризоны — без результа-

та, — а потом перешел к другим штатам, но по мере удаления поиска от Финикса надежды мои уменьшались, причем по вполне физическому закону: обратно пропорционально квадрату расстояния.

Я не пропускал полицейских хроник ни в «Финикс пост», ни в других более или менее осведомленных газетах и по телевидению следил за всеми новостными каналами. Я не думал, что «паломники» способны расправиться с Ревеккой — это было глупо, — но все равно изучал криминальную хронику.

После казни Бойзена зла в мире не стало меньше ни на йоту. Чего и следовало ожидать, конечно, вся эта история изначально не стоила того, чтобы относиться к ней серьезно. «Паломники» были обычными религиозными фанатиками, а идеи у фанатиков такие, что нормальным людям не понять. Чтобы убедить себя в этом окончательно, я перечитал Библию, чего не делал вот уже лет десять — во время процесса Бойзена мне, конечно, приходилось заглядывать в оба Завета, но не для философского осмысления содержания, на что у меня тогда и времени не было, а для поиска соответствовавших случаю цитат.

После Библии я взялся за религиозоведческую литературу и прочитал несколько досадно бездарных, на мой взгляд, трудов, подписанных, впрочем, известными учеными-теологами и даже одним физиком, Нобелевским лауреатом, удивившимся на старости лет в религию и ставшим одним из самых серьезных ее адептов и интерпретаторов.

Разумеется, о противостоянии Бога и Дьявола сказано было много, но на тысячах страниц разнообразного по стилю и уровню мудрости текста я так и не нашел ничего для себя нового. И конечно, ни слова, подтверждающего идею спасения мира с помощью убийства Князя Тьмы.

Прошли два судебных разбирательства, которые я без труда выиграл. Джемма, по-моему, собралась замуж — во всяком случае, в офис она являлась, как на званый ужин, и сразу после пяти исчезала, иногда даже не попрощавшись, чего раньше с ней никогда не случалось. Я не задавал вопросов и соответственно не получал ответов, но незадолго до Рождества просто формальности ради поинтересовался, не

согласится ли Джемма провести со мной вечер в любом ресторане по ее выбору. А перед этим мы могли бы посмотреть любой — опять же по ее выбору — фильм в любом из кинотеатров Финикса. Я был уверен, что Джемма сошлется на то, что занята, но она неожиданно — и мгновенно, чего я вообще не ожидал! — согласилась и сразу же, будто обдумывала мое предложение задолго до того, как оно было сделано, назвала мюзикл «Чикаго» в кинотеатре «Олимпик» и ресторан «Мефисто», в котором наверняка не была ни разу, поскольку я ее там никогда не видел, и слышать о котором по идее не могла тоже — во всяком случае, от меня.

Вечер удался. «Чикаго» мне понравился, хотя я и не мог бы объяснить, чем именно — просто входил я в зал с одним настроением, не грустным, но скорее меланхоличным, а вышел взбодрившийся, готовый на подвиги, в том числе сексуальные, в том числе с собственной секретаршей, на которую я давно заставил себя смотреть, как на канцелярскую принадлежность. Цвет ее кожи, во всяком случае, прекрасно гармонировал со светло-шоколадным цветом стола, за которым она сидела, и шкафами, в которых хранились старые папки.

В «Мефисто» тоже было хорошо. Я спросил Джемму, не собирается ли она замуж, она странно на меня посмотрела, и я перевел разговор, оставив на потом вопрос о том, почему она столько времени вела себя на работе, как чужая и недоступная невеста. Господи, тут и спрашивать было не о чем — мало ли какие уловки придумывают женщины, чтобы привлечь внимание мужчины! У Джеммы это определенно не получалось, и, возможно, она считала, что виной расовые предрассудки, а у Ревекки получилось мгновенно, ей достаточно было на меня посмотреть...

Напрасно я вспомнил в тот вечер о Ревекке. За несколько месяцев я о ней не то что забыл, но загнал воспоминания в дальний угол сознания. Не нужно было, чтобы она оттуда выходила, но разве Ревекка когда-нибудь спрашивала о том, как ей поступить? Она вышла и села с нами рядом за столик, и была рядом весь вечер, пока мы с Джеммой танцевали, и стояла рядом, когда часа в три ночи мы вышли на морозную улицу, где было шумно, будто вечер только на-

чался. Джемма ждала, что я скажу: «Поедем ко мне». Я и хотел сказать именно это, но Ревекка дернула плечом, и у меня с языка сорвалось: «Я провожу вас, поздно, и утром мне надо прочитать кое-какие документы».

Кому, как не моей секретарше, было знать, что ничего срочного перед рождественскими каникулами меня не ждало? Мог бы придумать отговорку поинтереснее.

«Доберусь сама, спасибо», — с этими словами Джемма повернулась ко мне спиной и оставила одного со своими мыслями и стоявшей рядом Ревеккой, которая хотя и была воображаемым призраком, но вела себя, будто женщина из плоти и крови: дотронулась до моей щеки теплой ладонью, и мне стало хорошо.

Я подумал, что на месте Джеммы я бы утром подал заявление об уходе, понадеялся, что она этого не сделает, обещал себе позвонить ей через пару часов, когда она придет в себя, но не сделал этого, потому что, вернувшись домой, повалился в постель, с трудом заставив себя раздеться, и заснул, как принято писать в дурных романах, раньше, чем голова коснулась подушки.

В ту ночь мне явился первый кошмар.

Я проснулся в липком поту, и хотя это выражение часто используют авторы бульварных романов, я просто не могу подобрать другого, более подходящего. Мне было жарко, и я весь дрожал от холода. Пот струился между лопаток, как по узкому руслу, и вмерзал в тело, я не понимал, как жар и холод могли существовать во мне одновременно, и этот страх двух жизней, двух сознаний, двух восприятий, страх шизофренической раздвоенности привел меня в чувство быстрее, чем переливистый звон и телефона, и мобильного.

Скатившись с кровати, я поднял телефонную трубку, а мобильник отключил, чтобы его верещание не мешало разговаривать.

— Шеф, — сказала Джемма, — извините, что звоню домой, но по мобильному вы не отвечаете, а здесь клиент уже полчаса носом землю роет и грозитя найти другого адвоката.

— Черт, — сказал я, взглянув на часы. — Извини, я проспал. Это Риксон? Задержи его, я еду.

Память мобильного была забита оставленными сообщениями. Джемма звонила три раза в последние четверть часа. Я прослушал информацию, стоя под душем и прикрывая телефон от водяных струй пластиковым мешочком. На завтрак времени не оставалось, а о ночном кошмаре, вырубившем меня из реального мира, я вспомнил в машине.

Что это было?

Собственно, я знал — что, но все равно этого быть не могло. Если есть где-то потусторонний мир, то душа Бойзена, конечно, оказалась в самом жутком круге Ада, потому что только там ей и место, но разве в какой-нибудь из прочитанных мной книг или прослушанных по телевидению воскресных проповедей Ад был таким, каким я увидел его глазами Бойзена?

Реакция у меня была замедленной, и я не остановился вовремя на красный сигнал, проскочил «зебру» и выехал на перекресток. Коп подошел вразвалку, штраф выписал прежде, чем опять зажегся зеленый, и я поехал дальше, чертыхаясь и заставляя себя быть более внимательным.

Весь день я размышлял над тем, что мне привиделось ночью — я знал, что это не был обычный сон, я вообще не запоминал снов, это было таким же свойством моей натуры, как отвращение к крепким напиткам — не принимал их мой организм и снов не запоминал.

Кем я был во сне? Самим собой, оказавшимся в воображаемом мире? Или Бойзенем, попавшим туда, куда он должен был попасть, и делавшим то, что обязался сделать?

Мне нужно было поговорить об этом с Ревеккой или с кем-нибудь, кто мог понять. Я пригласил Джемму поужинать, она — сразу, как и вчера — согласилась, и мы провели довольно скучный вечер, перебрасываясь малозначительными репликами, оба соблюдали дистанцию, хотя, как мне казалось, по разным причинам, на пустом стуле справа от меня, невидимая для всех, кроме моего внутреннего взгляда, сидела Ревекка, она опустила голову и, хотя я все время пытался поймать ее взгляд, ни разу не посмотрела в мою сторону.

— Шеф, — сказала Джемма после второго танца, когда мы вернулись к столику, а официант принес мороженое в широких вазочках. — Конечно, это не мое дело и простите, что вмешиваюсь. Вы меня об этом не просили и, значит, я превысила полномочия...

— О чем вы? — удивился я. Многословие вообще не было свойственно Джемме, а уж оправданий по поводу того, что она вмешивается не в свое дело, я никогда от нее не слышал.

Она поискала что-то в сумочке и протянула мне через стол листок бумаги, вырванный, насколько я мог судить, из блокнота, в который Джемма обычно записывала мои поручения. На листке не было ничего, кроме номера телефона. Судя по коду, Калифорнийское побережье.

— Что это? — спросил я, хотя уже догадался и мысленно посылал через стол Джемме тысячу поцелуев — дружеских, конечно.

— Номер домашнего телефона Ревекки Браун, нашего клиента, — сказала Джемма, опустив взгляд в вазочку с мороженым.

— Как вам... — Я даже не старался скрыть свое волнение. — Я хочу сказать...

— Она всегда блокировала номер своего телефона, — подсказала Джемма. — Восемнадцатого августа — это была вторая неделя процесса Бойзена, вы прямо из дома поехали в суд, я была в офисе одна, — позвонила мисс Браун и спросила, поступил ли на счет ваш гонорар. Я сказала «да, все в порядке, если вам нужен шеф, то он в суде». «Спасибо, — сказала она, — я только хотела справиться»... И повесила трубку. На этот раз номер телефона почему-то оказался не заблокирован, я, конечно, записала его в блокнот...

— И не сказали мне ни слова!

— Вы не спрашивали, — парировала Джемма.

— А почему вы решили, что это номер ее квартирного телефона? — насторожился я. — Из разговора не следовало, что мисс Браун звонила из дома. Это мог быть таксофон... Офис, наконец.

— Слишком чистый звук, — улыбнулась Джемма. — Во время разговора по таксофону слышны уличные шумы, а

разговоры из офисов обычно блокируются автоматически. И это не номер какого-нибудь из офисов «Христианских па-ломников» — я проверила.

— Браво! — сказал я.

— И еще, — продолжала Джемма, собирая из вазочки остатки мороженого, — номер зарегистрирован за мисс Ревеккой Дэниэл Браун, проживающей по адресу: Шестая улица, дом пятьдесят три, Окленд, Калифорния.

— А это вам откуда известно? — поразился я.

— Я навела справки. Думала, что вам это может когда-нибудь пригодиться.

— Но вы ни разу даже не намекнули...

— Вы ни разу не поинтересовались!

Джемма положила ложечку и подняла на меня наконец свой взгляд.

— Вы отвезете меня домой или вызовете такси? — спросила она.

— Отвезу, конечно, — сказал я, хотя больше всего на свете мне хотелось в этот момент остаться одному и набрать номер, который я уже успел выучить наизусть. Господи, все это время — недели, месяцы! — Джемма носила в сумочке этот листок, а я мучился вопросом, который даже и не думал задать вслух...

Я, наверное, должен был говорить Джемме комплименты, но всю дорогу до ее дома молчал, потому что не мог сказать тех слов, какие ей хотелось услышать, и пустого разговора о приятно проведенном вечере тоже вести не хотел, Джемма меня прекрасно понимала, она села не рядом со мной, а на заднем сиденье, и смотрела в окно. Когда мы подъехали, она вышла из машины, сказав «спасибо», будто таксисту. Каблучки процокали по ступенькам, я подумал, что напрасно ее обидел, нужно было все-таки найти слова, пусть не те, что она ждала, но похожие, всегда есть какая-то замена, женщины это прекрасно понимают...

Я набрал номер.

— Слушаю!

— Добрый вечер, — сказал я.

Молчание.

— Добрый вечер, — повторил я. — Скажи что-нибудь, чтобы я убедился в том, что говорю с нужным мне человеком.

— Ты знаешь, — сказала Ревекка, — я почему-то была уверена, что ты позвонишь. Не знаю, как ты узнал мой номер...

— Ты ждала моего звонка?

— Как поживаешь, Дин? — спросила Ревекка, не отвечая на вопрос.

Я тоже предпочел не отвечать на вопрос, на который все равно не смог бы ответить так, как мне того хотелось.

— Похоже, — сказал я, — что Бойзен не выполнил своей миссии. Не вижу, чтобы зла в мире стало хотя бы чуточку меньше.

— Дин, — сказала Ревекка, — ты просто не знаешь, о чем говоришь. И совсем не то хочешь сказать.

— Ты тоже была в этой... — я поискал правильные слова, — я не могу описать словами, это было слишком страшно... если ты меня понимаешь?

Ревекка молчала.

— Значит, была, — заключил я. — Нам нужно увидеться. Хотя бы для того, чтобы вместе пережить этот кошмар. Ты слышишь меня?

Молчание.

— Я буду у тебя к утру, — сказал я. — Есть рейс в три двадцать.

— Я же просила...

— В семь я могу быть у тебя.

— Хорошо, — сказала Ревекка.

Мне показалось, или в ее голосе действительно прозвучало облегчение?

Не нужно было лететь ночью, но мне не терпелось увидеть Ревекку, я рад был, что она не сказала «нет», мне казалось, что если я не полечу немедленно, то к утру она передумает и я не застаю ее дома или она вовсе исчезнет. Пока я ехал в аэропорт, пока оформлял билет, пока проходил контроль, мне удавалось преодолевать сонливость, но едва я опу-

стился в кресло, как тут же уснул — мы еще не взлетели, я надел на глаза повязку и — погрузился в кошмар.

— Мистер! Проснитесь, мы уже на земле! — Женский голос тряс меня за плечо, я понимал, что, видимо, все-таки вернулся, но глаза говорили обратное — в полной темноте голос звучал, как необратимость судьбы, возвращавшей меня туда, куда я не хотел, где был ужас, где я был мертв, где я вообще был не я...

Я сорвал с глаз повязку и только тогда очнулся. Стюардесса наклонилась ко мне и участливо смотрела в глаза.

— Вам плохо? Хотите, чтобы я вызвала врача?

— Нет, — сказал я.

Сказал? Скорее подумал, а может, действительно произнес вслух, я еще не совсем понимал, что жив.

Салон самолета был пуст, пассажиры вышли, и я, растегнув ремень, выбрался в проход, взял с полки дипломат и побрел к выходу, там стояла вторая стюардесса и смотрела на меня странным взглядом, будто я был ее личным врагом. Должно быть, мне показалось. Девушка улыбнулась, пожелала приятно провести время, и я вышел в коридор, прошел в здание аэропорта и что-то еще наверняка делал, но память моя почему-то именно в то время сбилась с ритма, возникло странное наложение, и мне казалось, что сразу за моим появлением в аэропорту последовал эпизод из далекой уже студенческой юности, будто переставили местами кубики ситуаций, я вспомнил вечеринку у Мейсонов, мою первую встречу с Элис, и как мы танцевали до упаду, а потом в спальне у Марты Мейсон, на ее постели, целовались, и я хотел Элис, и она тоже хотела, но сопротивлялась, я был уверен, что для виду, но воспитание все-таки не позволило мне быть слишком навязчивым, а потом пришла Марта и легла с нами, и...

Кубик исчез в прошлом, где ему и надлежало находиться, а я увидел собственную руку, нажимавшую на кнопку звонка.

Голос из интеркома не был похож на голос Ревекки.

— Да? — сказала женщина. — Это ты, Дин? Заходи, я открываю.

Я повернул ручку и вошел.

* * *

- Значит, нам снятся одни и те же кошмары?
- Видимо, да.
- Так не бывает.
- Это не сны. Это информация. От него.
- Почему мне?
- А мне — почему?
- Ты — из тех, кто его послал...
- Я? Я его ни разу не видела до начала процесса!
- Может, этот кошмар является всем вашим «паломникам», всем, кто имел к делу Бойзена какое-то отношение?
- Ты думаешь? Я позвоню Кошенилю.
- У вашего шефа не было неприятностей в связи с делами Бойзена и Бертона?
- Нет, почему у него должны были быть неприятности?
- Хорошо, звони своему Кошенилю. А я — судье Арнольду.

У пастыря «Христианских паломников» было хорошее настроение, никакие кошмары его, похоже, не одолевали. Или он великолепно владел собой. Или был лицом подставным. Я прослушал разговор по второму аппарату и едва удержался от того, чтобы вмешаться и наговорить гадостей, которые Ревекка мне не простила бы.

Судья Арнольд, когда я до него дозвонился, ехал в машине, и слышимость была не очень хорошей. Я не стал задавать вопрос в лоб, но из краткого разговора (судья не любил нарушать правила, а разговор по мобильному телефону во время вождения транспортного средства являлся административным нарушением) понял, что Арнольд забыл и думать о процессе Бойзена. Конечно — нет человека, нет и повода о нем вспоминать. Возможно, судью и посещали кошмары, но я так и не задал прямого вопроса.

— То, что мне... нам... снится, — сказал я Ревекке, — совсем не похоже на образ христианского Ада. И на мусульманские представления не похоже. Иудейские сфирот тоже не имеют со всем этим ничего общего. И Будда не рассказывал ни о чем подобном. Что-то от друидов? Но очень уж отдаленно...

Мы сидели с Ревеккой на мягком (пожалуй, чересчур мягком — заниматься здесь любовью было бы отчаянно неудобно) диване перед низким (пожалуй, чересчур низким — чтобы взять в руки чашечку с кофе приходилось наклоняться чуть ли не до пола) журнальным столиком, держали друг друга за руки и говорили медленно, будто пропуская собственные впечатления через очень тонкие фильтры, сквозь которые не проходили совсем уж, казалось бы, нелепые впечатления, вроде глаз, смотревших на меня из тумана, я не рассказал о них Ревекке и был уверен, что она тоже сохранила кое-что для себя — возможно, даже очень вероятно, что это были те же глаза или что-то, оказавшееся заменителем в ее сознании, поскольку я был уверен, что далеко не все увиденное и запечатленное в памяти соответствовало действительно происходившему где бы то и когда бы то ни было — с нами или с кем-то другим. Сознание искажает мир, поскольку часто не находит адекватных образов для создания понятной мозгу картины, а память дополнительно искажает картину, нарисованную сознанием. Мы видим мир, мы пытаемся понять его, но как часто то, что мы хотим понять, не соответствует тому, что мы видим, а то, что мы видим, решительно не соответствует тому, что происходит в реальности...

— Я все время об этом думаю, — сказала Ревекка, и я не понял сначала: то ли она отвечала на мои слова, сказанные вслух, то ли на мысли, вслух не сказанные, но для нее очевидные и требовавшие ответа. — Это просто кошмар. В том мире нет места Христу. И заблудшим душам. И ангелам.

— А злу? — сказал я. — Бойзен охотится... должен охотиться за Князем Тьмы. Мало ли куда Дьявол мог завести его...

— Дин, — сказала Ревекка, — ты же не верил во все это.

— Я... не знаю. Понимаю, что есть нечто выше нас, но это не обязательно Бог, это может быть и что-то совершенно неразумное, природа, например, — бесконечность, как ни бездарно она организована, все равно бесконечно сложнее, чем мы, поскольку все, из чего мы состоим, конечно по определению.

— Да, я понимаю, — сказала Ревекка. — Жаль, что мы не говорили об этом там, я бы многое тебе объяснила.

«Там» мы вообще мало разговаривали, там мы были вдвоем, мы были вместе, нам было хорошо, а сейчас... Мы сидели рядом, мы могли даже рядом лечь, но с появлением кошмаров что-то изменилось в моем восприятии мира, и в мире Ревекки изменилось тоже, Бойзен разлучил нас вернее, чем тюрьма или смерть, хотя вроде бы все должно было оказаться наоборот — разве общие кошмары не должны сблизить людей, оказавшихся в страшном и необъяснимом мире?

Мы долго молчали, а потом Ревекка сказала:

— Это может продолжаться всю жизнь. Нашу жизнь. Сколько займет у Бойзена охота на Дьявола? Сто лет? Триста? Миллион?

— Надеюсь, — сказал я, — что вы не пошлете ему на подмогу еще одного отморозка? Или десяток?

— Эта идея обсуждалась, — спокойно сказала Ревекка. — Я не знаю подробностей, но мэтр Кошениль намекал на такую возможность.

— Кошениль? — переспросил я скептически, но Ревекка, видимо, не расслышала.

— Похоже, что идея не понравилась, — продолжала она. — Во всяком случае, о других мне ничего не известно. Ты тоже не встречал в практике похожих случаев?

— Нет, — сказал я.

— Как продвигается расследование гибели Бертон? — осторожно спросила Ревекка. — Ты общаешься с комиссаром Эшером?

— Никак, — сказал я. — Ни малейших зацепок. Для комиссара, я имею в виду.

— Ты все еще думаешь, что...

— Не надо об этом, — попросил я.

— Дин, уверяю тебя...

— Не надо... Пожалуйста.

— Никто из наших не убивал Рика!

Не нужно было ей настаивать.

— Конечно, — сказал я. — Это сделала ты.

— Я?

— Пожалуйста, я не хочу это обсуждать.

— Нет, говори. — Ревекка придвинулась ко мне, руки ее крепко сжимали мои запястья, я был сильнее и вырваться мне ничего не стоило, но я не хотел, я не пошевелился бы, даже если бы она угрожала мне пистолетом, лежавшим сейчас в тумбочке красного дерева слева от окна, я был уверен, что оружие именно там, в одном из верхних ящиков, Ревекка слишком часто бросала в ту сторону беглые, но вполне читаемые взгляды. — Ты три недели был со мной, ты был со мной счастлив и все это время воображал, что я...

— Я не воображал, Ревекка, — сказал я. — Сначала — предполагал. После разговора с Эшером убедился. В крови Рика не обнаружили никаких препаратов. Уверен, что и в моей крови их тоже не обнаружили бы. Я ничего не понимаю в химии... А ты виделась с Риком перед тем, как поехала ко мне.

Ревекка не пошевелилась. Не нужно было ей заводить разговор о Рике. Я не удержался, я хотел, чтобы она поняла простую вещь: убийство Дьявола — такое же зло, как убийство человека, убийство есть убийство, против кого бы оно ни было направлено, и потому у Бойзена ничего не получится, нельзя бороться со злом с помощью зла. Невозможно сделать черное белым, если мазать по черному черной краской. Это только в математике минус, умноженный на минус, дает плюс. Но минус, сложенный с минусом, все равно дает минус — еще больший, чем раньше.

— Я не убивала Рика, — сказала Ревекка, — но если ты думаешь иначе...

— Конечно, — сказал я. — Конечно. Конечно.

Я повторил это еще пару десятков раз — пока Ревекка не закрыла мне рот поцелуем. Может, этого я и добивался?

Мы перешли в спальню, оказавшуюся не такой, какой я ее себе представлял: это была маленькая комнатка, в которой помещалась кровать и встроенный шкаф с большим зеркалом, отражавшим все происходившее на постели, и все, что там действительно происходило в течение последовавших часов, было отражено и, наверно, погрузилось в память материала, и мне бы хотелось стать зеркалом, чтобы помнить, но я остался собой и уснул очень быстро, во

всяком случае, я не ощутил никакого перехода — был в спальне, а оказался...

Не знаю, где я оказался. И не знаю — когда.

Но мне довелось присутствовать при гибели Князя Тьмы.

Я хватал ртом воздух, но воздуха не осталось, вместо воздуха была пустота, и легкие мои были пусты, и сердце было пусто, и я умер.

Ревекка рассказывала мне потом, что отчаянно перепугалась, вернувшись из ванной и обнаружив меня лежащим на полу и, будто рыба, выброшенная на берег, дергавшимся и ловившим воздух широко раскрытым ртом.

Ревекка рассказывала мне, что в ванной ей вдруг отчаянно захотелось спать, она пустила холодную воду, чтобы не заснуть, и это, похоже, спасло ей жизнь. И мне тоже, потому что опоздай Ревекка хотя бы на полминуты, мне не помогло бы ни искусственное дыхание изо рта в рот, ни электрошок, который применили парамедики, приехав по вызову и найдя меня в состоянии клинической смерти.

В больнице я провел трое суток. Лежать под капельницей было скучно, за ширмой слышались голоса, и мое обостренное восприятие разбирало отдельные слова, но все это было неинтересно, и визиты Ревекки были не интересны тоже, что-то изменилось во мне, и эта женщина потеряла обаяние. Она говорила голосом, казавшимся мне прежде бархатным и обволакивающим, и я не понимал, что находил в скрипучем тембре и простонародных южных интонациях.

Я хотел сказать ей о том, что все кончено, Дьявола нет больше, и пусть Бойзен сейчас где-то и в чем-то, что христианское учение интерпретирует как Ад, но Дьявола и в Аду нет, и нигде, он уничтожен взрывом, разнесен не на атомы, поскольку он и раньше состоял не из атомов, а из субстанции, которая не являлась материей и описать которую я не мог бы — особенно сейчас, зная только английские слова и не зная ни слова из того языка, на котором Бойзен говорил с Ним.

Я хотел все рассказать Ревекке, но промолчал.

— Что с тобой было? — спросила она.

— Понятия не имею, — сказал я. — Прихватило сердце. Инфаркт?

— Нет, — покачала она головой. — Сильный приступ, сбой в ритме. Так что с тобой случилось?

— Понятия не имею, — повторил я и отвернулся.

Почему-то я знал, что не должен рассказывать Ревекке о том, что видел и чувствовал в последние свои минуты. Свои? Почему я думал об этих минутах, как о своих? Может, потому, что боль, испытанную Им и победившую Его, я ощущал сам?

Если бы Ревекке дано было знать, она оказалась бы там вместе со мной. Она плескалась в душе. Она отогнала сон, я — не смог. Мы были теперь по разные стороны.

Разные стороны — чего?

— Что с тобой было? — спрашивала она раз за разом, и я раз за разом отвечал:

— Не знаю... Не знаю...

Когда меня выписали, Ревекка ждала в приемном покое.

— Отвези меня в аэропорт, — попросил я. — Я три дня не был в офисе, Джемма говорит, что клиенты выстроились в очередь. Ведут они себя безобразно, раньше такого не было.

— Мы поедem ко мне, — сказала Ревекка, голос ее скрипел, как флюгер на ветру, — тебе нужно прийти в себя.

— В аэропорт, — повторил я. — У меня обратный билет с открытой датой, так что тебе не придется занимать мне ни доллара.

В аэропорту я от Ревекки попросту сбежал — она пошла в женскую комнату, а я зарегистрировал билет и поднялся в зал отлетов. Мобильник звонил не переставая, Ревекка искала меня, должно быть, по всему первому этажу, но я не отвечал, а когда вошел в самолет, выключил телефон.

Я съел обед и заказал вторую порцию — очень хотелось есть. Стюардесса швырнула мне на столик поднос и пробормотала что-то о полезности воздержания. У меня почти не осталось наличных денег, я расплатился кредитной картой и обнаружил, что кто-то внимательно изучил содержимое моего бумажника — все там лежало не так, как я привык класть. Ну и ладно.

Из аэропорта я поехал в офис — работы действительно накопилось много, я терял клиентов, на завтра было назначено заседание суда по делу Пильмана — последнее перед рождественскими каникулами, — обвиненного штатом Аризона в попытке кражи со взломом, в принципе я был готов к процессу, но трехдневное отсутствие не могло не сказаться, обвиняемый и прежде был не в лучшем психическом состоянии, а сейчас — я мог себе представить...

— Потом, потом, — бросил я Джемме, сгоравшей, естественно, от желания узнать, что со мной происходило. В туалетной я привел себя в порядок и вышел в кабинет, не только одетый так, как обязывала профессия, но и заставив себя забыть о кошмарах последних дней и главное — о Ревекке и ее странно изменившемся голосе.

Работал я до восьми, а потом мы поехали с Джеммой ужинать в «Мефисто». Она ждала рассказа, я хотел тишины и участия, и мы оба получили то, что хотели — в заказанном на пару часов номере в «Шератоне». Не думаю, что мой рассказ был очень правдив, а Джемма наверняка подумала, что я не всегда бываю таким вялым в постели, но все-таки, когда мы к полуночи вернулись в офис, чтобы доделать кое-какие мелочи перед завтрашним судебным заседанием, настроение у меня было приподнятым, а Джемма сияла очаровательной улыбкой, которую я почему-то не замечал прежде.

Потом мы, конечно, поехали ко мне — я даже не предлагал, так получилось само собой, — и неладное почувствовал уже в лифте, когда обнаружил, что кнопка шестого — моего — этажа не заблокирована, как я это обычно делал.

— Подожди-ка, — сказал я Джемме, — я войду и позову тебя, хорошо?

Она остановилась в дверях, а я прошел в гостиную, где горел свет и на диване в позе тициановской Венеры возлежала Ревекка — к счастью, одетая в свой лучший брючный костюм.

— Ты не один, — сказала она разочарованно, приподнявшись на локте, и я с раздражением обнаружил, что Джемма не последовала моему совету, вошла следом и теперь

рассматривала Ревекку взглядом, в природе которого трудно было усомниться.

— Как ты сюда попала? — спросил я.

— Садитесь, — сказала Ревекка, обращаясь скорее к Джемме, а не ко мне. — Все слишком серьезно, чтобы заниматься выяснением отношений.

Она порылась в сумочке, вытянула лазерный диск и огляделась в поисках компьютера.

— Ты должен это увидеть, — сказала она, продолжая смотреть на Джемму, хмуро стоявшую в двери.

Я не знаю, что происходило между этими женщинами. Я вообще плохо понимаю, что происходит между женщинами, когда они остаются одни, а сейчас у меня сложилось впечатление, что для Ревекки и Джеммы я перестал существовать, между ними возникли какие-то токи, электрические или иные, я взял у Ревекки дискету и пошел в кабинет, оставив женщин разбираться — почему я был уверен, что разбираться они будут в том, кто лучше ко мне относится и кто из них двух останется со мной на ночь? Мужское тщеславие является самым глупым человеческим недостатком, оставшимся, вероятно, с того времени, когда ничем иным мужчина и гордиться не мог.

На диске оказалось два файла, которые я начал просматривать не очень внимательно — меня больше интересовали голоса и странные звуки, доносившиеся из гостиной, — но постепенно понял, что ничего более важного не видел за всю мою жизнь.

Это была статистика правонарушений за последние три дня. Обычная полицейская статистика, данные с сайта Федерального управления полиции.

До утра 22 декабря все шло, как обычно, — процент грабежей с применением оружия, процент непредумышленных убийств, процент грабежей без применения оружия, процент изнасилований и попыток изнасилования, сексуальные домогательства, квартирные кражи...

К вечеру 22 декабря — графики это иллюстрировали — все изменилось. Впрочем, если бы это не было отмечено на графиках красными точками, а в комментариях красными буквами, я, возможно, не обратил бы на случившееся вни-

мания. Наверняка никто не обратил. Или мало кто. Или обратили, но не поняли.

Четырнадцатилетний Эд Шиккер в Окленде, Калифорния, расстрелял из автоматического пистолета пять школьных приятелей и покончил с собой, когда полиция окружила школу. Похожие преступления уже происходили, но впервые убийство совершил мальчик из богобоязненной протестантской семьи, истово веривший в Творца.

Двадцатитрехлетний еврейский юноша из религиозного квартала Бруклина убил и расчленил (с помощью приятеля, такого же набожного еврея, принадлежавшего к ортодоксальной хасидской общине) приятеля, а потом сдался полиции и заявил, что всего лишь выполнял волю Творца.

Симона Руис, сорока одного года, посетила одного за другим шестерых своих бывших любовников — это не заняло много времени, благо дело происходило в небольшом городке Пьюласки в штате Теннесси — и совершила над каждым надругательство, выразившееся в попытке отсечения детородного органа. Ни в одном случае Симоне не удалось довести дело до конца, но лишь последняя по счету жертва сумела скрутить нападавшую и вызвать полицию. На допросе несостоявшаяся преступница заявила, что выполняла Господню волю.

О воле Аллаха говорил Мохаммед Самхи, приехавший в Соединенные Штаты из Саудовской Аравии, бегавший по улицам Тримонта, штат Иллинойс, и стрелявший из пистолета в каждого, кто казался ему похожим на еврея.

Именем Аллаха пытался защитить себя Муса Хамеш, бывший Макс Хершо, принявший ислам год назад, а вечером 23 декабря вышедший из дома с большой сумкой в руке, показавшейся подозрительной местному копу, знавшему в лицо всех жителей вверенного ему участка. В сумке оказался пятикилограммовый заряд взрывчатки с автоматическим спусковым устройством, и на допросе в полиции Хамеш утверждал, что все его действия были продиктованы Аллахом, да будет благословенно имя Его, но больше он ничего не сказал и о возможной принадлежности Хамеша к какой-нибудь террористической организации приходилось лишь догадываться.

И не кто иной, как Господь, надоумил Ирвина Блеквуда натянуть прочную леску поперек тропы, проходившей на вы-

соте трехсот футов над ущельем, по дну которого протекала быстрая речка Ношуа, штат Массачусетс. По этой тропе жители поселка Арчибан каждое утро ездили на велосипедах на работу в промышленную зону. Трое упали в пропасть, сбитые с велосипедов натянутой леской. Двоим Блеквуд помог отправиться на тот свет, подтолкнув их к краю обрыва после того, как они, споткнувшись, упали на тропу и пытались подняться.

Я еще не сделал никаких выводов, только досмотрел до конца досье — там было триста семнадцать случаев за трое суток после 22 декабря. И для сравнения — во втором файле — семь случаев за предшествовавшие три месяца.

Статистика банковских махинаций — увеличение на 43 процента за последние трое суток.

Статистика изнасилований — вдвое по сравнению...

Жалобы на насилие в семье — не только мужей над женами, но почему-то в большей степени жен над мужьями — в три с половиной раза чаще, чем...

Странный шум из гостиной привлек мое внимание, и я, оставив компьютер, пошел посмотреть, что происходит.

Лучше бы я не делал этого. Джемма и Ревекка...

Я все понимаю, за годы адвокатской практики навиделся всякого, а однажды защищал в суде семью геев, против которых сосед-невротик выдвинул обвинение в нарушении общественного порядка, хотя ничего эти бедняги не нарушали, кроме, конечно, пуританских устоев, и мне удалось убедить судью в том, что мораль — понятие, конечно, важное в обществе, но внесудебное, и геи эти были так мне благодарны, что пригласили на какое-то свое сборище, но я не пошел, мне это было не нужно, мне это было противно, наконец, и я никогда не думал, что в своем доме... Женщины, которые мне нравились... С которыми я был близок и полагал, что все еще впереди...

Они даже не обратили на меня внимания.

Я ушел и громко хлопнул дверью, чтобы они услышали.

Мобильник зазвонил лишь полчаса спустя, когда я сидел в своем кабинете и договаривался с комиссаром Эшером о просмотре хроники правонарушений. Пришлось наплести что-то о докладе, который я взялся сделать для заседания

коллегии адвокатов, и Эшер даже согласился рассказать мне кое-что о делах, в отчет еще не включенных.

По голосу судя, комиссар был растерян, и я представлял себе причину — вряд ли когда-либо в его практике Эшеру приходилось расследовать столько дел одновременно. Интересно — сколько на самом деле? Неужели по числу жителей вверенного ему участка?

Телефон звонил, сначала это была Джемма, потом Ревекка, мне было некогда, я работал.

Джемма появилась в офисе в полдень — села за компьютер в приемной и занялась деловой перепиской, будто ничего не произошло, а я сделал вид, будто не заметил ее отсутствия, хотя больше всего мне сейчас хотелось прикрикнуть на нее, бросить в нее книгу, уволить, наконец.

Я не сделал ничего. Я думал. Надо же и адвокату когда-нибудь просто посидеть и подумать. Подумать и сопоставить. Сопоставить и попытаться понять.

Если бы Рик был жив, я смог бы обсудить это с ним. Сейчас я даже с Ревеккой не мог быть откровенным. С Джеммой — подавно.

С кем тогда?

Я подумал, что почти все точки над *i* уже расставлены. Кроме последней.

И позвонил судье Арнольду.

— Дин! — искренне обрадовался старик. — Хорошо, что вы позвонили! Вы, конечно, бросили Бойзена на растерзание Фемиде, но он ведь сам не хотел жить, верно? Такие люди, как Бойзен...

— Сэр, — прервал я поток судейского красноречия, — помнится, как-то вы приглашали меня к себе и я отказался?

— Конечно, помню, Дин! И приглашаю опять, приезжайте сегодня же, я дома один, Полли улетела в Лос-Анджелес, а Джонни с друзьями сматывается, как он говорит, в кино, хотя, я думаю, до кино они не доедут, остановятся в каком-нибудь пабе.

— О'кей, — сказал я. — Хотелось просто поговорить, ничего обязывающего...

— Да-да, — согласился судья. — Восемь часов вас устроит?

* * *

Мы сидели в мягких креслах, курили, выпили всего ничего, только для того, чтобы языки не прилипали к гортани. Телевизор с приглушенным звуком показывал новости CNN, Арнольд время от времени бросал косые взгляды на экран, после чего едва заметно кивал мне, будто хотел сказать: сами видите, что происходит в мире.

Судья любил говорить и любил, чтобы его слушали, поэтому, когда я начал свой рассказ, он прерывал меня и торопил, но вдруг замолчал и до самого конца не проронил больше ни слова, только пару раз вставал и наливал мне и себе виски с содовой, я предпочел бы вино, но мне не хотелось прерывать ни мысли, ни рассказа, ни рассуждений, ни выводов.

Рассказывая о своих кошмарах, прекратившихся, когда Дьявол перестал быть, я не смотрел в лицо судьи, но краем глаз следил за его реакцией. Он не побледнел, не вздрогнул, лишь кивнул головой и сказал достаточно громко, чтобы я слышал: «Да, да, Господи... Я чуть не умер».

Я положил в пепельницу недокуренную сигарету — ее вкус напоминал мне почему-то вкус травы, которую мы с приятелем, когда нам было лет по семь-восемь, рвали и жевали, потому что слышали от кого-то из взрослых, что так можно увидеть то, что хочется увидеть. Ничего, кроме противного вкуса во рту.

— Жаль, — сказал судья после долгой паузы. Он тоже затушил свою сигарету, но успев докурить ее. — Жаль, Дин, что мы говорим об этом сейчас, а не два месяца назад.

— Два месяца назад, — пробормотал я, — я не мог к вам прийти. Я ничего не понимал. И Дьявол был еще... жив. Вот странное слово по отношению к нечистой силе, верно? Если бы я пришел к вам два месяца назад, вы со мной и говорить бы не стали. Вы позвонили бы нужному человеку, и со мной произошло бы то же, что с Риком... с Бертоном.

— Вы в какую церковь ходите? — спросил судья. — В англиканскую?

— Ни в какую, — сказал я, — и вам это прекрасно известно.

— Не обижайтесь, Дин, — мягко произнес судья и положил ладонь мне на колено. В иной ситуации я бы, по-

жалуй, счел этот жест неприличным, но сейчас мне было понятно, что старик просто хотел сократить расстояние между нами — речь шла, конечно, о духовном расстоянии, и этот физический жест должен был стать символом, хотя, возможно, судья вообще не придал ему никакого значения — просто так получилось.

— Не обижайтесь, — повторил он и отдернул руку, будто прочитал в моих глазах понимание, которого он не хотел и о котором скорее всего даже не думал. — Вас потому и выбрали на эту роль, что вы — единственный среди адвокатов Финикса — абсолютно нерелигиозны. Нужен был человек, для которого религиозные воззрения и целеполагания Бойзена оставались пустым звуком. Он ведь мог начать говорить. Деббинс непременно это использовал бы, он религиозен, для него Бог и Дьявол — святое. В отличие от вас... Понимаете?

— В общем, да, — кивнул я и налил себе коньяка, и выпил залпом — горло, естественно, обожгло, я закашлялся, и судья протянул было руку, чтобы похлопать меня по спине, но я замотал головой, протянутая рука повисла в воздухе, а потом медленно опустилась на колено — не на мое, к счастью, а на собственное колено судьи.

Я продолжал кашлять, будучи не в силах остановиться, и довел себя до такого состояния, что мне стало не хватать воздуха, я чувствовал себя, будто выброшенная на берег рыба, и не только коньяк был тому причиной.

Наконец я взял себя в руки — точнее, позволил себе вновь вернуться к разговору после паузы для обдумывания признания, сделанного судьей. Я ждал сопротивления, готовил себя к долгой дискуссии...

— Извините, — просипел я и для того, чтобы привести в порядок голосовые связки, отпил немного из бокала с апельсиновым соком. — Я, знаете, не большой любитель выпить...

— Да, — улыбнулся судья, — это мне тоже известно. Вы идеально подходили.

— Собственно, я поперхнулся не потому, что ваши слова стали для меня неожиданностью. Меня поразило, что вы признались сами, хотя я еще не дошел до аргументов.

— Аргументы? — насторожился судья.

— Если бы мы с Риком догадались раньше, — с горечью сказал я, — он бы остался жив.

— Догадались — о чем?

— Процесс должен был при любых обстоятельствах закончиться смертельным приговором. Именно поэтому убийства свои Бойзен совершал в штатах, где смертная казнь все еще не отменена. Он не был серийным убийцей, он был исполнителем — его тщательно готовили к акции, к казни его готовили, вот в чем дело... Кем был Бойзен на самом деле? Религиозным маньяком, и именно это в судебных заседаниях не должно было обсуждаться ни в коем случае. Кто был заинтересован в таком ведении дела? «Христианские паломники» — никто больше. А защитник нужен был, конечно, нерелигиозный, Деббинс не подходил, он протестант, в церкви бывает чаще, чем в суде. Он мог выжать из Бойзена признание, добиться психиатрической экспертизы или убедить присяжных, они ведь тоже люди религиозные, и борьба со Злом для них не пустой звук. Снисхождение. Религиозный адвокат мог его добиться. Адвокат-атеист — нет. Именно потому вы меня и выбрали.

— Я? — удивился судья.

— Вы. Кто еще?

Судья смотрел на меня изучающим взглядом — не скажу, что его поразили мои слова, но и равнодушным к ним он тоже не остался. Владеть собой он умел, профессия обязывала, но и я за годы адвокатской практики успел кое-чему научиться.

— Когда Рик докопался до семейной жизни Бойзена, — продолжал я, — у вас в общем-то не было еще причин беспокоиться, вы вполне могли — и сделали это — повернуть личные обстоятельства убийцы против него, а не в его пользу. Но в телефонном разговоре с этой женщиной, Анитой — она ведь не ждала звонка, и вы не ждали, а потому не успели ее подготовить, — Рик услышал кое-какие фразы, его насторожившие. О том, например, что она не опасается процесса, потому что судья не допустит... Тут она прикусила язык, но слово было сказано, а Рик был не из тех, кто мог не обратить внимание даже на мельчайшую деталь в разговоре. Вы узнали обо всем в тот же день, вот почему для вас, судья,

мое выступление на следующее утро не стало неожиданностью. Я рассчитывал произвести эффект, а вы даже ухом не повели, я видел вашу реакцию, точнее — ее отсутствие, но тогда не придал этому значения.

Судья слушал меня по-прежнему внимательно, постукивая пальцем по колену, взгляд его ничего не выражал, кроме заинтересованности, и я понимал, конечно, что думал судья сейчас не о моих так называемых доказательствах, а о том, что необходимо предпринять, чтобы заткнуть мне наконец рот. Я не хотел, чтобы он придумал что-нибудь такое, против чего у меня не было защиты.

— А когда Рик стал копать дальше, — вздохнул я, — вы его убили.

— Вы все время говорите «вы», Дин, — мягко произнес судья. — Что вы, черт возьми, имеете в виду?

— Хорошее выражение «черт возьми», — усмехнулся я. — Совершенно бессмысленное. Нет никакого черта, который мог бы кого-то совратить, свести с пути истинного. Нет больше черта, Дьявола, Вельзевула, Люцифера. Вы ведь этого добивались?

— Говорите, — сказал судья, — я вижу, вы не остановитесь, пока не выложите все, что у вас за душой.

— Конечно, — кивнул я, — для того и пришел... Со мной решили поступить чуть иначе — все-таки гибель довольно известного адвоката сразу после гибели нанятого им детектива была бы для полиции слишком очевидной наводкой, этого вы делать не хотели, и к тому же Ревекка... госпожа Браун докладывала, что я ничего толком не знаю и потому пока — пока, повторяю — не опасен. Я и был не опасен — особенно когда вообразил, что Ревекка Браун — женщина моей мечты...

Я вспомнил дни и ночи, проведенные в «Марк-Сити», и у меня перехватило горло, пришлось отхлебнуть еще сока.

— И о вас, судья, я был самого высокого мнения — до тех пор, пока не получил от Рика досье. Он ведь был уникальным сыщиком, вряд ли кому-нибудь удалось бы даже до Аниты добраться, я уж не говорю о вас, судья.

После этой фразы я впервые в жизни увидел, как брови судьи Арнольда поползли вверх. Они сразу же вернулись на

свое место, но в течение какой-то доли секунды — может быть, десятой, может, и того меньше — выражение лица у судьи было очень забавным: как у кошки, которая вместо молока и сосиски обнаружила в своем блюде фотографию пса, недавно гонявшего ее с дороги на дерево, а с дерева — на крышу.

— Досье? — спросил судья. — Какое досье?

Прокол. Он не должен был спрашивать. А впрочем, старик по сути уже признался, так почему же не поинтересоваться деталями?

— Отчет Рик послал мне по электронной почте, — пояснил я. — И на своем компьютере уничтожил этот файл. Во всяком случае, ни полиция, ни ваши люди ничего не обнаружили. Если бы это удалось комиссару Эшеру, он непременно задал бы мне соответствующие вопросы. Если бы это удалось вам, меня уже не было бы в живых. Так что...

— Вы не получали от Бертона отчетов, — сухо произнес судья.

Он еще думал, что я блефую — в приватном разговоре со мной судья мог признать все, полагая, что мы должны наконец выяснить отношения, но другие останутся в неведении, потому что... Ну, это понятно, и думать на эту тему я не хотел, а потому продолжил, чтобы не дать судье сделать то, о чем он впоследствии пожалел бы.

— Получил, — сказал я. — Не так давно, когда я уже и сам сопоставил факты.

— Бертон мертв уже...

— Господи, судья Арнольд! — воскликнул я. — О чем вы? Файл был послан на один из серверов электронной почты. Он и лежал там, пока я не затребовал. А мне просто не приходило в голову... Когда-то, когда Рик только начинал на меня работать, мы договорились, если что-то случится — идея была чисто теоретическая, — обмениваться информацией именно через этот канал.

— Что же, — спросил судья, — было в отчете?

— Сначала я скажу, что с ним сделал, — сказал я и опрокинул в себя остатки коньяка. Естественно, на меня опять напал кашель, на этот раз не настолько сильный, чтобы я не мог следить за реакцией судьи. Не спуская с меня глаз, он набрал на мобильнике номер и произнес пять слов. А может, четыре. Я перестал кашлять и сказал:

— Это ни к чему. В моем компьютере они ничего не найдут. Но зато в десятке тысяч других... Есть программа размножения электронной почты по базе адресов. Спам, я понимаю. Преследуется по закону. Могу схлопотать три месяца тюрьмы и штраф в десять тысяч долларов. Вы сами и вынесете постановление. Переживу. Если, конечно, кто-то подаст на меня жалобу, в чем я сомневаюсь. Кстати, в списке адресов, судья, есть и ваш — как же иначе? Письмо от некоего Альфредо Беннино, к которому я, понятно, не имею никакого отношения.

Кажется, судья только сейчас начал понимать, что я не блефую. Если бы он знал, что я был искренен с ним больше, чем с кем бы то ни было на свете! И не хотел я причинять ему зла — разве что в тех разумных пределах, в которых сейчас каждый из нас готов причинить зло другому, воображая, вполне возможно, что действует из самых добрых побуждений.

Я поставлю эксперимент, тест, и то, как поведет себя судья, докажет... Докажет? Нет, но станет одним из аргументов в пользу — или против — того, что Бойзену действительно удалось уничтожить Дьявола.

Судья с видимым усилием поднял себя из кресла, он очень не хотел поворачиваться ко мне спиной, оружия при нем не было, не подумал он перед моим приходом, что ему понадобится оружие, не ждал он от меня никаких неожиданностей, пистолет, похоже, лежал в одном из ящиков старинного на вид секретера, я даже догадывался в каком именно, судя по двум-трем взглядам, брошенным судьей в том направлении.

Наконец Арнольд справился с собственной подозрительностью и вперевалку направился в соседнюю комнату, где у него лежал на письменном столе ноутбук. Дверь судья оставил открытой, чтобы не выпускать меня из поля зрения, включил компьютер, запустил почтовую программу, а я тем временем, не особенно торопясь, подошел к секретеру и начал открывать один за другим ящики сверху донизу. Пистолет оказался в третьем левом ящике, и я положил оружие себе в карман.

Судья не сказал по этому поводу ни слова. Что-то не понравилось ему в списке почтовых сообщений, брови его чуть

сдвинулись, никакой иной реакции я не заметил, но и этого было достаточно. Возможно, там было еще что-то, кроме моего послания. Открыл судья в первую очередь скорее всего то, что получил от некоего Беннино, и прочитал строк примерно двадцать о том, что Кошениль, председатель общественной организации «Христианские паломники», является фиктивной фигурой, а на самом деле руководит «паломниками» судья Арнольд. Этот вывод следует, в частности, из...

а) Судья Арнольд жил по адресу... в городе Цинциннати в период с... по... — именно в это время и именно в Цинциннати находился главный офис «паломников». Разумеется, это не доказательство, но почему именно по указанному адресу — правда, после того, как судья прекратил аренду — собирались члены организации для проведения молитв и иных мероприятий религиозного характера?

б) Судья Арнольд восемь лет назад вел дело Лимора Гамлера, одного из старейших членов секты, вступившего во времена самого Ревиво. Компания «Саймон круиз» обвиняла своего сотрудника в растрате крупной суммы. Обвиняемый был оправдан в связи с недостатком улик, хотя прокуратура штата Техас, будучи уверена в надежности доказательств, требовала десяти лет тюрьмы и выплаты штрафа в полтора миллиона долларов — похищенная сумма была втрое больше, и, как полагал Рик, вся до последнего цента ушла в кассу «паломников».

с) Судья Арнольд еще раз оказался в поле зрения Бертона в связи с его участием в деле Огюстена Майра — он заменил внезапно заболевшего судью Устланда на процессе, в котором Майр обвинялся в многочисленных актах вандализма, совершенных на еврейском и мусульманском кладбищах. Экспертиза признала Майра полностью вменяемым, но судья Арнольд осудил обвиняемого условно, да и денежную компенсацию положил такую незначительную, что даже журналисты удивлялись. В списках организации «Христианские паломники» Майр числился с девяносто первого года.

д) Бойзена казнили через две с половиной недели после вынесения приговора. Да, апелляция не была подана, прошения о помиловании тоже не было, но существует бюрократическая процедура, и если ее не ускорить... Судья Ар-

нольд, председатель ассоциации судей штата Аризона, такой возможностью обладал.

Были и другие факты — числом восемнадцать, — и каждый сам по себе, взятый отдельно, свидетельствовал лишь о некоторых личных пристрастиях судьи, вполне допустимых в пределах рамок, предложенных законом. Взятые же вместе эти факты...

Судья Арнольд был прекрасным юристом, объяснять ему суть собранного материала было не нужно.

— Если вы положите пистолет на место, — сказал он, вернувшись в гостиную, — мы смогли бы беседовать в менее напряженной обстановке.

Я покачал головой, и судья не стал настаивать.

— Все мы стали другими, — сказал я. — До... того момента... мне бы и в голову не пришло делать то, что я делаю сейчас.

— Мы хотели уничтожить зло, — сказал судья. Он не стал садиться, ходил из угла в угол, но ко мне не приближался ближе чем на расстояние трех-четырех шагов.

— Вы можете не поверить, — продолжал судья, — но на самом деле за решением стояли многочасовые споры теологов, у нас прекрасные теологи, ученые, окончившие Сорбонну, Гарвард, Итон, Папскую академию в Ватикане, специалисты в области религии и религиоведения, каких мало во всем мире. В нашем решении не было изъянов.

— В рамках христианской концепции, — вставил я. — У иудеев Сатан — такой же слуга Бога, как прочие ангелы. У мусульман...

— Послушайте, Дин, — раздраженно сказал судья, — при чем здесь евреи, мусульмане, а также индуисты, даосисты, конфуцианцы и прочие? Мир един, Вселенная — материальная и духовная — существует объективно и независимо от того, что и как думает о ней и о Высшей силе та или иная конфессия.

— Вот именно, — сказал я. — Почему же...

— Есть общее во всех религиях и философских системах — персонифицированное Зло. Слуга Бога или его антагонист, злой дух или злая сторона божественной сути — не важно. И зачем я рассказываю? Всем это понятно. Множество литературных героев боролись со Злом и побеждали или проигрывали. Ми-

ровое Зло против мирового Добра, Армагеддон, Ариман и Ормузд... Во все времена персонифицированное Добро боролось с персонифицированным Злом. Мы всего лишь поставили эту борьбу на рациональную основу, попробовали сделать то, на что никто прежде не решался. То, что лежало на поверхности, но никому не приходило в голову. А может, и приходило... Может, кто-то уже пытался пойти на Него с булавой или пушечкой, и, конечно, смысла во всем этом не было никакого, пока...

Он все-таки устал ходить из угла в угол, сел напротив меня и продолжил:

— Пока не появилось достаточно мощное оружие, сделавшее попытку уничтожить Дьявола не лишенной смысла.

— Интересно, — задумчиво сказал я, — какое оружие ваши специалисты сочли достаточным? Насколько мне известно, на месте взрыва в Нуэво-Росита не обнаружено повышенной радиоактивности. Да и где бы вам взять атомную бомбу? В наше время тотального контроля за ядерным топливом...

— Дорогой Дин, — судья поднял на меня взгляд, в котором читалось удивление не моей проницательностью, а моей тупостью и неспособностью понять очевидные для него вещи, — вы действительно еще... Вы все поняли, а эту малость — нет, не осилили?

Я промолчал.

— Впрочем, напрасно я вас... Вы ничего не понимаете в физике, я тоже. Эти современные теории, связанные с многомерными пространствами, — темный лес для меня. Я и сам почти ничего не понял, когда мне объясняли. Пришлось поверить на слово.

Я молча смотрел на судью. В физике я действительно профан, но не в психологии.

— Является ли убийство Дьявола преступлением по нашим законам? — неожиданно спросил судья, наставив на меня палец. Должно быть, он вообразил, что сидит в судейском кресле и задает вопрос защитнику обвиняемого.

— Нет, ваша честь, — ответил я. — И не потому, что уничтожение Зла не может считаться преступлением. А по-

тому, что Дьявол — или как бы его там ни звали — нематериален, а закон предполагает ответственность за преступления, совершенные на этом, а не на том свете.

Судья кивнул.

— Значит, неподсуден, — с удовлетворением сказал он. — Есть еще два вопроса, важных для судебного разбирательства: мотив и способ. Мотив понятен. Способ — нет, но поскольку нет факта преступления и нет объекта, то и выяснение способа не представляет для суда интереса.

— Мы с вами не в суде. — Разумеется, он и сам понимал это, но я решил, что нужно точно обозначить наши новые отношения. — И я уже не тот, что был до двадцать второго числа. Тогда я бы сильно подумал, могу ли ударить старого человека, — и, конечно, не ударил бы, это было выше меня. Сейчас — пожалуйста. Продемонстрировать?

Судья инстинктивно прикрыл рукой лицо, но я не сдвинулся с места — я мог его ударить, мог и убить, я ощущал сейчас в себе эту способность, но мы разговаривали, и существовали другие способы принудить этого человека сделать то, что я считал нужным.

Судья опустил руку и сказал насмешливо:

— Вот видите. Каждый в этом мире способен на определенные поступки.

Я ударил его только для иллюстрации, не вложив в это действие никаких эмоций. Судья дернулся, будто его коснулся не кулак, а электрический разряд прошел по телу — даже ноги подпрыгнули.

— Идиот, — прошипел он. — Нам еще сто лет работать вместе, вы об этом подумали?

— Подумал, — кивнул я. — Мы прекрасно будем работать вместе. Я буду защищать убийц, а вы — выносить приговоры невинным, потому что иначе не сможете проявить то зло, что вселилось в вас, и в меня, и во всех после того, как не стало Дьявола. Раньше вы мучились сомнениями, отправляя преступников на электрический стул. Теперь это будет доставлять вам удовольствие. Раньше были люди, в принципе неспособные совершить подлость, ударить женщину, обмануть, украсть... Сейчас таких людей нет.

Судья и не подумал возражать.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Конечно.

Он повторил это слово раз двадцать — громко и тихо, медленно и быстро, я решил, что больше ничего от него не узнаю, и поднялся. Дипломат стоял у моих ног, и я подумал, что запись нашего разговора нужно будет сразу переписать в формат MP3 и отправить все тем же адресатам — с другого, впрочем, электронного адреса. Голос судьи останется, чтобы его можно было узнать, а свой я, конечно, изменю — добавлю низких частот и немного растяну во времени.

— Поймите, Дин, — сказал судья, когда я уже шел к двери. — Поймите наконец одну вещь... Я понял ее в ту ночь, когда явился третий кошмар. Дьявола больше нет — и, значит, все дозволено.

— Да? — вежливо сказал я. По-моему, судья повторил чье-то изречение, но чье именно, я не мог вспомнить.

— Раньше Он, Князь Тьмы, Дьявол, Сатана, Вельзевул был тем, кто нес в наш мир зло. Он искушал нас, и мы поддавались искушению. Или не поддавались. Мы думали, что если Дьявол исчезнет, то исчезнет и зло, и это сразу станет заметно, в считанные часы мир станет лучше, люди физически почувствуют себя более свободными, потому что истинно свободным человека делает возможность творить добро, а зло превращает его в раба. Его раба.

Интересно, на их собраниях, тех, на которых присутствовала и Ревекка, судья произносил именно эти слова или он специально для меня сочинял сейчас оправдательную речь, отобрав мои функции адвоката?

— Но мы ошиблись, — продолжал судья. Нет, пожалуй, он не ко мне обращался, он сам с собой разговаривал, и стиль речи был ему привычен, он просто не умел говорить иначе. — Мы ошиблись, — бормотал он, — мина разнесла Дьявола на атомы или на что-то иное, на частицы зла, атомы зла, и Он, умерев, действительно исчез из того мира, там сейчас хорошо, там у Творца не осталось соперников, Ад перестал существовать, но Ад пришел в наш мир, и в каждого из нас вселилась эта частица, этот атом Дьявола... Теперь зло не персонифицировано. Оно везде. Зло теперь в каждом из нас. И это — конец. Раньше средоточием зла был Он — Князь Тьмы. Он провоцировал человека, но ему можно было противостоять. Можно было сказать «нет» и остаться собой. Можно было даже стать праведником. А теперь... Свободы воли больше не

существует, потому что в каждом из нас есть часть — материальная или духовная — разодранного на составляющие Дьявола. И мы — каждый из нас — уже творим и будем творить зло, как только представится возможность. Может быть, произошли какие-то изменения в ДНК, в генах, я не знаю, я не специалист, но я чувствую, что стал другим, и вы, Дин, тоже это почувствовали, вы сами сказали, что...

— Когда что-то делаешь, хорошо бы подумать о последствиях, — сказал я банальную фразу и понял неожиданно, что в мыслях моих ничего и не осталось, кроме банальностей.

— Но кто мог предположить! — вскричал судья, взгляд его прорезал меня, будто луч лазера, я физически почувствовал, как ненависть этого человека, направленная в мою сторону, обожгла мне щеки и шею и опустилась ниже, и пронзила сердце, и я испугался, я вышел из квартиры судьи, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, потому что идти у меня не было сил.

Когда дверь закрылась с глухим щелчком, боль отпустила меня мгновенно, будто кинжал вынули из груди, предварительно повернув его раз-другой для верности, и рана затянулась, я сделал несколько вдохов и выдохов, ноги перестали дрожать, и я обнаружил, что вылетел из квартиры судьи, оставив там дипломат с записью нашего разговора.

Возвращаться у меня не было никакого желания. Я вошел в лифт и дальнейшие свои действия продумал, пока спускался на первый этаж.

Я позвонил Ревекке и сказал автоответчику:

— Послушай, я только что был у твоего Кошениля, который на самом деле судья Арнольд, и мы хорошо поговорили. Сейчас я еду домой, и мы будем вместе, если ты все еще у меня. Если ты уехала, я тебя найду. В Остине или где бы то ни было. И мы будем вместе. Всегда. Мир рушится, и мы должны держаться друг друга. Понимаешь?

— Я люблю тебя, — продолжал я, не зная, говорю ли все еще с автоответчиком или Ревекка включила наконец связь, увидев на дисплее номер моего мобильного. — Я люблю тебя. И я готов на все, чтобы ты стала моей. На все, понимаешь? Дьявола больше нет, и, значит, все дозволено.

Судья был прав.

* * *

Из всех ужаснейших страданий нет ужаснее сомненья. Это не я сказал, это сочинил Шекспир и вложил в уста своего персонажа. Отелло не хотел страдать и прекратил сомневаться, войдя однажды в спальню к любимой жене Дездемоне и убив ее способом, который в те суровые времена мог даже считаться гуманным. Какие доказательства измены он имел, приводя собственный приговор в исполнение? Платок и рассказ Яго. Глупости. Ни признания обвиняемой, ни свидетелей защиты... Произвол.

Но от сомнений Отелло себя избавил. На несколько минут, впрочем. Потом — после рассказа Эмилии — сомнения вспыхнули с новой силой («Яго, оправдай себя!»), и бедняга мавр окончательно прервал их, заколов себя. Смертью своей он попытался доказать, что человек не может жить, сомневаясь в самом для себя важном.

И все это чепуха. Только сомневаясь, человек способен существовать на этом свете.

Я сомневаюсь в том, что Бойзен действительно уничтожил Дьявола. Я заставляю себя сомневаться. Сомнения дают мне силы жить. Я сомневаюсь в том, что Ревекка любит меня. И это хорошо: если бы я не сомневался в ее любви, она давно бы мне наскучила. Сомнения позволяют нам жить вместе.

И еще я сомневаюсь в том, что поступил правильно, согласившись защищать Стивена Бойзена.

Но все случилось так, как случилось. Я могу сколько угодно сомневаться в собственной интерпретации событий, но у меня нет оснований сомневаться в сути происходящего в мире.

Вам известна полицейская статистика. Вы знаете, какой стала жизнь на нашей планете после памятного декабря. Вы ведь и сами изменились и не можете не чувствовать этого. Сколько друзей вы предали? И сколько друзей предали вас? Кого вы успели обмануть, что — украсть? Я никого не убил, но вы, возможно, не сумели справиться с этим новым искусом?

Когда разбилось зеркало Снежной королевы, осколок попал в сердце Кая, и мир изменился.

Когда Бойзен уничтожил Дьявола, частицы Зла пришли в наш мир, изменив его навсегда. Все теперь дозволено. Все.

Прости нас, Господи, мы хотели помочь тебе...

***О ФАНТАСТИКЕ
И НЕ ТОЛЬКО***

Андрей Шмалько

Наконец-то литература!

(очень веселый доклад)

Литературой стали. Ну и поза!

Этот доклад уже успели назвать даже не докладом — «докладбищем». А по-моему, он очень веселый — настолько, что слабонервным лучше сразу мигрировать в буфет. Остальные же, у кого психика покрепче...

Слушайте уж, делать нечего! В буфет мы потом все вместе, разом...

Мы становимся литературой...

Во времена давние, в королевстве Великобританском случилась забавная история. Некий профессор словесности, славащийся поистине викторианской чопорностью, ворвался с криком и приплясом в аудиторию и принялся отбивать джигу, размахивая каким-то журналом и дико вопя: «Литература! Наконец-то литература!» Как выяснилось, в журнале был напечатан «Денни Дивер» неизвестного тогда еще Киплинга.

Кажется, пора вопить и нам, вот только голоса нет. И голоса нет, и Киплинга нет.

А что есть?

А есть — появились — фундаментальные составляющие «нашего», а не всякого там британского, понятия «литература». Нас наконец-то приняли официально ОБЪЕДИНЯТЬ. Сказал бы, «слушать», так вроде неудобно. Коллеги все-таки!

Итак, известный в прошлом писатель П. (ни за что не угадаете!) восстановил-таки свое ВТО.

...Что такое ВТО? Не знаете? Правда? Ничего, узнаете. Ох, узнаете!

ВТО-2 сразу же взяло верный тон. Никаких шуток! В «члены»...

...Заранее пардону прошу — за сие слово амбивалентное, которое еще не раз помянуть придется. Но что поделать, не мною придумано — именно в члены записываться. Хоть бы в мозги просились, в самом деле!..

Так вот, в члены берут только «членов», имеющих билет какого-либо из расплодившихся, словно тараканы, литсоюзов. И не иначе. Остальные могут записываться лишь, так сказать, в обрезанном виде — без права голоса. Даже полаять не дадут, блин! И что же вы думали? Уже с полторы сотни союзеров там, у писателя П. Прибежали, обступили, вступили... Полторы сотни «членов» — прямо страшный сон феминистки!

Но ВТО-2 с его многочисленностью не предел, оно лишь задел. Прелюдия, так сказать. Главное — впереди. Писатель-космобоец Коля... Ну, скажем, Коля Калибасов... смотрит не в прошлое — в Будущее. Подумаешь, ВТО! А ЛДПР не хотите? Точнее ЛДПР (ф) — «фантастическая».

Нет-нет, я не лезу в политику, это она к нам вламывается. Именно ЛДПР стала одним из спонсоров (чуть ли не главным) писательского заединства, которое и готовит наш Калибасов. Не верящих, наивных-доверчивых, отсылаю к комплекту дацзыбао, рассылаемых Колей по всем градам и весям. Дацзыбао эти, конечно, бумажки, но вот пробежал слушок, что фундаторы будущего Колиного совписа уже бродили с соответствующими плакатами, пугая избирателей. А что? «Фантасты голосуют за...» Свежо!

Не верите? Поверите, ох, поверите!

Но что интересно? Отчего-то собственная слава наших союзеров совсем не радует. Только прошелестел рапорт о первых успехах — и тут же ответный ор: кто разгласил? И вот уже некий свежеиспеченный союзер сокрушается:

«...Если бы РР Совета занимался, допустим, я, то ни один протокол за пределы секретариата не попал бы никогда. А за утечку полагалось бы по шее и на выход. Потому что такие корявые бумажки показывать можно только тем, кто «в теме». Иначе впечатление и впрямь жутковатое».

Иные союзеры с ним полностью согласны:

«...По шеем надо было надавать тому, кто допустил утечку. И выгнать на фик».

Именно так: «по шеем» и «на фик». Вот она, наша новая литературная элита!

А насчет того, что впечатление жутковатое... Да самое обычное впечатление, просто подзабыли мы слегка времена недавние — да и застали их не все. Ничего, привыкнем! Как писал Твардовский: «Заседаний вкус особый...» Распробуем — еще понравится. Даже добавки попросим.

Ну, так что, коллеги-писатели, коллеги-читатели, все в союзеры? Надеваем ошейники — и уперед, полком единым? Марш линкс, цвай-драй? И комиссарен впереди...

А что дальше? А дальше...

Забудем эмоции, поразмышляем рационально. Зачем «это» нужно? Самый простой ответ: для того, чтобы выстроить на номенклатурном плацу (а заодно и принять в один из литсоюзов) десяток-другой недочленов, пока отложим в сторону. С союзерами как раз все понятно, а как с разумным-добрым-вечным?

Есть и такое, не волнуйтесь. «Заединство» писателя П. создано среди прочего для:

«— Развития и углубления традиций российской культуры, морали и нравственности.

— Повышения качества фантастических и приключенческих произведений.

— Организации профессиональной работы с молодыми авторами-фантастами...».

Дело благое, кто бы спорил. Но если что-то срочно требует углубления и организации, значит, следуя логике, до сего дня это «что-то» не углублялось и не организовывалось — или если и да, то в недостаточной степени.

Диагноз ясен, остается по заветам великих найти виновных. Нашли! Чуток ниже, как раз под великими целями, организаторы оногo «заединства» роняют этак брезгливо: «Фэн-тусовка».

Вот, значит, где супостаты обитают! «Фэн-тусовка» — по-нашему же просто Фэндом.

Значит, Фэндом плох? Неужели правда?

Правда!

Фэндом — это плохо!

Отбросим условности, перестанем напевать в блаженном трансе: «Возьмемся за руки, друзья!» Несовременно, да и ни к чему. Поглядим трезвым пока еще оком на то, что мы привычно именуем Фэндомом. Как-то мне приходилось сравнивать наше сообщество со звездной системой. Солнышко там, планетки с астероидами. Мило, красиво, романтично.

А если без романтики?

А если без романтики, то «старого» Фэндома, Фэндома 80-х, сильного прежде всего клубным движением, Фэндома — палатина и защитника Фантастики, давно уже нет. КЛФы превратились в сладостную легенду, а вместо них...

Ой, как не хочется правду резать! И ее, бедную, жалко, и коллег тоже. Ведь живые они, теплые...

Вместо сообщества клубов, неплохо структурированного и организованного, мы имеем некое количество «тусовок». Приглядимся к ним внимательнее и начнем... Ну, конечно,

с Питера, иначе народ тамошний и обидеться может. Любят они там, в Питере, себя, красивых и единственных.

Фантастический Питер силен прежде всего... Стоп, а чем он в самом деле силен? Писателем Ст., которым давно уже детей пугают, что ли?

Если честно, то ничем особенным Питер не силен — и, увы, уже давно. Старая слава способна вызвать ностальгический вздох, но в реальности мы имеем полдюжины неплохих, хороших и замечательных писателей (куда меньше, чем, допустим, в Москве и не только там), серую толпу «просто» писателей, полумертвый скучный журнал и... Все?

Нет, не все! Есть, конечно, в Питерской тусовке свой козырный туз. Какой именно, всем ведомо — семинар Бориса Стругацкого, конечно, — тот самый, куда не только в галошах, но и без приглашения с семью гербовыми печатями чужих не пускают, будь ты даже самым Гарри Гаррисоном. А вот те, кому побывать все же довелось, такое рассказывают...

Вот Борис Штерн, к примеру:

*«...Семинаристы — всем далеко за сорок — и все все-
речь рассуждали о том: «Поэт в России больше, чем поэт,
или меньше?» Стидоба!»* (Штерн Б.Г. Приключения инспек-
тора Бел Амора. Вперед, конюшня!: Фантаст. Романы / Б.Г.
Штерн. — М.:ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер»,
2002., с. 571).

И еще добавить можно, и еще. Но не стану, хотя посмеяться не грех, похихикать даже. И над семинаром с его Большим Креслом, и над напыщенными «Странниками», — конвентами, собираемыми для вручения железяк почти исключительно членам жюри (опять это слово, фу!). Не стану! Многолетние традиции, как ни крути, вызывают уважение, и если питерцы желают существовать именно так, не будем спорить. На Новой Гвинее не то что Креслу — грузовым пароходам, говорят, поклоняются. И ничего, живут. Хоть и стыдоба, конечно.

...Только не надо обижаться за классика, уважаемые питерцы! Заслуги Бориса Натановича Стругацкого мне не меньше вашего ведомы. За себя обижайтесь, фетишисты!

Пошли дальше?

Дальше — это Москва.

Отвергнем с порога то, что приходилось неоднократно слышать: террариум, серпентарий. Ну, зачем же так, сразу? Скажем вежливее: Площадка Молодняка. Та самая, где ме-мекают, прыгают и бодаются молоденькие... э-э-э обитатели, где силушка уже пробивается, соком течет по растущим мышцам, а вот всего прочего, увы...

Если коротко, московский Фэндом — тусовка. Классическая, можно сказать, эталонная. Клиническая. А поскольку тусуется все же Площадка Молодняка, то и нравы царят не взрослые, а раннеподростковые. Веселые стайки теснятся вокруг «авторов» — и настоящих, и тех, которые «авторитеты». А у подростковых стаек одна задача — доказать свою крутизну. Вот и доказывают — и виртуально, и реально. Отважные оруженосцы и преданные дворовые защищают честь вожака.

Подобные традиции порой вызывают конфузы. Бог с ними, с конфузами внутримосковскими, пусть сами разбираются. Но вот, к примеру, приезжают на конвент славные москвичи — как водится, в знаменитом «пьяном вагоне», напугав по пути всю дорожную милицию (традиция есть традиция!). Приезжают — и дышат перегаром в ухо: мол, с нами самый большой-набольший, вы уж ему дорожку ковровую, и джакузи в номер. Думаете, они имеют в виду Лукьяненко? Что вы, Сергей Васильевич — человек скромный. Просто очередная стайка пытается получше пристроить своего «автора»-авторитета, обычного фэна с бугра. Спросишь: чем знаменит, велик чем? В ответ руками разводят, всеми четьрьмя — мол, это же Сам! И появляется Сам — бинты на месте свежеампутированного хвоста, зато нос — до небес, аж страшно.

Да, нет, не страшно, конечно. Смешно — и необходимо даже. Пусть себе резвятся!

Что говорить о прочих городах? Их много, все хороши, и все — по-своему. Скажем, Екатеринбург-фантастический тоже город Большого Кресла. Правда, и Кресло питерского пожиже, и публика поскучнее. Так сказать, питерская ту-

совка, подогретая к ужину. Но ничего, тоже здравствуют. И дай Бог им!

Желающие могут продолжить данный перечень, скажем, разобрать по косточкам тусовку киевскую или, допустим, харьковскую. Есть, есть что сказать! Но главное и так ясно: Фэндом — сообщество фэн-тусовок, прав писатель П. Причем сообщество далеко не всегда дружное. Любит ли фэн-тусовка Москвы коллег из Питера? А наоборот?

Квинтэссенция нынешнего Фэндома, и даже в какой-то мере его способ существования — конечно же, конвенты, коих расплодилось ныне поистине немерено. Мы все любим конвенты — все они хороши, кроме «Странника», пожалуй. Любим, ездим, дабы заключить в пьяные объятия давно не виденных коллег. Нам хорошо, кто спорит, посему столь возмутительны для нас, граждан Фэндома, нередкие отзывы людей посторонних. Мол, приехал, хотел вдохнуть ауру Фантастики, а там, на этом конвенте такое!..

Не будем, однако, возмущаться и попробуем поглядеть на самих себя со стороны. Трудно, конечно, но ежели попытаться? Или не стоит даже, страшно очень?

Вот, к примеру, «комплекс павиана», поражающий очень многих в первые же минуты пребывания на конвенте. Малоприятная вещь, признаться. Почтенные дяди — с лысынами, с брюхами, а то и с внуками, начинают яростное преследование особей противоположного пола. Глаза горят, клыки желтеют, хвосты подрагивают. Хорошо еще, если пол не спутают! Вот и вопят в ужасе случайно на наш праздник попавшие: думали мы, что писатели — нормальные люди, а они!..

Таков он ныне, наш Фэндом. Скажете, преувеличиваю, краски сгущаю? Где там, наоборот! Я ведь даже не стал поминать скандалы — реальные и виртуальные, разьедающие Фэндом не хуже соляной кислоты. Не хочется о таком к ночи. А ведь это — не все, ох, не все! Ведь наши традиции волей-неволей отражаются в том, что пишется да издается. Каков Фэндом — таковы и фантасты, каковы фантасты — таковы и книги. И не думайте, что явление, подобное пресловутому «убийству Семяцкого», — вещь локальная. Увы, нет. Вот у нас, в Харькове, один молодой автор давеча под-

робно меня расспрашивал, кого из Фэндома следует в книге помянуть. Кого — и как. Мол, слышал он, автор молодой, что так ныне принято. Вот и тычет пальцем Лурье из далекого края в нас, гордых, «фэнской литературой» попрекает, мы же, гордые, ему: «Цыц! Ноги прочь от святого!» А наш журнал «Если», заводская многотиражка с претензиями? А...

Выходит, прав писатель П.? Так не посыпать ли главу (не книжную — собственную) прахом, не приползти ли на сбитых коленках в его Каноссу, дабы приял в номенклатурные объятия, включил в список союзеров — пусть без права лаять, зато на цепи, с миской? Тем паче без бумажки — ты фэняшка, а с бумажкой...

Желающие могут попробовать, а вот я обожду. Фэндом — плохо, говорите? Я и не спорю, но, блин, диалектика, диалектика, ее-то куда? Любое явление не одну сторону имеет, а значит, ничто абсолютным не бывает. Вот писатель П. уверяет нас, что даже в Союзе Писателей есть нечто положительное. Так может, и наш Фэндом небезнадежен?

Поглядим-ка на него еще раз.

Фэндом — это хорошо!

Лучший способ оппонента переспорить — поначалу согласиться с ним. На все сто процентов — а то и на двести. Плох, плох наш Фэндом, эта самая «фэн-тусовка». И мы плохи — пьяницы, скандалисты, павианы несоюзные. И строим не ходим, и вообще...

Ладно, плохи. Только вот... Была когда-то знаменитая формулировка из анкеты: «А чем ты занимался до...»

Вспомним! Десять лет назад русской фантастики, как части литературы, не было. Ну, вообще не было. Похоронили, отпели — и даже вбили в свежий холмик импортный осиновый кол. Самиздатовская брошюрка, изданная на гектографе по методике большевистского подполья, считалась невиданным успехом. Взгляните на полки, фэны! Вот самопальные Лукины, вот Штерн самопальный...

Фантастика умерла. Фэндом, сборище пьяниц и павианов, жил. Жил, верил, работал.

Где вы были тогда, господин П. со своим ВТО и Союзом советских писателей? Как и где воевали за возрождение нашей Фантастики, на каких таких колчаковских фронтах? Не надо вслух отвечать — и так ясно. Сидели — там же, где и сейчас, причем очень и очень глубоко. Вот и дальше сидите, не высовывайтесь!

И дело вовсе не в личности писателя П. Субъективно он и рад был бы помочь, фантаст все-таки. Но пусть ответит, чем могла помочь — и чем помогла Фантастике — пресловутая и ныне прославляемая им Система? Она, что ли, пробила первые настоящие книги Новой волны, она ли толкнула вперед ожившую Фантастику? Кто мы сейчас, всем ведомо, но чья это заслуга? Союза Писателей, что ли?

Современную Фантастику создал Фэндом, наша «фэнтусовка». Все мы — писатели, издатели, критики, художники, книготорговцы, читатели, — все, искренне «желавшие странного». И вот теперь, когда Фантастика имеет законное право посмеиваться не только над теми, кто ее хоронил, над и над прежними литгенералами, ныне стоящими в очереди за иноземной подачкой, писатель П., пробудившись от номенклатурной летаргии, зовет всех (ой, не всех, конечно, только тех, которые на букву «ч») в свое ведомственное кубло. По-русски это называется: примазался. На моем родном украинском: «Причепився сзаду».

Вот вам и первая польза от Фэндома, первая его заслуга: он возродил русскую Фантастику, сделав ее одним из наиболее массовых направлений в современной литературе. Все грехи этой новой (хвала Зевсу, не «советской») фантастики на его, Фэндома, совести — но ведь и успехи тоже не чужие!

Мало? Можно было и лучше сработать? Оно, конечно, теперь легко судить, в город Муром за водкой едучи. Не так сидим, не так свистим...

Но ведь это прошлое — радостно отзовутся союзеры. Были свершения, и подвиги были, все мы вместе старались, но вот сейчас... И время изменилось, и начальство другим стало, поумнее да похитрее, вот и Заединство коброй-гюрзой змеится, все объединяются, все под барскую руку желают. И

в этих новых условиях Фэндом уже не того, не этого. Партизанщиной нынче не возьмешь, армия нужна. Вот и вступайте в войнство писателя П. или в орду Калибасова — уж они вас всех выстроят, уж они уставу научат!

Тут я согласен: порядок бьет класс. Согласен и с тем, что времена изменились. Не то чтобы шибко, но вариант «плечом к плечу», а то и «спина к спине» исключать не стоит. Как поступали в таких случаях наши братья-писатели во времена прежние? Имею в виду не по приказу партии, а добровольно? Да так же, как и все прочие трудяги — создавали тред-юнион. Собственно, так и возник знаменитый Литфонд — среди прочего для помощи «пьющим писателям». Знакомо?

Так мы оно и есть — радостно вопят союзеры, мы «не более чем профсоюз»! Лукавите, братцы, лукавите, да об этом после. Пока же о профсоюзе. Как в дни трудные ВТО защищало интересы писателей, всем известно, так что у такого профсоюза даже покойник на кладбище помощи просить не решится. А наш Фэндом...

Вот и подкатились мы к самому главному. Странно ли это, не очень, но Фэндом наш не просто «фэн-тусовка» и сборище похотливых павианов, но и самый настоящий **тред-юнион** фантастов. Доказывать не стану, подумайте сами. Чего тред-юнион делать должен? А что в Фэндоме происходит, чем народ там занимается — кроме пьянок и конвентов? Похоже? Нет?

Впрочем, о конвентах можно и подробнее. С обезьянними гонками мы его уже сравнивали, а теперь сравним-ка... ну, хотя бы с профсоюзным съездом. Да-да, именно так. Ведь кто на такой съезд, так сказать, съезжается? Понятное дело, профсоюзный актив. А разве завсегдатаи конвентов — не самая активная часть Фэндома? Вот и собираются, о делах говорят — и по возможности оные дела того — решают.

Гогот слева, хохот справа. Активисты Фэндома — ха! Фэны-профессионалы! Да они же!..

Согласен — они же. В фонтанах купаются, огнетушители коллекционируют, через стеклянные двери проходят. Но вместе с тем... Привычно повторяя слово «фэн», мы как-то не обращаем внимание, что большинство из них —

из нас! — давно уже никакие не фэны, а самые настоящие профессионалы книжного дела. Отвлечитесь-ка от карнавальных масок (на профсоюзных съездах и не такие гульки бывали!) и поглядите.

Главный наш фэн, Звезда Фэндома — Завгар. Он что, просто читатель-почитатель фантастики?

Великий фэн Воха Васильев. Пояснять — или не надо?

Фэн Ларионов, фэны Байкалов с Синицыным, неумирающий фэн Семяцкий. Сколько у каждого публикаций, а то и книжек? Сколько они сделали для Фантастики?

И тех, кто поскромнее, не забудьте. Подходит за автором некто мне пока неизвестный, говорит вежливо: я, мол, фэн, начинающий писатель... А сколько у тебя книжечек, начинающий, спрашиваю, две или три? «Шешыре», — скромно отвечает фэн.

Писатели, журналисты, издатели, распространители книг, художники, организаторы конвентов — вот кто сейчас завсегдатей наших сборищ. Профессионалы, порой даже суперпрофи. А то, что страшны мы на конвентах, зверообразны даже... Так ведь конвенты — они для своих, вот и гуляем, как хотим. Наш карнавал — наши и маски. И вообще, господа ревнители морали-нравственности, полюбите-ка нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит. Или ведите воспитательную работу, с плакатами приезжайте, брошюры о вреде алкоголя подкидывайте...

Но это — смешные частности, главное же очевидно. Все эти годы Фэндом честно выполнял функции нашего тред-юниона. И ныне выполняет, и долго еще выполнять будет. Потому как больше помочь фантастам и Фантастике некому. А то, что мы строим не ходим и очередному фюреру «ку» не говорим, так оно даже лучше. И не только потому, что дышится легче. Историей доказано — многообразие порождает многомыслие, а значит, и максимум творческих возможностей. Недаром Ренессанс начался в разбитой на десятки городов и городишек Италии, а не в империи Тамерлана. Так что и без Тамерлана обойдемся, и без «заединства» писателя П. Даже не так, кто-то явно не обойдется, и не обходится уже. Но это — проблемы частные (захотели в «члены» податься — пусть их!), а вот Фантастика, как явле-

ние мысли, Фантастика, как литература, в подобных структурах, ей-ей, не нуждается.

Плох он, Фэндом? Да плох — ровно настолько, насколько плоха сама Фантастика. И хорош равно настолько. Мы — такие, как есть, и Фэндом таков, каков он есть. Так что...

Так что, **люби Фантастику — или убирайся вон!**

То есть как?! А мы?! — возопят в ответ писатель П. вкупе с Калибасовым и прочими союзерами. — Мы ж для того и огород городим, дабы дикий Фэндом цивилизовать, очеловечить...

Да нет, ребята. У вас просто зачесалось. Писатель П. давно никем не руководил — зачесалось. Кое-кому, особенно из тех, что номенклатурные деньки не забыл, официальных «корочек» захотелось, и тоже чёс открылся. И все эти новоиспеченные «структуры» — всего лишь короста на теле Фэндома. Изрек вот один такой союзер, только что в «члены» выпихнутый:

«Ясно, что организация получилась авторитетная, с ее мнением будут считаться».

Это тебе, брат по Фантастике, ясно. Пока вы — никто, и зовут вас — никак. А если и зовут, то уж очень непотребно. Грозитесь делом доказать? Доказывайте, отчего бы и нет, может, и польза будет. Хотя перспективочка, признаться, знакомая — и не из самых веселых. Ведь для чего друг наш писатель П. коллег в свое «заединство» созывает? Да для того, чтобы под их — под ваши, коллеги! — имена некий кредит (моральный, денежный ли, в раковинах каури, не важно) во всем том же Совписе получить. Мол, глядите, каких лешей изловил! Очередная предвыборная кампания на носу, будет кому плакаты таскать. А через год раковины каури иссякнут — и начнется вульгарная номенклатурная склока по дележу стульев и плевательниц. Или мы не видели такого? Или не слыхали? Говорите, иначе будет, лучше? Ну, дай бог!

Пока же по гамбургскому ежели счету все потуги по организации чего-то официального привели к тому, что в Фэн-

доме возникла еще одна «фэн-тусовка» (да-да, она самая!), которая вместо объявленной консолидации зачала очередной долгоиграющий скандалчик. Вот и весь сухой остаток, коллеги!

Ничего, и это было, и не такое переживала. Пережили! И мы, и Фантастика. А мы по-прежнему будем... Любить друг друга? Любить — не знаю, а вот работать и сосуществовать в нашем Фэндоме — это уж точно. Впрочем, и любить — тоже, ведь есть кого. Уровень литературы определяется НЕ количеством дураков и графоманов среди писателей, а наличием тех, чьи книги — наша гордость.

Мне параллельно питерское самодовольное снобье с их «Странником», но я люблю Питер за то, что там живут Стругацкий, Рыбаков, Лазарчук, Хаецкая, Логинов, Василий Владимирский.

Мне смешна московская тусовка, но мне дорога Москва, потому что там работают Лукьяненко, Дивов, Головачев, Байкалов, Синицын... Простите, коллеги, если не всех назвал, ведь очень много вас, хороших.

И Екатеринбург — не только сборище провинциальных неудачников, но и город Крапивина, Орлова, Долинго, Щупова, Игнатовой, Димы Шубина.

И мой Харьков тоже. И Киев. И Томск. И писатель П. с Колей Калибасовым — я их тоже люблю, ведь хорошие они люди. И еще многие, очень, очень многие. На все стороны света, ибо Фантастика наша не имеет границ!

Вот и аминь. Так что нет смысла подобно британскому профессору джигу плясать. Наконец-то литература? Нет, не наконец-то, Фантастика всегда была литературой. И есть. И будет. А очередной выхлоп, смуту затеявший, не более чем, выражаясь словами Евгения Лукина, ЧУШЬ СОБАЧЬЯ.

ЧУШЬ СОБАЧЬЯ — и все. Ну и ладно, пошли в буфет!

AD MAJOREM FANTASTICA GLORIAM

(Обзор русских фантастических романов, вышедших в 2003 году)

Уходит очередной, третий год XXI столетия. По традиции, провожая «старика», оглядываемся назад. Смотрим, что сделано, пытаемся прогнозировать, что год грядущий нам готовит. Для судеб русского фантастического романа 2003-й был богат на события. *Ad maiorem Fantastica gloriam* (к вящей славе Фантастики) было написано и издано немало интересных и заслуживающих внимания книг. Естественно, написать обо всех — задача невыполнимая. Мы остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, наиболее показательных из них, характеризующих определенные явления и тенденции в развитии современного русского фантастического романа. Те же, которые не попали в данную статью, несомненно, еще станут предметом рассмотрения в статьях других критиков, ведь годовые обзоры стали уже традицией в отечественном фантастоведении (достаточно напомнить хотя бы о ряде статей Д. Байкалова и А. Синицына, В. Владимирского, С. Бережного и др.)*.

© Дмитрий Володихин, Игорь Чёрный, 2004

* Целый ряд книг, в том числе новые романы Сергея Лукьяненко («Сумеречный дозор») и Леонида Кудрявцева («Последняя одиссея»), не попали в обзор по той причине, что они появились на лотках в декабре 2003 года, а датированы уже годом 2004-м. По всей видимости, широкая публика познакомится с ними именно в 2004 году, и в литобзоры именно этого года они и будут включены.

Для большего удобства изложения мы разделили все книги, попавшие в наш обзор, на несколько направлений: традиционная НФ, альтернативная история и криптоистория, фэнтези, сакральная фантастика, а также «фантастика духа» (она же — фантастика на полпути к мейнстриму).

В последние несколько лет многим казалось: традиционной НФ, где чисто техническая сторона дела по-настоящему важна, пришел конец. Почти одинокий Александр Громов тянет воз под похоронный гимн... Ан нет, здесь наметилась тяга к возрождению. В 2003 году заметным явлением стали романы Виктора Точинова, Дмитрия Янковского, Евгения Прошкина и др., связанные именно с этим направлением.

Дебютный роман питерского фантаста Виктора Точинова «Пасть» выполнен в жесткой манере 80-х и выдает хорошо «поставленную» руку. Текст — динамичный, насыщенный меткими языковыми характеристиками, профессиональным жаргоном, оставляющим впечатление аутентичности. И дело не только в стилистике: Виктор Точинов умело закручивает сюжет, грамотно работает с психологическими портретами героев, готов за общую динамику платить весьма большим (возможно, даже избыточным) количеством боевых сцен... одним словом, нас посетил настоящий профи.

Но сейчас в фантастику приходит все больше и больше людей, которые способны выдавать на-гора приличное литературное качество. Для настоящего большого успеха сегодня этого мало. И Точинов в обрамлении своего готического боевика предлагает читателям оригинальную научную идею. Человечество представлено одновременно как инструмент для возрождения умирающей биосферы Земли и как «промежуточное звено», которое способно породить нелюдь, великолепно приспособленную к грядущему революционному изменению биосферы. В нелюди почти ничего не останется от «великого предка». Не люден получится, а, скажем, ликантроп, оборотень, волчище клыкастый. Разум и человечность выветрятся из него напрочь... Но и природная среда когда-нибудь станет такой, что современному хомо сапиенсу в ней просто не выжить. Автор внимательно относится к вопросам биохимии, генетики и сопутствующих

дисциплин, не пытаясь отделаться от читателя общими словами.

С неменьшим тщанием разрабатывал научно-технические декорации Дмитрий Янковский — в романе «Правила подводной охоты». Книга в своей глубинной сути посвящена вопросу чисто гуманитарному, философско-психологическому: что управляет поведением человека, какие стимулы влияют на него в наибольшей степени. Но описание милитаризованного быта подводных охотников на биотехнические боевые машины потребовало от автора всерьез заняться частностями. Какой должна быть экипировка подводника, что позволит ему опускаться на глубины, недоступные в наши дни даже для водолазов в тяжелом снаряжении, как им защититься от губительного давления, от кессонной болезни, от электромагнитных поисковых средств «противника» и т.п... К чести московского фантаста, он отлично справился с этой задачей.

Отечественные критики в последнее время пишут о том, что фантастика постепенно «уходит из космоса». Как наша, так и зарубежная. Элементы «космической одиссеи» используются фантастами главным образом как антураж для решения художественных задач, никак с размышлениями об освоении космоса не связанными. Такова тенденция, но ей вопреки случаются всплески собственно космической фантастики. Их вызывает либо ностальгия по прошлому (космической мощи СССР, звездным мечтаниям фантастов-шестидесятников), либо... ностальгия по будущему, то есть по грядущей экспансии землян во вселенной. Так вот, романы Игоря Огая «Зеленая планета» и «Порог сознания», несомненно, принадлежат второму варианту.

Это фантастика о космосе в чистом виде: звездолеты, космопорты, скафандры, земные колонии в отдаленных мирах... «Звездный путь» в данном случае не декорации, а само содержание романов. Книги Огая пронизаны пафосом: летать необходимо! О чем бы ни говорил автор (экологические проблемы в «Зеленой планете», контакт-столкновение в «Пороге сознания»), все, казалось бы, отступает перед этим. И все же звездоплавательный пафос дважды оказывается на скамье подсудимых. Игорь Огай жестко обозначает точку

выбора: да, летать необходимо, но каждый новый шаг во вселенной стоит либо изрядного количества времени, либо изрядного количества человеческих жертв. Отчего так легко выбирают второе?! Авторский стиль вызывает ассоциации с фантастикой 60—70-х, например, с ранней повестью Владимира Михайлова «Люди Приземелья» или повестью АБС «Далекая Радуга». Порой кажется, что «Лунная Радуга» Сергея Павлова написана позже романов Игоря Огая...

Оба романа не блещут стилистическими изысками и глубоким психологизмом. Но действие в них, что называется, крепко сбито. Кроме того, автор умеет грамотно очертить серьезную проблему. В итоге, по сравнению с более именитыми «коллегами» по серии «Остросюжетная фантастика» (Мария Симонова, Александра Сашнева, Виктор Косенков), Игорь Огай более соответствует ее заголовку.

Некоторым направлениям в фантастической литературе свойственна внутренняя ирония. Это прежде всего героическая фэнтези и космическая опера. То есть, конечно же, автор имеет полное право заставить своих персонажей иронизировать; никто не скажет худого слова, если ирония будет относиться ко всему вторичному миру, в котором происходит действие. Но если автор начинает демонстративно хихикать над собственными героями — все пропало. Читатель героической фэнтези и космооперы слишком ценит, чтобы все было «взаправду», и негативно относится к смешливым кайфоломщикам. Александр Зорич отлично усвоил это правило на собственном опыте: дебютная попытка написать космооперу — роман «Консул Содружества» — окончилась бесславно. Это понятно: трудно читателю полюбить книгу, на протяжении которой автор без конца афиширует позицию: «Ну, вы же понимаете, я это несерьезно. Ни один умный образованный человек серьезно про войнушку в космосе писать не станет...» Урок не прошел даром. «Завтра война» — космоопера очень высокого качества, один из лучших русскоязычных образцов. Отлично продумана «стратегическая сторона»: Зорич разворачивает масштабное полотно ойкумены, раскинувшейся по Вселенной. По всей книге разлит «аромат аутентизма», отработан профжаргон военных и с хорошим драйвом передана динамика батальных сцен.

Прописаны характеры, а фигура энтузиаста военно-конструкторской мысли Эстерсона выстроена со всяческими «вкусными» психологическими завитушками, это настоящая находка Зорича. Конечно, в паре мест автор пытается намекнуть читателю, мол, «это я... как бы понарошку... ни один умный... и т.п.» Чего стоит один адмирал Канатчиков... или выпрєнная фразочка одного из главных героев: «Горжусь Россией!» Но в целом Зорич удержал свою внутреннюю иронию в рамках разумного, и книга от этого, думается, много выиграла. Более того, Зорич уже совершенно серьезно ввел в роман философскую начинку на тему «мистика войны», причем сделал это тонко и аккуратно. Роман представляет собой начальную книгу сериала о столкновении двух родственных (человеческих) цивилизаций XXVIII века в жестокой войне. В отличие от романов Игоря Огая, градус «научно-технической плотности» в описаниях у Зорича намного ниже, а вот социологии и психологии масс тут немало; по тому, как они поданы, чувствуется академическая образованность автора*.

С редким упорством разрабатывает в нашей фантастике тему темпоральных переходов и контроля над обществом с помощью контроля над временем Евгений Прошкин. Два его последних романа, связанных с этой тематикой, — «Слой ноль» и «Магистраль» — вышли в 2003 году. В них присутствует «фирменный» центральный персонаж Прошкина (у московского писателя повествование ведется из точки, где главный герой в значительной степени сливается с автором, третье лицо становится почти что первым**). Это маленький человек, мечущийся и страдающий от всеобщего неужоя жизни. Никак не отыскать ему ни высоких смыслов, ни надежного материального комфорта, ни истины, за которую можно ухватиться, ни даже простого милосердия окружающих. Он твердо знает: нельзя убивать, насиловать — и не хочет, чтобы его самого мучили, унижали, лишали свободы. Все остальное в нем переменчиво. То есть, что нужно, он не знает. Так вот, и

* Вернее сказать, авторов: творческого дуэта из Харькова, не давшего разрешения на дешифровку коллективного псевдонима.

** Собственно, в романе «Магистраль» повествование идет от первого лица.

Виктор Мухин, и некий клон без прошлого — центральные персонажи двух романов — представляют собой концентрированные, «заматеревшие» версии прошкинского маленького человека. И эта «модель» способна оказаться родной, душевно созвучной для очень большого числа современных мужчин, в действительности живущих именно так. В романе «Слой ноль» намечена потенциальная траектория развития маленького человека: выход в том, чтобы становиться человеком «большим», сменить упрямство на твердость, сочувствие — на деятельное добро, то есть выход прежде всего в преодолении страха. В романе «Магистраль» главный герой частично проходит маршрут, намеченный в «Слое ноль». Это шаг вперед по сравнению с предыдущими романами. Там (за исключением, пожалуй, «Загона») прошкинский асоциал просто барахтался от пролога до эпилога, ничуть не претерпевая душевной эволюции.

Приближающийся конец света; угроза существованию всего человечества, вызванная перспективой уничтожения единого информационного Поля. Единственные, кто может предотвратить грядущую катастрофу, — уникальные специалисты «корректировщики», способные воздействовать на это самое поле. И еще: ожидание выхода «темной лошади» — квазикорректировщика Вещего Олега — то ли Спасителя, то ли Антихриста... Вот сюжетная основа книги, принадлежащей перу Светланы Прокопчик, прежде выступавшей в качестве автора криминальных романов.

Начало книги, где подробно, скрупулезно даются выкладки «теории информационного Поля» и описываются удивительные возможности «реал-тайм корректировщиков» («рутов») и «посткорректировщиков» («постовиков»), а также антикорректоров и блокаторов немного настораживает, заставляя в дальнейшем ожидать чего-то в духе раннего Василия Васильевича Головачева. Однако это всего лишь увертюра к повествованию, в центре которого находится жизнь студентов конца XXI века. Юноши и девушки, обучающиеся в элитной высшей школе Академия Внеземелья. Зачеты, экзамены, курсовые, дипломные проекты, шпаргалки и, естественно, дружба, любовь, ревность, интриги, зависть. И даже до боли знакомая и набившая оскомину «обществен-

ная работа». Нет-нет, да и ужаснешься: «Господи, да неужели же через сто лет все вернется на круги своя?!» МолОт вместо комсомола, какая-то правящая Партия, ведающая распределением студентов, отправкой «особо достойных» на стажировку за границу. Выходит, «все опять повторится сначала»? Замкнутый круг, из которого СНГ не вырваться? Впрочем, автор очень расплывчато говорит о структуре общества будущего. Для сверхзадачи произведения это не важно. Но в чем же она тогда?

По мере прочтения романа «Корректировщики» возникла еще одна литературная параллель. Отчего-то вспомнилась знаменитая Лидия Чарская с ее романами о жизни девочек-гимназисток: «Княжна Джаваха», «Вторая Нина». Причудливый мир чаяний и откровений, разочарований и восторгов. Романистка начала XX века искренне, без сюсюканья и умиления писала о том, что на самом деле волновало тысячи девочек-подростков. В этом и крылась колоссальная популярность ее книг. Так вот, читая роман С. Прокопчик, постоянно чувствуешь, что автор — женщина. Так обнажено, правдиво написать о первой любви, первых предательствах и разочарованиях, жестокой травле сокурсников может, во-первых, только дама и, во-вторых, только на основе личных жизненных впечатлений. Автобиографизм книги улавливается во многом. Уже хотя бы в намеренном созвучии фамилий автора и героини Прокопчик-Пацанчик. Писательнице в целом все же удалось избежать перекосов и перехлестов, которые привели бы к превращению боевика в слащаво-сентиментальный любовный роман. «Корректировщики» — это именно боевик, но боевик, написанный женщиной. Где более превалирует углубленное внимание к частной, камерной, внутренней жизни человека над смакованием постельно-любовных эпизодов и сцен рукопашных или ментально-астральных поединков (впрочем, сии, последние, в книге тоже имеются)...

«Тело Угрозы» — новый роман ветерана отечественной фантастики Владимира Михайлова — представляет собой образец социальной НФ. Книга превосходит и по литературному уровню, и по философской сложности все, что было им опубликовано со времен «Варианта «И»». «Тело Угрозы»,

как говорят в науке, — «итоговое», или «этапное», произведение.

Тема, легшая в основу романа, в последние годы обыгрывалась часто. Встреча Земли с неким космическим телом, грозящая человечеству катастрофой. Но если — в духе нашумевшего фильма «Армагеддон» — в большинстве подобного рода текстов и кинотекстов упор делается на «вкусную» подачу обстоятельств катастрофы, то Михайлов поставил перед собой принципиально иную задачу. С его точки зрения, Земля разьединенная, отданная в руки многочисленных политических клик, разорванная в экономическом и научном плане, смертельно рискует из-за несовершенства общего состояния дел. На этот раз планета уцелела (полагаю, можно в данном случае выдать читателям финал, поскольку не сюжет, а публицистическое содержание романа составляет его главную ценность), но спасение, свершившееся в последний момент, могло и не состояться. Владимир Михайлов сталкивает человечество с двумя глобальными задачами: ядерное разоружение и спасение от космической угрозы. И диагностирует неготовность конструктивно решать обе проблемы. Любое адекватное действие отягощено массой случайных разрушительных факторов. Амбиции политиков, игры спецслужб, животная корысть предпринимателей, да и просто уголовщина — вот настоящие струпья на теле человечества.

Исключительно негативно в трактовке Владимира Михайлова ограничение свободы СМИ. По сюжету самоотверженный журналист Марк Минич «пробивает» утечку информации о грядущей катастрофе. Без этой утечки, по логике действия, и само спасение Земли могло бы не состояться. Но разве так должна циркулировать информация в цивилизованном обществе? Разве должен журналист действовать вопреки всему общественному строю? Разве должен он двигаться по траектории от одной гибельной ситуации к другой? Цена информации необыкновенно высока. Несколько высокопоставленных лиц из СМИ лишаются жизни, соприкоснувшись с нею. И в конечном счете задержка с анализом ситуации (вызванная именно вакханалией секретности) работает против всего человечества...

Михайлов мягко и ненавязчиво аргументирует в пользу глобализации. Единство Земли, «прозрачность» информационных структур, по логике, заложенной автором в текст, должны способствовать эффективному решению глобальных проблем. Владимир Дмитриевич вводит в роман фигуру глобализатора-исполнителя Гридны и подает стратегию действия, присущую этому персонажу, с нескрываемой симпатией. Намеками, в фоновом режиме, легчайшими мазками Михайлов дает читателю понять: некая могучая корпорация, осуществляющая проект глобализации, реально существует, активно работает над своей задачей и в настоящее время близка к успеху. Контекст романа манифестирует идею: отлично, не надо совать палки в колеса, надо помочь людям, они делают правильное дело...

Впрочем, в России достаточно образованных людей, скептически относящихся к усилиям глобализаторов. Допустим, они, от чего упаси, Господи, достигнут главной своей цели — объединения Земли под управлением мирового правительства, а также политической, этнической и, возможно, культурной унификации человечества. Бросятся ли «победители» решать глобальные проблемы? Не факт. Если некая корпорация становится субъектом общепланетарной власти, со своей высоты она будет решать, чем ей заняться и как обустроить людей, совершенно бесконтрольно. Видимо, конкуренция политических систем необходима, а конкуренция в культурной сфере абсолютно необходима. Выбор всегда должен быть. Мировой монизм — опасная штука. Тема антиглобализма так или иначе прозвучала в 2003 году в романах Михаила Тырина, Кирилла Бенедиктова, Дмитрия Володихина, Виктора Косенкова*.

При всем том к роману Владимира Михайлова стоит отнестись серьезно и уважительно. Это значительное явление в нашей фантастической литературе. Его стоит прочитать как минимум для того, чтобы знать набор аргументов одной из сторон.

Еще один роскошный образец социальной НФ — книга Михаила Тырина «Желтая линия» Это, наверное, лучший научно-фантастический роман 2003 года. Сюжет строится

* О них речь пойдет ниже.

на том, что два наших соотечественника — неудачливый поэт и высокооплачиваемый адвокат уходят из нашего мира через транспространственный портал. Они попадают в мир Цивилизации, то есть колоссального галактического сообщества. Пребывая в стесненных обстоятельствах, польстились, бедняги, на посулы счастливой жизни в соответствии с единственно верным рецептом...

По тексту рассыпаны авторские подсказки: мол, никакие это не иные миры, а наше будущее. Все «инопланетные» народы антропоморфны, а также, судя по целому ряду ситуаций, их представители могут «скрещиваться между собой и давать плодовитое потомство». Техника нигде не выходит за пределы легко представимого, а в большинстве случаев напоминает проржавелую рухлядь из фильма «Кин-дза-дза». Общественное устройство — плоть от плоти того, к которому движется мир усилиями глобалистов. Это холодный, лишенный простого человеческого милосердия мир, повсюду царит наука «экономикс», а люди там больше похожи на цифры, да и отличаются они друг от друга в основном количеством заработанных «уцим» (баллов, начисляемых за заслуги перед обществом). Тот, кто нашелкал побольше уцим, сладко ест и на мягком спит, развлекается, как захочет. Тот, у кого с уцим проблемы, голодным не останется, но его пищей будет синтетический «комбикорм», а одеждой — роба. Быт предельно стандартизирован. Более того, Цивилизация на периферии ведет «колониальные войны», унифицируя еще не присоединенные народы под единый шаблон. Всех, кто сопротивляется, буквально выжигают.

Наконец оккупационный контингент Цивилизации десантируется на Землю... По логике повествования, будущее вторглось в настоящее, «цивилизаторы» пришли, чтобы начать кройку и шитье себе подобных. Главные герои находят в себе силы воспротивиться такому будущему. В итоге роман Михаила Тырина получился стихийно антиглобалистским... что ж, умные, неангажированные люди быстро разбираются в ситуации.

К этим двум книгам (особенно к роману Владимира Михайлова) тематически примыкает 50-листовый труд Кирилла Бенедиктова «Война за «Асгард»». Книга Кирилла

Бенедиктова представляет собой настоящий геополитический роман. Все основные персонажи показаны прежде всего как представители разных цивилизаций, а сюжетный конфликт — в первую очередь цивилизационное столкновение. 2053 год, абсолютное доминирование англо-саксонского «культурно-исторического типа», последние попытки соседей по планете сопротивляться этому диктату. А кто не желает или не может сопротивляться — тот худо-бедно приспособливается... Между тем владыки Земли готовят для миллиардов недолюдей «окончательное решение»...

«Война за «Асгард»» заняла почти пустующую в современной российской фантастике нишу: конструирование ближайшего будущего. Московский писатель предложил серьезное, можно сказать, монографическое описание мира после победы глобализации. Он по-ефремовски честно и основательно рисует политическое устройство, технологии, экологическое состояние Земли, быт, «малые войны», идеологию, нравы. Не пытается пропустить подробности и выехать на одной игре ума. Мир, отстоящий от нас на полвека, холоден и неуютен. В XXI веке по-бенедиктовски наша страна представляет собой задворки «богатого севера», впрочем, сохраняющие некоторую самостоятельность. Россия находится не в худшем состоянии — по сравнению, например, с Индией или Китаем, — но она бедна и унижена. Как ни парадоксально, нынешняя слабость оказала российской цивилизации большую услугу в будущем: не видя в стране серьезного противника, хозяева планеты не стали учинять ее окончательный разгром. Звучит горько, но похоже на правду...

Видно, что автор является широко образованным политологом, отлично ориентируется в современной философии и футурологии. Его антиглобалистская позиция осознанна и хорошо аргументирована. Вместе с тем персонажи не теряют психологической «сочности» и правдоподобия, а сюжет способен увлечь даже очень притязательного любителя приключенческой фантастики. В сущности, надо поздравить Кирилла Бенедиктова: «Война за «Асгард»» — большая творческая удача.

В фантастической литературе есть такая разновидность, как «Альтернативная история». Авторы здесь руководствуются формулой: «Что было бы, если б...». Бывают произведения об альтернативном прошлом или альтернативном настоящем. Дмитрий Володихин в романе «Убить миротворца» решил поэкспериментировать и написал книгу об альтернативном будущем. Как-то уж так вышло, что в XXI веке земная история сделала разветвление и потекла по двум руслам, породив нечто, сродни параллельным реальностям. И вот волею Судьбы встречаются два близнеца из этих самых реальностей. Разговаривают, делятся впечатлениями каждый о своем мире, пробуют понять иномирье. Время от времени беседа прерывается то картинкой космической атаки, то сочной постельной сценой. В общем, все как всегда в фантастическом боевике в духе «Звездных войн».

И все-таки книга не столько о будущем, сколько о настоящем. Автор размышляет о путях современной России, предлагая несколько вариантов развития грядущего. С одной стороны, реставрируется Российская империя, то есть мощная, экономически развитая, политически авторитетная православная монархия. Это, так сказать, Утопия. Или же, если прогресс пойдет по тому сценарию, что мы имеем сейчас, то есть Россия постепенно вращается в объединенную Европу со всеми ее политическими и экономическими структурами, то будущее выглядит не так заманчиво. Реализуются наиболее мрачные прогнозы относительно глобализации (в этом смысле роман Володихина тематически весьма близок бенедиктовской «Войне за «Асгард»»). Царит режим всеобщей унификации и нивелировки. Сплошной мрак и ужас в духе апокалиптических видений Замятина, Оруэлла и Хаксли. Настоящая Антиутопия.

Володихин сталкивает лбами Утопию и Антиутопию, с отстраненной улыбкой приглядываясь, кто же победит. И на поверку выходит, что обе модели, оба мира крайне неуютны. В Российской империи при всех ее достоинствах есть и недостатки (те же захватнические войны и пр.). В мире Женевской федерации так и вовсе не удалось разглядеть ни одного луча света. Так кто же прав? Читателю остается выб-

рать лучшее из возможного, а блистательных возможностей на горизонте не наблюдается*.

Собственно ветвь альтернативной и криптоистории** представлена в 2003 году нескучно. В названной нише наибольшее количество споров и критических оценок вызвал роман Сергея Анисимова «Вариант «бис». Это история о глобальном военном противостоянии СССР и Запада, развернувшаяся в 1944 г. в результате принципиально иного течения Второй мировой войны. Критики обвиняли роман в избыточной «красноте», «советизме». Одновременно отмечались недюжинные знания автора в области «батальной» истории, а особенно — в истории военной техники.

Публицистический роман Вячеслава Рыбакова «На будущий год в Москве» рисует картину альтернативного прошлого России самых недавних лет. Это 90-е и первые годы XXI столетия. В стране все поставлено под контроль Запада. Все русское преследуется. Наука и искусство пребывают в нокауте. Этот вариант, слава богу, у нас не осуществился, хотя после 1991 года было немало сторонников воинствующего западничества... Отчасти Рыбаков предупреждает: да, этого не было, но как знать, не исчезла ли угроза того, что так еще может быть. Исключительно важно определение истинного патриотизма, высказанное автором. Быть патриотом — не значит хулить чужое. Это значит — стремиться поддержать и прославить родной народ своими творческими усилиями.

В 2003 году вышли первые две книги Юрия Бурносова (до того известного как «половинка» Виктора Бурцева) из задуманной писателем трилогии «Числа и знаки». Романы «Два квадрата» и «Три розы» решены в жанре альтернативно-исторического мистического детектива.

Почему альтернативно-исторического? Да потому, что действие книг происходит в условной Северной Европе (то ли в Голландии, то ли в Дании) и в условное средневековье. О том, что это «не наше» средневековье, можно догадываться уже хотя бы потому, что господствующая здесь церковь

* Отзыв о романе Д. Володихина написан И. Черным.

** Направление криптоистории в фантастической литературе живет под девизом: «А как оно было на самом деле?».

нигде не обозначена как христианская. И уж больно она терпима, хоть и всю свирепствует местная инквизиция, переименованная автором в миссерихордию (от латинского «милосердие»). Стерпел бы наш Торквемада, если бы какой-нибудь герцог Альба на вопрос о том, верует ли он в Бога, публично ответил бы, что-де не совсем? Вряд ли. А вот главному герою, детективу (в романах прима-конестаблю) Хаиме Бофранку подобный ответ сходит с рук. Мало того, Великий инквизитор (грейсфрате) Броньолус приглашает его посотрудничать. Вспоминается «Имя Розы», предложение о сотрудничестве, поступившее Вильгельму Баскервильскому от Бернарда Ги? То-то же. И таких литературных комплиментов, реминисценций в диалоги не счесть. Дань постмодернизму с его интертекстуальными связями? Возможно.

Почему эти романы относятся к детективному жанру, тоже понятно. Хаиме Бофранк в «Двух квадратах» расследует серию жутких преступлений, совершенных в глухом городишке. В «Трех розах» перед ним тоже задача не из легких: предстоит распутать цепь убийств, совершенных в столичном районе Баранья Бочка кровавым упырем. Не Джеком ли Потрошителем запахло? Может быть, может быть. Но странный, однако, инвентигатор (следователь) этот Хаиме Бофранк. Ничего-то у него не получается. Вместо лавров победителя ему достаются одни шишки, ушибы да раны. А преступники как-то сами собой объявляются, дразня незадачливого сыщика: «Вот он я, попробуй возьми!».

И, естественно, мистика, магия. Именно она определяет принадлежность сочинений Бурносова к фантастике. То тролли с гоблинами промелькнут, то оборотни. То сам детектив в кошку превратится или вместе с друзьями попадет в междумирье. И все вокруг ждут пришествия некоей Третьей Силы, не имеющей ничего общего ни с Богом, ни с дьяволом. Кто он, этот враг рода человеческого Марцин Фруде, более известный как Люциус (и снова вспомним «несущего свет» — Люцифера)? Никто не знает: жив ли он, мертв ли; когда придет и с чем. Возможно, ответы удастся найти в заключительной части трилогии, романе «Четыре всадника».

Историзм мышления — одна из главных отличительных черт творческой манеры Сергея Синякина. Неистребимый интерес к прошлому Отечества, попытки разобраться в тех хитросплетениях, которые навертела лукавая Клио, заглянуть за кулисы истории, реконструировав всё так, как оно было «на самом деле», — вот то, что характерно для многих произведений волгоградского писателя-фантаста. В этом он близок к направлению, получившему наименование «криптоистории» (то есть тайной, скрытой истории).

В романе «Операция прикрытия» под пером Синякина оживают зловещие фигуры Сталина и его друга-соперника всесильного Берия (Лаврентию Палычу в который раз не повезло с корректором, который бы вспомнил, что минг-рельские фамилии не склоняются). И если личность вождя всех народов выписана в общем-то традиционными красками, то заместитель Председателя Совмина предстает в неожиданном ракурсе человека мыслящего. Романист ни в коей мере не оправдывает своего антигероя, но все же нет-нет, да и задумаешься: а что было бы, не победи тогда, в 1953-м, Хрущев? А рядом со Сталиным и Берия оживает легендарный Яков Блюмкин, в очередной раз удравший от смерти. На этот раз на корабле инопланетян.

Книга Синякина может быть отнесена и к модному жанру ретродетektива. Один из центральных персонажей, «гэбэшник» Александр Бабуш на протяжении всего повествования ведет расследование таинственных случаев, происходящих в Свердловской области и связанных с сектантами-странниками, военными преступниками и «зелеными человечками». Естественно, полноценного контакта с инопланетянами не произошло. Иначе и быть не могло. Великая тайна в очередной раз попала в руки «отцов отечества», которые лучше нас с вами разбираются в том, что нужно и полезно для «народных масс». Вместе с тем финал романа остается открытым. Автор приглашает читателя к размышлению. Да, легко осуждать деяния горстки правителей, росчерком пера обрекших на смерть пару сотен людей и нелюдей. А как бы современный человек поступил на их месте, спрашивает Синякин. Готово ли человечество к контакту?

...Уже почти три с чем-то тысячелетия назад закончилась Троянская война, в честь которой слепой старец Гомер сложил две гениальные эпические поэмы, а мы до сих пор слышим «умолкнувший звук божественной эллинской речи», вновь и вновь улетаая воображением в те далекие времена. Образы пастыря народов Агамемнона, хитроумного Одиссея, бесстрашного Ахилла, благородного Гектора, боговолимпийцев вдохновляют писателей на создание произведений, в которых наши современники пытаются дать свою трактовку легендарных событий. В последние несколько лет появились такие романы, как «Одиссей, сын Лаэрта» Г.Л. Олди, «Диомед, сын Тидея» А. Валентинова, «Тёмная гора» Э. Геворкяна, дилогия «Золотая колыбель» О. Елисеевой. Все эти произведения объединяет то, что их авторы «старца великого тень чуют смущенной душой», бережно, с уважением и трепетом обращаясь с гомеровским наследием.

Начинающий харьковский автор Валентин Леженда в романе «Разборки олимпийского уровня» создал пародию не столько на поэмы Гомера, сколько на вышеупомянутые историко-мифологические романы своих коллег по цеху. Пародию не злую, а веселую и комическую. Этакую мистерию-буфф. Подтрунивая над модной разновидностью исторической фантастики «криптоисторией», он пытается объяснить темные и таинственные места гомеровского эпоса. Так, Олимп у Леженды — это вовсе не гора в Греции, а космический корабль инопланетян, бессмертные боги — пришельцы из глубин космоса, исследующие Землю и ставящие эксперименты над её обитателями, а Одиссей так и вовсе оказывается сыном... циклопа Полифема. Фантаст переосмысливает греческие мифы, давая «научное» объяснение всем чудесам и диковинкам, не понятым жителями Древней Эллады в силу своей технической неграмотности. В книге два плана, две сюжетные линии. Одна связана собственно с «Илиадой» и «Одиссеей», что обозначено в названиях двух частей романа: «Троянская возня» и «Одиссей, сын Полифема». Вторая посвящена приключениям двух пройдох, Алкидия и Фемистоклуса, похитивших у олимпийцев волшебную амброзию. Эти страницы «Разборок...» показали нам более любопытными, чем «псевдогомеровские», так как здесь

автору пришлось напрячь собственное воображение, а не спекулировать на чужих находках. Оба разгильдяя вышли у Валентина Леженды довольно симпатичными, несмотря на, казалось бы, неположительный статус. Их похождения превращают роман-пародию в авантюрный роман, придавая ему элементы непредсказуемости, что особенно важно в связи с классицистической предопределенностью финала первой сюжетной линии. Алкидий и Фемистоклос — олицетворение скептического человеческого ума, вопреки всему движущего прогресс. Здоровые циники, они без должного пиетета относятся к бессмертным, что помогает им выйти сухими из разнообразных переделок. И при этом парни не являются атеистами или богоборцами, как главные герои «античных» романов Олди и Валентинова. Можно сказать, что Леженда точно воссоздал особенности взаимоотношений эллинов со своими богами, которых считали скорее соседями, старшими братьями и сестрами, а не всевидящими, всезнающими и всемогущими существами, ревниво наблюдающими сверху за людьми и карающими их за малейшую провинность.

Отличается полемической заостренностью роман Юрия Брайдера и Николая Чадовича «Враг за Гималаями». Книга построена на материале, связанном с историей древних индоариев. К сожалению, авторы предложили читателям романа столь спорные этические схемы, что это во многом обесценило придуманные ими оправдания для перекройки исторических судеб мира.

2003 год подарил отечественной фэнтези восходящую звезду: Алексея Пехова. Издательство «Армада» выпустило его трилогию «Хроники Сиалы», в рамках которой опубликованы романы «Крадущийся в тени», «Джанга с тенями» и «Вьюга теней». Книги Алексея Пехова разошлись большими тиражами и были многими читателями встречены позитивно. Этот триумфальный дебют и есть наиболее важное событие года в области фэнтезийной литературы.

В критике неоднократно высказывалась идея об особенностях понятия «качество» в фэнтези: будто бы в этой области литературы можно сотворить либо шедевр, либо очередное свидетельство авторской нищеты духа. «Средний класс»

якобы по определению невозможен. Ан нет, в жизни выходит иначе, и Алексей Пехов с его «Хрониками Сиалы» дает отличный пример. Пехов предлагает продукт, что называется, «приличного качества». Не «мерседес», но и не «Запорожец». Может быть, «школа» или «фольксваген», если, конечно, подобное сравнение уместно. Вот реестр плюсов и минусов в текстах Алексея Пехова:

— бесспорно, положительно следует оценить его способность закручивать сюжет, увлекать читателя приключениями, строить батальные сцены; кроме того, автор отлично «держит мир», то есть его вторичная фэнтезийная реальность продумана, уравновешена, не разваливается по чисто логическим причинам;

— напротив, по части «психологического письма» автор в целом беспомощен, и редкие его удачи по этой части общего впечатления отнюдь не исправляют; не блещет трилогия и философской нагрузкой.

Итог: крепкий «средний класс», обреченный на коммерческий успех и способный вызвать подражания. Для общего состояния дел в российской фэнтези факт, скорее, отрадный: отечественный производитель научился клепать «фольксвагены».

Сиала Пехова — мир, построенный из стандартных фэнтезийных фрагментов и сдобренный этикой «темных» ролевиков. Там не очень различают добро и зло, там любовь оказывается на дальних задворках, ценятся честь (особенно профессиональная), отвага и умение во всех обстоятельствах полагаться только на себя. Отсюда и выбор героя — ловкого вора Гаррета, спасающего королевство во имя собственного выживания и соблюдения профессионального воровского кодекса чести. Он и есть — человек Тени. И квест за спасительным магическим артефактом, который совершает Гаррет, мотивируется отнюдь не по-толкиновски и не по-говардовски. Это, скорее, квест в духе Спрэга де Кампа или Глена Кука: жизнь заставит, так пойдешь, сцапаешь и принесешь хоть черта лысого...

Тем не менее хорошо уже то, что Пехов постарался создать героя. Пусть достаточно далекого от традиционной этики, пусть даже темного (хотя и жаль, что темный!). Но

все же именно героя, а не сатирическую размазню, не конаноподобного громилу, не гориллу-амазонку и не слегка замаскированного интеллигента с характером великовозрастного мальчишки. В современной фантастической литературе, особенно в фэнтези, борются тенденции героики и дегероизации. Соблазнам последней Алексей Пехов, слава богу, не поддался.

У «Сиальского цикла» есть еще одно очень важное достоинство: он лишен стебалова, которое в последние годы участливо именуют то иронией, то «элементами постмодернизма», хотя на самом деле стоило бы говорить об элементах студенческого капустника. Пехов серьезен со своими героями, он не пытается подмигивать читателю, мол, мы с тобой, брат, все знаем и надо всем готовы похихикать. Иной раз пеховский текст обретает пафосность — в лучшем смысле этого слова. И от этого автор только выигрывает: некоторые течения внутри фэнтези по определению должны быть избавлены от хихиканья/гыгыканья. Пехов почувствовал, каковы истинные правила игры, знать, интуиция у него работает как часы...

Благодаря Брему Стокеру образ вампира прочно вошел в мировую литературу. Конечно, и до «Дракулы» были попытки воплотить в художественном произведении тип «героя-кровопийцы», но именно ирландский писатель сумел сделать из в целом неприглядного фольклорного персонажа существо титаническое и даже трагическое. Мастер сказочно-юмористической фантастики Андрей Белянин в своем новом романе «Вкус вампира» попытался решить данную тему в ироническом ключе и на отечественном материале.

Действие книги, как и во многих произведениях писателя, происходит в его родном городе. Но на этот раз Астрахань уже не фэнтезийно-юмористическая, а, так сказать, «готическая». Потому что речь здесь идет не о заблудившемся средневековом рыцаре или приключениях поэта, у которого жена — ведьма, а о существах жутких и зловещих. Которые боятся чеснока, святой воды, распятия и дневного света. Ну, заодно не отражаются в зеркалах и практически не стареют. Город зловещий, город кошмарный. Вампиры и оборотни притаились здесь за каждым кустом, окопались почти в каж-

дом госучреждения и частном предприятии. Картина, достойная кисти Босха и пера Гоголя. Привычный для читателя белянинский легкий юмор, переходящий в иронию, заменяется в новом романе фантаста гротеском и сарказмом.

Главные герои, которых в романе три, как нельзя лучше воплощают многоцветие окружающего их мира. Два женских образа, вампириши Сабрины и охотницы за вампирами Евы, воплощают, соответственно, ночной и дневной город. Однако между ночью и днем есть еще промежуточные состояния — вечер и утро. Вот как раз их и представляет герой, нетрадиционный вампир Денис Титовский. Он «русский Дракула» со всеми вытекающими из этого последствиями. Прежде всего это рефлектирующий герой, сомневающийся, мятущийся, мучительно ищущий свое место в расстановке сил. И одновременно он супермен, классический персонаж современного российского боевика. Новым для художественной манеры Белянина является и то, что главный герой в лучших традициях суперменства наделен ярко выраженной мужественностью. В смысле эротических способностей. Он даже питается не кровью, высосанной из несчастных жертв, а гораздо более гуманным и в то же время экзотическим образом. Жизненную энергию Дэн получает во время общения с прекрасным полом. Ласковый взгляд, пару томных вздохов красоты, несколько часов в постели с прелестным созданием, и русский Дракула вновь полон энергии.

Под стать ему и верная подруга Сабрина. Настоящая женщина-вамп, реализованная тайная греза каждого мужчины. Всего женственного у нее имеется с избытком, а общение с возлюбленным ежеминутно переходит в одну и ту же колею, до того заезженную, что порой сексуальная экзальтация (если не сказать озабоченность) влюбленной парочки даже утомляет и раздражает. Впрочем, возможно, что это намеренный сатирический прием автора, пародирующий пристрастие некоторых современных писателей к перенасыщению своих произведений эротическими сценами. Белянин стремился написать умную и злую пародию на боевик, и это ему, несомненно, удалось.

20—30-е годы XIX века литературоведы называют «эпохой Вальтера Скотта в России». Думается, что 70-е годы XX столетия можно охарактеризовать как «эпоху Дюма». Произведения великого француза и в особенности «Три мушкетера» были для нас, тогдашних подростков, всем: Библией, кодексом поведения. Они уводили в запредельные дали, уносили в заоблачные выси. Подальше от серых, заунывных будней эпохи застоя. Мы делали себе деревянные и провололочные шпаги, прикладывали руки к воображаемым шляпам с пышными плюмажами: «Защищайтесь, мсье, я имею честь атаковать вас».

Новый роман Владимира Свержина «Чего стоит Париж?» из цикла книг о сотрудниках Института Экспериментальной Истории — это очередной поклон, дань уважения повзрослевшего парня из 70-х мэтру Александру Дюма. И в диалогах персонажей произведения легко узнаются те самые высокопарные фразы, которыми обменивались пацанята во время своих «всамделишных» дуэлей. По всей видимости, французы второй половины XVI века были в повседневной жизни гораздо жестче и менее прециозны и куртуазны, чем это представляет Свержин. И вряд ли Генрих Бурбон стал бы попусту тратить время на то, чтобы расшаркиваться и многократно извиняться перед Генрихом Валуа из-за нескольких мелких дворян, отправленных им на тот свет. Время-то было отнюдь не куртуазное. Только что Франция была потрясена событиями Варфоломеевской ночи, когда были уничтожены сотни и тысячи ни в чем не повинных людей. А тут... Четыре жизни — эка невидаль.

Ситуация, ставшая стержнем, вокруг которого разворачивается сюжет произведения, напоминает коллизию «Принца и нищего». Исчезает Генрих Наваррский, и чтобы не произошел временной парадокс, место будущего Анри IV временно, «до царева возвращения», занимает вездесущий Вальдар Камдил. С самого начала бедолага оказывается в сложном положении. Во время взрыва Лувра героя привалило обломками, а когда он очнулся, то обнаружил рядом с собой тело короля Карла IX, убиенного кинжалом наваррца. И к этому пренеприятному пассажиру добавляется еще и полная потеря Камдилом памяти. В общем, все как в латиноамериканском

сериале. Конечно, на помощь Вальдару приходят верные друзья, как из будущего (Сергей Лисиченко по прозвищу Лис, хорошо знакомый читателю по предыдущим книгам сериала), так и из «настоящего» (Манозель де Батц) и прошлого (ни много ни мало, сам доктор Иоганн Фауст).

Герои плетут интриги, которые не в состоянии распутать ни Генрих Анжуйский, ни герцог Гиз, ни даже сама хитроумная «черная вдова-паучиха» Екатерина Медичи. Погони, схватки, дуэли, сеансы черной и белой магии. Все как в любом приличном романе «плаща и шпаги». И в конце концов вся эта возня сводится к одному-единственному результату: гасконский дворянин, соратник Генриха Бурбона Манозель де Батц женится на спасенной им из цепких ядовитых сетей «черной паучихи» Конфьянс де Пейрак. Ну и что? — спросите вы. Ай-ай-ай, любезный читатель. Сразу видно, что вы родом не из 70-х. Да ведь каждый истинный поклонник Дюма и «Трех мушкетеров» знает, что д'Артаньяна звали Шарль де Батц. Понимаете? Нет? Ну а если напомнить, что в качестве свадебного подарка другу Анри Наваррский преподнес небольшой замок Артаньян? Правильно. Вы поняли, что Свержин написал приквел к знаменитому роману Дюма, поведав о том, как встретились и поженились родители четвертого мушкетера, будущего маршала Франции. Таким образом, перед нами как бы родословная д'Артаньяна, и «Чего стоит Париж?» вписывается в тот ряд произведений, которые мы получили в последнее время (имеется в виду дилогия Бушкова и ей подобные сочинения).

Наиболее удачная работа в рамках исторической или, иначе, историко-мифологической фэнтези принадлежит Ольге Елисеевой. Это роман «Хозяин проливов». Обычно, когда выходит вторая или третья книга какого-нибудь сериала, читатели и критики задаются вопросом: по восходящей или по нисходящей линии изменилось качество. Но здесь не тот случай. Во младенчестве роман «Золотая колыбель» был разделен по чисто полиграфическим причинам на две книги. Первая из них вышла под названием «Сокол на запястье» в 2002-м и за год собрала аж пять литературных премий: «Чаша Клио», «Чаша Бастиона», «Бронзовый Роскон», «Меч в камне» и «Филигрань». Новый роман Ольги

Елисеевой представляет собой вторую часть «Золотой колыбели». Те же герои, тот же антураж, концовки тех же сюжетных линий, то же качество.

Приключения богов из древнегреческого пантеона, а также героев и простых людей происходят в основном на древней земле Крыма, редко выбрасывая протуберанцы в другие области Северного Причерноморья, или, например, к гибнущей Трое. Елисеева, профессиональный историк, отлично знает исторический и мифологический материал, на основе которого ею создана «Золотая колыбель». Мир книги можно привязать к традиционной хронологии с большой точностью: к определенным десятилетиям. В то же время он концентрирует верования, символы и действительные исторические события, раскинувшиеся в нашей реальности на просторах целого тысячелетия.

Двухчастевую «Золотую колыбель» можно считать удачной антитезой роману Ивана Ефремова «Таис Афинская». И здесь, и там перед читателем предстает эпоха, на протяжении которой надцивилизационный культ Великой матери отступает, теряет свою силу; ему приходят на смену времена «мужских» аполлонических культов. Эта последовательность, кстати, соответствует воззрениям авторитетнейших ученых и философов-религиоведов на историю верований в Евразии. Так вот, Ефремова, если можно так выразиться, завораживало чудовищное лоно Кибелы-Геры, Великой матери. Ему жалко было тайных знаний, уходящих из биографии человечества вместе с ее почитанием, распространенным у разных народов. Мнение Елисеевой (а оно выражено на страницах книги достаточно ясно) прямо противоположное: ушло — и слава богу. Уж больно много было в этом древнем культе нечеловеческого.

Но превыше философии романа Елисеевой, превыше грамотно сделанных «этнографических» зарисовок, — история любви пантикапейского воина Левкона и меотянки Ареты, «специалиста по тайным операциям». Два сильных, отважных человека мучительно долго преодолевают взаимное недоверие и страх друг перед другом. Каждому из них надо было по несколько раз победить другого, спасти другого, простить другого, бросить другого, прежде чем оба сумели

осознать, что им следует навсегда остаться вместе. Сюжет, можно сказать, вечный: не бывает любви там, где осталось место для страха... Николай Островский назвал свой роман «Как закалялась сталь», а Ольга Елисеева с полным на то основанием могла бы назвать вторую часть «Золотой колыбели» — «Как закалялась любовь»... История Ареты и Левкона, с точки зрения психологии, выписана в высшей степени тонко и точно. «Золотая колыбель» в целом — вещь самостоятельная и оригинальная*.

Кроме того, необходимо отметить книги Елены Первушиной («Короли побежденных»), Леонида Кудрявцева («Последняя одиссея»), а также Сергея Лифанова и Ирины Кублицкой («Приют изгоев») — во всех случаях авторам удалось сконструировать оригинальные фэнтезийные миры и выдержать при этом высокий уровень стилистики.

Наконец, пополнилось несколько фэнтезийных сериалов. Из их числа наибольшее оживление вызвало очередное продолжение сериала о Волкодаве, написанное Марией Семеновой. Можно констатировать также отступление славяно-киевской тематики. Направление, по всей видимости, выдыхается; за весь год не вышло ничего, достойного упоминания.

Сакральная фантастика (то есть литература, в которой фантастическое допущение строится на мистике) представлена романами Далии Трускиновской, Виталия Каплана и Елены Хаецкой.

Когда-то, во время учебы на филфаке, одному из авторов статьи пришлось прочитать эпопею Горького «Жизнь Клима Самгина». По мере знакомства с текстом охватывал некий священный трепет перед величием замысла и воплощения, а больше из-за того, что никак не мог определиться с классификацией персонажей. Кто из них прав, кто виноват? Вроде бы все до одного говорят умные и правильные вещи... Почти такое же смущение испытываешь и при чтении нового романа Д.М. Трускиновской «Дайте место гневу Божию».

* В этом же году вышел еще один фэнтезийный роман О. Елисеевой — «Ледяной круг». Но это, по сути, публикация рукописи, созданной несколько лет назад и давно известной в Фэндоме.

Сюжет книги идеально вписывается в рамки серии, в которой она вышла («Ночной дозор»). Спецкоманда, созданная ангелами из погибших милиционеров, расследует дело о нарушении паритета между Тьмой и Светом. Параллельно действует команда, состоящая из демонов Справедливости. Представьте же себе, что будет, если восстанавливать справедливость берутся черти. Все запутывается в тугой гордиев узел, разрубить который можно разве что чудесными мечами, до поры до времени хранящимися на небесах. Естественно, это всего лишь упрощенная схема.

На самом деле для писательницы не так важны сюжетные перипетии, ибо «Дайте место гневу Божию» — роман не столько приключенческий, сколько идеологический, богоскательский. Здесь вновь поднимается вопрос, мучающий русскую литературу уже около тысячи лет: «Что же выше: Закон или Благодать?» Закон проще, понятнее. В Ветхом Завете ни разу преступник не уходит от возмездия. Христианская этика внесла сумятицу в умы и законодательство. Судить преступника стало сложнее. «Кто из вас без греха?» То есть кто дал вам право судить себе подобного? Нет уж! «Мне отпущение и Аз воздам!» Ну а как же мера терпения Господа, где место гневу Божию?

Трускиновская намеренно вносит в умы читателя проблему во всей ее сложности и противоречивости, заставляя задуматься над «проклятыми вопросами» современности. Ее роман — слепок этической неразберихи и неустройства, охвативших наше общество. Действительно, одни ратуют за суровость закона, кивая головой на недавнее прошлое, дескать, тогда, при суровом Боге-отце, все было лучше и яснее. Иные бьются за торжество благодати, за дальнейшее смягчение нравов человечества. Вон, даже смертную казнь упразднили. «Что же есть истина?» Герои романа с надеждой вглядываются в Небеса. И получают ответ. Может, и впрямь стоит чаще обращаться взором и сердцем к тверди небесной, голубеющей у нас над головами?

Прямо обращается к проблемам христианской этики Виталий Каплан, сталкивая ее с этикой эзотерических орденов в романе «Круги в пустоте». Эта книга выделяется жесткостью и бескомпромиссностью позиции.

Роман Елены Хаецкой «Дама Тулуза» — последний в масштабном цикле о судьбах Лангедока во времена катаров. Этот цикл можно рассматривать как единое произведение. Несмотря на полную сюжетную самостоятельность составляющих его романов, их соединение обладает дополнительной художественной ценностью, дает новые смыслы, которые невозможно разглядеть на уровне фрагмента...

В него входят романы «Бертран из Лангедока» (2002), «Жизнь и смерть Арнаута Каталана» (2002), «Дама Тулуза» (2003), рассказ «Добрые люди и злой пес» (2002) и воспоминания о поездке в Южную Францию «Дорога в Монсегюр» (2003). Основная работа пришлась на 1996—1999 годы, однако затем цикл долго и трудно шел к читателю: на протяжении нескольких лет издатели недоумевали, к какой разновидности фантастической литературы его отнести, — а потому не спешили печатать. Историческая фэнтези, может быть?

Да, истории тут достаточно. В качестве сцены использована вполне историческая Франция (в некоторых случаях даже приземленно-историческая) последней четверти XII — середины XIII столетия. Вот только классической фэнтези с её магизмом и квестовой романтикой не то чтобы мало, а... совсем нет. Фантастического в цикле немного, можно сказать — предельный минимум (особенно в «Даме Тулузе»). И вся совокупность «фантастики» не выходит за рамки христианской мистики. Вот Господь и Его благие чудеса. А вот бесы копошатся и строят козни, сворачивая людей. Фантастическое допущение использовано в цикле таким образом, что по сравнению с реальностью средневекового Лангедока настоящей фантастикой оказывается реальность «Поднятой целины», «Цементы», «Гидроцентрали», «Разгрома»... Нет в них ни Бога, ни бесов, а этого по определению быть не может, это чушь, это сапоги всмятку, несерьезная небывальщина. Лангедок с чудесами — христианский реализм (разновидность сакральной фантастики), «Поднятая целина» с тракторами — христианская фантастика...

Все четыре художественных произведения, вошедших в цикл, построены сходным образом. В центре повествования всегда один персонаж, и текст неизменно обретает очерта-

ния даже не биографии, а жития, в котором выделены особенно важные эпизоды, счастливо опущена вся психоаналитическая дребедень (какая там злая собака напугала мамашу, вынашивавшую будущего маньяка и мизантропа), на полях же помещены маргиналии об иных примечательных людях, поучительные притчи, зарисовки исторического фона; в числе житийных эпизодов особо выделяется все чудесное — независимо от того, выступал ли в роли чудотворца главный герой или же чудо просто проявлялось на поверхности бытия рядом с ним.

Окситания Хаецкой прекрасна, обворожительна, притягательна, какой бывает гордая женщина, полная молодой грации и солнечной красоты. Окситания по-хаецки — спелый хлеб, ослепительно прозрачный воздух, виноградина, налитая светом. Окситания по-хаецки — рай земной. Земля языка Ок пленительна и богата, Бог осыпал её дарами, а тамошние люди исполнились отваги и утонченности.

Да, Хаецкая любит Лангедок, радуется самому факту существования этой роскошной страны. Как было бы хорошо, вытекает из ее романов, если бы южная красавица признала своего истинного супруга, а именно — суровый франкский Север, персонифицированный в Симоне де Монфоре, бесстрашном рыцаре и добром католике. Ан нет, место в ее душе занято Учителем-ересиархом, катаром, «совершенным человеком», для которого вся эта красота — грязь, низкая плоть... худо, что духу приходится мараться о плоть.

Катары, которых так полюбила Окситания, в трактовке Хаецкой — гниль, болезнь, чудовищное искажение, поразившее вполне здоровое тело. Последовательно христианское мировидение автора не оставляет катарам ни единого шанса на более мягкий вердикт. Их твердыня, Монсегюр, отбрасывает на всю славную землю Лангедока свинцовую тень сатанинства. «И тень Горы лежала на всем...» («Жизнь и смерть Арнаута Каталана»).

В романе «Дама Тулуза» свершается подобие истинного брака — свадьба Петрониллы де Коменж и Гюи, сына Симона де Монфора. И смерть супруга, разрушившая семью, представляется трагедией, расшифровывающей триумфальную гибель самого Симона. Горе несчастной Петрониллы

обретает космические масштабы: то, что худо закончилось для нее, худо закончилось и для всей Окситании.

Чья в том вина? Да все той же Горы, тень которой сумела укорениться в сердцах лангедокцев. Христианский мир, вторгшийся в «окатаренную» страну железом Симона де Монфора и крестом Св. Доминика, не мог быть мягче, поскольку и враг не желал уступать ни пяди. Одержимость катаров ничуть не менее способствовала пролитию крови, нежели старания инквизиции. Но дело даже не в этом. Фактически на целой стране проведена была болезненная хирургическая операция, скальпель Севера глубоко погрузился в плоть Юга... И Юг, прекрасный, смертельно больной Юг, уже не нашел в себе сил полюбить тех, кто исцелял, причиняя боль. В то же время, если бы Святой Доминик закрыл глаза на еретическое буйство, а Симон де Монфор умерил свой карательный пыл, они могли бы стать частью этой земли, как старые графы Тулузские, например, — но и частью болезни одновременно.

Из всего цикла отчетливо выделяется роман «Бертран из Лангедока». Все остальные произведения суть фрагменты великой трагедии. «Дама Тулуза — недостижимая, мистическая возлюбленная Монфора», сердце Окситании, осталась холодна к истинному своему супругу, погиб «паствуший пес» Монфор, страдал Св. Доминик, жуткую кончину принял Арнаут Каталан. А дальнейшая историческая судьба Окситании больше похожа на холодный брак по расчету — с французской короной и отчасти с английской... Лишь в романе «Бертран из Лангедока» видно примирение, видна гармония. Судьба главного героя, лангедокского рыцаря Бертрана де Борна, показывает совершенно ясно: можно не предавать свою землю, быть и поэтом, и настырным забиякой, и образцом куртуазности, и бесстрашным бойцом, при всем при том ничуть не отпадая от доброй веры... Бертран де Борн — своего рода остров благополучия и правильности в океане искажения. Монашество пришло к нему в конце жизни естественно — так венец приходит на голову первенца после смерти его отца-государя. Арнаут Каталан, посредственный трубадур и веселый безбожник, лукавый любовник и бесшабашный плут, прошел очень долгий путь, обре-

тая то, что Бертрану де Борну было присуще изначально. Впрочем, Арнаут Каталан — человек маленький, шут, забавник, пламенный дурачок, с него и спрос другой. Повезло ему повстречать Святого Доминика, и все его дурашливое сладострастие начало таять, исчезать, да так и ступил прежний трубадур на путь страстной веры. То, что в рыцаре Бертране — природа, трубадур Арнаут получает накалением воли; то, что у первого — жизнь текучая, звенящая, простая и чистая, второму дано как величественная и кровавая трагедия... Трагедия, трагедия... очень плохо. Путь к Богу свободен, и когда огромная, прекрасная страна обретает его с боем, корежась и страдая, обманываясь и кровью своей выплачивая выкуп за доверчивость, это худо, это неправильно, это страшно, в конце концов...

Бертран де Борн — своего рода идеальная личность, насколько это, разумеется, возможно в реальных исторических условиях. Св. Доминик тоже идеален, но в ином смысле — прежде всего как человек-орудие, инструмент Божьего Промысла для приближения других людей к живому идеалу Бертрана (что, собственно говоря, и происходит в истории с Арнаутом Каталаном). Симон де Монфор — далеко не идеален, однако ему досталось амплуа камня, без которого здание идеала стоять не будет. Хаецкая, скорее всего не осознавая этого, задала хворой Окситании вектор выздоровления — движение в сторону Бертрана. Меч Монфора и крест Святого Доминика спасают души Арнаутов Каталанов, вытаскивая их из тени Горы и приближая к Бертрану. Поэтому, на наш взгляд, роман «Бертран из Лангедока» является ключевым для понимания всего цикла, самым сложным и, наверное, лучшим.

У всех направлений современной отечественной фантастической литературы есть две ипостаси: «прямая» и «отраженная». Имеется в виду пародийно-юмористическая версия, своего рода отражение оригинала в кривом зеркале или, может быть, причудливая тень первичного литературного существа.

Сакральная фантастика представлена в «отраженном варианте» романами Виктора Бурцева и Андрея Чернецова «Святой остров», «Оскал Анубиса», а также недавно вышедшей книгой Чернецова и Валентина Леженды «Песнь Кеца-

ля». Это части нового приключенческого сериала о «черных археологах» наших дней. Своего рода вольный римейк Индианы Джонса, Лары Крофт и их прадедушки, хаггардовского Квотермейна. Главный герой сериала — молодая и весьма энергичная шотландская баронесса Элизабет МакДугал, она же Бетси. Вокруг нее концентрируется веселая компания персонажей, переходящих из книги в книгу: строгий профессор Енски, сладкая парочка полуархеологов-полугангстеров Бумба и Гурфинкель, мрачные и могучие господа из Русского Монархического Центра и т.д... Всякий раз действие катится легко, путь его усыпан приколами, как рынок в конце рабочего дня бывает усыпан шелухой от семечек, кроме того, авторы делают в каждой книге не менее полудюжины познавательных отступлений, чтобы читатель ориентировался, на какой историко-культурной почве разворачивается очередной театр военных действий. Собственно, главной «фишкой» очередного романа в сериале становятся даже не «серийные» герои, а место, где происходят раскопки с применением холодного и огнестрельного оружия... Вот таинственные Гималаи, вот заброшенные святилища древних греков в Северном Причерноморье, а вот «сын тысячелетий» Египет... Надо отдать должное авторам, в романе «Оскал Анубиса» — одной из лучших книг сериала — египетская древность описана с любовью, сочно, с очаровательно-мрачными романтическими подробностями. Райское блюдо для истинного знатока!

Команда археологов, оставив на время «черную» практику, легализовалась для раскопок гробницы Сети I. В соответствии с законами жанра, экспедиции предписан хеппи-энд, однако по пути к нему «приключенцам» приходится попотеть. Ими играют опасные сверхъестественные существа, фактически ожившие сущности жутковатой египетской нечисти, получившей когда-то статус богов... Впрочем, нечисть всех сортов и цветов кожи постоянно присутствует в сериале. Архаическое чудовище, эскортирующее археологов с недвусмысленно свирепыми намерениями и очень скептически настроенное по поводу гробокопательства, — истинная визитная карточка сериала. Читатель, пристрастившийся к нему, по сути, уже ждет: ну когда же явится местная

темная зверюшка и как следует испортит жизнь незванным гостям?! «Бетси по роду ее деятельности довольно часто приходилось сталкиваться с необъяснимыми, странными вещами. Из многих мест, которые интересны и перспективны для археолога, она, как правило, выбирала те, что были связаны с некой тайной, чудом... И вот, когда она оказывалась в очередном таком месте, с нею начинали приключаться таинственные происшествия. Казалось, что оживают древние, до этого мирно покоившиеся силы и властно вмешиваются в ход исследований... У нее даже специальный термин родился: «Сакральная археология»».

Сакральные археологи — народ жизнелюбивый и не унывающий ни при каких обстоятельствах. Вода их не топит, пуля не дырявит, огонь не палит, а яд не травит. Даже те, кто, казалось бы, верняком направляется в царство мертвых (труп, как говорится, уже остыл), с полуоборота возвращаются назад:

Весьма значительную нишу в отечественной фантастической литературе последних лет занимают произведения, близкие по своим художественным параметрам мейнстриму. Фантастическое допущение в них присутствует постольку, поскольку авторы принадлежат к определенной издательской нише, и совсем без фантастики их печатать просто не будут; в то же время устойчивые связи с издателями основного потока, тамошней литтусовкой, кругом критиков наладить не так просто. Поэтому в российской фантастике переживает настоящий расцвет «компромиссный» бранч, остроумно названный критиком Сергеем Пителимовым «фантастикой духа». Другой критик, Мария Галина, на примере романа Марины и Сергея Дяченко «Пандем» выдала более четкое определение: «богоискательство».

Как правило, в этой нише оказываются писатели с именем, интеллектуалы, по большей части хорошие стилисты. Весьма часто сюжеты их романов более размыты и более... — как бы поточнее выразиться? — наверное, более экспериментальны, чем это принято в жанровой литературе. Все они так или иначе претендуют на роль учителей жизни, «творцов общественного идеала». Богоискательская составляющая их книг происходит от современных метаний старой интел-

лигенции, усиленных любовью молодого интеллектуалитета к трэшу и маргинальным теориям. Первые спинным мозгом чувствуют кризис традиционного гуманизма, «сумерки просвещения», великий позор западничества, вот и пытаются отыскать что-нибудь принципиально новое, не отказываясь при этом от старинных интеллигентских убеждений... Вторые все-речь желают перекроить мир, ощущают запах большой крови и холод великих перемен. И для первых, и для вторых неприемлемо христианство как основа. Другую им хочется основу, но какую? Какую же? Думается, Дяченко в «Пандеме» пытались ответить на этот вопрос, заставили персонажей поставить ряд экстравагантных экспериментов, но не нащупали приемлемой модели бога.

В романе «Шутиха» Г.Л. Олди намеренно усложненная метафоричность языка отчасти мешает восприятию его идейного замысла и может оттолкнуть рядового, неискушенного читателя, взявшего книгу в надежде отдохнуть и поразвлечься. Ан нет, порции легкого чтива он не получит. С первой же страницы мы окунаемся в фонтан словоплетения, крестословицы, словоблудия. Наиболее генетически близкое литературное явление такого порядка — сочинения Михаила Булгакова. Но в отличие от мэтра, выверенно дозировавшего подобный прием, «Шутиха» выдержана в одном стиле от начала и до конца. Чтобы настроиться на волну, войти в ритм романа, следует внимательно вчитываться в написанное, порой перечитывая одну и ту же фразу несколько раз. Олди жестки в своей авторской позиции. Они не идут вслед за читателем, потакая его вкусам, подстраиваясь под веяния времени и требования рынка. Читатель сам должен расти, считают писатели, выбираться из интеллектуального и эмоционального болота, серой повседневности, рутины будней. Собственно, этому и посвящено произведение. Типичный роман о «новорусском» быте, о попытках дочери полиграфической акулы выйти из жизненного тупика, избавиться от хандры посредством приобретения шута, перерастает в философский боевик. Главными героями тут становятся отнюдь не Галина Борисовна Шаповал и её семейство, а супружеская пара Карнавал и Кварензима. Это символы полнокровной жизни и пресного застойного существования. Кто

победит в борьбе — век нынешний или век минувший? Олди как никогда оптимистичны. По их мнению, будущее все-таки за Карнавалом. По сути в романе перед мысленным взором читателя проходит целый отряд богов и божков, которых люди для себя выбирают в повседневной жизни. И этот выбор может быть игрой «на повышение» и «на понижение»; притом нравственная самореализация после выбора требует упорства, порой почти героического.

Евгений Лукин написал очень литературный роман «Чушь собачья». При его чтении сами собой возникают параллели с «Верным Русланом» Владимова, но главное, с булгаковским «Собачьим сердцем». Лукин на протяжении всего текста сам расставил для читателя маячки, чтобы вызвать ряд аллюзий, ассоциаций. Ситуация, описанная автором романа, прямо противоположна той, которую воссоздал Булгаков. Если в «Собачьем сердце» пес путем медицинского вмешательства превратился в человека, то в «Чуши собачьей» человек благодаря долгим и упорным тренировкам превращается в собаку. Правда, не навсегда, а на время. Собака — это новая и достаточно престижная работа, освоенная людьми недалекого будущего...

Роман исполнен горькой иронии. При желании в нем можно было бы увидеть элементы сатиры, роднящие произведение со свифтовским «Гулливером», однако Лукин не настолько зол и желчен, как великий английский просветитель XVIII века. Да, порой в «Чуши собачьей» звучат те же мысли, что и у Свифта. Что человек по своей природе хуже высокоразвитого животного (вспомним цивилизацию говорящих лошадей). Однако это не более чем литературный прием.

Как всегда у Лукина, произведение полно философских раздумий и символики. В том числе и религиозной. Глубоко символичен образ монаха-доминиканца, выведенный в романе. Очень важен его диалог с человеком-псом Ратмиром. По сути, речь идет о восприятии заповедей Божьих, о содержании Нагорной проповеди. В современной критике есть следующая трактовка этого диалога: отношения бога и человека в наши дни должны перейти от служения к дружеству, к сотворчеству; собачья преданность — идеал того духовно-

го возраста человечества, который уже пройден. Но, видимо, Лукин писал об ином. Ему ненавистна сама мысль о потребности служить кому-либо, хотя бы и богу. Евгений Лукин, анархо-даос нашей фантастики, ненавидит любую иерархию, презирает все то, что хотя бы теоретически могло бы поставить его в подчиненное, «служебное» положение. Его мысль можно с определенной долей упрощения расшифровать так: «Ты бог? Да кто бы ты ни был, я тебе не поклонюсь». Это своего рода богоискательство, взятое со знаком минус.

Предельного накала достигает богоискательство в романах Александры Сашневой и Виктора Косенкова*.

«Тайные знаки» Сашневой тяготеют к рубежу XIX—XX вв.: временам Блаватской, эзотерического буйства и колебаний образованной публики между декадансом и революцией. Важнее сюжетных перипетий в романе «учительство» главной героини художницы Коши. Она является источником истин, которыми щедро делится с собеседниками, то есть своего рода непризнанным гуру. Коша во многом трактована как основательница собственной религии, еще немного, и вокруг нее начнет воздвигаться собственная «кошианская» церковь... Ее не устраивают старые, традиционные конфессии и связанный с ними образ жизни: «...религия — всего лишь служанка способа производства... в недрах огромных городов рождается новая религия и новая раса. Для новых людей не имеет большого значения пол, национальность и расстояние. Для них нет границ. Мир для них — Интернет, два часа на электричке или два часа на самолете...» Раса мегаполисных людей интуитивно находит идентификацию себя как части глобальной Пустоты — в духе некоторых восточных практик (или Пелевина, их популяризатора). «Пустота — это все! Это спящая материя — надо ее качнуть, и по ней пойдут волны, из которых состоит все, что вы видите». В центре композиции одной из картин главной героини — именно Пустота. Мегаполисный человек может обрести способность ловить ритмический рисунок пустотных волн. А значит, и влиять на него, преображая видимый,

* Виктор Косенков известен прежде всего как «половинка» творческого дуэта, писавшего под общим псевдонимом «Виктор Бурцев».

материальный аспект действительности. Собственно, религия Коши — религия Ритма. Ритм обретает почти демиургическое значение. По идее, для человека, воспринявшего мироощущение, предложенное автором, Ритм должен стать важнее пищи или, скажем, секса.

Сильный, жесткий роман Косенкова «Моя война» представляет собой беллетризованную философскую схему, заданную двумя осями координат: нищезанемством и глобализмом. В роли предмета веры, почти что бога, выступает Сверхчеловек. Место черта заняла Система, на местах представленная сбирями бесов — корпорациями. В тексте ощутимо влияние современных левых интеллектуалов, вплоть до поклонников разного рода команданте и субкоманданте; вместе с тем антиглобалистский пафос романа для России не лишний и не чужой.

Наконец, Виктор Пелевин высказался предельно четко: какой там бог! Нет никакого бога и не может быть в принципе. Даже нечто, хоть отдаленно похожее на бога, не получает права гражданства в его книгах. В прежних романах и повестях Виктора Пелевина был отчетливо выраженный элемент фантастического, представляющий собой буквализированную традицию восточной эзотерики. Подобного рода литературы достаточно и в прямо фантастических сериях «Армады», ЭКСМО и АСТ... Кроме того, мир фантастики воспринимал Пелевина как постепенно удаляющегося «своего». Но в последней книге («Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда») произошел окончательный разрыв. Здесь собраны под одной обложкой роман «Числа», повесть «Македонская критика французской мысли» и несколько рассказов. И лишь один из рассказов — «Фокус-группа» — можно отнести к фантастическим произведениям. За счет все той же буквализированной эзотерики...

Заглавная вещь — «Числа» — обращена к традиционной теме творчества Пелевина: всеобъемлющей пустоте и разным путям ее осознания. Главный герой, российский предприниматель Степа, имеет мистические отношения с некоторыми числами и жизнь свою строит в соответствии с тем, какая цифра угрожает ему или обещает фарт в определен-

ных обстоятельствах. В итоге он осознает, что на протяжении всей биографии руководствовался полной чушью. Пелевин намекает: вот так же любые воззрения человечества, заставляющие миллионные толпы воздевать руки и делать пафосные лица, — полная чушь... Сколько-нибудь серьезное отношение к идее Творца по определению невозможно. Фантастики во всем романе — кот наплакал. Сбывшееся предсказание одной болгарской активистки ясновидения, да несколько неясных событий, вроде бы свешивающих в жизнь Степы длинные хвосты с иных планов бытия... но с той же вероятностью трактуемых как проявления тупого хаоса повседневно. О литературных качествах романа многого не скажешь: это не провал, не яма, но движение по нисходящей очевидно. «Числа» слабее романов «Чапаев и пустота» и «Generation P». На страницах «Generation P» Виктор Пелевин в значительной степени поддерживал действие за счет массированного использования приколов. В «Числах» действие держится только на них. В «Числах» содержится также некоторое количество публицистики, вставленной в текст с бескомпромиссной прямоотой почти прямого обращения к читателю и изложенной с редким занудством.

Главные тенденции таковы: усилился интерес к НФ, в том числе такой, где собственно техническая сторона дела получает самостоятельную ценность; в социальную НФ пришла тема глобализации/антиглобализма; интеллектуальная мода на альтернативку и мистическую (сакральную) фантастику не утихает; напротив, славяно-киевская фэнтези в упадке; наконец, набирает силу срастание фантастики и мейнстрима — худо ли, хорошо ли, но в ближайшее время, наверное, не останется никакой осязаемой «точки перехода», никакой явной границы, помимо принадлежности к разным тусовкам.

Если подвести итоги, то общее впечатление — позитивное. Во-первых, происходит органичная смена поколений: писатели второго плана, относительно недавно покинувшие статус «начинающих», постепенно вырастают в роль будущих мэтров; более того, через несколько лет они обретут этот литературный чин вполне заслуженно, то есть по-

средством дара Божьего и большой работы. Во-вторых, исчезает ощущение кризиса, устойчиво витавшее над нашей фантастикой в течение примерно пяти лет. Да, макулатуры выходит по-прежнему много. Но помимо нее, печатается достаточно интересных, качественных книг, чтобы будущие поколения могли сказать о нас: «Да, их время было непусто...»

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

В ОЖИДАНИИ ЕГО

(Трагикомедия)

Пьеса основана на реальных событиях, произошедших на Континенте фантастики в 2003 году.

А с другой стороны, говоришь себе: «Что толку падать духом теперь. Надо было думать об этом раньше, когда мир был юн, в девяностые годы».

Сэмюэль Беккет. «В ожидании Годо»

Говорили они строго по очереди, и, как мне сначала показалось, друг с другом. Но очень скоро я понял, что обращаются они ко мне, хотя ни один из них даже не взглянул в мою сторону.

А. и Б. Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу»

Видна дорога, бесконечно уходящая как направо — до самого Океана, так и налево — в глубь Континента, наводящая на размышления об экзистенциальном одиночестве человека на его пути к Вечным Истинам. Единственной деталью, скрашивающей вопиюще однообразный пейзаж, является одиноко стоящее дерево, до такой степени засохшее, что на нем невозможно даже повеситься.

Под деревом расположились двое: А. и Б.

© Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын, 2004

* * *

А. *(после длительного раздумчивого молчания)*. Послушай, Б...

Б. *(снимая с плеча большую дорожную сумку)*. От критика слышу.

А. Да я о другом... Давай уйдем.

Б. Мы не можем.

А. Почему?

Б. Мы ждем Его.

А. Верно. Его. Идеального Фантаста.

Б. Вот когда Он придет — мы сможем спокойно уйти.

А. А как мы Его узнаем?

Б. Почувствуем. *(Незаметно для А. достает из сумки патефонную пластинку.)* Ведь все качества, присущие Ему, уже имеют место в нашем мире, только они в настоящий момент распределены между отдельными жителями Континента, а не сконцентрированы в одном человеке...

А. *(задумчиво, не слушая Б.)*. Иногда мне кажется, что Он уже близко. И тогда я чувствую себя как-то странно. Испытываю облегчение и одновременно ужас.

Б. ...и, таким образом, мы, рассуждая о текущем процессе, вольно или невольно переходим от общего к частному, от сиюминутного к нетленному и тем самым приближаем Его пришествие.

А. Я пребываю в ужасе. После Его появления мы будем не нужны — Идеальному Фантасту критика не требуется.

Б. *(цинично смеясь)*. Требуется. Идеальному автору нужен идеальный критик... в результате — останется только один... из них.

А. Не хочешь ли ты сказать?..

Б. Не хочу. Нам уже не измениться. «Так и будем жить, пока не умрем». Давай, А., доставай свою шарманку.

А. Зачем это?

Б. *(показывает А. пластинку)*. Руководство «Как распознать Идеального Фантаста (для чайников)».

А., ворча, что патефон, мол, не шарманка, а чудо техники, достает его из сумки, поднимает крышку, ставит пластинку, крутит ручку...

* * *

Патефон (*вещает*). Кодекс Идеального Фантаста.

1. Не напиши ни строчки «мейнстрима».

2. Знай и с уважением относись к достижениям предыдущих поколений.

3. Не возноси ни одного из своих коллег, нынешних или прошлых; никогда не подражай даже самым любимым текстам.

4. Добивайся популярности только благодаря достоинствам своих книг; никогда не опускайся до черного «пиара».

5. Умело излагай свои мысли, имей достойный литературный стиль.

6. Создай «живых» героев — персонажей, которым хочется сопереживать.

7. Используй нетривиальную идею или необычный взгляд на идею банальную.

8. Придумай нестандартный мир или достоверно отрази нынешнее состояние социума.

9. Помни о философской насыщенности текста.

10. Не забывай о динамичности сюжета, «драйве».

Этот декалог от фантастики поможет вам легко распознать Идеального Фантаста. Его зовут... Его зовут... Его зовут... (*Пластинку заедает, затем в патефоне со звоном лопается пружина и тот замолкает навсегда.*)

А. И давно зовут... (*Пинает патефон.*) Чудо техники!

Б. Не волнуйся так. Свое предназначение он выполнил. Дело за нами.

А. (*успокаиваясь*). Ну что ж. Начинай предлагать кандидатуры.

Б. Кандидатур много...

А. Тогда давай начнем с мэтров.

Б. (*с пиететом*). Хорошо. Итак, 2003 год начался со знаменательного события. После долгого молчания вновь явился свету С. Витицкий. Всем давно известно, что под этим псевдонимом почти не скрывается Борис Натанович Стругацкий, отпраздновавший в апреле свое семидесятилетие. Его новый роман, о котором уже несколько лет ходили всевозможные слухи, обрел печатное воплощение одновременно в нескольких изданиях. Называется он (впрочем, автор более

склонен считать его повестью) «Бессильные мира сего». Вот где есть и идея, и стиль, и философия, и объемные персонажи, да и популярности автора сложно не позавидовать.

А. А насчет пресловутого «драйва» что скажешь?

Б. В этой вещи множество сюжетных линий, довольно сложно переплетенных. Есть и детективные. Действие происходит в нескольких временах советской истории — все это вкуче неподготовленному читателю воспринимать непросто. Но никто и не обещал развлекательного чтения! Сама атмосфера книги, давящая, бьющая по нервам, у интеллигентного человека вызывает ощущение безысходности перед лицом «грядущего хама». Главный герой романа, Стэн Аркадьевич Агре, в какой-то мере самый близкий автору персонаж, вполне осознает свое бессилие в попытках создать новое поколение человечества — «человека воспитанного». Пусть Агре и демиург, но он не в состоянии проломить стену косности, он лишь пытается найти дверь в стене... Человек воспитанный никому не нужен — это главный вывод книги.

А. (с вызовом). «Если хочешь, чтобы через сто лет что-то произошло, начинай прямо сейчас, ибо Божьи мельницы мелют медленно».

Б. Из-за сложности восприятия «Бессильные...» не вызвали ажиотажа ни в любительских кругах (воспитанные на яркой, сюжетной прозе ранних Стругацких читатели не смогли до конца воспринять философский и этический посыл романа), ни, как ни странно, в профессиональных.

А. (обличающе). Да «нонешние писателя» небось просто обзавидовались! ТАК писать многим из них еще учиться и учиться. Да и позволить себе несколько лет спокойно писать один-единственный текст никто из сегодняшнего поколения фантастов не может. И публиковаться хочется, и кушать...

Б. Вновь о мэтрах. Патриарх НФ-прозы Владимир Дмитриевич Михайлов выпустил в прошлом году два новых больших произведения: «Тело Угрозы» и «Постоянная Крата».

А. Что примечательно — книги Михайлова вышли в конкурирующих на рынке фантастики издательствах АСТ и ЭКСМО... Это я так, про востребованность ветеранов цеха...

Б. Михайлов верен жанру твердой НФ. Особенно отмечу роман «Тело Угрозы». Автор берет совершенно избитую, многократно повторенную, особенно голливудским кинематографом, тему: к Земле несется огромное космическое тело (бывший спутник Нептуна) с гнусной целью развалить нашу планету на мелкие кусочки. Но в романе главное другое: реакция «сильных мира сего» — влиятельных ученых, политиков, военных — на грядущую катастрофу. Забыв об инстинкте самосохранения, они начинают использовать этот факт в своих частных целях, тщательно скрывая угрозу от всего мира. Михайлов весьма реалистично описывает вероятную (весьма и весьма) ситуацию, которая действительно может сложиться в нынешних высших кругах при известных обстоятельствах. В результате получился не просто классический роман-катастрофа, а серьезное размышление о природе Власти, о проявлении внутренней сущности отдельного человека перед лицом гибели человечества.

А. Выделяет Михайлова на общем фоне своеобразная творческая манера — его фантастика написана по классическим, даже каноническим законам жанра НФ, законам, сложившимся у нас еще в шестидесятые годы. Другой вопрос, что читателям нынешнего поколения, живущим в ином — гораздо более быстром — жизненном ритме, такая манера может показаться несколько скучноватой. Но любой жанр жизнеспособен лишь тогда, когда наряду с новыми веяниями в нем присутствует традиция.

Б. О традиции. Еще один классик фантастики, на этот раз подростковой, Владислав Петрович Крапивин «отметился» в прошлом году двумя новыми книгами: «Колесо Перепелкина» и «Стража Лопухастых островов». Как всегда его романы, ориентированные прежде всего на детскую аудиторию, с большим интересом и удовольствием читаются и взрослой публикой. В обеих книжках мы увидели очень знакомого Крапивина. Герои — обычные «крапивинские мальчишки», с традиционными для персонажей писателя этическими доминантами: бескомпромиссностью в борьбе за правду и справедливость, верностью дружбе, способностью сопереживать ближнему. Еще один традиционный «персонаж» — маленький провинциальный российский городок, наполнен-

ный добротой и волшебством, — своеобразный архетип творчества писателя. В новых романах Крапивин снова занимается миростроительством — объемно рисует взаимопроникновение пространств и времен, среди которых его героям предстоит вволю попутешествовать. Как и во многих произведениях последних лет, тонкой, щемящей нотой возникает тема Войны — совершенно, по мнению автора, не уместной в современном мире.

А. Продолжу на той же ноте. Пятого сентября 2003 года умер один из величайших российских фантастов — Игорь Всеволодович Можейко, он же Кир Булычев. Сказать, что наша фантастика понесла тяжелую утрату, значит не сказать ничего. Игорь Всеволодович ушел от нас в самом творческом расцвете и о многих его замыслах мы уже, к несчастью, никогда не узнаем. Достаточно сказать, что в мае он специально ездил в Крым, чтобы, восстановив в памяти некоторые детали, закончить, наконец, цикл «Река Хронос». Увы...

Б. Уже после смерти писателя в издательстве «Эгмонт» вышел роман «Убежище». По задумке автора и издателей, он должен был зачинать новую серию детских книг, явно позиционирующуюся как «наш ответ Гарри Поттеру». И действительно, «Убежище» ни в чем не уступает раскрученной сказке шотландской экс-учительницы. Герой романа, тринадцатилетний Сева Савин, поехав в летний лагерь, встречается там не только со сверстниками и сверстницами, но и с настоящими сказочными персонажами — выходцами из Эпохи Легенд. Им нужна Севина помощь — только он может, уменьшившись в размерах, разыскать под землей огромную полость, в которую хотят спрятаться от наступающей человеческой цивилизации жители сказочного королевства...

А. (*перебивая*). Смеешься?.. «Наш ответ Гарри Поттеру» уже звучит как оскорбление после многочисленных поделок под модный брэнд — я имею в виду проекты «Таня Гроттер», «Ларин Петр», «Денис Котик», «Тимка Ружин» и т.д. Из всего эпигонского потока на тему очкастого мальчика стоит выделить лишь пародийный постмодернистский цикл о Порри Гаттере Андрея Жевалевского и Игоря Мытько,

продолженный в прошлом году романом «Личное дело Мергионы».

Б. «Убежище» — вещь совершенно другого уровня: яркая, веселая, с большой долей самоиронии. И уж если с чем-то сравнивать, то есть некая чисто ассоциативная связь с «Бесконечной историей» Михаэля Энде. Тем более что вольно или невольно, но суперобложка «Убежища» почти в точности повторяет обложку первого немецкого издания сказки Энде.

А. достает из сумки бутылку вина, два стакана, и они выпивают не чокаясь.

Но все же одну эпохальную вещь Кир Булычев успел дописать. Это большой публицистический труд «Падчерица эпохи». Работу над циклом очерков о довоенной советской фантастике Игорь Всеволодович начал еще в девяностые годы прошлого века. Тогда же была опубликована первая глава. В 2003 году работа была, наконец, закончена и напечатана целиком — в четырех номерах журнала «Если». Пожалуй, нет в нашей стране человека, способного так информативно и интересно подать такой малоизвестный материал — очерки читаются на одном дыхании, как художественное произведение...

А. (буднично). Из времен довоенных вернемся в прошлый год. Авторы так называемой «четвертой волны», уже почти мэтры, тоже не дремали. После двух лет молчания (печатались только повести и рассказы) Евгений Лукин наконец-то выдал небольшой, но все же роман «Чушь собачья».

Похоже, за это время писатель стал законченным классиком, вроде Льва Толстого в момент его ухода из Ясной Поляны. Даже герой лукинской «Чуши...», пес породы боксер Ратмир, схож с толстовским Холстомером — пегим меринком. Оба преданны своим хозяевам, и оба своими хозяевами преданы. Но если Холстомер был «банальным натуралом», то Ратмир, рожденный человеком, полностью перевоплощался в киноида только в рабочее время за хорошую зарплату. Такая вот, с позволения сказать, высшая степень эволюции ролевика.

Б. с удивлением смотрит на А. Похлопывает его по плечу.

Б. (уравновешенно). Заставил говорить о себе не только Лукин. Питерский тандем Ира Андронати и Андрей Лазарчук, похоже, окончательно погрузился в цикл «Космополиты», рисуя картину Земли недалекого будущего, ведущей войну с некой космической империей. Широкими мазками, не торопясь, дуэт авторов искусно komponует из отдельных, причудливо переплетающихся историй различных персонажей целое и цельное полотно нового мироустройства. В 2003 году вышла вторая часть цикла — «Сироты небесные». В цикле присутствуют серьезные социальная и психологическая составляющие, при этом повествование, несмотря на обилие сюжетных линий, весьма динамично. Ну а кого-то, способного упрекнуть авторов в отсутствии собственного литературного стиля, вряд ли можно найти на просторах Континента.

А. Еще один представитель «четвертой волны», Вячеслав Рыбаков, видимо, решил податься в публицистику. Вообще-то задумывал он наверняка роман. Под названием «На будущий год в Москве». А в результате получился набор статей для газеты «Завтра». Зачем понадобилось талантливейшему питерскому автору, умеющему как никто погружаться в глубины человеческой души, тратить свои силы на это, — совершенно непонятно. Причем написано-то как всегда блистательно — героям романа поневоле сопереживаешь. Но нарисованная картина общества (демократия, доведенная до абсурда и фактически приравненная к фашизму), а также обилие сиюминутных политических намеков, раздражают. Безусловно, Рыбаков вполне мог бы оказаться Идеальным Фантастом... но не после этого романа.

Б. (морщась). Не есть хорошо, когда литературное произведение пишется на тему «анти что-либо». В этом случае автор вынужденно загоняет себя в рамки разрушения и развенчивания. А в установленных рамках и жить, и писать тяжело.

А. Однако вслед за антилиберальным романом Рыбакова последовал вышедший в самом конце года антиимперский роман Святослава Логинова.

Б. Ясно даже и ежу, как говаривал Юрковский, что логиновские «Имперские ведьмы» — это ответ все более захлестывающему нашу фантастику потоку литературы, откровенно пропагандирующей имперские и державные идеи. Но тем не менее вряд ли следовало отягощать публицистичностью исполненный в виде изящного сочетания космооперы с ведьмовским романом рассказ о Любви.

А. Это верно. В истории осталась любовь Ромео и Джульетты, а не политические и экономические разногласия между Монтекки и Капулетти.

Б. Самым многообещающим литературным событием года должно было стать появление после почти пятилетнего перерыва новой книги кумира продвинутой (и не особенно) молодежи — Виктора Пелевина. По давней привычке (все-таки писатель — выходец из нестройных рядов фантастов «четвертой волны») все ожидали, что «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда», ныне известная миру как ДПП (NN), окажется где-то фантастикой. Но не сложилось. Центральная вещь книги — сложно сконструированный текст «Числа», — несмотря на сюжетобразующий посыл о магической силе чисел и обилие эзотерических и психоделических экскурсов, фантастикой, увы, не является, как, впрочем, и полноценным романом. Фантастичны лишь примыкающие к нему рассказы-спутники — «Фокус-группа» и в какой-то мере «Акико». ДПП (NN) с очевидностью дал понять, что если Пелевину и суждено стать Идеалом, то отнюдь не в фантастике.

А. О «четвертой волне», пожалуй, достаточно. Неужели ты действительно считаешь, что Он не может быть помоложе?

Б. Вполне может. Авторы, начинавшие свое восхождение на литературный Олимп в начале девяностых, в 2003 году постарались на славу. Взять, например, супругов Дяченко. Высочайший литературный уровень их произведений сомнению не подлежит, что подтверждается массой завоеванных призов. Однако киевский дуэт не собирается почивать на лаврах.

Постоянные эксперименты привели писателей к самой сложной теме в фантастической литературе: созданию не-

противоречивой утопии. Надо сказать, попытка, как и у всех, бравшихся за эту тему, не удалась. Марина и Сергей Дяченко в соответствии с традициями русской литературы создали утопию, а потом сами начали ее развенчивать: обратились к внутренней сущности человека, которой, собственно, нужна не утопия, а стремление к вечно недостижимому счастью. В результате получился глобальный социальный роман, описывающий весьма симпатичный общественный строй с реальным богом — Пандемом — индивидуальным для каждого, но и с «фигой в кармане». Точнее, в финале.

А. (подхватывая). Роман «Пандем» — безусловно, одно из самых серьезных и значительных произведений, появившихся за последние несколько лет. Однако выглядит он все же слегка тяжеловесно по сравнению с повестью «Мизеракль» и рассказами «Тина-Делла» и «Зоопарк» — короткой формой, которая по-прежнему остается коньком авторов.

Б. Как и Олега Дивова, начинавшего с романов, а потом сосредоточившегося целиком на рассказах и повестях. Осенью прошлого года у Олега вышел первый авторский сборник «К-10», куда вошли как новые, так и ранее издававшиеся вещи. Автор, у которого почти три года не выходили романы, зато регулярно в периодике появлялись настоящие жемчужины малой формы, предлагает читателю своеобразный творческий «отчет о проделанной работе» за этот период. Хороша повесть «Эпоха великих соблазнов», где Дивов касается одной из своих любимых тем: «русское раздолбайство верзус американский прагматизм». Побеждает, понятно что. Центральной осью, вокруг которой строится весь сборник, стала другая повесть, «К-10», — классический «собачник» Дивов рассказал о кошках одновременно очень трогательную и трагичную историю. Впрочем, писалась она совсем по другому поводу... *(Протяжно мяукает.)*

А. (подозрительно). Издеваешься?

Б. Ни в коей мере. Наоборот. *(Пафосно.)* Издание книги фантастики о кошках — отличная идея! Не так много у нас сейчас тематических сборников. А тем более таких, для которых СПЕЦИАЛЬНО написали рассказы почти все ведущие современные авторы! Михайлов, Дивов, Громов, Лукьяненко, Зорич, Плеханов, Буркин, Каганов и прочая, про-

чая... Надеюсь, история таких, как «Человек человеку — кот», проектов, где составитель выступает фактически автором, на этом не завершится.

А. Между прочим, похожий сборник вышел в ЭКСМО...

Б. Если ты имеешь в виду «Фэнтези-2003», то это сборник не тематический, а скорее жанровый, аналогичный ежегоднику «Фантастика» АСТ. Хотя, надо признать, авторская рука составителя чувствуется: в сборнике, идею которого очень кстати предложил Святослав Логинов, удалось собрать произведения практически всех лучших мастеров меча и магии.

А. Говоря о сборниках, не вспомнить об их братьях меньших — журналах — было бы моветоном.

Б. Это еще вопрос: кто меньше, а кто больше.

А. «Звездная дорога», сменив издателя, прекратила свое существование в качестве периодического издания и трансформировалась в толстый альманах с нерегулярными сроками выхода. Что получится из этой затеи — покажет время.

Б. Сменил издателя и еще один журнал (по подходу к отбору материала также весьма напоминающий альманах). Теперь детище Бориса Стругацкого — «Полдень XXI век» — выходит как приложение к «Вокруг света». Странный союз, но чего не сделаешь ради нормального функционирования журнального организма... Несмотря на организационные сложности, в «Полдне» в прошлом году опубликовано несколько значительных произведений. Кроме «Бессильных...» Витицкого, стоит отметить небольшой роман Александра Етоева «Человек из паутины», а также рассказы Елены Хаецкой и Леонида Каганова.

А. Есть и хорошие новости! На постсоветском пространстве появилось два новых журнала — киевский «Реальность фантастики» и московский «Мир фантастики».

Б. «Реальность фантастики» построен по классическим канонам: проза, критика и публицистика, раздел кино. Все предпосылки для превращения в добротный и солидный журнал у издания имеются: крепкая материальная база, редакция, состоящая из энтузиастов, любящих и знающих фантастику, стильное оформление. Единственное, что хочется посоветовать коллегам — реагировать не столько на

громкое имя, сколько на литературное качество произведения, а также попытаться создать свой собственный формат и постараться увеличить процент эксклюзивных публикаций.

А. Кажется, «Реальность фантастики» имеет реальные перспективы.

Б. (*игнорируя слова А.*) Что касается «Мира фантастики», то, судя по первым номерам, его делают люди, к фантастике имеющие косвенное отношение. Можно добавить, что они к тому же еще и... малограмотные. Перепутать Жюль Верна с Гербертом Уэллсом вряд ли смог бы даже школьник. Главное и единственное достоинство журнала — глянцева бумага и обилие иллюстраций. Целевая аудитория — подростки-игроманы. Ибо медийным ветвям жанра отведена большая часть журнала.

А. Думаю, тему периодики можно закрыть. Наша цель — Идеальный Фантаст, а не идеальный журнал!!!

Б. Не торопись. (*Раздраженно.*) Истина, что именно малая форма демонстрирует уровень писателя, настолько банальна, что, должно быть, известна даже тебе! Если где и искать следы Идеального Фантаста, так это на страницах журналов, возможно, пока не идеальных.

А. Похоже, ты как всегда прав. Александр Громов за прошедший год новых романов не выпускал, печатался только в периодике и различных сборниках, а между тем преуспел. Повестью «Корабельный секретарь» Александр продолжил свои этические изыскания на тему соотношения цели и средств ее достижения, начатые в многократно премированном «Вычислителе». Еще у нашего главного приверженца настоящей НФ случились два блестяще написанных рассказа — «Сила трения качения» и «Толстый, ленивый, смертельно опасный».

Б. Повесть Громова была напечатана в «Если» — несомненно, лучшем на сегодняшний день отечественном журнале фантастики, в котором можно найти еще довольно много любопытного. В частности, произведения ветеранов жанра Геннадия Прашкевича и Павла Амнуэля.

Прашкевич предложил читателю экскурсию в глухую древность. Повесть «Белый мамонт», по заверению автора,

является переводом с неандертальского. Однако множество стихов, используемых в тексте, представляются весьма и весьма знакомыми. «Пробуждение» Амнуэля построено как классический западный детектив, только фантастический. Также в прошлом году журнал «Если» космооперой «Топоры и Лотосы» в неожиданной ипостаси представил харьковский дуэт, работающий под псевдонимом Александр Зорич.

А. Эта ипостась у Зоричей не такая уж неожиданная. Ты, вероятно, забыл, что в 2003 году у них вышел роман «Завтра война» — серьезная космическая опера, со всеобъемлющей картиной политического устройства Вселенной, батальными сценами и почти без иронии, коей полны «Топоры и Лотосы».

В последние годы космоопера приобретает все большую популярность у нашей писательской братии. Лазарчук и Андронати, Логинов, Зорич... и даже Бушков с Перумовым. Минувший год можно смело объявить годом возвращения этого классического жанра.

Б. С тем же, если не большим, основанием прошедший год можно назвать и «годом сиквелов». Вторыми частями своих новых сериалов отметились сразу несколько заслуживающих внимания авторов. В романе Юрия Брайдера и Николая Чадовича «Враг за Гималаями» продолжает свои ментальные путешествия во времени «душеходец» с «Гвоздем в башке». Русские боевые офицеры из альтернативного мира «Дырки для ордена» Василия Звягинцева, покупают «Билет на ладью Харона», чтобы оказаться поближе к миру нашему, реальному. Леонид Кудрявцев отправляет воина-мутанта в «Последнюю одиссею», чтобы тот понял, в чем состоят «Условия выживания» его расы. Перемещения между реальностью и виртуальностью, начатые в «Слепом пятне», заканчивают, наконец, персонажи «Перезагрузки» Андрея Плеханова. А Евгений Прошкин переносит интеллектуальные сущности своих героев из «Слоя» в «Слой Ноль».

А. (*задумчиво*). Интересно, можно ли считать сиквелом «Сумеречный Дозор» — ведь это вторая книга сериала, написанная Лукьяненко-соло. Хотя с тем же успехом этот роман можно назвать как третьей книгой всего цикла, так и частями с седьмой по девятую, поскольку написан он по схеме

предыдущих «Дозоров» — в виде трех самостоятельных повестей.

Б. Тсс...

Оба слушают, глядя друг другу в глаза. Потом облегченно вздыхают.

А. Ты меня испугал.

Б. Я подумал, что это Он.

А.*(иронично)*. Это ветер в камышах... танцует на снегу.

Б. Лукьяненко, похоже, решил окончательно закончить с противостоянием магических спецслужб. В «Сумеречном Дозоре» практически сводится на «нет» уже привычный этический дуализм Темной и Светлой группировок, ставятся с ног на голову отношения Иных и людей, возносится до небес роль не очень заметной до сих пор Инквизиции... По идее, роман так и должен был называться — «Инквизиция». Это было бы по логике сюжета. Но, правда, не по логике брэнда, грозящего стать одним из самых серьезных в российской фантастике.

А. В мысленных поисках Идеального Фантаста мы зашли уже достаточно далеко. Кажется, настала пора начинать искать Его воочию.

Б. Но мы никуда не можем уйти.

А. Верно.

Б.*(как ни в чем не бывало)*. Сочетание антиутопии с космооперой преподнес нам Михаил Тырин. Его роман «Желтая линия» формально повествует о мытарствах двух наших современников в центре межзвездной Цивилизации, а фактически — о геополитическом будущем нашей планеты. Неожиданной, но весьма удачной выглядит попытка автора, на которого уже неоднократно пытались поставить штамп «певца русской глубинки», выступить в роли социального миростроителя.

А. С совершенно неожиданной стороны за прошедший год показал себя не только Тырин.

Б. Точно подмечено. Давно и упорно причисляемый к киберпанкам Александр Тюрин наконец доказал, что он фантаст полижанровый. В 2003 году он предложил на суд

читателей два сборника романов и повестей — «Топор гуманиста» и «Вооруженное восстание животных», — а также множество рассказов, опубликованных в периодике. Среди вышедших в прошлом году произведений присутствуют и сатирическая антиутопия, и технотриллер, и апокалиптическая проза, и откровенный постмодернизм, замешанный на классической НФ.

А. Ушел от собственных традиций и харьковский дуэт Генри Лайон Олди. В романе «Шутиха» нет сложно построенных мифологических миров, нет эпических и эзотерических путешествий, нет магов, нет бессмертных — вообще нет классических фэнтезийных героев. Есть лишь реальный мир и частное предприятие «Шутиха», предоставляющее в пользование клиентам... личного шута. Такое впечатление, что Олди решили уйти в мейнстрим. Зря.

Б. Еще один харьковчанин, Андрей Валентинов, также решил выступить в необычной для себя роли. В его романе «Сфера» любимой им криптоисторией даже и не пахнет. Вместо экскурсии в прошлые века писатель предлагает путешествие в Гипносферу — мир сновидений, социум, где существуют «спящие» alter ego людей: наше бодрствование для них является сном. Валентинов, формируя текст романа в манере «потока сознания», умудряется одновременно быть философичным и создавать динамичный сюжет. Чем не Идеальный Фантаст?

А. Вполне. Кстати, «публицистика от Валентинова» — его полемические статьи и доклады, которые так раздражают почтенную НФ-публику, отнюдь не отдаляют его от столь высокого звания.

Б. Не только писатели любят побаловаться публицистикой, но и наоборот. Журналисты и критики в последнее время все чаще выступают в роли писателей-романистов. Взять, например, Дмитрия Володихина и Марию Галину. Впрочем, Галина в писательстве не новичок. Ее роман «Волчья звезда» выдержан в духе классической НФ, где оцениваются и сравниваются различные пути развития человечества, предлагаются и ниспровергаются варианты выхода из нынешнего, по мнению автора, технологического тупика. Что это,

как не футурология, облаченная в наряд высококачественной художественной прозы?

А. Коллега Володихин в романе «Убить миротворца» занимается примерно тем же — конструированием социальной эволюции человечества. Правда, предлагаемые фантастом пути однотипны. И выбор одного из двух имперских вариантов тут, как в диалоге кошки с воробьем: «С чем тебя съест — с кетчупом или майонезом?»

Б. Имперские мотивы в нашей фантастике сейчас крайне сильны и явно инспирированы всплеском популярности аналогичной темы в американской литературе. (*Принимая ораторскую позу.*) Видимо, фантастику перестали писать настоящие интеллигенты, для которых человеческая личность по определению должна быть важнее всех остальных ценностей этого мира. В имперских структурах человек является лишь винтиком истории...

А. (*перебивая*). Ну сколько можно?

Б. Столько, сколько нужно.

А. (*примирительно*). Впрочем, в чем-то я с тобой согласен. Тоска по сильной руке начинает чувствоваться даже в фантастике исторической направленности. Так, Сергей Сиякин в романе «Операция прикрытия» исследует странную проблему — нужен ли был контакт с инопланетянами при сталинизме? А молодой автор Сергей Анисимов умудрился в своем альтернативно-историческом «Варианте «Бис», описывающем совсем иное течение Второй мировой войны, разгромить не только Германию, но и изменивших союзническому долгу США и Англию. За что, вероятно, и был удостоен издания не только в фантастической серии «Звездный лабиринт», но и в «Военно-исторической серии».

Б. Настоящий интеллигентский роман еще сохранился. «Сердце Пармы» Алексея Иванова — тому подтверждение. Автор дебютировал в фантастике (и весьма неплохо!) в начале девяностых, однако потом надолго пропал из виду. В 2003 году произошло триумфальное возвращение. В наполненном мистикой романе, описывающем столкновение христианства и язычества в XV веке на территории Перми, Иванов предьявляет читателям не только серьезную историческую

эрудицию, но и блестящий литературный стиль, психологизм героев и сюжетную прорисовку.

А. Смотри не перехвали... Давай лучше подумаем, кто выделялся из молодых авторов.

Б. Согласен. Из прошлогодних книг начинающих фантастов можно отметить не так много значительных вещей. Как ни странно, большинство из них — фэнтезийные. Любители жанра получают удовольствие от нестандартных этических поисков в романе Виталия Каплана «Круги в пустоте», а также от вкусно прописанных миров Ольги Брилевой («По ту сторону рассвета»), Анастасии Парфеновой («Посланник» и «Обрекающие на жизнь») и Юлии Галаниной («От десятой луны до четвертой»).

Все, я устал и хочу не только есть, но и пить. *(Жадно выпивает остатки вина.)*

А. Да и круг кандидатов на роль Его уже почти очерчен. Может быть, уйдем?

Б. Мы не можем.

А. Верно. Мы все еще ждем Его. Идеального Фантаста.

Где-то совсем близко раздаются громкие возгласы. Прижавшись друг к другу, втянув голову в плечи, словно прячась от опасности, А. и Б. стоят и ждут.

Появляются Издатель и Читатель. Издатель ведет Читателя на веревке, накинутой тому на шею. Читатель из-за этого шагу не может сделать самостоятельно. А. и Б. смотрят на него, раздираемые одновременно желанием броситься на помощь и страхом ввязаться в то, что их не касается.

Б. Пусти меня! Я ему помогу.

А. Успокойся. Ты не думаешь, что с веревкой в руках — тот, кого мы ждем?

Издатель. Позвольте представиться: Издатель. Можно просто И.

Читатель. А. И. Б. сидели на трубе. А. — упало, Б. — пропало, что осталось на трубе?

И. Он у меня слабоумный, зовите его Ч.

А. *(обращаясь к Б.)*. Ты слышал? Он сказал ИФ.

Б. Нет, это не Он.

А. Простите, вы, случайно, не Идеальный Фантаст?

И. Я — И.!!! Это имя вам ничего не говорит?

Ч. А. И. Б. сидели на трубе...

И. Замолкни. (*Обращается к А. и Б.*) Так вы приняли меня за кого-то другого?

А. Сами мы люди не местные... Всех в округе не знаем.

И. Как-никак, вы все же человеческие существа. Насколько я могу видеть. Той же породы, что и я. И вы не узнаете меня? Здесь? На моей земле?

Б. (*с вызовом*). Дорога открыта для всех.

И. Позор, но это так и есть. Ладно, не будем больше об этом. Друзья, я ужасно рад с вами познакомиться. Как, вы говорите, вас зовут?

А. и Б. (*вместе*). А. и Б.

И. и Ч. (*вместе, удивленно*). А. и Б? Те самые? М-да...

И. Так кого, вы говорите, ждете?

А. Идеального Фантаста.

И. Ах Его... (*Окидывает презрительным взглядом А. и Б.*) Так вот: пока вы Его просто ждете, я всеми своими действиями ежедневно, ежечасно приближаю появление Его. Вот и Ч. может подтвердить.

Ч. Могу. В 2003 году количество вышедших книг, написанных в жанре фантастики и мистики, перевалило за 1000, а доля русскоязычных авторов составила более 35%, не считая переизданий. Я это все прочитал.

А. Но в году всего 365 дней.

Б. (*ехидно*). А кто ему внушал, что для настоящего «НФ-парня» фантастика — это образ жизни, это его сны и мечты?

И. Я сразу понял, что попал в общество себе подобных (*окидывает взглядом обоих себе подобных*), даже когда сходство это весьма относительно.

Б. (*сурово*). Почему вы держите Ч. на поводке?

И. Это не поводок, это — незримая нить.

Б. (*проводя рукой между И. и Ч.*). Действительно. Прямотаки волшебник. И как вы этого добились?

И. Работой и еще раз работой. Творческим осмыслением предыдущих заработков. Все, о чем поведал наш друг Ч., — всего лишь рутина. Это необходимое, но, к сожалению, не достаточное условие развития жанра. Поэтому каждый год

приходится выдумывать что-нибудь новенькое, чтобы порадовать его (*кивает в сторону Ч.*).

Б. И что же вы придумали на этот раз?

И. Прежде всего я внезапно понял, что не всех радует нынешнее состояние качества полиграфии фантастики. Книжки, выпущенные в середине и конце 1990-х годов, выглядят ужасно: покоробленный целлофан обложек, перекошенные переплеты, отклеившиеся форзацы, пожелтевшая бумага. Первыми, кто серьезно пересмотрел свой подход к изданию, стали коллеги из ЭКСМО, сумевшие за короткий срок изменить сложившуюся за десятилетия моду. И ничего страшного нет в том, что пока напечатаны на прекрасной офсетной бумаге лишь ведущие авторы издательства: Василий Головачев, Олег Дивов, Марина и Сергей Дяченко, Генри Лайон Олди. Пишите лучше, и вы будете удостоены шитого переплета с золотым тиснением, иллюстрациями и суперобложкой.

А. По-моему, очень цинично.

Ч. А по-моему — очень практично. Увесистый том стоит всего раза в два дороже обычного издания, а содержит в три-четыре раза больше текста и в пять раз дольше сохраняется. Вот и считайте.

И. Еще дальше зашли в АСТ, выпустив под одной обложкой все «Дозоры» Сергея Лукьяненко и придерживав при этом отдельное издание последнего из них — «Сумеречного».

Б. Ну это уж точно цинизм.

Ч. Во всем Лукьяненко виноват.

Б. И в чем же, интересно узнать?

Ч. Ну... (*Долгая пауза.*) Виноват — и все. Мог бы и запретить так печатать. Договор разорвать, в конце концов.

И. Я же вам сказал, что он слегка того (*крутит пальцем у виска*). Если же касаться использования издателями известных, раскрученных брэндов с целью увеличения продаж, то здесь за прошедший год можно было наблюдать целую россыпь находок. Я просто-таки горжусь собой и своими коллегами. Например, абсолютно гениально, согласитесь, превратить мало кому нужные русские страшилки в неплохо продающийся проект, всего лишь нацепив лейбл «Ночной

дозор» и поместив непонятный знак, типа «солнцеворот», на обложку.

Б. (*обращаясь к А.*). Ну что ты молчишь? Ответь ему.

А. Похоже, вы перегибаете палку, на которой сидите. (*Смеется, довольный своей остротой.*) За небольшим исключением, все романы, вышедшие в серии «Ночной дозор», вполне самодостаточны и не нуждаются ни в каком дополнительном продвижении. Довольно трудно поверить, что «Пасть» Виктора Точинова и «Богиня Бед» Екатерины Некрасовой — дебютные книги авторов. Настолько профессионально они написаны. Хотя если честно, место первой все же в «библиотеке ужасов Дина Кунца», а второй — во «Времени учеников — 4». Более отвечающим назначению серии представляется следующий роман Точинова, написанный в соавторстве с Александром Щеголевым, — «Новая инквизиция», в котором жесткий кровавый драйв одного из соавторов уравнивается нравственным посылом другого.

И. А как быть с целевой аудиторией? Читатель ждет очередного противостояния Светлых и Темных, а получает то ликантропа, пожирающего собственного пасынка, то новоявленную спасительницу человечества, мучительно доказывающую очередную теорему этики. Вот продажи и падают.

Б. Отнюдь. Вышли в серии и произведения, идеально вписывающиеся в ее рамки. Это роман «Дайте место гневу Божию» Далии Трускиновской, полностью соответствующий содержанию «Ночного дозора», и «Лик Черной Пальмиры» Владимира Васильева, полностью соответствующий его форме. Авторы, отталкиваясь от одной и той же ситуации — нарушение паритета между Светом и Тьмой, — идут совершенно разными путями. Трускиновская, пытаясь разобраться в возникшем в современном постсоветском обществе дуализме (сильная рука vs либерализм) и делая отсылы к Ветхому и Новому Заветам, не навязывает своего мнения. Правы Темные, с их принципом «око за око», или Светлые, ратующие за ожидание «Дня гнева», — решать читателю.

Ч., *было задремавший, встрепенулся и начал внимательно прислушиваться.*

Васильев же, написав динамичный и легко читающийся текст, не затруднил себя хотя бы минимальной неоднозначностью, свойственной материнскому, так сказать, «Ночному дозору». Рассказ о карательной экспедиции киевских Темных магов в Петербург, где объявились «дикие» Иные, прямолинеен, как Евклидова геометрия.

Ч. А мне понравилось. Все понятно. Хорошие парни против плохих. И все непрерывно пьют пиво. А я пиво люблю. Я и другу своему посоветовал прочитать. А он мне и говорит, что уже, мол, читал — «двуллер» называется.

И. *(в ярости кричит)*. О боже! Стараешься, придумываешь, создаешь продвинутую литературу, а этому *(машет рукой в сторону Ч.)* — все едино: что Васильев, что Алимов. *(Успокаивается.)* Нет, куда бы его отдать?

А. Вы хотите от него избавиться?

И. Конечно. Я с удовольствием его прогнал бы, но мы с ним направляемся на Книжную ярмарку, и там он мне может пригодиться. Но, по правде говоря, таких нельзя просто прогнать. Лучше всего было бы всех их прикончить.

Ч. *плачет.*

А. Он плачет.

И. Утешьте же его, раз уж вам так его жалко.

А. *(обращаясь к Ч.)*. Не думайте, **И.** в глубине души не такой, это обстоятельства его таким сделали. Вы вполне могли оказаться на его месте, а он на вашем, не вмешайся тут случай. Каждому — свое. Он любит читать одно, а печатает совсем другое. А вам поможет критика, она укажет вам верный путь.

А. подходит к Ч. и собирается стереть ему слезы. Внезапно Ч. изо всех сил лягает его в голень.

А. *(хромая)*. Урод! Он меня искалечил!

И. Я же говорил о незримой нити. Не будь его, мои мысли и чувства касались бы лишь вещей низких, связанных с моим ремеслом... Я давно болен. У меня бридость. Я знал,

что не способен ощущать вкус, первоклассную красоту, изящество, истину. И тогда я завел себе Ч.

И. подходит к Ч., и они обнимаются. А. и Б. созерцают эту картину, вытаращив глаза.

Но вернемся к нашим баранам.

В начале 2003 года Хольм ван Зайчик завершил вторую цзюань цикла «Плохих людей нет» романом «Дело судьи Ди», название которого совсем уже откровенно отсылает к творчеству другого голландца — ван Гулика. На этот раз приключения двух героев цикла, Богдана и Багатура, при императорском дворе Ордуси — самые унылые по сравнению с предыдущими. Похоже, этот замечательный сериал начал потихоньку выдыхаться. Осознав это, «Азбука» принялась искать Хольму ван Зайчику замену. Вполне естественно, что выбор пал на «консультанта переводчиков Великого Еврокитайского Гуманиста» Игоря Алимова. Главным героем его цикла «Пластилиновая жизнь» стал инспектор Дэддиб — второстепенный персонаж «Евразийской симфонии»...

Б. Произнесено ключевое слово. Уберите из цикла ван Зайчика Ордусь, и вы получите второстепенный детективный сюжет, в какие бы модные одежды его ни пытались рядить. Мне лично более перспективным представляется другой проект «Азбуки» — «Числа и Знаки» Юрия Бурносова.

И. Ни слова об Умберто Эко и Пересе Реверто.

Б. (*обидевшись, холодно*). Как хотите. Честно говоря, не понимаю, зачем было огород городить. Бурносов в фантастике не новичок. Наконец написал отличный мистический детектив, который совсем не помешал бы новой серии издательства — «Правила боя». Одной Марии Семеновой своими новыми Волкодавами — «Самоцветные горы» и «Знаменная пути», — похоже, будет сложновато вытянуть всю серию. Локомотив по имени «Джабба» совсем бы не помешал. Хотя издателю, видимо, нужен русский Умберто Эко.

И. (*укоризненно*). Уговор.

Б. Молчу, хотя все внутри разрывается от возмущения. Ведь ваш брат издатель что хочет — то вытворяет, а мы — и пикнуть не могли.

И. Вы о чем?

Б. Ну, хотя бы о сборнике «Псы любви». Без всякого согласования с Ником Перумовым вынесли его имя на обложку и тем самым отодвинули на второй план Сергея Лукьяненко, который этот сборник составил и довольно долго продвигал, несмотря на сопротивление издателей, не особенно желавших печатать молодых неизвестных авторов.

И. *(протяжно вздыхает)*. Объясняю для тупых. Во-первых, Перумов предложил для интернет-конкурса рассказов тему: «Испытание на способность любить и последствия этого испытания», и именно об этом сообщено на обложке. Во-вторых, издатели, вступившие из-за этого в «непримиримый спор», получили от «скандала» обоюдную выгоду: у одних ушел со свистом двадцатитысячный тираж довольно рискованной книги, другие напомнили рынку о своем ведущем авторе, молчавшем около года, перед самым выходом его нового романа. В-третьих, Лукьяненко будет теперь каждый год составлять свой сборник.

И. подходит к А. и Б. вплотную и смотрит на них в упор.

Еще совсем недавно вы вели себя тише воды, а теперь я наблюдаю лишь немотивированную агрессию. Это плохо закончится. Впрочем, я не злопамятен и, чтобы погасить страсти, устраю для вас небольшое представление. *(Обращается к Ч.)*. Начинай.

Ч. Учитывая существование персонифицированного Бога, который поистине любит нас всех, за некоторыми исключениями, и заботится о нас... *(запинается)*. Одним словом, И. работает для меня, для всех нас, учитывая самые разные интересы. А вы только сбиваете с толку *(Ч. выразительно смотрит на ногу А.)* своими перформансами. Я же сейчас представлю свое мнение — «чистую, как первый снег, экзистенцию».

Начну с питерского издательства «Крылов». Романы, выходящие в рамках основного проекта этого издательства «Мужской клуб», очень популярны. Сам же проект по праву считается одним из самых коммерчески успешных в первые годы нового века. Дело в том, что «Крылов» очень четко

уловил ожидания потребителя, стосковавшегося по образу благородного авантюриста. Умные, сильные, честные, не лишенные гедонизма, герои, умеющие дружить и любить, последний раз в чистом виде встречались лет десять назад на страницах эпопеи Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку». Лицом же «Мужского клуба», безусловно, является Александр Мазин, чья эпическая тетралогия «Дракон Конга», а также «русский» и «римский» циклы определяют тот вектор, по которому движутся другие авторы издательства.

Практически те же слова можно сказать о совместном начинании издательств АСТ и «Северо-Запад Пресс» — цикле романов под общим названием «Боярская сотня». Бремя лидера в бесконечном повествовании о приключениях оказавшихся в XVI веке — времени Ивана Грозного и опричнины — современных любителей ролевых игр в данном случае несет на себе Александр Прозоров. Однако расширение цикла за счет подключения к нему произведений других авторов существенно снизило градус повествования и, соответственно, общий интерес к нему.

А. Вообще, будущее, если уместно провести такую аналогию, за высокоточным оружием — проектами, основанными на серьезном маркетинге и правильном позиционировании. Глобальные серии, такие как «Звездный лабиринт» или «Фантастический боевик», в связи с серьезной рассредоточенностью сил и средств, способны осуществить атаку по всему фронту, но не качественный прорыв.

Характерным примером современного подхода является серия «Тайный город» издательства ЭКСМО. Слов нет, Владимир Панов — писатель мастеровитый, однако первые его романы, посвященные магическому городу, непостижимым образом существующему параллельно с нынешней Москвой, затерялись в серии «Абсолютное оружие». Чувствуя серьезный авторский потенциал, издатели выделили «Темный город» в отдельное производство, изменили объем и оформление книг, и в результате Панов стал Открытием 2003-го года, хотя реально написал в этом году всего два романа: «Наложницы ненависти» и «Куколки последней надежды». Все остальные романы серии — переиздание!

Ч. Я и не знал, что Панов раньше печатался.

А. Что и требовалось доказать. Умелая подача материала сейчас чрезвычайно важна. Так, совсем не очевидно, что роман Кирилла Бенедиктова «Война за «Асгард» вызвал бы такой резонанс, не выйди он пилотным в новой серии ЭКСМО «Русская фантастика». В этой серии в основном собраны произведения молодых перспективных писателей, преимущественно рассказывающие о будущем нашей страны.

За последние несколько лет резко повысился интерес жителей России к историческим перспективам своей родины. Фантасты, естественно, не могли оставаться в стороне. Сразу вспоминаются «Выбраковка» Дивова и «Сверхдержава» Плеханова. Довольно гармонично выглядит в этом ряду «Война за «Асгард», чья геополитическая составляющая и антиглобалистская позиция по своей аргументации и полноте, пожалуй, в настоящий момент не имеют себе равных.

Ч. Быть антиглобалистом сейчас модно, но почему-то эта тема не особенно популярна у современных фантастов, даже молодых. Похоже, до нас еще окончательно не дошло, что «общечеловеки» давно уже поставили «вечно пьяных русских» в один ряд с «вечно обкуренными латиносами» и «вечно голодной черной Африкой». Мне в прошлом году встретилось совсем не много текстов подобной направленности, но один запомнился особенно — современный по форме и киберпанковский по духу роман Виктора Косенкова «Моя война». Правда, при чем там Фридрих Ницше и богиня Кали, я так и не понял.

Б. (поглядывая на И.). Кстати, роман Косенкова вышел в новой серии «Острсюжетная фантастика» издательства «ОЛМА-ПРЕСС», которое в очередной раз попыталось вернуться на Континент. Кроме того, возобновил свою серию современной фантастики «Зеленая Луна» московский «Махаон», а также продолжило свою работу в жанре «Вече». Как вы думаете, что объединяет эти разные начинания?

И. Мне казалось, что благодаря моему великодушию недавно мы помирились, а вы, игнорируя этот факт, продолжаете грубить.

Б. Угадали: коммерческим провалом.

А. Именно коммерческим, но не литературным. С этой точки зрения как раз особых претензий нет.

ОЛМА может занести себе в актив упоминавшуюся «Мою войну» Косенкова, «Тайные знаки» Александры Сашневой — очередную психоделику, замешанную на эзотерике, а также дебютные романы «Зеленая дорога» и «Порог сознания» бывшего издателя бывшего журнала «Звездная дорога» Игоря Огая, выдержанные в стиле твердой НФ.

У «Махаона» хотелось бы выделить классическую антиутопию Алексея Калугина «Там», а особенно роман молодого автора Сергея Юрьева «Жемчуг богов». Нестандартный мир, в котором сокровенные мысли людей воплощаются в жизнь, подан очень сочно. Хочется попробовать еще раз, чтобы ощутить новые оттенки вкуса.

Б. (*морщась*). Меня порадовало другое «ноу-хау» «Махаона»: псевдоним автора одной из книг издательства — Виктор Васильев. Видимо, вскоре следует ждать Семена Лукьяненко или Никиту Перумова.

А. В издательстве «Вече» вообще вышел лучший (наряду с «К-10» Дивова) авторский сборник — «Проделки джинна» Андрея Саломатова. В отличие от «К-10», это отчет не за три года, а лет этак за десять. В сборник вошли печатавшиеся ранее только в журналах или вообще не печатавшиеся рассказы и повести в жанровом диапазоне от черного юмора до полного сюрра.

Ч. Если все так хорошо, то почему же так плохо?

И. (*грубо*). А это у тебя надо спросить.

А. Ответить однозначно, конечно, невозможно, но в данной ситуации, похоже, издателей сгубили благие намерения. Жанровое разнообразие книг серий обернулось их коммерческой неудачей. Нельзя объять необъятное. Если в зоопарке на клетке написано: «Остросюжетная фантастика», то там и должна сидеть остросюжетная фантастика, а не помесь киберпанка с психоделикой.

Б. Кроме того, иногда приносит ощутимый вред чрезмерное самомнение. Судьбы фантастики, конечно, вершатся не на конвентах, но все же лучшей выборки для опроса по определению «путей развития любимого жанра» придумать сложно. Стоит лишь провести беспристрастный анализ —

глядишь, и книжки уценять не придется, и серии закрывать.

И. *(теряя терпение, раздраженно).* Судари! Некоторое время назад я попросил выразить свое мнение Ч., но с тех пор слушаю исключительно вас.

Ч. *(поспешно).* В 2003 году «Издательство Альфа-книга» отпраздновало юбилей. Вышел трехсотый выпуск серии «Фантастический боевик». Серия была основана в 1992 году и в настоящий момент является самым стабильным и продолжительным проектом в российской фантастике. Здесь начинали свой творческий путь такие популярные ныне авторы, как Николай Басов, Алексей Калугин, Андрей Белянин, Алекс Орлов, Роман Злотников, Юрий Бурносов.

А. Начиная с 2000 года издательство сделало ставку на молодежь, прекрасно понимая, что во все времена основными потребителями фантастики являются люди в возрасте от пятнадцати до тридцати лет.

И. делает протестующий жест, но его не слушают.

К началу XXI века сложилась новая общность «стирателей» всяческих авторитетов, назовем ее «генерацией Ф», которую мало интересуют диссидентские корни советской НФ. Ее представители хотят читать книги о себе, о своих мыслях и стремлениях, пусть даже и не очень качественно написанные. И «Альфа-книга» эту возможность им предоставила. Я далек от мысли считать цикл «Хроники Сиалы» Алексея Пехова манифестом молодого поколения, но очевидно, что с ним, а также с романами Дмитрия Казакова, Андрея Егорова, Романа Афанасьева, Анастасии Парфеновой, Ольги Громыко, издательство попало если не «в яблочко», то где-то рядом.

Ч. *(с решимостью).* Трехсотой книжкой в серии стал новый роман Алекса Орлова «Тютюнин против инопланетян», написанный в стилистике, далекой от традиционного для автора брутального боевика. Алекс Орлов пытается сыграть на поле своего коллеги Андрея Белянина. Чья это была инициатива — издателей или автора, — не важно, поскольку получилось вполне удачно.

Б. Кое-кто из поклонников творчества Алекса считает эту «отару анекдотов, едва сдерживаемых сюжетной изгородью» едва ли не лучшим, чем ДПП (NN) Пелевина, произведением.

И. фыркает и демонстративно отворачивается.

Ч. (*с отчаянной решимостью*). Андрей Белянин своими последними романами, как сольным «Вкус вампира», так и совместным с Галиной Черной «Каникулы оборотней», продолжает движение в сторону от звания «юморист №1 российской фантастики», которое принесло ему известность и успех. Перед нами уже не «ироничное переложение русского фольклора для наших современников», а довольно жесткие, порой циничные, не лишенные чувственной окраски рассказы о нечистой силе, незримо соседствующей с людьми в современных городах.

Б. Мне кажется это смутно знакомым.

Ч. (*не обращая внимания*). Надо сказать, что количество поклонников у Белянина при том не убавилось. Я где-то читал, что существует ряд писателей, для которых работает «магия имени»: любая написанная ими строчка будет востребована. Так, наиболее известные апологеты фэнтези Ник Перумов и Александр Бушков написали каждый по космической опере — и ничего, только популярности себе добавили. А по мне, так дневник пациента психиатрической лечебницы о пребывании его в другой галактике, приведенный полностью в романе Бушкова «Самый далекий берег», полнее любого «Сварога» будет, ну за исключением разве что первого.

И. резко разворачивается. Ч. испуганно замолкает.

И. (*ласково*). Достаточно, мой друг. (*Резко, обращаясь к А. и Б.*) И вы, наконец, помолчите. Похоже, ваше представление об этом лучшем из миров весьма превратно. Людей, всерьез отделяющих успех коммерческий от успеха литературного, можно только пожалеть. Единственным реальным критерием достижений писателя является совокупный ти-

раж его книг, а единственным легитимным выбором лучшего автора — голосование рублем. Я очень рад, что на Континенте нашлись здравые люди, которые наконец поняли это.

В конце 2002 года оргкомитет ежегодного конвента «Роскон» и издательство ЭКСМО приняли решение учредить премию «Фантаст года». Ни для кого не секрет, что в настоящий момент основной объем продаж формируется усилиями ограниченного круга авторов. Из их числа путем опроса наиболее стабильных и профессиональных книготорговых организаций и выбирается лауреат. Первым обладателем премии стал Василий Головачев.

Ч. Мне очень нравится, как работает Головачев. На первый план в прозе одного из самых востребованных широким читателем авторов выходят динамичный сюжет, глобальная фантастическая идея и непрерывные приключения главного героя. В прошлом году на прилавках появились два его новых романа: «Беспощадный, или Искатели смерти» и «ВВГ». Несмотря на то, что аббревиатуру ВВГ сам автор расшифровывает, как «Власть времен Гармонии», многие неосознательные личности усмотрели здесь связь с инициалами писателя.

Б. (не удержавшись). Вы забыли еще об одном проекте Василия Васильевича. Название повести «Магацитлы» говорит само за себя — писатель, ранее нечасто грешивший участием в литературных играх, решил попробовать себя и на этом поприще. Продолжив знаменитую «Аэлиту», Головачев серьезно рискнул. Широкий читатель, потребляющий фантастику в качестве развлечения, вряд ли хорошо знаком с творчеством Алексея Толстого и «фишки не срубит», а читатель «продвинутый» относится к подобным экспериментам, как правило, весьма скептически.

И. (игнорируя Б.). В 2003 году для большей объективности в определении победителя учредителями была привлечена Российская книжная палата, где регистрируются сведения обо всех напечатанных за год книгах. Сопоставление этих данных с данными, поступившими от книготорговцев, и выявило следующего победителя.

Четвертое и пятое места поделили Головачев и Лукьяненко, общий тираж книг которых составил около 400 ты-

сяч экземпляров при количестве названий — 30. Третье место занял Белянин — 600 тысяч и 15 названий. Первое и второе поделили Ник Перумов и Юрий Никитин — около 700 тысяч. Но первый добился подобного итога при 25 названиях, а второй — при 43. В результате победителем был признан Перумов, как затративший, так сказать, наименьшее количество попыток и опередивший соперника на пару тысяч экземпляров.

Ч. Меня все же больше впечатлило количество наименований книг Никитина одновременно присутствующих на рынке. В прошлом году у него вышло еще 5 (!) толстых томов. Автор поражает своей энергией и работоспособностью.

И. Seriously отстали от ведущей пятерки также попавшие в шорт-лист (совокупный тираж не менее 100 тысяч экземпляров за год) Мария Семенова, Макс Фрай и Роман Злотников.

Ч. Злотников, обратившись к теме построения Галактической империи на базе России в романах «Виват, император!» и «Армагеддон», серьезно изменил своему стилю и, в отличие от своего друга А. Белянина, подрастерял часть поклонников. Пришлось возвращаться «Последним рейдом» к многократно проверенному циклу «Вечный», но было уже поздно. Однако труд писателя не пропал зря: имперской темой заинтересовались политтехнологи и привлекли Злотникова к серьезной работе, связанной с литературой лишь косвенно.

И. Что касается Макса Фрая, то он с каждым годом все больше превращается из писателя в довольно удачный проект издательства «Амфора». Так что появление его «Жалобной книги» — «маленького романа из жизни накхов» — вызвало удивление: неужели он еще и пишет, а не только продвигает квазиинтеллектуальную литературу? Впрочем, вышедшие под модной вывеской «Книга врак» и «Книга русских инородных сказок» могут имиджу издательства навредить, поскольку собранные в них тексты, за исключением тех, что вполне пригодны для публикации, в «обычных» книгах альтернативны не традиционной фантастике, а литературе в целом. Читатель в следующий раз может и не купиться.

Ч. Чем больше разной фантастики издается, тем лучше. Пусть она будет хоть дважды «мейнстримовской», хоть трижды «мачистской», лишь бы печаталась.

И. *(обращаясь к А. и Б.).* Ну вот вам и резюме. Когда-нибудь он сведет меня с ума, точно. С вами, ей-богу, намного проще. В принципе вы были вполне адекватны. Прежде чем уйти, я хотел бы что-нибудь для вас сделать.

А. Думаю, луидора вполне хватило бы.

И. *(делая вид, что не слышит).* Спасибо, друзья мои, и позвольте откланяться.

Б. Счастливо добаться.

А. Удачи.

Молчание. Никто не двигается с места.

И. У меня никак не получается... *(неуверенно)* уйти...

Б. Такова жизнь.

И. поворачивается, уходит. Веревка постепенно натягивается и утаскивает за собой Ч.

А. Они помогли провести нам время.

Б. Оно прошло бы и без них.

А. А ведь они и впрямь очень изменились. Помнишь их в начале девяностых?

Б. Тогда мы были ими, хотя сами до сих пор остались прежними.

А. Парадокс.

Робко озираясь по сторонам, появляется маленький мальчик. Он останавливается.

Мальчик. Здравствуйте, судари.

А. Привет.

Мальчик. У меня к вам послание от Идеального Фантаста.

Б. Мы ждали.

Мальчик. Я уже давно здесь, но боялся подойти. Вы с теми двоими так громко кричали...

Б. *(нетерпеливо)*. Ну что там у тебя?

Мальчик *(выпаливает одним духом)*. Он велел передать, что пока не готов прийти, но непременно будет.

Б. Это все?

Мальчик. Да.

А. Ну ладно, иди.

Мальчик. А что мне Ему передать?

А. Скажи Ему...*(Колеблется.)* Скажи Ему, что ты нас видел. *(Пауза.)* Ведь мы же есть, правда?

Мальчик. Правда. *(Хочет что-то сказать, но поворачивается и убегает.)*

А. Нам больше нечего здесь делать.

Б. Да и в других местах — тоже.

А. Не надо так. Ведь мальчик сказал, что Он обязательно придет.

Б. *(восклицает)*. Я понял, это Он и был!

А. Мальчишка?

Б. Конечно. Ты можешь припомнить среди жителей Континента хотя бы одного ребенка?

А. Нет.

Б. Но ведь как-то он попал сюда? Значит, в свои *(задумывается)* семь-восемь лет уже написал что-то существенное.

А. К тому же он пришел сюда давно, слышал все наши разговоры, сделал определенные выводы и решил, что пока не готов, что пока еще рано.

Б. Похоже, на этот раз прав ты.

А. Похоже... Слушай, давай уйдем.

Б. Мы не можем.

А. Почему?

Б. Мы ждем Его.

А. Верно. Его. Идеального Фантаста.

ЗАНАВЕС.

Март 2004 года

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ ЗА 2003 г.

Москва, 2004

Список составили Д. Байкалов, В. Владимирский, Д. Володихин, О. Колесников, А. Синицын на основе библиографии, подготовленной В. Борисовым (г. Абакан).

РОМАНЫ

1. Алексеев Сергей. Сокровища Валькирии: Правда и вымысел. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
2. Алехин Леонид. Падшие ангелы Мультиверсума. — М.: ЭКСМО, 2003.
3. Алимов Игорь. Пластилиновая жизнь: Арторикс. — СПб.; Пекин: Азбука-классика, 2003.
4. Алимов Игорь. Пластилиновая жизнь: Клокард. — СПб.; Пекин: Азбука-классика, 2003.
5. Алимов Игорь. Пластилиновая жизнь: Сарт. — СПб.; Пекин: Азбука-классика, 2003.
6. Алферова Марианна. Беловодье. — СПб.: Крылов, 2003.
7. Алферова Марианна. След на воде. — СПб.: Крылов, 2003.
8. Алферова Марианна. Хрустальный лабиринт. — М.: АСТ, 2003.
9. Андреев Николай. Воскрешение. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
10. Андронати Ирина, Лазарчук Андрей. Сироты небесные. — М.: АСТ, 2003.

11. Анисимов Сергей. Вариант «Бис». — М.: АСТ, 2003.
12. Анорин Павел. Железный воин. — М.: АСТ, 2003.
13. Атеев Алексей. Карты Люцифера. — М.: ЭКСМО, 2003.
14. Атеев Алексей. Молот ведьм. — М.: ЭКСМО, 2003.
15. Афанасьев Роман. Астрал. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
16. Ахманов Михаил. Кононов варвар. — М.: ЭКСМО, 2003.
17. Ахманов Михаил. Среда обитания. — М.: ЭКСМО, 2003.
18. Барон Алексей. Люди и ящеры. — М.: АСТ, 2003.
19. Басов Николай. Закон военного счастья. — М.: ЭКСМО, 2003.
20. Басов Николай. Ставка на возвращение. — М.: ЭКСМО, 2003.
21. Бахорин Юрий. Нептун: Бал Сатаны. — М.: АСТ, 2003.
22. Бахорин Юрий. Нептун: Похитители тел. — М.: АСТ, 2003.
23. Белянин Андрей, Черная Галина. Каникулы оборотней. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
24. Белянин Андрей. Вкус вампира. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
25. Бенедиктов Кирилл. Война за «Асгард». — М.: ЭКСМО, 2003.
26. Бенилов Евгений. 1985. — М.: АСТ, 2003.
27. Берег Игорь. Спасти обязан // Берег Игорь. Сейвер. — М.: Вече, 2003.
28. Бессонов Алексей. Господин Посредник. — М.: ЭКСМО, 2003.
29. Борисенко Игорь. Рекреация. — М.: АСТ, 2003.
30. Борисенко Игорь. Человек без души. — М.: АСТ, 2003.
31. Брайдер Юрий, Чадович Николай. Враг за Гималаями. — М.: ЭКСМО, 2003.
32. Брилева Ольга. По ту сторону рассвета. В 2-х тт. — М.: ЭКСМО, 2003.
33. Буйда Юрий. Город Палачей // Знамя (М.). — ## 2—3.
34. Бурносов Юрий. Два квадрата. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
35. Бурносов Юрий. Три розы. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
36. Бурцев Виктор, Чернецов Андрей. Оскал Анубиса. — М.: АСТ, 2003.
37. Бурцев Виктор, Чернецов Андрей. Святой остров. — М.: АСТ, 2003.
38. Бушков Александр. Самый далекий берег. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
39. Буянов Николай. Призванный хранить. — СПб.: Крылов, 2003.
40. Быков Дмитрий. Орфография. — М.: ВАГРИУС, 2003.

41. Быстров Андрей. Занавес молчания. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
42. Быстров Андрей. Лезвие вечности. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
43. Вайнин Валерий. Но Змей родится снова? — М.: АСТ, 2003.
44. Валеева Анастасия. Взгляд сквозь пламя. — М.: ЭКСМО, 2003.
45. Валентинов Андрей. Сфера. — М.: ЭКСМО, 2003.
46. Ван Зайчик Хольм. Дело судьи Ди. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
47. Васильев Виктор. Кладезь бездны. — М.: Махаон, 2003.
48. Васильев Владимир. Лик Черной Пальмиры. — М.: АСТ, 2003.
49. Ветрова Виктория. Пикассо. — М.: АСТ; Голос-Пресс, 2003.
50. Ветрова Виктория. Сестричка. — М.: АСТ; Голос-Пресс, 2003.
51. Витицкий С. Бессильные мира сего. // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
52. Витковский Алексей. Тени ниндзя. — СПб.: Крылов, 2003.
53. Власова Елена, Свиридов Алексей. Межмировая таможня // Свиридов Алексей, Власова Елена. Межмировая таможня. — М.: АСТ, 2003.
54. Володихин Дмитрий. Убить миротворца // Володихин Дмитрий. Убить миротворца. — М.: АСТ, 2003.
55. Волос Андрей. Маскавская Мекка. — М.: Деконт +, 2003.
56. Вольнов Сергей. Точка невозвращения. — М.: АСТ, 2003.
57. Ворон Алексей. По запаху крови. — М.: ЭКСМО, 2003.
58. Ворон Елена. Без права на смерть. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
59. Воронин Дмитрий. Трон Торна. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
60. Ворошилова Лариса, Зайцев Сергей. Неучтенный фактор. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
61. Галанина Юлия. От десятой луны до четвертой. — М.: АСТ, 2003.
62. Галина Мария. Волчья звезда. — М.: Махаон, 2003.
63. Гарина Инна. Книга без переплета. — М.: Вече, 2003.
64. Гаркушев Евгений. Грани матрицы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
65. Гаркушев Евгений. Обойдемся без магии! — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
66. Гетманский Игорь. Цена бессмертия // Гетманский Игорь. Цена бессмертия. — М.: ЭКСМО, 2003.

67. Гимадеев Станислав. Принцип четности. — М.: Вече, 2003.
68. Глуховцев Всеволод, Самойлов Андрей. Бог сумерек. — М.: АСТ, 2003.
69. Глушков Роман. Эпоха Стального Креста. — М.: ЭКСМО, 2003.
70. Головачев Василий. Беспощадный, или Искатели смерти. — М.: ЭКСМО, 2003.
71. Головачев Василий. ВВГ, или Власть времен Гармонии. — М.: ЭКСМО, 2003.
72. Голотвина Ольга. Встретимся в Силуране! — М.: АСТ, 2003.
73. Грай Татьяна. Лотос пришлого бога. — М.: Вече, 2003.
74. Гржонко В. The house. — СПб.: Лимбус Пресс, 2003.
75. Гришанин Дмитрий. Слепая радуга. — М.: АСТ, 2003.
76. Громыко Ольга. Ведьма-хранительница. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
77. Громыко Ольга. Профессия: ведьма. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
78. Гуляковский Евгений. Чужая планета. — М.: ЭКСМО, 2003.
79. Гуляковский Евгений. Зона Захвата. — М.: ЭКСМО, 2003.
80. Гурова Анна. Радужный змей. — М.: АСТ, 2003.
81. Гусев Владимир. Хранитель виртуальности. — М.: АСТ, 2003.
82. Дегтярев Максим. Моролинги. — М.: Терра — Кн. клуб, 2003.
83. Дегтярев Максим. ОК-НО. — М.: АСТ, 2003.
84. Долгова Елена. Мастер Миража. — М.: ЭКСМО, 2003.
85. Дубинянская Яна. За горизонтом сна. — М.: АСТ, 2003.
86. Дубинянская Яна. Лестничная площадка. — М.: АСТ, 2003.
87. Дьякова Виктория. Камни Юсуфа. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
88. Дьякова Виктория. Наследники Борджиа. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
89. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Пандем // Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Пандем. — М.: ЭКСМО, 2003.
90. Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря» // Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря». — М.: ЭКСМО, 2003.
91. Егоров Андрей. Стерпор. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
92. Елизаров Михаил. Pasternak. — М.: Ad Marginem, 2003.

93. Елисеева Ольга. Ледяной круг. — М.: Вече, 2003.
94. Елисеева Ольга. Хозяин проливов. — М.: АСТ, 2003.
95. Ерпылев Андрей. Зазеркальные близнецы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
96. Етоев А. Человек из паутины. // Полдень, XXI век (СПб.). — # 4.
97. Забирко Виталий. Космический хищник: Путевые записки эстет-энтомолога // Забирко Виталий. Космический хищник. — М.: ЭКСМО, 2003.
98. Завозова Анастасия. Вальпургиева ночь. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
99. Завозова Анастасия. Таран и Недобитый Скальд. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
100. Задорожный Александр, Близнецов Дмитрий. Дни оружия // Задорожный Александр, Близнецов Дмитрий. Дни оружия. — М.: ЭКСМО, 2003.
101. Задорожный Александр. Спроси свою совесть // Задорожный Александр, Близнецов Дмитрий. Дни оружия. — М.: ЭКСМО, 2003.
102. Зайцев Михаил. Жесткий контакт. — М.: ЭКСМО, 2003.
103. Зайцев Сергей, Ворошилова Лариса. Сила желания. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
104. Звягинцев Василий. Билет на ладью Харона. — М.: ЭКСМО, 2003.
105. Злотников Роман, Воробьев Александр. Ронин. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
106. Злотников Роман. Последний рейд. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
107. Зорич Александр. Завтра война. — М.: АСТ, 2003.
108. Зубко Алексей. Волхв-самозванец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
109. Иванов Алексей. Сердце Пармы. — М.: Пальмира, 2003. // Чердынь — княгиня гор (1455—1481). — Пермь: Кн. изд-во, 2003.
110. Иванов Борис. Законы исчезновения. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
111. Иванов Сергей. Обратная сторона Бога. — М.: АСТ, 2003.
112. Иванов Сергей. Сила отчуждения. — М.: АСТ, 2003.
113. Иванов Сергей. Союз одиночек. — М.: АСТ, 2003.

114. Игнатова Наталья. Врагов выбирай сам. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
115. Ипатова Наталия. Былинка-жизнь // Ипатова Наталия. Былинка-жизнь. — М.: АСТ, 2003.
116. Ипатова Наталия. Винтерфилд // Ипатова Наталия. Былинка-жизнь. — М.: АСТ, 2003.
117. Казаков Дмитрий. Истребитель магов. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
118. Казаков Дмитрий. Маг без магии. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
119. Калугин Алексей. Галактический глюк. — М.: ЭКСМО, 2003.
120. Калугин Алексей. Полет мотылька. — М.: ЭКСМО, 2003.
121. Калугин Алексей. Там (Город крыс). — М.: Махаон, 2003.
122. Камша Вера. Башня ярости: Выходы ветра. — М.: ЭКСМО, 2003.
123. Камша Вера. Башня ярости: Черные маки. — М.: ЭКСМО, 2003.
124. Каплан Виталий. Круги в пустоте. — М.: АСТ, 2003.
125. Карелин Сергей. Последнее пророчество Таурана. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
126. Карлов Борис. Игра, или Невероятные приключения Пети Огонькова на Земле и на Марсе. — СПб.: Амфора, 2003.
127. Карпущенко Сергей. Русский булат. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
128. Кликин Михаил. Идеальный враг. — М.: ЭКСМО, 2003.
129. Кликин Михаил. Малыш и Буйвол. — М.: ЭКСМО, 2003.
130. Клугер Даниэль. Дела магические. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
131. Колин Александр. Трикстер // Мир «Искателя» (М.). — # 5.
132. Комарова Ирина, Комаров Михаил. Повелитель блох. — М.: АСТ, 2003.
133. Корнюхина Екатерина. Феникс поневоле. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
134. Косенков Виктор. Моя война. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
135. Костин Сергей. Легион Безголовый. — М.: ЭКСМО, 2003.
136. Костюк Марина. Род изначальный. — М.: Вече, 2003.
137. Костюченко Евгений «Краев». Блюз для винчестера. — СПб.: Крылов, 2003.

138. Легостаев Андрей. Наследство Алвисиды: Канун армагеддона. — М.: Вече, 2003.
139. Леженда Валентин. Время прибытия. — М.: АСТ, 2003.
140. Леженда Валентин. Разборки олимпийского уровня. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
141. Летицкий Георгий. Всемирный Полдень. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
142. Ливадный Андрей. Грань реальности // Ливадный Андрей. Грань реальности. — М.: ЭКСМО, 2003.
143. Ливадный Андрей. Зона отчуждения // Ливадный Андрей. Испытание бездной. — М.: ЭКСМО, 2003.
144. Ливадный Андрей. Омикрон // Ливадный Андрей. Остров надежды. — М.: ЭКСМО, 2003.
145. Ливадный Андрей. Сон разума. — М.: ЭКСМО, 2003.
146. Ливадный Андрей. Форма жизни // Ливадный Андрей. Форма жизни. — М.: ЭКСМО, 2003.
147. Лифанов Сергей, Кублицкая Инна. Приют изгоев. — М.: АСТ, 2003.
148. Логинов Святослав. Свет в окошке. — М.: ЭКСМО, 2003.
149. Лоскутов Александр. Кольца вероятности. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
150. Лоскутов Александр. Мегабайт. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
151. Лукин Евгений. Чушь собачья // Лукин Евгений. Чушь собачья. — М.: АСТ, 2003.
152. Лютый Александр. Рабин Гут: На крестины в Палестины. — М.: ЭКСМО, 2003.
153. Лютый Александр. Рабин, он и в Африке Гут. — М.: ЭКСМО, 2003.
154. Лютый Александр. X-ассенизаторы: Огонь по тарелкам. — М.: ЭКСМО, 2003.
155. Лютый Александр. X-ассенизаторы: Ответный плевок. — М.: ЭКСМО, 2003.
156. Ляшова Людмила. Забава для принцев. — М.: АСТ, 2003.
157. Мазин Александр. Путь Императора. — СПб.: Крылов, 2003.
158. Мамлеев Юрий. Мир и хохот. — М.: ВАГРИУС, 2003.
159. Мансуров Дмитрий. Бессмертный. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.

160. Мансуров Дмитрий. Кашей. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
161. Маркеев Олег. Странник: Серый Ангел. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
162. Марышев Владимир. Избранные. — М.: АСТ, 2003.
163. Масодов Илья. Ключ от бездны. — Тверь: Митин журнал, 2003.
164. Масодов Илья. Черти. — Тверь: Митин журнал; KOLONNA Publications, 2003.
165. Матюхин Александр. Голова, которую рубили. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
166. Матюхин Александр. Удел упыря. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
167. Медведев Михаил. Командировка во вселенную. — М.: ЭКСМО, 2003.
168. Мельников Руслан. Мертвый рай. — М.: АСТ, 2003.
169. Мзареулов Константин. Клыки Вселенной. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
170. Миронов Арсений. Древнерусская игра. Много шума из никогда. — М.: ЭКСМО, 2003.
171. Михайлов Владимир. Тело Угрозы. — М.: АСТ, 2003.
172. Михайлов Владимир. Постоянная Крата // Михайлов Владимир. Постоянная Крата. — М.: ЭКСМО, 2003.
173. Морозов Дмитрий. Корсары Балтики. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
174. Морозов Дмитрий. Старая крепость. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
175. Морозов Дмитрий. Черный легион. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
176. Некрасова Екатерина. Богиня бед. — М.: АСТ, 2003.
177. Никитин Юрий. Имортист. — М.: ЭКСМО, 2003.
178. Никитин Юрий. Куявия. — М.: ЭКСМО, 2003.
179. Никитин Юрий. Трехручный меч. — М.: ЭКСМО, 2003.
180. Никитин Юрий. Уши в трубочку. — М.: ЭКСМО, 2003.
181. Никитин Юрий. Чародей звездолета «Агуди». — М.: ЭКСМО, 2003.
182. Николаев Владимир. Ветер Занскара. — М.: АСТ, 2003.
183. Ночкин Виктор. Король-демон. — М.: АСТ, 2003.
184. Овчинникова Анна. Друг и лейтенант Робина Гуда. — СПб.: Крылов, 2003.

185. Овчинникова Анна. Лунная девушка. — М.: АСТ, 2003.
186. Огай Игорь. Зеленая планета. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
187. Огнев Максим. Пой, Менестрель! — СПб.: Азбука-классика, 2003.
188. Олди Генри Лайон. Шутиха // Олди Генри Лайон. Шутиха. — М.: ЭКСМО, 2003.
189. Орлов Алекс. Секретный удар. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
190. Орлов Алекс. Тютюнин против инопланетян. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
191. Орлов Алекс. Тютюнин против ЦРУ. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
192. Орлов Алекс. Я напишу тебе, крошка! — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
193. Орлов Антон. Чужое тело. — М.: Центрполиграф, 2002.
194. Орловский Гай Юлий. Ричард Длинные Руки — сеньор. — М.: ЭКСМО, 2003.
195. Панов Вадим. Куколки последней надежды. — М.: ЭКСМО, 2003.
196. Панов Вадим. Наложницы ненависти. — М.: ЭКСМО, 2003.
197. Парфёнова Анастасия. Посланник. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
198. Парфёнова Анастасия. Обрекающие на жизнь. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
199. Первухина Надежда. Все ведьмы делают это! — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
200. Первухина Надежда. Выйти замуж за дурака. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
201. Первушина Елена. Короли побежденных // Короли побежденных. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
202. Первушина Елена. Умри, ведьма! // Короли побежденных. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
203. Перумов Ник. Война мага: Дебют. — М.: ЭКСМО, 2003.
204. Петри Николай. Колесо превращений. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
205. Пехов Алексей, Егоров Андрей. Последний завет. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
206. Пехов Алексей. Вьюга теней. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.

207. Пехов Алексей. Джанга с тенями. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2002.
208. Плеханов Андрей. Перезагрузка. — М.: Центрполиграф, 2003.
209. Поклад Александр. Спецкорр. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
210. Полунин Николай. Бастион Эос. — М.: ЭКСМО, 2003.
211. Полунин Николай. Новая Василиса. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
212. Прозоров Александр. Год полнолуний. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
213. Прозоров Александр. Дикое поле. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
214. Прозоров Александр. Донос мертвеца. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
215. Прозоров Александр. Люди меча. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
216. Прозоров Александр. Слово шамана. — М.: АСТ, 2003.
217. Прозоров Александр. Царская дыба. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
218. Прокопчик Светлана. Корректировщики. — М.: ЭКСМО, 2003.
219. Проскурин Вадим. Золотой цверг. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
220. Проскурин Вадим. Хоббит, который познал истину. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
221. Проханов Александр. Крейсера соната. — М.: Ad Marginem, 2003.
222. Прохоров Роман. Щит Ахилла. — М.: АСТ, 2003.
223. Прошкин Евгений. Магистраль. — М.: ЭКСМО, 2003.
224. Прошкин Евгений. Слой Ноль. — М.: ЭКСМО, 2003.
225. Пучков Владимир. Неугомонные чародеи. — М.: Вече, 2003.
226. Радов Егор. Суть. — М.: Ad Marginem, 2003.
227. Разумовский Феликс. Прокаженный. — СПб.: Крылов, 2003.
228. Разумовский Феликс. Смилодон. — СПб.: Крылов, 2003.
229. Раткевич Сергей. Посох Заката. — М.: АСТ, 2003.
230. Ревва Игорь. Бессмертный Принц. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.

231. Ревва Игорь. Выбор. — М.: АСТ, 2003.
232. Ревва Игорь. Сила Бессмертных. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
233. Резанова Наталья. Чудо и чудовище. — М.: АСТ, 2003.
234. Романовский Александр. Ярость рвет цепи. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
235. Рыбаков Вячеслав. На будущий год в Москве. — М.: АСТ, 2003.
236. Рыжков Игорь. Иллюзии. — М.: АСТ, 2003.
237. Садов Сергей. Горе победителям. — М.: АСТ, 2003.
238. Сашнева Александра. Тайные знаки. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
239. Свержин Владимир. Сыщик для феи. — М.: АСТ, 2003.
240. Свержин Владимир. Чего стоит Париж? — М.: АСТ, 2003.
241. Семенова Мария. Волкодав: Знамение пути. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
242. Семенова Мария. Волкодав: Самоцветные горы. — М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2003.
243. Серебряков Владимир, Уланов Андрей. Оборотень в погонах. — М.: ЭКСМО, 2003.
244. Серебряков Владимир, Уланов Андрей. Серебро и свинец. — М.: ЭКСМО, 2003.
245. Симонова Мария. Снайперы. — М.: ЭКСМО, 2003.
246. Синельников Владимир. Веер миров. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
247. Синельников Владимир. Тени Миров. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
248. Сеницын Олег. Скалолазка и мертвая вода. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
249. Сеницын Олег. Скалолазка. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
250. Синявская Светлана. Ведьмины именины. — М.: ЭКСМО, 2003.
251. Синявская Светлана. Роскошь бессмертия. — М.: ЭКСМО, 2003.
252. Синякин Сергей. Операция прикрытия. — М.: АСТ, 2003.
253. Смирнов Леонид. Умереть и воскреснуть. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
254. Смирнов Леонид. Чужими руками. — М.: АСТ, 2003.
255. Смирнов Ярослав. Аэрогарды. — М.: АСТ, 2003.

256. Смирнов Ярослав. Цитатник Бегемота. — М.: АСТ, 2003.
257. Соловьев Дмитрий. Чистильщик. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
258. Степанов Николай. Магистр. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
259. Степанов Николай. Под знаком Дарго. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
260. Страшок Павел. Остров надежды — Земля. — М.: АСТ, 2003.
261. Твердов Антон. Реквием для хора с оркестром. — М.: АСТ, 2003.
262. Тин Анна. Агенты СИНЛАРа. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
263. Ткаченко Катя. Любовь для начинающих пользователей. — М.: Пальмира, 2003.
264. Томсинов Антон. Одинокие в толпе. — М.: Вече, 2003.
265. Точинов Виктор, Щёголев Александр. Новая Инквизиция. — М.: АСТ, 2003.
266. Точинов Виктор. Пасть. — М.: АСТ, 2003.
267. Точинов Виктор. Царь Живых. — М.: АСТ, 2003.
268. Трускиновская Далия. Дайте место гневу Божию. — М.: АСТ, 2003.
269. Тюрин Александр. Боятся ли компьютеры адского пламени? // Тюрин Александр. Топор гуманиста. — М.: Вече, 2003.
270. Тырин Михаил. Желтая линия. — М.: ЭКСМО, 2003.
271. Уланов Андрей. Раз герой, два герой... — М.: ЭКСМО, 2003.
272. Федорова Екатерина. Милорд и сэр. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
273. Федорова Екатерина. Трое за Ларцом. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
274. Фрай Макс. Жалобная книга. — СПб.: Амфора, 2003.
275. Фрумкин Сергей. Боевое братство. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
276. Фрумкин Сергей. Рожденный светом. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
277. Хаецкая Елена. Дама Тулуза // Хаецкая Елена. Дама Тулуза. — М.: АСТ, 2003.
278. Храппа Вадим. Ульмигания // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.
279. Чеботарев Н. Возвращение скифов. — М.: Авваллон, 2003.

280. Чекалов Денис. Маятник судьбы. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
281. Чекалов Денис. Френки и Майкл. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
282. Черкасов Дмитрий. Операция «Вурдалак». — СПб.: Валери СПД; Сфинкс СПб., 2003.
283. Чернецов Андрей, Леженда Валентин. Песнь Кецаля. — М.: АСТ, 2003.
284. Чубарьян Александр. Игры в жизнь. — М.: АСТ, 2003.
285. Шабельник Руслан. Рип Винклер: Рождение бога. — М.: АСТ, 2003.
286. Шаганов Андрей. Ловля Минотавра на живца. — М.: АСТ, 2003.
287. Шалыгин Вячеслав. Бой с тенью. — М.: ЭКСМО, 2003.
288. Шалыгин Вячеслав. Огонь, водка и медные трубы. — М.: ЭКСМО, 2003.
289. Шалыгин Вячеслав. Путь с небес. — М.: ЭКСМО, 2003.
290. Шевченко Т. Пришельцы с планеты Дураков. — Новосибирск: РИФ-Новосибирск, 2003.
291. Шелонин Олег, Баженов Виктор. Дело «Тридевятый синдикат». — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
292. Шигин Владимир. Всадник рассвета. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
293. Шидловский Дмитрий. Враги. — СПб.: Крылов, 2003.
294. Шидловский Дмитрий. Противостояние. — СПб.: Крылов, 2003.
295. Щеглов Сергей. Тень спрута. — М.: АСТ, 2003.
296. Щупов Андрей. Время Палача. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
297. Экштейн Александр. Лунные бабочки. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2003.
298. Юрин Денис. Одиннадцатый легион. — М.: АСТ, 2003.
299. Юрьев Сергей. Жемчуг богов. — М.: Махаон, 2003.
300. Янковский Дмитрий. Правила подводной охоты. — М.: ЭКСМО, 2003.
301. Ярин Артур. Откуда в небе лошади? — М.: АСТ, 2003.

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

1. Commander Хэлл. Дата смерти // Порог (Кировоград). — # 1.
2. Commander Хэлл. Демопарк // Порог (Кировоград). — # 2.
3. R_L. Слова поэта суть дела его // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
4. Авраменко Олег. Я, мой черт и... // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
5. Аксенов Рой. «Светлое будущее» // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
6. Аксенов Рой. Being human // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
7. Аксенов Рой. Gods, exiled // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
8. Аксенов Рой. Барсучье молоко // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
9. Аксенов Рой. Жизнь сурков в условиях жесткой радиации // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
10. Аксенов Рой. Казна // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
11. Аксенов Рой. Кайся // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
12. Аксенов Рой. Киберпанк // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
13. Аксенов Рой. Ничего особенного // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
14. Аксенов Рой. Похороны холодильника // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
15. Алферова Марианна. ЗАГРЕЙ // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5–6.
16. Амнуэль Павел. Все дозволено // Искатель (М.). — # 10.
17. Амнуэль Павел. Институт безумных изобретений // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
18. Амнуэль Павел. Как это было (Из мемуаров Ионы Шекета) // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
19. Амнуэль Павел. Полет сокола // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
20. Амнуэль Павел. Пробуждение // Если (М.). — # 2.
21. Андропова Лора. Господин пустыни // Реальность фантастики (Киев). — # 3.

22. Андропова Лора. Жалости нет // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
23. Андропова Лора. История о добром боге // Порог (Кировоград). — # 3.
24. Андропова Лора. По велению Грома // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
25. Андропова Лора. Страж Йегу-инн // Техника — молодежи (М.). — # 6. // Уральский следопыт (Екатеринбург). — # 4.
26. Антонов Владимир. Скучная жизнь // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
27. Ануров Денис. Я подарю тебе Вселенную // Юный техник (М.). — # 2.
28. Анфимова Людмила. Яблоки Гекаты // Универсум (Уфа). — # 1.
29. Аренев Владимир. Единственная дорога // Аренев Владимир. Монетка на удачу. — М.: АСТ, 2003.
30. Аренев Владимир. Нарисуйте мне рай // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
31. Аренев Владимир. Новый Гутенберг // Если (М.). — # 10.
32. Аренев Владимир. Полезная болезнь // Аренев Владимир. Монетка на удачу. — М.: АСТ, 2003.
33. Аренев Владимир. Почтальон в волшебной стране // Аренев Владимир. Монетка на удачу. — М.: АСТ, 2003.
34. Аренев Владимир. Сказка со счастливым концом // Аренев Владимир. Монетка на удачу. — М.: АСТ, 2003.
35. Аренев Владимир. У каждого свои призраки // Аренев Владимир. Монетка на удачу. — М.: АСТ, 2003.
36. Аренев Владимир. Хижина дяди Сэма // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
37. Асмолов Константин, Панченко Григорий. Каато Темное Солнце // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
38. Астров-Чубенко Вячеслав. Пять минут смеха // Интересная газета (Киев). — # 5.
39. Афалов Максим. Земной менталитет // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
40. Афанасьев Роман. Воин добра // Книга врак. — СПб.: Амфора, 2003.
41. Афанасьев Роман. Желание // Порог (Кировоград). — # 7.
42. Афанасьев Роман. Лунные игры // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

43. Бабкин Михаил. Везунчик // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
44. Бабкин Михаил. Визит // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
45. Бабкин Михаил. Гонец // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
46. Бабкин Михаил. Желание // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
47. Бабкин Михаил. Забава // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
48. Бабкин Михаил. Завтра // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
49. Бабкин Михаил. Игра // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
50. Бабкин Михаил. Изменения // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
51. Бабкин Михаил. Повестка // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
52. Бабкин Михаил. Прецедент // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
53. Бабкин Михаил. Сеанс // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
54. Бабкин Михаил. Сон // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
55. Бабкин Михаил. Туз // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
56. Бабкин Михаил. Хранитель // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
57. Бабкин Михаил. Шабашка // Бабкин Михаил. Гонец. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
58. Байков Эдуард. «Роковые персонажи» // Универсум (Уфа). — # 1.
59. Бакк Ольга. Любовь ведьмы // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
60. Балагановы Братья. Играть с жизнью // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
61. Бархатов Юрий. Комплекс Электры // Интересная газета (Киев). — # 5.
62. Бархатов Юрий. Протестировано на небесах // Магия ПК. — # 12.

63. Бахтина Ирина. Вздох // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
64. Бахтина Ирина. Зачем я тебе? // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
65. Бацунов Владимир. Воспоминания о караване // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.
66. Бачило Александр. Впереди — вечность // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
67. Бачило Александр. Лесопарк // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
68. Белаш Александр. Легким шагом по Нью-Йорку. // Полдень, XXI век (СПб.). — # 4.
69. Белаш Александр. Чашка воды для усталого всадника // Порог (Кировоград). — # 4.
70. Белаш Людмила, Белаш Александр. Бронзовый кувшин // Порог (Кировоград). — # 12.
71. Белаш Людмила, Белаш Александр. Обряд // Порог (Кировоград). — # 10.
72. Белаш Людмила, Белаш Александр. Полет яйца через долину // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
73. Белаш Людмила, Белаш Александр. Станция Финистер // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 4.
74. Белаш Людмила, Белаш Александр. Царевна Метель // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
75. Белаш Людмила. Черная роза // Порог (Кировоград). — # 4.
76. Белецкая Екатерина. Самокат // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
77. Белояр Ирина. Бред чалого звездолета, или Что выросло, то выросло // Порог (Кировоград). — # 4.
78. Белояр Ирина. День саламандры // Техника — молодежи (М.). — # 3.
79. Беянин Андрей. Сказ о святом Иване-воине и разбойных казаках // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
80. Бенедиктов Кирилл. Орихалк // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
81. Бенедиктов Кирилл. Конкистадор в стране снов // Если (М.). — # 9.
82. Бенедиктов Кирилл. Прогулка // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

83. Бенедиктов Кирилл. Чужая квартира // Звездная дорога (Красногорск). — # 4.
84. Бенилов Евгений. Камень // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
85. Березин Владимир. История про сапоги прапорщика Евсюкова // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
86. Березин Владимир. Сказочки // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
87. Березин Владимир. Хирург Кирякин // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003. // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
88. Берендеев Кирилл. Бисмилла // Континент (М.). — # 2.
89. Берендеев Кирилл. Большая Никитская 23 // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
90. Берендеев Кирилл. Динамическое равновесие // Искатель (М.). — # 11. // Мир фантастики. — # 4.
91. Берендеев Кирилл. Тверская 10 // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
92. Берендеев Кирилл. Тверская 8 // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
93. Беркли Алан. Отчет // Техника — молодежи (М.). — # 4.
94. Беркович М. Урок физики // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
95. Беспалова Наталия. Плюс шесть // Ступени Оракула (М.). — # 16.
96. Бессонов Алексей. Красные перья любви // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
97. Блинчик Евгений. Когда она упала с неба // Порог (Кировоград). — # 5.
98. Блинчик Евгений. И боги ошибаются // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
99. Богданец Анна. Планета Каменных Драконов // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
100. Богушинский Роман. Выбор // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
101. Божко Галина. Логика отражения // Техника — молодежи (М.). — # 6.
102. Болотова Елена. Не трясите песочные часы // Искатель (М.). — # 9.

103. Бор Алекс. Единорог для любимой девушки // Порог (Кировоград). — # 12.
104. Борисенко Игорь. Псы войны // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
105. Бородин Грант. 1919 // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
106. Бородин Грант. Глаз дракона // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
107. Бородин Грант. Лев Гуан-ли // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
108. Бородин Грант. Талас // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
109. Бородин Грант. Тридцать три факта из жизни Миши Краузе // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
110. Браславский Дмитрий. Чародейка на выданье // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
111. Брисенко Дмитрий. Harms-core mix // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
112. Бубякин Михаил. Кильда // Порог (Кировоград). — # 3.
113. Бубякин Михаил. Притча о заключенном // Порог (Кировоград). — # 9.
114. Буйда Юрий. Семьдесят три секунды // День литературы (М.). — # 7.
115. Булатникова Дарья. Зеркало для звезды Аххан // Черный квадрат (Великобритания). — # 5.
116. Булычев Кир. Гений из Гусяра // Искатель (М.). — # 1.
117. Булычев Кир. Гиперболоид профессора Дюуэля // Парадокс (М.). — # 6.
118. Булычев Кир. Ксения без головы // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 9.
119. Буркин Юлий. День, как день, шизафрень // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
120. Буркин Юлий. Маска // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
121. Бурносов Юрий. Roses // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
122. Бурносов Юрий. Все золотистое // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
123. Вайнштейн Михаил. Астральный синдром // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.

124. Вайпер Галина. Плюtrimбулевая каша // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
125. Васильев Владимир. Искусственный отбор // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
126. Васильев Владимир. Нянька // Васильев Владимир. Ведьмак из Большого Киева. — М.: АСТ, 2003.
127. Васильев Владимир. Омега-12 // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
128. Васильев Владимир. Скромный гений подземки // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
129. Вашкевич Эльвира. Браслет // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003.
130. Вашкевич Эльвира. Книга и ворон // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003.
131. Вашкевич Эльвира. Контракт со скидкой // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003.
132. Вашкевич Эльвира. Кошка // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003.
133. Вашкевич Эльвира. Кошка // Техника — молодежи (М.). — # 3.
134. Вашкевич Эльвира. Мертвая черепашка // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003. // Черный квадрат (Великобритания). — # 5.
135. Вашкевич Эльвира. Мир за дверью // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003. // Черный квадрат (Великобритания). — # 5.
136. Вашкевич Эльвира. Хранитель // Вашкевич Эльвира. Книга и ворон. — Рязань: Поверенный, 2003.
137. Великанова Мария. От чего умирают герои // Порог (Кировоград). — # 12.
138. Верещагин Петр. Когда рушится мир // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
139. Веров Ярослав. Их нравы // Порог (Кировоград). — # 2.
140. Веров Ярослав. Мыслеход. // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
141. Веров Ярослав. Отчего гибнут киллеры // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
142. Веров Ярослав. Отчего умер... // Порог (Кировоград). — # 9.

143. Ветков Юрий. Бремя охотника // Порог (Кировоград). — # 8.
144. Ветков Юрий. Возвращение со звезд // Порог (Кировоград). — # 4.
145. Витковский Тарас. Габа и его носорог // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
146. Витковский Тарас. Сердце Филомелы // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
147. Владимирский Василий. Блюз счастья // Мир фантастики. — # 5.
148. Власов Григорий. Проект «Разум» // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 12.
149. Власова Елена, Арти Д. Александер. Легенды иных миров // Свиридов Алексей, Власова Елена. Межмировая таможня. — М.: АСТ, 2003.
150. Власова Елена, Арти Д. Александер. Осколки разбитых зеркал // Свиридов Алексей, Власова Елена. Межмировая таможня. — М.: АСТ, 2003.
151. Власова Елена, Арти Д. Александер. Тринадцать сказок о любви // Свиридов Алексей, Власова Елена. Межмировая таможня. — М.: АСТ, 2003.
152. Володихин Дмитрий, Петров Сергей. Возвращение в Форност // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
153. Володихин Дмитрий. Бесобои // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
154. Володихин Дмитрий. Визит старого знакомого // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
155. Володихин Дмитрий. Все, что я знаю о войне // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
156. Володихин Дмитрий. Мой приятель Молчун // Володихин Дмитрий. Убить миротворца. — М.: АСТ, 2003.
157. Володихин Дмитрий. Твердыня роз // Если (М.). — # 9.
158. Рома Воронежский. Дым // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
159. Рома Воронежский. Дневник одного дивана // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
160. Рома Воронежский. Агент 007 // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
161. Рома Воронежский. Кукла наследника // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.

162. Рома Воронежский. Что-то про жизнь // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.

163. Воронин Александр. Уход по-английски // Порог (Кировоград). — # 5.

164. Воронин Дмитрий. Стоит ли принцесса спасения? // Порог (Кировоград). — # 6. // Реальность фантастики (Киев). — # 1.

165. Вяземская Анна. Жестокий вальс // Ступени Оракула (М.). — # 7.

166. Гаврилов Дмитрий. Меч не знает головы кузнеца // Порог (Кировоград). — # 11.

167. Гаёхо Михаил. Защитим Америку // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.

168. Гаёхо Михаил. Ньюсмэйкер // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.

169. Гайворонский Федор. Луноход «Лаврентий Берия» // Книга врак. — СПб.: Амфора, 2003.

170. Гайдук Борис. Тысяча жизней // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.

171. Галина Мария. Договор // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.

172. Галина Мария. И все деревья в садах... // Звездная дорога (Красногорск). — # 5.

173. Галина Мария. О цене и расплате // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

174. Галина Мария. Фыня // Реальность фантастики (Киев). — # 4.

175. Галихин Сергей. Рассказ № 8 // Порог (Кировоград). — # 5.

176. Гальцов Максим. Игра под названием Жизнь // Магия ПК. — # 12.

177. Гейман Александр. Вайка-булкутенок, зверек удачи // Порог (Кировоград). — # 5.

178. Герасимов Анатолий. Красная черта // Искатель (М.). — # 8.

179. Герасимов Сергей. Две новеллы о корабле и человеке // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.

180. Гетманский Игорь. Планета Долли // Гетманский Игорь. Цена бессмертия. — М.: ЭКСМО, 2003.

181. Гетманский Игорь. Трансформеры // Гетманский Игорь. Цена бессмертия. — М.: ЭКСМО, 2003.

182. Глагольев Игорь. Беседа // Порог (Кировоград). — # 7.
183. Глузман Сергей. Случай из практики // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
184. Глуховцев Всеволод. Башня под облаком // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
185. Глуховцев Всеволод. День за днем // Универсум (Уфа). — # 1.
186. Глуховцев Всеволод. Ночь // Универсум (Уфа). — # 1.
187. Глуховцев Всеволод. Памяти Диогена // Универсум (Уфа). — # 1.
188. Глуховцев Всеволод. Станные люди // Универсум (Уфа). — # 1.
189. Головачев Василий. Магацинты // Головачев Василий. Магацинты. — М.: ЭКСМО, 2003.
190. Головачев Василий. Ошибка в расчетах // Реальность фантастики (Киев). — # 2 // Головачев Василий. Магацинты. — М.: ЭКСМО, 2003. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
191. Головин Евгений. Жар // Звездная дорога (Красногорск). — # 5.
192. Головкова Елена. Колорадик без янтаря // Искатель (М.). — # 5.
193. Гончаров Владислав. Жажда // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
194. Горалик Линор. Сказки для неврастеников // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
195. Горчев Дмитрий. Бывшая сказка // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
196. Горчев Дмитрий. Один благородный рыцарь // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
197. Горчев Дмитрий. Сказка старого короля // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
198. Горчев Дмитрий. Сказка, которую все знают // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
199. Горшков Дмитрий. Дыхание довольного дракона // Ступени Оракула (М.). — # 20.
200. Госсен Пауль, Дегтярева Виктория. Король-олень-2 // Техника — молодежи (М.). — # 10.
201. Госсен Пауль, Дегтярева Виктория. Уродина // Радуга (Германия). — # 8. // Уральский следопыт (Екатеринбург). — # 6.
202. Госсен Пауль. Королевство за \$ 9.99, включая НДС // Звездная дорога (Красногорск). — # 4. // Магия ПК. — # 5.

203. Гравицкий Алексей. Как дети // Порог (Кировоград). — # 3.
204. Григорович Петр. Русалочье семя // Ступени Оракула (М.). — # 18.
205. Громов Александр. Вдруг откуда-то летит... // Громов Александр. Глина Господа Бога. — М.: АСТ, 2003.
206. Громов Александр. Корабельный секретарь // Если (М.). — # 4; Громов Александр. Глина Господа Бога. — М.: АСТ, 2003.
207. Громов Александр. Сила трения качения // Если (М.). — # 11.
208. Громов Александр. Толстый, ленивый, опасный // Звездная дорога (Красногорск). — # 2.
209. Громов Дмитрий. Планета мечты // Тайная власть (М.). — # 4.
210. Громыко Ольга. Ведьмины байки // Громыко Ольга. Ведьмины байки — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
211. Громыко Ольга. Сказка — ложь, узнайте правду! // Громыко Ольга. Ведьмины байки — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
212. Гросс Павел, Счастливецва Екатерина. Оттягалово для киборгов, или Путешествие в мир фантастической кухни // Техника — молодежи (М.). — # 4.
213. Гросс Павел. Реклама forever? // Порог (Кировоград). — # 2.
214. Гросс Павел. Триллиан // Порог (Кировоград). — # 10. // Черный квадрат (Великобритания). — # 5.
215. Губарев П. Черновики Леонарда Сполдинга // Порог (Кировоград). — # 12.
216. Губарев Роман. Сказка о рыбе // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
217. Гугнин Владимир. Западня // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 7—8.
218. Гусев В. Сон ребенка // Космический век (М.). — # 4.
219. Гусев Владимир. Записки сервера // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
220. Дашков Андрей. Инстинкт жертвы // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
221. Джабба. Бубен // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
222. Дивов Олег. Вредная профессия // Дивов Олег. К-10. — М.: ЭКСМО, 2003 // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.

// Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира — СПб.: Петербургское Востоковедение, Азбука-классика, 2002. // Другой (М.) — # 4.

223. Дивов Олег. К-10 // Дивов Олег. К-10. — М.: ЭКСМО, 2003.

224. Дивов Олег. Личное дело каждого // Если (М.). — # 12.

225. Дивов Олег. Мышки-кошки // Дивов Олег. К-10. — М.: ЭКСМО, 2003.

226. Дивов Олег. Эпоха великих соблазнов // Если (М.). — # 5; Дивов Олег. К-10. — М.: ЭКСМО, 2003.

227. Долгова Елена. Хранитель талисмана // Порог (Кировоград). — # 5.

228. Доронин Вячеслав. Теоретик // Порог (Кировоград). — # 8.

229. Драгунов Петр. Бред в две руки // Абакан литературный. — # 2.

230. Дубинин Антон. Сердце трубадура // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

231. Дубинянская Яна. Баржа над черной водой // Реальность фантастики (Киев). — # 1.

232. Дубинянская Яна. Жены призраков // Академия, № 3: приложение.

233. Дубинянская Яна. Козлы // Мир «Искателя» (М.). — # 3.

234. Дубинянская Яна. Кукла на качелях // Мир «Искателя» (М.). — # 2. // Академия, № 6: приложение.

235. Дубинянская Яна. Макс и летающая тарелка // Женский журнал. — Март.

236. Дубинянская Яна. Проклятие графов Собоських // Реальность фантастики (Киев). — # 1.

237. Дубровин Максим. К вопросу о реинкарнации, или История одной короткой жизни // Интересная газета (Киев). — # 9.

238. Дубровин Максим. Прометей // Порог (Кировоград). — # 11.

239. Дубровин Максим. Пятьдесят на пятьдесят // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.

240. Дунаев Алексей. Черно-белое кино про вампиров и ковбоев // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.

241. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Зоопарк // Если (М.). — # 10.

242. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Мизеракль // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.

243. Дяченко Марина, Дяченко Сергей. Тина-Делла // Если (М.). — # 5.
244. Евтушенко Алексей. Беглец // Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря». — М.: ЭКСМО, 2003.
245. Евтушенко Алексей. Девушка из «Сфинкса» // Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря». — М.: ЭКСМО, 2003.
246. Евтушенко Алексей. Откровение Бучинанта // Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря». — М.: ЭКСМО, 2003.
247. Евтушенко Алексей. Тараканья история // Евтушенко Алексей. Человек-Т, или Приключения экипажа «Пахаря». — М.: ЭКСМО, 2003.
248. Егорова Наталья. Лиля // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
249. Елисеева Ольга. Дорсет // Звездная дорога (Красногорск). — # 1.
250. Ермолов Юрий. Чужаки // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
251. Етоев Александр. Парашют вертикального взлета // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
252. Жовна Александр. Утренний сон // Порог (Кировоград). — # 4.
253. Забирко Виталий. Близнецы // Забирко Виталий. Космический хищник. — М.: ЭКСМО, 2003.
254. Забирко Виталий. Жил-был кудесник // Забирко Виталий. Тени сна. — М.: Вече, 2003.
255. Забирко Виталий. Работа за рубежом // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
256. Заритовская Елена. Стеногрыз // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
257. Заритовская Елена. Химера // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
258. Захаров Сергей. Как найти других людей // Техника — молодежи (М.). — # 7.
259. Захаров Сергей. Я — собака! // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
260. Захарова Светлана, Захаров Евгений. Жизнь коротка, искусство — вечно! // Порог (Кировоград). — # 9.

261. Зеленский Борис. Ахиллес в очках // Звездная дорога (Красногорск). — # 6.
262. Зеленский Борис. Черные мысли о бренности сущего хороши тем, что имеют обыкновение прекращать генерироваться, как только устраняется угроза генератору // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
263. Зорич Александр. Второй подвиг Зигфрида // Если (М.). — # 3. // Мир фантастики. — # 1.
264. Зорич Александр. Серый тюльпан // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
265. Зорич Александр. Топоры и лотосы // Если (М.). — # 9.
266. Изаксон Ребекка. Избранные блюзы из переписки с вещами // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
267. Ильин В. Мне тебя так не хватает! // Порог (Кировоград). — # 12.
268. Ильин Владимир. Его борьба // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
269. Ильин Владимир. Единственный выход // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
270. Ильин Владимир. Жизненно важный орган // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
271. Ильин Владимир. Завещание для родителей // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
272. Ильин Владимир. Младшие близнецы // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
273. Ильин Владимир. Последний гвоздь // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
274. Ильин Владимир. Право собственности // Ильин Владимир. Единственный выход. — М.: ЭКСМО, 2003.
275. Ильяшенко Маргарита. Агонизирующий // Порог (Кировоград). — # 10.
276. Ильяшенко Маргарита. Янтарь и забытое слово // Порог (Кировоград). — # 2.
277. Ипатова Наталия. Бледный свет сквозь толщу вод // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
278. Ипатова Наталия. Дом без кондиционера // Если (М.). — # 8.
279. Ипатова Наталия. Красный Лис // Ипатова Наталия. Сказки зимнего перекрестка. — М.: АСТ, 2003.

280. Ипатова Наталия. Леди Декабря // Ипатова Наталия. Сказки зимнего перекрестка. — М.: АСТ, 2003.
281. Ипатова Наталия. Обитель Мерцающих Камней // Ипатова Наталия. Сказки зимнего перекрестка. — М.: АСТ, 2003.
282. Ипатова Наталия. Сказка зимнего перекрестка // Ипатова Наталия. Сказки зимнего перекрестка. — М.: АСТ, 2003.
283. Иртенина Наталья. Самозванец // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
284. Иторр Кайл. Враги до гроба // Порог (Кировоград). — # 1.
285. Каганов Леонид. Итак, хоминоиды // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
286. Каганов Леонид. Мамма сонним // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
287. Каганов Леонид. Моя космонавтика. // Полдень, XXI век. — 2003. — № 4.
288. Каганов Леонид. На поселение // Если (М.). — # 10.
289. Каганов Леонид. Хомка // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8. // Реальность фантастики (Киев). — # 2. // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
290. Казаков Дмитрий. Живое и мертвое // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
291. Казаков Дмитрий. Стать человеком // Порог (Кировоград). — # 3.
292. Казанцев А. Ойла. Двенадцатая луна Земли // Воин России (М.). — # 2.
293. Каленюк Евгений. Осколки // Порог (Кировоград). — # 6.
294. Каленюк Евгений. Сфинкс болен // Порог (Кировоград). — # 8.
295. Калининченко Николай, Хомак Дмитрий. Воры в банке // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
296. Калугин Алексей. Империя подставилась под удар // Порог (Кировоград). — # 9.
297. Калугин Алексей. Колдун // Антология мировой фантастики. Том 4. — М.: Аванта +, 2003.
298. Калугин Алексей. Поделись со мной своей печалью // Порог (Кировоград). — # 2; Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
299. Калугин Алексей. Рассвет потерянных душ // Антология мировой фантастики. Том 3. — М.: Аванта +, 2003.

300. Калугин Алексей. Убирайтесь из моих снов! // Если (М.). — # 2.
301. Калугин Алексей. Шедевр // Звездная дорога (Красногорск). — # 2.
302. Камша Вера. День страха // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
303. Кангин Артур. Ограбление олигарха Рюкова // Тайная власть (М.). — # 6.
304. Каплан Виталий. И взошли сорняки // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
305. Каплан Виталий. Свобода выбрать поезд // Если (М.). — # 7.
306. Каплан Виталий. Экзамены // Звездная дорога (Красногорск). — # 1.
307. Караев Николай. Забытые души, железные сны // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
308. Карев Игорь. Блюз в стиле жизнь // Порог (Кировоград). — # 9.
309. Карелин Антон. Ловушка // Мир фантастики (М.). — # 3.
310. Каришнев-Лубоцкий Михаил. Дар небес // Странник (Саранск). — # 2.
311. Катерли Нина. Страдания молодого Вертера // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
312. Катюшик Виктор. В тени вечнозелёного бамзелюка // Абакан литературный. — # 1.
313. Кирдин Александр. Большая дорога // Абакан литературный. — # 2.
314. Кирьянова Анна. Игра в слова // Ступени Оракула (М.). — # 21.
315. Кирьянова Анна. Оживление мертвых // Ступени Оракула (М.). — # 11.
316. Кирьянова Анна. Свинья // Ступени Оракула (М.). — # 16.
317. Клещенко Елена. Еще о квартирном вопросе // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 5.
318. Клещенко Елена. Обнаружено новое устройство // Магия ПК. — # 7.
319. Клещенко Елена. Салли и Ли // Порог (Кировоград). — # 7.
320. Клещенко Елена. Цыганская кровь // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.

321. Кликин Михаил. Соглядатаи // Порог (Кировоград). — # 12.
322. Кликин Михаил. Осколки // Химия и жизнь (М.). — # 1.
323. Кликин Михаил. Старый хранитель мира // Техника — молодежи (М.). — # 6.
324. Ковалев Анатолий. Смертельный исход // Мир «Искателя» (М.). — # 3.
325. Кожевников Алексей. Костер // Порог (Кировоград). — # 9.
326. Козаев Азамат. И все довольны... // Порог (Кировоград). — # 11.
327. Козинец Людмила. Таима // Звездная дорога (Красногорск). — # 4.
328. Козлов Сергей. Из сборника «Правда, мы будем всегда?» // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
329. Козырев Олег. Бесформенные субстанции // Человек и наука (Воронеж). — # 5.
330. Козырев Олег. Холм // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
331. Козырев Олег. Что читают роботы? // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
332. Колин Александр. Погоня за зомби // Мир «Искателя» (М.). — # 2.
333. Коломейский Анатолий. Умственный эликсир // Тайная власть (М.). — # 21.
334. Кондратий Николай. Охота будет удачной // Ступени Оракула (М.). — # 2.
335. Кононенко Максим. Дым // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
336. Копылова Полина. Roma IV // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
337. Копылова Полина. Пленница тамплиера // Звездная дорога (Красногорск). — # 2.
338. Корепанов Алексей. Нигде и никогда // Порог (Кировоград). — # 12.
339. Корепанов Алексей. Бездушные зеркала // Порог (Кировоград). — # 9.
340. Корепанов Алексей. Круг // Порог (Кировоград). — # 3.
341. Корепанов Алексей. Новых сообщений нет // Порог (Кировоград). — # 6. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
342. Корецкий Данил. В конечном счете // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.

343. Корецкий Данил. Двое // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
344. Корецкий Данил. Код справедливости // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
345. Корецкий Данил. Логика выбора // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
346. Корецкий Данил. Охота // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
347. Корецкий Данил. Ошибка // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
348. Корецкий Данил. Стерильная планета // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
349. Корецкий Данил. Трефовый туз // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
350. Корецкий Данил. Чего не может делать машина // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
351. Корецкий Данил. Шок // Корецкий Данил. Парфюм в Андорре. — М.: ЭКСМО, 2003.
352. Коробов Владимир. В нашем лесочке // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
353. Коробов Владимир. Новые сведения о еде // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
354. Крайнер Н. Линк // Книга врак. — СПб.: Амфора, 2003.
355. Крайнер Н. Полусказки // Книга врак. — СПб.: Амфора, 2003.
356. Краснокутский Александр. Последнее искушение // Порог (Кировоград). — # 7.
357. Криворотов Сергей. Мой папа // Порог (Кировоград). — # 5.
358. Кубатиев Алан. Жертвуйте на построение рая // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
359. Кудинов Анатолий, Филиппский Сергей. Шматок магии // Порог (Кировоград). — # 3.
360. Кудрявцев Леонид. Великая Удача // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
361. Кудрявцев Леонид. Джинн // Мир фантастики. — # 4.
362. Кузнецов Иван. Пленники небес // Порог (Кировоград). — # 4.
363. Кулагин Олег. Не кричи «Вульфлинг!» // Реальность фантастики (Киев). — # 4.

364. Куприянов Вячеслав. В секретном центре // Техника — молодежи (М.). — # 1.
365. Куприянов Вячеслав. Золотой мотылек // Техника — молодежи (М.). — # 9.
366. Куприянов Вячеслав. Из ученых записок академии развлечений увлечения масс // Техника — молодежи (М.). — # 9.
367. Купцов Василий. Гематоген // Порог (Кировоград). — # 7.
368. Купцов Василий. Дедушка домовой // Техника — молодежи (М.). — # 4.
369. Купцов Василий. Накормить друга // Порог (Кировоград). — # 11.
370. Купцов Василий. От колес // Порог (Кировоград). — # 4.
371. Купцов Василий. Предсказания Конца // Тайная власть (М.). — # 21.
372. Курасов Олег. Пациент // Порог (Кировоград). — # 6.
373. Курсков Александр. Из цикла «Ангелы-хранители» // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
374. Курсков Александр. Из цикла «Городские сказки» // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
375. Лазовский Игорь. Как Солдат обманул Смерть // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
376. Ларин Виктор. Пожирающий время // Юный техник (М.). — # 1.
377. Левин Наум. И черные всадники в черной ночи... // Порог (Кировоград). — # 9.
378. Легостаев Андрей. Тост в честь победителя // Если (М.). — # 3.
379. Леженда Валентин. Ангелы // Порог (Кировоград). — # 11.
380. Леженда Валентин. Дело кота Баюна // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
381. Лесников Алексей. Бумажный человек // Искатель (М.). — # 8.
382. Ли Анна. Исцеление // Интересная газета (Киев). — # 9.
383. Ливадный Андрей. Темная сторона Земли // Звездная дорога (Красногорск). — # 1. // Ливадный Андрей. Грань реальности. — М.: ЭКСМО, 2003.
384. Ливадный Андрей. Черный оазис // Ливадный Андрей. Форма жизни. — М.: ЭКСМО, 2003.
385. Литовченко Тимур. Вымогатель // Порог (Кировоград). — # 1.

386. Лобарёв Лев, Лунг Юлия. Последний — история одного самоубийства // Порог (Кировоград). — # 10.
387. Логинов Святослав. Мамочка // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8 // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
388. Логинов Святослав. О чем плачут слизни // Если (М.). — # 8 // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
389. Локхард Джордж. Дневник супергероя // Порог (Кировоград). — # 1.
390. Локхард Джордж. Истребитель чудовищ // Порог (Кировоград). — # 7.
391. Локхард Джордж. Муравейник // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
392. Лопухов Дмитрий. Агонизирующий мир // Интересная газета (Киев). — 1 сент. (# 121).
393. Лопухов Дмитрий. Звездные мародеры // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
394. Лопухов Дмитрий. Мародеры // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
395. Лукас Ольга, Пунш Ева. Из цикла «Сказки южноамериканских индейцев» // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
396. Лукин Евгений. Старый чародей // Если (М.). — # 10.
397. Лукьяненко Сергей. Гаджет // Реальность фантастики (Киев). — # 4. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004. // Другой (М.). — # 6.
398. Лукьяненко Сергей. Купи кота // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
399. Лукьяненко Сергей. Мы не рабы // Псы любви. — М.: АСТ, 2003. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
400. Лукьяненко Сергей. Плетельщица снов // Звездная дорога (Красногорск). — # 6. // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
401. Лукьяненко Сергей. Стройка века // Если (М.). — # 5.
402. Львовский Станислав. Роуминг // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
403. Майер Илья. Байка под кофе // Абакан литературный. — # 2.
404. Макушкин Олег. Воскрешение Лоры Грей // Искатель (М.). — # 2.

405. Макушкин Олег. Заложник Судьбы // Искатель (М.). — # 7.
406. Макушкин Олег. Номинал // Искатель (М.). — # 3.
407. Малышева Галина. Однажды, лунной ночью // Порог (Кировоград). — # 10.
408. Малышенко Виктор. Вирус жизни // Порог (Кировоград). — # 5.
409. Маляр Зиновий. Пыль // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
410. Маракуева Ирина. Похождения стажера Подаренного // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
411. Маринин Дмитрий. Мертвое королевство // Порог (Кировоград). — # 10.
412. Маркелова Наталья. Когда мы встретимся // Порог (Кировоград). — # 11.
413. Маркелова Наталья. Менестрель // Порог (Кировоград). — # 1.
414. Марков Александр. Мессия // Звездная дорога (Красногорск). — # 4.
415. Мартынов О. Порнолуние // Порог (Кировоград). — # 12.
416. Мартынов Олег «Dingo». Au naturel // Порог (Кировоград). — # 8.
417. Мартынов Олег «Dingo». Дискайф // Порог (Кировоград). — # 2.
418. Марышев Владимир. Настанет день... // Порог (Кировоград). — # 3.
419. Марьин Олег. Девочка, которую отключили // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
420. Марьин Олег. Еще один день на даче // Марьин Олег. Пивной день. — М.: АСТ, 2003.
421. Марьин Олег. Петрович // Марьин Олег. Пивной день. — М.: АСТ, 2003.
422. Марьясова Татьяна. Свеча и вечная Темнота // Абакан литературный. — # 2.
423. Масевич Андрей. Страничка истории русского балета // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.
424. Масленков Игорь. Сбежавший из ада // Порог (Кировоград). — # 9.
425. Маслов Александр. Коконы // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8. // Черный квадрат (Великобритания). — # 7.

426. Маслов Александр. Соната «Аппассионата» // Порог (Кировоград). — # 10.
427. Матвеев Иван. Предсказатели // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
428. Матвеев Иван. Сфинкс // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
429. Матюхин Александр. Планета, которой не было // Искатель (М.). — # 6.
430. Матюхин Александр. Позвоните в Небесную Канцелярию // Искатель (М.). — # 6.
431. Матюхин Александр. Тесный контакт наизнанку // Мир «Искателя» (М.). — # 1.
432. Матях Анатолий. Гордость семьи Гарднеров // Порог (Кировоград). — # 3.
433. Медведев Антон. Бриллианты для принцессы // Медведев Антон. Звездные взломщики. — М.: АСТ, 2003.
434. Медведев Антон. Месторождение зла // Медведев Антон. Звездные взломщики. — М.: АСТ, 2003.
435. Медведев Антон. Поймать невидимку // Медведев Антон. Звездные взломщики. — М.: АСТ, 2003.
436. Медведев Антон. Солнечный Крест // Медведев Антон. Звездные взломщики. — М.: АСТ, 2003.
437. Медведев Михаил. Стук, стук // Порог (Кировоград). — # 11.
438. Мзареулов Константин. Лестница смерти // Звездная дорога (Красногорск). — # 5.
439. Мидянин Василий. Похмельный коктейль // Другой (М.). — # 5.
440. Минаков Игорь. Четвертый свиток // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.
441. Михайлов Владимир. Вирус Ра // Если (М.). — # 2.
442. Михайлов Владимир. Отработавший инструмент отправляют в переплавку // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
443. Михальчук Вадим. Те, кто пытались // Порог (Кировоград). — # 5.
444. Мулярова Елена. История про то, как Санта Клаус набил морду Арию // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.

445. Мулярова Елена. Моя любовь // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
446. Мушинский Олег. Главная тайна империи // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
447. Мясников Виктор. Дело о невидимке // Если (М.). — # 2.
448. Назаренко Ирина. Небо везде разное // Абакан литературный. — # 2.
449. Назаренко Михаил. Недоросль Аленин. // Радуга (Киев), 2002, # 11—12.
450. Налбандян Карен. Осень Париса // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
451. Нейвин Владимир. Просто почта // Порог (Кировоград). — # 6.
452. Некрасова Екатерина. Когда воротимся мы в Портленд // Некрасова Екатерина. Когда воротимся мы в Портленд. — М.: АСТ, 2003.
453. Некрасова Екатерина. Сага о Фантасте // Некрасова Екатерина. Когда воротимся мы в Портленд. — М.: АСТ, 2003.
454. Некрасова Екатерина. Соло белой вороны // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
455. Нестеренко Евгений. Слово и дело // Порог (Кировоград). — # 10.
456. Нестеренко Юрий. Ночной охотник // Мир фантастики (М.). — # 3.
457. Нестеренко Юрий. Согласно условиям договора // Нестеренко Юрий. Комитет по встрече. — М.: АСТ, 2003.
458. Нестеров Юрий. Ното perpetuum // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
459. Нестеров Юрий. В бомбе // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
460. Нестеров Юрий. Рыжий // Порог (Кировоград). — # 2.
461. Нестеров Юрий. Сталинградское Рождество // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003. // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
462. Нибаров Алексей. Молодой убийца // Порог (Кировоград). — # 6.
463. Никитин Кирилл. На поводу // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
464. Никитин Кирилл. Последнее достижение науки // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.

465. Николаев Андрей, Чекмаев Сергей. Реликт // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 11. // Порог (Кировоград). — # 9.
466. Николаев Андрей. Интоксикация // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
467. Николаев Андрей. Королевство заоблачной долины // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
468. Нихто Я. Добрый Шубин // Порог (Кировоград). — # 2.
469. Нихто Я. Кого хочешь выбирай // Порог (Кировоград). — # 6.
470. Нихто Я. Халявная история // Порог (Кировоград). — # 12.
471. Новак Илья. Каббала // Порог (Кировоград). — # 5. // Реальность фантастики (Киев). — # 1. // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
472. Новак Илья. День осеменения // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
473. Новак Илья. Никотин // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
474. Новак Илья. Озноб // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
475. Новак Илья. Письма из «Рая» // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
476. Новоселова Мария. Андрей и Эва // Порог (Кировоград). — # 4.
477. Новоселова Мария. Прощай, небо // Интересная газета (Киев). — # 7.
478. Обедин Виталий. Мотив // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
479. Обухов Евгений. Бухта радости // Литературная газета (М.). — 10—16 сент. (# 37).
480. Оверчук Екатерина. Охота // Порог (Кировоград). — # 7.
481. Овчинников Олег. Последняя тысяча слов // Если (М.). — # 10.
482. Овчинников Олег. Слепой бог с десятью пальцами // Мир фантастики. — # 5.
483. Огай Игорь. Посмотреть в прицел // Если (М.). — # 2.
484. Окулов Валерий. Выбор смерти // Порог (Кировоград). — # 3.
485. Окулов Валерий. Дегуманизатор, он же предатель человечества №1 // Порог (Кировоград). — # 11.
486. Олди Генри Лайон. Дуэль // Олди Генри Лайон. Шутиха. — М.: ЭКСМО, 2003.

487. Олди Генри Лайон. Принцесса без дракона // Олди Генри Лайон. Шутиха. — М.: ЭКСМО, 2003. // Мир фантастики. — # 2.
488. Олди Генри Лайон. Рука и зеркало // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
489. Олди Генри Лайон. Старое доброе зло // Олди Генри Лайон. Шутиха. — М.: ЭКСМО, 2003.
490. Олди Генри Лайон. У слепцов хороший слух // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
491. Олди Генри Лайон. Цена денег // Если (М.). — # 8.
492. Олин Макс. Грифон из золота и снега // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
493. Олин Макс. Джек-Попрыгунчик // Звездная дорога (Красногорск). — # 3 // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
494. Опанасенко Ольга. Женское счастье // Порог (Кировоград). — # 2.
495. Оредеж Андрей. Черный эликсир // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
496. Орехов Николай. Викторина // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
497. Орлов Алекс. Плот-призрак // Звездная дорога (Красногорск). — # 2.
498. Осояну Наталья. Город и мастера // Порог (Кировоград). — # 4.
499. Остапенко Николай. Подвал // Порог (Кировоград). — # 11.
500. Остапенко Юлия. Иллюзион // Порог (Кировоград). — # 4.
501. Остапенко Юлия. Люди и куклы // Порог (Кировоград). — # 1.
502. Остапенко Юлия. Стигматы // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
503. Павлухин Андрей. Они // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
504. Палий Сергей. Иерусалим-Сити // Performance (Самара). — # 11—12.
505. Палий Сергей. Парк русского периода // Порог (Кировоград). — # 2.
506. Парнов Еремей. След тигра // Тайная власть (М.). — # 6.
507. Парфин Павел. Гемоглобов // Порог (Кировоград). — # 7.

508. Певзнер Марк, Пехов Алексей. На закате эпохи // Порог (Кировоград). — # 1.
509. Пелевин Виктор. Акико // Пелевин Виктор. ДПП(NN). — М.: ЭКСМО, 2003.
510. Пелевин Виктор. Фокус-группа // Пелевин Виктор. ДПП(NN). — М.: ЭКСМО, 2003.
511. Первушина Елена. «Позволь мне уйти» // Первушина Елена. Вертикально вниз. — М.: АСТ, 2003.
512. Первушина Елена. Вертикально вниз // Первушина Елена. Вертикально вниз. — М.: АСТ, 2003.
513. Первушина Елена. Друг его жены // Первушина Елена. Вертикально вниз. — М.: АСТ, 2003.
514. Первушина Елена. Охота на джокера // Первушина Елена. Вертикально вниз. — М.: АСТ, 2003.
515. Перовский Дмитрий. Единороги, виманы и мальчишки // Интересная газета (Киев). — # 9.
516. Петухов Михаил. Ангел-хранитель // Ступени Оракула (М.). — # 7.
517. Пехов Алексей. Последняя осень // Порог (Кировоград). — # 10.
518. Пехов Алексей. Шепот моря // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
519. Пискунов Олег. Дар Божий // Порог (Кировоград). — # 3.
520. Пичугов Олег. Вместилище // Порог (Кировоград). — # 4.
521. Пищенко Виталий, Самусь Юрий. Компьютерная леди // Если (М.). — # 7.
522. Пищенко Виталий. Первое испытание // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
523. Плеханов Андрей. Адекватно униженная особь // Если (М.). — # 6.
524. Плеханов Андрей. Холст, свернутый в трубку // Звездная дорога (Красногорск). — # 1.
525. Погуляй Юрий. Замок Бренда // Порог (Кировоград). — # 5.
526. Погуляй Юрий. Чат // Книга врак. — СПб.: Амфора, 2003.
527. Подистова Лариса. Двести слов для улыбки // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
528. Подистова Лариса. Ключ // Порог (Кировоград). — # 6.

529. Подистова Лариса. Пламя свечи // Порог (Кировоград). — # 8.
530. Подистова Лариса. Поступь прогресса // Интересная газета (Киев). — # 5.
531. Подымов Владлен. Темная чаша небес // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
532. Полевина Ольга. Дневник старого алхимика // Интересная газета (Киев). — # 9.
533. Полевина Ольга. Женская логика // Порог (Кировоград). — # 4.
534. Полевина Ольга. Черное озеро // Порог (Кировоград). — # 8.
535. Полосухин Виталий. Остров Мёбиуса // Полосухин Виталий. Черный зверь. — М.: АСТ, 2003.
536. Полосухин Виталий. Черный зверь // Полосухин Виталий. Черный зверь. — М.: АСТ, 2003.
537. Полухин Рашид. Модератор // Магия ПК. — # 9.
538. Польшинская Галина. Писатель // Порог (Кировоград). — # 2; Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
539. Польшинская Галина. Письма о конце света // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
540. Польшинская Галина. Чужое сердце // Порог (Кировоград). — # 10. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
541. Полянский Александр. Три охоты Джиллиана Джилликерса // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
542. Порецкий Борис. Бестиарий острова Мбондо // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
543. Порецкий Борис. Приступ рака // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
544. Постникова Екатерина. Мавель // Техника — молодежи (М.). — # 5.
545. Постникова Екатерина. Никто // Если (М.). — # 3.
546. Прашкевич Геннадий. Белый мамонт // Если (М.). — # 8.
547. Прашкевич Геннадий. Малый из яйца // Реальность фантастики (Киев). — # 1.
548. Прашкевич Геннадий. Перстень на три желания // Если (М.). — # 3.
549. Прашкевич Геннадий. Правда о последнем капустнике // Реальность фантастики (Киев). — # 1.

550. Пржевальский Василий. Поводырь // Абакан литературный. — # 2.
551. Прокопов Константин. Геноцид // Интересная газета (Киев). — # 7.
552. Прокопчик Светлана. Мгновенное правосудие // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
553. Простоспичкин Егорий. Разговоры с донной Анной. — Тверь: KOLONNA Publications; Митин журнал, 2003.
554. Прошкин Евгений. Пересадка // Если (М.). — # 11.
555. Пяткин Владимир. Соло на фоне заката // Порог (Кировоград). — # 7.
556. Разливинский Ян. Улла! // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
557. Райхер Виктория. Сказки о жизни // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
558. Райхер Виктория. Сказки о смерти // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
559. Райхер Виктория. Сказки по Фрейду // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
560. Ревва Игорь. Портрет // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
561. Резанова Наталья. Белая и пушистая // Звездная дорога (Красногорск). — # 6.
562. Рогач Владимир. Домовая книга // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
563. Рогач Владимир. Право // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
564. Рождественская Ксения. Сказка про сырковую массу с изюмом. 23% жирности // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
565. Розенкранц&Гильденстерн. Про все остальное // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
566. Романецкий Ник. Оплошка вышла! // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6. // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
567. Романов Виталий. Arachnida Time // Романов Виталий. Время пауков. — М.: АСТ, 2003.
568. Романов Виталий. Виртуальная кровь // Техника молодежи. — # 8.

569. Романов Виталий. День из непрожитого лета // Романов Виталий. Время пауков. — М.: АСТ, 2003.

570. Романов Виталий. Звезда на ладони // Искатель (М.). — # 1.

571. Романов Виталий. Огонь памяти // Романов Виталий. Время пауков. — М.: АСТ, 2003.

572. Романов Виталий. Однажды вернуться // Интересная газета (Киев). — # 1.

573. Романов Виталий. Сотрясение печени // Интересная газета (Киев). — # 5.

574. Романов Виталий. Умереть стоя // Интересная газета (Киев). — # 7.

575. Романов Виталий. Черная вода // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.

576. Романчук Любовь. Фирма счастья // Порог (Кировоград). — # 12.

577. Романчук Любовь. Магические числа // Порог (Кировоград). — # 3.

578. Романчук Любовь. Череп // Порог (Кировоград). — # 8.

579. Руденко Борис. Без проблем! // Если (М.). — # 2.

580. Руденко Борис. Измененный // Если (М.). — # 8.

581. Русанов Влад. Покручь // Человек и наука (Воронеж). — # 8.

582. Русев Дмитрий. Аб, или Дом для странников // Порог (Кировоград). — # 10.

583. Рыбаков Денис. Идеальная судьба // Книга русских иностранных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.

584. Савельев Дмитрий. Запах гари // Порог (Кировоград). — # 2.

585. Савельев Дмитрий. Убить дракона? // Порог (Кировоград). — # 8.

586. Савельев Кирилл. Труп теряет голову // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.

587. Сагабалян Руслан. Младшая дочь смерти // Ступени Оракула (М.). — # 19.

588. Сагабалян Руслан. Немигающий взор // Ступени Оракула (М.). — # 24.

589. Саломатов Андрей. Кокаиновый сад // Саломатов Андрей. Прделки джинна. — М.: Вече, 2003.

590. Саломатов Андрей. Незнакомка // Если (М.). — # 4.
591. Самойлов Алексей. Посвящение // Искатель (М.). — # 9.
592. Самойлов Алексей. Тварь // Искатель (М.). — # 9.
593. Самойлов Евгений. Газета на завтра // Абакан литературный. — # 2.
594. Самохвалов Максим. Некуда уйти // Порог (Кировоград). — # 3.
595. Сашнева Александра, Янковский Дмитрий. Завет доверия // Звездная дорога (Красногорск). — # 6. // Техника — молодежи (М.). — # 10.
596. Сергеев Алексей. Тайранский перевал // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
597. Серкова Юлия. Цветок на песке // Порог (Кировоград). — # 10.
598. Силин Влад. «Забудьте Герострата!» // Интересная газета (Киев). — # 7.
599. Силин Влад. Практикум по прикладной эсхатологии // Порог (Кировоград). — # 8.
600. Силин Владислав. Вилтигай Велд // Звездная дорога (Красногорск). — # 2 // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
601. Силин Владислав. Возвращение на Толиман // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
602. Синякин Сергей. Репетиция // Порог (Кировоград). — # 3.
603. Сирена Валерия. Возлюбленная // Порог (Кировоград). — # 11.
604. Сирена Валерия. Часть живой природы // Порог (Кировоград). — # 3.
605. Ситников Константин. Деревня зомби // Порог (Кировоград). — # 1.
606. Ситников Константин. Еще одно странное дело полковника Зислиса // Порог (Кировоград). — # 7.
607. Ситников Константин. Трость // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 6.
608. Слюсарев Валерий. Этот странный мир // Порог (Кировоград). — # 3.
609. Слюсаренко Сергей. Воля к полету // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
610. Смирнов Ярослав. Дер роте раумкампфлигер // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.

611. Сокол Игорь. Даешь «кирпичи»! // Порог (Кировоград). — # 3.
612. Соловьев Антон. Проводник // Порог (Кировоград). — # 9.
613. Соловьев Антон. Прощай, Один! // Порог (Кировоград). — # 1.
614. Спасокукоцкий Юрий. Ошибка космохудожницы // Интересная газета (Киев). — # 9.
615. Средин Николай. Дорога // Порог (Кировоград). — # 6.
616. Старчиков Михаил. Проклятый изумруд // Искатель (М.). — # 8.
617. Стрелецкий Сергей. Человек, которого ждут в Каперне // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
618. Стрельченко Сергей, Подколотный Игорь. Что значит «Эргон»? // Порог (Кировоград). — # 3.
619. Стрельченко Сергей. Случайность // Порог (Кировоград). — # 7.
620. Стрельченко Сергей. Черная кровь // Порог (Кировоград). — # 11.
621. Строк Валерий. Проводник // Порог (Кировоград). — # 8.
622. Строкин В. Белых ворон на закание // Порог (Кировоград). — # 12.
623. Суворова Татьяна. Переплыть Стикс // Порог (Кировоград). — # 1.
624. Тарасов Александр. Лорд Валлертайн // Техника — молодежи (М.). — # 4.
625. Терин Михаил. Сделка // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
626. Тин Анна. Посол с Коморры // Тин Анна. Агенты СИНЛАРа. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
627. Тин Анна. Сбежавшие компьютеры // Тин Анна. Агенты СИНЛАРа. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
628. Ткачѳ Евгений. Мечтатель // Порог (Кировоград). — # 7.
629. Томах Татьяна. Соната для бабочки // Порог (Кировоград). — # 2.
630. Томин Сергей. Чмо // Порог (Кировоград). — # 5.
631. Точильникова Наталья. Уни Версус // Порог (Кировоград). — # 1.
632. Точинов Виктор. Остров Стрежневой // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.

633. Точинов Виктор. Три звонка на рассвете // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
634. Трищенко Сергей. 1991 // Порог (Кировоград). — # 8.
635. Трищенко Сергей. Варпис (В атмосфере раздора, подозрительности и страха) // Порог (Кировоград). — # 8.
636. Трищенко Сергей. Кот-хирург // Порог (Кировоград). — # 8.
637. Трищенко Сергей. Лошадь Microsoft // Порог (Кировоград). — # 8.
638. Трищенко Сергей. Случай на охоте // Порог (Кировоград). — # 8.
639. Трищенко Сергей. Тотальная регламентация // Если (М.). — # 9.
640. Трищенко Сергей. Что-то // Порог (Кировоград). — # 8.
641. Тропов Иван. Псы любви // Другой (М.) — # 1. // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
642. Трускиновская Далия. Аутсайдеры // Если (М.). — # 10.
643. Трускиновская Далия. Гори, гори!.. // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
644. Трускиновская Далия. Молчок // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
645. Трускиновская Далия. Побег // Если (М.). — # 2.
646. Трускиновская Далия. Пустоброд // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
647. Турчанинова Наталья, Бычкова Елена. Двое с разбитого корабля // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
648. Тюрин Александр. Двойники (Мы и наш Ка) // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
649. Тюрин Александр. Дело чести // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
650. Тюрин Александр. Западня // Если (М.). — # 7.
651. Тюрин Александр. Киберозойская эра // Мир фантастики. — # 5.
652. Тюрин Александр. Нашествие // Порог (Кировоград). — # 3.
653. Тюрин Александр. О тождестве были и небыли в мировой истории // Порог (Кировоград). — # 8.
654. Тюрин Александр. Падший ангел // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.

655. Тюрин Александр. Равняется целой дивизии // Тюрин Александр. Топор гуманиста. — М.: Вече, 2003.
656. Тюрин Александр. Сюжет, нанизанный на шило // Если (М.). — # 2.
657. Тюрин Александр. Топор гуманиста // Тюрин Александр. Топор гуманиста. — М.: Вече, 2003.
658. Тюрин Александр. Транзитный космодром // Мир фантастики. — # 1.
659. Тюрин Александр. Человек, не умеющий как следует летать // Если (М.). — # 11.
660. Уваров Александр. Легенда о Красной Шапочке, или Теория шапкозакидательства // Порог (Кировоград). — # 11.
661. Улун Георгий. Неизлечимая болезнь // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
662. Федоров Игорь. Фокусник // Порог (Кировоград). — # 5.
663. Федоров Игорь. Игра в шарики // Интересная газета (Киев). — # 9.
664. Федорова Любовь. Любжа // Ступени Оракула (М.). — # 3.
665. Федорова Татьяна. Плащ из чертовой кожи // Тайная власть (М.). — # 9.
666. Федотов Дмитрий. После бури // Юный техник (М.). — # 7.
667. Федотов Дмитрий. Успех гарантируется // Звездная дорога (Красногорск). — # 4.
668. Федько Виктор. Муканна, пророк из Маверанахра // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
669. Филиппова Алла. Недотыкомка // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
670. Фильчаков В. Город чужих желаний // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
671. Фильчаков В. Курс практической магии // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
672. Фильчаков В. Причина жизни // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
673. Фильчаков В. Профессиональный друг // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
674. Фильчаков В. Светлый квартал // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.

675. Фильчаков В. Сходка // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
676. Фильчаков В. Театральный Мальмстрём // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
677. Фильчаков В. Тот, Кто Отражается В Зеркале // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
678. Фильчаков В. Третий постулат // Фильчаков В. Причина жизни. — М.: АСТ, 2003.
679. Фортель Аделаида. Жизнь собачья, вурдалачья... // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
680. Фортель Аделаида. Зулумбийское величество // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
681. Фрай Макс. Вечерняя проповедь // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
682. Хаврюченко Алексей. Неудачник // Порог (Кировоград). — # 7.
683. Хаецкая Елена. Гуляки старых времен. // Антология мировой фантастики. Том 3. Волшебная страна. — М.: Аванта +, 2003.
684. Хаецкая Елена. Два офицера // Звездная дорога (Красногорск). — # 6.
685. Хаецкая Елена. Ежевика, святая обитель. Из «Эльбейского патерика» // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
686. Хаецкая Елена. Здесь был Баранов // Антология мировой детской литературы. Том 8. — М.: Аванта +, 2003.
687. Хаецкая Елена. Перед балом // Звездная дорога (Красногорск). — # 6.
688. Хаецкая Елена. Священный огонь // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
689. Хаецкая Елена. Срочный фрахт // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.
690. Хиллмэн Кэтрин. Лампа царицы Шаммурамат // Порог (Кировоград). — # 4.
691. Хиллмэн Кэтрин. Чаша центуриона // Порог (Кировоград). — # 11.
692. Хицкова Ирина. Похищения // Порог (Кировоград). — # 7.
693. Хоменко Илья, Фоменко Владимир. Беглец // Порог (Кировоград). — # 6.
694. Хоменко Илья, Фоменко Владимир. Релаксация // Порог (Кировоград). — # 8.

695. Храппа Вадим. Валтин Зупплит // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

696. Храппа Вадим. Ганс Лозе // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

697. Храппа Вадим. Заклинатели прусского бога // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

698. Храппа Вадим. Молочная ведьма // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

699. Храппа Вадим. Наказание жены горшечника // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

700. Храппа Вадим. Неринга // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

701. Храппа Вадим. Рагайна // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

702. Храппа Вадим. Рыбка Марии // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

703. Храппа Вадим. Сказка о том, как крестьянин дьявола обхитрил // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

704. Храппа Вадим. Черные паруса в Саркау // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

705. Храппа Вадим. Шабаш // Храппа Вадим. Ульмигания. — М.: ЭКСМО, 2003.

706. Цветков Сергей. Преемник // Интересная газета (Киев). — # 114.

707. Цветков Сергей. Я и машина смерти // Порог (Кировоград). — # 6.

708. Целмс Михаил. Островитяне // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

709. Целмс Михаил. Фарфоровая башня // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.

710. Цыг Владимир. Долина черного камня // Порог (Кировоград). — # 9.

711. Цыгарин Георгий. Похитители душ // Искатель (М.). — # 11.

712. Цыплаков Л. Возлюбить духа // Цыплаков Л. Пропавшая Трейси. — М.: АСТ, 2003.

713. Цыплаков Л. Пират и флибустьеры // Цыплаков Л. Пропавшая Трейси. — М.: АСТ, 2003.

714. Цыплаков Л. Пропавшая Трейси // Цыплаков Л. Пропавшая Трейси. — М.: АСТ, 2003.

715. Чекмаев Сергей. Высшая мера // Техника молодежи. — # 11. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
716. Чекмаев Сергей. Девятое марта // Химия и жизнь — XXI век (М.). — # 3.
717. Чекмаев Сергей. Дотла // Техника — молодежи (М.). — # 2.
718. Чекмаев Сергей. Драконьер // Мир фантастики. — # 4.
719. Чекмаев Сергей. Незаменимый помощник // Наука и жизнь. — # 12.
720. Чекмаев Сергей. Нетерпеливые // Псы любви. — М.: АСТ, 2003.
721. Чекмаев Сергей. Ночной патруль // Техника молодежи. — # 11.
722. Чекмаев Сергей. Очевидец // Техника — молодежи (М.). — # 2.
723. Чекмаев Сергей. Панацея // Пиво и жизнь. — # 1.
724. Чекмаев Сергей. Прозрачный паровозик с белыми колесами // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
725. Чекмаев Сергей. Свет жизни // Наука и жизнь. — # 12.
726. Чешко Федор. Четыре уха и блестящий дурак // Реальность фантастики (Киев). — # 3.
727. Чуруксаев Александр. Однажды в студёную зимнюю пору // Абакан литературный. — # 2.
728. Чуруксаева Анна. Если ты хочешь // Орион. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
729. Чуруксаева Анна. Он должен жить // Орион. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
730. Чуруксаева Анна. Сад // Абакан литературный. — # 2.
731. Чуруксаева Анна. Шоковая терапия // Орион. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
732. Чуруксаева Анна. Шоу // Орион. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
733. Чуруксаева Анна. Яблоко // Орион. — Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
734. Шаинян Карина. Корм для пеликанов // Порог (Кировоград). — # 8.
735. Шакилов Александр. Распределение // Рок-Оракул (М.). — # 1—2.
736. Шапиро М. Космические хроники // Порог (Кировоград). — # 12.

737. Шарипов Ренарт. Рикша в Иномирье (Роуминг по Вселенной) // Универсум (Уфа). — # 1.
738. Шарипов Ренарт. Элефантино // Универсум (Уфа). — # 1.
739. Шведов Алексей. Любовь в третьем секторе // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
740. Шведов Алексей. На космических стартах и финишах // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
741. Шелли Мерси. Алгоритм // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
742. Шелли Мерси. Палец Христофора // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
743. Шелли Мерси. Хайкай // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
744. Шестаков Евгений. Сказки про животных // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
745. Шибаева Екатерина. Тишина // Абакан литературный. — # 2.
746. Шилова Анастасия. Немного холода // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
747. Шленский Александр. Туалет «Торжество ультракоммунизма» // Книга врач. — СПб.: Амфора, 2003.
748. Шохов Александр. Книга бытия // Шохов Александр. Книга бытия; Мир информеров. — М.: АСТ, 2003.
749. Шохов Александр. Мир информеров // Шохов Александр. Книга бытия; Мир информеров. — М.: АСТ, 2003.
750. Шрейнер Ирина. Самый лучший вздох // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003.
751. Штиль Андрей. Вак-уп // Порог (Кировоград). — # 6.
752. Штиль Андрей. Полет фантазии // Интересная газета (Киев). — # 5.
753. Штылвелд Веле. Лунные качели // Порог (Кировоград). — # 6.
754. Шубин Дмитрий. Страх оцепелона // Порог (Кировоград). — # 5.
755. Щупов Андрей. Смотритель // Если (М.). — # 12.
756. Эркин Марий. Воспламеняющий взглядом // Порог (Кировоград). — # 4.
757. Юдин Александр. Повесть о Последних Временах // Искатель (М.). — # 2.

758. Юдин Александр. Поцелуй стыда // Искатель (М.). — # 3.
759. Ющенко Иван. Из сборника «Волшебные сказки» // Книга русских инородных сказок. — СПб.: Амфора, 2003.
760. Якименко Константин. Загадка Роберта Престона // Якименко Константин. Эксперимент. — М.: АСТ, 2003.
761. Якименко Константин. Исповедь Бога // Якименко Константин. Эксперимент. — М.: АСТ, 2003.
762. Якименко Константин. Эксперимент // Якименко Константин. Эксперимент. — М.: АСТ, 2003.
763. Якубович Евгений. 1985-й // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.
764. Якубович Евгений. Особое космическое // Магия ПК. — # 4.
765. Янковский Дмитрий, Сашнева Александра. Парадокс Филимонова // Если (М.). — # 12.
766. Ястребов Сергей. Лунная соната // Полдень, XXI век (СПб.). — # 2.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ ФАНТАСТИКИ

1. Арбитман Роман. Цикл статей в рубрике «Арбитмания» в журнале «Звездная дорога» (Красногорск). — # 1—8.
2. Арбитман Роман. Пока Гарри отдыхает // Реальность фантастики (Киев). — #4.
3. Асмолов Константин. Жажду утоляют кровью // Мир фантастики (М.). — # 2.
4. Байкалов Дмитрий, Сеницын Андрей. Диалоги при полной луне // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
5. Байкалов Дмитрий, Сеницын Андрей. Особый дозор // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
6. Байкалов Дмитрий. Большой джентльменский набор // Если (М.). — # 10.
7. Басов Николай. Две статьи о фантастике // Порог (Кировоград). — # 12.
8. Басов Николай. Нас есть за что уважать // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
9. Бережной Сергей. Сталкер темной стороны // Питерbook плюс (СПб.). — # 4.
10. Бескаравайный Станислав. О лицемерии в конструкции сюжетов // Порог (Кировоград). — # 9.

11. Бескаравайный Станислав. О размене фигур // Порог (Кировоград). — # 7.
12. Булычев Кир. Падчерица эпохи // Если (М.). — # 6—8.
13. Быков Дмитрий. Другой альтернативы у нас есть // Полдень, XXI век (СПб.). — # 1.
14. Вишневский Борис. Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная звезда. СПб.: Terra Fantastica, 2003.
15. Владимирский Василий. Отпрыск России, на мать не похожий... // Питерbook плюс (СПб.). — # 5.
16. Володихин Дмитрий, Елисеев Глеб. Звездолет уходит в Полдень // Антология мировой фантастики. Том 7. — М.: Аванта +, 2003.
17. Володихин Дмитрий, Черный Игорь. Незримый бой // Если (М.). — # 2. // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
18. Володихин Дмитрий, Черный Игорь. Чудеса во плоти // Звездная дорога (Красногорск). — # 5.
19. Володихин Дмитрий. Движение в сторону Бертрана // Звездная дорога (Красногорск). — # 7—8.
20. Володихин Дмитрий. Драконы с российской грядки // Антология мировой фантастики. Том 3. — М.: Аванта +, 2003.
21. Володихин Дмитрий. Желаете бобов? // Если (М.). — # 4.
22. Гаков Вл. Поэма огня // Если (М.). — # 10.
23. Гаков Вл. Сколько будет дважды два? // Если (М.). — # 7.
24. Гаков Вл. Человек со своим лицом // Если (М.). — # 12.
25. Галина Мария. Контактные линзы человечества // Антология мировой фантастики. Том 5. — М.: Аванта +, 2003.
26. Галина Мария. Муза в чужой земле // Если (М.). — # 8.
27. Галина Мария. Прикладная теология // Реальность фантастики (Киев). — #1—4.
28. Гейман Александр. Эволюция мифологического сознания // Порог (Кировоград). — # 8.
29. Гончаров Владислав, Елисеев Глеб, Володихин Дмитрий. Фантастический боевик. Магистральное направление? // Антология мировой фантастики. Том 4. — М.: Аванта +, 2003.
30. Гончаров Владислав. Если выпало в империи родиться... // Полдень, XXI век (СПб.). — # 3.
31. Гончаров Владислав. Конец света с последующим симпозиумом // Антология мировой фантастики. Том 1. — М.: Аванта +, 2003.

32. Гончаров Владислав. Назад сквозь года и столетия // Мир фантастики (М.). — # 4.
33. Дивов Олег. Вредный совет молодому бойцу // Дивов Олег. К-10. — М.: ЭКСМО, 2003.
34. Елисеев Глеб. «Облик овечий, ум человеческий...» // Если (М.). — # 9.
35. Елисеев Глеб. Напиток из чаши Птолемея // Антология мировой фантастики. Том 8. — М.: Аванта +, 2003.
36. Звездецкая Маша. Паромщик без паромы; Как попасть на тот берег // Книжное обозрение (М.). — 20 окт. (# 43).
37. Зорич Александр. Господин Дракон // Мир фантастики (М.). — # 2.
38. Измайловский Даниил. Тест на человечность // Если (М.). — # 2.
39. Каганов Леонид. Обезьяна из прекрасного далёка // Если (М.). — # 5.
40. Калашников Максим, Крупнов Юрий. Гнев орка. — М.: АСТ; Астрель, 2003.
41. Канис В. Назад, в будущее? Где и как писали о фантастике в 2002 году // Питерbook плюс (СПб.). — # 4.
42. Каплан Виталий. Динамо-машина, или Вечный двигатель фантастики // Если (М.). — # 3.
43. Караев Николай. Стоящие на мосту // Звездная дорога (Красногорск). — # 3.
44. Карелин Антон. Отцы-основатели современной сказки // Мир фантастики (М.). — # 3.
45. Карелин Антон. Фэнтези, которую мы не знали // Мир фантастики (М.). — # 2.
46. Ключева Бела. Здравствуйте, я ваша бабушка! // Если (М.). — # 3.
47. Ковтун Елена. Бархатная эволюция // Если (М.). — # 4.
48. Красиков Сергей. Агорафобия как детская болезнь жанра «российская фантастика» // Полдень, XXI век (СПб.). — # 5—6.
49. Красиков Сергей. Эскапизм со взломом // Звездная дорога (Красногорск). — # 1.
50. Кураев Андрей. «Гарри Поттер» в церкви. — СПб.: Нева, 2003.
51. Ларионов Владимир. Невеселая питерская фантастика // Реальность фантастики (Киев). — # 4.

52. Лопухов Дмитрий. Что такое фэнтези? // Порог (Кировоград). — # 11.
53. Маркалова Надежда. Языки, что владеют людьми // Если (М.). — # 5.
54. Маркова Т. Современная проза: конструкция и смысл. — М.: МГОУ, 2003.
55. Мартъянов Андрей. Восплачем по Конану, или Российское fantasy как символ смутного времени // Конан и камень желаний. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.
56. Мидянин Василий. Nigredo и albedo // Если (М.). — # 9.
57. Мидянин Василий. Только не строим! // Если (М.). — # 6.
58. Мясников Виктор. Пограничная словесность // Если (М.). — # 11.
59. Оказов Илья. Лед и пламя // Мир фантастики (М.). — # 1.
60. Панченко Григорий. Клинки звенят // Реальность фантастики (Киев). — # 4.
61. Первушин Антон. Великая межпланетная революция // Секретные материалы XX века (СПб.). — # 12.
62. Первушина Елена. Производственный роман XXI века. // Полдень, XXI век (СПб.). — # 4.
63. Перцуленко Елена. О правилах игры // Все флаги. — М.: Мануфактура, 2003.
64. Петухова Елена, Черный Игорь. Современный русский историко-фантастический роман. — М.: Мануфактура, 2003.
65. Пузий Владимир. Последний оплот романтизма // Угрюмовы Виктория и Олег. Голубая кровь. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
66. Разливинский Ян. Мишень вблизи, или Легенда о неправильной книге // Фантастика 2003. Выпуск 2. — М.: АСТ, 2004.
67. Ройфе Александр. Вопрос времени // Антология мировой фантастики. Том 2. — М.: Аванта +, 2003.
68. Ройфе Александр. И сели они в ракету... // Если (М.). — # 11.
69. Романчук Любовь. Утопии и антиутопии // Порог (Кировоград). — # 2.
70. Синицын Андрей. Мой Чужой // Антология мировой фантастики. Том 6. — М.: Аванта +, 2003.
71. Сокол Игорь. Компас в мире фантастики // Порог (Кировоград). — # 1.
72. Тарабанов Дмитрий. Виноловое небо киберпанка // Мир фантастики (М.). — # 3.

73. Тюрин Александр. Подъем Атлантиды, война грязных ног и завоевание холода // Питерbook плюс (СПб.). — # 9.
74. Харитонов Евгений, Щербак-Жуков Андрей. На экране — Чудо. — М.: Ж-л «Если», НИИ Киноискусства, 2003.
75. Харитонов Евгений. Апокрифы Зазеркалья // Фантастика 2003. Выпуск 1. — М.: АСТ, 2003.
76. Харитонов Евгений. Балканский «оазис» // Если (М.). — # 11.
77. Хаецкая Елена. Дорога в Монсегюр // Хаецкая Елена. Дама Тулуза. — М.: АСТ, 2003.
78. Хорошков Ярослав. Верхом на ракете // Мир фантастики (М.). — # 1.
79. Шмалько Андрей. Наши в Хроносе, или Необычайные похождения майора Пупкина // Реальность фантастики (Киев). — # 2.
80. Шмалько Андрей. НФ — умри? // Порог (Кировоград). — # 10. // Питерbook плюс (СПб.). — # 11. // Реальность фантастики (Киев). — #3.
81. Штылвелд Веле, Сокол Игорь. Пророки-книжники и книги вероятных пророчеств // Порог (Кировоград). — # 5.

ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ФАНТАСТИКА

1. Александрова Галина. Домовенок Кузька и проказник Сонька. — М.: Стрекоза-Пресс, 2003.
2. Александрова Галина. Как Кузька домовят победил. — М.: Стрекоза-Пресс, 2003.
3. Александрова Галина. Как Кузька хотел стать взрослым. — М.: Стрекоза-Пресс, 2003.
4. Александрова Галина. Путешествие домовенка Кузьки. — М.: Стрекоза-Пресс, 2003.
5. Алешковский Петр. Рудл и Бурдл. — М.: Новое лит. обозрение, 2003.
6. Артамонова Елена. Врата в ледяной чертог. — М.: Эксмо, 2003.
7. Балл Георгий. Приключения Старого Башмака, рассказанные им самим. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.
8. Белогоров Александр. Чаша из склепа. — М.: ЭКСМО, 2003.
9. Борисов Константин. Телохранители: Дорога мести. — М.: СПб.: Диля, 2003.

10. Борисов Константин. Энтони и компания: Верните мальчишке трон! — М.; СПб.: Диля, 2003.
11. Боярина Алина. Денис Котик и Орден Бледных Витязей. — Харьков: Фолио, 2003.
12. Боярина Алина. Денис Котик и царица крылатых лошадей. — Харьков: Фолио, 2003.
13. Булычев Кир. Алиса и Алисия // Пионерская правда (М.). — 29 авг. (# 32).
14. Булычёв Кир. Принцы в башне. — М.: Дрофа, 2003.
15. Булычев Кир. Убежище. — М.: Эгмонд Россия Лтд, 2003.
16. Гаркушев Евгений. Афанадор. — М.: АСТ, Астрель, 2003.
17. Головачёва Вера. Золото мертвеца. — М.: Эксмо, 2003.
18. Головачева Вера. Книга требует жертв. — М.: ЭКСМО, 2003.
19. Головачева Вера. Монстры идут по пятам. — М.: Эксмо, 2003.
20. Головачева Вера. Урок юных ведьм. — М.: ЭКСМО, 2003.
21. Гордиенко Галина. Маска. — М.: АСТ, Астрель, 2003.
22. Гордиенко Галина. Между двумя мирами. — М.: Росмэн-Пресс, 2003.
23. Городецкая Наталья. Сказка Драконьего королевства. — М.: Наталис; РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
24. Городецкая Наталья. Тайна двух зеркал. — М.: Наталис; РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
25. Григорович-Барский Сергей. Девочка с голубыми глазками. — М.: Новое лит. обозрение, 2003.
26. Дримов Дмитрий. Путешествие в страну снов. — СПб: Азбука-классика, 2003.
27. Егорушкина Александра. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
28. Егорушкина Александра. Настоящая принцесса и Летучий Корабль. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
29. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и Золотая Пиявка. — М.: ЭКСМО, 2003.
30. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и молот Перуна. — М.: ЭКСМО, 2003.
31. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и пенсне Ноя. — М.: ЭКСМО, 2003.
32. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и посох волхвов. — М.: ЭКСМО, 2003.

33. Емец Дмитрий. Таня Гроттер и трон Древнира. — М.: ЭКСМО, 2003.
34. Емец Дмитрий. Колесница призраков. — М.: ЭКСМО, 2003.
35. Зинчук Андрей. Очень. Петербургские сказки. — СПб.: Б&К, 2003.
36. Иванов Антон, Устинова Анна. Волшебные приключения Тимки Ружина. Звезда чародея. — М.: Глобулус, НЦ ЭНАС, 2003.
37. Иванов Антон, Устинова Анна. Волшебные приключения Тимки Ружина. Чародейские каникулы. — М.: Глобулус, НЦ ЭНАС, 2003.
38. Калашников Влад. Клара, Дора: Бешеные бабки: По ложному следу. — М.: ВАДИМ СИНЕМА, 2003.
39. Калашников Влад. Клара, Дора: Бешеные бабки: Таинственные исчезновения. — М.: ВАДИМ СИНЕМА, 2003.
40. Каришнев-Лубоцкий Михаил. Приключения маленькой волшебницы, или Каникулы Уморушки. — М.: АСТ: Астрель, 2003.
41. Карлов Борис. Игра, или Невероятные приключения Пети Огонькова на Земле и на Марсе. — СПб.: Амфора, 2003.
42. Карлов Борис. Мурзилка против технопупсов. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
43. Карлов Борис. Приключения Мурзилки; Волшебная газета. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
44. Кликин Михаил. Малыш и Буйвол. — М.: ЭКСМО, 2003.
45. Козырев Вячеслав. Кольцо чародея. — М.: Армада /Альфа-книга, 2003.
46. Крапивин Владислав. Колесо Перепелкина: Почти сказочная история. — М.: АСТ, Астрель; Донецк: Сталкер, 2003.
47. Крапивин Владислав. Стража Лопухастых островов. — М.: АСТ, Астрель; Донецк: Сталкер, 2003.
48. Кротов Виктор. Волшебный Возок. Книга 2. Путешествие в разгаре. — СПб.: Весь, 2003.
49. Кротов Виктор. Волшебный Возок. Книга 3. Вглубь и ввысь. — СПб.: Весь, 2003.
50. Крюкова Тамара. Лунный рыцарь. — М.: Аквилегия-М; Калининград: Янтарный сказ, 2003.
51. Кузнецова Наталья. Царство вечной ночи. — М.: ЭКСМО, 2003.
52. Морозов Ярослав. Ларин Пётр и фабрика волшебства. — Минск: Совр. литератор, 2004.

53. Некрасова Мария. Игры домашней нечисти; Некрасов Евгений. Повелитель крыс. — М.: Эксмо, 2003.
54. Нестерина Елена. Домик у кладбища. — М.: Эксмо, 2003.
55. Новаш Наталия. Приключения в мертвом замке. — М.: Вече, 2003.
56. Озорнина А. Эхо минувших веков. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2003.
57. Постников В.Ю. Домовенок и Самоделкин в замке призраков. — М.: Книги «Искателя», 2003.
58. Резепкин Олег. Приключения Лёшика на острове Страха. — М.: Книга и бизнес, 2003.
59. Роньшин Валерий. Кошмары станции «Мартышкино». — М.: ЭКСМО, 2003.
60. Рыжков Антон. Монстр с заброшенной фермы. — М.: ЭКСМО, 2003.
61. Сатин А. Волшебная кружка Катерины. — М.: ГРАНИЦА, 2003.
62. Сеньков Виталий. Ночь порождает чудовищ. — М.: ЭКСМО, 2003.
63. Суслин Дмитрий. Хоббит и Кольцо Всевластья. — М.: Армада; «Изд-во Альфа-книга», 2003.
64. Сухинов Сергей. Рыцари Света и Тьмы. — М.: Дрофа, 2004.
65. Тронина Татьяна. Лабиринт, наводящий страх. — М.: ЭКСМО, 2003.
66. Тронина Татьяна. Тринадцатый знак Зодиака. — М.: ЭКСМО, 2003.
67. Усачёв Андрей. Малуся и Рогопед. — М.: Эгмонт Россия Лтд., 2003.
68. Усачёв Андрей. Сказочная история воздухоплавания. — М.: Росмэн-Пресс, 2003.
69. Усачёва Елена. Всадники проклятого леса. — М.: ЭКСМО, 2003.
70. Усачёва Елена. Корабль мертвецов. — М.: ЭКСМО, 2003.
71. Учаев Сергей. Зеркало чернокнижника. — М.: ЭКСМО, 2003.
72. Харитонов Марк. Учитель вранья. — М., НЛО, 2003.
73. Шах А. Домовенок и чудовище. — М.: Книги «Искателя», 2003.
74. Яхнин Леонид. Поющее дерево. — М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Содержание

РАССКАЗЫ

Алексей Корепанов. ДИСПЕТЧЕР	7
Евгений Лукин. ПЕРВЫЙ ОТВОРОТ	10
Евгений Лукин. ПРИВЕТ С ТОГО СВЕТА	19
Евгений Лукин. СЕДЬМОЙ КОЛ ИЗ ПЛЕТНЯ СУПОСТАТА	28
Владимир Васильев. СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ	34
Владимир Васильев. ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕПРУХИ	63
Юлий Буркин. ВОН! К ЗВЁЗДАМ!	86
Антон Первушин. ВЫСТУПЛЕНИЕ КОСМОНАВТА КОМАРОВА В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ	95
Олег Дивов. КОГДА НАЧНЕТСЯ МУЙНЯ	104
Олег Дивов. ДОТЯНУТЬ ДО ТОЧКИ ВСТРЕЧИ	113
Светлана Прокопчик. ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО ...	133
Владимир Михайлов. О СПОРТ, ТЫ... ..	158
Алексей Калугин. В САДУ	181
Ярослав Смирнов. ОТТУДА	195
Галина Полынская. СЕМЬЯ	207
Александр Тюрин. РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ? ...	218
Максим Дубровин. МЫСЛЕХРАНИТЕЛЬ	236
Леонид Каганов. ГОРШКИ И БОГИ	260

Сергей Лукьяненко. ОТ ГОЛУБЯ — К ГЕРКУЛЕСУ	286
Сергей Лукьяненко. НЕ СПЕШУ	292
Сергей Лукьяненко. ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИМЕРАХ ИЗ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	300

ПОВЕСТИ

Виталий Каплан. ИНОЙ СРЕДИ ИНЫХ	317
Павел Амнуэль. ВСЕ ДОЗВОЛЕНО	446

О ФАНТАСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Андрей Шмалько. НАКОНЕЦ-ТО ЛИТЕРАТУРА!	561
Дмитрий Володихин, Игорь Чёрный. AD MAJOREM FANTASTICA GLORIAM	574
Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын. В ОЖИДАНИИ ЕГО	611

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТИКОВЕДЕНИЕ ЗА 2003 г.	643
---	------------

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Воршавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2004. Выпуск 1

Рассказы, повести

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Компьютерная верстка: В.А. Смахов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Белова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-17-023537-2

9 785170 235377

Новый рассказ патриарха отечественной фантастики Владимира Дмитриевича Михайлова.

Новые произведения Евгения Лукина, Владимира Васильева, Сергея Лукьяненко.

Новое погружение в мир Дозоров — повесть Виталия Каплана «Иной среди Иных».

А также: Леонид Каганов, Олег Дивов, Юлий Буркин, Павел Амнуэль... и многие другие.

И конечно, обзоры отечественной фантастики за 2003 год.

Все это в новом выпуске альманаха «Фантастика»!